31761 08106859 5

Бюллетени литературы и жизни.

g. 4, no. 21-23/24

Title transliterated:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
8.4
No.21-23/24

ц. 20 к.

Bülleteni literatury i zhizni

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

9.4
№ 21.-23/24 Іюль. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

А.
50
5 0
9.4
по. 21-23/24

СОДЕРЖАНІЕ

1. Четвертое измѣреніе и религіозное міропониманіе 913
2. Царство Ритма 918
3. Индусскій поэтъ-мудрецъ Рабиндраната Тагоръ 923
4. Первый истинный „христіанинъ". („Генадамъ" Б. Демчинскаго) 924
5. Изъ стихотвореній нынѣшняго сезона. (А. Горностаевъ. С. Городецкій. М. Кузминъ. А. Росландевъ. И. Сѣверянинъ. М. Цвѣтаева. А. Черемновъ. М. Шагинянъ) 930
6. Изъ прошлаго. К. М. Фофановъ.—В. М. Соболевскій.—В. О. Ключевскій. 934
7. Грезы сѣрыхъ легіоновъ. (Хорошая жизнь въ представленіи нѣмецкаго рабочаго) 941
8. Идеи, образы и факты. (Вмѣсто хроники). Выступленіе нѣмецкой интеллигенціи противъ снятія пьесы Гауптмана.—Право на смерть.—Право родить и право не родить.—Охрана материнства и младенчества.—Дѣтскія души 946

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Книги, поступившія въ редакцію. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука". Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція".

МОСКВА.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1912 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца.

Задача журнала „Бюллетени Литературы и Жизни"—по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Все временное, скоропреходящее, хотя бы и сенсаціонное, но нехарактерное для жизни человѣческаго духа, журналомъ „Бюллетени" совершенно игнорируется, какъ ненужный балластъ, только затемняющій подлинное лицо жизни. Наоборотъ, изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ, главнымъ образомъ, то, что не носитъ характера случайности, а имѣетъ *длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ думу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.* Библіографическій отдѣлъ журнала „Бюллетени" представленъ въ такомъ, можно сказать, исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ общихъ журналовъ. Библіографія въ томъ видѣ, какъ она ведется въ „Бюллетеняхъ", необход. для самаго широкаго круга читателей

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.": „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ дѣйствительно новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами..." „Рус. Вѣд.": „Бюллетени" довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни"... „Бирж. Вѣд.": „По Бюллетенямъ хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія". „Новый Журналъ для Вс.": „Бюллетени" незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекоменд. книгъ. Всѣ интересующіеся книгой и журналомъ найдутъ въ нихъ полезное пособіе. „Рязанск. Вѣст.": „Бюллетени" умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журналѣ отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книжный рынокъ... Здѣсь читатель находитъ полный перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаніемъ ихъ, трактовки философскихъ и др. проблемъ, критическій разборъ литературныхъ новинокъ и т. п. Въ журналѣ сосредоточены всѣ новости нашей литературы, а это позволяетъ читателю постоянно быть въ курсѣ современныхъ исканій не только нашей русской, но и міровой мысли... Журналъ очень симпатично, сочувственно встрѣченъ отзывами современной

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 21 — Іюль 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 11 м.—2 р. 75 к.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Четвертое измѣреніе и религіозное міропониманіе.

Проблема четвертаго измѣренія давно уже перестала быть чѣмъ-то исключительнымъ, въ которомъ видѣли лишь игру ума досужаго фантазера или, въ лучшемъ случаѣ, излюбленное понятіе мистиковъ. Теперь вопросъ этотъ можно признать прочно обосновавшимся въ наукѣ. Сначала математика (представители „новой геометріи“, во главѣ съ нашимъ покойнымъ Лобачевскимъ), а потомъ и физика,—со времени принятія такъ назыв. принципа относительности,—ввели данную идею въ кругъ своихъ гипотезъ и задачъ.

Естественно было ожидать, что христіанскіе апологеты рано или поздно проявятъ живѣйшій интересъ къ *такой* научной проблемѣ: это именно одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ религіозное созерцаніе можетъ всего ближе подойти къ научной мысли—искать родственныхъ связей съ ней. Подобныя попытки уже сдѣланы за границей (см., напр., Шоффильдъ. „Иной міръ или четырехмѣрное пространство“), дѣлаются и у насъ, и вотъ картина заповѣднаго „четырехмѣрнаго міра“ получаетъ все новое и новое, все болѣе яркое освѣщеніе.

Вторая половина статьи проф.-прот. Іакова Галахова „Значеніе физики и математики въ вопросахъ религіозно-философскаго порядка“ въ харьковскомъ богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (№ 10) какъ разъ отвѣчаетъ затронутой нами темѣ. Не лишне, пожалуй, сдѣлать предварительную оговорку. Авторъ цитируемой далѣе статьи, надо помнить, не только *профессоръ*, но и *протоіерей*. Ученый въ немъ тѣсно связанъ съ богословомъ-церковникомъ, профессоръ съ профессіоналомъ... И поэтому, конечно, нельзя ожидать, чтобы онъ всегда разсуждалъ какъ *свободный* мыслитель,—именно свободный отъ узко догматической точки зрѣнія.

„Мы привыкли,—пишетъ авторъ, — видѣть въ мірѣ всѣ матеріальныя формы предметовъ только въ трехъ измѣреніяхъ. Но неужели все въ мірѣ ограничивается только этими формами? Развѣ не могутъ быть существа или предметы въ четырехъ измѣреніяхъ? Математика доказываетъ, что могутъ быть и должны быть. Она—наука точная, только съ помощью математическихъ знаній и вычисленій сдѣланы всѣ научныя открытія въ области астрономіи, физики и химіи. Между тѣмъ, она начинаетъ и кончаетъ положеніями, фактами и утвержденіями, не имѣющими ничего общаго съ дѣйствительностью, т.-е. съ тѣмъ, что мы привыкли называть міромъ реальныхъ вещей.

1) Математика оперируетъ прежде всего съ *точкою*, имѣющею нуль измѣренія по всѣмъ направленіямъ. Точка представляется какъ нѣчто, не имѣющее размѣровъ, величины и частей, — ничего количественнаго. Вообразимъ себѣ существо, живущее въ мірѣ точки. Каковы должны быть его міросозерцаніе, представленія, ощущенія? Оно знаетъ только само себя и считаетъ себя единственнымъ существомъ въ мірѣ. Оно не знаетъ ни длины, ни ширины, ни высоты. Оно все и ничто, оно что думаетъ, то и выражаетъ, а что выражаетъ, то и слышитъ. Оно есть само и мыслитель и ораторъ и слушатель: оно все во всемъ. Такимъ образомъ, чистая геометрія начинаетъ нулемъ и, тѣмъ не менѣе, обращается съ нимъ, какъ съ реальнымъ фактомъ. Для нея міръ точки такъ же реальный міръ, какъ и міръ одного, двухъ и трехъ измѣреній.

2) Движеніе точки въ любомъ прямомъ направленіи дастъ *линію*. Каждая прямая линія состоитъ изъ безконечнаго множества точекъ, точкою начинается и точкою же оканчивается, имѣетъ движеніе только взадъ и впередъ,

имѣетъ только одно измѣреніе въ длину. Въ мірѣ линій не существуетъ отклоненій ни вправо, ни влѣво, ни вверхъ, ни внизъ. Если бы мы могли вообразить себѣ существа, живущія въ царствѣ прямой линіи, насъ должно было бы поразить убожество ихъ кругозора. Они не могутъ имѣть ни малѣйшаго представленія объ областяхъ внѣ прямой линіи. Для нихъ не существуетъ ни правой стороны, ни лѣвой, ни верха, ни низа, ни пола, ни крыши. Все пространство заключено, по ихъ представленію, въ одну прямую линію, по которой они двигаются впередъ и назадъ. Все, что они въ состояніи видѣть, заключено въ одну точку, и все, что выходитъ за предѣлы этой точки, для нихъ абсолютно не существуетъ. Если бы на нихъ напалъ врагъ спереди или сзади, они могли бы его увидѣть, потому что ихъ глаза расположены на крайнихъ точкахъ прямой. Но если бы врагу вздумалось напасть на нихъ сбоку, слѣва или справа, сверху или снизу, они не могли бы его отразить. Больше того, они никогда не повѣрили бы въ существованіе такихъ враговъ, потому что всѣ разсказы о нихъ были бы выше ихъ разумѣнія, ихъ міропредставленія, ограниченнаго одной прямой.

И несмотря на все убожество линейнаго кругозора, въ геометріи міръ линій имѣетъ въ высокой степени важное значеніе. Онъ даетъ начало плоскостямъ и плоскимъ фигурамъ. Только чрезъ царство одного измѣренія математикъ можетъ вступить въ царство двухъ измѣреній.

3) Послѣдуемъ за нимъ въ это плоское царство. По сравненію съ предыдущимъ оно имѣетъ огромное преимущество, ибо измѣряется не въ длину только, но въ длину и ширину. Движимыя рукою геометра справа налѣво и слѣва направо, прямыя линіи образуютъ множество причудливыхъ очертаній и плоскихъ фигуръ: треугольниковъ, квадратовъ, круговъ. Но мы допустили бы большую ошибку, если бы вообразили, что фигуры плоскаго міра вполнѣ реальны. При всѣхъ ихъ преимуществахъ по сравненію съ прямыми линіями, они все же остаются ни болѣе ни менѣе какъ математическими величинами, или геометрическими фигурами, а не реальными предметами, какими считаются тѣла. Имъ не хватаетъ еще одного измѣренія въ *высоту* (или глубину, или толщину), чтобы получить реальность вещей матеріальнаго міра. Если бы въ такомъ плоскомъ мірѣ могли жить существа двухъ измѣреній, ихъ убѣжденія казались бы намъ тоже очень странными. Живя въ своихъ плоскихъ треугольникахъ и др. фигурахъ, они имѣли бы стѣны въ видѣ прямыхъ линій и двери съ окнами въ видѣ перерыва между этими линіями. Но крышъ у нихъ нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ *высоты* домовъ. Мало того. Глаза обитателей этого двухмѣрнаго пространства не видѣли бы даже фигуръ сосѣднихъ домовъ, а видѣли бы только прямыя линіи. Чтобы видѣть сочетаніе угловъ и линій, дающее очертанія фигуръ, надо быть выше плоскости, или ниже ея, что для подобныхъ существъ немыслимо. Для нихъ не существуютъ понятія *вверху*, или *внизу*, они знаютъ только страны свѣта—сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Имѣя полную возможность видѣть опасность со всѣхъ четырехъ сторонъ, они остаются совершенно неосвѣдомленными объ опасностяхъ сверху и снизу. То, что мы называемъ тѣломъ, для нихъ не существуетъ. Если бы какой-нибудь предметъ изъ міра трехъ измѣреній явился существу двухъ измѣреній, то послѣдній могъ бы увидѣть его только въ сферѣ сѣченія своей плоскости, и непремѣнно въ видѣ линіи, имѣющей фигуру круга, квадрата, треугольника и т. п., но никакъ не въ видѣ тѣла, т.-е. шара или куба. Поэтому существа двухмѣрнаго пространства могутъ судить о существованіи тѣлъ только предположительно, какъ о возможности, или въ качествѣ гипотезы, провѣрить которую не имѣютъ средствъ.

Зная, что прямая линія въ три дюйма длиною, двигаясь параллельно самой себѣ, образуетъ квадратъ, имѣющій три дюйма по всѣмъ направленіямъ, который они обозначаютъ черезъ 3^2, они могутъ предположить, что и квадратъ, двигаясь параллельно самому себѣ, долженъ образовать что-то другое, для нихъ невѣдомое, долженъ указать какое-то третье направленіе, кромѣ длины и ширины, обозначаемое черезъ 3^3 (X^3). Но это будетъ только предположеніемъ, потому что жители плоскаго міра провѣрить на опытѣ этого не могутъ и не знаютъ, какъ произвести третье измѣреніе".

Другіе изслѣдователи вопроса даютъ намъ о „жителяхъ" двухмѣрнаго міра болѣе наглядныя и точныя представленія. Въ извѣстной нашимъ читателямъ по предыдущему номеру книгѣ А. А. Суворина „Новый человѣкъ", въ главѣ „Сверхсозваніе", читаемъ:

„Чтобы дать вамъ почувствовать, что такое четвертое измѣреніе, я не могу найти способъ лучшій, чѣмъ пріемъ, употребленный Н. А. Морозовымъ для того же: представьте себѣ ощущенія двухмѣрнаго существа, и вы поймете, какими свойствами будетъ отличаться отъ человѣка трехмѣрнаго существо четырехмѣрное.

Для двухмѣрнаго существа существуютъ только два измѣренія—длина и ширина.

Вообразите передъ собою поверхность озера—тончайшій слой этой поверхности и въ немъ живыя существа. Эти существа бродятъ какъ тѣни въ слоѣ озерной поверхности, и вотъ въ озеро вошелъ человѣкъ,—вошелъ до колѣнъ. Двухмѣрныя существа въ слоѣ озерной поверхности не видятъ ни того, что выше поверхности озера, ни того, что ниже ея. Отъ всего человѣка они видятъ лишь, что въ ихъ сферѣ явились два кружка, которыми ноги человѣка пересѣкли поверхность озера. Эти кружки они видятъ въ проэкціи, т.-е. какъ линіи—двѣ прямыхъ линіи.

Но вотъ человѣкъ вошелъ въ воду по поясъ — двѣ линіи слились въ одну—непонятнымъ, чудеснымъ образомъ! Человѣкъ опустилъ въ воду рядомъ руку—опять чудесное появленіе новой линіи. Человѣкъ поднялъ руку такъ, что въ водѣ остались только концы пяти его пальцевъ—опять чудо: изъ одной линіи вдругъ образовалось пять маленькихъ! Все чудо и чудо! Но если бы это двухмѣрное существо только подвялось надъ поверхностью озера и взглянуло на нее глазами трехмѣрнаго существа—оно увидѣло бы, что чуда никакого не происходитъ, а просто купается человѣкъ, который имѣетъ видъ вовсе не линій, а округлаго и плотнаго тѣла!

Представьте себѣ, что передъ глазами того же двухмѣрнаго существа въ воду опущены доска и цилиндръ такой же ширины, какъ и доска. И то, и другое оно будетъ видѣть какъ линію, но должна быть и разница: вѣдь одна линія будетъ прямая (доска), а другая—выгнутая (цилиндръ). П. Д. Успенскій въ „Tertium Organum“ очень остроумно заключаетъ, что разница будетъ состоять въ томъ, что прямая линія доски покажется двухмѣрному существу—неподвижной линіей, а линія выгнутая (цилиндръ)—линіей *движущейся* къ концамъ *).

Вы видите, въ какой жалкой слѣпотѣ живетъ двухмѣрное существо: вмѣсто человѣка оно видитъ линіи, поражается ежеминутно чудесами, хотя чудесъ никакихъ нѣтъ, стоячіе предметы видитъ движущимися и пр. и пр.!

Такими же слѣпцами будемъ и мы, трехмѣрныя существа, по отношенію къ міру четырехмѣрному. Чудесное для насъ отсюда—„тамъ“ имѣетъ видъ очень простой. То, что здѣсь намъ кажется движеніемъ, „тамъ“ можетъ на движеніе походить такъ же мало, какъ выпуклая сторона неподвижно стоящаго цилиндра!“

Теперь вернемся къ проф.-прот. Галахову

„Все, что касается міра трехъ измѣреній, для жителей плоскаго міра будетъ казаться сверхъестественнымъ и непостижимымъ. Всѣхъ проповѣдниковъ объ этомъ мірѣ они будутъ считать опасными утопистами и мистификаторами, которые напрасно волнуютъ народные умы разными бреднями и разсказами объ откровеніяхъ съ того свѣта. И тѣмъ не менѣе, трехмѣрное пространство существуетъ; въ немъ мы обитаемъ.

Понятно, почему для насъ, живущихъ въ мірѣ трехъ измѣреній, все, что происходитъ въ мірѣ одномѣрномъ (въ линіи) и двухмѣрномъ (въ плоскости), представляется въ ясномъ видѣ. Мы прекрасно видимъ внутренность плоскихъ фигуръ, ихъ очертанія, линіи, углы, точки. Въ то же самое время, находясь вверху, или внизу плоскости, мы остаемся невидимыми для воображаемыхъ существъ плоскаго міра до тѣхъ поръ, пока не попадемъ въ линію плоскости. Поэтому наше появленіе тамъ и исчезновеніе должно представляться для нихъ чудеснымъ, необъяснимымъ. Нашъ голосъ они будутъ принимать за голосъ, раздающійся изъ ихъ собственнаго внутренняго міра (въ томъ же смыслѣ, въ какомъ является для насъ голосъ собственной совѣсти), но отнюдь не изъ пространства. Ибо волнообразнаго колебанія звуковыхъ волнъ, идущихъ по всѣмъ направленіямъ, они воспринимать не могутъ.

Является вопросъ. Можемъ ли мы, зная о преимуществахъ трехмѣрнаго пространства, предположить о существованіи пространства четырехъ измѣреній, объ X^4? Для представителя чистой математики такое допущеніе вполнѣ возможно, при чемъ для опредѣленія отношенія четырехмѣрнаго пространства къ нашему трехмѣрному необходимо найти аналогію въ отношеніяхъ трехмѣрнаго пространства къ двухмѣрному. Если для представителя двухмѣрнаго пространства всѣ предметы трехмѣрнаго должны являться своего рода совершенствомъ, то, продолжая аналогію, можно думать, что и предметы четырехмѣрнаго царства должны быть совершенствомъ по сравненію съ нашими тѣлами трехъ измѣреній. Если мы безъ труда видимъ все, что происходитъ внутри плоскости, и самая плоскость содержится въ любомъ изъ тѣлъ, то ясно, что изъ пространства четырехъ измѣреній будетъ ясно видна внутренность нашихъ предметовъ и насъ самихъ. И насколько близокъ міръ тѣлъ къ міру плоскости, настолько близки должны быть

*) При условіи приближенія къ ней или удаленія отъ нея.

четырехмѣрныя тѣла къ міру реальныхъ вещей. Міръ четырехмѣрный долженъ обнимать и заключать въ себѣ міръ трехмѣрный точно такъ же, какъ этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ міръ плоскихъ фигуръ двухъ измѣреній. При этомъ разсужденія чистаго математика касательно пространства высшаго, четырехмѣрнаго порядка весьма логичны и опираются на цѣлый рядъ слѣдующихъ аналогій: 1) Въ одномъ измѣреніи движущаяся точка образуетъ линію съ двумя конечными точками. 2) Въ двухъ измѣреніяхъ движущаяся линія образуетъ квадратъ съ четырьмя конечными точками. 3) Въ трехъ измѣреніяхъ движущійся квадратъ образуетъ кубъ съ восемью конечными точками. 4) Въ четырехъ измѣреніяхъ по аналогіи и вслѣдствіе непрерывности явленій въ природѣ, движеніе куба должно производить еще высшее существо или предметъ съ шестнадцатью конечными точками. Такимъ образомъ, для математика болѣе чѣмъ вѣроятно существованіе высшаго міра, вдвое превосходящаго нашъ своими свойствами, и не исключена возможность существованія еще высшихъ міровъ пятимѣрнаго, шестимѣрнаго и т. д. Во всякомъ случаѣ, получающіяся путемъ такой аналогіи цифры конечныхъ точекъ 2, 4, 8, 16... строго соотвѣтствуютъ ряду членовъ геометрической прогрессіи.

На основаніи всего вышесказаннаго для математика не представляетъ большихъ затрудненій выяснить и тѣ отношенія, которыя должны быть между существами разныхъ измѣреній. Отношенія существъ высшаго измѣренія, (напр., 4-мѣрнаго) къ существамъ низшаго (трехмѣрнаго) могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ.

Существа высшаго міра могутъ входить въ низшій, появляться въ немъ и исчезать. Они могутъ быть очень близко къ существамъ низшаго міра и быть совершенно невидимыми, пока не войдутъ въ сферу низшаго міра. Когда существо высшаго міра входитъ въ міръ низшій, оно принимаетъ формы этого міра. Для существа высшаго измѣренія нѣтъ никакихъ тайнъ въ мірѣ низшаго порядка. Его голосъ, раздающійся въ его собственномъ пространствѣ, существу низшему кажется внутреннимъ голосомъ сознанія.

Обратныя отношенія существъ низшихъ къ высшимъ могутъ быть выражены такъ.

Постиженіе высшаго существа совершается безъ особыхъ затрудненій математическимъ путемъ, но конкретныя представленія о немъ и его опредѣленіе путемъ внѣшняго опыта невозможны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда высшія существа появляются въ низшемъ мірѣ, они всегда принимаютъ образъ обитателей низшаго міра. Послѣдніе не имѣютъ возможности собственными силами покинуть свой міръ; но будучи перенесены существами высшими въ міръ высшій, они сразу постигаютъ истинную сущность предметовъ и свойства существъ своего измѣренія. Что же касается свойствъ высшихъ существъ, то низшія существа могутъ понять ихъ только послѣ тщательнаго наблюденія, изученія, но передать свои наблюденія существамъ своего порядка они не могутъ, не могутъ ни описать ихъ, ни изобразить чертежомъ. Во всякомъ случаѣ, всякія попытки понять высшее измѣреніе безъ посѣщенія его совершенно безполезны. Существо низшаго порядка могло бы перейти къ высшему измѣренію въ томъ лишь случаѣ, если бы получило способность смотрѣть внутрь самого себя.

Представляется излишнимъ доказывать важность указанныхъ выводовъ высшей (чистой) геометріи для религіознаго ученія о бытіи міра высшаго, духовнаго и объ отношеніи между нимъ и нашимъ реальнымъ міромъ. Прежде всего, поразительнымъ образомъ подтверждается всеобщее человѣческое вѣрованіе въ существованіе иного, высшаго міра, наполненнаго существами, обладающими высшими качествами, нежели человѣкъ. Подтверждается не менѣе распространенное убѣжденіе въ томъ, что между людьми и міромъ высшихъ духовныхъ существъ происходитъ постоянное взаимообщеніе, при чемъ существа высшаго міра управляютъ нашимъ, оказываютъ на него вліяніе болѣе могущественное, чѣмъ законы природы. Подтверждается вѣра христіанская въ общеніе съ міромъ духовнымъ, въ сверхъестественное открытіе, въ таинство, чудеса.

Заслуживаетъ вниманія аналогичность основъ математики и религіи. Основныя положенія религіи требуютъ вѣры, довѣрія къ высшему авторитету безъ всякаго опытнаго доказательства и провѣрки. Всѣ основныя положенія математики также требуютъ вѣры и только вѣры. Бытіе математической точки, не имѣющей измѣреній,— не реальное бытіе. Когда математика говоритъ о линіи, какъ о предметѣ одного измѣренія, она говоритъ опять же о предметѣ абстрактномъ, потому что линіи, не имѣющей хотя бы малой доли ширины и толщины, въ дѣйствительности нѣтъ. Когда та же математика имѣетъ дѣло съ плоскостью, предметомъ двухъ измѣреній, она оперируетъ опять же съ фикціей, потому что реальнаго предмета безъ третьяго измѣренія въ высоту нѣтъ. И несмотря на абстрактность основныхъ положеній математики, всѣ ея выводы и построенія въ

высокой степени точны. Ея формулами, уравненіями и т. д. пользуются всѣ положительныя науки, начиная съ астрономіи и физики. Благодаря ей мы твердо знаемъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, соотношеніе между различными силами природы, скорость свѣта, звука; къ ея помощи прибѣгаетъ химія для обозначенія извѣстныхъ реакцій. Безъ математики немыслима механика и технологія... Всѣ знанія человѣческія основаны на математикѣ. Требуя вѣры, она даетъ знаніе и приводитъ къ истинѣ. Также и религія. И она утверждаетъ, что сначала необходима вѣра, потомъ знаніе. Вѣра создаетъ увѣренность: предметы духовные и отвлеченные дѣлаетъ реальными, даетъ имъ плоть и кровь.

Для математики нѣтъ ничего невозможнаго въ допущеніи бытія высшаго, невещественнаго міра. Она оперируетъ съ невещественными предметами одного и двухъ измѣреній (линіей и плоскостью) и достигаетъ реальныхъ результатовъ. Съ такою же смѣлостью она допускаетъ четырехмѣрное пространство, опредѣляетъ вѣроятные законы, господствующіе въ немъ, допускаетъ существованіе обитателей въ четырехмѣрномъ мірѣ, и по аналогіи съ вещами одного и двухъ измѣреній судитъ объ отношеніяхъ реальнаго міра къ міру высшему, четырехмѣрному.

Мы уже указали выше, каковы должны быть взаимныя отношенія между обитателями разныхъ міровъ съ точки зрѣнія чистой математики. Обратимся къ фактамъ изъ Библіи. Они настолько извѣстны, что говорятъ сами за себя яснѣе всякихъ доказательствъ. Явленіе ангеловъ и даже самого Бога въ образѣ человѣка; видѣнія умершихъ во снѣ и на яву; поразительный случай съ невидимой рукою, начертавшей роковыя слова на стѣнѣ во время Валтасарова пира; разсказъ объ Иліи въ Энохѣ, внезапно переселившихся изъ этого міра, свидѣтельство Ап. Павла о томъ, какъ онъ былъ восхищенъ въ высшій міръ, гдѣ онъ видѣлъ и слышалъ многое, чего впослѣдствіи не могъ ни описать, ни разсказать языкомъ человѣческимъ. Таковы библейскіе факты изъ отношеній міра высшаго къ низшему.

И обратныя отношенія Библія изображаетъ не менѣе ярко и опредѣленно. Познаніе высшаго міра недоступно нашимъ внѣшнимъ чувствамъ: „не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, и не приходило на сердце того, что уготовано человѣку (Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 7—9). Единственно возможный способъ къ этому познанію открывается не изученіемъ, а „новымъ рожденіемъ“. По слову Спасителя, человѣкъ долженъ родиться свыше, чтобы войти въ царство небесное, подобно тому какъ въ этотъ земной міръ мы входимъ путемъ рожденія. Проникновеніе въ міръ высшій возможно, но только черезъ особое озареніе Св. Духа, просвѣщающее наши внутреннія очи, очи сердца, ибо о вещахъ духовныхъ подобно судить духовно. (1 Кор. 2, 1, 10—14; Ефес. 1, 18). Обыкновенному человѣческому мышленію, привыкшему къ вещамъ міра трехъ измѣреній и къ познанію только этихъ вещей, кажутся непонятными и нелѣпыми предметы міра духовнаго. Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божья, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ. Для этого нужно имѣть умъ Христовъ (1 Кор. 2, 14—16).

На основаніи аналогіи съ міромъ различныхъ измѣреній, всѣ истины христіанскаго ученія дѣлаются яснѣе, языкъ откровенія понятнѣе и самыя откровенныя тайны принимаютъ характеръ очевидности...

Для воображаемаго существа, живущаго въ мірѣ двухъ измѣреній, самая мысль о высотѣ была бы немыслима и невозможна. Но къ человѣку это не вполнѣ примѣнимо. Мы до нѣкоторой степени можемъ понять существованіе высшаго міра помимо откровенія. Это происходитъ отъ того, что мы нѣчто большее, чѣмъ простыя формы трехъ измѣреній.

Если бы мы были трехмѣрны, то въ человѣчествѣ не было бы понятія о другомъ мірѣ. Самая идея объ этомъ была бы невозможна, какъ она невозможна для животнаго. Но въ насъ существуетъ часть, созданная по образу Божію. Она даетъ намъ возможность интуитивно проникать въ высшія сферы. Но только интуитивно. Человѣкъ привыкъ своимъ умомъ размышлять о вещахъ больше всего матеріальныхъ. Мудрость сыновъ вѣка сего не способна возвыситься надъ вещами трехъ измѣреній. Неудивительно, что отвергая интуитивный характеръ познаванія, люди называютъ безуміемъ ученіе о безсмертіи, воскресеніи мертвыхъ, о мірѣ духовъ и о всемъ, что служитъ содержаніемъ христіанства. Между тѣмъ, для христіанъ должно быть понятно, какимъ образомъ высшій міръ находится съ нами и въ насъ. Телескопъ можетъ раздвигать предѣлы матеріальнаго міра до какихъ угодно предѣловъ,— но это не мѣшаетъ духовному міру быть съ нами. Для христіанскаго сознанія ясно, что не духовный міръ занимаетъ мѣсто въ матеріальномъ, а матеріальный, какъ бы онъ ни былъ великъ, содержится въ духовномъ, какъ меньшее въ большемъ. Но самой природѣ вещей человѣку невозможно указать направленіе, въ которомъ находится этотъ таинственный духовный міръ“.

Царство Ритма.

Какъ часто приходится слышать, что земля— это по преимуществу юдоль страданій, скорби и плача! Врядъ ли найдется человѣкъ, который самъ не убѣждался бы въ этомъ десятки и сотни разъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Точно ли наша земля — юдоль скорби?

Физика учитъ насъ, что дѣйствіе равно противодѣйствію; мы знаемъ, что во вселенной нѣтъ такого проявленія кинетической энергіи, которое не побѣждало бы равнаго себѣ сопротивленія, нѣтъ такого запаса энергіи потенціальной, которому не соотвѣтствовалъ бы равный запасъ потенціальнаго сопротивленія, иначе говоря—энергіи съ обратнымъ знакомъ. Кромѣ того, оставаясь неизмѣнной количественно, энергія міра движетъ мірами и атомами, вѣчно претворяясь лишь качественно. Вѣчно сокрушая, она родитъ, и, рождая, сокрушаетъ волну встрѣчной, противоположной энергіи. Это—космическій законъ, это—законъ бытія. Но что же такое наши ощущенія, наши мысли и чувства, какъ не виды тончайшей, вѣчно претворяющейся энергіи? А разъ это такъ, значитъ зла не можетъ быть больше чѣмъ добра, горя больше чѣмъ радости и слезъ больше чѣмъ смѣха! Только въ равныхъ количествахъ они могутъ существовать, такъ какъ внѣ этого условія они, какъ нѣкій видъ энергіи, не могли бы существовать совсѣмъ! „Le mal est l'unique raison d'être du bien“, говоритъ Ан. Франсъ—„Зло есть единственная причина существованія добра“. То же можно сказать и обратно, добавивъ къ слову „единственная“ еще слово „неизбѣжная“. Неизбѣжно зло родитъ добро и добро—зло. Неизбѣжно на каждый смѣхъ кто-нибудь въ мірѣ откликнется плачемъ, и каждая слеза окупится чьей-нибудь радостью!

Да, но что же утѣшительнаго въ томъ, что этотъ „законъ равновѣсія“ непреложенъ для міра, если онъ не оправдывается въ насъ самихъ? Что намъ до того, что отвѣтная волна довольства и радости, компенсирующая міру наши страданія, вскинется гдѣ-нибудь далеко-далеко отъ нашей планеты, за предѣлами извѣстныхъ намъ міровъ. И, наконецъ, радость и страданіе существуютъ на землѣ не исключительно для человѣка. Что отраднаго въ томъ, что за счетъ нашихъ слезъ будутъ радоваться какая-нибудь тля травяная, ядовитая кобра или шакалъ? Гдѣ же тутъ моральное равновѣсіе?

Недавно появившіяся въ печати работы Скаловскаго „Микрокосмосъ и Макрокосмосъ“, Рамачаракп „Наука о дыханіи іоговъ“ и Г. Поляка „Симметрія и ритмъ“ („Вѣсти. Теос.“, ноябрь 1912 г.) даютъ обстоятельные отвѣты на всѣ эти недоумѣнные вопросы и выясняютъ ихъ полную несостоятельность.

Всѣ перечисленные авторы утверждаютъ, что все непреложное для макрокосмоса непреложно и для микрокосмоса. Великій законъ двойственности (который обусловливаетъ другой законъ — Единства) проникаетъ всю вселенную, выявляясь въ ритмѣ и симметріи. (Симметрія родная сестра ритма—зафиксированный ритмъ, разрѣзъ или моментальная фотографія ритма). Эти два близнеца поистинѣ проникаютъ всѣ вещи, всѣ явленія, всякую „жизнь“, въ томъ числѣ и жизнь человѣка. Посмотримъ, что пишетъ по этому поводу Скаловскій.

Безконечная смѣна процессовъ разрушенія и возсозданія живой матеріи, смѣна, протекающая то съ изумительной быстротой, то съ нѣкоторой медлительностью, въ зависимости отъ характера біологическихъ реакцій, создаетъ всюду проникающую періодичность, создаетъ ритмы жизнедѣятельныхъ проявленій. Ритмичность не ограничивается процессами химическими, она простирается на всѣ физіологическія функціи. Общеизвѣстна періодическая дѣятельность сердца и дыхательныхъ мышцъ. Дьяковъ недавно констатировалъ ритмъ въ скорости кровообращенія. Менструація является сложнымъ ритмическимъ движеніемъ съ большимъ періодомъ созрѣванія. Колларитъ обнаружилъ ритмическое колебаніе всѣхъ отдѣловъ конечностей у здороваго человѣка. У больныхъ происходитъ извращеніе ритма, число колебаній въ конечностяхъ больныхъ меньше, періодъ растягивается.

Вся нервная и психическая дѣятельность организована ритмически. Въ нашей нервной системѣ, говоритъ Бехтеревъ, процессы угнетенія или задержки постоянно дополняются и чередуются съ процессами возбужденія. Дѣятельность центра вообще представляется ритмической. Нервные центры обладаютъ особымъ ритмомъ возбужденія, въ который перерабатываются всѣ вообще раздраженія, притекающія къ нимъ съ периферіи, какимъ бы ритмомъ они ни характеризовались. Ритмъ возбужденія является результатомъ дѣятельнаго состоянія, динамизма нервныхъ клѣтокъ, обусловленнаго накопленіемъ въ нихъ энергіи. Центральная нервная система регулируетъ ритмику всѣхъ физіологическихъ функцій. Нормальное состояніе дѣятельности нервныхъ центровъ Бехтеревъ представляетъ себѣ въ видѣ нѣкоторой извѣстной средней величины, между крайнимъ напряженіемъ ихъ энергіи и полнымъ ихъ истощеніемъ.

Ритмичны также всѣ совершающіеся внутри насъ психическіе процессы. Душевная жизнь организована по типу безчисленныхъ ритмовъ съ большими и малыми періодами нарастанія. Смѣны бодрствованія и сна, смѣны напряженности и апатіи, смѣны настроеній и влеченій и т. д. настолько вошли въ обиходъ душевной жизни, что не обращаютъ на себя вниманія. Большинство нормальныхъ людей не ощущаютъ субъективно своего психическаго ритма, какъ не замѣчаютъ біенія сердца, работы дыхательныхъ мышцъ и т. д. Ритмъ не достигаетъ порога сознанія, который слишкомъ высокъ для нормальной интенсивности ритма.

Но еще гораздо подробнѣе сущность и значеніе ритма въ природѣ и человѣкѣ выясняется въ статьѣ Г. Поляка. Не ограничиваясь однимъ констатированіемъ ритма въ нашемъ существѣ, она намѣчаетъ и дальнѣйшую эволюцію этого ритма-симметріи. Эта эволюція заключается въ томъ, что путемъ синтеза двухъ противоположныхъ началъ (энергій) человѣкъ переходитъ отъ примитивныхъ и грубыхъ вибрацій къ болѣе и болѣе тонкимъ и совершеннымъ ритмамъ. Но, что самое главное, статья Поляка указываетъ, что всѣ многообразные ритмы, пульсирующіе во вселенной, разнясь по силѣ, по амплитудѣ колебанія, по богатству и сложности тона, такъ сказать, разнясь по индивидуальности, должны звучать согласно, сливаясь въ общемъ, мощномъ ритмѣ Космоса, какъ инструменты оркестра, изъ которыхъ каждый ведя свою партію, даютъ тѣмъ не менѣе единое музыкальное цѣлое. Но обратимся къ самой статьѣ.

Симметрію мы находимъ во всѣхъ наукахъ,—говоритъ Г. Поляк.—Въ математикѣ противоположеніе сложенія и вычитанія, умноженія и дѣленія положительныхъ и отрицательныхъ величинъ; симметрія геометрическихъ фигуръ и алгебраическихъ формулъ, двойственность методовъ аналитической геометріи противоположность дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій; все это примѣры существующей симметріи.

Механика насъ учитъ, что дѣйствіе силы всегда сопровождается противодѣйствіемъ, равнымъ или иначе—симметричнымъ силѣ. Силы центробѣжная и центростремительная противополагаются другъ другу симметрично.

Минералогія намъ показываетъ, что кристаллическія формы одарены симметріей и кромѣ того многіе кристаллы стремятся къ большей еще симметріи, чѣмъ та, которой уже обладаютъ. Химія намъ даетъ формулы соединеній, также симметричныхъ или же симметрично противоположныхъ другъ другу. Но наука вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ и все значеніе ритма — этой динамической формы симметріи. Всѣ силы, которыя изучаются физикой — звукъ, теплота, свѣтъ, электричество и т. д. — ни что иное, какъ необыкновенно быстрыя ритмическія колебанія опредѣленной среды воздуха или эфира. Химія разоблачаетъ предъ нами еще одинъ ритмъ, но необычайно на этотъ разъ медленный, а именно: свойства простыхъ тѣлъ происходятъ отъ періодическаго измѣненія ихъ атомнаго вѣса и такимъ образомъ усиливаются и ослабѣваютъ, слѣдуя опредѣленному ритму. Согласно опредѣленному ритму планеты описываютъ свои орбиты вокругъ солнца; согласно опредѣленному ритму происходятъ великія событія: война и миръ, изобиліе и голодъ, полосы бѣдствій и благоденствія. Согласно опредѣленному ритму слѣдуетъ геологическіе періоды, чередуются космическіе дѣятельность и отдыхъ. Изученіе искусства приводитъ насъ къ тѣмъ же заключеніямъ: симметрія и ритмъ составляютъ творческій законъ красоты. Однимъ словомъ, весь міръ проникнутъ симметріей и ритмомъ.

И апріори это такъ и должно быть: только благодаря раздѣленію въ симметричную двойственность — единство можетъ проявить себя во всемъ. Это есть невзреченное Сознаніе, проявляющее себя въ двухъ аспектахъ — Духа и Матеріи. Это скрытая сила, какъ противоположность въ положительномъ и отрицательномъ электричествѣ, это потенціальная жизнь, осуществляющаяся дѣленіемъ клѣточки-матери на двѣ клѣточки-дочери, симметрично противоположныя. Что касается ритма — послѣдній является лишь заключеніемъ закона сохраненія энергіи и потому долженъ обладать всѣми свойствами постоянства и нездѣсущности. Такимъ образомъ, если симметрія и ритмъ составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы основу вселенной, то они должны играть ту же роль и въ строеніи человѣка. Такъ это и есть. Чувства наши — ритмическія вибраціи необычайно тонкаго эфира; мысли наши—ритмы еще тончайшаго эфира.

Когда ораторъ увлекаетъ насъ силой своего слова, заставляетъ насъ думать вмѣстѣ съ нимъ и согласно съ собой, онъ буквально заставляетъ насъ вибрировать въ унисонъ себѣ; онъ будитъ въ нашихъ мозговыхъ клѣточкахъ и въ нашемъ ментальномъ тѣлѣ тѣ вибраціи, которыя однородны съ его вибраціями. Въ насъ существуетъ возможность вибрацій безконечно болѣе быстрыхъ, чѣмъ вибраціи нашего разсудка, и успѣхи нашей эволюціи постепенно ихъ проявятъ. Но съ другой стороны, мы представляемъ собой совокупность и необы-

чайно медленныхъ ритмовъ: періодическое чередованіе расширенія и сокращенія дыхательной клѣтки, позволяющее легкимъ вдыхать чистый воздухъ и выдыхать испорченный; послѣдовательныя сжиманіе и расширеніе сердца при его біеніи, управляющія кровообращеніемъ; правильная послѣдовательность сна и бодрствованія, дѣятельности и отдыха—вотъ характерные примѣры такихъ ритмовъ. Наряду съ нимъ сколько еще такихъ, о существованіи которыхъ мы не подозрѣваемъ и полнообразная дѣятельность которыхъ намъ еще не извѣстна: чередованіе просвѣтлѣнія и затемнѣнія разсудка, энтузіазма и упадка силъ, радости и печали, желанія и отвращенія, чистоты и чувственности; всѣ эти ритмы встрѣчаются, скрещиваются, перепутываются другъ съ другомъ и производятъ иллюзію постояннаго теченія жизни, чувствъ и мыслей.

Что касается симметріи, она явно проявляетъ себя во внѣшнемъ строеніи нашего физическаго тѣла. По утвержденію ясновидящихъ и остальныя оболочки нашего сознанія — тѣла: астральное, ментальное и т. д. также одарены симметріей.

Наконецъ и въ области чувствъ, говоритъ Полякъ, мы также симметричное цѣлое. Развѣ насъ не разрываютъ противоположныя желанія, противоположныя наклонности, противоположныя душевныя состоянія? И наши страданія самыя острыя, и самыя глубокія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя тайныя, не происходятъ ли они отъ той борьбы, которую ведутъ между собой эти братья-враги? Какъ замѣнить покоемъ эти волненія, отдыхомъ эту безпорядочную подвижность и вмѣстѣ съ тѣмъ подвинуться хотя на одинъ шагъ на пути къ эволюціи? Достигнемъ ли мы этого, если измѣнимъ природу противорѣчивыхъ стремленій, уничтожая тѣ изъ нихъ, которыя намъ кажутся дурными и развивая хорошія? Въ большинствѣ случаевъ это была бы плохая работа. Уничтожая силы—плоды длиннаго ряда прежнихъ опытовъ, мы упраздняемъ средства проявленія дѣятельности и уменьшаемъ себя. И къ тому же въ общемъ выборъ былъ бы невозможенъ. Разница между враждебными стремленіями только кажущаяся. Если они несовмѣстимы, то только потому, что они однаковы, это лицо и изнанка одного и того же предмета, отрицательный и положительный полюсы одного и того же магнита. Не слѣдуетъ уничтожать одинъ изъ полюсовъ ради другого, но дать имъ равновѣсіе и покой; произвести посредствомъ этихъ двухъ факторовъ продуктъ, различный отъ каждаго изъ нихъ и превосходящій ихъ обоихъ.

Эта мысль о примиреніи двухъ противорѣчивыхъ стремленій не нова. Мы ее находимъ уже у Аристотеля, который всегда интересовался задачей двойственности. „Онъ такъ проникнутъ теоріей двойственности", говоритъ Тардъ, „что строитъ на ней основу нравственности". Добродѣтель, по его мнѣнію, лишь примиреніе двухъ противоположныхъ пороковъ. Приведеніе къ среднему— его изобрѣтеніе. Между двумя чувствами—страха и чрезмѣрной самоувѣренности, храбрость занимаетъ средину. Между расточительностью и скупостью—щедрость. Между раздражительностью и равнодушіемъ—кротость. Между гиперболическимъ преувеличеніемъ и унижающимъ умаленіемъ—правдивость. Между отношеніемъ завистливаго огорченія къ счастью другихъ и злобной радостью къ ихъ несчастью—справедливость. Между шутовствомъ, которое все осмѣиваетъ и грубостью, которая не понимаетъ шутокъ—любезность. Говоря правду, мы не такъ смотримъ на упомянутыя качества. Можетъ быть они и похожи на примиреніе двухъ крайностей, но на самомъ дѣлѣ они представляютъ нѣчто гораздо большее. Въ сущности, если мы противопоставляемъ два дѣйствительно противоположныхъ стремленія, то среднее между ними будетъ полнѣйшій нуль или полное отсутствіе всякаго стремленія. Такъ, напримѣръ, между страхомъ и чрезмѣрной самоувѣренностью среднимъ является не храбрость, а равнодушіе. Качество не есть нуль, заключенный между двумя величинами—положительной и отрицательной, оно является слѣдствіемъ соединенія этихъ двухъ величинъ. Такое соединеніе силъ можетъ показаться отсутствіемъ силы, но мы имѣемъ здѣсь дѣло съ покоемъ только кажущимся, на самомъ же дѣлѣ покой этотъ преисполненъ самыми широкими возможностями. Напримѣръ, разведенная сѣрная кислота, въ которую опущены двѣ металлическія пластинки, не соприкасающіяся другъ съ другомъ, не обнаруживаетъ гальваническаго тока и тѣмъ не менѣе дѣятельность эта существуетъ, такъ какъ стоитъ только соединить оба полюса и дѣятельность тока уже становится очевидной. Водородъ и кислородъ обладаютъ совершенно противоположными химическими свойствами, а вода, въ которой они поглощаются, происходитъ тѣмъ не менѣе отъ ихъ соединенія.

Намъ было бы не трудно привести здѣсь длинный перечень такихъ положительныхъ и отрицательныхъ свойствъ, но лучше указать на книгу Тарда, столь проникновенную и открывающую совершенно новые горизонты. Удовлетворимся однимъ или двумя примѣрами: противоположность гнѣву есть страхъ. Очевидно, что самоусовершенствованіе заключается не въ томъ, чтобы уничтожить гнѣвъ ради страха

или страхъ ради гнѣва. Нѣтъ! мы должны стать выше ихъ обоихъ при помощи уравновѣшивающаго чувства хладнокровія, пріобрѣтеннаго самообладаніемъ. Хладнокровіе не есть отрицаніе ни гнѣва, ни страха, и доказательствомъ справедливости этого утвержденія служитъ то, что въ опытахъ, тысячу разъ повторенныхъ, намъ приходилось постепенно переходить отъ гнѣва къ страху, ранѣе, чѣмъ намъ удавалось стать выше ихъ обоихъ помощью хладнокровія. Среди чувствъ, придающихъ жизни наиболѣе яркій колоритъ, находится несомнѣнно радость и неизмѣнная ея спутница—печаль. Можемъ ли мы надѣяться сохранить когда-либо въ себѣ только радость и уничтожить совершенно печаль? Можемъ ли мы надѣяться стать болѣе отзывчивыми къ веселью, уничтоживъ развитыя въ насъ способности страданья? Отвѣтъ конечно отрицательный. Каждое изъ этихъ чувствъ не можетъ существовать безъ другого. Мы имѣемъ возможность уничтожить печаль, только лишь принеся въ жертву и радость; такимъ образомъ, мы получили бы точную средину, которая была бы отсутствіемъ всякаго чувства. Но, повторяемъ, эволюція требуетъ ни уничтоженія, а сочетанія.

Послѣ того, какъ мы познаемъ въ опытахъ —увы! безчисленныхъ—всѣ ужасы страданій и всѣ наслажденія счастья, мы поднимемся надъ тѣмъ и надъ другимъ при помощи новаго чувства, похожаго на безконечную ясность. Чувство это пріобрѣтетъ отъ радости ея довѣрчивость и сладость, отъ печали ея покорность и миръ и изъ этихъ свойствъ составится чистѣйшее сочетаніе, инструментъ, способный отвѣчать гармоніямъ гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ тѣ, существованіе которыхъ мы сейчасъ только подозрѣваемъ. Ранѣе, чѣмъ мы достигнемъ этого далекаго идеала, намъ предстоитъ еще длинный рядъ испытаній; ранѣе, чѣмъ въ душѣ нашей расцвѣтетъ это новое чувство, намъ придется пройти чрезъ бездну мрака и пережить ту пустоту, о которой говорится въ „Свѣтѣ на пути“ *), тогда, наконецъ, станетъ намъ ясна тождественность горя и радости. „Ученикъ—говорится тамъ—долженъ закрыть двери своей души такъ, чтобы въ нее не могъ проникнуть ни утѣшитель, ни прагъ и въ то время, какъ усиліе это будетъ сдѣлано, станетъ яснымъ и то, что страданіе и наслажденіе одно и то же. Ибо, когда одиночество безмолвія достигнуто, душа жаждетъ такъ пламенно и страстно какого бы-то ни было ощущенія, на которое бы можно было опереться, что страданіе для нея такъ же желанно, какъ и наслажденіе“. „Когда ухо перестаетъ различать между пріятнымъ и непріятнымъ, его не могутъ уже задѣвать голоса другихъ, и тогда можно съ безопасностью открыть двери души“.

Какъ печаль и радость представляютъ собой два полюса нашей чувственной жизни, такъ притяженіе и отталкиваніе, желаніе и отвращеніе, любовь и ненависть составляютъ тѣ два полюса, между которыми проходитъ вся наша дѣятельная жизнь. Но удовлетвореніе желаніе приноситъ разочарованіе, чувство отчужденія приводитъ къ одиночеству; какъ же разрѣшить намъ это противорѣчіе? Уничтожая ли всѣ наши побужденія или же окружась равнодушіемъ и апатіей? Нѣтъ! Здѣсь, какъ и въ ранее сказанномъ, возможно избѣжать конфликта противоположныхъ стремленій, только поднявшись надъ ними. Въ теченіе своей эволюціи человѣкъ все болѣе и болѣе будетъ постигать, что онъ составляетъ существенную часть огромнаго творческаго цѣлаго, что онъ частичный аккордъ могущественной гармоніи и что поэтому онъ обязанъ дѣйствовать не для того, чтобы исполнить личное желаніе, испытать личное наслажденіе, или избавиться отъ личнаго огорченія, но для того, чтобы исполнить опредѣленную миссію, чтобы дѣйствовать сообразно съ закономъ, чтобы вибрировать въ унисонъ вѣчнымъ ритмамъ.

Поднимая, такимъ образомъ, свою дѣятельность, имѣя цѣлью не исполненіе личнаго желанія, а выполненіе долга, дѣятельность не можетъ принести горькаго плода. Изъ согласія совѣсти, гармоніи поступковъ и того, что заложено въ самую глубину нашей сути, можетъ проистечь лишь очень ясный душевный миръ, очень возвышенный покой. Можно ли назвать равнодушіемъ это новое состояніе души? Равнодушіе, проявляемое къ наименѣе возвышенной сторонѣ нашего существа, ко всему преходящему и ограниченному, но съ огромнымъ стремленіемъ ко всему постоянному и безконечному, такое равнодушіе возбуждаетъ дѣятельность, а не ведетъ къ неподвижности, дѣятельность эта гораздо сильнѣе и лучше направлена, чѣмъ дѣятельность, порожденная желаніемъ. Настоящее имя такого равнодушія есть воля. Дѣйствительно, благодаря волѣ, переставъ поддаваться внѣшнимъ притяженіямъ, мы находимъ внутри себя управляющій нами импульсъ, благодаря которому мы, переставая отождествляться съ нашими желаніями, находимъ въ себѣ наше истинное „Я“. И эта воля въ то же время и свобода; не будучи болѣе притягиваемы предметами внѣшними, мы не рискуемъ болѣе сломать объ нихъ свои

*) „Комментаріи къ свѣту на пути“, стран. 65.

крыльи; вибрируя въ унисонъ великимъ ритмамъ, дѣйствуя сообразно великимъ законамъ, мы не страдаемъ болѣе отъ столкновеній разномыслія; мы избавлены отъ казни, которой наказываетъ природа тѣхъ, кто ее отвергаетъ!

„Мы будемъ избавлены отъ казни, которой наказываетъ природа тѣхъ, кто ее отвергаетъ“... Иначе говоря, тѣхъ, кто по своей волѣ или въ силу жизненныхъ условій уклонился— „выбился“ изъ общаго ритма, тѣхъ, у кого, напримѣръ, по словамъ Скаловскаго, даже замедленное біеніе ритма начинаетъ ощущаться, какъ безпричинное тягостное нарушеніе душевнаго равновѣсія, появляется тоска, апатія, душевная прострація.

Но вѣдь такихъ, ненормально ритмирующихъ много; мы всѣ—въ той или иной степени „выбиваемся“ изъ ритма! Какъ же возстановить заглохшій ритмъ нашего существа, какъ снова привести его въ гармонію съ великимъ ритмомъ и, наконецъ, какъ культивировать его въ себѣ, чтобы съ наибольшей полнотой и силой звучали въ насъ дающіе и силу и мудрость ритмы вселенной?

На этотъ вопросъ полнѣе другихъ отвѣчаетъ мудрость Востока. Наука іоговъ давно уже поняла и оцѣнила все громадное значеніе ритма и также давно нашла способы его возстановленія и развитія путемъ „ритмическаго дыханія“.

Тѣло, которое вы занимаете (читаемъ мы въ книжкѣ „Наука о дыханіи іоговъ“), похоже на небольшой заливъ, вдающійся въ землю со стороны моря. Для человѣка, который видитъ только заливъ и не видитъ моря, можетъ казаться, что заливъ живетъ по своимъ собственнымъ законамъ, но, въ дѣйствительности, онъ подверженъ законамъ океана, часть котораго онъ составляетъ. Совершенно въ такомъ же отношеніи мы находимся къ великому морю жизни, которое поднимается и опускается въ своемъ приливѣ и отливѣ, и съ ритмомъ и вибраціями котораго мы неразрывно связаны и на которые непрерывно отвѣчаемъ. Въ нормальномъ состояніи мы правильно получаемъ вибраціи и ритмъ великаго океана жизни и отвѣчаемъ на нихъ. Но временами устье залива закрывается водорослями, и мы перестаемъ получать импульсы отъ океана. И тогда нарушается гармонія между ритмомъ нашихъ вибрацій и ритмомъ вибрацій океана. Вы слышали, вѣроятно, что одна нота, взятая на скрипкѣ, если ее повторять непрерывно и ритмически, можетъ образовать такія вибраціи, какія разрушатъ мостъ. То же самое можетъ произойти, если черезъ мостъ пойдетъ въ ногу полкъ солдатъ. Въ случаяхъ ненадежныхъ мостовъ солдатамъ часто командуютъ смѣшать ряды и итти не въ ногу, такъ какъ повторныя вибраціи очень легко могутъ сбросить въ воду ненадежное строеніе и весь полкъ.

На знаніи этихъ принциповъ и построена наука іоговъ о ритмическомъ дыханіи. Желающихъ ближе ознакомиться съ методами этой науки мы отсылаемъ къ вышеназванной книгѣ, здѣсь же ограничимся только ея выводами, тѣмъ, что даетъ знаніе этой науки въ конечномъ счетѣ.

Ритмъ движенія легкихъ распространяется на все тѣло, и вся система, дѣйствуя въ гармоніи съ волей, создающей ритмическое движеніе, легко будетъ отвѣчать распоряженіямъ, идущимъ со стороны воли. Пользуясь именно такимъ хорошо настроеннымъ тѣломъ, іоги не встрѣчаютъ трудности въ томъ, чтобы усилить кровообращеніе въ любой части тѣла, и могутъ направлять усиленную нервную дѣятельность въ любую часть тѣла или въ любой органъ, усиливая его и возбуждая его дѣятельность.

Тѣми же самыми способами іоги при помощи ритмическаго дыханія овладѣваютъ силами своего организма и дѣлаются способными поглощать значительные запасы праны, которая находится у нихъ въ распоряженіи сознательной воли. Іоги дѣлаютъ прану какъ бы проводникомъ для посыланія къ другимъ своихъ мыслей и для привлеченія къ себѣ людей, чьи мысли какъ бы настроены въ одинаковомъ съ ними тонѣ. Феномены телепатіи, передача мыслей, мысленное лѣченіе, месмеризмъ и пр., вызвавшіе къ себѣ такой интересъ въ западномъ мірѣ, давно извѣстны восточнымъ іогамъ. Всѣ эти явленія могутъ быть усилены въ значительной степени, если лицо, посылающее свои мысли, владѣетъ ритмическимъ дыханіемъ. Ритмическое дыханіе увеличиваетъ энергію мысленнаго лѣченія, магнетическаго лѣченія и пр. и придаетъ ему такую силу, какую безъ него оно имѣть не можетъ.

Пользуясь силой воли въ соединеніи съ ритмическимъ дыханіемъ, іоги не только достигаютъ развитія желаемыхъ ими ментальныхъ, и психическихъ свойствъ, но достигаютъ также развитія духовной способности, или говоря правильнѣе, получаютъ помощь въ своемъ стремленіи къ развитію духовныхъ силъ. Восточная философія учитъ, что человѣкъ обладаетъ многими способностями, которыя въ настоящее время находятся въ немъ какъ бы въ скрытомъ состояніи, но которыя постепенно раскрываются, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія человѣческаго рода. Восточныя ученія говорятъ, что человѣкъ соотвѣтствующими усиліями

воли при благопріятныхъ условіяхъ можетъ помочь раскрытію въ себѣ этихъ духовныхъ способностей и развить ихъ гораздо скорѣе, чѣмъ это могло бы произойти въ естественномъ ходѣ эволюціи. Другими словами, человѣкъ можетъ теперь развить въ себѣ духовныя силы сознанія, которыя станутъ общимъ достояніемъ человѣчества только черезъ много вѣковъ послѣ нашего времени. И во всѣхъ упражненіяхъ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли, очень важную роль играетъ ритмическое дыханіе. Разумѣется, само дыханіе не обладаетъ никакими мистическими свойствами и не можетъ производить никакихъ сверхъ-нормальныхъ результатовъ, но ритмъ, производимый дыханіемъ іоговъ, обладаетъ свойствомъ подчинять весь организмъ, включая мозгъ, полному контролю сознанія, приводить организмъ въ состояніе полной гармоніи, а благодаря этому создаетъ условія, наиболѣе благопріятствующія раскрытію силъ и способностей человѣка.

Въ заключеніе нельзя не обратиться еще разъ къ статьѣ Полякa, къ тѣмъ строкамъ, изъ которыхъ явствуетъ, что лишь великій законъ ритма является залогомъ нашего успѣха на пути къ совершенству.

Какъ достигнуть непостижимыхъ высотъ, когда самые чистые, самые могущественные, самые сильные волей и отреченіемъ люди, при помощи безконечныхъ усилій, достигали лишь одной или другой изъ всѣхъ требуемыхъ добродѣтелей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ становится не труденъ. Мы имѣемъ предъ собой для совершенія возложенной на насъ работы безпредѣльное время. Не по окончаніи одной жизни, но по окончаніи огромнаго количества жизней достигнемъ мы земли обѣтованной, такъ какъ надъ безконечно быстрымъ ритмомъ нашихъ желаній и мыслей, надъ ритмомъ біенія нашего сердца, надъ ритмомъ нашего сна и бодрствованія царитъ величественный ритмъ существованій—послѣдовательность жизней и смертей.

Что же такое наша земля и что такое наше земное существованіе? Это мірокъ въ царствѣ Великаго Ритма, великой гармоніи и лишь для тѣхъ, кто забылъ о нихъ, кто не хочетъ признать ихъ владычества и служить имъ, лишь для тѣхъ земля становится юдолью страданій и плача.

Индусскій поэтъ-мудредъ Рабиндраната Тагоръ.

Лондонскій корреспондентъ „Рус. Вѣд." въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ отзывается (№ 129) объ индусскомъ поэтѣ Рабиндранатѣ Тагорѣ, которымъ теперь заинтересовалась англійская публика. Поэтъ этотъ самъ познакомилъ англійскихъ читателей со своими пѣснями, переведя ихъ прозой, и вотъ сборникъ его стиховъ „Гитанджали" (Жертвоприношенія), по словамъ Діонео, сразу сдѣлали автора ихъ „львомъ сезона".

У себя на родинѣ Тагоръ уже давно знаменитъ. Индусы называютъ наше время „эпохой Рабиндранаты". Пѣсни его, положенныя на музыку самимъ поэтомъ, распѣваютъ теперь десятки милліоновъ земледѣльцевъ въ Индіи и въ Бирмѣ, всюду, гдѣ говорятъ на „бенгали". Цѣлый народъ и цѣлая цивилизація отразились въ этихъ пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи Рабиндранатъ Тагоръ — великій національный поэтъ; но такъ какъ онъ глубоко *человѣченъ*, то эти пѣсни сразу захватываютъ насъ и становятся намъ понятны. Тагоръ—пѣвецъ *жизни*, пѣвецъ любви и радостей, внушаемыхъ созерцаніемъ космоса, пѣвецъ Пана, котораго называютъ Божествомъ. Тагоръ поетъ, наконецъ, про смерть, радостную какъ жизнь и любовь. „Рабиндраната— первый изъ нашихъ святыхъ, не только не отвернувшійся отъ жизни, но все время воспѣвающій радости ея", — говоритъ индусъ, цитируемый въ предисловіи къ англійскому переводу. „Все хорошо,—говоритъ Кириллов у Достоевскаго. — Все? — переспрашиваетъ Ставрогинъ. — Все. Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому". „Я всему молюсь,— прибавляетъ онъ дальше.—Видите, паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ ему за то, что ползетъ". Слова Кириллова мнѣ припоминались при чтеніи стихотвореній Тагора,—объясняетъ Діонео.

Въ музеѣ Прадо меня поразила одна картина Риберы. Молящійся отшельникъ страстно прижимаетъ къ груди человѣческій черепъ. Изъ-подъ капюшона монаха видны только безумные глаза, поднятые вверхъ. Въ нихъ горятъ вѣра, отчаяніе и сомнѣніе: откроетъ ли полное отреченіе отъ жизни врата небеснаго царства? Тонъ картины мраченъ. Это—геніально изображенный символъ цѣлаго міровоззрѣнія. Святой Бернардъ закрывалъ руками глаза, чтобы не видѣть поразительной красоты швейцарскихъ озеръ, и, чтобы лучше готовиться къ смерти, забрался въ царство снѣговъ и голыхъ, угрюмыхъ, холодныхъ, сѣрыхъ камней. Теперь вотъ какъ подходитъ къ смерти индусскій поэтъ. „Я получилъ мой отпускъ. Братья, пожелайте мнѣ счастливаго пути. Привѣтъ вамъ всѣмъ. Я ухожу. Вотъ вамъ ключи отъ моихъ дверей. Отрекаюсь отъ того, что называлъ мо-

имъ. Прошу только сказать мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ. Мы долго были сосѣдями, и я отъ васъ получилъ гораздо больше, чѣмъ могъ дать вамъ. Наступилъ разсвѣтъ, и лампа, совѣщавшая мой темный уголъ, догорѣла. Я слышу призывъ и готовъ въ путь".

Міръ совершенъ; про это природа знаетъ лучше, чѣмъ боги. „Когда міръ былъ еще молодъ и когда звѣзды сіяли въ своемъ первомъ великолѣпіи, боги, собравшись въ небесахъ, пѣли: „Все совершенство! Въ нашей радости нѣтъ примѣси горя!" И вдругъ одинъ изъ боговъ воскликнулъ: „Смотрите, въ цѣпи свѣтилъ недостаетъ звена. Одна звѣзда потеряна". Золотыя струны въ рукахъ боговъ перестали трепетать; пѣніе внезапно прекратилось, и небожители воскликнули въ горести: „Вопистину! Одна звѣзда потеряна, притомъ самая лучшая. Она была величайшей гордостью небесъ!" И съ того дня боги все ищутъ пропажу. Они стонутъ и не перестаютъ повторять, что съ этой звѣздой міръ потерялъ свою единственную радость. Но, когда наступаетъ ночь, звѣзды начинаютъ улыбаться и шепчутъ другъ-другу: „Напрасны поиски! Всюду неразрывная цѣпь совершенства".

Большинство человѣчества—дѣти, съ пляскамп и пѣніемъ играющія „на морскомъ берегу безконечныхъ міровъ". „Они строятъ свои дома изъ песка и играютъ пустыми раковинами. Изъ поблекшихъ листьевъ они сплетаютъ корабли и съ радостнымъ смѣхомъ спускаютъ ихъ на безконечный океанъ. Дѣти играютъ на берегу безчисленныхъ міровъ. Играющіе не умѣютъ ни плавать, ни заметывать сѣтей. Искатели жемчуга ныряютъ въ поискахъ за раковинами; корабельщики снаряжаютъ свои суда и оснащаютъ ихъ, но дѣти собираютъ камушки, чтобы снова разбросать ихъ потомъ. Играющіе не ищутъ сокрытыхъ сокровищъ и не знаютъ, какъ заметывать сѣти. Море хохочетъ волнами и слабой улыбкой замираетъ потомъ на прибрежномъ пескѣ. Чреватыя смертью волны напѣваютъ дѣтямъ пѣсни, не имѣющія значенія, убаюкивая ихъ, какъ мать, укачивающая ребенка въ колыбели. Море играетъ съ дѣтьми, и слабо сверкаетъ блѣдная улыбка волнъ на прибрежномъ пескѣ. Дѣти встрѣчаютъ другъ друга на берегу безконечныхъ міровъ. Буря мчитъ безформенныя тучи; корабли гибнутъ въ безкрайныхъ моряхъ; смерть всюду, а дѣти играютъ. На берегу безконечныхъ міровъ извѣчно собираются дѣти"...

Смерть, въ концѣ-концовъ, это — только призывъ сюзерена природы къ своему вассалу, которому дадутъ другой день. И долженъ ли огорчаться вассалъ тѣмъ, что въ новомъ днѣ онъ не будетъ помнить ничего о томъ, чѣмъ онъ былъ раньше? Вассалъ спокойно снаряжается въ путь, потому что свой прежній день онъ осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ, испыталъ все, что могъ, и отдалъ также взамѣнъ все, что могъ. Полная гармонія можетъ быть только тогда, когда человѣкъ къ концу жизни сознаетъ, что онъ не только бралъ отъ нея тахіпіи, но что также *отдавалъ* тахіпіи. Та, которая уводитъ васъ изъ жизни, — не страшное пугало съ оскаленной костяной улыбкой, но добрый, ласковый другъ, желающій доставить намъ блаженство. „Мы должны сегодня отплыть съ тобой въ лодкѣ,— говоритъ поэтъ смерти, — и никто въ этомъ мірѣ не узнаетъ ни о нашемъ плаваньѣ, ни о той странѣ, куда мы отправимся. И теперь, видя твою тихую улыбку, говорящую мнѣ о безграничномъ океанѣ, я хочу спѣть мою послѣднюю пѣсню, свободную, какъ волны, и не скованную словами. Но что означаетъ твоя улыбка? Развѣ время отъѣзда еще не наступило? Развѣ есть еще работа, которую я долженъ выполнить? Погляди. Вѣдь вечернія тѣни наползаютъ уже на прибрежные пески. Замолкли въ гнѣздахъ крикливыя чайки". Для поэта смерть — только покой послѣ дня работы.

Тагоръ не говоритъ, что жизнь—юдоль страданій, а смерть — избавительница, потому что онъ находитъ міръ прекраснымъ и радуется каждому проявленію жизни. И если бы поэту кто-нибудь указалъ на отвратительныя и жестокія дѣла, творящіяся въ этомъ мірѣ, и спросилъ бы, какъ примирить ихъ съ утвержденіемъ, что міръ чудесенъ, Тагоръ, вѣроятно, далъ бы тотъ же отвѣтъ, который даетъ Кирилловъ Ставрогину. „А кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку,— это хорошо?" — насмѣшливо спрашиваетъ Ставрогинъ. „Они нехороши,— отвѣтилъ Кирилловъ,—потому что не знаютъ, что они хороши. Когда узнаютъ, то не будутъ насиловать дѣвочку. Надо имъ узнать, что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши,— всѣ до единаго".

Первый истинный „христіанинъ".

(„Генадамъ" Б. Демчинскаго).

Мы хорошо знаемъ по опыту, что совершенно чужой человѣкъ часто является гораздо ближе намъ по духу, чѣмъ наши, такъ называемые, *ближніе*. Эту малевькую житейскую истину можно перенести въ иную плоскость, религіозную — и тогда она становится огромной, глубокой правдой.

Такая именно много говорящая идея положена

въ основу извѣстнаго разсказа-легенды В. Демчинскаго „Генадамъ“, напечатаннаго въ апр. кн. „Рус. Мысли“. Изысканно-стильная новелла эта, поскольку рѣчь идетъ о самомъ Генадамѣ или, напр., проповѣдующемъ — при жизни Христа — апостолѣ Петрѣ, можетъ показаться не выдерживающей исторической правды, но такъ какъ фактическая сторона разсказа имѣетъ въ сущности второстепенное значеніе, то не трудно закрыть глаза на указанныя и имъ подобныя, вызывающія недоумѣніе, детали.

Разсказу предпослана, въ видѣ эпиграфа, слѣдующая легенда Л. Н. Толстого:

„Это было въ тѣ времена, когда капища устилали землю, а имя Бога съ трудомъ распространялось среди избранныхъ. Въ эту именно пору архангелъ Гавріилъ увидѣлъ, что Богъ излучаетъ свои милости на какую-то одну точку земли, и тогда, смущенный, онъ предсталъ предъ Богомъ и роптал: „страждущихъ много, почему же вся милость сосредоточилась въ одной только точкѣ земли“. Богъ отвѣтилъ ему: „пойди и посмотри“. И когда архангелъ исполнилъ слово Бога, онъ вернулся бунтующимъ: свои милостей покоился надъ язычникомъ, распростертымъ предъ идолами. Но Богъ сказалъ Гавріилу: „Мнѣ нѣтъ дѣла, предъ кѣмъ онъ преклонился, я знаю, что у него на сердцѣ“.

А вотъ самый разсказъ (съ сокращеніи).

„Въ тѣ годы Палестина ожидала Мессію и тревожила небо нетерпѣливой мольбой: „скоро ли, Господи?“

Воспаленныя мечты временами переходили въ бредъ, а потому каждый проповѣдникъ, умѣвшій зажигать въ глазахъ огни, угадывалъ, что въ устремленныхъ на него испытующихъ взглядахъ звучалъ все тотъ же вопросъ: „не ты ли обѣщанный?“ И многіе изъ появлявшихся въ то время Мессій своимъ молчаніемъ — такимъ значительнымъ, которое бываетъ только при таинствахъ — давали понять, что они не хотѣли быть разгаданными, но теперь вынуждены помириться съ этимъ, потому что нѣтъ возможности утаиться отъ чуткихъ людей, узнающихъ посланниковъ Бога.

Только Генадамъ разрушалъ возникавшій вокругъ него ореолъ, и когда ему говорили, что онъ разгаданъ и долженъ открыться предъ всѣми, онъ отвѣчалъ:

— Великій путь жизни ровенъ и широкъ, но люди предпочитаютъ ходить по тропинкамъ и привлекаютъ небо, чтобы подтвердить необходимость добра. Я открою вамъ тайну величайшихъ подвиговъ. Любите природу и всякое дыханіе, ею созданное, и тогда ваши законы будутъ выше пророковъ. Когда научитесь щадить плевелы и полюбите ехидну, неужто не проявите тогда самаго близкаго участія къ страданіямъ человѣка? А потому единую заповѣдь даю вамъ: любите міръ и все, что въ мірѣ. И еще говорю: будьте беззаботны, ибо забота есть начало преступленій. Кто питается корнями дрока и спитъ на камышѣ, тотъ смотритъ равнодушно на хлѣбныя ямы земледѣльца и не наклоняется, чтобы поднять золото. Довольствуйтесь малымъ, и цари вселенной не сравняются съ вами въ богатствѣ, ибо только тотъ богатъ, кто знаетъ, когда ему довольно. Будьте всегда восторженны и свѣтлы; посмотрите на тамарискъ: онъ довольствуется скудной почвой и живетъ въ бездождье, но всегда зеленъ и радостенъ.

Генадама никто не слышалъ ни въ зимніе мѣсяцы, ни во время лѣтняго зноя, онъ проходилъ только весной, когда природа вдохновлялась и силетала свое сіяніе изъ звуковъ и красокъ. Остальное время онъ жилъ въ горахъ Кармила, въ томъ мѣстѣ, гдѣ утесы въ упрямой борьбѣ за свое господство врѣзаются въ Средиземное море.

...Въ одинъ день Генадамъ прошелъ горы Кармила и къ вечеру уже спускался въ Ездраелонскую равнину.

Угасаніе этого весенняго дня было бы только торжественнымъ и немного грустнымъ, если бы проходившіе іудеи не нарушали тишины словами проклятія и бросавіемъ камней въ тѣ угрюмые курганы, которые высились по сторонамъ дороги надъ могилами когда-то давно убитыхъ разбойниковъ. Молча смотрѣлъ Генадамъ, съ какой злобой исполняли этотъ темный обрядъ возвращавшіеся съ работъ поселяне, и не зналъ, что легче склонить іудеевъ на подвигъ, чѣмъ заставить ихъ посягнуть на завѣты пророковъ. Онъ остановился только тогда, когда замѣтилъ, что проходившая мимо женщина заставляла своего сына бросать камни и учила его повторять слова проклятія.

Спокойно, удержавъ ея руку, онъ сказалъ:

— Отвѣть мнѣ, кѣмъ будетъ твой сынъ и не вырастетъ ли на его могилѣ такой же холмъ? Тогда ты будешь стоять при дорогѣ отъ разсвѣта и до захода солнца и умолять проходящихъ, чтобы пощадили свое материнство и не проклинали память сына. Отцы учили васъ ненавидѣть, а я говорю вамъ: не осуждайте никого, ибо проклинающій своего врага подготовляетъ осужденіе кого-нибудь изъ своихъ близкихъ. Берегите только тѣхъ, кто вамъ дорогъ, и тогда не посягнете на враговъ, внушающихъ вамъ ненависть. Посмотри на

твоего сына: ты озлобила его душу, и онъ вернется подъ свой кровъ съ омраченнымъ сердцемъ...

Ова взглянула на Генадама и въ первую минуту была какъ потерянная. Послѣ раздумья отвѣтила:

— Я не знаю, кто ты и откуда, что учишь какъ пророкъ и не исповѣдуешь вѣры отцовъ, но на моемъ сынѣ не можетъ быть грѣха. Здѣсь проходилъ такой же, какъ ты, не почитающій пророковъ, и называлъ себя ученикомъ Мессіи. Онъ училъ, что на дѣтяхъ не можетъ быть грѣха, потому что они беззаботны, а кто беззаботенъ, тотъ святъ. Онъ говорилъ: живите, какъ птицы небесныя, посмотрите на лиліи — онѣ не заботятся о своей красотѣ, но цари земные завидуютъ ихъ убранству.

Генадамъ остолбенѣлъ, и ему казалось, что какое-то таинственное эхо начинаетъ повторять по всей Галилеѣ его долгую и безуспѣшную проповѣдь.

Онъ спросилъ ее голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе:

— Хорошо ли ты запомнила эти слова?

Она кивнула головой.

Тогда снова спросилъ ее Генадамъ:

— Куда пошелъ этотъ человѣкъ?

И она отвѣтила:

— Онъ направился къ долинѣ Геннссара.

Было совсѣмъ темно, когда Генадамъ спустился въ равнину. Онъ прошелъ къ одному изъ тѣхъ огней, которые унизывали побережье рѣкъ и, поддернутые туманами, сгущали свой свѣтъ до темно-вишневыхъ, лѣниво колыхающихся пятенъ. Здѣсь расположились на ночлегъ пастухи и коротали время, перебивая дремоту неторопливымъ разговоромъ. Молодые пастухи, еще не усмиренные созерцаніемъ природы, говорили о передвиженіи римскихъ войскъ къ Бейсану, гдѣ по слухамъ готовилось возстаніе; они передавали другъ другу о назрѣвающихъ замыслахъ, и въ ихъ словахъ была ненависть къ римскому владычеству и мечты о сверженіи ига, тяготѣвшаго надъ всей Галилеей. Временами мелькала надежда на близкое пришествіе царя-царей, великаго мстителя.

Генадамъ спросилъ пастуховъ:

— Былъ ли кто изъ васъ на высотахъ Ливана?

И, получивъ отвѣтъ, что никто не доходилъ до краевъ Галилеи, сказалъ:

— Съ высоты Ливана вся Галилея кажется голубой. Нѣтъ ни зеленыхъ пастбищъ, ни чернаго базальта, ни бѣлыхъ лилій, — все голубое, какъ небо. Такъ и юность смотритъ на жизнь изъ-за облачныхъ высотъ, и ей кажется, что счастье — только въ борьбѣ, но человѣкъ, насыщенный днями или испытанный въ долгихъ страданіяхъ, знаетъ, что вражда не спасетъ міра. Прокаженные сидятъ у городскихъ воротъ и не спрашиваютъ другъ друга: „откуда ты родомъ?“ Ихъ удѣлъ — общія язвы; ихъ языкъ — стенанія, и въ этой скорби нѣтъ ни галилеянина, ни самарянина. Говорю вамъ: только страданія смиряютъ злобу, а потому почувствуйте глубоко въ сердцахъ вашихъ, что и васъ ждутъ испытанія, и тогда забудете вражду, и просвѣтлѣютъ ваши мысли и поднимется до всепрощенія и любви...

На Генадама пристально смотрѣли, и въ глазахъ пастуховъ онъ разгадалъ недоумѣніе, которое готово было вылиться въ ясный вопросъ: „не ты ли обѣщанный?“ Но всѣ молчали, и только одинъ изъ стариковъ, испытывая его, сказалъ съ тихой, недовѣрчивой улыбкой:

— Для того, чтобы такъ говорить о жизни, надо познать тайны смерти. Только тайны другого міра могутъ указать долгъ человѣка на землѣ!

Генадамъ будто не замѣтилъ усмѣшки и спокойно отвѣтилъ:

— Смерти нѣтъ...

И послѣ недолгаго раздумья сказалъ:

— Когда рѣка впадаетъ въ море, замѣчаешь ли ты, что рѣка измѣнилась? Надъ моремъ поднимутся облака и, обратившись къ истокамъ рѣки, дадутъ ей новую жизнь, и вода не изсякнетъ въ ея берегахъ. Потокъ человѣческихъ жизней сливается съ природой и вновь изъ нея возрождается. Мысль о смерти сокрушаетъ только тѣхъ, кто заботится о мертвыхъ и посыпаетъ свою голову пепломъ и призываетъ аниматовъ, чтобы плакали и вопили до вывоса тѣла, и эблотовъ, чтобы рыдали на могилѣ тридцать дней. Но посмотрите на жителей Вефиля, для которыхъ нѣтъ смерти, ибо старики на закатѣ дней своихъ и молодые, почувствовавъ, что наступилъ ихъ часъ, уходятъ въ горы и тамъ отдаются землѣ, какъ отдается невѣста послѣ свадебнаго пиршества своему жениху. Тамъ мертвые живутъ, сливаясь съ природой, и развѣ ты не слыхалъ, что нигдѣ не найти такихъ яркихъ и пышныхъ цвѣтовъ, какъ въ горахъ, окружающихъ Вефиль? Тамъ нѣтъ усыпальницъ, ибо вся земля и все небо принимаютъ вернувшагося; тамъ нѣтъ плакальщицъ, ибо — тотъ безумецъ, кто рыдаетъ, увидѣвъ, что рѣка донесла свои воды до моря. Вефиль не знаетъ смерти, а потому говорю вамъ: покидайте дома ваши на закатѣ дней, и какъ никто не проводитъ

брачную ночь всенародно, но уходить отъ взглядовъ, такъ и вы отдаляйтесь землѣ, покинувъ людей, чтобы великое таинство не обратилось въ зрѣлище и неразумную скорбь.

Костеръ догоралъ, но никто не подкидывалъ хвороста, и казалось, что угасавшій свѣтъ озаряетъ неподвижныя изваянія. Наконецъ, одинъ изъ пастуховъ сказалъ:

— Здѣсь проходилъ учитель изъ Назарета и говорилъ о возмездіи въ будущей жизни. Онъ также сказалъ: „оставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ".

Генадамъ вздрогнулъ... Снова эхо повторяло его проповѣдь, и онъ почувствовалъ, что кто-то шелъ по извилистымъ тропинкамъ, но достигъ тѣхъ же высотъ, къ которымъ ведетъ великій и прямой путь жизни. Кто-то распростеръ свое обаяніе надъ жителями горъ и равнинъ.

Голосъ Генадама прерывался, когда онъ спросилъ:

— Не говорилъ тебѣ учитель, что надо быть беззаботнымъ, какъ дѣти?

— Да, онъ указывалъ на дѣтей и на птицъ небесныхъ; говорилъ о царской мантіи лилій.

— А куда пошелъ этотъ назареянинъ?

Пастухъ отвѣтилъ:

— Я слышалъ, что онъ спѣшилъ къ берегамъ Геннссара.

Генадамъ всталъ и, будто объясняя свою поспѣшность, показалъ на востокъ, гдѣ, въ предчувствіи утренней зари, небо подернулось желтовато-зелеными отблесками.

...Генадамъ взялъ направленіе прямо на сѣверъ, чтобы кратчайшимъ путемъ достичь большой дороги изъ Акры на Тиверіаду.

Вотъ онъ миновалъ ущелье и Оаворскія крѣпости, утвердившіяся по сѣвернымъ склонамъ горы, и, наконецъ, вступилъ на широкую вымощенную дорогу.

...Генадамъ уже прошелъ нѣсколько столбовъ, отмѣчающихъ мили, когда надвинулся вечеръ, сначала огненный, а потомъ тусклый, съ сѣрымъ пологомъ неба. Съ ближайшихъ синагогъ раздались звуки шофы, возвѣщавшей наступленіе субботняго отдыха, и, послушные призыву, изъ толпы выходили іудеи и, прекративъ свой путь, располагались въ сторонѣ отъ дороги. Вынувъ изъ-за пояса платокъ и обвязавъ его вокругъ ноги, они разстилали свои мейли на землю и отдавались священному отдыху.

На плащѣ Генадама не было голубой каймы, на его хитонѣ не висѣли кистья, и звукъ священной шофы былъ для него безразличенъ, но онъ выбился изъ силъ, и его тѣло уже не подчинялось высшимъ стремленіямъ. Онъ свернулъ съ дороги и направился къ одному изъ навѣсовъ, устроенныхъ римлянами для отдыха путниковъ. Почти всѣ скамьи пустовали, и только сплутъ сидящей женщины виднѣлся подъ самымъ краемъ навѣса, больше не было никого, хотя вокругъ горѣли огни приваловъ, а другіе навѣсы не вмѣщали застигнутыхъ субботой. Когда онъ подошелъ къ свободнымъ скамьямъ и сбросилъ свой плащъ, ему стало понятно, почему ни одинъ іудей, призванный къ отдыху, не расположился здѣсь, будто эти плиты были заклятыя и заставляли бѣжать всѣхъ чтущихъ субботу. Понуренная голова женщины поднялась, расширенные глаза боязливо метнулись въ сторону Генадама, и она сказала:

— Не оставайся здѣсь, я отверженная!

Генадамъ посмотрѣлъ на нее, началъ вспоминать что-то почти позабытое и, вѣроятно, былъ бы не въ силахъ прорвать туманъ, окутавшій прошлое, если бы она сама не открылась:

— Я—Юлія, блудница изъ Вифсаиды.

Память Генадама прорѣзало, словно молніей, и ему вспомнилось, какъ на Геннссаретскомъ озерѣ онъ встрѣтилъ золоченую галеру, и въ ней возлежала Юлія, окруженная цвѣтами и юношами.

На ея признаніе Генадамъ отвѣтилъ просто и спокойно:

— Для меня нѣтъ отверженныхъ. Ты давала людямъ восторги, и когда они, разгоряченные твоей красотой, уходили отъ тебя, звѣзды казались имъ свѣтлѣе и ближе. Въ этомъ все твое оправданіе, и никто изъ людей не смѣетъ бросить въ тебя камень. Спроси у обвиняющихъ тебя; кто изъ нихъ не былъ въ этомъ храмѣ, не черпалъ въ немъ вдохновенія и не окрылялъ своихъ мыслей?

Она, не задумываясь, отвѣтила на эти слова:

— Фарисеи меня прокляли.

Но Генадамъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

—Ты имъ напомни тирскую лѣстницу!

И, увидавъ недоумѣніе въ устремленныхъ на него большихъ глазахъ, пояснилъ:

— Разскажи имъ, что въ Тирѣ, на морскомъ берегу, построена мраморная лѣстница, и каждый день по ея широкимъ ступенямъ спускаются въ море обнаженныя жрицы Астарты. Въ томъ городѣ жилъ раббанъ Гамалінлъ, и такъ какъ онъ прославился мудростью, то къ нему отовсюду стекались ученики. Но, окончивъ ученіе, они забывали всѣ псалмы и пророковъ на тирской лѣстницѣ, а самъ раббанъ Гамалінлъ въ одно утро былъ найденъ на мраморныхъ ступеняхъ, изнеможенный отъ наслажденій. Напомни это фарисеямъ и скажи

имъ, что великій путь жизни не въ борьбѣ съ природой, но въ слiяніи.

Казалось, Юлія ничего не понимала. Она безмолвно смотрѣла, какъ Генадамъ разстилалъ свой плащъ на каменныхъ плитахъ, готовясь возлечь и дать отдыхъ изнеможенному тѣлу. И уже послѣ того, какъ онъ легъ, она подошла къ нему и сказала съ прежней боязливостью, будто не вѣря:

— Значитъ, и ты меня прощаешь?

Онъ почти не владѣлъ собою отъ усталости и потому спросилъ безъ всякаго участія:

— Кто же тебя еще прощалъ?

Тогда она отвѣтила:

— Это былъ не человѣкъ, но Сынъ Божій, Іисусъ изъ Назарета.

Снова вспыхнули силы, разбитое тѣло поднялось, и въ словахъ звучало нетерпѣніе:

— Разскажи о немъ все, что ты знаешь. Я ищу его и долженъ его видѣть!

Тогда она разсказала свою встрѣчу съ Іисусомъ. И къ этому совсѣмъ тихо, съ раздумьемъ и грустью прибавила:

— Когда ты его увидишь, спроси, помнитъ ли меня или забылъ.

Потомъ лицо ея сразу померкло, и она начала говорить отрывисто, съ перехватами голоса, какъ одержимая:

— Развѣ я тебѣ не сказала, что его собирались схватить? Можетъ быть, насталъ его послѣдній день, а ты расположился здѣсь для отдыха и отдаешься сну. Иди къ нему сейчасъ, если хочешь услышать его божественный голосъ!

Судорожными движеніями она спѣшила накинуть на него плащъ. И Генадамъ, дѣйствительно, пошелъ, обманываясь минутной вспышкой силъ. Его провожалъ странный взглядъ надежды и тоски, — такъ смотрятъ на тѣхъ, кого посылаютъ къ возлюбленному. Но въ сгустившейся тьмѣ Юлія не могла видѣть, что Генадамъ шелъ недолго и свалился у края дороги, подкошенный усталостью. Онъ спалъ.

...Генадамъ спѣшилъ пройти богатые кварталы города (Тиверіады), и въ рыбачьемъ поселкѣ узналъ, что Іисуса изъ Назарета недавно видѣли въ Капернаумѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ со своими учениками. Путь былъ недолгій, и Генадамъ разсчитывалъ къ вечеру достичь Капернаума.

Вскорѣ онъ миновалъ гробницы, изсѣченныя изъ вулканическихъ скалъ, прошелъ мимо римскихъ казармъ, раскидавшихся средп апельсиновыхъ и гранатовыхъ рощъ и вступилъ въ городскія ворота, гдѣ стояли сборщики пошлинъ и стража римскихъ войскъ.

Около синагоги тѣснилась покидавшая храмъ толпа, случайно остановленная неожиданно вспыхнувшимъ споромъ. Фарисеи и старѣйшины насѣдали на кого-то, и въ ихъ изступленныхъ выкрикахъ была только угроза, и ярость ихъ лицъ казалась зловѣщей. Въ головѣ Генадама мелькнула волнующая догадка, что этотъ неизвѣстный—Іисусъ изъ Назарета, потому что никто другой не дерзнулъ бы среди всего народа возставать противъ себя самыхъ вѣрныхъ слугъ Іеговы, глаза которыхъ были почти залѣплены, чтобы бѣжать отъ соблазновъ суетнаго міра. Но когда Генадамъ пробрался впередъ и спросилъ: „не Іисусъ ли изъ Назарета поучаетъ народъ?“—ему отвѣтили, что Іисусъ былъ здѣсь и ушелъ къ озеру, а это Петръ, его ученикъ.

Постепенно протискиваясь, Генадамъ очутился среди спорящихъ, увидѣлъ вдохновенное лицо Петра и понялъ, что фарисеямъ не сломить этой вѣры. Онъ услышалъ голосъ Петра, обращенный къ законникамъ:

— Благочестіе наше, какъ утренній туманъ и какъ роса, скоро исчезающая. Ибо дѣлаете добро и гордитесь сдѣланнымъ, даете динаръ и вѣщаете объ этомъ на всѣхъ углахъ города. Но когда наступитъ день великій и страшный и солнце превратится въ тьму, а луна въ кровь, и камень дастъ голосъ свой, тогда добро ваше будетъ вмѣнено вамъ въ грѣхъ, ибо благодѣянія ваши всенародны. И воздастся праведникамъ, дѣлающимъ добро тайно, ибо „благотворящій бѣдному тайно даетъ взаймы Господу“. И вознагражденъ будетъ за благодѣяніе свое. Пусть наша лѣвая рука не знаетъ, что дѣлаетъ правая, и тогда только встрѣчены будете на небесахъ. Истинно говорю вамъ, дѣлая добро на площадяхъ и возвѣщая объ этомъ, потеряете царствіе Божіе.

Генадамъ сразу вспыхнулъ. Онъ понималъ, что ударъ былъ направленъ Петромъ на фарисеевъ, и не хотѣлъ защищать ихъ лицемѣрія, но его душа, всѣ мысли его забушевали, когда онъ услышалъ, что за добро была обѣщана награда.

— Ты говоришь,— спросилъ онъ Петра,— что за тайное добро ждетъ вѣчное блаженство и благотворящій даетъ взаймы Господу?

Петръ посмотрѣлъ на новаго пришельца и отвѣтилъ:

— Такъ говоритъ учитель!

Тогда Генадамъ, обращаясь къ народу, сказалъ:

— Нѣкій мытарь накопилъ сто серебренниковъ, и когда пришелъ къ нему богатый виноградарь и хотѣлъ взять взаймы, мытарь спросилъ его: какая награда будетъ предло-

жена и вѣрно ли обезпечен долгъ? Виноградарь отвѣтилъ ему: когда ты отдашь мнѣ послѣдній сребреникъ, я начну выплачивать долгъ и буду платить безконечно, пока не насытишься. И мытарь далъ взаймы, и когда вынулъ послѣдній сребреникъ, виноградарь началъ уплату и продолжалъ ее вѣчно.

— Скажи,—обратился Генадамъ къ Петру,— желалъ бы ты имѣть такихъ учениковъ, какъ мытарь, давшій взаймы богатому виноградарю?

Петръ слишкомъ долго раздумывалъ, и Генадамъ, не дождавшись отвѣта, обратился къ толпѣ:

— Мытарь подобенъ человѣку, который дастъ взаймы Богу немногіе дни своей жизни и въ уплату получитъ вѣчное блаженство. Думаете ли вы, что у мытаря должны быть добрые помыслы? Нѣтъ, говорю вамъ, но алчность, ибо не можетъ быть славы въ томъ, чтобы пожертвовать малыми деньгами за несмѣтныя богатства. Такъ и человѣкъ, посвятившій свою короткую жизнь дорбу, надѣясь взять потомъ чрезмѣрную награду. Бѣгите отъ такого добра, — въ немъ корысть и алчность, затемняющія душу человѣка! А потому говорю вамъ: если даже увѣруете въ царство божіе, то ищите путей, которые лишатъ васъ вѣчнаго блаженства, чтобы добро ваше было чисто и прозрачно, какъ источникъ, покрытый каменнымъ сводомъ. Дѣлайте добро для добра, познайте безкорыстіе подвига и возвращайте всякую награду, которую вамъ предлагаютъ. Поступайте такъ, чтобы никто не могъ заплатить вамъ за чистоту вашихъ помысловъ! Вы слышали, что сказано: кто дѣлаетъ добро всенародно, тотъ будетъ лишенъ вѣчнаго блаженства и благодѣяніе его останется безъ награды? А потому возвѣщайте на всѣхъ площадяхъ о содѣянномъ вами добрѣ, и будете лишены награды, и только тогда сердце ваше познаетъ безкорыстіе.

Фарисеи не скрывали своего торжества, оцѣнивъ новый поворотъ борьбы, и Генадамъ уже каялся, что говорилъ при народѣ и далъ законникамъ оружіе для униженія Петра. Въ этомъ апостолѣ онъ распознавалъ горящую душу и безмѣрную преданность своему учителю.

Но фарисеи все сильнѣе тѣснили Петра, и теперь ясно звучалъ ихъ вопросъ:

— Что ты отвѣтишь на эти слова?

Генадамъ однимъ ударомъ разорвалъ ихъ сѣти:

— Я не испытываю ученика, когда могу встрѣтиться съ его учителемъ!

Петръ смиренно поднялъ эту мысль и сказалъ:

— Да, онъ мудрѣе меня и завтра дастъ тебѣ отвѣтъ...

Фарисеи злобствовали, рыбаки въ недоумѣніи разбрелись, а Петръ направился къ берегу, чтобы повидать учителя. Петра сопровождалъ его ученикъ, Аристархъ изъ Панеаса, человѣкъ, не знавшій ничего въ своей жизни, кромѣ разгульнаго бога Пана, но теперь устремившійся къ новому ученію. Онъ еще не былъ крещенъ, потому что Петръ постигъ его дикій нравъ и опасался, чтобы недостаточная испытанность одного не отвратила отъ Христа многихъ колеблющихся.

Вдвоемъ они прошли городъ и спустились по каменистымъ откосамъ къ берегу Геннисаретскаго озера, гдѣ стояли рыбачьи шалаши, сплетенные изъ камышей. Начинался ночной ловъ. Выѣзжали лодки съ горящими смоляными факелами, и расположившись полукругомъ, медленно двигались, захватывая сѣтями большой выгибъ бухты. Въ эту ночь, какъ и всегда весной, падали аэролиты, оставляя своимъ зеленоватымъ блескомъ кольцо пылающихъ факеловъ.

Петръ подошелъ къ одной изъ лодокъ, стоявшихъ на привязи, и спросилъ:

— Ты здѣсь, учитель?

Кто-то поднялся съ кормы.

— Что тебѣ, Петръ?

И тогда апостолъ разсказалъ все, что было въ синагогѣ, сознался, что не могъ отвѣтить Генадаму, и скорбѣлъ, что фарисеи воспользуются его замѣшательствомъ и привлекутъ къ себѣ тѣхъ, кто еще не окрѣпъ въ новой вѣрѣ.

Петръ замолчалъ и застылъ въ ожиданіи. И, наконецъ, онъ услышалъ:

— Слава, честь и миръ всякому, дѣлающему доброе, ибо нѣтъ лицепріятія у Бога. И когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, они показываютъ, что дѣло законное у нихъ написано въ сердцахъ. Ибо по духу поступаютъ, а не по буквѣ: ему и хвала не отъ людей, но отъ Бога. Иди съ миромъ, я знаю Генадама,—онъ святой.

Петръ попробовалъ возразить:

— Господи, онъ укрѣпилъ фарисеевъ, и я безплодно искалъ, что можно отвѣтить на его слова!

Но минутное сомнѣніе исчезло, и вѣра его вновь засіяла спокойными лучами, когда онъ услышалъ:

— Неразумный! Почему считаешь меня ниже сыновъ человѣческихъ? Наступитъ утро, и, говорю тебѣ, твои сомнѣнія разсѣются...

Петръ ушелъ просвѣтленный и радостный. Теперь онъ вѣрилъ, что будутъ поражены возставшіе противъ учителя и завтра синагога

слышитъ, какъ говоритъ Сынъ Божій. Только Аристархъ съ наивностью язычника не понималъ, что недавняя печаль его господина уже смѣнилась восторженнымъ спокойствіемъ. Робѣя и заискивая, боясь упрековъ и желая выразить своему господину готовность на все, онъ спросилъ Петра:

— Развѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы Генадамъ ушелъ этой ночью и никогда не возвращался?

Случайно они проходили среди кустовъ олеандра, и въ шумѣ вѣтвей Петръ не слышалъ вопроса. Но Аристархъ не сомнѣвался, что понялъ молчаніе, и, когда они вошли въ городъ, онъ разстался съ Петромъ и узналъ, гдѣ расположился Генадамъ на ночлегъ.

На слѣдующій день Генадамъ не пришелъ въ синагогу; его не встрѣчали въ Галилеѣ, не видѣли на горахъ Кармила. И, конечно, попрежнему море складывало узоры самоцвѣтныхъ камней; пышность Кармила притаилась за суровыми скалами, надъ потоками наклонялись цѣломудренные нрисы, а на забытыхъ гробницахъ пробивались пучки кроваваго иссопа; гдѣ-то на дорогѣ, среди пестрой толпы, бродила раскаявшаяся блудница; все такъ же непостижимо быстро распускались іерихонскія розы въ черной, какъ асфальтъ, водѣ амфитеатра; суетнымъ блескомъ ослѣпляла золотая крыша дворца Ирода Антипы, а въ бухтѣ Капернаума ночью лодки рыбаковъ двигались полукругомъ, и въ водѣ отражались огни смоляныхъ факеловъ. Иногда, чаще всего весной, съ неба падали аэролиты".

Изъ стихотвореній нынѣшняго сезона.

Литературный сезонъ закончился. За эти мѣсяцы десятки нашихъ поэтовъ — и старыхъ и новыхъ, и „большихъ" и „малыхъ", и столичныхъ и провинціальныхъ — предстали передъ читателемъ со сборниками своихъ стиховъ. Цѣлое море поэзіи... Попытаемся изъ моря этого (стихотворевій, разбросанныхъ по журналамъ, мы не будемъ сейчасъ касаться) извлечь хотя нѣсколько „жемчужинокъ". Пусть въ общемъ это будутъ хотя бы именно только *жемчужины въ навычкахъ*,—если ужъ не осчастливилъ насъ поэтическій урожай нынѣшній истинными шедеврами...

* * *

Весенняя, вечерняя,
Живая тишина...
Прими ее! Повѣрь въ нее!
Умолкни, какъ она.
Все скажутъ намъ согласныя
Біенія въ груди...
Не двигай взоры ясные,
Внимай, дыши, гляди...
Отъ далей отдыхающихъ,
Отъ взрыхленныхъ полей,
Отъ почекъ разбухающихъ
Безумныхъ тополей,
Будя, или баюкая
Волнами спящихъ совъ,
(Не звуками, не звуками!)
Летитъ забытый зовъ...
Все громче и безмѣрнѣе
Звучитъ онъ тишиной,—
Прими его, повѣрь ему,
Прильни къ нему—со мной!

А. Горностаевъ. („Глубокимъ утромъ".)

Пѣсенка провинціальная.

Сѣли мѣщаночки на приступочкѣ
Потолочь водицу въ ступочкѣ,

Скороговоркой похвалить вечеръ аленькій,
Поскулить, у кого женихъ неудалевькій.

Грызутъ себѣ жареное сѣмячко,
Хулятъ теперешнее времячко.

Мимо нихъ нѣтухъ переваливается,
Потихоньку избушка разваливается.

Волосокъ за волоскомъ бѣлится,
Скоро мучка и вся перемелется,

Изъ-за плечика станетъ поглядывать
Да худыя загадки загадывать

Не сосѣдка какая, бездѣльница,
А хозяйка сама рукодѣльница,

Безъ косы не приходитъ которая,
На разруху, на всякую, скорая...

Ужъ и только присѣли мѣщаночки,
Глядь—лежатъ на землѣ бездыханочки.

А другія сидятъ на приступочкѣ,
Ту жъ водицу толкутъ въ той же ступочкѣ.

Сергѣй Городецкій („Ива").

* * *

Нынче праздникъ, пахнетъ мята, все въ цвѣту,
И трава еще не смята: все въ цвѣту!
У ручья съ волвою звонкой на горѣ
Скачутъ, рѣзвятся козлята. Все въ цвѣту!
Скалы садъ мой ограждаютъ, стужи нѣтъ,
А лѣса-то! а поля-то: все въ цвѣту!

Утромъ вышелъ я изъ дома на крыльцо,—
Сердце трепетомъ объято: все въ цвѣту!
Я не помню, отчего я полюбилъ,
Что случается, то свято. Все въ цвѣту.

М. Кузминъ. („Осеннія озера“).

Богомолка.

Мететъ дорога пыльная...
Съ котомкой и клюкой,
Усталая, безсильная
Идешь ты на покой.

Была въ пещерахъ кіевскихъ.
И въ Соловкахъ была
Въ Москвѣ была, у Иверской,—
Утѣхи не нашла...

Съ тобой поля привольныя
Дремучіе лѣса,
Призывы колокольные,
Молитвы, чудеса...

А сердце въ небо просится
Къ Заступницѣ подъ кровъ,
Гдѣ фиміамы носятся
Межъ огненныхъ столповъ;

Гдѣ лики шестикрылые,
Златыя письмена...
Эхъ, старая, ты, хилая,
Вѣдь, на землѣ весна!..

* * *

Небеса весеннія
Кротки — глубоки.
У заборовъ первые
Желтые цвѣтки.

Лишь зажгутся четкія
Звѣзды въ высотѣ,—
Выйду въ поле темное
Съ думой о Христѣ.

Черезъ рѣчку спящую
Съ храма изъ села
Вѣсть пошлютъ блаженную
Въ даль колокола.

Я услышу ангеловъ
Многокрылый легъ
И шаги Воскресшаго —
Онъ придетъ, придетъ...

Душу сиротливую
Обласкаетъ свѣтъ.
Поцѣлую, Господи,
Твой незримый слѣдъ.

А. Рославлевъ. („Цѣвница“.)

Весенній день.

Весенній день горячъ и золотъ,—
Весь городъ солнцемъ облѣпленъ!
Я снова — я: я снова молодъ!
Я снова веселъ и влюбленъ!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты“...
Какой просторъ! какая воля!
Какіе пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы—въ бричкѣ по ухабамъ!
Скорѣй бы—въ юные луга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ,
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирень!
Виновныхъ нѣтъ: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

Это все для ребенка...

О, моя дорогая! вѣдь теперь еще осень, вѣдь теперь еще осень...
А увидѣться въ Вами я мечтаю весною, бирюзовой весною...
Что отвѣтить мнѣ сердцу, безутѣшному сердцу, если сердце вдругъ спроситъ,
Если сердце простонетъ: „Грезишь мракомъ зеленымъ? грезишь глушью лѣсною“?

До весны мы въ разлукѣ. Повидаться не можемъ. Повидаться нельзя намъ.
Развѣ только случайно. Развѣ только въ театрѣ. Развѣ только въ концертѣ.
Да и то безсловесно. Да и то безпоклонно. Но зато — осіяннымъ
И брильянтовымъ взоромъ обмѣняться успѣемъ...—какъ и словомъ въ конвертѣ...

Вы всегда подъ охраной. Вы всегда подъ надзоромъ. Вы всегда подъ опекой.
Это все для ребенка... Это все для ребенка... Это все для ребенка...
Я въ Васъ вижу подругу. Я въ Васъ женщину вижу. Вижу въ Васъ человѣка.
И мнѣ дорогъ Вашъ крестикъ,—какъ и Ваша слезинка, какъ и Ваша гребенка...

Элементарная соната.

О, милая, какъ я печалюсь! о, милая, какъ я тоскую!
Мнѣ хочется тебя увидѣть — печальную и голубую...

Мнѣ хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мнѣ хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, какъ угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро-скоро окончится мое страданье...

Но, Господи! съ какою скорбью забуду я свое мученье!
Но, Господи, съ какою болью познаю я свое забвенье!

Мнѣ кажется, гораздо лучше надѣяться, хоть безнадежно,
Чѣмъ мертвому, въ нѣмомъ безгрезьѣ, покоиться безстрастно-нѣжно...

О, призраки надежды—странной—и сладостной, и страстно-больной,
О, свѣтлые, не покидайте мечтателя съ душою двойной!

Не надо же тебя мнѣ видѣть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мнѣ слышать, печальная и голубая...

Ахъ, встрѣчею боюсь, боюсь разсѣять желанное страданье,
Увидимся—оно исчезнетъ: чудесное—лишь въ ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чѣмъ вѣчное къ нему стремленье,
Но все-таки біенье мига прекраснѣе вѣковъ забвенья!..

Отчаясь грезить, отчаясь вѣрить, въ нѣмомъ беззвучьи,
Оно трепещетъ такою скорбью, все въ гипсъ лѣпи...

А жизнь чаруетъ и соблазнястъ, и перемѣной
Всего уклада семейныхъ будней влечетъ куда-то!
Въ смущеньи сердце: оно боится своей измѣной
Благополучье свое нарушить въ часы заката.

Ему подвластны и вѣрность другу, и материнство,
Оно боится оставить близкихъ, какъ жалкихъ сиротъ...
Но одиноко его біенье, и нѣтъ единства...
А жизнь проходитъ, а склепъ холодный, быть можетъ, вырытъ...

О, сердце! сердце! твое спасенье—въ твоемъ безумьи!
Горѣть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грѣши отважнѣй! пусть добродѣтель—удѣломъ мумій:
Въ грѣхѣ забвенье! а тамъ — хоть пуля, а тамъ—хоть рельсы!
Вѣдь ты любимо, больное сердце! вѣдь ты любимо!
Люби отвѣтно! люби привѣтно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты—право! сомнѣнья мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

Игорь Сѣверянинъ („Громокипящій кубокъ“)

Въ грѣхѣ—забвенье.

Ты женщина и этимъ ты права.
Валерій Брюсовъ.

Вся радость—въ прошломъ, въ такомъ далекомъ и безвозвратномъ,
А въ настоящемъ — благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждетъ, въ огнѣ закатномъ,
Любви и страсти; — его плѣняетъ неосторожность...

Устало сердце отъ узкихъ рамокъ благополучья,
Оно въ унынии, оно въ оковахъ, оно въ томленьи...

Rouge et bleue.

Дѣвочка въ красномъ и дѣвочка въ синемъ
Вмѣстѣ гуляли въ саду.
— „Знаешь, Алина, мы платьица скинемъ,
Будемъ купаться въ пруду?“
Пальчикомъ тонкимъ грозя,
Строго отвѣтила дѣвочка въ синемъ:
„Мама сказала—нельзя“.

Дѣвушка въ красномъ и дѣвушка въ синемъ
Вечеромъ шли вдоль межи.
— Хочешь, Алина, все бросимъ, все кинемъ,
Хочешь, уѣдемъ? Скажи!“
Вздохомъ сквозь вѣшній туманъ
Грустно отвѣтила дѣвушка въ синемъ:
„Полно! вѣдь жизнь—не романъ“...

Женщина въ красномъ и женщина въ синемъ
Шли по аллеѣ вдвоемъ.
— „Видишь, Алина, мы блекнемъ, мы стынемъ—
Плѣнницы въ счастьѣ своемъ“...
Съ полуулыбкой изъ тьмы
Горько отвѣтила женщина въ синемъ:
„Что же? Вѣдь женщины мы!“

Розовый домикъ.

Межъ великановъ-сосѣдей, какъ гномикъ,
Онъ удивлялся всему.
Маленькій розовый домикъ,
Чѣмъ онъ мѣшалъ и кому?

Чуть потемнѣетъ, въ закрытыя ставни
Тихо стучитъ волшебство.
Домикъ смиренный и давній,
Чѣмъ ты смутилъ и кого?

Тамъ засмѣются, мы смѣху отвѣтимъ.
Фея откроетъ Эдемъ...
Домикъ, понятный лишь дѣтямъ,
Чѣмъ ты грѣшилъ, передъ кѣмъ?

Лучшія радости съ нимъ погребли мы,
Феи нырнули во тьму...
Маленькій домикъ любимый,
Чѣмъ ты мѣшалъ и кому?

Марина Цвѣтаева („Изъ двухъ книгъ“).

Недоступное.

Въ сліяньи устъ, въ сплетеньи жадныхъ рукъ,
Въ безумьи ласкъ мы тяжко изнываемъ.
Напрасно все. За гранью темныхъ мукъ
Есть высшій мигъ. Но онъ непознаваемъ.

Уста отъ устъ безсильно отпадутъ.
Затихнетъ стонъ. Расторгнутся объятья.
И вновь тоска. И снова бѣгъ минутъ.
И это—все! Ничтожество! Проклятье!

Одиночество

Только свѣтлый мигъ угасъ,—
И опять у нашихъ глазъ,
Какъ бездонный водоемъ,
Одиночество вдвоемъ.

Наяву, или во снѣ
Проносилось въ вышинѣ
Дуновенье тайныхъ силъ,
Трепетанье бѣлыхъ крылъ?

И сіяла и цвѣла
Зачарованная мгла,
И звучало въ глубинѣ:
„Я въ тебѣ, и ты во мнѣ“.

Мигъ волшебный отлетѣлъ...
Запахъ тлѣнья, запахъ тѣлъ...
Маска блѣднаго лица...
Неподвижность мертвеца...

Чья-то темная тоска...
Чья-то вялая рука...
Чье-то влажное плечо...
Кто-то дышитъ горячо...

Все ушло, ушло въ Ничто...
Кто насъ проклялъ?.. И за что?
Кто съ лучами слилъ туманъ,
Съ вѣчной правдой силелъ обманъ?

Бѣдный другъ! Яснѣетъ ночь...
Отойди и скройся прочь!
Даль путей заграждена...
Я одинъ—и ты одна!

Мигъ ликующій угасъ,—
И опять у нашихъ глазъ,
Какъ бездонный водоемъ,
Одиночество вдвоемъ.

А. Черемневъ („Стихотворенія“).

Жалоба.

Волну окликнула волна,—
И вотъ она уже далече...
Ахъ, не на радость имъ дана
Ихъ кратковременная встрѣча!

Груститъ у ногъ, груститъ прибой
И плещетъ жалобнѣе птички...
А мы, не такъ ли мы съ тобой
Сошлись на мигъ для переклички?

И, растворяясь въ широтѣ
Земныхъ заботъ и недосуга,
Зовемъ, зовемъ, какъ волны тѣ,—
Но все отходимъ другъ отъ друга..

О, эта боль! О, этихъ встрѣчъ
Незабываемая рана!
О, какъ мнѣ сердце уберечь
Отъ новой вѣры—и обмана?

Вѣчное.

Словно мѣсяцъ, ясенъ мужъ мой юный,
Словно день, свѣтла твоя подруга.

Мы жъ съ тобой, какъ нѣжной арфы струны
Призываемъ жалобно другъ друга...

Видно, такъ ужъ Богъ судилъ на небѣ
Для любви, небесный свѣтъ таящей:
Чтобъ душа земной вкусила жребій,
На землѣ не данъ ей настоящій.

Разведемъ же, милый, наши взоры
И свершимъ въ разлукѣ путь свой крестный,
Какъ текутъ свѣтилъ покорныхъ хоры
Въ лучезарной высотѣ небесной...

Маріэтта Шагинянъ („Orientalia“) *).

Изъ прошлаго.

К. М. Фофановъ.

Вторая годовщина смерти (17 мая) этого, когда-то очень популярнаго, поэта принесла новыя воспоминанія о немъ. Одинъ изъ хорошо знавшихъ покойнаго, критикъ А. Измайловъ разсказываетъ въ „Рус. Сл.“ (№ 113, очеркъ „Заколдованный царевичъ“):

„...Я увидалъ его впервые въ редакціи А. К. Шеллера на одномъ изъ пріемовъ. Передо мной въ калитку юркнулъ молодой человѣкъ, казалось, только-что вышедшій изъ поры совершенной юности, съ лицомъ простымъ и незапоминающимся. Въ этомъ челонѣкѣ, съ рыжеватыми усами и бородой, бѣдно одѣтомъ въ готовое платье, худомъ и застѣнчивомъ, не было ничего поэтическаго. И я удивился, когда Шеллеръ, чувствуя, что мы незнакомы, сказалъ мнѣ:

— Познакомьтесь,—Фофановъ!

Это было совсѣмъ обыкновенное, скорѣе крестьянское, чѣмъ интеллигентское лицо, впалыя щеки, прическа на косой проборъ. И только свѣтлые глаза были ласкающе-прекрасны—и теперь, когда онъ скромно и стыдливо досталъ Шеллеру листки своихъ стиховъ изъ кармана, и позднѣе, когда я видѣлъ въ нихъ и слѣдъ едва остывшаго вдохновенія, и мечту вдохновенія будущаго, и оживленіе, и радость, и гнѣвъ...

Шеллеръ взялъ вчетверо сложенные большіе листы, уписанные широкимъ, размашистымъ почеркомъ (на такихъ листахъ Фофановъ писалъ всю жизнь), и началъ карандашомъ переводить отъ строки до строки.

— Видишь, я тебя не читаю, а считаю.

У старика Шеллера была слабость сходиться на „ты“ даже съ самыми молодыми изъ сотрудниковъ. Тѣхъ это ставило въ положеніе столько же счастливое, сколько и щекотливое. На „ты“ они не рѣшались, „вы“ было совсѣмъ неловко, и они пробавлялись больше безличными глаголами.

— Нѣтъ, вы все-таки... ты все-таки прочитай,—заговорилъ Фофановъ, слегка заикаясь, торопливой и неровной скороговоркой. Съ годами усиливались и эта нервность, и эта торопливость, и эти заиканія.

Онъ еще, видимо, былъ полонъ отголосками недавняго вдохновенія. Вообще, ничто не залеживалось въ его столѣ. Ни у одного поэта стихи не были такими экспромптами въ полномъ смыслѣ, какъ у Фофанова. И то, что онъ принесъ, можетъ-быть, было завершено только сегодня утромъ.

Потомъ лѣтъ 15 постояннаго общенія выливались у насъ по преимуществу въ, такъ-называемыя, редакціонныя отношенія. Зимою и лѣтомъ, утрами и вечерами, въ погоду и ненастье онъ приходилъ и приносилъ стихи, присаживался и разсказывалъ о себѣ, о новыхъ замыслахъ, объ удачахъ и неудачахъ, — приходилъ еще молодой и веселый со смѣхомъ, шутками и экспромптами, и больной, и измученный, и возбужденный весело или гнѣвно, и старѣющій, и слабнущій.

Было что-то стихійное, дѣйствительно поэтическое въ томъ, какъ иногда онъ врывался въ редакціонную комнату Шеллера и радостно начиналъ душить старика въ объятіяхъ, желая, чтобы его „духъ пересселился“ въ скудѣющее тѣло Александра Константиновича, или въ томъ, какъ онъ входилъ ко мнѣ шумно и вольно и доставалъ изъ-за пазухи все тѣ же драгоцѣнные листки.

— У васъ товаръ, у насъ купецъ, собою парень молодецъ, и статный, и проворный, не вздорный, не зазорный!

Пушкина онъ обожалъ, молился ему вопстину, какъ Богу. Половина его думъ, несомнѣнно, шла стихами, своими или чужими. Слова, очевидно, противъ воли вызывали въ немъ рпему. Скажешь ему: „Постойте, я зажгу электричество“,—онъ тотчасъ же съ улыбкой выбрасываетъ рпемы: величество, количество...

Его приходомъ пользовались, просили его набросать пару стиховъ въ альбомъ, надпись на книгѣ, экспромтъ къ случаю. Онъ съ величайшей готовностью шелъ на это, и порой казалось, что это дается ему легче, чѣмъ иному

---

*) Въ отдѣлѣ „отзывовъ“ приведены на своемъ мѣстѣ (№№ 15—16 и 20) нѣкоторыя стихотворенія М. Шагинянъ и И. Сѣверянина. Въ числѣ этихъ стихотвореній читатель также найдетъ нѣсколько достойныхъ вниманія. (Между прочимъ, въ стихотвореніи И. Сѣверянина. „Кружевѣтъ, розовѣетъ утромъ лѣсъ“, напечатанномъ въ № 20 на стр. 520 въ отдѣлѣ „отзывы о книгахъ“, послѣ строкъ: „Ахъ люблю безцѣльно утромъ покричать“, по недосмотру корректора пропущена строка: „Ахъ люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать“.)

строка прозы. Онъ любилъ преодолѣвать трудности и минуты ожиданія заполнялъ экспромтами, акростихами, шутками.

Почти всегда онъ приносилъ съ собою свою послѣднюю рифмованную шалость и, расшевленный, охотно вспоминалъ другой, и третій, и четвертый свои экспромпты. Въ высшей степени скромный и вовсе не избалованный критикой, онъ дорого цѣнилъ ласковое слово и похвалу. Но иногда природную застѣнчивость побѣждало довольство художника, и онъ самъ говорилъ, что вотъ это ему удалось.

— Эстонскій священникъ, отецъ Адамъ, по фамиліи Симо, пожаловался на моего знакомаго. А я ему написалъ. Какъ вы находите: хорошо или плохо?

Отецъ Адамъ,
Вамъ стыдъ и срамъ,—
Вы происходите отъ Сима,
Но дѣлаетесь хамъ.
Писалъ вамъ не отецъ За-сима,—
Я самъ.

И все это рождалось у Фофанова буквально мгновенно. Онъ ничего не выдавливалъ изъ себя въ юмористикѣ, какъ и въ лирикѣ. Его голова была какою-то золотою чашей, полной образовъ, чудесныхъ сравненій, неожиданнѣйшихъ рифмъ.

Разъ въ обществѣ 3—4-хъ литературныхъ собратій, оказавшихся въ моемъ кабинетѣ, онъ разбрасывалъ акростихи направо и налѣво съ легкостью поразительной.

— Хотите, вамъ напишу? Вашъ трудный. У васъ въ срединѣ „и съ краткой“, но я знаю слово и на „и съ краткой“: это — Йорикъ. Помните, у Шекспира?

И мгновенно, безъ помарокъ, онъ набросалъ:

Изъ-за лѣса въ алой краснѣ
Золотой горитъ востокъ.
Мнѣ ручей лепечетъ сказки,
А душѣ постъ цвѣтокъ.
Йорикъ. Йорикъ, бѣдный Йорикъ!
Ложь людей еще сильна...
Отъ сильнѣйшихъ хлѣбъ все горекъ,
Вся святыня изгнана *).

Черезъ день или два послѣ смерти Комиссаржевской онъ зашелъ въ редакцію. Я спросилъ его, почему онъ не бросилъ вѣнка на ея могилу. Оказывалось, онъ никогда не видалъ ея, слышалъ только имя, не представлялъ яснаго облика. На его просьбу, я набросалъ ему этотъ образъ въ десяткѣ словъ.

На нѣсколько минутъ мнѣ пришлось оторваться отъ него. Когда я вернулся, на столѣ лежали его поминальныя строки:

Изъ милыхъ устъ услышалъ я признанье,
Какъ дорога ты всѣмъ.
Прекрасная, земныя ты страданья
Перенесла въ божественный Эдемъ!
Артистомъ даръ намъ дорогъ и священенъ,
Пока мы ихъ на сценѣ зримъ...
Но лучшій даръ, даръ сердца сокровенный,
Онъ въ мірѣ, въ насъ и съ Богомъ онъ Самимъ.

И всякій разъ, какъ жизнь грубо запѣпляла кого-нибудь изъ тѣхъ, на комъ покоилась его любовь, Фофановъ приходилъ негодующій, готовый вонзить жало своей насмѣшки въ злую силу.

Непониманіе Толстого, этого „лучшаго изъ людей и писателей“ (выраженіе одного изъ его писемъ), больно уязвляло его. Между прочимъ, очень уважавшій о. Іоанна Сергіева, онъ не могъ понять его въ полемикѣ съ Толстымъ. Послѣ одного такого выступленія, въ удрученіи и растерянности онъ набросалъ на моемъ столѣ:

Толстой бранитъ Шекспира,
Толстого—Іоаннъ...
На что же разумъ міра,
И для чего онъ данъ?

Была въ немъ бездна милой экспансивности, составлявшей его высшую прелесть, но и дѣлавшей его не совсѣмъ удобнымъ, а иногда и вовсе неудобнымъ для свѣтскаго салона или того общества, гдѣ человѣка оцѣниваютъ по фасону сюртука и манерамъ. Онъ, дѣйствительно, появился, какъ духъ, не считаясь съ запертыми дверями, съ докладами и слугами, съ занятостью и присутствіемъ постороннихъ. И черезъ минуту послѣ появленія онъ погружалъ васъ всецѣло въ атмосферу своей личной жизни, въ свою мечту сегодняшняго дня, въ случайную встрѣчу, въ пережитое впечатлѣніе.

...Ужасны были послѣдніе годы жизненной маяты этого свѣтлаго царевича нашей поэзіи, этого воистину принца и нищаго, какъ очаровательно назвалъ его С. В. Яблоновскій. Силы его, видимо, таяли. Онъ постарѣлъ, исхудалъ, потемнѣло свѣжее лицо. Временами некрасиво разрастались волосы и борода. Навсегда вскипувшіяся брови придавали лицу вѣчное выраженіе удивленія и растерянности. Скорбныя ноты все чаще и чаще прорѣзали его письма.

— Вы не можете вообразить, какъ тяжело мое матеріальное положеніе... За мной ходятъ не семь бѣдъ, а цѣлый хороводъ... Скверное, отчаянное чувство послѣ отрезвленія мучитъ

*) Какъ это, такъ и всѣ слѣдующія стихотворенія Фофанова появляются въ печати впервые.

меня, я не спалъ ночь въ глубокомъ раскаяніи за безсмысленные грѣхи...

...Въ жизни моей,—заканчиваетъ свой очеркъ г. Измайловъ,—я видѣлъ много людей исключительнаго одаренія, но не зналъ другого, кого бы такъ явственно, такъ божественно, какъ Фофанова, осѣняло вдохновеніе, вакхизмъ, оргіазмъ творчества. Свѣтлый Діонисъ, увѣнчанный радостными гроздьями, видимо для всѣхъ почилъ на немъ, и Діонисъ его погубилъ.

Неученому, некнижному, откуда къ нему пришелъ этотъ небесный даръ плѣнительныхъ звуковъ, осмѣивавшій нашу ученость и наши университеты! Какъ кремень, ударяющійся о сталь, высѣкала искры его душа, извемогшая въ земномъ страданіи. Нѣчто поистинѣ вѣщее, сближающее понятіе поэта съ понятіемъ пророка, было въ немъ и иногда прорывалось какъ прорвалось, напримѣръ, на парадномъ спектаклѣ Малаго театра, когда блестящему юбилейному обществу, за три года до революціи, онъ прокричалъ изъ ложи:

— Несчастные! Такъ-то вы веселитесь наканунѣ революціи!..

Мистической и жуткой загадкой прошелъ по землѣ этотъ человѣкъ, такъ причудливо сочетавшій въ себѣ землю и небо, этотъ заколдованный злыми чарами царевичъ, этотъ ангелъ, порою пугавшій людей маской дьявола. Пламенѣющимъ факеломъ вспыхнула его жизнь и погасла. Темное все сгорѣло. Остались безсмертныя свѣтлыя пѣсни".

* * *

Въ ярославскомъ „Голосѣ" (№ 113) П. Петровскій, жившій нѣсколько мѣсяцевъ на одной квартирѣ съ К. М. Фофановымъ, вспоминаетъ, какъ у покойнаго поэта складывался творческій процессъ.

„Онъ работалъ обыкновенно по утрамъ, послѣ легкаго завтрака, начиная со стихотворныхъ надписей на художественныхъ видовыхъ открыткахъ, которыя ему подкладывалъ, какъ бы случайно, его сынъ. Этихъ открытокъ сейчасъ имѣется болѣе 600. Если, подписавъ нѣсколько открытокъ, К. М. поднимался со стула и начиналъ въ раздумьи медленно прохаживаться по комнатѣ, это значило, что онъ началъ творить. И до тѣхъ поръ, пока въ мозгу К. М. не слагалось полностью задуманное произведеніе, каково бы по размѣру оно ни было, онъ не садился и не начиналъ писать и строчки. Какой, значитъ, памятью онъ обладалъ!

Оригинально одѣвался К. М., идя на прогулку: сапоги бутылками, картузъ и обязательно подъ жилетомъ бѣлый передникъ сомнительный чистоты.

— Это для того, чтобы на меня меньше обращали вниманіе!—поясвялъ онъ.

Иногда онъ возвращался вскорѣ по выходѣ изъ дома за кѣмъ-нибудь изъ насъ, такъ какъ у него бывали припадки прострацiи и онъ боялся свалиться на дорогѣ".

В. М. Соболевскій.

Вл. Гал. Короленко, посвящая въ „Рус. Вѣд." памяти недавно скончавшагося ветерана русской журналистики, бывшаго руководителя этой газеты В. М. Соболевскаго очеркъ, для характеристики его приводитъ между прочимъ слѣдующій эпизодъ изъ исторіи газеты, гдѣ главнымъ героемъ — героемъ въ полномъ смыслѣ слова—выступалъ покойный редакторъ.

„Это было въ февралѣ 1886 года. Я пріѣхалъ въ Москву и поселился на мѣсяцъ въ „Московской гостиницѣ" противъ Кремля. Я начиналъ свою литературную карьеру (или, вѣрнѣе, возобновлялъ ее послѣ ссылки) и пріобрѣлъ много знакомствъ въ московскомъ литературномъ мірѣ, въ томъ числѣ—съ редакціей „Русскихъ Вѣдомостей".

Подходила 25-я годовщина освобожденія крестьянъ, и въ литературныхъ кругахъ этотъ юбилей возбуждалъ много оживленныхъ толковъ.

Юбилей оказался „опальнымъ". Время было глухое, разгаръ редакціи. Крестьянская реформа довольно откровенно признавалась въ извѣстныхъ кругахъ роковой ошибкой. Смерть Александра II изображалась трагическимъ, но естественнымъ результатомъ этой ошибки, и самая память „Освободителя" становилась какъ бы неблагонадежной. Ждали, что даже умѣренныя статьи, которыя неизбѣжно должны были появиться 19-го февраля, навлекутъ репрессіи, и гадали, какая степень одобренія освободительныхъ реформъ можетъ считаться терпимой. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" шли тѣ же разговоры. Статьи, назначенныя для юбилейнаго нумера, обсуждались съ особеннымъ вниманіемъ и осторожностью всей наличной редакціей.

Въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, каждое утро являлся газетчикъ съ кипой газетъ, которыя разносились по нумерамъ. Я ложился и вставалъ поздно, и нумеръ „Русскихъ Вѣдомостей" мнѣ обыкновенно подсовывали подъ запертую еще дверь.

Утромъ 19-го февраля я съ любопытствомъ кинулся къ двери, но газеты на обычномъ мѣстѣ не оказалось.

Я позвонилъ и, когда явился коридорный, спросилъ у него, почему мнѣ сегодня не подали газету.

— Сегодня „Русскія Вѣдомости“ не вышли-съ,—сказалъ онъ и, понизивъ голосъ, прибавилъ: — Запрещены-съ... Не угодно ли вотъ-съ. И другимъ господамъ подаемъ эту-съ...

Онъ подалъ нумеръ какой-то московской газеты,—кажется, это были „Новости Дня“. Я взглянулъ въ нее,—о 19-мъ февраля не было ни одного слова!

Я одѣлся и поспѣшилъ въ Чернышевскій переулокъ. На лѣстницѣ, въ конторѣ, въ редакціи было движеніе, точно въ муравейникѣ. У служащихъ лица были встревожены и печальны. Съѣзжались редакторы и товарищи-пайщики. При мнѣ пріѣхалъ М. А. Саблинъ, чрезвычайно взволнованный и красный. Было видно, что невыходъ нумера для всѣхъ явился неожиданностью. Служащіе не могли ничего опредѣленно отвѣтить на вопросы подписчиковъ, приходившихъ освѣдомиться о причинѣ неполученія газеты. Во всякомъ случаѣ для Москвы это было событіе, для Чернышевскаго переулка—катастрофа.

Мнѣ удалось узнать въ общихъ чертахъ, что именно случилось. Нумеръ былъ приготовленъ, и въ немъ, конечно, была статья о великомъ юбилеѣ. Выпускалъ этотъ нумеръ Соболевскій. Все было сдано въ наборъ, прокорректировано и частью сверстано, когда въ типографію явился чиновникъ генералъ-губернатора или инспекторъ типографіи и отъ имени князя Долгорукова потребовалъ, чтобы московскія газеты ничего не писали о 19-мъ февраля, о годовщинѣ крестьянской реформы. Соболевскій тотчасъ же поѣхалъ къ генералъ-губернатору.

Было уже очень поздно, и князя Долгорукова пришлось будить. На это долго не рѣшались, но штатскій господинъ, явившійся глубокою ночью, былъ такъ возбужденъ и требовалъ такъ твердо и настойчиво, что стараго князя, наконецъ, подняли съ постели.

У почтеннаго московскаго сатрапа были маленькія слабости. Глубокій старикъ,—онъ имѣлъ претензію молодиться, красилъ волосы, фабрилъ усы; ему растягивали морщины и цѣлымъ рядомъ искусственныхъ мѣръ придавали старому князю тотъ бравый видъ, которымъ онъ щеголялъ на пріемахъ.

По характеру это былъ въ сущности добродушный старикъ, и, можетъ-быть,—будь на его мѣстѣ другой человѣкъ, менѣе независимый и болѣе подчинявшійся инспираціямъ Каткова и его партіи,—„Русскимъ Вѣдомостямъ“ не пришлось бы создать такія прочныя многолѣтнія традиціи литературнаго либерализма въ Москвѣ. Но все же это былъ хотя и благодушный, но настоящій сатрапъ, отъ расположенія духа котораго зависѣла часто судьба человѣка, семьи, учрежденія, газеты. Ему ничего не стоило безъ злобы, чисто стихійно раздавить человѣческую жизнь, какъ ничего не стоило проявить и неожиданную милость. Совершенно понятно, что разбудить могущественную особу съ тѣми „слабостями“, о которыхъ я говорилъ выше, заставить „его сіятельство“ выйти въ халатѣ съ почнымъ, непараднымъ лицомъ въ пріемную, было чрезвычайно опасно, такъ какъ создавало самое неблагопріятное „расположеніе духа“. И Соболевскій очень рисковалъ, требуя этого свиданія во что бы то ни стало.

Объясненіе было довольно бурное. Долгоруковъ, хмурый и недовольный, подтвердилъ, что распоряженіе исходитъ отъ него и должно быть неволнено. На требованіе „законныхъ основаній“ и указаніе на нравственную невозможность для печати замолчать юбилей крестьянской реформы Долгоруковъ отвѣтилъ такъ, какъ обыкновенно отвѣчаютъ сатраны на разговоры о законѣ и нравственныхъ невозможностяхъ. Оба волновались. Редакторъ заявилъ, что не можетъ выпустить газету безъ статей о реформѣ, Долгоруковъ отвѣтилъ, что со статьями о реформѣ нумеръ не будетъ выпущенъ изъ типографіи, а невыпускъ газеты онъ будетъ разсматривать, какъ антиправительственную демонстрацію, и непремѣнно ее закроетъ.

На томъ и разстались. Соболевскій пріѣхалъ въ Чернышевскій переулокъ поздно ночью, когда уже нельзя было созвать товарищей (телефоновъ тогда еще не было). Ему одному пришлось рѣшать судьбу общаго дѣла и выбирать между унизительнымъ безмолвіемъ въ день великаго юбилея или рискомъ закрытія газеты.

Онъ отдалъ распоряженіе пріостановить всю работу и чрезвычайно взволнованный уѣхалъ домой.

...Я былъ уже достаточно знакомъ съ редакціей и ближайшими сотрудниками „Русскихъ Вѣдомостей“, чтобы имѣть право остаться въ этой сутолокѣ и выждать, пока пріѣдетъ Соболевскій. Наконецъ, его выразительная фигура появилась на лѣстницѣ. Не знаю, спалъ ли онъ эту ночь, но теперь лицо его было спокойно и показалось мнѣ чрезвычайно краснымъ. Онъ поднимался по лѣстницѣ,—на верхней площадкѣ которой ждали его, толпясь, служащіе и нѣкоторые товарищи,—съ такимъ видомъ, какой, должно быть, имѣетъ англійскій премьеръ, который долженъ дать отчетъ въ серьезномъ, непредвидѣнномъ конституціей и

чрезвычайно отвѣтственномъ шагѣ. Вскорѣ изъ толпы выдѣлилась группа товарищей-редакторовъ, и за ними закрылась черная дверь редакторскаго кабинета. Тамъ шли какія-то объясненія, отъ которыхъ,—всѣ это чувствовали,—зависѣла судьба газеты и личная судьба ея работниковъ. Потомъ двери раскрылись, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, редакторы отдѣловъ принялись за работу, и хорошо слаженная машина пошла въ ходъ спокойно и увѣренно, хотя никто не зналъ, выйдетъ ли завтра нумеръ, надъ которымъ приходится работать сегодня.

Въ этотъ день только и было разговоровъ въ интеллигентной московской средѣ, что о безмолвномъ юбилеѣ и „невыходѣ“ „Русскихъ Вѣдомостей“. Ни одна московская газета не обмолвилась ни словомъ объ освобожденіи крестьянъ, какъ будто дата 19-е февраля 1861 г. никогда не существовала въ русской исторіи. О ней приказано было забыть, и пресса,—голосъ общества,—покорно исполнила оскорбительное приказаніе. Невыходъ „Русскихъ Вѣдомостей“ рѣзко и выразительно подчеркивалъ картину.

Изъ устъ въ уста переходилъ разсказъ о ночномъ разговорѣ съ Долгоруковымъ. Всѣ понимали, что послѣ этого разговора „невыходъ“ газеты становился еще опаснѣе: это была уже не общая антиправительственная демонстрація, а нѣчто при русскихъ условіяхъ гораздо худшее: демонстрація анти-долгоруковская, неподчиненіе распоряженію могущественнаго сатрапа.

На слѣдующій день я съ съ особенной тревогой кинулся къ двери своего нумера: газета была тутъ. Оказалось, кромѣ того, что всѣ петербургскія газеты вышли со статьями о реформѣ, и что это, значитъ, былъ сепаратный приказъ по московской сатраніи, вызванный вѣроятно, инспираціями трусливой и злобной тогдашней московской цензуры.

— Вы думаете, это лучше?—сказалъ мнѣ при свиданіи В. М. Соболевскій со своей характерной улыбкой.—Гораздо безопаснѣе нарушить законъ, чѣмъ такой капризъ... Опасность еще не миновала.

Оказалось однако, что на этотъ разъ гроза прошла мимо. Московскій сатрапъ былъ „отходчивъ“ и, вѣроятно, увидѣлъ, что попалъ благодаря злобнымъ совѣтамъ въ глупое положеніе.

В. О. Ключевскій.

„Гол. Мин.“ въ майской книжкѣ публикуетъ нѣсколько писемъ В. О. Ключевскаго и новые матеріалы для біографіи его, сообщенные свящ. И. А. Артоболевскимъ.

Въ дѣтствѣ нашему славному историку пришлось испытать самый суровый гнетъ нужды. Единственнымъ средствомъ къ жизни у семьи, потерявшей отца, были грошовые нахлѣбники, которымъ отдавалась лучшая половина дома. Сами же Ключевскіе ютились въ небольшой задней половинѣ дома, гдѣ мѣстомъ для занятій В. О. были—да, очевидно, и могли только быть—знаменитыя въ жизни стараго семинариста „полати“. Сюда забирался В. О., по сообщенію сестры его, и отъ тѣсноты и—зимой, главнымъ образомъ,—отъ холода. Когда не на что было купить свѣчи, онъ устраивалъ себѣ такъ называемый „ночникъ“, стаканчикъ съ конопляннымъ масломъ и поплавкомъ, и съ такимъ освѣщеніемъ читалъ далеко за полночь; иногда засыпалъ за чтеніемъ и разливалъ масло.

Однако это усердіе не спасло В. О. отъ званія „камчатника“ въ первые годы его обученія въ духовномъ училищѣ,—замѣчаетъ свящ. Артоболевскій.—Эта официальная учеба шла туго и плохо. Не „полати“ и „ночникъ“ были причиною этого, а природный недостатокъ В. О. въ видѣ косноязычія, заиканія. Когда приходилось слушать впослѣдствіи мѣрно лившуюся, красивую и плавную рѣчь В. О., съ трудомъ вѣрилось, чтобы когда-нибудь онъ былъ заикою. А между тѣмъ это было такъ. Но, очевидно, непреклонное упорство, необыкновенная энергія, отчасти родовое свойство стараго семинариста, культивируемое всѣми условіями матеріально-необезпеченной, трудовой жизни духовенства, способны были преодолѣть не только „ночникъ“ и „полати“, но и такіе физическіе дефекты, для устраненія которыхъ создаются теперь цѣлыя лѣчебницы.

Но не преодолѣнный — этотъ недостатокъ доставлялъ много огорченій и мальчику Ключевскому и его семейнымъ. Для наставниковъ училища онъ былъ тяжелымъ ученикомъ, съ которымъ ни у кого не было особой охоты возиться. Въ правленіи нѣсколько разъ раздавались голоса за увольненіе Ключевскаго въ виду его безнадежности. Вскорѣ эта мысль однако была оставлена, когда сквозь косноязычіе для всѣхъ замѣтно стала пробиваться, особенно въ письменныхъ работахъ, свѣтлая и сильная не по возрасту мысль. Семинаріи училище передало Ключевскаго уже какъ „красу“, способную „поддержать“, какъ въ это время выражались, „честь училища“.

Въ семинаріи Ключевскій много и упорно работалъ— въ той же обстановкѣ и условіяхъ, какъ и прежде. Эта работа шла, такъ сказать,

въ трехъ направленіяхъ. Ключевскій удѣлялъ извѣстное время официальнымъ занятіямъ, семинарскимъ урокамъ, и до того злополучнаго момента, когда семинарское начальство стало угадывать о намѣреніи его оставить семинарію для университета, онъ неизмѣнно занималъ первое мѣсто по списку, и все-таки, по разсказамъ его товарищей, разстояніе между Ключевскимъ и единственнымъ его сосѣдомъ по списку оставалось неизмѣримымъ. Но, главнымъ образомъ, занятія В. О. за это время сосредоточивались не въ классѣ, а на тѣхъ же „полатяхъ“, гдѣ, при свѣтѣ починка, онъ переходилъ отъ скандированія Иліады и Энеиды къ штудированію курсовъ философіи и надолго задерживался на историческихъ трудахъ Татищева и Карамзина, находя въ нихъ обильную пищу для пробуждавшагося уже интереса къ изученію прошлаго Россіи. Но скудость и нужда семейная невольно заставляли Ключевскаго переходить отъ далекаго прошлаго къ наличной дѣйствительности, слѣзать съ „полатей“ и бѣгать по урокамъ или, какъ тогда говорили, по кондиціямъ.

Уже съ первыхъ классовъ семинаріи онъ сталъ давать уроки; первый урокъ его былъ у тогдашняго инспектора семинаріи—прот. І. П. Бурлуцкаго и оплачивался—смѣшно сказать!—тремя рублями въ мѣсяцъ. Но этотъ выборъ Ключевскаго, въ качествѣ репетитора къ сыну, лицомъ, въ распоряженіи котораго находилась вся семинарія, показываетъ, насколько умственно превосходилъ онъ не только своихъ товарищей-сверстниковъ, но и болѣе зрѣлыхъ возрастовъ воспитанниковъ.

Чрезвычайно трогательны сообщенія сестры Е. О. о томъ, съ какою любовью передавалъ В. О. весь свой скудный репетиторскій заработокъ матери,—съ заказомъ—сдѣлать на него какую-нибудь необходимую обновку сестрѣ. Когда мать начинала указывать ему на большіе недочеты въ его собственной костюмировкѣ, В. О. съ рѣшительностью отклонялъ необходимость какихъ-либо расходовъ на него. „Мнѣ не нужно! Я какъ-нибудь прохожу, я обойдусь, а она уже большая...“, говорилъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ. Эта скромность, удивительная непритязательность во всемъ, отсутствіе всякой склонности къ какому-либо комфорту, — однимъ словомъ, „простота“, во всѣхъ ея видахъ,—являлись, какъ всѣмъ извѣстно, отчетливыми чертами его личности и во всю послѣдующую жизнь. Трудно было представить себѣ В. О. въ шитомъ золотомъ мундирѣ, когда онъ почти стѣснялся и форменнаго фрака. Когда сослуживцы шутя указывали ему на почтенный возрастъ фрака и пыльныя пятна на немъ, онъ также шутя отвѣчалъ: „не забывайте, что и солнце не безъ пятенъ“. Когда за столомъ предлагали ему деликатесы, онъ просилъ достать ему просто „зеленаго лучку“...

Намѣреніе поступить въ университетъ окончательно созрѣло въ В. О. на пятомъ году его обученія въ семинаріи, когда онъ перешелъ въ старшее отдѣленіе семинаріи (по нынѣшнему 5-й классъ). Начальство всполошилось. Не хотѣлось ему и лишиться такого даровитаго ученика, какъ Ключевскій, да и боялось оно гнѣва архипастыря, который не особено долюбливалъ „выходы“ семинаристовъ изъ духовнаго званія.

На „поступокъ“ Ключевскаго преосв. Варлаамъ посмотрѣлъ какъ на „проступокъ“ если не противъ закона, то противъ установленныхъ традицій или, вѣрнѣе, личныхъ взглядовъ и вкусовъ преосвященнаго. „Проступокъ“ требовалъ нѣкотораго „возмездія“, своего рода „жертвы“. И остроумный владыка придумалъ и то и другое, преслѣдуя, можетъ быть, въ конечномъ счетѣ и благую, съ своей точки зрѣнія, цѣль — спасти Ключевскаго отъ той „гибели“, которую разрѣшить онъ долженъ былъ по закону.

Испытывая сильную нужду, мать В. О. еще раньше задумала воспользоваться „слабостью“ преосвященнаго (способствовать замужеству дѣвицъ духовнаго званія) для подраставшей уже дочери. Въ праздникъ въ честь иконы Боголюбской Божіей Матери (18-го іюня) преосвященный служилъ литургію въ Боголюбской церкви и послѣ обѣдни трапезовалъ въ квартирѣ настоятеля—дяди В. О. При представленіи семьи Ключевскихъ обращено было вниманіе на приходившую уже въ возрастъ Елиз. Осип., при чемъ бабушка ея стала просить преосвященнаго „пристроить“ Елиз. Ос., т.-е. найти ей жениха съ приличнымъ мѣстомъ. Преос. Варлаамъ, которому, несомнѣнно, напомнили въ это время о трагической кончинѣ отца Ключевскаго, очень внимательно отнесся къ просьбѣ и поручилъ дядѣ— еще разъ напомнить ему какъ-нибудь про сироту. Но около Рождества того же года стало извѣстно о желаніи В. О. уйти изъ семинаріи. Когда угоноры семинарскаго начальства не повліяли на рѣшеніе Ключевскаго, когда онъ спокойно перенесъ и „словесное бичеваніе“ владыки на полукурсовомъ экзаменѣ, тотъ пустилъ въ ходъ послѣднее средство. Лично или черезъ ректора семинаріи онъ заявилъ Ключевскому: „Мы готовили тебя въ академію; но ты не захотѣлъ этого. Поэтому нѣтъ твоей сестрѣ ни жениха, ни мѣста!“

В. О. страшно удрученъ былъ такимъ заявле-

піемъ твердаго въ своихъ словахъ владыки и рѣшилъ отказаться отъ университета, чтобы не сдѣлать несчастной сестры. Съ твердымъ рѣшеніемъ оставить всякую мысль объ университетѣ пришелъ В. О. къ своему постоянному совѣтнику дядѣ. Но послѣдній посмотрѣлъ на дѣло иначе. Рѣшительно и твердо онъ заявилъ, что нѣтъ настоятельной необходимости жертвовать своимъ счастьемъ для сестры, разъ нѣтъ никакого призванія итти въ академію. Заручившись словомъ дяди—не оставлять мать и сестеръ своимъ содѣйствіемъ и попеченіемъ, В. О. здѣсь же съ своей стороны даетъ почти торжественное обѣщаніе, если будетъ живъ, „никогда не оставлять своими заботами сестру“, что и дѣлалъ онъ, по словамъ Е. О., до конца своей жизни. „Постоянно помогалъ мнѣ въ воспитаніи и устройствѣ всѣхъ моихъ дѣтей. Потомъ устроилъ другую сестру и послѣ ея смерти воспиталъ двухъ ея дѣтей“.

Итакъ, вопросъ объ университетѣ, благодаря авторитетной нравственной поддержкѣ со стороны дяди, и при тогдашнихъ возрѣніяхъ сумѣвшаго оцѣнить то, что называется „призваніемъ“, рѣшенъ былъ въ благопріятномъ для В. О. смыслѣ. Но для осуществленія рѣшенія нужны были средства. Любопытны и характерны сообщенія Е. О., рисующія опять удивительную скромность В. О., его необыкновенную душевную деликатность — и въ этомъ тяжеломъ вопросѣ о средствахъ. Опытный въ репетиторствѣ, онъ, несомнѣнно, надѣялся и въ Москвѣ жить уроками. Но нужно было добраться до Москвы, нужны были средства и на первое время жизни тамъ.

Дядя В. О., любившій и цѣнившій его, давно уже приготовилъ ему необходимую для этого сумму, денегъ, но стѣснялся предложить В. О. до самаго послѣдняго времени; въ свою очередь, и В. О. до послѣдняго момента не позволилъ себѣ сдѣлать даже намека относительно денегъ. Наконецъ, за нѣсколько дней до отъѣзда, дядя рѣшился его спросить: „Какъ же вы, В. О., безъ всякихъ средствъ ѣдете въ Москву?“ Взволнованный В. О. сказалъ: „Я ѣду въ Москву, во-первыхъ, съ вѣрой въ Бога; а во-вторыхъ, съ надеждой на васъ“. Тогда дядя крѣпко обнялъ его и заплакалъ; не могли удержаться отъ слезъ и другіе члены семьи, свидѣтели этого объясненія. Но, сознавая, что данныхъ денегъ далеко недостаточно будетъ В. О. и вмѣстѣ не желая тревожить его предложеніемъ большей суммы, дядя допустилъ нѣкоторую хитрость. Прощаясь съ В. О., онъ подарилъ ему, чрезъ посредство жены своей, родной тетки В. О., молитвенникъ, совѣтуя прибѣгать къ этой книгѣ въ тяжелыя минуты жизни. В. О. съ благодарностью принялъ эту книгу „на память“. И только впослѣдствіи, въ Москвѣ, перелистывая подаренную дядей книжку, онъ къ удивленію своему нашелъ въ ней значительной цѣнности ассигнацію.

Въ первыхъ письмахъ къ сестрѣ изъ Москвы В. О., между прочимъ, дѣлится своими впечатлѣніями отъ университета и перваго экзамена. В. О. разсказываетъ, какъ они, трое семинаристовъ (двое изъ другихъ семинарій), „робкіе, скромно одѣтые, вошли въ громадный залъ (очевидно, актовый — стараго университета) и увидѣли группу джентльменовъ, въ дорогихъ сюртукахъ, въ манжетахъ и воротничкахъ; у нѣкоторыхъ пенснэ на носу; видъ непринужденный, разговоръ развязный. Первое наше заключеніе при видѣ этой группы,— что это были профессора. Недоумѣніе стало разсѣиваться только съ того момента, когда эти джентльмены, уже съ менѣе отважнымъ видомъ, потянулись къ экзаменаціонному столу, и состязательная экзаменаціонная робость стала нѣсколько ослабѣвать, когда удавалось слышать отвѣты этихъ господъ, совсѣмъ не соотвѣтствующіе ихъ развязной наружности. Овладѣвать собой вполнѣ мы стали только тогда, когда на наши отвѣты, часто взамѣнъ ихъ молчанія, дѣйствительные профессора милостиво качали головой и перешептываясь, повидимому, съ интересомъ всматривались въ наши истомленныя нуждою и робостью лица“.

Изъ писемъ Ключевскаго наибольшій интересъ представляетъ „письмо-исповѣдь“ его къ другу дѣтства, Н. И. Мизеровскому (отъ 25 февр. 1868 г.).

„...Ты просишь увѣдомить тебя о моемъ житьѣ-бытьѣ. Прости за откровенность: я не мастеръ и не охотникъ писать объ этомъ, именно объ этомъ. Постараюсь дать тебѣ понятіе о своемъ житьѣ черезъ противоположеніе его твоему: кажется, это будетъ всего лучше. Ты служишь и служишь давно; я уже почти три года какъ вышелъ изъ университета съ кандидатской степенью и нигдѣ не служу, не потому чтобы не находилъ мѣста,— мѣстъ много представлялось и представляется,—а потому, что мнѣ нравится не служить. Я успѣлъ почувствовать прелесть *нигдѣ неслуженія*, если можно такъ выразиться, и стараюсь продлить по возможности дольше это состояніе, тѣмъ болѣе, что необходимости давящей еще не чувствуется, — занятія, дающія деньги, есть, и ихъ можно успѣвать, сколько угодно, было бы здоровье. Товарищи, кончившіе со мною вмѣстѣ университетскій курсъ и ниже меня, давно усѣлись по мѣстамъ, по-

чти всѣ переженились, при встрѣчахъ со мною качаютъ поучительно головой, приговаривая: „Пора, пора служить!“ Я съ своей стороны одобряю ихъ совѣтъ и думаю про себя воспользоваться имъ, какъ можно позже. Вотъ и ты опредѣлился, усѣлся, завелся спутницей. А я попрежнему останусь въ разрядѣ людей, о которыхъ сказано: „Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“. Не подумай, пожалуйста, что хвастаюсь, напрягаюсь въ это равнодушіе къ осѣдлой степенной жизни: нѣтъ, я глубоко уважаю людей, которые успѣли осѣсться, стать людьми, и считаю странствующихъ артистовъ, подобныхъ мнѣ, полулюдьми. Но я скажу тебѣ причину, почему я, уважая осѣдлую жизнь, избѣгаю ея: уважая ее, людей, вступившихъ въ нее, я цѣню то мужество, силу духа, характера, которыя нужны для этого; избѣгая ея самъ, я дѣлаю это потому, что чувствую въ себѣ недостатокъ этихъ свойствъ. Но ты знаешь, можно не только примириться съ своими слабостями, можно даже полюбить ихъ. И мнѣ дѣйствительно нравится это созваніе слабости, этой неспособности отвѣчать за двоихъ или даже больше, которая нужна человѣку осѣдлому и которой, кажется, у меня нѣтъ отъ природы. Чувство одиночества не только не пугаетъ меня, даже доставляетъ эгоистическое удовольствіе. Вотъ тебѣ моя дружеская исповѣдь“.

Грезы сѣрыхъ легіоновъ.

(Хорошая жизнь въ представленіи нѣмецкаго рабочаго).

Когда-то въ одномъ изъ своихъ „Парижскихъ писемъ“ Гейне высказалъ по поводу успѣховъ „коммунизма“ (собственно революціоннаго соціализма среди французскихъ рабочихъ) печальную увѣренность въ томъ, что эти „сѣрые легіоны“ враждебны наукамъ и искусствамъ, что стоитъ имъ лишь завладѣть міромъ — и эти современные „варвары-вандалы“ безжалостно обратятъ въ пепелъ всѣ произведенія искусства, всѣ созданія человѣческаго генія.

Когда же наступилъ, наконецъ, желанный для однихъ и страшный для другихъ моментъ— подземныя силы вышлись наружу и стали дѣйствовать открыто въ обстановкѣ современной культурной жизни, когда широкой волной разлилось рабочее движеніе, то одной изъ первыхъ заботъ пробужденнаго сознательнаго пролетарія явилось завоеваніе національной культуры, не только матеріальной, но и духовной. Силочленные „сѣрые легіоны“ потребовали пріобщенія къ сокровищницѣ духовныхъ благъ, созданныхъ человѣчествомъ въ теченіе тысячелѣтій; они стали домогаться доступа въ область научнаго и художественнаго творчества, ознакомленія съ произведеніями искусства, которыя нѣкогда, еще въ средніе вѣка, возникали среди народа и были для него предназначены. Тоска по „лучшей, возвышенной жизни“ стихійно охватила широкіе круги“.

И чѣмъ шире становится „просвѣтъ“ въ экономическомъ положеніи „сѣрыхъ легіоновъ“, тѣмъ интенсивнѣе становится ихъ тоска, и тѣмъ опредѣленнѣе и ярче изъ этого смутнаго чувства вырисовываются контуры многообразныхъ духовныхъ запросовъ.

Въ какой же стадіи развитія находятся теперь эти запросы? Какова теперь формула хорошей жизни въ представленіи рабочаго класса?

На этотъ вопросъ пытается отвѣтить книга д-ра Адольфа Левенштейна „Рабочіе вопросы“, съ которой мы знакомимся по статьѣ С. Рудпянскаго въ майской книжкѣ „Современнаго Міра“.

Д-ръ Левенштейнъ, пишетъ С. Рудпянскій, въ теченіе восьми лѣтъ устраивалъ въ своей квартирѣ регулярно каждую недѣлю вечернія собесѣдованія съ рабочими, изслѣдуя, путемъ дискуссій и письменныхъ обработокъ предложенныхъ имъ темъ, своеобразныя умственныя черты крупно-промышленныхъ рабочихъ, изучая особенности ихъ воспріятія и чувствованія въ связи съ условіями труда, съ даннымъ производствомъ, съ окружающей ихъ постоянно обстановкой. Желая узнать, какое представленіе имѣютъ современные рабочіе о „хорошей жизни“, г. Левенштейнъ распространилъ среди 8000 рабочихъ самыхъ различныхъ производствъ анкету, заключавшую чрезвычайно любопытные вопросы.

Нѣмецкіе рабочіе живутъ, правда, въ общемъ въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ сравнительно съ нашими, но на анкету откликнулись и рабочіе такихъ производствъ, условія труда которыхъ зачастую немногимъ лучше нашихъ, напр., горнопромышленные рабочіе. Получился, такимъ образомъ, рядъ весьма цѣнныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ эмоціональномъ и интеллектуальномъ складѣ современнаго рабочаго.

Одинъ изъ вопросовъ гласилъ слѣдующее: „Что вы дѣлали бы, имѣя достаточно для себя досуга? Что пріобрѣли бы вы, имѣя въ своемъ распоряженіи необходимыя средства для удовлетворенія вашихъ желаній?“.

Подавляющее большинство отвѣтовъ краснорѣчиво говоритъ прежде всего о сильной жаждѣ знанія, господствующей среди пресловутыхъ „сѣрыхъ легіоновъ“, которымъ Гейне нѣкогда

приписывалъ вандальскія наклонности. Рабочій-металлистъ пишетъ, напр.: „Я могъ бы тогда—въ другихъ жизненныхъ условіяхъ—собраться съ мыслями“. Другой его товарищъ по профессіи выражается еще ярче: „Если бы я обладалъ ежедневно достаточнымъ для себя досугомъ, я бы сѣлъ и прилежно уткнулъ бы носъ въ книги“. Вотъ первый приступъ „духовнаго голода“, являющагося здѣсь въ видѣ неопредѣленнаго стремленія къ просвѣщенію, вѣрнѣе, къ универсальному знанію или, говоря словами одного слесаря-машиниста, „къ познанію цѣнности или безполезности жизни“. У тѣхъ, кто успѣлъ уже частично удовлетворить этотъ голодъ, мы встрѣчаемъ уже болѣе дифференцированныя пожеланія, направленныя въ извѣстную сторону. Какой-то формовщикъ разсказываетъ намъ о томъ, что у него имѣется домашняя библіотека, состоящая изъ 480 крупныхъ и небольшихъ сочиненій, книгъ и брошюръ. Книги являлись всегда, какъ онъ пишетъ, самыми любимыми его предметами, если бы онъ имѣлъ возможность исполнить свое завѣтное желаніе, онъ старался бы увеличить свою библіотеку. Другой рабочій-металлистъ высказываетъ еще опредѣленнѣе свои наклонности: „Я посвящу себя тогда“—пишетъ онъ—„наукѣ, а именно философіи и естествознанію.—Книги: философы-классики, Спиноза, Кантъ, Гегель и т. д. Естествознаніе: Дарвинъ, Геккелъ, Оствальдъ, Ферворнъ. Также по литературѣ (нѣмецкіе классики) творенія всемірно-человѣческаго генія (Гете), Шиллеръ и т. д.“. Одинъ изъ его товарищей прибавляетъ къ литературѣ всемірную исторію, исторію Греціи и Рима и законовѣдѣніе. „Я жажду знанія“—сообщаетъ этотъ послѣдній въ своемъ отвѣтѣ—„а такъ какъ я посѣщалъ только простую крестьянскую школу и такъ какъ обыкновенно нѣтъ возможности продолжать ученіе, впослѣдствіи тяжеленько приходится въ жизни, если хочешь постоянно итти въ уровень со своимъ временемъ“.

Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ видѣнъ пытливый умъ, стремящійся проникнуть въ тайны мірозданія. „Первымъ дѣломъ“ — пишетъ одинъ слесарь—„я купилъ бы телескопъ, чтобы заглянуть въ бездну вселенной, и микроскопъ для изслѣдованія тайнъ нашего маленькаго мірка“. Какой-то шлифовщикъ выражаетъ желаніе пріобрѣсти такія научныя сочиненія, какъ, напр., „Вселенная и человѣкъ“, „Астрономія“, „Изслѣдованіе морскихъ глубинъ“, „Сочиненіе знаменитаго шведа Свенъ-Гедина“. „Къ несчастію“—замѣчаетъ онъ — „при настоящихъ жалкихъ условіяхъ у меня слишкомъ мало средствъ для исполненія подобныхъ желаній“. У одного изъ рабочихъ мы находимъ весьма любопытную наклонность къ психологіи и искусству. Мы читаемъ у него слѣдующее: „Десятичасовой рабочій день отнимаетъ у меня возможность читать все, что мнѣ бы хотѣлось узнать. — Я постарался бы достать книги по естествознанію и психологіи, въ особенности же психологическія сочиненія, такъ какъ я особенно ими интересуюсь. Кромѣ того, я покупалъ бы картины (какъ, напр., Бёклина) и статуи“.

Вообще, можно сказать, что художественные запросы участниковъ анкеты едва ли уступаютъ по своей интенсивности ихъ могучей жаждѣ знанія. Во многихъ отвѣтахъ говорится объ уединенномъ домикѣ съ садикомъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ или, по крайней мѣрѣ, въ предмѣстіи среди цвѣтовъ и зелени; жилище рабочаго должно быть обставлено красивой мебелью, увѣшано картинами, хорошими снимками. Нѣкоторые изъ участниковъ выражаютъ особенныя наклонности къ поэзіи, живописи, музыкѣ. Одинъ слесарь хотѣлъ бы соединить „чистое“ искусство съ прикладнымъ совершенно такимъ же образомъ, какъ мечталъ объ этомъ благородный утопистъ Вильямъ Моррисъ: слѣдуя порыву вдохновенія, творить поэтическія произведенія и создавать одновременно художественныя слесарскія издѣлія. У другого мы читаемъ слѣдующее: „О, это время! Если бы кто-нибудь его имѣлъ! Я занялся бы, несмотря на свой возрастъ, моимъ музыкальнымъ образованіемъ—къ сожалѣнію, незаконченнымъ, такъ какъ я слишкомъ рано принужденъ былъ его прервать. Я воспользовался бы каждой минутой, каждымъ возможнымъ случаемъ, чтобы присвоить себѣ всестороннее образованіе и знаніе... И я твердо вѣрю, что сумѣлъ бы превосходно использовать время—это безцѣнное сокровище.—Но кому удалось бы изложить въ двухъ словахъ то, о чемъ можно было бы столько сказать... У меня вовсе нѣтъ чрезмѣрныхъ желаній. Рояль получше того, который у меня имѣется. Немного хорошей мебели для пополненія моей обстановки. Нѣсколько лучшее платье. Этимъ были бы исчерпаны мои желанія“. Эта умѣренность сквозитъ во многихъ отвѣтахъ; нѣкоторые даже особенно ее подчеркиваютъ: „Деньги не сдѣлали бы меня болѣе требовательнымъ“, „Я не хочу ничего, что напоминало бы мотовство“.

Жажда прекраснаго, страстное желаніе видѣть произведенія искусства и наслаждаться ими, стремленіе къ развитію своихъ творческихъ силъ въ области живописи или музыки—все это сочетается у участниковъ анкеты съ здоровымъ пиктизмомъ, подсказывающимъ имъ, что „искусствомъ изъ искусствъ“ является

именно искусство создавать цѣлостныхъ, гармоничныхъ людей. Рабочій обыкновенно оторванъ большую часть дня отъ семьи; онъ едва имѣетъ возможность удѣлить ей нѣсколько минутъ. Естественно поэтому, что его удручаетъ мысль о воспитаніи его дѣтей, и эта мысль озабочиваетъ не только болѣе сознательныхъ, „начитанныхъ“, но и обыкновеннаго „массовика“. Вотъ рабочій, выражающій желаніе употребить деньги—если бъ они у него имѣлись—„прежде всего на покупку третьей кровати, такъ какъ нужда глядитъ изо всѣхъ угловъ“,—и онъ также сознается, что „хотѣлъ бы чаще пребывать въ семьѣ, потому что иначе дѣти остаются безъ призора“. Другіе рады бы заняться физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обезпечить всей семьѣ лучшее питаніе: „Въ особенности же“—пишетъ одинъ—„должны тотчасъ исчезнуть маргаринъ и сало“. Есть и такіе, у которыхъ воспитаніе дѣтей стоитъ на первомъ планѣ, какъ сверлильщикъ, желающій употребить „максимумъ свободнаго времени“ на воспитаніе своихъ троихъ „малышей“. Другой рабочій, желающій пополнить свою библіотеку и имѣть „картины настоящей художественной цѣнности“, хотѣлъ бы страстно стать духовнымъ отцомъ своихъ дѣтей; онъ говоритъ: „Я желалъ бы самъ воспитывать собственнаго ребенка, насколько я въ силахъ, путемъ совмѣстнаго ознакомленія съ природой и съ помощью хорошихъ книгъ“.

Основой этихъ здоровыхъ духовныхъ стремленій должно быть, по мнѣнію рабочихъ, физическое здоровье, закаленное и крѣпкое тѣло—согласно древнему правилу: „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Заботясь поэтому о физическомъ развитіи своихъ дѣтей, участники анкеты не забываютъ и о собственномъ: въ отвѣтахъ говорится о томъ, что „прежде всего слѣдуетъ закалить здоровье“, о частномъ пребываніи на свѣжемъ воздухѣ, спортѣ, прогулкахъ. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности, дѣло обыкновенно такъ и кончается благими намѣреніями,—конечно, не по винѣ самихъ рабочихъ. Ибо когда рабочій живетъ въ лучшихъ условіяхъ, онъ умѣло распредѣляетъ свой досугъ. Примѣромъ можетъ послужить одинъ слѣсарь, заявляющій о себѣ, что онъ располагаетъ достаточнымъ временемъ для того, чтобы „лѣтомъ гулять въ лѣсу или купаться въ рѣкѣ, зимой читать научныя книги, состоять членомъ Свободнаго Народнаго Театра, пополнять свои познанія въ качествѣ слушателя Берлинской Свободной Высшей Школы и внимательно слѣдить за явленіями общественной жизни“. Интересно, что почти во всѣхъ отвѣтахъ идетъ рѣчь о природѣ, о наслажденіи ея красотами; нѣкоторые желали бы художественно воспроизвести, возсоздать эти красоты въ словахъ или краскахъ. Тоска по природѣ изливается иногда въ самой непосредственной, первобытной поэтической формѣ, напоминающей восхищеніе ребенка или гимны дикаря. „Я поспѣшилъ бы къ прекрасной природѣ“—читаемъ мы въ одномъ отвѣтѣ—„пребывалъ бы въ самомъ глубокомъ лѣсномъ уединеніи, у журчащихъ ручьевъ, очаровательныхъ озеръ, зеленѣющихъ нивъ. Взошелъ бы на зеленыя горы, странствовалъ бы по чуднымъ долинамъ, тѣнистымъ лѣсамъ и прелестнымъ уголкамъ“.

Особая культурная миссія, предназначенная пролетаріату,—дѣло далеко не общепризнанное. „Духовные аристократы“ не ждутъ, какъ извѣстно, ничего хорошаго отъ „пришествія Хама“: не довѣряя творческой силѣ рабочаго, они отказываются признать въ немъ строителя новаго міра, открывающаго новыя перспективы для нашего взора.—„Все это, пожалуй, хорошо—возразитъ мнѣ, быть можетъ, одинъ изъ тѣхъ господъ—„но что же тутъ особеннаго? Ну да, Гейне, конечно, впалъ въ грубое заблужденіе: вѣдь, какъ оказывается, здѣсь нѣтъ не только вандализма, но, совершенно напротивъ, „люди четвертаго сословія“, повидимому, понимаютъ цѣнность красоты; они намѣрены, значитъ, дальше ткать золотую нить искусства. Они, въ самомъ дѣлѣ, страстно хотятъ добраться до основъ современнаго знанія, стремятся дать всестороннее воспитаніе себѣ и своимъ дѣтямъ: они чувствуютъ тоску по лучшей, „человѣческой, культурной жизни. Однако эта жизнь, въ сущности, не что иное, какъ „мѣщанское счастье“ по извѣстному Молотовскому рецепту, а всѣ упомянутыя стремленія мы можемъ найти и въ мѣщанскихъ кругахъ. Быть можетъ, современные рабочіе имѣютъ въ виду лишь эти круги: дѣло, значитъ, въ томъ, чтобы туда проникнуть, „выбиться на верхъ“ и зажить жизнью такъ называемыхъ среднихъ „интеллигентныхъ“ семействъ въ шаблонномъ значеніи этого слова?“.

Это „обвиненіе въ мѣщанствѣ“ построено, однако, на весьма шаткихъ основаніяхъ. Стоитъ лишь обратить вниманіе на то, какъ простые, массовые рабочіе выражаютъ свои желанія—ва эту непосредственность и свѣжесть ихъ переживаній, сообщающуюся невольно и читателю. Эти властно захватывающіе, стихійно-мощные запросы трудовой жизни какъ-то не вяжутся съ изжитой, измельчавшей, насквозь неискренней душой современнаго мѣщанина, для котораго искусство, напр., является не источникомъ позвышающихъ, бодрящихъ эмоцій, а лишь пріятнымъ щекотаніемъ нервовъ. Не о томъ

идетъ рѣчь въ отвѣтахъ рабочихъ. Напрасно вы искали бы тамъ эгоистическаго стремленія „пробиться на верхъ“, перескочить черезъ ступеньку соціальной лѣстницы: ни въ одной точкѣ не соприкасается ихъ „хорошая, свѣтлая жизнь“ съ самодовольнымъ филистерскимъ существованіемъ, съ „бульономъ, романомъ и театральнымъ биллетомъ“ для каждаго и всѣхъ. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому служитъ одна область знанія, которую рабочіе особенно желаютъ себѣ присвоить — область, о которой я до сихъ поръ вовсе не упомянулъ,— одна цѣль, путеводной звѣздой мерцающая въ мечтаніяхъ рабочихъ, красной нитью мелькающая во всѣхъ ихъ желаніяхъ. Этой областью знанія являются соціальныя науки, занимающія господствующее мѣсто въ огромномъ большинствѣ отвѣтовъ, цѣлью же—лучезарный идеалъ новаго общественнаго строя, идеалъ, возникающій изъ самой дѣйствительности и осуществляющійся въ общей повседневной борьбѣ за лучшее коллективное существованіе. Все—и физическое здоровье, и стремленіе постичь всеобщую премудрость, и тоска по прекрасному, и воспитаніе молодого поколѣнія—все, подобно пучку солнечныхъ лучей, сосредоточивается въ одномъ фокусѣ—въ этомъ свѣтломъ будущемъ, добываемомъ упорнымъ трудомъ легіоновъ, въ этомъ все еще не добытомъ манящемъ грядущемъ.

Старый лозунгъ Веруламскаго мыслителя— „tantum possumus quantum scimus“—находитъ живое воплощеніе въ отвѣтахъ участниковъ анкеты. У одного, напр., знаніе является необходимымъ средствомъ въ борьбѣ за достиженіе новаго строя; другой хочетъ отдать большую часть своего времени изученію соціальныхъ и политическихъ отношеній въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ сквозитъ уже ясно своеобразный способъ мышленія современнаго рабочаго, воспитаннаго въ обстановкѣ могущественной производственной техники, все болѣе соціализирующей трудъ, а вмѣстѣ съ нимъ и психику самого трудящагося. Въ этой атмосферѣ общаго, коллективнаго мускульнаго и мозгового напряженія исчезаетъ обособленная, независимая личность, ея мѣсто занимаетъ теперь товарищъ; мышленіе же обобществленнаго рабочаго становится частичнымъ проявленіемъ мышленія всего коллектива, какъ функція клѣточки, опредѣляемая строеніемъ и предыдущимъ развитіемъ организма, есть частичное проявленіе жизни всего организма. А первымъ звеномъ въ общей цѣпи понятій, исходной точкой всѣхъ сужденій является для современнаго рабочаго человѣческое общество, коллективный трудъ, подобно тому, какъ нѣкогда для Спинозы— вѣчность, абсолютное бытіе. Пролетарій мыслитъ, слѣдовательно, міръ не „sub specie aeternitatis“, не подъ угломъ вѣчности, а „sub specie societatis, sub specie laboris“ — подъ угломъ общества, труда.

Одинъ изъ участниковъ анкеты, желающій, какъ онъ выражается, „жить согласно своимъ идеямъ“, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мое чувство, моя мысль обнимаетъ искусство и поэзію, прогрессирующую технику, соціальную жизнь въ настоящемъ и созиданіе новаго, великаго грядущаго движенія человѣчества“. Эти характеристическія духовныя особенности современнаго сознательнаго рабочаго обрисовываются еще ярче въ другомъ „отвѣтѣ“.

„Я бы исключительно посвятилъ себя наукѣ. Отъ высоты уровня образованія всего рабочаго класса зависитъ не только скорѣйшее его освобожденіе и благосостояніе, но и благосостояніе всего человѣчества. Я вовсе не хочу обезпечить себѣ личную выгоду благодаря моему знанію, но все должно быть для коллектива, ибо лишь участіе въ общемъ дѣлѣ является одновременно основой личнаго блага. Кромѣ науки, я бы не забылъ, конечно, о физическомъ развитіи, гимнастикѣ и т. п., такъ какъ пролетаріатъ долженъ ради себя самого помнить въ особенности о своей тѣлесной мощи. Я устроилъ бы, далѣе, для себя библіотеку, т.-е. увеличилъ бы мою собственную, содержащую около 300 томовъ. Затѣмъ я пополнилъ бы обстановку моего жилища и украсилъ бы его художественными произведеніями“.

Такой „обобществленный образъ мышленія постоянно наводитъ рабочаго на сравненія отношеній, существующихъ въ природѣ, съ „міромъ человѣческихъ вещей“, вызывая стремленіе къ гармоничному согласованію этого міра съ природой. Такое отношеніе къ природѣ находимъ мы въ отвѣтахъ, сообщенныхъ на другой вопросъ вышеупомянутой анкеты, гласившій слѣдующее: „Часто ли вы ходите въ лѣсъ? О чемъ вы думаете, лежа въ лѣсу на травѣ среди глубокаго одиночества?“

На этотъ вопросъ откликнулись еще болѣе широкіе круги рабочихъ, чѣмъ на предыдущій: особенное участіе приняли здѣсь имевно малосознательные рабочіе различныхъ производствъ. Оттого мы и встрѣчаемъ здѣсь такъ непосредственно высказанныя признанія въ родѣ слѣдующихъ: „Нѣтъ у меня досуга для лѣсныхъ прогулокъ“. — „Природа меня мало занимаетъ“.—„Входъ въ лѣсъ воспрещенъ подъ угрозой штрафа“. Иногда же оказывается, что если и не имѣется такого воспрещенія, то просто потому, что нѣтъ въ окрестности лѣса.

„Я бъ охотно ходилъ“—пишетъ одинъ рабочій—„но, къ сожалѣнію, „бароны индустріи“ расхитили все до послѣдняго куска“. У тѣхъ же „счастливцевъ“, которые могутъ себѣ разрѣшить пойти иногда въ лѣсъ, мы встрѣчаемся не всегда и не обязательно съ одними лишь восторгами и славословіемъ. И это не потому, что массовый рабочій „грубъ“ и невосприимчивъ къ живой прелести неприрученной природы, а въ силу того, что рѣзкій контрастъ необычной обстановки съ жалкими, сѣрыми буднями болѣзненно иногда дѣйствуетъ на уставшаго, заработавшагося человѣка. „Въ лѣсу“ — пишетъ одинъ — „думаю я о томъ, какъ это все здѣсь красиво, и точно вокинутое дерево въ лѣсу, покинутъ и я, какъ рабочій“.— „Въ лѣсу мнѣ часто приходитъ въ голову“—пишетъ другой, — „что подобно деревямъ въ безмолвномъ величіи растущимъ въ лѣсу, являюсь и я такимъ лишь одинокимъ деревомъ; разница только въ томъ, что я принужденъ работать и отдыхать для другихъ, пока не срубитъ меня смерть своимъ топоромъ,—въ то время какъ деревья пользуются въ этомъ отношеніи большимъ спокойствіемъ и миромъ“. — „Когда я вотъ такъ одиноко иду гулять въ лѣсъ,“ —пишетъ одинъ горворабочій—„грудь мою волнуетъ чувство, что, день-деньской трудясь въ ужасной глубинѣ, среди грозящихъ опасностей, я зарабатываю едва столько, чтобы жить съ грѣхомъ пополамъ“.

Вотъ сравненія и чувства, вызываемыя природой у наиболѣе угнетенныхъ. Послушаемъ теперь, что она непосредственно имъ говоритъ: „Въ лѣсномъ шумѣ,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ, — ухо мое слышитъ слѣдующее: „Ты долженъ нести проклятіе. Никогда не суждено тебѣ найти покоя. Жизнь свою и кровь долженъ ты продать за жалкіе сребреники. Въ старости, когда твои кости захирѣютъ и потеряютъ всякую цѣнность для Эксплоататора-Капитала, ты долженъ взять въ руку странническій посохъ и вымаливать состраданіе, презрительное, насмѣшливо человѣческое состраданіе“.

Можно ли требовать отъ автора этого отвѣта, чтобы въ лѣсномъ шумѣ разслышалъ онъ другіе звуки, кромѣ однообразной, тягостно томительной пѣсни собственной нужды, чтобы онъ совершенно отвлекся отъ докучливыхъ своихъ заботъ, погружаясь въ „чистое“ созерцаніе природы. Слѣдуетъ, напротивъ, удивляться, что среди участниковъ анкеты находятся и люди, которые въ состояніи „безкорыстно“ чувствовать прелесть природы. „Вотъ наслажденіе,—пишетъ одинъ рабочій, — которое слѣдуетъ понять. Когда я лежу въ лѣсу, мнѣ кажется, что я слышу въ его шумѣ Бетховенскія симфоніи“. У другихъ восторгъ изливается въ стихійномъ, бурномъ порывѣ. „Я чувствую въ лѣсу, — читаемъ мы въ одномъ отвѣтѣ,—великое родство съ живой природой; это дѣйствуетъ на меня такъ торжественно, точно видъ яснаго, звѣзднаго неба. Вотъ какая общая мысль охватываетъ меня въ лѣсу: „Къ чорту всю культуру, къ чорту вонючія кони, прокопченные города, грязныя улицы и жилища, себялюбивыхъ людей и современныхъ варваровъ!“ Интересно, какъ разъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Гейне назвалъ нѣкогда „современными варварами“, отбрасываетъ теперь эту кличку въ сторону столповъ капиталистической культуры, чувствуя при этомъ за собой историческое право.

Подлинными современными варварами оказались именно тѣ, кто лицемѣрно спекулируетъ на возвышеннѣйшихъ чувствахъ массъ, кто пытается ихъ направить въ сторону отжившихъ религіозныхъ представленій, окутывающихъ черной пеленой „грѣшную“ природу и заслоняющихъ ея прелесть. „Часто мнѣ становится грустно,—пишетъ одинъ рабочій,—когда я вспоминаю, какой вредъ принесло господство жрецовъ, ослѣпившихъ милліоны людей, чтобы они не могли удивляться красотѣ природы. Меня охватываетъ священный гнѣвъ, но, когда я слышу пѣніе птички или жужжаніе жука, я прихожу въ восторгъ, пою и радуюсь вмѣстѣ съ ними. Но я располагаю, къ сожалѣнію, ограниченнымъ выборомъ и принужденъ чаще всего отказаться отъ любимаго лѣснаго уединенія“.

Если нѣкоторые участники анкеты, судя по отвѣтамъ, способны художественно передавать свои переживанія, то въ другихъ отвѣтахъ мы встрѣчаемся съ интереснымъ типомъ наблюдателя и изслѣдователя природы.

Такъ, напр., одинъ рабочій разсказываетъ, что идетъ въ лѣсъ не затѣмъ, чтобы думать, такъ какъ онъ полагаетъ, что „среди чудной, свободной природы трудно размышлять о тонкихъ вопросахъ, — развѣ только, когда они имѣютъ связь съ біологіей“. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ онъ,—получаешь какъ бы наглядный урокъ... Собираясь въ лѣсъ, я захватываю обыкновенно съ собой интересную книгу... иногда научное сочиненіе... Когда чтеніе меня утомляетъ, я наблюдаю растенія и животныхъ. Чрезвычайно интереснымъ занятіемъ является, напримѣръ, наблюденіе муравейника; я бы могъ по цѣлымъ часамъ сидѣть при этомъ и смотрѣть, какъ роются и копаютъ-

ся эти созданія, какъ они всегда работаютъ безъ отдыха и покоя".

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на общее генетическое направленіе мысли современнаго рабочаго, пробивающееся въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ. Эта мысль не останавливается на наблюдаемомъ фактѣ; она слѣдитъ за его возникновеніемъ, стремясь дойти до его источника, открыть его происхожденіе. У многихъ участниковъ анкеты мы читаемъ, что они размышляютъ въ лѣсу о томъ, какъ возникъ растительный и животный міръ, какъ развился человѣческій родъ; часто же они приходятъ даже безъ помощи книгъ къ такимъ заключеніямъ: „Когда пошевелишь мозгами, то оказывается какъ разъ, что все выходитъ не такъ, какъ учитъ библія", „все это дѣлаетъ лишь природа и нѣтъ здѣсь никакого Господа Бога"... „природа такъ прекрасно развилась сама изъ себя". Пробужденная мысль идетъ дальше— ея исходной точкой становятся общественныя отношенія и вліяніе этихъ послѣднихъ на естественную среду, и вотъ рабочій задаетъ себѣ вопросъ: „Какимъ это образомъ случилось, что графъ могъ назвать лѣсъ своей собственностью?" Въ другомъ же мѣстѣ, гдѣ одинъ рабочій развиваетъ чуть ли не цѣлую систему „философіи природы", утверждая, что „кромѣ этихъ законовъ природы, должны еще существовать духовные законы", — мы встрѣчаемъ какъ разъ въ заключеніи знаменательные слова: „Значитъ, горе тѣмъ, кто все эксплоатируетъ для своей лишь пользы!.."

Идеи, образы, факты.

(Вмѣсто хроники.)

Выступленіе нѣмецкой интеллигенціи противъ снятія пьесы Гауптмана.

Гауптмановскій политико-литературный инцидентъ, или — какъ его назвали — „бреславльскій скандалъ", самъ по себѣ,—если оставить въ тѣни то „сенсаціонное" обстоятельство, что потерпѣвшимъ лицомъ явился здѣсь виднѣйшій писатель современной Германіи,—самъ по себѣ, быть можетъ, и не особенно выпукло выдѣляется на фонѣ литературно-общественной жизни (не забудемъ, что разыгрался онъ въ Пруссіи). Однако, инцидентъ этотъ пріобрѣлъ немаловажное значеніе, каковое лучше всего показано корреспондентомъ „Рус. Вѣд."—Г. Гроссманомъ (см. № 137).

„Одно изъ прискорбнѣйшихъ явленій нѣмецкой жизни, вызывающее частыя и горкія жалобы,— общественно-политическій индифферентизмъ нѣмецкаго образованнаго класса. Это прискорбное явленіе, несомнѣнно, связано съ соціальной и политической структурой Германіи, съ наличностью въ ней сильной правительственной касты и вслѣдствіе этого съ чрезвычайной обособленностью руководящей политической карьеры. Когда-то проф. Зомбартъ, разбираясь въ этой проблемѣ, съ горечью резюмировалъ свой анализъ афоризмомъ: „Германія—срединное царство между Франціей и Россіей!.."

За послѣднія двадцать лѣтъ можно отмѣтить только одинъ яркій случай открытаго и рѣшительнаго выступленія нѣмецкой интеллигенціи какъ самостоятельнаго коллектива. Это было лѣтъ 13 тому назадъ по поводу знаменитаго „Lex Heinze", посягавшаго на свободу чистаго художественнаго творчества.

Этотъ краснорѣчивый примѣръ громадной дѣйственной силы и морально-общественнаго значенія нѣмецкой интеллигенціи еще укрѣпилъ чувство досады на ея, въ общемъ, равнодушное отношеніе къ политическимъ судьбамъ страны. При сколько-нибудь „нормальномъ" теченіи жизни, многообразный слой профессоровъ и писателей, врачей и адвокатовъ, техниковъ и художниковъ, музыкантовъ и артистовъ обыкновенно погруженъ съ свои профессіональныя дѣла. Требуется нѣчто совершенно исключительное, какой-нибудь особенно чудовищный инцидентъ, больно затрогивающій репутацію народа мыслителей и поэтовъ, чтобы взбудоражить кабинетныхъ ученыхъ, дѣятелей пера, кисти, рѣзца, сцены и побудить ихъ ринуться въ бой съ врагомъ, существованія котораго они раньше какъ-будто и не подозрѣвали.

Насильственное изъятіе „праздничной пьесы", написанной Г. Гауптманомъ по порученію города Бреславля въ память освободительной войны 1813 г., — написанной для народа и изъятой кликой вліятельныхъ реакціонеровъ,— этотъ фактъ снова ударилъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ нѣмецкую интеллигенцію и заставилъ ее оскалить зубы.

До бреславльскаго инцидента нельзя было и подумать, какую лютую вражду можетъ возбуждать даже такой „тишайшій" писатель, какъ Гауптманъ, всегда сторонившійся отъ боевой политической и общественной арены. Но силезскіе магнаты и сановники обоихъ вѣроисповѣданій, заставившіе кронпринца поставить ультиматумъ бреславльскимъ городскимъ властямъ *), нашли своихъ „идеологовъ" въ ли-

*) Сначала нѣмецкіе монархисты, ополчившіеся на Гауптмана за то, что онъ въ своей юбилейно-

дѣ черносотенной прессы и поставили на ноги цѣлые отряды хулигановъ, которые ринулись на митинги протеста, всячески стараясь ихъ сорвать".

Массовые митинги протеста устроены были одновременно въ цѣломъ рядѣ городовъ — 23/10 іюня. Въ Берлинѣ митингъ, созванный „союзомъ нѣмецкихъ писателей", собралъ до 7 тысячъ участниковъ.

Докладчикомъ выступилъ извѣстный критикъ А. Элессеръ. „Союзъ,— говорилъ онъ, организовалъ собраніе въ прискорбномъ сознаніи того, что величайшій писатель современной Германіи, обладающій европейской извѣстностью, еще нуждается въ Германіи въ защитѣ. Союзъ не въ силахъ, однако, собственными средствами защитить Гауптмана, и потому обращается за поддержкой къ общественному мнѣнію. Союзъ обращается ко всѣмъ тѣмъ, кто почувствуетъ стыдъ за обиду, нанесенную нѣмецкому литературному міру въ лицѣ лучшаго его представителя, со стороны лицъ, отнюдь не призванныхъ разбираться въ литературныхъ вопросахъ".

— То, что у насъ теперь называютъ патріотизмомъ,—говорилъ другой ораторъ, депутатъ рейхстага, Вольфгангъ Гейне,—не есть уже способность *отдавать*, а скорѣе умѣнье *брать* что-нибудь въ свою пользу, — не способность къ самопожертвованію, а умѣнье получать пожертвованія... Націю желаютъ дѣлить на благомыслящихъ и неблагомыслящихъ, при чемъ особенностью первыхъ является то, что они ни о чемъ не „мыслятъ" и что ихъ купить не трудно...

Резолюція одобренная этимъ митингомъ, гласитъ:

„Тысячи нѣмецкихъ мужчинъ и женщинъ, явившихся на зовъ союза для защиты нѣмецкихъ писателей, удостовѣряютъ, что запрещеніе пьесы Гауптмана является насиліемъ надъ свободнымъ и благороднымъ творчествомъ, и оскорбленіемъ національной чести, недостойнымъ эпохи освободительныхъ войнъ. Присутствующіе обѣщаютъ итти рука-объ-руку съ писателемъ въ борьбѣ съ порабощеніемъ духа".

исторической пьесѣ отнесся критически къ личности короля Фридриха Вильгельма III, и прусская аристократія, предки которой тоже не пощажены драматургомъ, пробовали повліять на самого императора Вильгельма, но послѣдній категорически отказался отъ всякаго вмѣшательства. Любопытно, что онъ, наоборотъ, даже подчеркнулъ свое благоволеніе къ Гауптману, пожаловавъ ому 25 тыс. марокъ. Что касается кронпринца, тотъ оказалъ давленіе на выставочный комитетъ какъ почетный протекторъ выставки, — угрозой отказаться отъ протектората.

Право на смерть.

Въ нѣмецкой печати въ послѣднее время много писали по поводу такъ-назыв. „эйтаназіи". Слово это въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „содѣйствіе ускоренію смерти".

Суть эйтаназіи заключается въ слѣдующемъ: люди, страдающіе неизлѣчимой болѣзнью и желающіе прекратить свои страданія, имѣютъ право быть умерщвленными врачемъ, не подвергающимся за это уголовной отвѣтственности.

Кампанію по этому чрезвычайно сложному вопросу началъ журналъ, издаваемый извѣстнымъ философомъ Вильгельмомъ Оствальдомъ: „Das monistische Jahrhundert".

Мысль пропаганды идеи эйтаназіи дали Оствальду невыносимыя страданія одного хроническаго больного. Названный журналъ настолько принялъ серьезно идею эйтаназіи, что выработалъ даже стройную юридическую систему, формулированную въ 8 параграфахъ.

§ 1. Кто неизлѣчимо боленъ, тотъ имѣетъ право на содѣйствіе ускоренію своей смерти.

§ 2. Установленіе права на содѣйствіе смерти принадлежитъ особому суду, передъ которымъ больной объ этомъ ходатайствуетъ.

§ 3. На основаніи ходатайства больного, судъ изслѣдуетъ больного чрезъ посредство судебнаго врача, совмѣстно съ двумя врачами-спеціалистами. По желанію больного къ участію могутъ быть привлечены и другіе врачи. Изслѣдованіе больного должно быть произведено не позже, какъ черезъ недѣлю послѣ возбужденія ходатайства.

§ 4. При занротоколированіи результатовъ изслѣдованія должно быть указано, считаютъ ли изслѣдующіе врачи, согласно своему научному убѣжденію, болѣе вѣроятнымъ смертельный исходъ или длительный возвратъ трудоспособности.

§ 5. Если изслѣдованіемъ установлена большая вѣроятность смертельнаго исхода болѣзни, судъ утверждаетъ за больнымъ право на полученіе содѣйствія ускоренію смерти; въпротивномъ же случаѣ судъ отклоняетъ ходатайство больного.

§ 6. Кто безболѣзненно умерщвляетъ больного, согласно ясно выраженному и несомнѣнному желанію больного, тотъ не наказуется, если согласно § 5 у больного было соотвѣтствующее разрѣшеніе суда, или, если послѣдующимъ изслѣдованіемъ устанавливается, что больной былъ неизлѣчимъ.

§ 7. Если кто-нибудь умерщвляетъ больного, безъ ясно выраженнаго и несомнѣннаго на то желанія его, тотъ присуждается къ каторжнымъ работамъ.

§ 8. §§ 1—7 распространяются также на случаи эпидемій и увѣчій.

Не будь вопросъ о неизлѣчимыхъ больныхъ столь трагическимъ, близкимъ къ коллизіи; не выступи первымъ по вопросу объ эйтаназіи такой корифей философской и научной мысли, какъ Оствальдъ, быть можетъ, поднятый шумъ ограничился бы двумя-тремя очередными фельетонами на эту тему. Однако, врядъ ли нужно опасаться,— думаетъ Н. Б. въ „Кіев. Мысли“ (№ 147), подробно мотивируя свое мнѣніе, — что предлагаемый проектъ эйтаназіи можетъ „воспріять силу закона“. Противъ этого будетъ достаточно настроена общественная совѣсть.

Право родить и право не родить.

Самый яркій, самый, такъ сказать, историческій моментъ въ жизни и занятіяхъ послѣдняго (XII) Пироговскаго съѣзда—это резолюція его акушерской секціи о ненаказуемости искусственнаго выкидыша. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ моментовъ, которые открываютъ собою „новую эру“, о чемъ свидѣтельствуютъ страстные споры, вызванные резолюціей и въ печати, и въ обществѣ, и на самомъ съѣздѣ. И— какъ писала „женщина-врачъ“ въ „Рус. Молвѣ“ (№ 180)—хотя резолюція эта „и обезличена теперь въ распорядительномъ собраніи съѣзда, но слово сказано, и рѣшеніе секціи останется въ памяти у всѣхъ, какъ мужественное и честное признаніе того, что всячески замаскировывается, но что неумолимая жизнь выдвигаетъ, вѣрнѣе, о чемъ она вопитъ каждый день“.

Резолюція, принятая секціей акушерства единогласно и встрѣченная горячими аплодисментами, слѣдующая:

„Уголовное преслѣдованіе матерей за искусственный абортъ никогда не должно имѣть мѣста; также должны быть освобождены отъ уголовной отвѣтственности и врачи, производящіе абортъ по просьбѣ и настоянію матери; исключеніе изъ этого должны составлять врачи, сдѣлавшіе абортъ изъ корыстныхъ цѣлей. Эти врачи подлежатъ суду врачебнаго совѣта“.

Въ секціи общественной медицины такая резолюція, наоборотъ, встрѣтила энергичнѣйшій протестъ, какъ „противорѣчащая традиціямъ Пироговскихъ съѣздовъ и врачебной этикѣ, призванной охранять жизни, а не проповѣдывать убійство“, и подняла настроеніе на ближайшемъ засѣданіи до точки кипѣнія... Необычайно бурное волненіе успокоило распорядительное собраніе, „смягчившее“ резолюцію такимъ образомъ:

„Пироговскій съѣздъ находитъ, что борьба съ искусственнымъ выкидышемъ должна вестись не путемъ репрессивныхъ мѣръ, а путемъ соціальныхъ реформъ“.

Въ печати, какъ уже отмѣчено, резолюціи акушерской секціи оказано было самое живое, острое вниманіе. Голосъ самихъ женщинъ представленъ болѣе сильно г-жой Колтоновской (см. „День“, № 147). Чуть ли не впервые у насъ такъ громко, открыто и рѣшительно, смѣло женщина заявляетъ, что дѣторождевіе—ея *право*, а *не обязанность*. И она требуетъ, чтобы ея право не имѣть дѣтей было признано не какъ соціальная необходимость (въ извѣстныхъ случаяхъ), а какъ право ея на „свободу тѣла“, которая „не менѣе желательна, чѣмъ освобожденіе духа“, — какъ принципіальное право женщины „хотѣть или не хотѣть материнства, опредѣлять свободно свое отношеніе къ нему“.

Къ этому же центральному, вдругъ обнажившемуся, такому жгучему, наболѣвшему вопросу—о правѣ женщины родить и не родить — подходятъ и нѣкоторые авторы-мужчины, только съ другой стороны. Д. Философовъ въ „Рус. Сл.“ (№ 134), еп. Михаилъ въ „Впрж. Вѣд.“ (№ 13588) указываютъ на „трагическое лицемѣріе“ тѣхъ, кто „не позволяетъ“ „убивать“.

„Всѣ, которые подняли шумъ вокругъ резолюціи съѣзда,—пишетъ первый, — забываютъ одно: кто сказалъ „а“,—долженъ сказать „б“.

Если вы запрещаете городскимъ учительницамъ выходить замужъ, если вы обрекаете женщинъ, служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ, на „вѣдомственные браки“ и т. д., и т. д., то какое право имѣете вы такъ горячо возставать противъ абортовъ? Жизнь каждаго даннаго соціальнаго строя идетъ двумя путями: путемъ приспособленія или путемъ борьбы. Если вы требуете, чтобы женщина „приспособлялась“ къ вынужденному дѣвству, если вы скапливаете въ городахъ сотни тысячъ вынужденныхъ холостяковъ, то не удивляйтесь, что жизнь выдвинетъ свои „коррективы“ въ видѣ проституціи и абортовъ. Но лицемѣры съ этимъ не считаются. Они наталкиваютъ слабыхъ людей на трагедію, а затѣмъ закрываютъ глаза. Бороться же съ невыносимыми условіями жизни они тоже не позволяютъ. Пусть лучше люди идутъ на самоубійство, лишь бы принципы „добродѣтели“ оставались неприкосновенными“.

Интересна справка о томъ, какихъ взглядовъ держится сейчасъ на данную проблему юриспруденція. Такую справку находимъ въ „Утрѣ Рос.“ (№ 132).

„Въ современной наукѣ уголовнаго права вопросъ о наказуемости аборта, — пишетъ въ названной газетѣ С. С.,—самая модная тема. И если классическая школа стоитъ еще непримиримо на старой точкѣ зрѣнія полнаго запрещенія абортовъ, то подъ вліяніемъ сторонниковъ уголовно-соціологической школы, ставящей преступленіе въ связь съ соціальными факторами, вопросъ объ абортѣ подвергся коренной научно-правовой переоцѣнкѣ. Но и здѣсь еще царитъ многообразіе взглядовъ, которые могутъ быть сведены къ двумъ группамъ.

Одни юристы требуютъ полной свободы, другіе же настаиваютъ на извѣстныхъ ограниченіяхъ и на наказуемости аборта въ опредѣленныхъ случаяхъ. Весь споръ здѣсь вертится вокругъ вопроса объ абортѣ, учиняемомъ съ *согласія* беременной. Единственный общепризнанный и неоспариваемый пунктъ для юристовъ всѣхъ школъ и направленій — это то, что абортъ безъ вѣдома женщины — преступленіе.

Требующіе полнаго правового раскрѣпощенія женщины юристы строятъ спеціальную теорію, отрицающую юридическую охрану зародыша. Нельзя съ точки зрѣнія права,— по ихъ мнѣнію,— *обязать* женщину не препятствовать развитію ребенка, зачатаго въ ея утробѣ. Противъ этой теоріи ополчается другое теченіе, видными представителемъ котораго у насъ является проф. М. Н. Чубинскій, и которое доказываетъ, что охрана зародыша возможна и что зародышъ можетъ быть субъектомъ права".

Охрана материнства и младенчества.

Высочайшимъ указомъ 31 мая поставлено наконецъ на прочное основаніе и у насъ первой важности государственное дѣло—охрана материнства и младенчества, до сихъ поръ предоставленная заботамъ случайныхъ частныхъ, разрозненныхъ учрежденій, въ родѣ общества борьбы съ дѣтской смертностью, отдѣловъ „капли молока", яслей для грудныхъ дѣтей, консультацій для матерей и т. п.

Для этой цѣли образуется особый всероссійскій Союзъ-попечительство и при немъ, въ Петербургѣ, центральный институтъ, въ которомъ будетъ сосредоточено теоретическое и практическое изученіе вопроса объ уходѣ за младенцами въ первые годы ихъ жизни. Попечительству предоставляется открывать повсемѣстно свои отдѣлы.

При институтѣ проектируются педіатрическій музей, библіотека, центръ устройства систематическихъ лекцій, лабораторіи, редакція спеціальнаго еженедѣльника по дѣламъ попечительства, большой справочный и статистическій отдѣлъ и пр.

Наконецъ, будущій институтъ одной изъ основныхъ своихъ задачъ намѣчаетъ установленіе прочныхъ и живыхъ связей съ земской медициной: кто-либо изъ наиболѣе популярныхъ земскихъ врачей Россіи будетъ приглашенъ въ руководители справочнаго отдѣла и въ редакторы еженедѣльника.

Всѣмъ врачамъ, желающимъ поработать въ институтѣ по опредѣленному вопросу, будетъ предоставлено безплатно жить тамъ и пользоваться всѣми научными пособіями.

Попечительство явится совершенно частнымъ обществомъ, въ дѣятельности котораго можетъ принять участіе всякій желающій. Этимъ попечительство будетъ существенно отличаться отъ другихъ аналогическихъ учрежденій, носящихъ официальный характеръ, напримѣръ, отъ попечительства о трудовой помощи, попечительствъ трезвости и др.

По словамъ главнаго организатора дѣла, лейбъ-педіатра К. А. Раухфуса, будущее попечительство строится на двухъ основныхъ положеніяхъ: во 1-хъ, оно будетъ строго общественнымъ, чуждымъ всякой бюрократической регламентаціи; во 2-хъ, членскій взносъ будетъ установленъ минимальный, въ цѣляхъ возможно большей демократизаціи дѣла и приближенія его къ населенію.

„Мы должны брать примѣръ съ миссіонеровъ и революціонеровъ, въ смыслѣ использованія молодого „энтузіазма" — говоритъ К. А. Раухфусъ.

Въ задачи попечительства войдутъ главнымъ образомъ мѣры предупредительнаго характера. Къ этимъ мѣрамъ въ области охраны материнства относятся: охрана женскаго труда, страхованіе, открытое и закрытое призрѣніе женщинъ до, во время и послѣ родовъ. Въ области охраны младенчества: устройство такъ называемыхъ консультацій, имѣющихъ цѣлью подачу совѣтовъ матерямъ, въ видахъ правильной постановки ухода за грудными младенцами и, въ частности, поддержанія какъ можно болѣе продолжительной связи матери съ младенцемъ и всемѣрнаго поощренія кормленія младенцевъ молокомъ матери, являющагося, какъ доказано, лучшей гарантіей правильнаго развитія ребенка; снабженіе населенія хорошимъ молокомъ; устройство яслей и лѣчебницъ; правовая охрана покинутыхъ младенцевъ, особенно ввѣбрачныхъ, и т. д. Сюда же относится подготовка какъ самихъ матерей, такъ и соотвѣтствующаго персонала для ухода за младенцами.

Насколько возрѣла у насъ потребность въ такомъ попечительствѣ, видно изъ сопоставленія слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Въ Россіи смертность среди дѣтей въ возрастѣ до одного года составляетъ въ среднемъ около 28 проц. родившихся живыми и достигаетъ мѣстами свыше 40 проц. ихъ. Между тѣмъ за границей на 100 родившихся живыми умираетъ въ возрастѣ до 1 года: напр., въ Германіи 19,9; въ Англіи—13,8; въ Даніи — 11,9; въ Швеціи—9,2; въ Норвегіи—8,1. Другими словами, Россія теряетъ въ годъ приблизительно на милліонъ дѣтей больше, чѣмъ теряла бы при нормальной смертности.

Благодаря, между прочимъ, высокой у насъ смертности вообще и дѣтской въ частности, наблюдается одно очень тревожное явленіе: приростъ населенія въ Россіи относительно общаго числа его, сталъ въ послѣднее время падать: въ 1907 г. онъ равнялся 18,5, а въ 1910—13,7 на 1,000 чел.

Дѣтскія души.

„Охрана зародыша“, охрана младенчества... Жизнь заставляетъ послѣдовательно итти и дальше, настойчиво выдвигая на первый планъ еще одинъ животрепещущій вопросъ дѣтской охраны, охраны *дѣтскихъ душъ*— отъ тѣхъ тлетворныхъ вліяній, которыя ведутъ подростающія поколѣнія, — и на „верхахъ“, и на „низахъ“,—къ слишкомъ раннему созрѣванію, возмужалости, въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова.

Еще сравнительно недавно въ московскихъ, петербургскихъ и провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ мелькали публикаціи нѣкоего А. В. Куницына—о томъ, что у него въ Москвѣ, въ домѣ № 20 по Тихвинской ул., имѣются на складѣ грамофоны, патефоны, кинематографическіе аппараты, карманные часы, заграничные духи, кремы, „пастила отъ пьянства“ и т. п., а также книги: „Тайна“, „Секретъ“. „Магія любви“, „Женскій бюстъ“, „Знахарство“ и проч. Книга „Знахарство“, какъ говорилось въ публикаціяхъ, „составлена по рукописи 568-лѣтняго старика-знахаря, найденной въ подпольѣ“. Кромѣ публикацій о книгахъ, были публикаціи: о лѣченіи триппера, сифилиса, геморроя и т. д.

Разсылались особые печатные циркуляры съ заголовкомъ: „Склады различныхъ предметовъ А. В. Куницына“, съ перечисленіемъ пяти московскихъ отдѣленій и заграничныхъ: въ Парижѣ, Токіо, Брюсселѣ, Іедо, Пекинѣ и Берлинѣ. Циркуляры были съ подписями: „Съ почтеніемъ А. Куницынъ“, „Завѣдывающій Т. Куницынъ“ и „Довѣренный Маралинъ“.

Къ „фирмѣ“ съ просьбою о высылкѣ публикуемыхъ изданій и средствъ,—какъ выяснило теперь предварительное слѣдствіе,—обращалась масса лицъ: здѣсь были дворяне, мѣщане, люди служилые и деревенскій людъ. Послѣдній больше всего обращался за средствами: просили выслать лѣкарства отъ геморроя, венерическихъ болѣзней, отъ коросты, чесотки и проч. Желаніе жаждущихъ удовлетворялось. Составлялась какая-нибудь „бурда“ для внутренняго употребленія и отсылалась по назначенію.

Опрошенный по этому дѣлу Куницынъ объяснилъ, что онъ— крестьянскій сынъ, Алексѣй Куницынъ 16 лѣтъ, и пріѣхалъ въ Москву около 2 лѣтъ тому назадъ.

Служилъ мальчикомъ при книжкомъ складѣ „Авіаторъ“, а въ послѣднее время конторщикомъ при редакціи журнала „Муха“, гдѣ въ качествѣ мальчика служилъ и его родной братъ Тихонъ, 11 лѣтъ. Въ ноябрѣ минувшаго года Куницынъ уволился со службы и „открылъ контору“. Въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ на публикаціи Куницынымъ израсходовано болѣе 1,000 руб. Сумма эта съ громаднѣйшимъ избыткомъ была имъ получена отъ лицъ, выписавшихъ отъ него книги и лѣчебныя средства.

Завѣдывалъ несуществующими складами, какъ „московскими“, такъ и „заграничными“, его братъ Тихонъ, 11 лѣтъ, и „довѣренный“ Маралинъ, 11 лѣтъ, товарищъ Тихона. Мальчикъ Маралинъ ранѣе служилъ половымъ при харчевнѣ.

Несмотря на юные годы, аферисты по сообщенію „Утра Рос.“ (№ 74) — знали уже всѣ „прелести“ жизни, вкусъ шампанскаго, играли на бѣгахъ и скачкахъ.

Въ маѣ нынѣшняго года въ саратовскомъ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось громкое дѣло по обвиненію группы малолѣтнихъ въ организаціи разбойничьей шайки, въ рядѣ вымогательствъ и открытыхъ нападеній и, наконецъ, въ убійствѣ одного изъ своихъ „сочленовъ“, 13-лѣтняго Коли Иванова.

Лѣтомъ 1911 года семеро мальчиковъ-саратовцевъ, въ возрастѣ 13—17 лѣтъ (большею частью дѣти ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ), начитавшись пинкертоновщины и тому подобной уголовной литературы, образовали шайку „черныхъ воронов“. Иниціаторомъ и главаремъ явился 17-лѣтній С. Баукинъ, бывшій ученикъ городской школы. Шайка организована была на началахъ строгой дисциплины и кровавой мести за измѣну. При вступленіи въ шайку всѣ члены ея торжественно клялись

въ вѣрности атаману и приложили свои руки, смоченныя въ чернилахъ, къ „бумагѣ“, которую предъявилъ имъ Сергѣй Баукинъ и въ которой говорилось, что измѣнникъ будетъ наказанъ смертной казнью...

Юные разбойники намѣрены были, ограбивши денегъ, уйти въ Муромскіе лѣса и здѣсь, подъ командой атамана „Георгія Вольнаго“ (т.-е. Баукина), вести жизнь полную приключеній.

Такъ какъ у нихъ не было оружія, то шайка предполагала, между прочимъ, ограбить нѣсколько ружейныхъ магазиновъ. Предполагалось также пригласить нѣсколько дѣвочекъ-гимназистокъ (по другой версіи — дѣвочекъ-проститутокъ) для заманиванія жертвъ,—богатыхъ купчиковъ.

Шайкой намѣченъ былъ цѣлый рядъ ограбленій, вооруженныхъ нападеній, похищеній дѣтей (съ цѣлью полученія выкупа), но по разнымъ причинамъ осуществить задуманное не удалось. Вотъ наиболѣе характерный для юныхъ грабителей „проваль“.

Было постановлено ограбить старуху Зѣвакину, бабушку 13-лѣтняго члена шайки Бизяева (сына дворянина), въ домѣ которой, кромѣ Бизяева, проживалъ въ то время атаманъ шайки — Сергѣй Баукинъ. Для выполненія этого плана рѣшили воспользоваться религіозностью Зѣвакиной. Сергѣй Баукинъ нарядился „ангеломъ“,—съ розовой лентой на головѣ,—и въ такомъ видѣ явился, при участіи Валерія Бизяева, ночью, въ спальню Зѣвакиной. „Ангелъ“ долженъ былъ потребовать чтобы Зѣвакина отдала деньги тому, кто явится за ними, также въ качествѣ „посланника неба“.

Но лишь только „ангелъ“ заговорилъ:

— Раба Божія Елена!..

Какъ Зѣвакина, принявшая его за зятя, отца Валерія Бизяева, спросила, не давъ ему кончить:

— Это ты, Аоанасій?

Баукинъ, опасаясь тревоги, скрылся.

Это, однако, не измѣнило намѣренія Баукина поживиться деньгами Зѣвакиной, и онъ, отъ имени „соціалистовъ-революціонеровъ“, пишетъ ей письмо съ совѣтомъ взять деньги изъ банка, такъ какъ „предстоитъ погромъ, и Зѣвакиной необходимо изъ города уѣхать“... Но письмо успѣха не имѣло, и Зѣвакина оставлена была, наконецъ, въ покоѣ.

А покушеніе ограбить квартиру родителей другого члена шайки, убитаго потомъ Коли Иванова, не удалось потому, что самъ атаманъ, хотя и замахнулся уже кинжаломъ на мѣшавшую грабителямъ прислугу, испугался въ рѣшительный моментъ, не видя помощи со стороны своихъ дружинниковъ.

Когда до свѣдѣній шайки дошло, — уже осенью,—что одинъ изъ нихъ, именно упомянутый Коля Ивановъ, „болтаетъ“, выдаетъ ихъ тайны своимъ роднымъ (какъ можно думать, смущенный похожденіями товарищей), и когда сдѣланное ему предостереженіе не подѣйствовало, состоялось постановленіе „казнить предателя“.

Убійство, какъ писалось въ газетахъ, произошло такъ. „Атаманъ“ С. Баукинъ и его „помощникъ“, онъ же „казначей“, П. Власовъ, подъ какимъ-то предлогомъ заманили Колю (который тогда подготовлялся къ переходу изъ коммерческаго училища *во второй классъ духовнаго училища*) въ пещеру каменоломни на „Лысой горѣ“, при чемъ велѣли ему захватить съ собою принадлежащій отцу (мучному торговцу-домовладѣльцу) револьверъ, а у сестры стащить мандолину. Тамъ Баукинъ, сыгравъ на мандолинѣ похоронный маршъ, предложилъ показать Колѣ фокусъ: какъ одинъ человѣкъ можетъ поднять зубами двоихъ сразу. Баукинъ легъ на землю, положилъ на себя Колю, крѣпко обнялъ его руками и ногами и сталъ дѣлать Власову знаки, чтобы онъ Колю задушилъ.

Но Власовъ знаковъ не понялъ. Тогда Баукинъ всталъ и сказалъ Колѣ, что Власовъ этого фокуса не знаетъ, подошелъ къ Власову и шопотомъ условился застрѣлить Колю.

Затѣмъ онъ крикнулъ Иванову: „Повернись къ стѣнѣ, сейчасъ покажемъ фокусъ!“ Послѣ того, какъ Коля довѣрчиво сталъ задомъ къ нимъ, Власовъ выстрѣлилъ ему въ затылокъ, а Баукинъ еще дважды выстрѣлилъ въ лобъ.

По второй версіи, мальчикъ будто бы лежалъ связанный съ заткнутымъ ртомъ три дня въ пещерѣ, пока шайка ждала отвѣта отъ матери Коли на посланное ей письмо, за подписью „партіи с.-р.“ и съ печатью, изображавшей черепъ, гдѣ было предъявлено, подъ угрозой смерти, требованіе уплатить 5300 руб. выкупа за „плѣннаго“.

Убійство и выдало шайку „черныхъ воронов“. При обыскахъ у членовъ ея отобраны „словари“ съ такими, напр., замѣтками: „опій, прибавленный къ жареной баранинѣ, теряетъ свой вкусъ“, выписки изъ бульварныхъ романовъ и подробныя описанія и рисунки „душителей“, „оглушителей“, „спотыкателей“, „связывателей“ и другихъ подобныхъ орудій „ремесла“.

За нѣсколько дней до суда надъ саратовскими „черными воронами“ (лучше сказать—

„черными птенцами“) въ Новоржевѣ, Псков. губ., передъ присяжными засѣдателями предстали 18-лѣтній Антонъ Сафроновъ и его 15-лѣтняя сожительница Елена Семенова, обвиненные въ убійствѣ матери перваго.

Въ началѣ прошлаго года скончалась и была похоронена 63-лѣтняя кр. Нефедова, владѣлица пустоши Аверковой, Новоржевскаго уѣзда. Послѣ старухи осталось солидное состояніе, которое и перешло, по завѣщанію ея, къ 17-лѣтнему сыну, Антону Сафронову.

Спустя нѣкоторое время мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ было получено анонимное письмо, въ которомъ указывалось, что Нефедова, преданная землѣ, какъ скоропостижно умершая, на самомъ дѣлѣ была убита своимъ сыномъ и его 14-лѣтней любовницей Еленой Семеновой.

Было начато слѣдствіе. Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ на трупѣ были обнаружены громадные кровоподтеки. 13 реберъ оказались сломанными, печень, селезенка и др. части внутренностей — разорванными и поврежденными.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ была выяснена картина совмѣстной жизни покойной съ сыномъ и его сожительницей-подросткомъ.

Было, между прочимъ, установлено, что Сафроновъ вступилъ въ связь съ Семеновой, когда ему было 15 лѣтъ, а ей только 12 лѣтъ.

Съ первыхъ же дней связи онъ привелъ дѣвочку къ матери и объявилъ:

— Вотъ моя жена!

Мать приняла „невѣстку“ въ домъ, но, конечно, была недовольна связью сына и говорила ему объ этомъ. Отсюда въ семьѣ стали происходить постоянныя ссоры и даже драки.

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ Антонъ и Елена не признали себя виновными. Затѣмъ Антонъ сознался въ убійствѣ матери, заявивъ, что сдѣлалъ это одинъ, безъ участія Елены. По его словамъ, мать отчаянно защищалась, искусала ему руки и исцарапала лицо. Отъ сильной боли и раздраженія Сафроновъ пришелъ въ неистовство и, не помня себя, сталъ бить мать ногами и давить колѣнями.

Отзывы о книгахъ.

* **Фагэ, А.**, акад. 028:8.09(02)

См. нопидк. № 640.

620/9. Каррикъ, В. 087

Сказки-картинки. Изд. „Задруга". М. 1913. 28 выпуск. по 16 стр. Ц. по 10 к.

Въ наши дни, когда и педагоги, и родители жалуются на отсутствіе у насъ хорошихъ книгъ-картинокъ, появленіе сказокъ К. слѣдуетъ считать свѣтлымъ лучомъ въ темномъ царствѣ. Въ своихъ выпускахъ авторъ даетъ рядъ народныхъ русскихъ, частью иностранныхъ сказокъ, написанныхъ простымъ, сжатымъ, сохраняющимъ народный духъ языкомъ, съ очень многими рисунками. Бѣглаго просмотра ихъ достаточно, чтобы сразу же оцѣнить, какъ весь этотъ матеріалъ книжекъ-картинокъ можетъ помочь руководителю—осуществить глубокой важности воспитательную цѣль—слить ребенка съ природой, привить ему народный духъ. Цѣль эта удивительно умѣло достигается. Рѣдко намъ приходилось замѣчать, чтобы рисунки и текстъ такъ гармонировали бы другъ съ другомъ, составляли бы одно цѣлое, такъ ярко и вѣрно отражали народный духъ... Что ни возьмешь, все дышетъ у него жизнью, самобытнымъ русскимъ юморомъ. Намъ не разъ приходилось слышать мнѣніе противниковъ К., что рисунки его часто не вѣрно отражаютъ дѣйствительность, грѣшатъ противъ оригинала, переходятъ въ шаржъ, придаютъ звѣрямъ человѣческія черты. М. б. это и такъ, но не нужно забывать одного, что рисунки эти—для дѣтей и дѣтей того возраста, когда ребенокъ все равно одухотворяетъ природу и не можетъ не одухотворять, значитъ, чтобы помочь ему слиться съ природой, ему на извѣстной ступени развитія и необходимо дать такую иллюзію. Достоинство К. въ томъ именно и состоитъ, что отражая животный міръ и народный духъ рисунками, онъ учуялъ дѣтскую психику, онъ обнаружилъ въ себѣ не только художника, но и художника-педагога. У насъ имѣется достаточно наблюденій надъ тѣмъ, какъ дѣти относятся къ сказкамъ К. За немногими исключеніями, производятъ онѣ на дѣтей хорошее впечатлѣніе, чувствуется, что ребенокъ нашелъ въ нихъ, чего искалъ; тотъ смѣхъ, какой онѣ возбуждаютъ у дѣтей—смѣхъ радостный, здоровый, это—не смѣхъ, вызванный карикатурой или грубой шуткой. Отмѣтимъ еще другое, очень положительное вліяніе рисунковъ К. на дѣтей. Простота линій въ рисункѣ при его выразительности зарождаетъ у дѣтей желаніе рисовать. (*„Нов. Дѣтск. Лит." 1913—6*).

Изданіе сказокъ-картинокъ К. составляетъ большую заслугу молодого и симпатичнаго идейнаго книгоиздательства. Талантливо и занимательно изложенныя живымъ и сочнымъ языкомъ, интересно иллюстрированныя К., самыя разнообразныя сказки, къ тому же еще и изданы красиво и тщательно. Многія изъ сказокъ съ наслажденіемъ могутъ быть прочитаны и взрослыми. (*К. К. „Жатва". 1913—IV*).

Всѣ выпуски сказокъ пріобрѣли заслуженную извѣстность и извѣстны русской публикѣ. Авторъ неустанно работаетъ какъ надъ текстовою стороной сказокъ, такъ и надъ ихъ иллюстрированіемъ. Желательно было бы, чтобы вышло удешевленное собраніе сказокъ-картинокъ К., доступное по цѣнѣ и для народной школы. (*И. Б. „Нар. Образ." 1913—6*).

630. Енчъ, Э. 15:78

Музыка и душа. „Вопросы психологіи безсознательнаго". Вып. IV. Подъ ред. д-ра Котика. Изд. „Начало". М. 1913. Стр. 101. Ц. 75 к.

Авторъ стремится объяснить взаимоотношеніе музыки и души на данныхъ, добытыхъ экспериментальнымъ путемъ физіологами. Первоначально излагаются авторомъ научныя теоріи различныхъ состояній чувствъ. Авторъ даетъ краткое толкованіе настроеній, эволюцій, аффектовъ. Далѣе излагается имъ физіологическая теорія аффектовъ, обоснованная Ланге и Джемсомъ. Кромѣ того, разсматривая цѣлый рядъ работъ Guibod'a, Тарханова, Fere и др., авторъ дѣлаетъ выводъ, что при обычныхъ условіяхъ опредѣленный тонъ, или рядъ тоновъ, или даже шумъ съ характеромъ звука, вызываетъ, кромѣ субъективнаго ощущенія, еще непосредственныя измѣненія въ области физіологическихъ функцій организма. Они наблюдаются у всѣхъ людей, будучи не у всѣхъ людей одинаковыми, но при равныхъ условіяхъ неизмѣнными у одного и того же лица. Дальнѣйшія главы посвящены вопросамъ: о музыкальномъ чувствѣ, музыкальномъ наслажденіи, паталогическомъ музыкальномъ чувствѣ, музыкальномъ дарованіи. Разсматриваются эти главы авторомъ отчасти съ точки зрѣнія физіологической теоріи, въ большинствѣ же случаевъ чисто психологическимъ путемъ, безъ достаточныхъ научныхъ основъ. (*П. Сербиновъ. „Бюл. Харьк. О-ва Люб. Прир". 1913—2*).

Подходя къ музыкѣ, анализирующій умъ сталкивается съ перваго же момента съ глубоко дуалистическимъ характеромъ объекта своего изученія. Музыка самое вематеріальное изъ искусствъ, музыка метафизична, музыка какъ ни одно изъ искусствъ соприкасается съ иными, нездѣшними мірами и вмѣстѣ съ тѣмъ музыка, какъ ни одно изъ искусствъ, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ физическими и химическими процессами въ нашемъ организмѣ. При свѣтѣ матеріалистическихъ принциповъ научной психологіи, получившихъ законченную форму у Джемса, авторъ рецензируемой книги удачно изображаетъ общую функціональную зависимость обоихъ полюсовъ этого дуалистическаго явленія. Но здѣсь онъ не оригиналенъ и привлеченный имъ для доказательства этой зависимости матеріалъ далеко не исчерпывающаго характера. Въ частности имъ вовсе не упомянуты чрезвычайно интересные эксперименты проф. Павлова, выяснившіе физіологическую реакцію на звуки организма собаки.

Вслѣдъ за установленіемъ общаго характера функціональной зависимости между психическимъ и физическимъ въ актѣ музыкальнаго воспріятія, остается еще задача самая главная: нужно еще прослѣдить пути превращенія органическихъ раздраженій въ формы наиболѣе отвлеченныхъ, наиболѣе метафизичныхъ эмоцій, какими являются эмоціи музыкальныя. Эта задача окончательно не можетъ быть рѣшена, потому что она упирается въ общефилософскую проблему души и матеріи, психическаго и физическаго и т. д. Но для ріентировки въ данномъ вопросѣ вовсе и не нужны „окончательныя“ рѣшенія. Нужно только нѣкоторое приближеніе къ предѣлу. Такъ, въ области религіозныхъ эмоцій хотя чрезвычайно интенсивныхъ, хотя и неопредѣленныхъ, какъ и музыкальныя, тотъ же В. Джемсъ въ своемъ „Многообразіи религіознаго опыта“ и сборникѣ „Зависимость вѣры отъ воли“ показалъ, какъ могутъ быть плодотворны эти попытки приближенія къ предѣлу сліянія физическаго и психическаго путемъ изученія электрическихъ данныхъ. У Е. мы не видимъ этого многообразія музыкальнаго опыта и поэтому кромѣ повторенія уже не новыхъ свѣдѣній о физіологіи музыкальной эмоціи онъ ничѣмъ порадовать насъ не можетъ. (*С. И. „День“. 1913—17*).

Книга Е. не даетъ новой эстетической теоріи: она въ сущности есть не что иное, какъ выводъ изъ физіологической теоріи эмоцій, выводъ, приспособленный къ вопросу о музыкальномъ чувствѣ; этимъ авторъ до такой степени связалъ судьбу своего ученія съ судьбой физіологической теоріи эмоцій, что всѣ важнѣйшія возраженія, которыя можно было бы ему сдѣлать, въ сущности, были бы возраженіями противъ теоріи эмоцій Ланге-Джемса. Мы думаемъ только, что Е. недостаточно оцѣнилъ исключительное положеніе музыки среди искусствъ,—то исключительное положеніе, которое дало поводъ Шопенгауэру, въ его интересномъ ученіи объ искусствѣ, отожествивши всѣ остальные виды искусства съ платоновскими „идеями“, выдѣлить музыку, какъ нѣчто соотносительное отдѣльному міру. И дѣйствительно, нѣтъ другого вида искусства, которое такъ непосредственно говорило бы чувству, какъ музыка, а, слѣдовательно, и нѣтъ другого вида искусства, которое такъ легко сливается съ нашимъ „Я“, какъ это бываетъ съ музыкой. (*„Рус. Бог.“ 1913—6*).

* **Скалонъ, Д. А.** 355 : 92 (С)

См. порядк. № 665.

* **Фаусекъ, Ю. И.** 372 : 68

См. порядк. № 651.

631. Ге, Франсуа. 371 (09)

Исторія образованія и воспитанія. Перев. П. Д Первова „Педагогич. библ.“ К. Тихомирова. М. 1912 г. Стр. 657. Ц. 3 р. 50 к. въ перепл.

Современному педагогу отнюдь не приходится жаловаться на скудость пособій по исторіи педагогики. За послѣдніе годы переведены академическія работы Паульсена, Монро, Циглера. Ими смѣло можно пользоваться: онѣ научны, объективны, это—итоги продолжительныхъ и самостоятельныхъ научныхъ изысканій, подведенные опытной рукой компетентныхъ спеціалистовъ. Изслѣдованіе швейцарскаго педагога Г., умѣло переведенное теперь г. П., по своему характеру, также подходитъ къ отмѣченнымъ трудамъ. Это не компилятивная сводка тѣхъ или другихъ педагогическихъ монографій, а самостоятельно продуманный трудъ. Наиболѣе удовлетворятъ читателя тѣ главы, въ которыхъ критически и вмѣстѣ съ тѣмъ конкретно представлены системы главнѣйшихъ педагоговъ, особенно Руссо, Песталоцци, Герберта. Но данъ лишь бѣглый очеркъ исторіи античной и средневѣковой педагогики; калейдоскопично, нестри второстепенными именами, лишь загромождающими вниманіе читателя, представлена эноха Возрожденія. Но основной недостатокъ обширной книги Г. въ томъ, что педагогическія ученія мало связаны съ философскими, психологическими и соціальными теченіями той или иной эпохи. Авторъ характеризуетъ и самую структуру школьнаго дѣла, какъ она осуществлялась въ дѣйствительности, но и эти обзоры очень сжаты. Но все же думаемъ, что изданіе этого труда будетъ сочувственно встрѣчено русскимъ читателемъ, желающимъ критически пересмотрѣть богатое педагогическое наслѣдство прошлыхъ вѣковъ. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—134*).

Книга Ге безспорно стоила того, чтобы ее перевести на русскій языкъ. Въ ней читатель найдетъ имена всѣхъ мало-мальски значительныхъ педагоговъ до второй половины XIX в. Правда, о многихъ сказано не больше, чѣмъ это полагается для хорошаго энциклопедическаго словаря, но краткость обычно искупается яркостью и мѣткостью характеристики. Начинаетъ свою книгу Г. съ „напоминанія, что всякая система воспитанія соотвѣтствуетъ какому-нибудь соціальному идеалу, и что повсюду педагогика была и будетъ точнымъ отраженіемъ понятій о мірѣ, о человѣкѣ и его назначеніи“ (стр. 3). Въ дальнѣйшемъ изложеніи нельзя замѣтить, чтобы авторъ удѣлилъ особое вниманіе на выпуклое выдѣленіе и развитіе этой интересной и важной мысли. Соціальные идеалы отдѣльныхъ эпохъ лишь намѣчаются у него въ бѣглой характеристикѣ, и то не всегда. Книга заканчивается общими обзорами школьнаго дѣла во Франціи, Англіи и очень немногими замѣчаніями о другихъ странахъ. Исключеніе сдѣлано для Швейцаріи. „Главнымъ теченіемъ въ современной педагогикѣ“ отведенъ десятокъ страничекъ, при чемъ „теченій“ указано три: „классики“, „отрицатели“ (среди нихъ Л. Н. Толстой) и „умѣренные“ (С. Редди и „педологи“). Самъ авторъ затрудняется указать настоящее рѣшеніе педагогической задачи нашего времени, но во всякомъ случаѣ предостерегаетъ отъ подчиненія „крайнимъ партіямъ“. (*С. Золотаревъ. „Рус. Шк.“ 1913—2*).

Эта книга отличается замѣчательной простотой и ясностью изложенія. Она обнимаетъ исторію педагогики на всемъ ея протяженіи, съ восточныхъ народовъ до новѣйшихъ движеній въ области воспитанія, при чемъ сужденіямъ автора свойствененъ въ высокой степени спокойный тонъ и историческое безпристрастіе. Особенной глубины въ обработкѣ избранныхъ темъ и въ изложеніи читатель не найдетъ въ кн. Г. Нельзя не признать, что Г. часто говоритъ о многихъ предметахъ слишкомъ ужъ кратко, и не только о предметахъ и явленіяхъ древняго міра, но

иногда и новаго. Мы полагаемъ, что книгу Г. можно рекомендовать для первоначальнаго знакомства съ исторіей педагогики. (*П. Каптеревъ. „Педаг. Сборн.“ 1913—2*).

Въ общемъ сочиненіе Г. рекомендуемъ вниманію читателей. Оригиналъ изящнѣе перевода и по внѣшности и по языку, но, за немногими исключеніями, переводъ сдѣланъ хорошо. (*Л. С. „Въст. Восп.“ 1913—3*).

632. [3С8]. Ивановъ, Д. Л. 237.52:741

Дошкольное рисованіе.

Книга И. написана подъ вліяніемъ идей, идущихъ съ Запада, но она ни въ какомъ случаѣ не компиляція; это — вполнѣ самостоятельная переработка иностранныхъ методикъ. Авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ западно-европейской и американской литературой и съ новыми теченіями въ экспериментальной психологіи, оказавшей такое огромное вліяніе на реформу рисованія, но къ разрѣшенію задачи подходитъ просто и по-своему. Если же и дѣлаетъ заимствованія, то самъ на нихъ указываетъ. Наиболѣе интересенъ отдѣлъ, названный „первыми пріемами рисованія“ (въ младенческомъ возрастѣ). Методъ преподаванія, предлагаемый авторомъ, въ общихъ чертахъ сходенъ съ методомъ общепзвѣстнаго руководства І. Ванъ-Дейка „Какъ я учу рисовать“, т.-е. изображеніе предметовъ начинается съ очень упрощенныхъ, схематичныхъ, но характерныхъ чертъ, затѣмъ постепенно дѣлается переходъ къ болѣе сложнымъ рисункамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пріемы автора оригинальны: во-первыхъ, тѣмъ, что онъ начинаетъ (что согласно и съ данными психологіи) съ рисованія животныхъ и людей, какъ предметовъ, наиболѣе близкихъ дѣтямъ и любимыхъ ими; во-вторыхъ, онъ сопровождаетъ свои указанія разсказами объ изображаемыхъ предметахъ, которые оживляютъ рисованіе, вводятъ дѣтей въ кругъ изображаемыхъ представленій, заставляютъ переживать ихъ. При этомъ авторъ обнаруживаетъ большой опытъ и умѣнье стать на точку зрѣнія дѣтей. Вообще вся книга,— какъ разговоры съ дѣтьми, такъ и совѣты руководителямъ, — проникнута теплымъ чувствомъ любви къ дѣтямъ, чуткостью и пониманіемъ дѣтской души. Это и составляетъ главное достоинство книги.

Весьма полезенъ также отдѣлъ о лѣпкѣ; совѣты очень просты, понятны и практичны. Перспективное же рисованіе представляется преждевременнымъ, такъ какъ рѣчь идетъ о дошкольномъ возрастѣ. Насколько эта книга полезна, какъ руководство для родителей, не умѣющихъ рисовать,—вопросъ спорный (авторъ даетъ не систематическій, подробно разработанный курсъ, но общую схему и рядъ интересныхъ примѣровъ); что же касается учителей рисованія и руководителей, умѣющихъ уже немного рисовать, то книга И., несомнѣнно, дастъ имъ богатый матеріалъ и очень цѣнныя указанія. Книга издана хорошо, со многими рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 34-хъ таблицъ съ рисунками, при чемъ 70 рисунковъ выполнено въ краскахъ. Цѣна для такого изданія не высока. (*П. Самсонова. „Рус. Вѣд.“. 1913—30*).

Прекрасная книжка... написанная съ любовью къ дѣтямъ. Принадлежитъ автору, за которымъ большой опытъ въ томъ предметѣ, которому она посвящена... отличается вообще богатствомъ содержанія и дѣйствительно касается предметовъ, которые обязательно требуютъ указаній. (*Н. Др. „Голосъ“. 1913—51*).

Матерямъ-воспитательницамъ книга можетъ принести большую пользу. (*„Казбекъ“. 1913—6*).

Книга интересна и для взрослыхъ... Авторъ убѣжденъ, что всякая мать, если только она хочетъ, можетъ стать первой учительницей своего дитяти въ рисованіи. По ознакомленіи съ книгой И. убѣждаешься, что это дѣйствительно такъ. (*К. „Нов. Журн. д. Вс.“. 1913—1*).

Весьма полезное руководство, составленное на основаніи личнаго опыта и широкаго знакомства съ литературой по данному вопросу. Проникнуто вдумчивымъ и полнымъ любви отношеніемъ къ запросамъ ребенка. (*К. М. „Дошк. Восп.“. 1913—2*).

Нельзя не пожелать широкаго распространенія этой книжкѣ... Матеріалъ подобранъ умѣло... Издана хорошо. (*„Нов. Дѣтск. Лит.“. 1913—4*).

633. Фаусекъ, Ю. И. 372:68

Бумажное царство. Альбомъ изъ XII цвѣтныхъ таблицъ. Текстъ къ нимъ. Стр. 31. Рис. 21. Ц. 2 р. 1912 г.

Читатель едва ли догадается, видя такое заглавіе, о чемъ говорится въ этой оригинальной книжкѣ. Можетъ быть, было бы вѣрнѣе дать ей названіе: „Въ царствѣ красочной бумаги“, на манеръ извѣстной книжки: „Въ царствѣ красокъ“. Тогда мы сразу сообразили бы, въ чемъ тутъ дѣло. Года два назадъ меня не разъ спрашивали лица, стоящія близко къ учебнымъ пособіямъ, указать имъ книжку для руководства бумажными занятіями съ дѣтьми по новому способу. Способъ же этотъ состоитъ въ томъ, что по данному „стилизованному“ цвѣтному рисунки вырѣзаются изъ разноцвѣтной бумаги ножницами различныя его части. Затѣмъ эти части наклеиваются клейстеромъ на картонъ, либо на толстую бумагу, съ такимъ расположеніемъ, чтобы получился тотъ же самый рисунокъ, съ котораго копировалъ „бумагорѣзатель“. Руководствомъ для такихъ занятій и служитъ книжка г-жи Ф. Послѣдняя практикуетъ ихъ уже много лѣтъ подъ рядъ и теперь дѣлится своимъ опытомъ съ молодыми и начинающими учительницами. Для нихъ эта книжка и альбомъ будутъ необходимымъ пособіемъ и руководствомъ. Я бы назвалъ ее и единственнымъ пособіемъ. Но на-дняхъ увидалъ подобное же изданіе Горбунова-Посадова. Послѣднее значительно дешевле. Но его рисунки гораздо грубѣе. Къ нимъ нѣтъ текста, и въ подборѣ рисунковъ не замѣчается той идейной стороны, которая видна у Ф. А только эта идейная сторона да умѣлый подборъ рисунковъ и можетъ превратить это, повидимому, забавное занятіе въ серьезное орудіе обученія маленькихъ дѣтей. (*М. Новорусскій. „Рѣчь“. 1912—346*).

Книга Ф. должна быть отмѣчена, какъ одна изъ очень интересныхъ попытокъ примѣненія такъ наз. „лабораторнаго метода преподаванія“ въ младшихъ кл. школы... Особую цѣнность курса Ф. составляетъ богатство сообщаемыхъ свѣдѣній. Здѣсь нѣтъ ни одного урока, безразличнаго въ познавательномъ отношеніи... Къ числу ея недостатковъ слѣдуетъ отнести нѣкоторое однообразіе въ способахъ воспроизведе-

нія: къ вырѣзыванію изъ бумаги д. б. присоединена лѣпка, быть можетъ, столярничество и т. п. Крупные недочеты въ изданіи книги, прежде всего,— отсутствіе руководящаго вступленія и какихъ бы то ни было историческихъ справокъ. (*Б. Энгельгардтъ. „Совр. М.". 1913—5).*

Наклеиваніе изъ бумаги не можетъ всецѣло замѣнить ручной трудъ. Однако, значеніе работъ изъ бумаги несомнѣнно имѣетъ большое значеніе, и трудъ Ф. заслуживаетъ всякаго вниманія со стороны учащихъ начальныхъ школъ. Онъ даетъ имъ не только хорошій матеріалъ для занятій, но и вдохновитъ еще къ новому творчеству въ этомъ направленіи. (*Е. С. „Учит. Дѣло". 1913—3*).

„Бумажное царство" слѣдуетъ рекомендовать вниманію каждаго, кто интересуется живой и дѣятельной постановкой преподаванія въ начальной школѣ. Книжка даетъ не только матеріалъ для преподавателя, но натолкнетъ и на новыя идеи въ этомъ направленіи. Изданъ альбомъ прекрасно. Жаль только, что цѣна изданія можетъ явиться препятствіемъ къ широкому распространенію книги среди народнаго учительства. (*Е. Соломинъ. „Рус. Шк.". 1913—4*).

Большой интересъ представляетъ книга Ф. Она устанавливаетъ въ первоначальномъ обученіи тѣ принципы, которые въ послѣднее время завоевываютъ признаніе во всей школьной системѣ. (*„Рус. Молва". 1913—144*).

634. [. . . . . 373(063)(47)

Труды перваго съѣзда директоровъ среднеучебныхъ заведеній спб. учебнаго округа (съ 7—11 января 1912 г.). Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 290.

Съ глубокимъ интересомъ приходится останавливаться передъ данной работой, гдѣ впервые русское общество можетъ узнать характерныя теченія официальной педагогической мысли. Въ прошломъ это явленіе было невозможнымъ,—вся работа совершалась въ тихомолку, находя себѣ отраженіе или въ „бытовой" жизни школы, или въ циркулярныхъ распоряженіяхъ. Теперь передъ нами картина совершенна иная — труды официальныхъ педагоговъ представлены на общественное разсмотрѣніе и критику. Фактъ настолько знаменательный, что обойти его молчаніемъ невозможно.

„Труды съѣзда" представляютъ собою рядъ докладовъ (всего 10-ть), отчетъ о преніяхъ и засѣданіяхъ комиссіи и, наконецъ, резолюцій. Разбираясь въ общей массѣ матеріала, можно смѣло сказать, что въ немъ мало кто найдетъ для себя цѣнныхъ указаній, за исключеніемъ развѣ доклада С. Л. Степанова „Объ установленіи связи между низшей и средней общеобразовательной школой". Въ остальныхъ случаяхъ это въ лучшемъ повтореніе всѣмъ извѣстныхъ за довъ. Такъ, Н. А. Марковъ въ докладѣ „О преподаваніи новѣйшей русской литературы" даетъ образецъ претенціознаго разсужденія на этотъ счетъ. Ни одной свѣжей мысли. Трафаретное построеніе курса, слабое въ методологическомъ отношеніи (путаетъ понятіе „историческаго" и „эволюціоннаго" методовъ), проникнуто идеей воспитательнаго воздѣйствія, центръ тяжести котораго возлагается не на художественные образцы (единственно возможный методъ), а на руководительство преподавателей. Отсюда „по недостатку времени" изъ курса литературы выпали Л. Толстой и Достоевскій. Съ этимъ не согласилась, однако, спеціальная комиссія, образовавшаяся при съѣздѣ. Характерно отмѣтить, что результаты работы послѣдней совпали съ послѣдней вновь опубликованной программой по русскому языку и литературѣ.

Докладъ Г. Г. Ягфельда „О внѣшкольномъ чтеніи" во многихъ чертахъ рисуетъ дѣйствительное положеніе этого вопроса въ современной средней школѣ. Съ другой стороны, выводы крайне скудные, къ тому же, довольно специфическіе. Такъ, разсматривая на примѣрахъ матеріалъ для чтенія учащихся по вопросу о школьной жизни, докладчикъ не преминулъ включить сюда наравнѣ съ Никитинымъ и Авенаріусомъ г-жу Чарскую, г. Позднякова и совершенно не указалъ, напримѣръ, Короленку.

Наиболѣе же характерны доклады А. Г. Готлиба и Г. А. Сергѣева „О физическомъ воспитаніи". Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, одинъ (Г. Сергѣевъ) опредѣлилъ „нравственную распущенность" молодежи, другой (А. Готлибъ) далъ практическую программу преподаванія гимнастики вплоть до военнаго строя и руководительства унтеръ-офицеровъ физическимъ воспитаніемъ. При этомъ, конечно, дѣло не обошлось „безъ исторіи" вопроса и ссылокъ на Германію и т. д.

Наравнѣ съ этими удивительными изданіями доморощенныхъ педагоговъ какъ-то не нижется прекрасный и обстоятельный докладъ С. Л. Степанова „Объ установленіи связи между низшей и средней общеобразовательной школой". Сущность его сводится къ установленію принципа „единой школы". Данный докладъ вызвалъ отрицательное постановленіе съѣзда и даетъ богатый матеріалъ въ преніяхъ по нему, конечно, единственно для характеристики официальной педагогической мысли.

Большого вниманія заслуживаетъ и докладъ Г. І. Зоргенфрея „Объ устройствѣ педагогическаго музея", такъ же интересенъ со стороны цифровыхъ данныхъ докладъ С. В. Лаврова „О конкурсныхъ экзаменахъ въ 1 классъ". Однако, послѣдній докладчикъ далъ слишкомъ скудные и поспѣшные выводы, порой просто не понимая положенія дѣлъ. Такъ, учитывая % неуспѣвающимъ въ 1 кл., докладчикъ вводитъ всю вину въ этомъ на подготовку, совершенно не думая о томъ, что здѣсь лежатъ во многомъ иныя причины (бездарность педагоговъ, суроный и „бытовой" „строй школы", и т. п.). Методъ длительныхъ пріемныхъ испытаній также уже устарѣлый пріемъ, хотя въ Россіи примѣняется еще очень рѣдко (чаще всего въ частныхъ среднихъ школахъ, напр., въ Сибири).

Заслуживаетъ вниманія и докладъ Эр. Пл. Цитовича: „О реформѣ реальныхъ училищъ", хотя и носитъ на себѣ спорный отпечатокъ. Главное, докладчикъ не опредѣлилъ точнѣе задачъ реформы и цикла курса даннаго типа школы.

Таковы въ общихъ чертахъ „Труды съѣзда". Главная ихъ цѣнность заключается въ томъ, что они являются характернымъ отраженіемъ официальной педагогіи и ярко рисуютъ многія ея стороны. Конечно, „Труды" не могутъ стать руководящимъ трудомъ для школьныхъ работниковъ, но въ достаточной степени уяснятъ обществу официальный типъ педагога средней

школы. И это открытое выступленіе передъ обществомъ заслуга не малая—не всякій рѣшается на этотъ опытъ. (*И. Л—овъ „Рѣчь". 1912—311*).

Изъ числа намѣченныхъ вопросовъ своевременно былъ вычеркнутъ вопросъ „О роли родительскихъ комитетовъ",— по которому, очевидно, не предполагалась возможность „высказываться свободно". Многіе изъ числа наболѣвшихъ въ русской оффиціальной школѣ вопросовъ не были включены въ программу съѣзда, вѣроятно, по недосмотру. Таковы, напр., вопросы „о классной и внѣклассной дисциплинѣ"; „о мѣрахъ къ поднятію авторитета школы и преподавателей въ глазахъ учащихся и общества"; „о зависимости переутомленія учащихся въ нѣкоторыхъ школахъ не столько отъ перегруженія программъ, сколько отъ подавляющей авторитетности среди коллегъ тѣхъ или иныхъ сочленовъ педагогическаго персонала" и многіе другіе...

Количество работы, выполненной въ теченіе девяти засѣданій, весьма почтенно, почему слѣдуетъ желать, чтобы такіе съѣзды повторялись возможно чаще. Нужно полагать, что современемъ, хотя, б. м., и не скоро, можно будетъ приступить и къ свободному обсужденію случайно позабытыхъ или временно отсроченныхъ вопросовъ. (*Ф. И. Павловъ. „Рус. Шк." 1913—3*).

Назидательная книга... Въ докладѣ о преподаваніи новѣйшей русской литературы директоръ Марковъ внесъ такую путаницу въ понятія объ эволюціонномъ и историческомъ методахъ преподаванія, что и члены-оппоненты не могли разобраться въ томъ, чего, собственно говоря, хочетъ ораторъ... Въ такомъ же родѣ и др. „труды" глубокоуважаемыхъ, многоопытныхъ и высокочтимыхъ педагоговъ, среди которыхъ особымъ рвеніемъ отличался нѣковскій гимназ. дир. Готлибъ, съ такой умилительной трогательностью заботившійся о молодомъ русскомъ народѣ, „не выработавшемъ еще сознательныхъ стремленій и интересовъ" въ школьныхъ вопросахъ и „нуждающемся въ опекѣ". Вообще же, почти у всѣхъ директоровъ проявился характерной чертой испугъ передъ выводами одного только путнаго доклада С Степанова „Объ единой общеобразовательной школѣ". (*Ст. учитель. „Совр. М." 1913—2*).

635. Чеглокъ, А. 59(0:8)

Разсказы изъ жизни животныхъ Африки. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к. К-во К. П. Тихомирова. М. 1912.

Книжки Ч. можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія, именно: 1) какъ научно-популярные очерки, и 2) какъ разсказы беллетристич. характера. — Несомнѣнно, послѣдняго элемента въ названныхъ очеркахъ значительно болѣе, такъ какъ у автора положительно развита беллетристическая жилка. Что касается научно-популярнаго элемента, то онъ здѣсь встрѣчается какъ бы мимоходомъ, хотя въ общемъ итогѣ вся книжка даетъ не мало матеріала по географіи и біологіи африканской пустыни и Алжира. ...Первый разсказъ содержитъ интересное описаніе путешествія автора съ проводникомъ на верблюдѣ изъ Тургута въ Уарглу, неудавшееся вслѣдствіе смерти одного верблюда. Второй разсказъ „Самый страшный звѣрь", описываетъ охоту на львовъ и изображаетъ типъ львинаго охотника. Разсказъ „Фенекъ" даетъ описаніе наблюденія автора надъ пустынными лисицами фенеками. „Маго" описываетъ обезьянъ, „Гасанъ Мудрый"— разсказъ о дикобразахъ. Прочіе разсказы въ такой же формѣ повѣствуютъ о гіенахъ, муфлонахъ, пантерахъ, газеляхъ и проч. Кромѣ этого въ книжкѣ содержится много картинокъ и эпизодовъ, дающихъ живое представленіе о разныхъ сторонахъ африканской природы. Книжка обильно и хорошо иллюстрирована цвѣтными таблицами (ихъ двѣ, кромѣ изящной обложки) и большимъ числомъ рис. въ цѣлую страницу, рисунковъ въ текстѣ и виньетокъ. Въ смыслѣ беллетристич. можно отмѣтить нѣкоторое сгущеніе красокъ и нѣкоторую мелодраматичность, можетъ быть и нежелательную для юнаго возраста. Впрочемъ, этотъ недостатокъ можно отмѣтить лишь изрѣдка, напр., въ разсказѣ „Самый страшный звѣрь". Въ остальномъ же книга положительно занимательна и хороша и несомнѣнно можетъ заинтересовать читателей 12—14-лѣтн. возраста. Съ интересомъ книжка читается и взрослыми. Цѣну книжки можно считать вполнѣ нормальной, хотя, можетъ быть, и слишкомъ дорогой, чтобы доставить книжкѣ то распространеніе, какого она заслуживаетъ. (*В. Граціановъ. „Внѣшк. Восп. 1912—9*).

...Разсказы Ч. читаются съ огромнымъ интересомъ: авторъ вполнѣ овладѣваетъ вниманіемъ читателя, перенося то въ пески Сахары, то въ ея цвѣтущіе оазисы, то на склоны Алжирскихъ горъ, въ наблюденіяхъ и поискахъ за животными-героями разсказовъ. Талантливость изложенія, прекрасно выдержанный „африканскій колоритъ" разсказовъ, трогательная симпатія къ описываемымъ живымъ существамъ, интересно схваченныя и живо описанныя черты ихъ характера и повадокъ, умѣстно переплетаемыя, въ качествѣ деталей, данными этнографич. характера, и, наконецъ, рядъ описываемыхъ авторомъ мѣстностей, — все это способствуетъ тому, что даже взрослый читатель съ неослабнымъ интересомъ прочтетъ разсказы Ч. Нечего и говорить о дѣтяхъ, которымъ брошюрки „Разсказовъ изъ жизни животныхъ Африки" должны доставить много удовольствія и пользы. (*А. Лайстеръ. „Естест. и Геогр." 1912—8*).

Разсказы Ч. чрезвычайно выгодно отличаются отъ обычнаго типа разсказовъ о животныхъ для дѣтей и юношества. Это не книжныя описанія, составленныя на основаніи тѣхъ или иныхъ литературныхъ источниковъ. Это—непосредственныя переживанія самого автора, живой разсказъ о его собственныхъ поѣздкахъ въ Африку, мѣстныхъ встрѣчахъ и наблюденіяхъ. Разсказъ прерывается иногда шуткой, оживляется діалогомъ, небольшими экскурсіями въ личныя переживанія автора, мѣткимъ словомъ и удачнымъ наблюденіемъ. Короче, изъ книги Ч. юный читатель можетъ въ живой, легкой и интересной формѣ познакомиться съ живымъ міромъ Сѣверной Африки, поскольку онъ доступенъ наблюденію вдумчиваго туриста, безъ всякихъ искусственныхъ подцвѣчиваній и подкрашиваній. (*Б. Райковъ „Рус. Шк." 1912—10*)

636. Шлейеръ, А. и Нейнцигъ, К. 595.7

Жуки Европы. Съ 465 рис. въ краскахъ на 20 табл. Пер. съ нѣм. В. П. Казакова. Изд. В. М. Саблина. Стр. 140 М. 1912.

Настоящее изданіе представляетъ альбомъ изъ 20 красочныхъ таблицъ, съ объяснительнымъ текстомъ въ 140 страницъ. Книга предназначается главнымъ образомъ, какъ пособіе для составленія коллекцій изъ жуковъ, для чего въ началѣ текста даются всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно ловли жуковъ, ихъ умерщвленія и препарированія. Далѣе идетъ описаніе жуковъ, помѣщенное въ порядкѣ ихъ раздѣленія по группамъ. Описаніе это сводится главнымъ образомъ къ указанію внѣшнихъ свойствъ и мѣстожительства насѣкомаго, что и нужно для коллекціонера. Для дѣтей школьнаго возраста настоящее изданіе должно быть очень полезно.

Красочныя изображенія жуковъ на таблицахъ очень хороши. (*Н. Т. „Моск. Вѣд.“ 1911—249*).

Совершенно неудовлетворительно составлена „общая часть“, гдѣ приводятся, напр., малоупотребительныя пріемы и орудія лова жуковъ и пр. По техникѣ исполненія таблицы уступаютъ многимъ другимъ атласамъ, но все же могутъ быть отнесены къ числу сносныхъ. Цѣну слѣдуетъ признать не высокой. Несомнѣнно, эта книга сдѣлается настольной всѣхъ начинающихъ коллекціонеровъ. (*В. Редикорцевъ. „Бюл. Харьк. О-ва Любит. Прир.“ 1912—3*).

637. Шлейеръ, А. 597+598.1

Рыбы, пресмыкающіяся и амфибіи. Съ 3 рис. въ текстѣ и 226 изображ. въ краскахъ на 30 таблицахъ. Перев. съ нѣм. Е. О. и Д. С. стр. 106 Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Ц. не обозн.

Зоологіей собственно настоящую книжку назвать почти нельзя, такъ какъ общихъ понятій здѣсь очень мало. Это прежде всего альбомъ, при чемъ каждое изображаемое животное имѣетъ краткое описаніе, что составляетъ текстъ. Альбомъ этотъ исполненъ въ краскахъ и состоитъ изъ 30 таблицъ, на которыхъ помѣщено до 226 изображеній. Въ концѣ изданія помѣщенъ алфавитный указатель имѣющихся въ альбомѣ видовъ и ихъ мѣстонахожденіе. Описаніе животныхъ здѣсь сводится больше къ указанію внѣшнихъ признаковъ, цвѣта и мѣста жительства, т.-е. свѣдѣній первоначальныхъ. Настоящій альбомъ можетъ быть очень пригоденъ для дѣтей школьнаго возраста. Рисунки, помѣщенные въ альбомѣ, очень хорошіе, исполненные въ краскахъ, прекрасно передаютъ цвѣтъ животнаго и весь его внѣшній обликъ, а большое ихъ количество даетъ понятіе начинающему любителю зоологіи о безчисленности видовъ, населяющихъ моря, океаны, рѣки и болота, и о томъ множествѣ рептилій, которыя водятся особенно въ жаркомъ климатѣ. Съ внѣшней стороны изданіе очень изящное. (*Н. Т. „Моск. Вѣд.“ 1912—243*).

638. Шлейеръ, А. и Нейницъ, К. 598.2

Птицы земного шара. Съ 239 рис. въ краскахъ на 30 таб. и 31 рис. въ текстѣ. Перев. О. Б. Румера. Изд. В. М. Саблина. М. 1912.

Настоящее изданіе дастъ первоначальныя свѣдѣнія по зоологіи птицъ и на 30 таблицахъ—до 239 изображеній и разныхъ видовъ птицъ, исполненныхъ въ краскахъ. Эти-то таблицы вмѣстѣ съ краткими описаніями каждаго изображаемаго вида и составляютъ главное достоинство изданія. Разнообразный птичій міръ здѣсь представленъ очень богато, въ порядкѣ ихъ классификаціи. Изображенія этого множества птицъ очень хороши и краски вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а краткія описанія даютъ свѣдѣнія, вполнѣ достаточныя для начинающаго любителя зоологіи. Изданіе очень можно порекомендовать для дѣтей школьнаго возраста. (*Н. Т. „Моск. Вѣд.“ 1912—247*).

На многихъ таблицахъ изображенія хорошо исполнены; есть однако и такихъ немало, которыя выполнены не важно. Хорошее изданіе само по себѣ, по нашему мнѣнію сильно выиграло бы, если бы были приложены синоптическія таблицы. (*М. М. „Бюл. Харьк. О-ва Любит. Прир.“ 1912—3*).

Однотипныя книжки, съ большимъ количествомъ раскрашенныхъ рисунковъ, бьющимъ въ глаза яркостью красокъ. Совершенно недоумѣваешь, для кого предназначены эти изданія. По внѣшности они какъ бы пригодны для дѣтей, но стоитъ заглянуть въ текстъ, чтобы отказаться отъ этой мысли: до того безнадежно сухо содержаніе текста. Для школъ какого-нибудь типа? Но свѣдѣнія по анатоміи, біологіи и систематикѣ, предпосланныя частнымъ описаніямъ, таковы, что ихъ надо сообщать послѣ коренной переработки. Не годятся книги и въ качествѣ атласовъ, иллюстрирующихъ мѣстную фауну, потому что не только о фаунѣ Россіи, но и фаунѣ Германіи по нимъ нельзя составить ни малѣйшаго представленія. Наконецъ, можетъ-быть, онѣ пригодны въ рукахъ преподавателя? Но и на это приходится дать отрицательный отвѣтъ, такъ какъ живущій въ „центрахъ“ преподаватель найдетъ лучшія пособія, а живущій въ глуши лучше сдѣлаетъ, воздержавшись отъ пользованія этими книгами, такъ какъ въ нихъ попадаются очень крупныя ошибки. Очень жаль, что порядочныя средства, которыя, конечно, понадобились на эти книжки, затрачены столь непроизводительно. Пора отказаться отъ изданія этого устарѣвшаго типа атласовъ, гдѣ какъ-будто есть все и которые въ сущности не даютъ ничего. (*М. Мензбиръ. „Рус. Вѣд“. 1913—42*).

Понятіе новыхъ зоологическихъ атласовъ, предназначенныхъ для большей публики, нельзя не привѣтствовать. Переводъ въ общемъ довольно точный, указаны даже всѣ мѣстности Германіи, гдѣ данное животное встрѣчается. Книги могутъ сослужить большую роль въ естественно-научномъ воспитаніи юношества. Болѣе широкаго значенія врядъ ли можно ожидать отъ нихъ, такъ какъ научная цѣнность ихъ не велика. Книги не всѣ одинаково удачны. Наиболѣе удачны рыбы, пресмыкающіяся и амфибіи. Далѣе удачна книга „Жуки Европы“. Менѣе всѣхъ удачна книга „Птицы земного шара“. Съ технической стороны изданіе заслуживаетъ полнаго одобренія. (*В. Капелькинъ. „Вѣст. Восп.“ 1912—9*).

639. Орлова, О. П. 61:92(П)

Луи Пастеръ. Его жизнь и труды. Подъ ред. прив.-доц. С. Г. Крапивина. 179 стр., съ портретомъ Пастера. М. 1913. Изд. кн. скл. „Ступени Знанія“. Ц. 75 к.

Создавшіе эпоху въ біологіи труды Пастера, основателя новой, въ теченіе полувѣка широко разросшейся науки микробіологіи, реформатора

медицины, равнымъ образомъ двинувшаго впередъ и теорію, и практику, представляютъ интересъ для всѣхъ, кого такъ или иначе занимаютъ вопросы біологіи. Интересны также самая личность и жизнь Пастера, упорнымъ трудомъ проложившаго себѣ дорогу къ вершинамъ научной славы, шагъ за шагомъ завоевавшаго побѣду новымъ идеямъ о брожевіи, о самозарожденіи, о причинахъ болѣзней, о новыхъ способахъ ихъ лѣченія и предупрежденія.

Появленіе книги надо признать умѣстнымъ и своевременнымъ. Небольшого объема, хорошо изданная и доступная по цѣнѣ книжка эта производитъ по внѣшности пріятное впечатлѣніе, укрѣпляющееся при чтеніи. Авторъ, не спеціалистъ-ученый, былъ, повидимому, подвинутъ къ мысли выразить въ своемъ произведеніи чувства глубокаго уваженія и даже благоговѣнія къ личности Пастера и къ его трудамъ. Изучивъ французскія монографіи, посвященныя Пастеру, главнымъ образомъ капитальное произведеніе Валери Радо и книгу Дюкло, О., не прибавляя ничего отъ себя, постаралась извлечь изъ нихъ все, что ей казалось заслуживающимъ вниманія, и сдѣлала это съ такой любовью и тщательностью, которыя незолъно подкупаютъ и читателя. Біографія Пастера, условія и ходъ его работъ изложены съ большой полнотой, и въ этомъ отношеніи книга всецѣло должна удовлетворить тѣхъ, кто заинтересуется ею; она можетъ служить очень полезнымъ дополненіемъ и введеніемъ ко всякаго рода чтеніямъ по микробіологіи, которая теперь интересуетъ, какъ извѣстно, широкіе круги.

Значеніе работъ Пастера, роль, сыгранная ими въ наукѣ, размѣры произведеннаго ими переворота изложены слабѣе и менѣе подробно, но и отъ этой части, всестороннее освѣщеніе которой потребовало бы значительнаго расширенія объема книги и такой же эрудиціи автора, какою обладалъ Дюкло, остается все-таки соотвѣтствующее впечатлѣніе. Книга поэтому вполнѣ заслуживаетъ вниманія публики. (*Л. Тарасевичъ. „Рус. Вѣд. 1913—134*).

Прекраснымъ языкомъ написана эта книга. Свѣтлый образъ величайшаго ученаго и искренняго друга человѣчества обрисованъ ярко и художественно. Всѣ открытія Пастора и вся его жизнь, посвященная на благо людямъ, прослѣжена шагъ за шагомъ, при чемъ многія выдержки изъ писемъ ученаго къ его роднымъ, переносятъ насъ въ ту сферу, въ которой жилъ и работалъ великій натуралистъ. Фактическій матеріалъ книги весь тщательно подобранъ, и читатель можетъ узнать про открытія Пастера въ химіи и физикѣ, наряду съ его изслѣдованіями въ области бактеріологіи и патологіи. (*Гр. „День“. 1913—119*).

Небольшая работа О. составлена съ большою любовью и тщательностью... Здѣсь передъ нами проходятъ картины жизни Пастера, картины хода и развитія его работъ, полныя захватывающаго интереса. Біографическая сторона представлена достаточно полно и законченно, научная—далеко не исчерпана... Внѣшность изданія хороша, цѣна не высока. Книга, въ общемъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія, особенно со стороны тѣхъ, кто интересуется вопросами микробіологіи, а такихъ, конечно, не мало. (*Л. Тарасевичъ. „Природа“. 1913—6*).

Книга О. въ общедоступной, но въ то же время строго-научной формѣ говоритъ о жизни и работахъ знаменитаго французскаго ученаго. Книга издана изящно и иллюстрирована нѣсколькими рисунками. Въ виду полнаго отсутствія на русскомъ языкѣ отдѣльныхъ книгъ о Пастерѣ, изданіе этого труда необходимо привѣтствовать какъ любовно и добросовѣстно исполненную работу. (*Рус. „Молва“ 1913 — 151*).

* **Енчъ, Э.** 78:15

См. порядк. № 630.

640. Фагэ, Э., акад. 809 : 028

Чтеніе хорошихъ старыхъ книгъ. Пер. подъ ред. А. Ф. Гретманъ. Кн—во „Звѣзда“. М. 1913. Стр. 365. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. затрагиваетъ творчество двадцати различныхъ писателей, изъ которыхъ только два,—Гомеръ и Виргилій,—не принадлежатъ къ числу французскихъ авторовъ. Обращаясь, такимъ образомъ, почти исключительно къ прошлому родной словесности, онъ отъ Раблэ постепенно доходитъ до Бальзака, попутно характеризуя между прочимъ Мольера, Корнеля, Расина, Буало, Вольтера, Руссо, В. Гюго, Ламартина и др., Ф. не стремится дать всеобъемлющую характеристику того или другого автора,—онъ отмѣчаетъ особенности его дарованія или міровоззрѣнія при разборѣ какой-нибудь отдѣльной его вещи, иногда сосредоточиваетъ свое вниманіе на анализѣ опредѣленнаго типа или образа. Глава, посвященная Раблэ, имѣетъ подзаголовокъ: „Буря, перенесенная Пантагрюэлемъ и его друзьями“; говоря о Мольерѣ, авторъ касается только „Тартюфа“. Цѣль, которою задался критикъ: притти на помощь читателю, навести его на цѣлый рядъ мыслей *по поводу* прочитанныхъ вещей, выяснить художественныя красоты или идейное содержаніе классическихъ произведеній. Мысли и замѣчанія умнаго и наблюдательнаго критика въ родѣ Ф., естественно, представляютъ интересъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не можемъ вполнѣ согласиться съ его взглядами; несомнѣнно только, что книга предполагаетъ предварительное знакомство съ различными произведеніями, частью мало извѣстными нашей большой публикѣ; въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду главы, посвященныя Монтэню, Корнелю, Расину, Боссюэту, Лабрюйеру, Буало. Если бы книга Ф. побудила кого-нибудь прочесть впервые то, что имѣется въ русскомъ переводѣ изъ произведеній только что названныхъ писателей, это было бы само по себѣ весьма цѣннымъ и желательнымъ результатомъ. Иначе обстоитъ, конечно, дѣло, когда критикъ анализируетъ болѣе знакомыхъ и популярныхъ у насъ писателей. Когда онъ касается чисто художественныхъ вещей, напримѣръ, образцовъ лирики, его толкованія рискуютъ только показаться слишкомъ обстоятельными, расхолаживающими, ослабляющими то непосредственное впечатлѣніе, какое могли бы производить самыя созданія тѣхъ или другихъ поэтовъ. Но комментаріи Ф. являются вполнѣ умѣстными и желательными, когда идетъ рѣчь о произведеніяхъ, въ которыхъ главную роль играютъ отвлеченныя идеи, общіе вопросы, проблемы морали или анализъ душевныхъ движеній. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—12*).

Можно кой въ чемъ поспорить съ почтеннымъ авторомъ, но нельзя не заинтересоваться его оригинальными мыслями и предположеніями, изложенными въ весьма занимательной формѣ.

Къ сожалѣнію, переводъ далеко не передаетъ той легкости и живости, которыми отличается подлинникъ. (*„Извѣст. по Лит.“ 1913—1*).

Это, въ сущности, рядъ лекцій Ф. о поэтахъ и писателяхъ древности и новаго вѣка. Человѣкъ, спеціально изучившій Гомера, не найдетъ здѣсь ничего новаго, и это одинаково — о Вольтерѣ, Руссо, Бальзакѣ. Но тому, кто только ищетъ общаго образованія, книга Ф. можетъ замѣнить рядъ популярныхъ лекцій, иллюстрирующихъ автора съ наименьшей затратой труда, или бесѣду съ талантливымъ и много читавшимъ человѣкомъ. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1912—299*).

Книжка Ф. не лишена извѣстной послѣдовательности и притомъ читается съ интересомъ. Авторъ разсматриваетъ въ ней отрывки изъ произведеній ряда писателей старой французской литературы. Авторъ разбираетъ лучшія произведенія этихъ писателей съ обычною своею критическою тонкостью и талантомъ. Въ общемъ у читателя получается довольно полное понятіе о всемъ цвѣтѣ старой французской литературы. Это дѣлаетъ, намъ кажется, книгу Ф. весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи французской литературы. (*М. Н. „Моск. Вѣд.“ 1913—76*).

641. Гете. 83—2

Въ трехъ томахъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. „Библ. всемірной литературы.“ М. 1912—1913. Изд. „Окто“. Ц. за т. 2 р. 50 к.

Вслѣдъ за сочиненіями Гомера, Шекспира, Байрона въ составъ „библіотеки европейскихъ классиковъ“, выпускаемой издательствомъ „Окто“, вошли теперь избранныя произведенія Гете. Три тома занимаютъ эти образцы творчества великаго поэта, и все же, разумѣется, пришлось исключить изъ рамокъ настоящаго изданія немало вещей, весьма характерныхъ для дарованія Гете, но не принадлежащихъ къ числу самыхъ крупныхъ его созданій. Нѣкоторыя произведенія даны въ новыхъ переводахъ; перепечатаны и нѣкоторыя изъ прежнихъ переводовъ. По тѣмъ изъ крупныхъ произведеній Г., которыя представлены въ настоящемъ изданіи, можно получить ясное понятіе о главныхъ мотивахъ творчества германскаго поэта и его историко-литературномъ значеніи. Нѣсколько полнѣе хотѣлось бы только видѣть отдѣлъ, посвященный лирическимъ стихотвореніямъ Г.; помѣщенныхъ тамъ нѣсколькихъ десятковъ стихотвореній все же едва ли достаточно для того, чтобы дать исчерпывающее понятіе объ этой сторонѣ дѣятельности поэта. Въ началѣ перваго тома мы находимъ вступительный этюдъ В. Фишера, посвященный Г. Отдѣльнымъ крупнымъ произведеніямъ предпосланы отрывки изъ книгъ Льюиса, В. Шерера, Шахова, Геттнера. Внѣшній видъ настоящаго изданія производитъ, подобно собраніямъ сочиненій Шекспира и Байрона, выпущеннымъ тою же издательскою фирмой, самое благопріятное впечатлѣніе. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“. 1913—128*).

Въ общемъ выборъ произведеній сдѣланъ тщательно и обдуманно. Хотѣлось бы видѣть отрывки изъ „Поэзіи и правды“. Не всегда хороши новые переводы лирическихъ стихотвореній. Нельзя не посѣтовать на редакцію за то, что въ качествѣ объяснительныхъ статей къ гетевскимъ произведеніямъ выбраны отрывки изъ устарѣлыхъ книгъ Льюиса, Геттнера, В. Шерера, послѣ того какъ появились изслѣдованія Мейера, Гейнемана и др., изъ которыхъ можно было бы перевести соотвѣтствующіе отрывки. (*Прив.-доц. П. Коганъ. „У. Рос.“ 1913—33*).

Новый выпускъ соч. Г., несмотря на свою относительную дешевизну, производитъ впечатлѣніе дорогихъ изданій. Много иллюстрацій, объяснительныхъ статей и примѣчаній. Текстъ заново просмотрѣнъ и менѣе удачные переводы замѣнены болѣе совершенными. Изданіе заслуживаетъ широкаго распространенія. (*Б. Я. „Одес. Л.“ 1913—37*).

Труднѣйшая задача выбора матеріала изъ огромнаго наслѣдія Г. разрѣшена почтеннымъ редакторомъ съ значительнымъ тактомъ. Въ меньшей степени удовлетворилъ меня несложный критическій аппаратъ, связанный съ изданіемъ. За исключеніемъ общей вступительной статьи г. Фишера, остальной освѣдомительный и критическій матеріалъ устарѣлъ безнадежно. Бичъ русскихъ и иностранныхъ „классиковъ“—иллюстраціонная часть, эта незамѣнимая школа безвкусія. Если уже нужно было иллюстрировать изданіе можно было бы замѣнить эту слащавую и бездарную заваль произведеніями большей художественной цѣнности. (*А. Левинсонъ. „Совр. М.“ 1913—5*).

Не только каждая школьная библіотека, но и каждая семья, гдѣ есть дѣти и гдѣ есть возможность и потребность дать въ помощь ихъ духовному развитію„ вѣчныхъ спутниковъ“, найдутъ въ компактныхъ томахъ „Европ. классиковъ“ необходимый, можно сказать, неизбѣжный матеріалъ. Главный изъ недостатковъ изданія—неполнота. (*„Рус. Бог.“ 1913—3*).

642. Ан—скій С. А. 891.7—3/4.

Сочиненія. Т. VI. Въ водоворотѣ. Изд. „Просвѣщеніе“. Спб. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 к.

Заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію книги. Авторъ изображаетъ еврейскія народныя массы въ водоворотѣ общественныхъ страстей столь близкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко ушедшаго отъ насъ періода Sturm und Drang'а. Увлеченіе еврейской молодежи соціальной и революціонной борьбой, дробленіе еврейской интеллигенціи на множество политическихъ фракцій, ломка стараго, традиціонно-религіознаго уклада жизни гетто и разладъ, происходящій на этой почвѣ между отцами и дѣтьми,— вотъ о чемъ разсказываетъ, повѣствуетъ Ан — скій съ присущими ему наблюдательностью и юморомъ. Больше половины книги занимаетъ повѣсть „Въ новомъ руслѣ“, гдѣ мѣтко зарисована яркая и колоритная фигура старухи Эстеръ. Но повѣсть эта все же не столько художественное произведеніе, сколько въ художественной формѣ написанная хроника нѣсколькихъ дней жизни города N, хроника, которую можно было бы продолжить безъ конца и гдѣ подъ N можно подставить любой городъ черты еврейской осѣдлости. Въ живо написанныхъ публицистическихъ очеркахъ авторъ дѣлится своими впечатлѣніями отъ объѣзда еврейской провинціи въ послѣ-революціонное время.

Еврейство переживаетъ теперь глубокій кризисъ. Старыя формы жизни разрушены до основанія, новыхъ не создано —„и жить стало нечѣмъ“... Отсюда, съ одной стороны, массовыя эмиграція молодежи за океанъ, гдѣ уже образовались крупные центры еврейской культуры, съ другой,— сильное стремленіе къ созданію

собственной національной культуры на старой родинѣ. (*„Рус. Молва“. 1913 — 146*).

Повѣсть „Въ новомъ руслѣ“, переноситъ насъ въ еврейскій городъ Западнаго края въ 1905 г. Еврейское рабочее движеніе, борьба отцовъ и дѣтей въ еврейской средѣ, погромы,— всѣ эти историческія событія недавняго прошлаго А. возсоздаетъ просто, правдиво и сильно. Повѣсть А. написана еще въ 1906 г. Но сейчасъ, мнѣ кажется, она представляетъ бо́льшій интересъ, чѣмъ въ то время, когда она появилась и когда изображаемыя событія были у всѣхъ въ памяти, благодаря газетнымъ сообщеніямъ, устнымъ разсказамъ пострадавшихъ и очевидцевъ. Теперь эта кровавая полоса русской жизни уже исчезаетъ въ туманѣ минувшаго, изглаживается изъ памяти, забывается, но забыть ее нельзя,— она оставила глубокій слѣдъ въ жизни, многое въ психикѣ современнаго поколѣнія придется ею объяснить. И вотъ такія картины, которыя правдиво возсоздаютъ эту полосу жизни, имѣютъ несомнѣнную цѣнность,— цѣнность историческую, которая возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ этой полосы. (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—134*).

Въ томъ симпатичнаго писателя вошла пять вещей, рисующихъ въ трогательныхъ краскахъ судьбу русскаго еврейства на фонѣ общерусской жизни. Въ высшей степени интересны „Изъ путевыхъ замѣтокъ“, гдѣ, между прочимъ, имѣется описаніе извѣстнаго погрома въ Бѣлостокѣ и разслѣдованія его членами 1-й Гос. Думы, и „Жертва вечерняя“— воспоминанія о И. И. Блиновѣ, русскомъ студентѣ, защищавшемъ избиваемыхъ во время житомірскаго погрома въ 1905 г. и растерзанномъ на улицѣ погромщиками. (*„Изв. по Литер.“ 1913—6*).

Не представляя ни малѣйшаго интереса въ художественномъ отношеніи, произведенія А. могутъ имѣть значеніе, какъ „документы“, свидѣтельствующія о настроеніи еврейскихъ массъ, если, конечно, допустить, что авторъ отразилъ эти настроенія во всемъ ихъ разнообразіи. (*В. Ю. Е. „Нов. Вр.“ 1913—13369*).

649 Криницкій, М. 891.7—3

Разсказы. Т. III. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1913. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Въ творчествѣ К. природа не занимаетъ большого мѣста: въ иныхъ разсказахъ его совершенно отсутствуютъ картины природы. Повседневное, обычное въ русской жизни—главный предметъ вниманія К. Въ жизни этой много пошлости; но дѣйствующія лица въ разсказахъ нашего автора замѣчаютъ ее только въ трагическіе и вообще въ рѣдкіе моменты своей жизни, заставляющіе ихъ подумать о смыслѣ жизни.

Такъ задумался о смыслѣ своего существованія Гуляевъ (въ разсказѣ „Предсмертныя мысли Гуляева“). Началъ онъ думать „въ серьезъ“ только тогда, когда его земное поприще окончилось, то-есть онъ заболѣлъ неизлѣчимою болѣзнью, вышелъ въ отставку и пересталъ ходить на службу. Болѣзнь приковала его очень скоро къ смертному одру въ больницѣ, и здѣсь, среди чужихъ ему людей и собственныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, всѣ чувства его необыкновенно обострвются, мысль работаетъ живо, вниманіе интенсивно Въ виду смерти Гуляевъ живетъ всѣмъ чувствомъ и помышленіемъ, какъ не жилъ всю жизнь.

Пошлости, отъ которой идетъ и ужасъ жизни, не замѣчаютъ люди, русскіе люди, но задумывающіеся надъ смысломъ жизни. Жалкіе это и жестокіе люди, увѣренные въ своей правотѣ и необходимости творить то жестокое и гадкое, что они творятъ. Къ нимъ относится множество дѣйствующихъ въ разсказахъ К. лицъ.

Вотъ разсказъ „Підіотка“, названный по прозвищу дѣвушки, дочери богатаго фабриканта. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ разсказѣ лицъ она одна испытываетъ состраданіе къ рабочимъ, которыхъ усмиряютъ выстрѣлами изъ винтовокъ казаки, приглашенные ея отцомъ для усмиренія. Всѣ же остальные—и фабрикантъ, и генералъ, и здоровая дочь генерала думаютъ, что казаки дѣлаютъ нужное и самое обыкновенное дѣло.

Также и педагоги въ цѣломъ рядѣ разсказовъ К. тупые, умственно ограниченные и потому самодовольные, совершаютъ множество жестокостей по отношенію къ своимъ ученикамъ.

Вотъ, напр., разсказъ „Муха“. Преподаватель Иванъ Ивановичъ диктовалъ послѣднюю фразу диктанта. „Спящій совному не товарищъ“. Вниманіе ученика Ивана Пупырева отвлечено было мухой, попавшей въ чернилицу, и, извлекая муху, ученикъ забылъ фразу и написалъ вмѣсто нея: „Спящій Сонькѣ не товарищъ“. Это повело къ трагическимъ послѣдствіямъ для Пупырева: директоръ оставилъ его въ гимназіи на 3 часа послѣ урока, предварительно выругавъ его негодяемъ; а товарищъ Кузькинъ просвѣтилъ его насчетъ значенія фразы, котораго до того Пупыревъ не зналъ и не подозрѣвалъ, такъ какъ комбинація изъ словъ „Спящій“ и „Сонька“ была для него самого совершенно неожиданной.

Трагическою оказалась судьба гимназиста Евстратова, второй годъ сидѣвшаго въ VIII классѣ и исключеннаго изъ гимназіи за плохо исполненное сочиненіе на тему: „Занятіе науками—источникъ наслажденія“. Его попытка исправить бѣду, его просьбы къ педагогамъ и, въ томъ числѣ, къ „любимцу всей гимназіи“, Василію Васильевичу, терпить горестное фіаско. „Любимецъ“ поговорилъ ласково съ Евстратовымъ, но пальцъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы помочь юношѣ, который послѣ этого оказывается въ распоряженіи швейцара Шабанды, ненавидящаго гимназистовъ. И финалъ разсказа таковъ: Шабанда почти вплотную подходитъ къ Евстратову и „съ радостною ненавистью“ хочетъ ему прямо въ физіономію: „Пошелъ вонъ отсюда, сволочь!“

Дѣйствующія лица разсказовъ К. не чувствуютъ ужаса, какой скрытъ за всей пошлостью ихъ мыслей, интересовъ и поступковъ. Тѣмъ острѣе переживаетъ этотъ ужасъ самъ писатель, и переживанья эти выражаетъ въ прекрасномъ произведеніи, посвященномъ В. Я. Брюсову,—„Ангелъ смерти“. (*И. И. „Вятск. Р.“ 1913—50*).

Всѣ обыватели у К. ущемлены незнаніемъ жизни и міра, но это отнюдь не мѣшаетъ имъ препротивно и прескучно болтать о „міровыхъ вопросахъ“, уже достаточно истрепанныхъ и опошленныхъ литературной улицей. Пристрастіе россійскаго обывателя „сыскать начала всѣхъ началъ“ отмѣчено еще Хемницеромъ почти сто лѣтъ тому назадъ, но, какъ это доказываетъ К. своей книгой, оно не изжито до сего дня. Сидя въ грязной ямѣ всяческаго неустрой-

ства, связанный по рукамъ и по ногамъ, россіянинъ все еще вопрошаетъ: „Веревка—что такое?..“ И очень вѣроятно, что ко времени, когда онъ рѣшитъ, наконецъ, этотъ хорошо рѣшенный сосѣдями вопросъ,— сосѣди догадаются, что онъ самъ весь, со своими пристрастіями къ бездарной болтавнѣ о роковыхъ проблемахъ бытія совершенно зря занимаетъ столь обширное и разнообразно-богатое мѣсто. (*А. Н. „Соврем.“ 1913—1*).

Одинъ за другимъ проходятъ передъ нами дѣйствующія лица разсказовъ, каждаго изъ нихъ начинаетъ авторъ цѣлымъ ворохомъ мыслей и изреченій о безсмысленности и тоскѣ жизни, но именно жизни въ его произведеніяхъ и того, что Бѣлинскій называлъ „характерами“, слишкомъ мало. Всѣ его фигуры, лишенныя плоти и крови индивидуальности, сливаются воедино, съ трудомъ различаются. Напрасно стали бы мы искать у К. отвѣта на вопросъ *во имя чего* онъ отвергаетъ міръ. А вѣдь это-то главное. Въ его писаніяхъ чувствуется искренность, боль жизни, нѣкоторые разсказы, изъ педагогическаго міра—въ особенности, при всей ихъ анекдотичности и случайности, создаютъ даже извѣстное настроеніе, но все же одной искренности художнику мало. Его герои много резонерствуютъ, истерично и крикливо требуютъ „смыслъ жизни“, какъ чего-то такого, что можно взять и дать, но они менѣе всего убѣдительны. Наврядъ ли кто-либо изъ читателей повѣритъ, что передъ нимъ живыя лица, а не фигуры изъ папье-маше, за которыхъ говоритъ авторъ. (*О. Ларинъ. „Завѣты“. 1912—9*).

Третій томъ разсказовъ К.— откровенный гимнъ пошлости, старающейся скрыть свое убожество. За десять слишкомъ лѣтъ К. не ушелъ впередъ,— тѣ же большіе заданія, та же мизерная художественная цѣнность всѣхъ его твореній. Повышенная изощренность современной литературы, высокое техническое совершенство даетъ возможность „на готовомъ“, пользуясь сдѣланнымъ, писать разсказы чисто и гладенько. К. не удовольствовался малымъ,—онъ разворошилъ муравейникъ вопросовъ жизни, жгучихъ, колючихъ, и погибъ въ густой патокѣ разсказовъ на заданныя темы. (*Р. Д—ичъ. „День“. 1913—12*).

639. Мережковскій, Д. 891.7—3.

Александръ I. Романъ. Т. I и II. Изд. Вольфа. Стр. 335+343. Ц. за оба т. 2 р. 50 к.

Романъ „Александръ“ изображаетъ не всю жизнь императора, прозваннаго „Благословенный“, а лишь послѣдніе два года жизни, и поэтому романъ точнѣе можно было бы назвать „Конецъ жизни Александра I“, или даже „Смерть Александра I“. Физической смерти императора Александра посвящены послѣднія страницы романа; но духовно онъ умеръ для своихъ подданныхъ гораздо ранѣе, съ той самой поры, какъ подпалъ подъ вліяніе временщика Аракчеева, человѣка-звѣря, а въ сущности ничтожнаго человѣка. Императрица Елизавета назвала Аракчеева тѣнью Александра, и Александру приходитъ на мысль, что Аракчеевъ и въ самомъ дѣлѣ — тѣнь его: „взялъ (Аракчеевъ) на себя все мое дурное, темное, страшное, — думаетъ Александръ, — когда солнце было высоко, тѣнь ложала у ногъ моихъ, а когда солнце зашло, тѣнь выросла“. Но тѣнь эта не только выросла, но стала средостѣніемъ между царемъ и народомъ, стоявшимъ отъ крѣпостного ига.

Состояніе Россіи въ царствованіе Александра I ярко-образно представлено въ словахъ князя Валерьяна Голицына, одного изъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ. Голицынъ говоритъ о русскихъ помѣщикахъ-извергахъ, которые раздаютъ борзыхъ щенятъ по деревнямъ для прокормленія грудью крестьянокъ; говоритъ о барынѣ, который сѣкъ восьмилѣтнюю дѣвочку до крови, а потомъ барыня приказывала ей слизать языкомъ кровь съ пола, о княгинѣ-помѣщицѣ, которая велѣла старостѣ отбирать каждый день по семи здоровыхъ дѣвокъ и присылать на господскій дворъ; тамъ надѣвали на нихъ упряжь, впрягали въ тарабанъ, молоденькая княжна садилась на козлы, рядомъ съ собой садила кучера и отправлялась кататься, а, вернувшись домой, кричала; „Мама! мама! овса лошадямъ!“ Мама выходила, приносила кульки орѣховъ, пряниковъ, конфектъ, насыпали въ колоду и подгоняли дѣвокъ, онѣ должны были стоять у колоды и ѣсть. Подъ игомъ самовластія стоналъ народъ, стонала и интеллигенція, положеніе которой тотъ же князь Голицынъ характеризуетъ въ слѣд. выраженіяхъ: „И мы всѣ ребята, щенята, сосемъ рабью грудь и пищимъ, а когда надоѣстъ нашъ писк, удавятъ, какъ щенятъ“.

Неудивительно, что и на Александра I составляется заговоръ, какъ составленъ былъ заговоръ на Павла I. Неудивительно, что повѣствованію о заговорѣ, бесѣдамъ о заговорѣ и характеристикѣ заговорщиковъ въ романѣ удѣляется много мѣста, и что, кромѣ приближенныхъ къ Императорскому дому государственныхъ дѣятелей, а также писателей (Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій и др.), въ романѣ участвуетъ много лицъ, оказавшихся впослѣдствіи въ лагерѣ декабристовъ: Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ, и др.

Читатель видитъ, какъ интересенъ по своему содержанію романъ Мережковскаго. Нечего и говорить, что онъ написанъ красивымъ, изящнымъ и вообще мастерскимъ языкомъ. (*Н. П. „Вятск. Р“. 1913—94*).

Своимъ необычайнымъ успѣхомъ новый романъ М. обязанъ не столько поэтическимъ достоинствамъ, сколько сюжету, т.-е., той исторической эпохѣ и тѣмъ историческимъ событіямъ, которыя легли въ основу романа. И это понятно. Періодъ, охватывающій собою царствованіе Императора Александра I, привлекаетъ къ себѣ вниманіе каждаго грандіозностью своего историческаго размаха. Это эпоха зловѣщихъ драмъ и героическихъ плановъ. Эпоха полная жестокости, лицемѣрія, деспотизма, неувядаемой славы и благороднѣйшихъ доблестей, передъ которыми благоговѣйно склоняетъ колѣни и наше время. Надъ кровавымъ отстоемъ этой эпохи, изъ-подъ пыльныхъ кургановъ старины, встаютъ передъ нами страшныя и великія могильныя тѣни Бенкендорфа и Пушкина, Аракчеева и декабристовъ, героевъ Отечественной войны и виновниковъ драмы 11-го марта. Здѣсь каждый фактъ, каждая фигура въ отдѣльности представляетъ самую занимательную фабулу. И если бы влить въ романъ, посвященный этому времени, только одну десятитысячную долю поэзіи, вольностей, аракчеевщины и жестокихъ противорѣчій, окру-

жившихъ легендами самое имя вѣнценоснаго героя этой эпохи, то подобный романъ, дѣйствительно, превратился бы въ произведеніе потрясающаго интереса и силы. М.—умный, внимательный и знающій изслѣдователь, но совершенно лишенный воображенія и драматическаго таланта. Его дѣйствующія лица—всѣ точно замороженные, не стоятъ на ногахъ и переговариваются скучнымъ, безжизненнымъ, однотоннымъ языкомъ. Правильнѣе сказать, герои романа М. всѣ отзываются той почвой, откуда они добыты—архивомъ. Содержаніе романа—борьба аракчеевщины съ декабристами. На этомъ фонѣ—безконечное множество именъ и лицъ, группирующихся вокругъ полудесятка центральныхъ фигуръ: Александра I, Аракчеева, Сергѣя Муравьева, Валеріана Голицына, Софьи, Рылѣева, Пестеля и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ они распадаются на двѣ психологическія категоріи: мистиковъ и атеистовъ. Боротся въ сущности не аракчеевщина съ декабристами, не реакція съ прогрессомъ, а мистицизмъ или, точнѣе говоря, христіанство съ язычествомъ. На сторонѣ прогресса—духоборцы, мистики, христіане; на сторонѣ реакціи—позитивисты, тираны, безбожники. Самъ Александръ I—по натурѣ своей мистикъ и христіанинъ. Но вся его личная и историческая трагедія заключается въ томъ, что дѣло религіозной правды онъ связалъ съ реакціонными замыслами и осуществленіе своихъ религіозныхъ мыслей возложилъ на Аракчеева, который только въ угоду Императору притворялся мистикомъ, а на дѣлѣ былъ позитивистомъ... Въ этой своеобразной мистико-исторической перспективѣ, упорно навязываемой М. всѣмъ совершающимся событіямъ, историческія лица пріобрѣтаютъ удивительно фальшивый характеръ. Съ арены исторіи исчезаютъ злодѣи, интриганы, насильники, бреттеры, трусы,—и все зло, всѣ добродѣтели въ мірѣ получаютъ новыя проявленія. Міръ распадается на двѣ враждебныя половины, расположенныя по обѣ стороны мистицизма. Однихъ М. вѣнчаетъ нѣчной славой. Другимъ втыкаетъ въ сердце раскаленные угли атеизма и безжалостно поджариваетъ ихъ на этомъ реакціонномъ пламени къ великой радости мистиковъ. Ради такого единства чувствъ М. понадобилось, конечно, внести и единство дѣйствій, равно какъ и единство характеровъ. Всѣ его герои поразительно похожи другъ на друга и какъ бы представляютъ замаскированное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же моделей: это сплошь почти Чацкіе, по внимательно изучившіе изслѣдованіе г. Гершензона о Чаадаевѣ и проникшіеся міровоззрѣніемъ „нѣхистовъ“. Во всѣхъ поражаетъ какая-то дряблая сантиментальность, болтливость и неувѣренность. Большинство декабристовъ глубоко атеистично по духу. Вслѣдствіе чего вся ихъ революціонная дѣятельность носитъ характеръ безсодержательной атеистической болтовни, и изъ Чацкихъ они незамѣтно превращаются въ Репетиловыхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзывается о нихъ сотоварищъ по тайному обществу Пущинъ, еще не мистикъ, но котораго тайное предвкушеніе мистической благодати уже освѣжаетъ какъ бальзамъ. Въ погонѣ за слащавой театральностью или за кукольнымъ мистицизмомъ М. страннымъ образомъ видоизмѣнилъ характеры, даже строго очерченные исторіей. Взаимныя отношенія между Императоромъ Александромъ и Аракчеевымъ расплываются надъ его перомъ и въ какія-то маленькія гримаски. Самое прекрасное, самое лучшее въ романѣ М.—это образы Императрицы Елисаветы Алексѣевны и Софьи—дочери Александра I отъ Нарышкиной. Въ этомъ послѣднемъ образѣ въ особенности много волнующаго и увлекательнаго. Ея слова звучатъ, какъ тихій и младенческій звонъ, долетѣвшій изъ заглушенной старины. На всемъ остальномъ—печать искусственной выдумки и погони за хлопотливыми эффектами. (*Л. Войтоловскій. „Кіев. Мысль“. 1913—81*).

Новый романъ едва ли прибавитъ новые лавры къ тѣмъ, какіе заслужилъ уже М. Книжный матеріалъ, которымъ по своему обыкновенію авторъ пользуется съ усердіемъ и разнязностью, на этотъ разъ оказывается очень интереснымъ. Но для обрисовки такого загадочнаго и сложнаго образа, какъ Александръ, и такихъ характерныхъ фигуръ, какъ декабристы, у М. какъ будто не достаетъ одного: живого художническаго представленія событій и лицъ дѣйствительности, изображаемой имъ. Такъ какъ въ романѣ передъ нами проходитъ александровское время, то невольно вспоминается великая эпопея „Война и Миръ“. Сравненія между геніемъ Толстого и талантомъ М. разумѣется, быть не можетъ: тутъ слишкомъ «силы неравны», говоря выраженіемъ Некрасова. Но, читая «Александра I», все-таки трудно отдѣлаться отъ одной назойливой мысли: почему въ этомъ романѣ даже вавполѣе трагическія фигуры являются такъ мало реальными, такъ мало «историческими», хотя романъ претендуетъ очевидно на значеніе историческаго. Когда вы читаете «Войну и Миръ», вы не сомнѣваетесь въ томъ, согласно ли съ историческими данными все то, что переживаютъ, что дѣлаютъ и что говорятъ герои этого романа и вымышленные авторомъ, и тѣ, которые извѣстны по исторіи. Можетъ быть многаго изъ того, что рисуетъ великій художникъ и не было въ дѣйствительности. Но въ романѣ все это производитъ такое впечатлѣніе, что оно именно было, и было такъ, какъ нарисовано Толстымъ, и иначе быть не могло. При чтеніи «Александра I» М. чувствуется совершенно обратное: можетъ быть все то, что изображаетъ романистъ, и было въ дѣйствительности и основано на точныхъ историческихъ данныхъ; но если ово было, то несомнѣнно не такъ, какъ изображаетъ авторъ. Не такъ говорили, не такъ дѣйствовали, не такъ наслаждались, не такъ страдали всѣ эти лица, которыхъ М. беретъ напрокатъ изъ исторіи. Въ дѣяніяхъ, въ рѣчахъ, въ переживаніи ихъ общественныхъ и душевныхъ драмъ не чувствуется тона жизни александровскаго времени. А вѣдь тонъ-то и дѣлаетъ музыку художественнымъ произведеніемъ. При отсутствіи тона и общая картина и подробности, какъ бы они, повидимому, ни были тщательны, выходятъ фальшивыми у автора и конечно такими же кажутся и читателямъ.

Въ романѣ всего неудачнѣе именно фигура главнаго героя, т.-е. Александра и затѣмъ фигуры декабристовъ, которые выступаютъ въ появившихся послѣднихъ главахъ. М. какъ будто поставилъ себѣ задачей опошлить личность Александра, можетъ быть недостойную того ореола величія, который приданъ ему многими историками, но во всякомъ случаѣ не пошлую и несомнѣнно трагическую, точно такъ же выходитъ у него съ декабристами: онъ можетъ быть помимо своего желанія изображаетъ ихъ поридочными пошляками. Мало этого, они выходятъ въ романѣ даже

немножко приглуповатыми. И не только второстепенныхъ декабристовъ, но даже Рылѣева, Пестеля, Сергѣя Муравьева, авторъ рисуетъ на манеръ того, какъ г-жа Гиппіусъ изображаетъ современныхъ революціонеровъ изъ породы «чортовыхъ куколъ».

Объ общей компановкѣ романа можно сказать одно: она неискусна. И потому романъ даже въ отношеніи внѣшней занимательности вялъ и утомителенъ. Часто невѣдомо, чего ради М. пускаетъ описанія въ стилѣ той противной «пшебышевщины», которую излюбили ваши беллетристы новой школы, вѣроятно за ея вульгарность. (*А. Бурнакинъ. „Нов. Вр.“ 1913*).

Когда вы читаете М., у васъ впечатлѣніе, точно вы вошли въ антикварную лавку или смотрите мозаическую картину, собранную изъ подлинныхъ археологическихъ предметовъ. Видно, что М. много прочелъ, знаетъ все, что относится къ изображаемому имъ лицу и эпохи. Онъ усиленно гоняется за этой подлинностью и подлинныя цифры для него дороже всего. Онъ дорожитъ каждой мелочью. Все, что онъ нашелъ и вычиталъ, все это онъ старается втиснуть въ строки романа. Казалось бы, что отъ такой подлинности, отъ такого обилія „настоящихъ“ красокъ должна была бы получиться и живая, подлинная картина. На самомъ дѣлѣ вышло нѣчто совершенно иное. Александръ I въ этомъ подлинномъ романѣ напоминаетъ скорѣе музейную восковую куклу, нежели живое лицо. То же самое нужно сказать и объ остальныхъ герояхъ романа. Все на нихъ подлинное, всѣ аксессуары, всѣ детали, а души подлинной вы не чувствуете въ нихъ. Задача историческаго романиста—воскресить жизнь, а не показать антикварной ланочки. М. эта задача безспорно не далась. (*Анчаръ. „Бирж. Вѣд.“ 1913—13435*).

Самый предубѣжденный противъ М. критикъ, конечно, не станетъ отрицать, что въ исторической художественной литературѣ „Александръ I“ есть, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе замѣтное произведеніе года. Его романъ смѣло можно предложить читателю, который хотѣлъ бы въ живой и легкой формѣ познакомиться съ вѣкомъ Александра, съ самимъ монархомъ, двуличнымъ и загадочнымъ, съ его сподвижниками. Въ живой и легкой беллетристической картинѣ читатель уловилъ бы смыслъ декабристскаго заговора. И онъ не наткнулся бы здѣсь на грубую отсебятину, на тотъ неумный и порою смѣшной вымыселъ, какимъ полны наши посредственные мнимо-историческіе романы. Въ историческомъ романѣ М. есть историческая точность, осторожность, хорошее знаніе, спокойная колоритность изображенія. Главный недостатокъ романа—его эпизодичность. Это, въ сущности не романъ, гдѣ прямо и вѣрно развивается извѣстная драматическая коллизія, гдѣ растетъ, захватывая, одна историческая личность, гдѣ дается синтезъ эпохи. „Александръ“ — это точнѣе сцены, картины, отдѣльныя главы огромнаго романа,—главы разнаго достоинства и разной убѣдительности, впрочемъ, всегда по-своему обоснованныя, и умѣло, въ режиссерскомъ смыслѣ, поставленныя. Во всѣхъ трехъ равнѣйшихъ романахъ М. сквозитъ его мистически настроенная мысль. Неужели онъ обошелся безъ нея здѣсь, гдѣ главный герой романа—глубокій мистикъ, впавшій подъ конецъ жизни во всѣ крайности мистицизма? Конечно, не обошелся, — и отсвѣтъ нѣсколько тревожнаго мистическаго захвата лежитъ на всемъ новомъ романѣ. Но здѣсь этотъ отсвѣтъ вполнѣ естественъ. Новый романъ М. нельзя пройти невниманіемъ. (*А. Изм. „Бирж. Вѣд.“ 1913—13339*).

Романъ М.— ромавъ трехъ трагедій. Трагедія Александра I, его жены и трагедія молодой Россіи, которая въ лицѣ декабристовъ дѣлаетъ первую попытку найти новые пути для своего развитія и новыя справедливыя формы для своей жизни. Три трагедіи, достойныя геніальной кисти, привлекающія и манящія, но во многомъ еще далеко не освѣщенныя, представляющія собой и фактическую, и психологическую загадку, ту волнующую плѣнительную загадку, которая долго еще будетъ магнитомъ влечь къ себѣ умъ и чувство художниковъ-творцовъ. Въ романѣ, впрочемъ, главнымъ образомъ, освѣщается первая трагедія, трагедія самодержца великой Россіи, могущественнаго императора, погубившаго другого могущественнаго императора и оказавшагося жалкимъ и безсильнымъ въ бореніяхъ своей души, въ переживаніяхъ своей совѣсти.

Трагедія императора Александра, главнымъ образомъ, и волновала М. На ней онъ сосредоточилъ все свое художественное вниманіе, хотя удѣлилъ параллельно много мѣста и движенію декабристовъ, которое еще болѣе оттѣнило личную трагедію государя. И совсѣмъ въ слабыхъ тонахъ, въ нѣжно любовныхъ краскахъ, блѣдныхъ, прозрачныхъ, точно страдающихъ, — на фонѣ въ глубинѣ сцены, — обрисована императрица, какъ мученица-женщина, какъ носительница любви высокой и пламенной, какъ непонятая и отвергнутая жрица этой любви и богини любовной печали и тоски. Нужно сказать, что трагедія Александровой души наиболѣе удалась писателю. Здѣсь, въ этой области, менѣе всего былъ подчиненъ М. документамъ, историческимъ даннымъ и изслѣдованіямъ. Здѣсь онъ былъ свободнымъ художникомъ, не зараженнымъ вліяніемъ архивовъ, что такъ ярко замѣтно на всемъ романѣ вообще. Творчества наиболѣе проявилъ М. именно въ образѣ Александра, и тѣмъ романъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность. (*Ал. Ожиговъ. „Совр. Сл.“ 1913—1853*).

М. таки добился широкаго успѣха. Тому назадъ еще очень недавно его уважали, но читали (я разумѣю такъ называемую большую публику) не совсѣмъ охотно. М. писалъ тогда для немногихъ. Эта пора теперь миновала. Спросъ на его книги необычайно поднялся, и потому издатель можетъ торжествовать. Но любопытно знать, имѣетъ ли авторъ также основанія радоваться? Доволенъ ли онъ своими читателями?

М. всегда былъ тенденціозенъ въ своемъ творчествѣ. Говорю это отнюдь не въ судъ и не въ осужденіе ему... Просто у него натура такая, что ему, я думаю, легче было бы не писать вовсе, нежели сдѣлаться совершенно объективнымъ художникомъ. М. прирожденный публицистъ и проповѣдникъ. Для него важно сообщить читателю содержаніе своихъ идей, заразить своею любовью, ненавистью и вѣрою. Беллетристическую форму онъ употребляетъ, какъ нѣкую штурмовую лѣстницу, чтобы легче овладѣть нашимъ вниманіемъ. Но судьба любитъ иногда шутить недобрыя шутки. Не помню гдѣ мнѣ довелось слышать анекдотъ про американца, который хотѣлъ сочинить романъ, а вмѣсто того оказался

основателемъ новой секты изъ числа тѣхъ, что ежегодно возникаютъ въ Новомъ Свѣтѣ словно грибы. Съ М стряслась та же исторія только въ обратномъ порядкѣ. Проповѣдникъ религіи третьяго завѣта сдѣлался милъ и любезенъ сердцу интеллигентской толпы, какъ писатель, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ. Книгу о трагедіи самодержавія, о мистическихъ основахъ царской власти и о великомъ соблазнѣ, здѣсь содержащемся, замыслилъ М., а читатели радостными рукоплесканіями привѣтствовали его дѣтище, какъ пикантныя „тайны петербургскаго Двора", какъ матеріалъ для легкаго чтенія на ночь. Если М. достаточно прозорливъ, чтобы замѣтить эту особенность своего успѣха, ому, надо полагать, очень обидно. Кромѣ поклонниковъ есть у М. и хулители. Они указываютъ на отступленія отъ исторической истины, имъ допущенныя, на разрозненность сценъ романа, на психологическую блѣдность дѣйствующихъ лицъ, на неподходящій языкъ. Всѣ эти нападки по существу вѣрны. Романъ не весьма совершенъ въ художественномъ отношеніи. Я даже готовъ согласиться, что это не романъ вовсе, а какой-то „музей восковыхъ фигуръ 1825 года". Всѣ лица мертвыя, и взглядъ у всѣхъ стеклянный, тяжелый. Но развѣ М. стремился дать точную и художественную законченную картину Александровской эпохи? Его книга лишь украшена вышивками въ стилѣ „ампиръ", но центральная мысль, вокругъ которой, какъ вокругъ оси, вращается романъ, стоитъ внѣ исторіи и внѣ искусства. Это — мысль о связи самодержавія съ православіемъ и о Богѣ, выявляющемъ себя въ революціи. (*П. А. „Рус. Молва", 1913—81*).

640. Русовъ, Н. 891.7—3

Любовь возвращается: Романъ. Изд. Некрасова. М. 1913. Стр. 280. Ц. 1 р. 50 к.

Написавъ романъ въ доказательство добраго стараго утвержденія, что „on revient toujours à son premier amour". Это — исторія юноши изъ тихаго провинціальнаго городка: юноша уѣхалъ отъ своей первой отроческой любви въ столицу поступать въ университетъ. Въ столицѣ онъ полюбилъ свою еще очень пріятную видомъ тетушку, но сердце зоветъ его назадъ, и онъ возвращается къ своей первой любви. Дѣло кончается свадьбой. У Р., человѣка вообще очень способнаго, есть чувство мѣры въ композиціи повѣствованія и хорошая зоркость глаза. Но рядомъ съ этимъ появилась у него манера какого-то непріятнаго подмигиванія, какого-то нарочитаго нажиманія въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Такъ иногда люди, начавъ въ разговорѣ говорить слюнечки въ кавычкахъ, такъ втягиваются въ это, что ужъ не поймешь, гдѣ банальность нарочная и гдѣ банальность невольная. Есть мѣстами неряшливость прямо въ литературной отдѣлкѣ. Наконецъ, еще одинъ серьезный минусъ. Изображеніе нѣкоторыхъ выводимыхъ лицъ переходитъ въ опредѣленный наскокъ, явно расчитаный на то, что многіе его разгадаютъ. Въ цѣломъ романъ — не изъ удачныхъ. (*С. Кречетовъ. „У. Рос." 1913 — 51*).

Въ лицѣ Р. русская провинція пріобрѣла усерднаго пѣвца и обожателя. Романъ Р. не только бытовой романъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальный романъ. Въ немъ рельефно обрисовываются два сословія: купечество и духовенство. Будучи совершенно чуждъ идеализаціи, изображая весьма прозаическую дѣйствительность купечества и духовенства, Р. не предъявляетъ къ ней никакихъ требованій и принимаетъ ее такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ. Свой идеализмъ, свое пристрастіе писатель оставляетъ болѣе важнымъ проявленіямъ жизни человѣческаго сердца—печалямъ и радостямъ любви, мечтамъ и сомнѣніямъ трепетнаго сердца. Достаточно того, что писатель никого и ничего не осуждаетъ, что онъ снисходителенъ къ слабостямъ людскимъ и проходитъ мимо нихъ безъ глумленія и попрека. Такое деликатное отношеніе, неизмѣнный принципъ человѣчности, сообщаетъ сословному быту Р. особенную цѣнность,—можно съ увѣренностью сказать, что его изображеніе должно быть особенно правдивымъ, какъ вообще правдива всякая умѣренность, всякое среднее отношеніе къ подлинной жизни, ея разумная и гуманная нормировка... Подъ спокойнымъ, плавнымъ и ласковымъ перомъ Р. купеческій и духовный бытъ превращаются въ широкій русскій эпосъ. Все, что являются содержаніемъ тихой незатѣйливой провинціи, отражается въ романѣ во всѣхъ деталяхъ и возможностяхъ. Семья, церковь, провинціальная повседневность, маленькій городокъ съ его добрососѣдствомъ, водочкой, проферансомъ, бульваромъ, съ его незатѣйливыми романами и затаенною тоскою; купечество въ его тщетѣ надъ прилавкомъ и аршиномъ, его добронравіе и преданность долгу и его затаенная страстность и кипучесть, и эта склонность къ покаянію, къ умерщвленію плоти; духовенство — это воплощеніе благодушія, трезвенности и хозяйственности; молодая тоска въ сонномъ царствѣ провинціи, незатѣйливыя радости и игры, праздники и будни, простая мелодія простой наивной и здоровой любви, такой сдержанной, стыдливой, робкой и терпѣливой—все это получаетъ въ романѣ мѣткое и типическое выраженіе. Любовный сюжетъ Р.—та сосѣдская привязанность, которая, начинаясь съ ранняго дѣтства, развивается въ яркое и глубокое чувство, не просто—любовь, а именно бытовая любовь, та простая милая роза, которая такъ пышно распускается въ обстановкѣ бытового благодушія, вседневныхъ встрѣчъ, игръ, крѣпкой душевной дружбы. Развитіе и всѣ перипетіи ея и составляютъ романическую завязку. И въ изображеніи любящихъ сердецъ, въ этой наивной и кокетливой поэмѣ любви, Р. остается все тѣмъ же „бытовикомъ" въ благородномъ смыслѣ слова. Любовь въ его романѣ—верхній этажъ быта, его поэтическое завершеніе, куполъ надъ бытомъ матеріальнымъ и вседневнымъ. Это видно изъ подчиненности любви героя и героини бытовымъ условіямъ. Онъ—купеческій сынокъ, она—поповна... Р., по мнѣ, совершилъ подвигъ, отказавшись отъ причудъ индивидуализма и подчинивъ чувство любви обыденному теченію жизни. Въ русовскомъ „мѣщанствѣ" нѣтъ никакого разлада, изображаемая жизнь цѣльна и гармонична, тутъ дѣти не противорѣчатъ отцамъ и любовь не споритъ съ житейскимъ доводомъ. Эта простая любовь—созданіе быта, его высшее идеальное проявленіе. его музыка и услада. Лица въ романѣ не „переживаютъ", а живутъ, дѣйствуютъ, чувствуютъ, и ихъ дѣйствія сплетаются въ общій клубокъ жизни. Вмѣсто безплоднаго анализа чувствъ у Р.—самыя чувства, богатство всякихъ впечатлѣній и ихъ реальные результаты. И лирика въ романѣ—она не сама по себѣ, не какое междустрочный, а послѣдній

аккордъ живыхъ чувствъ, накопившееся электричество житейскойатмосферы. Романъ Р. поэтиченъ, но его поэзія не отъ авторскаго восхищенія, а отъ радости самой жизни,—поэзія здѣсь какъ улыбка на здоровомъ и румяномъ лицѣ. „Любовь возвращается“ можетъ считаться лучшимъ и наиболѣе типическимъ изображеніемъ современной провинціи. И если Р. осмѣлился воспѣть такую „пошлость и скуку“, то это не только говоритъ объ его исключительной любви къ русской жизни, но и о его литературной дерзости. Вѣдь нужно воспѣть „плоскость“—чѣмъ же тутъ можно взять, кромѣ колорита и стиля? Р. великолѣпно понялъ свою задачу и все вниманіе сосредоточилъ на изобразительности, на выпуклостью и красочномъ воплощеніи этой съ виду безцвѣтной и плоской натуры. Романъ этотъ только и оказалось возможнымъ построить на принципѣ, какъ на способѣ описанія. Поймите, какъ это трудно, не шаржируя и не коверкая, дать красочность и рельефность всей этой безсодержательной и одноцвѣтной провинціальной жизни, въ которой всѣ дни похожи другъ на друга, всѣ интересы исчерпываются между праздниками, свадьбами, крестинами и похоронами. И надо отдать Р. справедливость,—онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ, великолѣпно справился со своей изобразительной задачей. (*А. Бурнакинъ. „Нов. Вр.“ 1913*).

Романъ посвященъ жизни глухой провинціи, съ ея деревянными заборами, крѣпкими кладовыми, долгими чаепитіями, медлительными нравами, гдѣ эти „нравы“ хорошо выстаиваются и чисто кристализуются. Любовь, собственно, не „возвращается“, какъ невѣрно надписалъ авторъ свой романъ: любовь всегда жила здѣсь, никогда не уходила. Любовь все здѣсь освѣщала и все согрѣвала. Всякій, кто подолгу живалъ въ провинціи и слушалъ чуткимъ ухомъ молодую жизнь тамъ,—знаетъ, что конечно провинція сохранила чистый идеализмъ любви, и довѣріе къ этому высочайшему проявленію человѣческой личности. Г-нъ Р. очень правильно разсмотрѣлъ, гдѣ искать. Чистый и деликатный его романъ не имѣетъ особенно выдающихся достоинствъ, но онъ, какъ небольшое суденышко, имѣющее крѣпкій парусъ и вѣрный руль, не обманетъ читателя и не отравитъ часовъ чтенія. Превосходное знаніе уѣзднаго быта, средней полосы Россіи, сказывается въ каждой страницѣ. Ничего — экзотическаго, ничего—нервнаго. Романъ прочтется всей Россіей съ удовольствіемъ. (*В. Розановъ. „Нов. Вр.“ 1913—13261*).

Новый романъ Р. принадлежитъ къ „мѣщанскимъ романамъ“, для которыхъ высшимъ, непревзойденнымъ образцомъ донынѣ остается „Мѣлкій бѣсъ“. Послѣ Сологуба трудно говорить о мѣщанствѣ и обыденности. Р. захотѣлъ дать настоящій романъ, не похожій на безпомощное по техникѣ повѣствованіе отъ перваго лица, какъ прежнія его вещи. Но писатели, подобные Р., могутъ разсказывать только о личныхъ переживаніяхъ. Все остальное выходитъ у нихъ блѣдно и ничтожно. (*„Рус. Молва“. 1913—58.*)

Правая „направленская“ критика во что бы то ни стало усиливается раздуть очень скромное литературное имя Р. въ величину. Когда, на минуту поддаваясь впечатлѣнію, такъ подходишь къ этому новому беллетристу, проникаешься убѣжденіемъ,—не велики же средства правыхъ, трагично же ихъ безлюдіе, если у нихъ и Ѳома дворянинъ! Всматриваясь въ особенности этой новой литературной фигуры, просто удивляешься недальновидности тѣхъ, кто собирается ѣхать на этомъ конѣ. Добро бы у Р. былъ боевой темпераментъ,—даже не темпераментъ, а хотя бы тотъ направленскій наскокъ, какой есть, напримѣръ, у такихъ представителей праваго искусства, какъ князь Голицынъ-Муравлинъ. Такой наскокъ въ рѣшеніи національныхъ вопросовъ поневолѣ вызоветъ аплодисменты сторонниковъ. Но что же дѣлать писателю, который рожденъ спокойнымъ, не лишеннымъ наблюдательности разсказчикомъ, можетъ быть, и съ устойчивыми убѣжденіями, но вовсе не расположенный кому-либо навязывать ихъ съ крикомъ и гвалтомъ. Въ дарованіи Р. есть именно эта симпатичная черта спокойствія и скромности. Довольно понятно, почему первый его романъ „Отчій домъ“ понравился правымъ и былъ благосклонно встрѣченъ ими. Тамъ тоже не было наскока, но стояло явно выписанное положеніе: „Россія разлагается, всѣ сословія, кромѣ вѣрныхъ слугъ консерватизма, въ полномъ распадѣ. Одно дворянство стоитъ еще несломленною твердыней, интеллигенція гніетъ, крестьянинъ спился“. Господа въ, носящимъ камергерскіе мундиры и лицейскій значекъ, чѣмъ же можно больше угодить, какъ не такой философіей! Новый романъ „Любовь возвращается“ не ставитъ и такой опредѣленной публицистической идеи. Это—просто одинъ изъ тысячи романовъ безъ лукавыхъ мудрствованій, разсказывающій „исторію одной любви“. (*„А. Измайловъ. „Бирж. Вѣд.“ 1913—13526*).

641. Аксакова, В. С. 92(А)

Дневникъ. Подъ ред. и примѣч. кн. И. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Изд. „Огни“. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Дневникъ, напечатанный пять лѣтъ назадъ въ журналѣ „Минувшіе Годы“ съ большими пропусками и сокращеніями, вышелъ нынѣ въ свѣтъ полностью. „Въ русской литературѣ мемуаровъ и записокъ дневнику А. принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ“, говорятъ въ предисловіи редакторы и сопоставляютъ дневникъ съ воспоминаніями Герцена. Этотъ отзывъ нельзя не признать сильно преувеличеннымъ въ лестную сторону. Не говоря уже о томъ, что дневникъ А. не обладаетъ литературными достоинствами, которыя выдерживали бы хоть слабое сравненіе съ знаменитымъ трудомъ Герцена, но, кромѣ того, кругъ лицъ, идей и впечатлѣній, среди которыхъ вращался авторъ дневника, былъ слишкомъ тѣсенъ и ограниченъ. Домашнія дѣла и политическіе толки и слухи — вотъ все, чѣмъ исчерпывается содержаніе книги. В. С. не была свидѣтельницею большей части описываемыхъ ею событій. О происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ обѣихъ столицахъ, она могла судить только по наслышкѣ, политическія новости черпала изъ газетъ. Поэтому къ большинству ея показаній, касающихся внѣшнихъ фактовъ, слѣдуетъ относиться довольно осторожно. Зато дневникъ весьма вѣрно и живо передаетъ *настроеніе* избранныхъ славянофильскихъ кружковъ въ приснопамятную эпоху Крымской войны. Какъ извѣстно, къ концу царствованія Николая Павловича славянофилы находились въ опалѣ. Они играли роль оппозиціи, впрочемъ, оппозиціи весьма мирной и безвредной, ограничи-

вающейся однимъ салоннымъ злословіемъ. Отголоски этого злословія встрѣчаются почти на каждой страницѣ дневника В. С-ны. Передавая вѣсти, доходившія изъ Крыма, она не скупится на такіе эпитеты, какъ „трусъ“ и „измѣнникъ“, по адресу различныхъ начальствующихъ лицъ; о личности государя Николая Павловича говоритъ съ извѣстнымъ сочувствіемъ, но политику его безпощадно осуждаетъ; Александра II считаетъ человѣкомъ слабой воли и опасается нежелательныхъ вліяній, которымъ онъ могъ подвергнуться съ первыхъ же шаговъ. Тонъ ея сужденій въ общемъ весьма безотрадный. Она подавлена нашими военными неудачами и предвидитъ въ будущемъ еще горшія несчастія и бѣды. (*„Рус. Молва“. 1913—158*).

Дневникъ А., сестры и друга извѣстнаго славянофила Конст. А., захватываетъ короткій промежутокъ времени 1854—1855 г. — годы Крымской войны — и представляетъ собой живую хронику этихъ тревожныхъ лѣтъ. Умная, образованная и чуткая А. съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми общественными событіями и больными вопросами современной ей эпохи и реагируетъ на нихъ искренно и непосредственно... Много матеріала даетъ дневникъ и для характеристики семьи Аксаковыхъ, ея внутренней жизни и отношеній; встрѣчаются также интересныя мнѣнія о литературѣ, характеристики личностей писателей, при чемъ кумиромъ семьи является Гоголь... Вообще, литературныя сужденія А. довольно субъективны и менѣе важны, чѣмъ отражаемыя ею общественныя настроенія наиболѣе культурныхъ слоевъ русской интеллигенціи. Какъ памятникъ опредѣленной эпохи кризиса русской жизни, дневникъ А. является драгоцѣннымъ документомъ. (*Т. Г. „День“ 1913—140*).

Кое-какія интересныя подробности относительно общественныхъ настроеній 1854—55 годовъ можно найти здѣсь. Но большая часть записокъ наполнена патріотическими сѣтованіями В. С. по поводу севастопольскихъ нашихъ неудачъ съ неизмѣннымъ refrain'омъ: „Господи! прости насъ, дай намъ возможность принести покаяніе, очисти насъ отъ грѣховъ“ и т. п. В. С. была единомышленницей своего брата Константина, — слѣд., довольно свободомыслящей славянофилкой, поскольку дѣло не касалось религіи и, такъ называемыхъ, „устоевъ“. (*Ач. „Кіев. Мысль“ 1913—150*).

Дневникъ интересенъ, какъ общественно-историческій документъ большой важности, ярко рисующій тотъ соціально-психологическій кризисъ, который переживался въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ всей мыслящей Россіей... Атмосфера безправія и реакціи, царившая въ то время на всемъ пространствѣ нашего отечества, все болѣе и болѣе возмущала и оскорбляла В. С. И, въ концѣ концовъ, В. С., славянофилка и патріотка, приходитъ къ тому-же выводу, къ какому пришли и западники — радикалы; въ записи отъ 9-го октября мы читаемъ: „Константинъ думаетъ, что свободное слово въ состояніи было бы искоренить зло; нѣтъ, мнѣ кажется, теперь этого недостаточно: только полная перемѣна всей системы можетъ вызвать новую жизнь“... Личные интересы В. С. мало отразились въ дневникѣ, личность ея выявлена лишь со стороны ея общественнаго значенія, но и съ этой одной стороны она настолька характерна, интересна и симпатична, что за изданіе „Дневника“ русскій читатель долженъ быть только благодаренъ. (*Г. Вяткинъ. „Сиб. Жизнь“. 1913—110*).

642. Келлеръ, Е. 92 (К)

Изъ жизни слѣпой и глухонѣмой. Пересказъ по автобіогр. запискамъ А. Толивѣровой. Изд. Девріена. Стр. 133. Ц. 70 к.

Исторія слѣпой и глухонѣмой дѣвочки, которая, благодаря своей жаждѣ знанія и неустанному труду, достигла того, что окончила университетъ, изучила древніе и новые языки, очень много читаетъ, пишетъ книги, произноситъ публичныя рѣчи,—исторія этой удивительной дѣвушки не можетъ не заинтересовать читателя. Книга Т. составлена по автобіографическимъ запискамъ Елены Келлеръ и содержитъ много выдержекъ изъ нихъ, а также изъ ея писемъ и писемъ ея воспитательницы миссъ Соливанъ. Ничто, конечно, не можетъ передать переживаній слѣпой и глухонѣмой такъ, какъ собственный живой, полный художественныхъ образовъ разсказъ Елены Келлеръ. Выдержки подобраны удачно. Онѣ ярко обрисовываютъ необычайную силу воли, ея жажду знанія, чудную отзывчивую ея душу, любовь къ жизни и умѣніе наслаждаться ею въ высшемъ смыслѣ этого слова. Книга эта дастъ дѣтямъ такъ много поучительнаго, и притомъ въ самой живой, не правоучительной формѣ, потому что она лишь пересказываетъ страницы жизни. Въ книгѣ много портретовъ К. и другихъ рисунковъ. (*В. Т. „Моск. Вѣд.“ 1913—285*).

Пересказъ Т. предназначается для дѣтей средняго возраста, но его можно предложить болѣе взрослымъ, болѣе развитымъ дѣтямъ. Въ этотъ пересказѣ ярко обрисованъ духовный образъ Елены, ходъ ея развитія и та огромная лѣстница труда, по которой поднялась къ свѣту знанія эта богато одаренная способностями и силой воли душа. Кромѣ того Т. отводитъ большое и вполнѣ заслуженное мѣсто воспитанницѣ Елены, миссъ Соливанъ, безъ геніальнаго руководства которой Елена едва ли бы достигла такого развитія своихъ способностей. Пересказъ портитъ только нѣкоторая неясность плана, которому слѣдовала Т. при группировкѣ біографич. матеріала и вытекающая отсюда спутанность въ изложеніи. (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—5*).

Біографія Ел. Келлеръ, написанная Т., способна дать прекрасный урокъ дѣтямъ разсказомъ о томъ, какъ глухонѣмая дѣвушка силою воли достигла того, что окончила университетъ, стала хорошимъ математикомъ, узнала языки французскій, нѣмецкій, латинскій и греческій. Недаромъ Маркъ Твэнъ назвалъ Келлеръ самымъ интереснымъ лицомъ XIX вѣка, рядомъ съ Наполеономъ. (*И. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1913—277*).

Нужно очень желать, чтобы читатели почувствовали, чего можно достичь при желаніи и настойчивости. Книга предназначена Т. для средняго возраста, куда ее смѣло можно опредѣлить. (*И. В. С—въ. „Педагог. Сборн.“ 1913—6*).

* Орлова, О. П. 92(П) : 61

См. порядк. № 639.

643. Скалонъ, Д. А. 92(С) : 355

Мои воспоминанія 1877 — 1878 гг. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ этихъ воспоминаній долгое время состоялъ адъютантомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Во время войны онъ велъ дневникъ, посвященный личной жизни Вел. Кн. (хроника военныхъ событій велась другимъ лицомъ), и вотъ этотъ дневникъ положенъ въ основу воспоминаній. Въ нихъ слишкомъ много личнаго, много мелочей, но есть въ нихъ и страницы, представляющія общій интересъ. Такъ, несомнѣнно интересны чисто бытовыя черты, разсѣянныя въ воспоминаніяхъ и характеризующія общую обстановку жизни главнокомандующаго: обращеніе на „ты“ съ именованіями „Митька“, „Сашка“, къ адъютантамъ и приближеннымъ, хотя бы они уже состояли въ чинѣ полковника или даже генерала, повседневное цѣлованіе ими руки и т. д., и т. д. Не менѣе интересны и отдѣльные отрывки, характеризующіе нашу боевую подготовку. Въ началѣ авторъ дневника все время благодаритъ судьбу, что колебанія и нерѣшительность турокъ позволяютъ намъ не спѣшить съ началомъ военныхъ дѣйствій, и это вполнѣ понятно. Мобилизація совершалась баснословно медлено, и, напр., черезъ мѣсяцъ послѣ ея объявленія не удалось сформировать даже корпусные штабы: въ одномъ изъ корпусовъ весь штабъ состоялъ изъ доктора, священника и одного офицера для порученій. Заготовка сухарей началась задолго до оффиціальнаго объявленія мобилизаціи, именно 7-го августа, а 28-го ноября главный интендантъ еще только выражалъ надежды на то, что ему удастся заготовить четырехмѣсячный комплектъ на армію. Сапогъ на сравнительно небольшую армію не хватило, и, отправляясь въ походъ, солдаты несли въ ранцахъ несшитый сапожный товаръ, вмѣсто готовыхъ сапоговъ. Вооруженіе наше, одинаково ружья и артиллерійскія орудія, оказались очень плохи и за нѣсколько дней въ 9-мъ корпусѣ изъ 92-хъ орудій пришли въ негодность 32 вслѣдствіе „недоброкачественности металла; у большинства дѣлается раздутость“. Увиданъ случайно у австрійскихъ атташе австрійскія карты Балканскаго полуострова, главнокомандующій сразу убѣдился, что онѣ значительно лучше нашихъ, и поспѣшилъ обзавестись ими, такъ что кампанія велась по австрійскимъ картамъ. Своеобразно была организована административная часть въ арміи; корреспонденція подвергалась перлюстраціи, хотя бы отправителями писемъ были генералы, командующіе отдѣльными частями, и нѣкоторые изъ нихъ погубили свою карьеру нескромностями въ письмахъ. Любопытнѣе всего однако то, что, какъ указываетъ авторъ воспоминаній, „всего болѣе подвержены перлюстраціи письма самого Государя“. Въ общемъ „Воспоминанія“, несмотря на загроможденность ихъ мелочами, все-таки читаются съ интересомъ. (*А. Оглинъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—122*).

Книга не только чрезвычайно богата анекдотическимъ матеріаломъ, но даетъ также интересныя и правильныя оцѣнки какъ дѣятелей, такъ и совершавшихся событій. Съ яркой отчетливостью выступаетъ въ книгѣ и наша неподготовленность къ войнѣ, вызванная тѣмъ, что Военное Министерство не имѣло точнаго понятія о состояніи турецкой арміи и потому отказывало Великому Князю въ необходимыхъ войскахъ, и интриги либеральствовавшихъ генераловъ Милютина и Обручева въ главной квартирѣ, бездарность нѣкоторыхъ военачальниковъ, недочеты интендантства и санитарной части. Цѣнность книги заключается главнымъ образомъ въ описаніи интимной части войны. (*А. Н. „Моск. Вѣд.“ 1913—127*).

Любители воспоминаній, въ особенности военныхъ, прочтутъ съ исключительнымъ интересомъ „Воспоминанія“ С. Записки относятся всецѣло и только къ войнѣ, написаны въ формѣ живого, изобилующаго діалогомъ дневника и разнообразятся рисунками и портретами. Атмосфера войны, смотровъ, встрѣчъ и проводовъ Государя, стратегическихъ споровъ, интендантскихъ промаховъ. Кромѣ личности Великаго Князя, очень ярко обрисованы Драгомировъ, Радецкій, Горчаковъ, Гурко, Скобелевъ. Матеріалъ не для десятка, а для сотни характерныхъ анекдотовъ. (*А. Изманловъ. „Рус. Сл.“ 1913—102*).

Какъ нельзя болѣе кстати С. публикуетъ свои воспоминанія о походѣ 1877—1878 гг., въ которыхъ онъ день за днемъ сообщаетъ о всѣхъ событіяхъ похода, вскрывая подчасъ и закулисныя стороны въ отношеніяхъ высокихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ арміи. Книга предназначена для раздачи узкому кругу и въ продажу не поступитъ. (*„Рѣчь“. 1913—89*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

Общія сочиненія [0]

2193. Эмануилъ-Жуховецкій, Б. Я. 059(∞)

Международный ежегодникъ. Справочникъ для общественныхъ дѣятелей 1913. Спб. 1912. Изд. Д. Р. Юнгъ. Стр. IV+404+414.

2194. [. . . . . 08:∞

Всемірное Единеніе. Изданіе непериодическое, выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала. Стр. 84. Ц. 60 коп.

Содержаніе *Религія*: Новое религіозное движеніе, Бехаизмъ.—*Упрощеніе жизни и трудовыя колоніи:* Колонія Эденъ въ Германіи. Колонія въ Люботинѣ въ Россіи. Колонія Новая Земля въ Австріи. Толстовская колонія въ Австріи.—*Вегетаріанство:* Интернац. лига эсперантистовъ-вегетаріанцевъ. Вегетаріанская колонія въ Голландіи. Апостолъ кокосоѣденія А. Энгельгардъ—Новая Гвинея. Опытъ надъ питающимися плодами при Калифорнскомъ ун-тѣ. Международная поваренная книга. — *Земельный вопросъ:* Колонія Голидонъ Въ Америкѣ. Колонія Единаго Налога Арденъ въ Америкѣ.—*Кооперація*: Фимилистеръ въ Гизо-Франція. — Э. Кросби. Общественная несправедливость и эволюція.— *Обзоръ кооперативнаго движенія* во всѣхъ странахъ за 1912 г.— Д-ръ М. Сендаль. (Бразилія.) Всемірное Единеніе. — *Всеобщій міръ*: Интернаціон. институтъ міра. Университеты и міръ. Обращеніе Интернаціон. кооперативнаго союза. — *Свободное воспитаніе.* Пасторъ Траубъ (Германія). Воспитаніе.—Свободная школа въ Хедли (Англія). Гуманитарная школа въ Голландіи. Новый Педагогическій Институтъ въ Швейцаріи. Ритмическая гимнастика Ж. Далькроза (Германія).—*Всеобщій языкъ*: Пасторъ Шлейеръ, некрологъ. Комитетъ языка Эсперанто и Академія. Академія международнаго языка въ Туринѣ. Паркъ-городъ Эсперанто близъ Мюнхена.—*Гигіена и новые пути въ медицинѣ*: Постъ какъ лечебное средство.— *Интернаціональные конгрессы.— Интернац. о-ва, лиги, ордена и др.—Воззванія и обращенія интернац. характера.—Адресный отдѣлъ.*

2195. К—въ, И. 087.1

Царевичъ-Козленочекъ. Сказка. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. 16 стр.+5 лист. рис.

2196. [. 087.1

Принцъ-красавецъ. Сказка для маленькихъ дѣтей. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 15+5 лист. рис.

2197. Тихомировъ, Д. И. 087.1

Сказка про кота да про лису. „Дешевая библ. для семьи и школы“. М. 1913 г. Изд. журнала „Юная Россія“. Стр. 16. Съ рис. Ц. 5 к.

2198. Шведеръ, Е. 087.1

Изъ сказокъ природы. Дешевая библ. для семьи и школы.“ М. 1913. Изд. журн. „Юная Россія“. Стр. 27. Съ рис. Ц. 15 к.

2199. Ан—скій, С. А. 028

Народъ и книга. Опытъ характеристики народнаго читателя. Съ приложеніемъ очерка: Народъ и война. М. 1913. Изд. Л. А. Столяръ. Стр. 266.

Философія [1]

* **Завитневичъ, В. З.** 1:92(X)

См. пор. № 2297.

2200. Витиновъ, С. 133

Письма объ оккультистскѣ. Спб. 1913. Стр. 63. Ц. 40 к.

2201. Любичъ-Кошуровъ, І. 133(47.31)

Чернокнижникъ Молчановъ въ Москвѣ въ 1613 г. Съ иллюстр. худ. П. Афанасьева. Изд. „Заря“. М. 1913. Стр. 48. Ц. 45 к.

2202. Левенфельдъ, Л., д-ръ. 134

Гипнотизмъ. Руководство къ изученію гипноза и внушенія и значенія ихъ въ медицинѣ и юриспруденціи. Съ прилож. очерка „Къ современному положенію психотерапіи“. Перев. съ нѣм. М. Кадишъ. Подъ ред. и съ предисл. д-ра Н. А. Вырубова. Вып. I. Изд. „Соврем. пробл.“ М. 1913. Стр. Ц. 3 р. за оба вып.

Содержаніе: Предисловіе д-ра Н. А. Вырубова. — Историческій обзоръ. Внушеніе. Внушаемость. Гипнозъ и сонъ. Воспріимчивость къ гипнозу. Техника гипнотизаціи. Явленія нормальнаго гипноза. Патологическій гипнозъ. Другія особенныя формы гипноза. Постгипнотическія явленія.

2203. Вудъ, Майкель. 15

Изъ лѣтописи человѣческой души. Пер. съ англійскаго Е. Писаревой (Е П.). Калуга. 1913. Изд. „Лотосъ“. Стр. 234. Ц. 1 р. 25 к.

2204. Штейнеръ, Рудольфъ. 15

Путь къ самопознанію человѣка. Въ восьми медитаціяхъ. Разрѣш. авторомъ переводъ. Изд. „Духовное знаніе“. М. 1913. Стр. 89. Ц. 1 р.

2205. [. 16

Логика. „Энциклопедія философскихъ наукъ. Ред. А. Руге, при участіи проф. В. Виндельбанда и проф. Н. Лосскаго. Вып. I°. Изд. „Соврем. проблемы“. М. 1913. Стр. 159. Ц. 1. р.

Содержаніе: Н. Лосскій. Прообразованіе понятія сознаніе въ современной гносеологіи и его значеніе для логики — В. Виндельбандъ. Принципы логики. — Бенедетто Кроче. Задача логики.

2206. Штейнеръ, Рудольфъ. 165

Истина и наука. Прологъ къ „Философіи свободы“. Разрѣш. авторомъ перев. Б. Григорова. Изд. — „Духовное знаніе“. М. 1913 Стр. 86. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисл. Введеніе. Предварит. замѣч. Основной теоретико-познавательн.

вопросъ Канта. Теорія познанія послѣ Канта. Исходныя точки теоріи познанія. Познаніе и дѣйствительность. Свободная отъ предпосылокъ теорія познанія и Наукоученіе Фихте. Теоретико-познават. заключеніе. Практич. заключеніе.

Религія [2]

* **Сабашникова, М.** 2 : 92(С)
См. пор. № 2296.

2207. Бунинъ, П. 271
Іезуиты. „Историч. библ." № 58. М. 1913. Изд. „Дѣло". 96 стр. Ц. 10. к.

* **Асвагоша** 294.3 : 92(Б)
См. пор. 2294.

2208. Лао-Си. 299.513
Таô-те-кингъ, или писаніе о нравственности. Перев. съ китайск. проф. у-та въ Кіото Д. П. Конисси. Подъ ред. Л. Н. Толстого, съ примѣч. С. Н. Дурылина. М. 1913. Стр. 72. Ц. 25. к.

Соціальная наука [3]

2209. Туганъ-Барановскій, М. 335(04)
Въ поискахъ новаго міра. Соціалистическія общины нашего времени. Спб. 1913. Стр. 100. Съ 9 рис. Ц. 70 к.

2210. Фриманъ, М. и Шейнесъ. 336.2(47)
Промысловый налогъ по дѣйствующему русскому законодательству. Общедоступное законовѣдѣніе. М. 1913. 232 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: 1. Систематическій очеркъ теоріи и практики промысловаго налога. 2. Дѣйствующее русское законодательство о промысловомъ налогѣ съ разъясненіями, извлеченными изъ соотвѣтствующихъ распоряженій, циркуляровъ и инструкцій Министерства Финансовъ и рѣшеній Правительствующаго Сената по 1-е января 1913 г. 3. Образцы дѣловыхъ бумагъ-прошеній, заявленій, жалобъ и т. п., подаваемыхъ плательщиками промысловаго налога соотвѣтствующимъ лицамъ и учрежденіямъ.

2211. Рабиновичъ, А. С. 347.6
Опека и попечительство по дѣйствующему русскому законодательству. 1. Систематическій очеркъ дѣйствующаго въ Россіи законодательства объ опекѣ и попечительствѣ. 2. Законы, касающіеся опеки и попечительства. 3. Образцы дѣловыхъ бумагъ, прошеній и отчетовъ по дѣламъ опеки и попечительства. Общедоступное законовѣдѣніе. М. 1913. Стр. 320. Ц. 1 р. 75 к.

2212. Нолькенъ, А. М. 347.7
Объединенное законодательство о векселяхъ (Гаагская Конвенція 10-го (23-го) іюня 1912 г.) въ примѣненіи къ Россіи. Спб. 1913. Изд. кн. скл. „Право". Стр. 120. Ц. 1 р. 50 к.

2213. [. 371.73
Лѣтнія площадки для дѣтскихъ игръ. Отчеты руководительницъ фребеличекъ Кіевскаго фребелевскаго института и докладъ преподавательницы института Е. А. Толмаченской. Съ предисл. Вс. А. Флерова. Кіевъ 1913. Изд. В. А. Флерова. Стр. 65. Ц. 50 к.

2214. Марголинъ, Д. 375
Программы и правила для испытанія лицъ, ищущихъ званія: а) учителя уѣзднаго училища, б) домашняго учителя и учительницы, в) учителя городского училища, г) учителя гимназій и прогимназій, е) учителя и учительницы начальныхъ училищъ, ж) учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ, з) учителя и учительницы рисованія, черченія и чистописанія. Съ послѣдними дополненіями и разъясненіями Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кіевъ. 1913. Изд. П. И. Самоненко. Стр. 147. Ц. 50 к.

2215. Германовъ, Л. 38(063)
Очередныя задачи движенія приказчиковъ. Къ 4-му съѣзду торговыхъ служащихъ въ Москвѣ. Спб. 1913. Изд „Прибой". Стр. 64. Ц. 25 к.

Филологія [4]

2216. Капустянскій, А. 41
Полный самоучитель международнаго языка Идо. Одобренъ Академіей Всемірнаго Союза для Международнаго языка. Вып. 2-й Армавиръ. 1913. Стр. 17—32.

2217. [. 43
Методъ Rose Risski. Нѣмецкій языкъ. Краткій практическій курсъ нѣмецкаго языка для рус. скихъ. Обиходный разговоръ. Редакція Рейнгольда Зоммермейера. Спб. 1913. Изд. „Лингвистъ". Стр. 96. Ц. 1 р.

2218. Стоянъ, П. Е. 491.7—3
Краткій толковый словарь русскаго языка. Спб. 1913. Изд. В. Я. Макушина. Стр. 704. Съ рис. Ц. 60 к.

Чистыя науки [5]

2219. Зихманъ, А. и Вишницкій. 513(075)
Полныя рѣшенія и подробныя объясненія (1—8 способами) всѣхъ безъ исключенія геометрическихъ задачъ на вычисленіе А. Воинова. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Планиметрія. Отдѣлъ I—IV. Всего 696 задачъ. Сумы. 1913. Изд. С. А. Козловскаго. Стр. 218 + XV. съ чертеж. Ц. 1 р.

Содержаніе: I. Прямая. Уголъ. Параллельныя прямыя. Относительное положеніе окружностей. II. Измѣреніе угловъ. III. Пропорціональныя прямыя. Подобіе треугольниковъ и многоугольниковъ. Пропорціональныя прямыя въ кругѣ. IV. Правильные многоугольники. Вписанные и описанные многоугольники. V. Площади прямолинейныхъ фигуръ. VI. Окружность и площадь круга.

2220. Щукинъ, М. В., инж. 513(075)
Сборникъ и рѣшенія задачъ по планиметріи, предлагавшихся въ прошломъ году на конкурсныхъ экзаменахъ въ Инст. Инж. Пут. Сообщ. Необходимое пособіе для лицъ, готовящихся къ поступленію въ этотъ институтъ. Спб. 1913. Стр. 87. Ц. 1 р.

2221. Соковнинъ, Н. Н. 52(075)
Космографія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. Изд. В. В. Думнова. Стр. 199. Съ 160 рис. и картами. Ц. 1 р. 25 к.

2222. Индриксонъ, Ф. Н. 53(07)
Начальныя работы по физикѣ. III. Движеніе тѣла подъ вліяніемъ силы. Ученіе о свѣтѣ. М. 1913. Стр. 99. Съ рис. Ц. 30 к.

2223. Пеніонжкевичъ, К. Б. 53(075)

Систематическій сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Курсъ средн. уч. завед. Вып. I. Механика, гидростатика и аэростатика. Изд. 2-е, перераб. С. А. Козловскаго. Бѣлая-Церковь, Кіевск. г. Стр. 132. Ц. 70 к.

2224. Складовская-Кюри, М. 546

Эталонъ радія и измѣренія въ области радіоактивности. Пер. съ фр. П. Тамамшевой подъ ред. проф. П. А. Булгакова. Спб. 1913. Изд. „Физика". Стр. 63. Ц. 60 к.

2225. Дудинскій, А. Н. 551.5:63

Міръ земледѣльца. Очерки по сельско-хозяйственной метеорологіи. Вып. IV. Подъ ред. Ф. Е. Волошина. Атмосферные осадки, почва и растенія. М. 1913. Изд. т-ва „Агрономъ". Стр. 77 + 7 лист. рис. Ц. 50 к.

2226. Бордажъ, Эдм. 57

Теорія мутацій. Перев. съ франц. П. К. Дембовскаго. Спб. 1913. Изд. Совѣта Спб. Біолог. Лабор. П. Ф. Лесгафта. Стр. 19. Ц. 25 к.

2227. Климентовъ, В-ръ. 57

Творческія силы природы. Основанія для міровоззрѣній и жизни. Ейскъ. 1913. Стр. 31.

2228. Коропчевскій А. Д. 572

Первые уроки этнографіи. Пересм. П. А. Виташевскій. М. 1913. Изд. К. П. Тихомирова, 2-е Стр. 202. Съ рис. + 1 карта. Ц. 80 к.

2229. [. 572 (47.11)

Финлядія и финляндцы. Книжка для чтенія въ третьемъ году обученія. „Библ. новой школы". № 46. Под. ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина Стр. 52. Съ рис. Ц. 5. к.

2230. Бремъ, А. 598.2

Перепела и куропатки. „Общедоступная библ." 1913. Изд. „Дѣятель". Стр. 72 Ц. 10 к.

2231. Бремъ, А. 598.2

Рябчики, тетерева и глухари. „Общедоступная библ." Спб. 1913. Изд. „Дѣятель". Стр. 72. Ц. 10 к.

Прикладныя науки (6)

2232. А. Штрумпель, д-ръ., проф. 61

Изъ мастерской врача. Лекція, читанная Вѣнскому о-ву нар. образованія. Перев. съ разр. автора Вл. Трушевникова. М. 1913. Стр. 32. Ц. 25. к.

2233. Фишеръ, М. 612.

Введеніе въ коллоидальную физіологію. Ч. I. Отекъ. Перев. съ англ. Г. Эпштейнъ. Подъ. ред. П. Кольцова, съ разр. автора и съ его дополн. Кн-во „Наука" М. 1913. Стр. 471. XIX. Ц. 3 р.

2234. Хейсинъ, М, Л. д-ръ 613.56

Кумысъ и кумысолѣченіе. Практическія указанія ѣдущимъ въ кумысолѣчебницу. М. 1913. 32 стр. Ц. 25 к.

2235. Туръ, М. В.. 616

Мужское безсиліе какъ слѣдствіе заболѣванія мочеполовыхъ органовъ. Причины лѣченія. М. 1913. Изд. автора. Стр. 115. Ц. 1 р.

2236. Блуменау, Л. В., проф. 616.89

Мозгъ человѣка. Анатомо-физіологическое введеніе въ клинику нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Вып. V. Полушарія большого мозга. Спб. 1913 стр. 313—473 Съ рис. Ц. 1 р. 70 к.

2237. Битке, О. 616.89

Обычныя заблужденія въ сужденіи о душевнобольныхъ. Перев. съ нѣм. О. Георгіевой и К. Кисляковой. Кн-во „Наука" М. 1913 г. Стр. 121. Ц. 80.

Содержаніе: Введеніе. Причины душевныхъ болѣзней. Меланхолія и манія. Маніакально-депрессивный психозъ. Хроническая паранойя. Слабоуміе въ юношескомъ возрастѣ. Истерія и эпилепсія Распознаваніе органическихъ заболѣваній мозга. Прогнозъ и терапія. Сужденіе о душевно-больныхъ на судѣ.

*** Дудинскій, А. Н.** 63:551.5

См. пор. № 2225.

2238. Кравковъ, С. П., проф. 631

Почва и культурное растеніе. „Библ. натуралиста". Спб. 1913. Изд. А. С. Панафидиной. Стр. 64. Ц. 25 к.

2239. Кравченко, П. 632

Борьба съ вредными насѣкомыми и грибными болѣзнями въ плодовомъ саду. Екатеринодаръ. 1913. Стр. 53. Ц. 50 к.

2240. Урусовъ, С. П., кн. 636

Конюшенные пороки и дурныя привычки лошади. „Общедоступная библ.". Спб. 1913. Изд. „Дѣятель" Стр. 164. Ц. 20 к.

2241. Урусовъ, С. П., кн. 636

Наружный осмотръ лошади. (Ученіе объ экстерьерѣ) „Общедоступная библ.". Спб. 1913. Изд. „Дѣятель". Стр. 151. Ц. 30 к.

2242. Вальтеръ, Эмиль, д-ръ. 639.2

Какъ развести рыбу въ маленькихъ прудахъ. Руководство по разведенію въ небольшихъ водоемахъ карповъ, форелей, липей, карасей, хищныхъ рыбъ и раковъ. Пер. съ нѣм. К. П. Александрова. Подъ ред. и съ предисл. В. П. Граціанова и съ прилож. дополнительн. замѣчаній переводчика примѣнительно къ русскимъ условіямъ. М. 1913. Стр. 151. Съ рис. Ц. 65 к.

2243. Румянцевъ, А. 641

Булочное и баранчное дѣло. Практическое руководство по приготовленію различнаго бѣлаго, сдобнаго и обыкновеннаго хлѣба, различныхъ сортовъ простыхъ и сладкихъ булокъ, калачей, сухъ, баранокъ, кренделей и сушекъ. Спб. 1913. Изд. А. Ф. Суханова. Стр. 73. Ц. 35 к.

2244. Смирновъ, В. 652

Полный коммерческій и юридическій письмовникъ для дѣловыхъ людей, содержащій: образцы дѣловыхъ писемъ, бумагъ, актовъ, прошеній, извлеченія изъ правительственныхъ уставовъ и узаконеній и т. п. Въ 27 отдѣлахъ. М. 1913. Изд. Е. Коноваловой и К°. Стр. 558+II. Ц. 1 р. 50 к.

2245. [. . . . 658

Какъ люди считаютъ теперь (счетныя машины). Научно-забавная библіотека для семьи и школы. (25 выпусковъ). Подъ ред. Ник. Аменицкаго. Вып. 21-й. М. 1913. Изд. А. С. Панафидиной. Стр. 43. Съ рис. Ц. 25 к.

Содержаніе: Видоизмѣненія абака и его гибель. Типы счетныхъ машинъ: машина Паскаля. Видоизмѣненія машины Паскаля. Машина Томаса. Видоизмѣненія машины Томаса. Счетныя ма-

шины Одпера. Діаграммографъ-діаграммометръ Козлова. Заключеніе.

Изящныя искусства [7]

2246. Глэзъ, А. и Метцэнже, Ж. 701
О кубизмѣ. Иллюстрированное изд. Перев. съ фр. М. В. Изд. „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 128. Ц. 75 к.
Содержаніе: Поль Сезаннъ. Пабло Пинассо. Деріанъ. Жоржъ Бракъ. Жанъ Метценже. Маріи Лорансэнъ. Альбер. Глэзъ. Фернандъ Леже. Жуанъ Гри. Франсисъ Пинабіа.

2247. Маликовъ, Н. 762.
Художественныя работы по металлу. Металлопластика. Практическое руководство по металлопластикѣ, художественное тисненіе по металламъ: олову, бѣлой жести, латуни, мѣди, серебру и т. п. Спб. 1913. Изд. А. Ф. Сухова. Стр. 35. Съ 35 рис.+1 табл. Ц. 50 к.

2248. Деминъ, М. Н. 781,6
Быстрый пробѣгъ общихъ основъ музыкальной композиціи. (Дополн. къ „Маленькому пересмотру по теоріи музыки"). Изд. автора. Славянскъ. 1913. Стр. 52. Ц. 60 к.

Литература [8]

2249. Крученыхъ, А., Хлѣбниковъ, В. 8—8
Бух лѣсиный (Сборникъ). Спб. 1913. 24 нен. стр. съ рис. Ц. 30 к.

2250. [. . . . . 8—8
„Шиповникъ". Литературно-художественные Альманахи. Книга 21. Спб. 1913 Изд. „Шиповникъ". Стр. 219. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Зайцевъ, Борисъ. Дальній край. Романъ.—Верховскій, Юрій. Золотой цвѣтокъ. Лирическій циклъ. — Рейснеръ, Лариса. Атлантида. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ.

2251 Киплингъ, Р. 82—3
Бѣлый тюлень. Разсказъ. Перев. съ анг. А. Рѣпиной. М. 1913. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. Стр. 32. Съ рис. Ц. 10 к.

2252. Робертсъ, Чарльзъ. 82—3
Послѣдняя охота Сѣраго. Разсказъ. Перев. съ англ. В. Гатцука. М. 1913. Изд. журн. „Юная Россія". Стр. 20. Съ рис. Ц. 5 к.

2253/4. По, Эдгардъ, Алланъ, 82(73)—3
Собраніе сочиненій. Томъ 1-й и 2-й Спб. 1913. Изд. „Вѣстника Иностр. Литературы". Стр. XIV+560+559.

2255 Марлитъ, Е. 83—3
Совиный домъ. Романъ. Перев. съ нѣм. Маріи Штейнбергъ. „Всеобщая библ." Спб. 1913 Изд. Акц. Общ. Тип. дѣла. Стр. 257. Ц. 10 к.

2256. Гамсунъ, Кнутъ. 839.82—3
Послѣдняя отрада. Авторизов. перев. съ норвеж. М. Благовѣщенской и А. Каарана. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. Стр. 304. М. 1913. Ц. 1 р.

2257. Валлесъ, Ж. 84—3
Баккалавръ. Жизнь отщепенцевъ. Соціальный романъ. Пер. съ франц. подъ ред. и съ біографич. очеркомъ В. Гиммельфарда. Изд. „Степи". Спб. 1913. Стр. 287. Ц. 1 р. 25 к.

2258. Додэ, Альфонсъ. 84—3
Тартаренъ Тарасконскій. Перев. съ фр. Т. М. Глаголевой. „Всеобщая библ." Спб. 1913. Изд. Акц. О-ва Тип. Дѣла. Стр. 112. Съ портр. Ц. 10 к.

2259. [. 87
Овидій Назонъ. (Метаморфозы). М. Туллій Цицеронъ (Рѣчи противъ Катилины). Латинскій текстъ, переводъ, разборъ и слова къ тексту. Руководство для экстерновъ и держащихъ дополнительный экзаменъ по латинскому языку. Сост. Гликъ, В. и Поповъ, М. М. 1913. Стр. 88. Ц. 75 к.

2260. Кудринскій, Ф. 891.7(09)
Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. I. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ. Вильна. 1913. Стр. 281. Ц. 80 к.
Содержаніе: Отъ автора. А. С. Пушкинъ. Біографія. Творчество Пушкина. Значеніе Пушкина въ русской литературѣ.—А. С. Грибоѣдовъ. Біографія. Творчество Грибоѣдова. Библіографія.—М. Ю. Лермонтовъ. Біогр. творчества Лермонтова. Значеніе Лермонтова въ русской литер. Библіогр.— Н. В. Гоголь. Біогр. Творч. Гоголя. Значеніе Гоголя въ русск. литер. Библіогр.— А. В. Кольцовъ. Біогр. Творч. Кольцова. Значеніе поэзіи Кольцова. Библіографія.

2261. Сакулинъ, П. Н. 891.7(09)
Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель. Писатель. Т. I. Ч. 2-я. М. 1913. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Стр. 479. Ц. за обѣ части 5. р. 50 к.

2262. Панинъ, Н. Н. 891.7(09)(075)
Учебникъ исторіи русской литературы. Ч. I. Руская литература до XVIII вѣка. Вып. I. Доисторическій и Кіевскій періоды русской литературы. Орелъ. 1913. Стр. 45.+5 табл. Ц. 60 к.

2263. Бальмонтъ, К. Д. 891.7—1
Любовь и ненависть. Испанскія народныя пѣсни. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 107. Ц. 40 к.
Содержаніе: Испанецъ—пѣсня. Влюбленность. Нѣжность. Признанія. Сѣтованія. Ненависть и презрѣніе. Серенада. Колыбельныя пѣсни. Изъяснительныя замѣчанія.

2264. Петрозъ, Ан. 891.7—1
Изъ-подъ спуда. Собраніе стихотвореній. Орелъ. 1913. Стр. 47. Ц. 30 к.

2265. Сологубъ, Ѳедоръ. 891.7—1
Собраніе сочиненій. Томъ VIII. Жемчужныя свѣтила. Стихи. Спб. 1913. Изд. „Сириинъ". Стр. 230. Ц. 1 р. 50 к.

2266. Фарберъ. М. 891.7—1
Стихи. 1911—1913. Елисаветградъ. 1913. Стр. 80. Ц. 40 к.

2267. Гнѣдичъ, П. П. 891.7—2
Ассамблея, комедіи въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1913. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Стр. 90. Ц. 1 р.

2268. Щепкина-Куперникъ, Т. Л. 891.7—2
Барышня съ фіалками (Кулисы). Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. М. 1913. Изд. С. Разсохина. Стр. 87.

2269. Аверченко, А. 891.7—3
Чернымъ по бѣлому. Разсказы. Изд. „Сатириконъ". Спб. 1913. Стр. 212. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Волга. Клусачевъ и Туркинъ. Роскошная жизнь. Фуппельманъ и сынъ. Святыя души. Желтая простыня. Скептикъ. Участокъ. Одно изъ моихъ чудесъ. Стихійная натура. Ничтожная личность. Случай изъ жизни. Фабрикантъ. Загадки сердца. Алло. Человѣкъ, которому повезло. Равновѣсіе. Буржуазная пасха. О пароходныхъ гудкахъ. Какъ меня оштрафовали. Признаніе любви. Первая дуэль. Разсказъ о колоколѣ. Ресторанъ. „Венеціанскій Карнавалъ“.

2270. Винниченко, В. 891.7—3

Разсказы. Т. IV. Изд. „Моск. Книгоизд.“ М. 1913. Стр. 277. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Талисманъ. Хвостатые. Ожиданіе. Лучъ солнца. Тайна. (Отрывокъ изъ дневника). Маленькая черточка. На рабочемъ пунктѣ. Исторія съ Костей. Базаръ. (Драма въ 4-хъ д.).

2271. Гиппіусъ, З. 891.7—3

Романъ-царевичъ. Исторія одного начинанія. Изд. „Моск. книгоизд.“ Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

2272. [. . . . . 881.7—3

Князь Серебряный, Никита Романовичъ. Ром. временъ Іоанна Грознаго. Сюжетъ заимствованъ у гр. Толстого. Изд. Сытина. М. 1913. Стр. 94.

2273. Мозалевскій, В. 891.7—3

Фантастическіе разсказы. Изд. „Альціона“. М. 1913. Стр. 166. Ц. 1 р.

Содержаніе: Вивея. Игрушка. Эолина и Макарей. Воспоминанія Анжелики. Чувствительная повѣсть. Май.

2274. Нагродская, Е. А. 891.7—3

Борьба микробовъ. Романъ. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 160. Ц. 1 р.

2275. Носиловъ, К. Д. 891.7—3

Исторія одной полярной зимовки. Разсказъ. „Дешевая библ. для семьи и школы“. М. 1913. Изд. журн. „Юная Россія“. Стр. 44. Съ рис. Ц. 15 к.

2276. Рыбаковъ. 891.7—3

Никита Романовичъ, князь Серебряный. Повѣсть. М. 1913. Изд. Е. Коноваловой и К°. Стр. 108.

2277. Артуровъ, Г. 891.7—3:355

На жизнь смерти. Портъ-Артурскіе разсказы. М. 1913. Стр. 224. Ц. 1 р.

Содержаніе: Первый бой. Павика. Дядя. Дорога смерти. Прощаніе. Кубъ на пригоркѣ. Въ палатѣ. Часовые. Защитники. Послѣ боя. Онъ и она. Трупы. Раненый. Водовозъ. Предчувствіе. Обманулъ. Кн. Юшлазскій. Въ манной галлереѣ. Часовые. Ситау. Передъ боемъ. Отплата.

2278. Ждановъ, Левъ. 891.7—3:9

Собраніе соч. Историческіе романы. Т. IV. Сгибла Польша. (Finis Poloniae!). Романъ-хроника. Спб. 1913. Изд. „Прометей“. Стр. 394. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

2279. Богатыревъ. 891.7—91

Заколдованный замокъ или Иванъ богатырь и и прекрасная супруга его Рогнѣда. Сказка. М. 1913. Изд. Е. Коноваловой и К° Стр. 108.

2280. Богозитанъ. 891.85—3

Женщина съ прошлымъ. Романъ. Перев. съ польск. О. Семеновой. Изд. „Соврем. проблемы“. М. 1913. Стр. 344. Ц. 1 р. 25 к.

2281. Шоломъ-Алейхемъ. 892.4—3

Блуждающія звѣзды. Ром. въ 3-хъ частяхъ. Ч. III. Авторизов. перев. съ еврейскаго А. Неждановой. М. 1913. Изд. „Универсальн. ки-ва“, Л. А. Столяръ. Стр. 296+7 нен. Ц. 1 р. 10 к.

2282. Крымскій, А. 892.7(09)+9(×92.7)

Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной (Корана, Фыкха, Сунны и пр.). Труды по востоковѣдѣнію. Вып. XV. Часть 3-я. Звенигородка. 1913. Изд. Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, новое, переработ. Стр. XXIII+XXVI+61. Ц. 50 к.

2283. Жамцарано, Е. Ж. 894.2—91

Произведенія народной словесности буратъ. Вып. I. Эпическія произведенія Эхрит-булгатовъ. Аламжи-Мэргенъ. (Былина). Спб. 1913. Стр. 158. Ц. 1 р.

Исторія и географія. [9].

* **Ждановъ, Левъ.** 9(438)(0:8)

См. пор. № 2278.

2284. Михайловъ, В. 9(47)

Опричники. „Историческая библіотека“. № 60. М. 1913. Изд. к-ва „Дѣло“. Стр. 96. Ц. 10 к.

2285. Романовскій, В. Е. 9(47)(075)

Учебникъ русской исторіи. Для старшихъ классовъ средней школы. М. 1913. Изд. ки-ва К. И. Тихомирова. Стр. 354. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к

2286. Травинъ, К. И. 9(47)(075)

Русская исторія въ разсказахъ для двухклассныхъ городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Казань. 1913. Изд. кн. маг. М. А. Голубева. Стр. 128+III. Съ рис. и портр. Ц. 40 к.

2287. [. . . . . 9(47)„1613:1913“

Три вѣка изъ жизни русской земли. Краткій историческій очеркъ. 1613—1913 гг. Спб. 1913. Изд. „Постоян. Комиссіи народн. чтеній“. Стр. 59. Съ рис. Ц. 10 к.

* **Крымскій, А.** 9(×92.7)+892.7

См. пор. № 2282.

2288. Бранди, К. и др. 9„18:19“

Бранди, К., Бригеръ, Т., Брюкнеръ, А., Гаузенштейнъ, В., Геблеръ, К., Гейгель, К., Дармштедтеръ, П., Ламprехтъ, К., Овкенъ, В., Ульманъ, Г., Филиппсонъ, М. Цвединекъ-Зюденгорстъ, Г. Подъ ред. проф. І. Пфлугъ-Гартунга. Исторія новаго времени. Пер. съ нѣм. Т. А. Багдановичъ, А. Н. Анненской и М. А. Энгельгардта подъ ред. проф. Е. В. Тарло и съ дополненіями, касающимися Россіи, проф. А. Е. Пресникова. Вып. 2—5. Томъ I. Спб. 1913. Изд. Товар. „Просвѣщеніе“. Стр. 256. Съ рисунками. Ц. 1 р. 70 к.

2289. [. . . . . 91(075)

Лѣсной край. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. „Библ. новой школы“. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 45. М. 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Стр. 64. Съ рис. Ц. 6 к.

2290. [. . . . . 91(—17)

Спутникъ помора по Бѣлому морю и С. Ледовитому океану на 1913 годъ. Подъ ред. И. П. Буркова и А. Е. Лаврентьева. Архангельскъ 1913. Изд. об-ва моряковъ торг. флота русск.

Сѣвера. Стр. 40 неи.+246+18 неи. Съ рис.+1. карта+1 табл. Ц. 50 к.

2291. [. . . . . 91(43)

Берлинъ и его окрестности. Справочн.-путеводитель. М. 1913. Стр. 155. Т. V. Изд. „Польза". Антикъ и К⁰ Ц. 30 к.

2292. Елпатьевскій, С. 91(47.722)

Крымскіе очерки. Изд. „Кн-ва Писателей въ Москвѣ". М. 1913. Стр. 149. Ц. 1 р.

Содержаніе: Балаклава. Коктебель. Отузы. Карадакъ. Судакъ.

2293. Логофетъ, Д. Н. 91(5)

Въ горахъ и на равнинахъ Бухары (Очерки Средней Азіи). Спб. 1913. Изд. В. Березовскаго. Стр. XIV+619. Съ рис. Ц. 3 р.

2294. Асеагоша. 92(Б):294.3

Жизнь Будды. Перев. К. Бальмонта. Съ вступительной статьей Сильвэна Леви. М. 1913. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Стр. XXIV+321+ 22 листа рис. Ц. 2 р. 25 к.

2295. [. . . . . 92(С)

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Томъ V. Спб. 1913. Стр. IV+525. Съ 2 портр. Ц. 3 р.

2296. Сабашникова, М. 92(С):2

Святой Серафимъ. Изд. „Духовное знаніе". М. 1913. Стр. 94. Ц. 40 к.

2297. Завитневичъ, В. З. 92(Х):1

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ II. Система философско-богословскаго міровоззрѣнія Хомякова. Кіевъ. 1913. Стр. XVII+306 Ц. 2 р.

Содержаніе журналовъ.

„Библіотекарь". (1913—I—вып.). — А—нъ. Къ вопросу о штатахъ университетскихъ библіотекъ. — Бѣловъ, А. Парламентскія библіотеки, какъ особый типъ библіотекъ государственныхъ.— Лукашевичъ, Я. Можно ли переплетать по нѣсколько книгъ въ одинъ корешокъ?— Памяти А. А. Гинкена. — Унде-Поповъ, П. Къ вопросу о международн. десятич. классификаціи.—Юбилей Импер. Моск. Румянц. Музея. — Изъ иностранной литературы и жизни.—Изъ жизни О-ва Библіотековѣдѣнія. — Хроника.—Войничъ-Саноженцкій, А. Письмо въ редакцію. — Сводъ рецензій о новыхъ русскихъ, научныхъ и научно-популярныхъ книгахъ. — Отъ редакціи — Сводъ рецензій за дек. 1912 г.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи". (1903—6).— Международный конгрессъ подіатровъ въ Парижѣ.—Рецензіи.—Рефераты. Невропаталогіи.— Хроника.

„Вѣра и Разумъ". (1913—11).—Буткевичъ, Т., проф. Протестанство въ Россіи. (Продолж.).— Стелецкій, Н., прот.-проф. Опытъ нравственнаго Православнаго Богословія въ апологетич. освѣщеніи.—(Продолж.)—Е. Н. Одинъ изъ опытовъ современнаго богословія на Западѣ. (Продолж.).— Пархоменко, В. Къ вопросу о крещеніи Владиміра Святого и христіанизаціи при немъ Руси.— Іосафъ, іеромон. Юридическое положеніе христіанъ въ Римской имперіи въ правленіе императора Коммода.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы". (1913—6). Общественная жизнь. — Историческія новости.—Литература и печать.—Бойеръ, І. Жизнь. Съ норвеж. — Ружо, Г. Власть прошлаго. Съ франц.—Вильямсонъ, К. и А. Гости Геркулеса. Съ англ.—Дриго, П. Хвостикъ.—Михаэлисъ, К. Хорошая партія. Пиранделло, Л. „Подумай, Джьякомино".—Бухгорнъ, І. Кукла.—Мой портретъ. Со шведск.—Іенсенъ, Я. Ловецъ простаковъ. — Макушинскій, К. Восьмое путешествіе морехода Синдбада. — Эверсъ, Г. Гражданскій бракъ.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной математики". (1913—9.(585). — Шатуновскій, Я. Генрихъ Веберъ. — Псаревъ, Н. Изслѣдованіе числового тождества, какъ общій методъ рѣшенія ананалитич. задачъ школьной ариѳметики.— Ельчаниновъ, Е., прив.-доц. Аллотропія химич. элементовъ. (Оконч.) — Бобынинъ, В., прив.-доц. Вторая стадія развитія счисленія дробей.—Задачи.

„Извѣстія по Народному Образованію". (1913—6). Правительственныя распоряженія. — Я. И. Рудневъ. Объ организаціи и постановкѣ учебнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ. (Оконч.).— В. И. Фармаковскій. Изъ жизни и опыта иноземной школы. — Н. А. Бобровниковъ. Русско-туземныя училища, мектебы и медресы въ Средней Азіи.—Отзывы о книгахъ.

„Историческій Вѣстникъ". (1913—6).— Глинскій. Б. С. Н. Шубинскій (1834—1913 г.г.), біогр, очеркъ. — Зарянъ-Несвицкій, Ф. Борьба у престола, истор. романъ. (Продолж.).—Ватаци, М., урожд. Мертваго. Быль минувшаго. (Продолж.).— Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Современный бракъ, повѣсть. (Оконч.).—Ржевускій, А., гр. Отрывокъ изъ мемуаровъ.—А. Ю. Крестьянскіе безпорядки въ 1909 г.—Коршъ, Е. Брызги памяти.—Толбуховъ. Устроитель Туркестанскаго края. — Черняева, А. М. Г. Черняевъ въ Кишиневѣ. — Оглоблинъ, Н. Политич. ссыльные на Вычегдѣ.— Надежда Алекс. Бѣлозерская, урожд. Генъ. Автобіогр.—Глинскій, Б. Памяти М. В. Шевлякова.— Чулицкій, М. Обвалъ въ каменноуг. копяхъ.— Прогульбицкій, В. Чиловская пещера.—Глинскій, Б. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. і) Г. С. Хрусталевъ - Носарь. — Даниловъ, В. Изъ Запорожья въ катакомбы.—Таранщъ, А. Поѣздка въ Бухару.—Критика и библіографія.—Заграничн. историч. новости и мелочи. — Смѣсь. — Некрологи.—Замѣтки и поправки.

„Народное Образованіе". (1913—5-6).—Ковалевскій, Н. — С. А. Рачинскій въ дѣлѣ народнаго образованія. — Родниковъ, В. Къ пребыванію С. А. Рачинскаго въ московскомъ университетѣ.—Уголки школьной жизни.—С—ій, А. Воспитывающее обученіе въ начальной школѣ.— Лупповъ, П. Въ духовномъ училищѣ, воспом. и замѣтки бывш. учен. (Оконч.). — Сосуновъ, Е., свящ. Дѣловое направленіе съ школѣ. — Егоровъ, Н. Народное образованіе въ Даніи.—Нѣмочекъ, М., прот. Занятія по сел.-хоз. въ Іанно-Богосл. церк.—учит. шк. въ II—12 уч. г.—Наливовъ, А. Еще о „дѣловыхъ" статейкахъ въ школьной книгѣ. О вліятельности школы. — Яковлевъ, А. Изъ школьной практики.—Книжн. и журнальное обозрѣніе.—Изъ иностр. педагогич. литературы.—Библіографич. отдѣлъ. — Знаменскій, К., свящ. Школьное дѣло на мѣстахъ. — Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и заграницей.—Почтовый ящикъ.— Школьное пѣніе.

„Наша Заря". (1913—4-5). Л. О — съ. К. Марксъ и религія.—А. Михайловъ. Къ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія. — Н. Гарви. Лѣтопись рабочаго движенія. — С. Шварцъ. Страховая рабочая кампанія въ Спб.— А. Мартыновъ. Отъ Мая къ Маю.—А. Н. Потресовъ-Старовѣръ. Въ тискахъ своего прошлаго. (О. Плехановѣ).—В. Левицкій. Годъ борьбы.— Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ. Капиталъ и пресса.— А. Потресовъ. Критическіе наброски.—Петръ, П. Письма изъ Англіи.—Н. Череванинъ. Разложеніе реакціи.— Виталій. Двѣ демонстраціи. — Е. Маевскій. Реакція и печать.—Л. Щ—ва. Н. В. Красвуха.

„Новый Журналъ для Всѣхъ". (1913—5). С. Городецкій, М. Зенкевичъ М. Моравская, В. Нарбутъ, А. Неждановъ. Стихотворенія. — В. Ленскій. Здова.— А. Колабуховъ. Сватовство.— Б. Орисъ. Губу.—Л. Добронравовъ. Звѣзды ясныя.—А. Ворошневъ. Боръ. — А. Шницлеръ. — Послѣ смерти Габріеля. — К. Джекобсъ. „Его второе я". — П. Юшкевичъ. Новая формула прогресса. — Проф. М. Туганъ-Барановскій. Вздорожаніе жизни.— М. Новорусскій. Демократизація нашей школы.— Ф. Сурожскій. Изъ современной жизни. — И. Рубакинъ. Изъ переписки съ читателями. — Ст. Ивановичъ. Текущая жизнь. — П. Берлинъ. Страница исторіи. — Новыя книги.

„Педагогическое Обозрѣніе". (1913 — 5). Румянцевъ, Н. Методы заучиванія. Воспитаніе памяти.—Померанцевъ, А. Дѣтская ложь.—Мурзаевъ, В. Какъ обучать рисованію въ начальной школѣ.— В—скій, Д. Какъ обучаютъ десятичнымъ дробямъ въ начальныхъ школахъ нѣмецкой Швейцаріи. — Обзоръ журналовъ. — Хроника школьной жизни.— Заграничная хроника.— Изъ школьной практики.— Критика и библіографія.

„Популярный Литературно - Медицинскій Журналъ".(1913—5).—А. Блишко и д-ръ мед. М. Якобзонъ. Терапія кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Перев. съ нѣм. — Д-ръ мед. Л. Левенфельдъ. Бракъ и счастье. Сокращ. перев. съ 3-го нѣм. изд. Б. А. Виницкой подъ ред. д-ра Е. А. Аркина. (Продолж.). — Проф. А. Гиллеръ. Комнатная гимнастика безъ приборовъ. Перев. съ нѣм. — „Домашній Доиторъ". (1913—5). — Д-ръ Г. Сукъ. Значеніе школьной скамьи въ борьбѣ съ чахоткой. Борьба съ лѣчебнымъ шарлатанствомъ. — Воззваніе Союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи. — Практическая медицина. — Общественная медицина.—Растительный столъ.— Домашняя ветеринарія. — Медицинскія замѣтки.

„Природа". (1913—6). — Шиловъ, П., проф. Современное положеніе вопроса о превращеніи элементовъ. — Вульфъ, Г., проф. Рентгеновскіе лучи и кристаллы. — Кириллова, А. Радіоактивность и возрастъ минераловъ. — Лукашевичъ, І. Циклы размыванія. — Новиковъ, М., проф. Дарвинизмъ и неоламаркизмъ. — Марциновскій, Е., д-ръ мед. Роль насѣкомыхъ въ распространеніи заразныхъ болѣзней. — Гольдсмитъ, М. Партеногенезисъ. — Научныя новости. — Смѣсь.—Астрономич. извѣстія.— Библіографія.

„Путь" (1913—5-6). П. Мѣшковъ. Нищій день, стих. — В. Серебрянниковъ. Туманъ, разск.—П. Сухотинъ. Два стихотв. — К. Милль. Хозяинъ жизни, разск. — Е. Ятковъ. Весна, стих. — Литературный архивъ: 1) Воспоминанія А. Козырева о Толстомъ. 2) Неизданное стихотв. Сурикова. — Тренлевъ. Плѣнникъ навыхъ чаръ, статья. — Д-ръ А. Замираловъ. Сифилисъ, туберкулезъ, алкоголизмъ. —П. А. Новое о Пушкинѣ.— Литературная хроника. — В. Горскій. Провинціальные очерки. — П. П. Поповъ. За мѣсяцъ. — Библіографія.

„Русская Старина". — (1913 — 6). — Дневникъ статсъ-секретаря Г. П. Вилламова. 1810 г. Сообщ. Н. А. Вилламовъ.—Бобрикопъ, Г. На Босфорѣ.— Морозовъ, П. Люди и нравы за полвѣка.—Бернацкій, В. Александра Марковна Мармусевичъ, библіогр. очеркъ.— Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Спицына. Сообщ. П. Д. Романовъ.— Нархоменко, В. Къ біографіи митр. москов. Платона Левшина.— Смородиновъ. В. Годы службы моей въ Варш. учебн. окр. и эпизоды учебнаго быта. (Воспомин. педагога).— Вороновъ, А. Воспомин. бывш. студ. Харьковск. университ. 60-хъ гг..— Альбовскій, Е. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.— Гриневичъ, П. Лѣтопись и мысли стараго педагога.— Высоцкій, Н. Дѣло объ уничтоженіи эстампа съ изобр. казни Людовика XVI.— Диспозиція для будущаго въ мирное торжество. Сообщ. В. Федоровъ.— Библіографическій листокъ.

„Русская Мысль". (1913—6). — Слезкинъ, Ю. Должное. Пыль, разск. — Бродъ, М. Гуго, романъ. Перев. Ф. Ельашевичъ.—Толмачева. М. Вѣчное, повѣсть. (Оконч.) — Бальмонтъ, К. Стих. — Морозовъ, Н. Дни испытанія.—Гершензонъ, М. Стих.— Чапыгинъ, А. Бѣлый скитъ, повѣсть. (Оконч). — Садовскій, Б. Стих. — Никольскій, Н. О древнерусскомъ христіанствѣ. —Колтоновская, Е. «Быть или не быть» — Агафоновъ, В. Передача силы на разстояніе и бѣлый уголь. — Эйгесъ, К. Рихардъ Вагнеръ и его худож. реформаторство. — Буланже, П. Матеріалы по исторіи русской литер. и культуры. — Брюсовъ, В. Новая эпоха во всемірной исторіи. — Изгоевъ, А. Новое. — Ждановъ, Н. Трезвенническое движеніе въ Москвѣ.— Въ Россіи и за границей. — Критич. обозрѣніе.

„Русское Богатство". (1913 — 6).— Кондурушкинъ, С. Монахъ.— Рождественскій, А. Мечты алхимиковъ и ихъ осуществленіе.— Астровъ, С. Стихотв.— Соболь, Ан. Человѣкъ съ прозвищами.— Локкъ, У. Кумиры, романъ.— Гордѣевъ, П. Въ глубинѣ.— Діонео. Изъ Англіи.—В. Ш. Борьба за политическое равенство въ Бельгіи.— Бѣлоруссовъ. Вопросы и сомнѣнія, письмо изъ Франціи. — Русановъ, Н. Обозрѣніе иностранной жизни.— Петрищевъ, А. Хроника внутренней жизни.— Пѣшехоновъ, А. На очередныя темы.— Рѣдько, А. У подножія африканскаго идола.— Карѣевъ, А. По поводу одного изслѣдованія.— Кор., В. В. М. Соболевскій, некрологъ.— Новыя книги.— Отчетъ конторы.

„Свободное Воспитаніе". (1913—9).—Полетаева, О. Занятія по географіи во II кл. — Герлахъ, А. Счетъ и реальные предметы. Съ нѣм. В. Кошевичъ. — Поляковъ, В. Пора полюбить природу и подружиться съ нею. — Сухотина, Т. Марія Монтессори и свободное воспитаніе. — Р. Л. Школьныя научныя общества въ Англіи. — Бориханъ, В. и Фитцсимонсъ, М. Воспитательный музей при Кларкскомъ университетѣ. Съ англ. Н. К.

„Современный Міръ". (1913—6). — П. Моровъ. На морѣ, разск.— А. Оедоровъ. „Его глаза", повѣсть. (Продолж).— Вс. Кожевниковъ. Кошмаръ, Стих.—П. Морозовъ. На перепутьѣ. Изъ воспом.— Ад. Бѣльскій. На родину, разск. — В. Нарбутъ. На волѣ, стих. — У. Локкъ. Обломки крушенія. Перев. съ англ. З. П. Журавской. — П. Ванъдеръ-Мееръ. Невидимыя нити, разск. Перев. съ

голландск. З. Львовскаго и М. Н.—Г. Плехановъ. Французскій утопическій соціализмъ XIX в. — Ю. Стекловъ. Монархисты во Франціи. (Оконч.)— В. Майскій. Трагедія ирландскаго народа. — Л. Дейчъ. Шагъ назадъ. (по поводу кн. В. Богучарскаго „Активное народничество въ 70-хъ годахъ“). — Кир. Левинъ. Редакторъ-гуманистъ. (Памяти В. М. Соболевскаго). — Е. Смирновъ. Въ роковомъ кругу. (Къ итогамъ первой сессіи 4-й Думы). — П. Шагіахметовъ. Политика и мусульмане. (Письмо въ редакцію). — І. Ларскій. Политическіе парадоксы. — Д. Бѣдный. Басни: І. Брехня. ІІ. Дома. — Критика и библіографія. „Учительское Дѣло“. (1913—5-6). — Л. Душечкинъ. О системѣ преподаванія въ начальной школѣ. — Е. Чарнолуская. Народное образованіе въ Бельгіи. — Ѳ. Голубевъ. Сборники и отдѣльныя пьесы для свѣтскаго чтенія въ школахъ — С. Сватиковъ. Скульптурный музей Имп. Академіи Художествъ—Н. Н. Лѣтніе учительскіе курсы.— Въ постоянной комиссіи. — Учительскій Домъ въ Петербургѣ. — Отчетъ о пожертвованіяхъ на постройку Учительскаго Дома въ Петербургѣ — Отъ редакціи. — Содержаніе „Извѣстій Пост. Комиссіи“ за 1912 г.— Содерж. вышедшихъ №№ „У. Д.“.

Книги, поступившія въ редакцію.

„Изд. „Духовное Знаніе.“

В. В. Сабашникова. Святой Серафимъ.
Р. Штейнеръ. Путь къ самопознанію человѣка 1 р.
Его же. Истина и наука. Прологъ къ „философіи Свободы“. 80 к.
Лао-Ск. Тао-те-кингъ, или писаніе о нравственности подъ ред. Л. Н. Толстого 25 к.

Изд. „Польза“, В. Антикъ и К-°.

Я. Сегаль. Берлинъ и его окрестности. Справочникъ-путеводитель. 30 к.
К. Гамсунъ. Послѣдняя отрада. Ром. 1 р.
А. Франсъ. Новый Манекенъ. 20 к.
Э. д' Амичисъ. Дневникъ школьника. 30 к.
Шатобріанъ. Атала Ренэ. 20 к.
О. Уайлдъ. Преступленіе лорда Артура Сэвиля 10 к.
Д. Лондонъ. Морской волкъ. 40 к.
П. Ѳ. Каптеревъ. и А. Ѳ. Музыченко. Современныя педагогическія теченія. 1 р. 60 к.

Изд. „Наука.“

М. Фишеръ. Введеніе въ коллоидальную физіологію. Отёкъ. 3 р.
О. Витке. Обычныя заблужденія въ сужденіяхъ о душевно-больныхъ. 80 к.

Изд. „Rios.“

Н. В. Воронковъ. Планктонъ прѣсныхъ водъ. 2 р.
А. П. Артари. Руководящіе принципы оцѣнки воды по ея флорѣ. 50 к.

Изд. „Посредникъ.“

А. Е. Кулыжный. Можетъ ли русскій земледѣлецъ выгодно продавать свой хлѣбъ? 35 к.
А. В. Португаловъ, агр. О пересѣвѣ озимой ржи яровою. 2 к.
Г. Александровичъ. Удобреніе земли безъ навоза. 3 к.
Н. В. Сажинъ. Что говоритъ о спиртовыхъ напиткахъ наука? 10 к.

Изд. П. В. Луковникова

Р. Б. Морганъ. Элементарныя графики. 75 к.
Т. Лубенецъ. Педагогическія бесѣды. Изд. 2-е. 1 р. 75 к.
Е. Елачкчъ. Какъ защищаются животныя отъ своихъ враговъ. Изд. 2-е. 30 к.
С. А. Князьковъ. Голодъ въ древней Россіи. Изд. 2-е. 10 к.
С. А. Князьковъ. Священной памяти двѣнадцатаго года. 40 к.
Маминъ-Сибирянъ. Сибирскіе разсказы. т. І и ІІ. По 1 р.
И. Хаасъ, проф. Вулканическія силы и ихъ проявленія. 60 к.
В. П. Будановъ. Записки по методикѣ географіи 60 к.

А. Л. Масловъ. Методика пѣнія въ начальной школѣ, основанная на новѣйшихъ данныхъ экспериментальной педагогики. Изд. Сытина. 20 к.
Б. Тугановъ. Батаноко Темботъ. Повѣсть и др. разск. Изд. „Востокъ“. 1 р.
К. Б. Пеніонжкевичъ. Систематическій сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Изд. 2-е, С. А. Козловскаго. 70 к.
М. Н. Дёминъ. Быстрый пробѣгъ общихъ основъ музыкальной композиціи. Изд. автора. 60 к.
Ѳ. А. Кудринскій. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. І. 80 к.
А. Штрумпель. Въ мастерской врача. 25 к.
„Всемірное Единеніе“. Изд. непериодическое, выходящее по мѣрѣ накопленія матеріала, Штейнера. 60 к.
С. Елпатьевскій. Крымскіе очерки. Изд. „Книгоиздат. писателей въ М.“ 1 р.
Кн. Евг. Трубецкой. Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Т. ІІ.
М. Фарберъ. Стихи. (1911—1913 гг.). 40 к.
Ж. Валлесъ. Бакалавръ. Жизнь отщепенцевъ. Соціальный романъ. Изд. „Степи“. 1 р. 25 к.
Н. Стойловъ. свящ. Православное пряходское духовенство въ Бессарабіи. (1812—1913 гг.). Оттискъ изъ ж. „Странникъ“.
П. И. Вальдекъ. Марселенъ-Бертело. 50 к.
Покровскій, подпор. Самоучитель спортивнаго плаванія. Изд. автора. 75 к.
Извѣстія. О-ва изученія Олонецкой губ. 1913 г. № 1. 50 к.
Вл. Виннертъ. Отъ лучины къ радію. Стихи. 1 р.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

печати и читающей частью общества, а низкая цѣна изданія дѣлаетъ этотъ безусловно полезный органъ печати вполнѣ доступнымъ для широкой публики"... „Сѣв. Утро": „Журналъ... въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... точно отмѣчаетъ, какъ бьется въ данный моментъ пульсъ человѣческаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго"... „Русск. Молва": „Все то важное, что терялось въ гущѣ журналовъ и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ, — но и самые широкіе круги читателей... Немногіе имѣютъ время и возможность слѣдить за всѣми органами печати, и потребность въ журн. типа „Бюллетеней", держащемъ своего читателя въ курсѣ литературной жизни, — велика". „Кіевская Мысль". „Журналъ... съ матеріаломъ въ общемъ обильнымъ и заслуживающимъ прочтенія. „Бюллетени" могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ", а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провинціальнаго читателя, руководителямъ библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 р. Допускается разср.: 1 р.—къ 1 сент., 1 р.—къ 1 янв. и 1 р.—къ 1 мая. За границу на годъ—5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала подписная цѣна на годъ — 2 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и почт.-телеграфн. учрежден. Имперіи. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. ═══ Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Продажа производится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, въ газетн. кіоскахъ и на ст. жел. дор.

Книгоиздательства приглаш. присылать исключительно на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ библіограф. свѣдѣній. ═══ Имѣются полн. компл. журн. „Бюллетени" за 1910 — 11 и 1911 — 12 гг. Цѣна комплекта 1-го года — 2 р., 2-го — 3 р. съ пересылкой.

Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (3 тома)—6 р. 50 к.

Адресъ конт. и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. 1-е отд. конт.: Б. Никитская, 10, кн. маг. „Наука" 2-е отд. конт.: С.-Петербургъ, Стремянная, д. 6, кн. складъ „Провинція".

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ПОВСЕМѢСТНО

АГЕНТЫ-СОТРУДНИКИ

безъ малѣйшихъ затратъ и риска на опредѣленное жалованіе и %%. Подробн. усл. высыл. безпл. Иркутскъ. Контора газеты „СИБИРСКІЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ". Почтамтская, № 14.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Въ Западной Европѣ объявленія для „Бюллетеней Литературы и Жизни" принимаются, между прочимъ, Коммерческимъ Агентствомъ при Музеѣ русской прессы въ Брюсселѣ (Musée de la Presse Russe, Rue Madeleine, 46. Bruxelles.). Тамъ же продаются отдѣльные №№ журнала и принимается на него подписка.

„Школьное Дѣло".

НАГЛЯДНЫЯ УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, пассажъ Джамгаровыхъ. **Телефонъ 178-83.**

Наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Выпущены научно-систематизированные каталоги на русскомъ языкѣ по естествовѣдѣнію и географіи, со списками пособій, необходимыхъ при прохожденіи этихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Учебнымъ заведеніямъ и гг. преподавателямъ каталоги высылаются безплатно.

Оборудованіе физическихъ и химическихъ кабинетовъ.

Открыта подписка на 1913 г. на

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ"

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ

Русскимъ Библіографическимъ Об-ствомъ при Имп. Моск. Университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ библіографіи (теоретическія работы,) изслѣдованія изъ области книго- и библіотековѣдѣнія, систематическіе обзоры, критико-библіографическія замѣтки, рецензіи.

2) Хроника библіографической жизни — русской и заграничной.

3) Выдающіеся факты изъ жизни Русскаго Библіографическаго Общества.

4) Справочный отдѣлъ (отвѣты на вопросы etc.)

5) Объявленія.

СРОКИ ВЫХОДА.

Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печ. листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ — 3 руб., на 1/2 г.— 1 руб. 50 коп., на 1/4 г.— 75 коп., для дѣйствительныхъ членовъ Библіографическаго Общества — безплатно.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

1 страница—16 руб., 1/2 стр.—8 руб., 1/4 стр.—4 руб., 1/8 стр.—2 руб., 1/16 стр.—1 руб., 1 строка петита—20 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Моховая, 11 (старое зданіе Унив.,) Библіографическое О-во.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ книжномъ магазинѣ „Наука" (Москва, Никитская, 10) и въ друг. большихъ книжн. маг. Личные переговоры—по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 час. веч. въ Библіогр. О-вѣ, въ остальные дни отъ 5 до 6 ч. в. въ кв. редактора (Б. Палашевск. 2, кв. 7.) ● Телеф. 239-37.

Редакторъ *Б. Боднарскій.*

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 22. Іюль. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Перестройка общепринятаго научнаго мышленія 953
2. Великій китаецъ съ антикитайскимъ міровоззрѣніемъ 959
3. Мистицизмъ, какъ признакъ вырожденія. (По Максу Нордау)..... 963
4. Увлеченіе „новыми школами“ въ искусствѣ 968
5. М. Горькій памяти М. Коцубинскаго 971
6. Изъ литературнаго прошлаго. Салтыковъ. — Вл. Соловьевъ..... 973
7. Н. А. Морозовъ въ роли „германскаго подданнаго Энгеля“ 977
8. Можетъ ли быть радикально измѣненъ климатъ земного шара 986

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Книги, поступившія въ редакцію. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Мерзляковскій пер., домъ 6.
Телеф. 5-02-06.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука“. Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

ОТЪ КОНТОРЫ:

При этомъ № подписчикамъ разсылаются проспекты журнала „Бюллетени“ на 1913—14 г. Лицъ, неполучившихъ проспекты, контора проситъ обращаться по НОВОМУ адресу:

Москва, Мерзляковскій переулокъ, домъ 6.

Телеф. 5-02-06.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1913 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ большого формата въ два столбца. За годъ выйдетъ 24 книги, которыя составятъ два тома въ 2000 страницъ.

„БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интеллигентныхъ читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодической, такъ и неперіодической, какъ русской, такъ и иностранной.

Главная задача „Бюл. Л. и Ж.“ — по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. — Изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ преимущественно то, что характерно для данной эпохи и для человѣческаго духа и что имѣетъ длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.

„Бюллетени“—это коллективная литературная памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива.

О типѣ журнала, представителемъ котораго являются „Бюллетени“, еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Ѳ. М. Достоевскій и Г. И. Успенскій.

За истекшій годъ въ „БЮЛЛЕТЕНЯХЪ“ напечатано 240 статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и 700 отзывовъ о книгахъ, кромѣ того данъ перечень 2500 новыхъ книгъ и приведено содержаніе болѣе 50 двухнедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ за весь годъ.

Библіографія въ „Бюллетеняхъ“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журналовъ. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.“: „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ дѣйствительно новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами...“ „Рус. Вѣд.“: „Бюллетени“ довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни“... „Бирж. Вѣд.“: „По Бюллетенямъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„Бюллетени Литературы и Жизни".

Нашимъ подписчикамъ.

1-го сентября „Бюллетени Литературы и Жизни" вступаютъ въ пятый годъ своего существованія. Въ предстоящемъ году задачи и программа „Бюллетеней" въ существенныхъ чертахъ остаются прежнія. Единственно, къ чему редакція неуклонно будетъ стремиться и въ этомъ году, — это возможно полнѣе и выпуклѣе выявить подлинное лицо своего журнала.

Несомнѣнно, на этомъ пути намъ предстоитъ преодолѣть большія трудности, такъ какъ въ виду полнаго отсутствія образцовъ въ томъ дѣлѣ, которому мы служимъ, намъ не у кого учиться, а приходится долгимъ путемъ личнаго опыта, путемъ неизбѣжныхъ и нерѣдко очень серьезныхъ ошибокъ подходить къ осуществленію принятыхъ на себя задачъ.

Между прочимъ, одна изъ такихъ ошибокъ успѣла уже обнаружиться. Два года назадъ, когда „Бюллетени книжныхъ и литературныхъ новостей" были реформированы въ „Бюллетени Литературы и Жизни", съ значительно расширенной и углубленной противъ прежняго программой, мы считали достаточнымъ для выполненія этой новой программы объемъ книжекъ журнала въ 3-4 печатныхъ листа, и въ соотвѣтствіи съ проектированнымъ количествомъ печатнаго матеріала была назначена подписная годовая цѣна въ три рубля. Однако скоро мы убѣдились, что „Бюллетенямъ Литературы и Жизни" приходится выявлять себя въ слишкомъ тѣсныхъ рамкахъ. Поэтому въ томъ же 1911-12 году многія книжки „Бюллетеней" выходили въ большемъ объемѣ, чѣмъ было обѣщано, а въ текущемъ 1912-13 году нормой стало уже не четыре, а **пять** листовъ, т.-е. объемъ книжекъ увеличился почти вдвое, а между тѣмъ подписная цѣна осталась та же — три рубля. Но и при увеличенномъ объемѣ мы, какъ показалъ опытъ этого года, не имѣли возможности за недостаткомъ мѣста въ должной мѣрѣ использовать весь тотъ цѣнный матеріалъ, который давала текущая литература, періодическая и непериодическая, отечественная и иностранная. Въ виду этого мы вынуждены въ предстоящемъ году вновь нѣсколько увеличить объемъ нашихъ двухнедѣльныхъ книжекъ, чтобы явилась возможность отвести больше мѣста для литературнаго отдѣла.

Кромѣ того, идя навстрѣчу неоднократно выраженному желанію нашихъ читателей, мы должны будемъ ввести новый отдѣлъ — отдѣлъ „хроники". (При этомъ, однако, считаемъ нужнымъ предупредить, что это бу-

детъ особая хроника — тоже **новаго типа**. И здѣсь мы будемъ слѣдовать своему основному принципу, т.-е. подбирать и группировать только такіе **„идеи, образы и факты“**, которые помогутъ полнѣе отразить картину **духовной, внутренней** жизни современности).

Наконецъ, проектируются нѣкоторыя нововведенія и въ библіографическомъ отдѣлѣ. Между прочимъ, имѣется въ виду время отъ времени печатать библіографію по отдѣльнымъ вопросамъ.

Указанныя нововведенія и расширеніе журнала не могутъ конечно не отразиться на его стоимости. Въ этомъ году мы дали въ итогѣ около 120 печатныхъ листовъ; въ будущемъ году количество листовъ увеличится по крайней мѣрѣ до 140. (Считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на то, что нашъ листъ по количеству буквъ вдвое больше обыкновеннаго листа любого толстаго журнала).

Такимъ образомъ, силою естественнаго хода самаго дѣла, мы поставлены въ необходимость увеличить цѣну на журналъ и довести ее по крайней мѣрѣ до **четырехъ рублей** за годовой экземпляръ, т.-е. до того минимума, при которомъ возможно нормальное развитіе нашего журнала.

На основаніи тѣхъ многочисленныхъ, бодрящихъ насъ писемъ, съ одобрительными отзывами о журналѣ и добрыми пожеланіями, какія мы получаемъ отъ постоянныхъ нашихъ читателей (пользуемся случаемъ выразить всѣмъ имъ нашу глубокую признательность), позволяемъ себѣ надѣяться, что подписчики „Бюллетеней“ охотно пойдутъ навстрѣчу высказаннымъ здѣсь предположеніямъ. Эта надежда поддерживается въ насъ увѣренностью, что мы, продолжая развивать начатое нами дѣло, раскрывая и утверждая постепенно новый типъ періодическаго органа, стоимъ на совершенно правильномъ пути.

Въ заключеніе обращаемся къ читателямъ съ покорнѣйшею просьбою отвѣтить на нѣкоторые вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ нашему журналу. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей работы отвѣты эти могутъ принести намъ большую пользу, а потому мы надѣемся, что просьба наша не останется безъ вниманія. Предлагаемые нами вопросы слѣдующіе:

1) Какой изъ двухъ отдѣловъ журнала больше отвѣчаетъ вашимъ читательскимъ запросамъ — литературный или библіографическій?

2) Какіе недостатки вы усматриваете въ отдѣлахъ: а) литературномъ и б) библіографическомъ?

3) Какія поправки и дополненія, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы ввести въ журналъ.

Отвѣты желательно получить по возможности въ ближайшее время.

Редакція.

P. S. При этомъ № приложено нѣсколько экземпляровъ подробнаго проспекта журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“. Не откажите разослать его извѣстнымъ вамъ лицамъ, не успѣвшимъ еще познакомиться съ нашимъ журналомъ.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 22 — Іюль 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 11 м.—2 р. 75 к.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67.

Перестройка общепринятаго научнаго мышленія.

За такую, вполнѣ своевременную, перестройку взялся одинъ изъ крупнѣйшихъ западноевропейскихъ представителей опытной науки — геттингенскій профессоръ физіологіи Максъ Ферворнъ. Онъ подводитъ новый фундаментъ подъ наше научное познаніе и, такимъ образомъ, выдвигаетъ вопросъ о „переоцѣнкѣ цѣнностей“ позитивизма, строго оставаясь однако въ предѣлахъ этого міропониманія.

На русскій языкъ теперь, въ числѣ другихъ работъ Ферворна, переведенъ и прочитанный имъ въ прошломъ году въ Боннѣ докладъ—о „новомъ міросозерцаніи“ (читатель найдетъ его въ книгѣ, озаглавленной „Развитіе человѣческаго духа“).

Новое міросозерцаніе — это предлагаемая геттингенскимъ ученымъ теорія „кондиціонизма“. Авторъ здѣсь не только доказываетъ свою точку зрѣнія, но и обстоятельно мотивируетъ свое предложеніе.

Въ давно минувшихъ дняхъ, — говоритъ М. Ферворнъ,— насъ прельщаетъ особенно то пріятное чувство, которымъ сопровождался въ то время духовный трудъ; неограниченный запасъ времени, основательность и любовь, съ которыми отдавались тогда творчеству,—и тихое наслажденіе, овладѣвшее при горделивомъ созданіи новаго произведенія. Спокойная радость свободнаго достиженія цѣли представляется намъ сейчасъ доминирующей характерной чертой этого добраго стараго времени.

Рѣзкій контрастъ съ этимъ представляетъ собою картина творчества, являемая сейчасъ центромъ духовной культуры. Ея отличительный признакъ — торопливость. Человѣкъ хочетъ елико возможно скорѣе сдѣлать елико возможно больше. Онъ хочетъ черезчуръ многаго. Онъ работаетъ съ первой спѣшкой. Лишь при строгомъ распредѣленіи труда удается такъ использовать время, чтобы оставалось нѣсколько краткихъ часовъ для отдыха; однако, и эти часы отдыха и развлеченія педантично регулируются. Человѣкъ дѣловито работаетъ и дѣловито наслаждается. Продукты духовной дѣятельности становятся рыночнымъ базаромъ. Проблема избирается не въ силу ея внутренней цѣнности, а въ зависимости отъ ея рыночной цѣны въ данный моментъ. Рынокъ наводненъ предложеніемъ. Научныя работы производятся фабричнымъ способомъ. Массовое производство въ наукѣ сейчасъ такъ велико, что ни одинъ изслѣдователь не въ состояніи разсмотрѣть въ оригиналѣ всѣ произведенія, относящіяся хотя бы только къ его спеціальной области. Научныя работы опубликовываются, но не читаются. Развитіе пошло даже дальше стадіи краткаго реферата на спеціальную тему. Никто не хочетъ, да и не можетъ знакомиться съ содержаніемъ отдѣльныхъ работъ,—всѣ требуютъ лишь общихъ обзоровъ. При видѣ этого невѣроятнаго роста научной продуктивности вспоминаешь невольно о развитіи опухоли. Все равно, какъ подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ условій клѣтки нормальной ткани начинаютъ дѣлиться все быстрѣе и быстрѣе, размножаются и образуютъ большіе наросты, которые въ концѣ-концовъ разрушаются и приводятъ къ гибели организмъ, — такъ угрожающе растетъ и число научныхъ работъ. Суждена ли научному познанію участь опухоли, а духовной культурѣ—гибель организма? Или же грозный рокъ можетъ быть предотвращенъ искусствомъ умныхъ врачей? Правда: въ самой природѣ духовнаго развитія человѣка заложено то, что его ходъ съ первыхъ же доисторическихъ зачатковъ въ поздній третичный періодъ носитъ характеръ логарифмической кривой, которая сначала поднимается лишь постепенно и почти незамѣтно, съ тече-

ніетъ же времени идетъ внерхъ все быстрѣй и быстрѣй. Это обусловливается быстро возрастающей комбинаціонной способностью знаній, изобрѣтеній и открытій. Станетъ ли мозгъ нашъ въ концѣ-концовъ, слишкомъ тѣснымъ для такого безпредѣльнаго развитія? Судьба многихъ первобытныхъ народовъ, напримѣръ, тасманцевъ, погибшихъ при соприкосновеніи съ прогрессивной европейской культурой, дѣйствительно заставляетъ опасаться такого конца. Тѣмъ не менѣе наблюденіе надъ процессомъ развитія въ органической жизни показываетъ, что жизнь создаетъ все новыя и новыя регулирующія средства, и когда развитіе въ какомъ-либо пунктѣ попадаетъ въ тупикъ, тогда оказывается, что уже задолго до этого въ другомъ пунктѣ того же ряда начался новый процессъ развитія, избѣгающій участи перваго. И неужели же и человѣческій разумъ въ своемъ собственномъ развитіи не найдетъ средствъ своевременно и цѣлесообразно предотвратить грозную гибель? Во всякомъ случаѣ мы поступимъ благоразумно, если, замѣтивъ опасность, постараемся найти средства для борьбы съ нею.

Такая опасность несомнѣнно имѣется налицо въ нашемъ нынѣшнемъ перепроизводствѣ въ духовной области. Тутъ производится черезчуръ многое, и добытое подвергается недостаточной обработкѣ. Изслѣдователь, не сдѣлавъ еще нужныхъ выводовъ изъ своей послѣдней находки, жадными руками шаритъ уже въ поискахъ за слѣдующей. Мы *копимъ* черезчуръ много и извлекаемъ изъ накопленнаго слишкомъ мало пользы; мы напоминаемъ коллекціонера, который собираетъ рѣдкости только затѣмъ, чтобы *имѣть* ихъ, а не для того, чтобы *использовать* ихъ для разрѣшенія научныхъ проблемъ. Въ этомъ пунктѣ, однако, мы могли бы сознательно произвести измѣненіе, которое хотя бы до извѣстной степени урегулировало ненормальный ростъ научной литературы.

Много научныхъ работъ были бы признаны излишними и ненужными и многія изъ нихъ остались бы неопубликованными, если бы каждый, приступая къ работѣ, спокойно и всесторонне продумалъ интересующій его объектъ; равнымъ образомъ, много времени и много труда было бы съэкономлено, если бы каждый по окончаніи своего изслѣдованія съ самоотверженной серьезностью далъ себѣ отчетъ, какое значеніе имѣютъ найденные имъ факты для крупныхъ и общихъ проблемъ его науки. Любовное отношеніе къ работѣ и спокойное обдумываніе всѣхъ проблемъ-фактовъ, — эту характерную черту добраго стараго времени, — мы должны были бы вновь обрѣсти въ качествѣ профилактическаго средства въ борьбѣ съ угрожающей диссоціаціей въ духовномъ развитіи.

Въ житницѣ науки накопляется въ настоящее время безконечное количество мертваго капитала. Для ограниченія этого массоваго скопленія такихъ мертвыхъ цѣнностей мы должны избрать, однако, наиболѣе цѣлесообразный путь. Руководящей нитью долженъ служить намъ тутъ тотъ самый симптомъ нашего времени, который обнаруживается въ потребности въ обобщеніи. Прежде всего мы должны постараться *организовать* возможно болѣе *раціонально* мелкую научную работу, безъ которой не можетъ совершаться ни одно научное изслѣдованіе и которая одна даетъ необходимый матеріалъ для расширенія нашихъ познаній. Для этого мы должны брать заданія для нашихъ спеціальныхъ изслѣдованій исключительно изъ потребностей крупныхъ и общихъ проблемъ и обрабатывать ихъ всегда подъ строгимъ контролемъ послѣднихъ. При самомъ глубокомъ проникновеніи въ спеціальное изслѣдованіе, при самой тщательной разработкѣ методики мы никогда не должны упускать изъ виду великія цѣли познанія и связь съ общей постановкой вопроса, иначе вся наша работа будетъ безцѣльною тратой времени. Въ виду этого чрезвычайно важно возвращаться постоянно къ общимъ формамъ мышленія и міросозерцанія, которыя приложимы ко всѣмъ безъ исключенія видамъ научнаго изслѣдованія, — подвергать ихъ критическому изслѣдованію, а въ случаѣ надобности и исправленію.

На основаніи этого я прошу васъ предпринять сегодня вмѣстѣ со мной такое критическое разсмотрѣніе того міросозерцанія, которое еще и сейчасъ въ большинствѣ научныхъ областей считается единственно точнымъ и которое въ естествознаніи, философіи, а также и въ практикѣ повседневной жизни неизмѣнно кладется въ основу нашего мышленія. Я разумѣю здѣсь каузальное міросозерцаніе (т.-е. міросозерцаніе, исходящее изъ понятія причинности).

...Общимъ признакомъ первоначальнаго понятія причины является то, что „причина“ явленія есть факторъ въ единственномъ числѣ. Каждое явленіе имѣетъ *свою причину*. Причина взрыва—искра, упавшая въ бочку съ порохомъ; причина смерти отъ тифа—зараженіе тифозными бактеріями. Все это, понимаемому, очень просто и вполнѣ удовлетворяетъ поверхностное пониманіе вещей. Для того, чтобы объяснить какое-либо явленіе, достаточно, по ходячему мнѣнію, найти лишь его причину. Въ этомъ задача научнаго изслѣдованія. Послѣд-

нее систематически старается найти причины вещей. „Felix, qui potuit rerum cognoscere causas“ (счастливъ, кто могъ узнать причины вещей). Когда найдена причина какого-либо явленія или состоянія, тогда, по выраженію Дю Буа Реймона, „каузальное влеченіе“ удовлетворяется: явленіе или состояніе получаетъ свое объясненіе. Въ этомъ-то и заключается ошибка. Отыскавъ „причину“ явленія, я далеко еще не разъяснилъ явленія. Я нашелъ лишь *одинъ* факторъ, обусловливающій явленіе. Явленіе или состояніе зависитъ однако, въ равной мѣрѣ и отъ многочисленныхъ другихъ факторовъ. Зачастую наталкиваешься даже на величайшія трудности, когда среди факторовъ, обусловливающихъ данное явленіе, стараешься найти причину его. Въ нашумѣвшемъ только что (весною 1912 г.) процессѣ аптекаря Шмарка страстному обсужденію подвергался вопросъ, можетъ ли потребленіе метиловаго спирта быть причиной смерти въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Если удастся доказать, что метиловый спиртъ былъ причиной смерти, то обвиняемый долженъ быть осужденъ; если же удастся доказать, что метиловый спиртъ не причина смерти, то обвиняемый будетъ оправданъ. Вы видите, какъ здѣсь каузальное пониманіе вещей глубоко проникаетъ въ практику жизни. То же мы могли бы наблюдать и въ цѣломъ рядѣ другихъ судебныхъ процессовъ. Въ процессѣ объ отравленіи метиловымъ спиртомъ эксперты очутились въ очень затруднительномъ положеніи, когда должны были установить причину смерти. Здѣсь и широкая публика воочію убѣдилась въ томъ, насколько несовершененъ и недостаточенъ каузальный способъ разсмотрѣнія. Одинъ изъ ученыхъ экспертовъ придумалъ поэтому понятіе „*вспомогательной* причины“, и другіе съ благодарностью ухватились за это удачное разрѣшеніе вопроса: метиловый спиртъ былъ „вспомогательной причиной“ наступленія смерти; ея истинной причиной былъ артеріосклерозъ умершаго алкоголика. И дѣйствительно: безъ наличности артеріосклероза потребленіе метиловаго спирта, вѣроятно, не убило бы этого человѣка, но также вѣроятно и то, что безъ метиловаго спирта его артеріосклерозъ не вызвалъ бы какъ разъ въ данный моментъ смертельный исходъ. Что же слѣдуетъ въ такомъ случаѣ считать истинной причиной смерти? Этотъ примѣръ демонстрируетъ ту полную безпомощность, которая характерна для каузальнаго способа разсмотрѣнія вещей и явленій. Подобно этому случаю, есть безчисленное множество другихъ, которые съ той же наглядностью показываютъ, что предположеніе одной причины для объясненія явленія далеко недостаточно. *Ни одно явленіе и ни одно состояніе не зависитъ отъ одного какого-нибудь фактора.*

Каждое состояніе или явленіе обусловливается въ своемъ специфическомъ существованіи многочисленными другими состояніями и явленіями и безусловно не имѣло бы мѣста въ этой своей специфической формѣ при отсутствіи хотя бы одного изъ факторовъ, отъ которыхъ оно зависитъ.

Естествознаніе, учитывая это обстоятельство, поставило на мѣсто понятія причины *понятіе условія*, и обычно пониманіе явленія состоитъ теперь въ томъ, что оно зависитъ, съ одной стороны, отъ своей причины, съ другой же, отъ цѣлаго ряда условій. Причина вызываетъ явленіе лишь въ томъ случаѣ, когда осуществляется извѣстная сумма условій. Спрашивается, однако, въ правѣ ли мы удѣлять особое значеніе одному изъ факторовъ, обусловливающихъ явленіе или состояніе, и въ качествѣ „*причины*“ противопоставлять его „*условіямъ*“.

Если нѣсколько явленій, — состоянія для разсмотрѣнія понятія причины представляютъ собою весьма неблагопріятный примѣръ, — подвергнуть разсмотрѣнію въ отношеніи того фактора, который обычно именуется ихъ причиной, то можно найти всегда, что изъ многочисленныхъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ явленіе, причиной считается *тотъ*, который по времени приходитъ самымъ послѣднимъ. Искра, вызывающая взрывъ нитроглицерина, считается причиной взрыва; опредѣленное же расположеніе атомовъ въ молекулѣ нитроглицерина, уже данное въ моментъ взрыва, есть только условіе. Землятресеніе считается причиной разрушенія зданія; тяготѣніе же камня и желѣза къ землѣ, имѣющееся всегда налицо, есть только условіе. Внѣшнее раздраженіе, вызывающее рефлекторное сокращеніе мышцъ, считается причиной этой реакціи; раздражимость же первныхъ и мышечныхъ элементовъ, данная заранѣе, только условіемъ. И такъ далѣе. Но развѣ въ томъ, что одинъ изъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ данное явленіе, приходитъ самымъ послѣднимъ, есть достаточное основаніе для того, чтобы придавать этому фактору большее значеніе для осуществленія явленія, чѣмъ всѣмъ остальнымъ? Совершенно одинаковый процессъ развитія углекислоты происходитъ, если я подливаю раствора соляной кислоты къ раствору углекислаго натра или поступаю въ обратномъ порядкѣ. Согласно каузальному методу, въ одномъ случаѣ причиной развитія углекислоты была бы соляная кислота, въ другомъ углекислый натръ: въ одномъ

случаѣ первый, во второмъ послѣдній имѣлъ бы наибольшее значеніе для осуществленія явленія, и если бы я слилъ оба раствора одновременно, то у явленія было бы двѣ причины или вообще ни одной. Такое воззрѣніе абсурдно. Я не пріобрѣтаю ничего для пониманія и тщательнаго анализа явленія, если факторъ, привходящій послѣднимъ, считаю его причиной. Онъ такое же условіе, какъ и другіе факторы, отъ которыхъ зависитъ явленіе. Каждое явленіе или состояніе обусловливается многочисленными условіями. Эти условія могутъ привзойти въ различные моменты, но всѣ они *равноцѣнны*, для наличности явленія.

Понятіе условія выражаетъ отношеніе зависимости, которое включаетъ въ себя моментъ *необходимости*. Если явленіе или состояніе обусловливается однимъ факторомъ, то этотъ факторъ необходимъ для осуществленія явленія или наличности состоянія. Если бы онъ не былъ необходимъ, то онъ не служилъ бы условіемъ для даннаго явленія или состоянія. Моментъ необходимости есть, однако, понятіе, неспособное къ мышленію или усиленію. Одинъ факторъ не можетъ быть необходимъ въ различной степени. Онъ или необходимъ, или нѣтъ,—какая-либо третья возможность исключена. Поскольку, однако, условія явленія или состоянія всѣ необходимы, они всѣ и одинаково равноцѣнны для его осуществленія или наличности. Это безусловно вѣрный и неопровержимый выводъ.

Уяснивъ себѣ недостаточность наивнаго представленія объ единой причинѣ для объясненія явленія или состоянія и убѣдившись въ томъ, что каждое явленіе или состояніе зависитъ отъ многочисленныхъ факторовъ, естествознаніе сдѣлало, несомнѣнно, крупный шагъ впередъ въ пониманіи вещей. Продолжая, однако, различать среди этихъ обусловливающихъ факторовъ „причину“ и „условія“, обладающія различною цѣнностью, оно сохранило все же остатокъ стараго мистицизма. Оно остановилось на полдорогѣ. Закончимъ же его работу: устранимъ изъ научнаго метода изслѣдованія понятіе причины, играющее роль объяснительнаго принципа, и оставимъ его развѣ только обычному словоупотребленію повседневной жизни въ надеждѣ, что и тамъ оно со временемъ будетъ предано забвенью. Устраняя на основаніи положенія объ эффективной эквивалентности (т.-е. одинаковой необходимости) обусловливающихъ факторовъ понятіе причины и весь каузальный методъ со всей его мистикой и ставя на его мѣсто строго кондиціональный методъ, мы, стоя на болѣе высокомъ уровнѣ познанія, опираемся вновь на первые, чисто эмпирическіе элементы закономѣрности и послѣдовательности всего сущаго и сознательно оставляемъ позади мистически-спекулятивный эпизодъ міросозерцанія. Наиболѣе точной формой, въ какую мы имѣемъ возможность облечь въ настоящее время изображеніе всякой закономѣрности, является форма кондиціональная. Образцомъ послѣдней служитъ математическій методъ, формулирующій свои положенія въ видѣ предпосылокъ и утвержденій: „Если двѣ величины равны порознь третьей, то онѣ равны между собой“. Тѣмъ самымъ передъ нами предстаетъ рѣзко очерченная задача всякаго научнаго изслѣдованія: *научное изслѣдованіе всего сущаго и происходящаго можетъ состоять исключительно въ познаніи его условій.*

* * *

Видѣть передъ собою предстоящій путь всегда хорошо. Необходимо, однако, отдавать себѣ отчетъ и въ томъ, какъ далеко ведетъ этотъ путь. Посмотримъ же, какими цѣлями задаемся мы, утверждая новое, кондиціональное пониманіе вещей. Мы стремимся къ познанію міра, хотимъ создать міросозерцаніе. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ: къ чему приводитъ кондиціональный методъ пониманія вещей при образованіи міросозерцанія?

Относительно естественнонаучнаго познанія дѣйствительности говорилось нерѣдко, что оно является лишь *формальнымъ* анализомъ всего сущаго и совершающагося въ мірѣ, оставляющимъ въ сторонѣ *сущность* вещей, и что его выводы для превращенія въ истинное міросозерцаніе должны сперва подвергнуться переработкѣ со стороны натурфилософскаго познанія или метафизики. Кондиціональный методъ, само самой разумѣется, рискуетъ услышать тотъ же упрекъ. И, дѣйствительно, на первый взглядъ кажется, будто кондиціональный анализъ раскрываетъ исключительно формальныя отношенія взаимозависимости между отдѣльными составными частями вселенной. Но, присмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что кондиціонализмъ есть нѣчто большее, чѣмъ абстрактный методъ изображенія, что онъ даетъ единственный базисъ для научнаго міросозерцанія и что прежде всего онъ безконечно превосходитъ каузализмъ, не только тѣмъ, что онъ отвергаетъ всякіе мистическое факторы, но и тѣмъ, что онъ устраняетъ цѣлый рядъ проблемъ, вызывавшихъ долгіе, безконечные споры и дававшихъ поводъ къ безчисленному множеству излишнихъ работъ только потому, что эти проблемы въ сущности вовсе не проблемы.

Я хочу показать это путемъ примѣненія кондиціональнаго метода къ нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ міросозерцанія.

Постараемся уяснить себѣ прежде всего, что кондиціонализмъ отнюдь не представляетъ собою формальнаго метода изображенія. Что понимается подъ формальнымъ изображеніемъ? Критическое разсмотрѣніе этого воззрѣнія показываетъ намъ, что здѣсь проводится различіе между чисто формальной закономѣрностью, господствующей надъ всѣмъ сущимъ и совершающимся во вселенной, и истинной *„сущностью“ вещей*. Но подтверждаетъ ли опытъ такое различеніе? Что такое *условія* въ ихъ отношеніи къ *„сущности“* вещей? „Сущность“ вещей образуютъ вѣдь самыя вещи. Условія же тоже не что иное, какъ вещи. Соляная кислота, углекислый натрій, вода и т. д., которыя мы признали условіями развитія углекислоты, тоже вѣдь вещи. Это справедливо по отношенію ко всѣмъ явленіямъ и состояніямъ. Анализируя при помощи всѣхъ средствъ, представляемыхъ мнѣ опытомъ, явленія и состоянія, я изслѣдую въ то же время *сущность* этихъ явленій и состояній, безразлично, хочу я того или нѣтъ. „Сущность“ вещей есть выраженіе ихъ специфическихъ условій. О другой „сущности“ вещей, кромѣ той, которая выражается въ закономѣрномъ взаимодѣйствіи ихъ специфическихъ составныхъ частей, не можетъ быть и рѣчи въ научномъ смыслѣ.

Не слѣдуетъ только изъ вопроса о „сущности“ вещей дѣлать мнимой проблемы познанія, формулируя ее въ формѣ пресловутаго вопроса о сущности *„вещей въ себѣ“*. Этотъ вопросъ вообще не научная проблема. Тѣмъ не менѣе онъ до сихъ поръ играетъ довольно видную роль и смущаетъ немало умы. Въ виду этого я считаю нужнымъ вкратцѣ коснуться его. Давно уже признано, что все, что мы знаемъ о мірѣ, проистекаетъ изъ нашихъ субъективныхъ ощущеній; не менѣе общепризнано и то, что наше ощущеніе возникаетъ лишь тогда, когда вещи окружающаго міра вступаютъ въ соприкосновеніе съ составными частями нашего организма. Мы знаемъ такимъ образомъ, что единственный путь къ *познанію* вещи проходитъ черезъ наши органы чувствъ. Тѣмъ не менѣе, передъ нашимъ познаніемъ ставитъ вопросъ: что представляютъ собою вещи, когда мы ихъ чувственно не воспринимаемъ? это значитъ, въ сущности: я долженъ высказаться о сущности вещи, не ставя ее въ соприкосновеніе со своими органами чувствъ, т.-е. не познавая ее. Отъ человѣка требуютъ, чтобы онъ забрылъ глаза и сказалъ, какъ выглядитъ незнакомая ему вещь, которую держатъ передъ нимъ! Въ этомъ-то и заключается весь абсурдъ вопроса о сущности вещей съ себѣ“. Желая *познать* сущность вещи, я долженъ изслѣдовать ее при помощи средствъ моего *познанія*. Если же говорить, что истинная сущность вещей остается при этомъ для меня всегда скрытой, потому что изслѣдованію я подвергаю одни лишь свои субъективныя ощущенія, то этотъ выводъ слѣдуетъ признать безусловно неправильнымъ, ибо мои ощущенія сами вполнѣ реальныя вещи. Въ своемъ познаніи я непосредственно познаю сущность вещей. Мое познаніе есть не что иное, какъ само сущее во вселенной. Оно часть дѣйствительности, составная часть міра. Но вернемся, однако къ нашей темѣ.

Между *условіями* какого-либо явленія или состоянія и его *„сущностью“* нѣтъ никакой противоположности. Каждое явленіе или состояніе идентично (тождественно) съ суммой своихъ условій. Его условія и являются его сущностью. Другого научнаго познанія дѣйствительности, кромѣ познанія условій, нѣтъ и быть не можетъ. Такимъ образомъ, можетъ быть лишь *одинъ* родъ научнаго изслѣдованія, а не два, естественнонаучный и натурфилософскій,— все равно какъ есть лишь *одинъ* родъ познанія и *одна* дѣйствительность. Этотъ одинъ родъ изслѣдованія и познанія состоитъ, однако, во все болѣе глубокомъ и всеобъемлющемъ анализѣ условій всего сущаго и совершающагося въ мірѣ. Научное міросозерцаніе цѣликомъ растворяется въ кондиціонализмѣ.

Кондиціональный методъ носитъ строго эмпирическій характеръ. Для него отпадаетъ всякая необходимость допущенія раздвоенія человѣческаго существа, унаслѣдованнаго отъ мистико-спекулятивнаго мышленія прошлыхъ вѣковъ. Опытъ говоритъ, что вещей, ничѣмъ не обусловленныхъ, не существуетъ. Въ равной мѣрѣ обусловлены и явленія сознанія. Они обусловлены извѣстными процессами въ мозгу и во внѣшнемъ мірѣ. Явленія сознанія служатъ поэтому для кондиціональнаго мышленія такими же объектами познанія, какъ и всѣ другія явленія. Ихъ слѣдуетъ анализировать по тѣмъ же самымъ принципамъ, какъ и другія явленія, какъ напримѣръ, жизнь или тепло, или пламя, или электричество. Принципы этого анализа заключаются въ отысканіи условій. Сюда относятся въ первую голову химическіе и физическіе процессы въ мозговыхъ клѣткахъ мозга, далѣе въ соединительныхъ нервныхъ волокнахъ, въ органахъ чувствъ и, наконецъ во внѣшнемъ мірѣ. То, что я называю гангліозными клѣтками, нервными и вообще—вещами, я знаю, само собой разумѣется, лишь въ формѣ

актовъ моего сознанія. Что представляютъ собой всѣ эти вещи сами по себѣ, когда я ихъ не воспринимаю и не перерабатываю въ актѣ сознанія, это, какъ мы уже говорили, проблема не научная. Но одно несомнѣнно: если даже мой вторичный опытъ путемъ логическихъ умозаключеній даетъ мнѣ съ несомнѣнностью убѣдиться въ томъ, что вещи продолжаютъ существовать, даже когда я воспринимаю ихъ не въ формѣ актовъ моего сознанія, то я все же совершилъ бы грубую ошибку и переступилъ бы границы опыта, если бы сталъ утверждать, что онѣ, внѣ моего воспріятія, носятъ существенно другой характеръ, чѣмъ при включеніи ихъ въ число объектовъ моего воспріятія. Мои ощущенія и представленія, мысли и чувства суть тоже реальныя вещи, т.-е. составныя части всего сущаго и совершающагося въ мірѣ. Откуда же, слѣдовательно, могъ бы я взять изъ опыта основаніе для того, чтобы поставить ихъ въ принудительное дуалистическое противорѣчіе со всѣми другими элементами дѣйствительности, которые въ данный моментъ не образуютъ моихъ ощущеній и представленій? Мало того, мои ощущенія, представленія и мысли, словомъ, всѣ акты моего сознанія представляютъ собою комплексы многочисленныхъ составныхъ частей, изъ которыхъ каждая *сама по себѣ* „безсознательна“, т.-е. не является актомъ сознанія, все равно какъ, напримѣръ, водородъ и кислородъ сами по себѣ еще не вода. На основаніи этого никому не придетъ, однако, въ голову ставить водородъ и кислородъ въ дуалистическое противорѣчіе съ водой, хотя эти вещества и обнаруживаютъ столь различныя качества. Въ равной мѣрѣ, слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія ставить сами по себѣ безсознательныя условія актовъ и явленій сознанія въ принципіальное дуалистическое противорѣчіе съ самими явленіями сознанія, слагающимися изъ нихъ. Само собой разумѣется, что я могу эти сами по себѣ безсознательныя условія явленія сознанія сдѣлать, подобно всякой вещи, объектомъ моего изслѣдованія: для этого мнѣ нужно чувственно воспринять ихъ. Тогда они не являются уже вещами въ себѣ, а образуютъ объектъ моего познанія, и я называю ихъ химическими и физическими процессами въ гангліозныхъ клѣткахъ и нервныхъ волокнахъ коры головного мозга. Такимъ путемъ я объективно изучаю явленія сознанія.

Итакъ: опытъ показываетъ мнѣ, что двухъ рядовъ явленій, матеріальныхъ и психическихъ, принципіально отличающихся другъ отъ друга, не существуетъ. Чистый опытъ показываетъ мнѣ, наоборотъ, вещи *одного* рода. Я сошелъ бы съ поля опыта, если бы допустилъ, что вещи въ себѣ состоятъ изъ принципіально другихъ элементовъ, чѣмъ явленія моего сознанія.

Если поэтому я въ концѣ концовъ нахожу всѣ условія какого-либо акта сознанія, то тѣмъ самымъ я исчерпывающе изучилъ этотъ актъ, такъ какъ согласно принципу идентичности явленіе сознанія тождественно съ суммой всѣхъ его условій. Въ строго эмпирическомъ кондиціонизмѣ нѣтъ мѣста для такого представленія, какъ и для того, что въ матеріальной гангліозной клѣткѣ, будучи какимъ-то таинственнымъ образомъ связано съ ея формами и слѣдуя параллельно ихъ движенію, живетъ имматеріальная душа. Кондиціонизмъ замѣняетъ мнимый дуализмъ наивнаго мышленія чисто монистическимъ толкованіемъ.

...Цѣнность кондиціональнаго мышленія познается лишь постепенно: необходимо пользоваться каждымъ случаемъ и примѣнять кондиціональный методъ мышленія и къ каждой разрѣшаемой проблемѣ. Лишь этимъ путемъ можно убѣдиться въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о безразличной формѣ выраженія, а о міросозерцаніи, глубоко проникающемъ во всѣ безъ исключенія вопросы теоріи и практики. Лишь этимъ путемъ станетъ ясно огромное преимущество кондиціональнаго метода передъ казальнымъ.

Казализмъ—примитивная стадія міросозерцанія, кондиціонализмъ — прогрессивная. Казализмъ наивенъ, кондиціонализмъ настроенъ критически. Казализмъ оставляетъ насъ на поверхности разсмотрѣнія вещей, кондиціонализмъ проникаетъ далеко вглубь. Казализмъ даетъ намъ мнимый анализъ, кондиціонализмъ старается его осуществить. Казализмъ накопляетъ множество мнимыхъ проблемъ, кондиціонализмъ устраняетъ эти мнимыя проблемы и прокладываетъ путь для новаго свободнаго познанія міра.

Всѣ наиболѣе существенные принципы кондиціонализма сводятся къ слѣдующему:

1. Изолированныхъ или абсолютныхъ вещей не существуетъ. Всѣ вещи, т.-е. явленія и состоянія обусловлены другими состояніями или явленіями. (Положеніе объ обусловленности всего сущаго).

2. Нѣтъ явленія или состоянія, которое зависѣло бы только отъ однаго фактора. Всѣ явленія и состоянія обусловлены многочисленными факторами. (Положеніе о множественности условій).

3. Каждое явленіе или состояніе вполнѣ опредѣляется суммой его условій. Только при равныхъ условіяхъ мы имѣемъ одинаковыя

явленія или состоянія и наоборотъ: различныя явленія и состоянія предполагаютъ наличность различныхъ условій. (Положеніе объ опредѣленной закономѣрности).

4. Каждое условіе или состояніе идентично съ суммой его условій. Совокупность условій представляетъ собою явленіе или состояніе. (Положеніе объ идентичности).

5. Всѣ условія явленія или состоянія равноцѣнны, для его наличности, поскольку всѣ они необходимы. (Положеніе объ эффективной эквивалентности обусловливающихъ факторовъ).

Эти основныя положенія кондиціонализма должно имѣть въ виду всякое научное изслѣдованіе, если оно хочетъ избѣгнуть ложныхъ представленій и взглядовъ.

Великій китаецъ съ антикитайскимъ міровоззрѣніемъ.

Появившаяся въ издательствѣ „Мусагетъ“ маленькая книжечка „Тао-те-кингъ“ или „Писаніе о нравственности“ (въ переводѣ Д. Конисси) представляетъ для насъ двоякій интересъ.

Во-первыхъ, авторъ ея—великій философъ древности Лао-Си, свѣдѣнія о которомъ въ нашей литературѣ болѣе чѣмъ скудны (хотя Лао-Си и „величайшій и можетъ быть единственный умозрительный философъ желтой расы“, какъ называлъ его Вл. Соловьевъ), а во-вторыхъ, цѣлый рядъ изрѣченій и афоризмовъ Лао-Си сами по себѣ заслуживаютъ вниманія—одни своею „вѣчностью“ (ученіе о тао, какъ умозрительное пріятіе міра), другіе своей „современностью“ (антимилитаристическія идеи) и, наконецъ, третьи своей видимой парадоксальностью, за которой скорѣе чувствуется, чѣмъ понимается, оригинальная, смѣлая мысль.

Біографическія данныя о Лао-Си, приводимыя въ книжкѣ Д. Конисси, довольно скудны, но это объясняется тѣмъ, что біографическій матеріалъ о немъ вообще очень невеликъ, если не считать безконечныхъ легендъ, окружающихъ имя философа. Главнѣйшимъ по достовѣрности источникомъ для жизнеописанія Лао-Си является китайскій историкъ Сымацянь. Кромѣ того, на нѣкоторыя черты въ жизни философа можно найти указанія въ самой книгѣ его „Тао-те-кингъ“.

„Годъ рожденія Лао-Си,—говоритъ авторъ разсматриваемой нами книжки,—неизвѣстенъ; его относятъ къ началу VI-го вѣка до Р. Х. Хронологія всемірной исторіи, принятая въ современной Японіи, принимаетъ за годъ рожденія Лао-Си—604: этотъ же годъ указываетъ и извѣстный синологъ Julien

Можно думать, что Лао-Си былъ очень небогатъ, простъ, скроменъ, непритязателенъ.

Онъ былъ женатъ: Сымацянь сообщаетъ о сынѣ философа, Со, служившемъ въ военной службѣ, столь отрицаемой Лао-Си.

Лао-Си былъ начальникомъ императорскаго книгохранилища (или государственнаго архива), и этотъ фактъ указываетъ на то, что въ молодости онъ получилъ нѣкоторое образованіе.

Невзвѣстно ничего болѣе о служебной дѣятельности философа. Несомнѣнно лишь то, что свободный доступъ въ величайшее книгохранилище въ Китаѣ далъ Лао-Си возможность въ совершенствѣ узнать всю письменность Китая. Можно думать, что самое недовольство философа практической мудростью своего народа было порождено именно совершеннымъ знаніемъ этой мудрости. Съ другой стороны, пребываніе въ самомъ центрѣ политической жизни страны внушило Лао-Си критическое отношеніе къ тѣмъ ея формамъ, въ которыя она выливалась въ современномъ ему Китаѣ.

У историка Сымацяня сохранено извѣстіе о свиданіи Лао-Си съ Конфуціемъ. Впервые въ этомъ свиданіи обнаружились двѣ силы китайскаго міросознанія,—та, которая сдѣлала Китай Китаемъ, и та, которая дала ему только мудрую книгу, совершенно имъ не понятую: сила средняго „Конфуціанства“ и безсиліе Лао-Си, про котораго Вл. С. Соловьевъ сказалъ, что онъ „единственное исключеніе“ изъ „не великаго“ народа, въ которомъ „не было и великихъ людей“.

Свиданіе это имѣетъ долю историческаго вѣроятія (Конфуцій родился, по преданію, въ 551 году, стало быть, въ старости Лао-Си могъ его видѣть); если бъ оно и не имѣло этой доли, оно символически было бы неизбѣжно.

„Когда Конфуцій находился въ Сіу,—пишетъ Сымацянь,—то онъ посѣтилъ Лао-Си, чтобы услышать мнѣніе его относительно обрядовъ.

„Обрати вниманіе на то,—сказалъ Лао-Си Конфуцію,—что люди, которые учили народъ, умерли, и кости ихъ уже давно истлѣли, но слова ихъ досель существуютъ. Когда мудрецу благопріятствуютъ обстоятельства, онъ будетъ разъѣзжать на колесницахъ,—когда же нѣтъ, онъ будетъ ходить, нося на головѣ тяжесть, держась руками за края ея. Я слышалъ, что опытный купецъ скрываетъ свой товаръ, какъ будто ничего не имѣетъ. Точно такъ же, когда

мудрецъ имѣетъ высокую нравственность, то наружность его этого не выражаетъ. Ты брось свою гордость, вмѣстѣ со всякаго рода страстями; оставь свою любовь къ прекрасному, вмѣстѣ съ наклонностью къ чувственности, потому что онѣ безполезны для тебя. Вотъ что я говорю тебѣ, и больше ничего не скажу".

Удалившись отъ нашего мудреца, Конфуцій сказалъ своимъ ученикамъ: „Я знаю, что птицы умѣютъ летать, рыбы умѣютъ плавать въ водѣ и животныя умѣютъ бѣгать. Также знаю, что бѣгущихъ можно остановить тенетами, плавающихъ—сѣтями, а летающихъ—силками. Но, что касается дракона, то я не знаю ничего. Онъ несется на облакахъ и поднимается на небо. Я сегодня увидѣлъ Лао-Си. Не драконъ ли онъ".

Опредѣляя сущность религіознаго сознанія китайцевъ, арх. Хрисанѳъ говоритъ: „Всѣ священныя или авторитетныя книги Китая—по преимуществу содержанія нравственно-практическаго. Но ни одно изъ заключенныхъ въ нихъ нравственныхъ правилъ не возвышается надъ обычными, естественными требованіями такъ называемой житейской мудрости, житейскаго разсчета". Именно обладателемъ такой мудрости представалъ предъ Лао-Си Конфуцій и въ лицѣ его какъ бы самъ Китай представалъ предъ Лао-Си; выслушалъ его почтительно, назвалъ его дракономъ,—и ничему не научился отъ него. Судьба Лао-Си была совершенно такая же: въ Китаѣ его выслушали, не только назвали дракономъ, но обожествили,—и все же, какъ отъ Конфуція въ повѣствованіи историка, ушелъ Лао-Си отъ Китая на западъ, къ варварамъ.

Лао-Си оставилъ государственную службу, недовольный теченіемъ общественныхъ и политическихъ дѣлъ, и удалился въ уединеніе — поступокъ, единственный, можетъ быть, во всей исторіи Китая до Лао-Си. Онъ посвятилъ свою жизнь созерцанію и размышленію; поселился въ уединенной пещерѣ и тамъ-то, по преданію, обдумалъ свою книгу. Объ уединеніи Лао-Си писалъ въ ней: „Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ пріобрѣтево доброе имя, то лучше всего удалиться".

Это аскетическое устремленіе Лао-Си къ уединенію, молчанію и созерцанію, есть отрицаніе, по существу, всего китайскаго религіознаго сознанія и дѣйствованія. Китаецъ, по опредѣленію нашего извѣстнаго синолога Георгіевскаго, „это конфуціанецъ въ теоріи (всего чаще) и на практикѣ (почти всегда), это человѣкъ, полагающій цѣль своей жизни въ личномъ земномъ благоденствіи и пользующійся для достиженія цѣли сыновнимъ благочестіемъ, какъ средствомъ основнымъ, обусловливающимъ всѣ другія средства" Съ этой точки зрѣнія, очевидно, не было болѣе некитайскаго китайца, чѣмъ Лао-Си съ его „уходомъ" изъ Китая для исканія возможности желаемой имъ совершенной аскезы.

По преданію, сообщемому Сыма-цянемъ, направляясь на западъ, Лао-Си достигъ горнаго прохода, находившагося на границѣ имперіи. Тамъ его встрѣтилъ начальникъ пограничной стражи Инъ-Си (или Инъ-Си), бывшій глубокимъ почитателемъ философа. Полагая, что Лао-Си хочетъ исчезнуть навсегда, Инъ-Си сказалъ ему: „Философъ! ужели ты думаешь скрыться? Если такъ, то прошу—изложи сначала свое ученіе для нашего наставленія". Въ отвѣтъ на это Лао-Си написалъ свою книгу „Тао-Те-Кингъ".

Это преданіе о созданіи „Тао-Те-Кинга" недостовѣрно: совершенно очевидно, что книга Лао-Си, пестрая по составу, не цѣльная даже по главамъ, написана въ разное время и есть сборникъ афоризмовъ, составлявшихся по разнымъ случаямъ и при различныхъ обстоятельствахъ.

О жизни Лао-Си въ его уединеніи неизвѣстно ничего. Сыма-цянь пишетъ лишь: „Нѣкоторые думаютъ, что Лао-Си жилъ до 160 лѣтъ отъ роду, другіе—до 200 лѣтъ, благодаря своей святой жизни, согласной съ Тао". Древнія китайскія изображенія Лао-Си рисуютъ его уѣзжающимъ на западъ на быкѣ; его изображаютъ при этомъ съ большой бородой—признакъ, что философъ, уѣзжая, уже достигъ 60-лѣтняго возраста, такъ какъ лишь съ этого возраста китайцамъ разрѣшалось ношеніе бороды. О внѣшности Лао-Си существуетъ апокрифическое свидѣтельство въ исторіи Сыма-цяня: „Лао-Си былъ высокаго роста: цвѣтъ лица у него былъ желтый, красивыя брови, длинные уши, широкій лобъ, рѣдкіе и некрасивые зубы, четырехъугольный ротъ съ толстыми и безобразными губами".

Отъ Лао-Си ведетъ свое начало даосизмъ (или таосизмъ), распространенное въ Китаѣ, въ простомъ народѣ, вѣроученіе. Даосизмъ есть самый разнородный составъ всякаго рода вѣрованій и пріемовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, даже не старающихся обобщиться посредствомъ какой-нибудь системы.

Но при всѣхъ его противорѣчіяхъ и нелѣпостяхъ, даосизмъ есть выходъ къ совсѣмъ иному религіозному сознанію или состоянію, чѣмъ мертвый позитивизмъ китайщины.

Величайшее знаніе, данное Лао-Си даосамъ, вѣрнымъ своимъ, это—знаніе безсмертія, путь

къ практическому достиженію безсмертія. Въ даосскихъ системахъ есть все: миѳологія, астрологія, космологія, теогонія, магія, медицина, практическая аскеза (напр., пріемы дыханія, практика созерцаній и проч.), — но все это только для того, чтобъ овладѣть безсмертіемъ тутъ же, на землѣ, чтобы возвестись на небо „для принятія должности на небѣ“. Эта жажда почти осязаемаго безсмертія есть то, что, можетъ быть, наиболѣе презираемо китайцами въ даосизмѣ, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе чуждаго китайцу и китаизму, какъ какая бы то ни было идея безсмертія „Будущаго для китайца нѣтъ, тѣмъ болѣе будущаго за предѣлами этого міра. Замѣчательно, что китаецъ, скептически относясь къ вопросу о будущей жизни человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ не разсуждаетъ и о будущемъ всего міра или о концѣ вселенной. Въ его религіозной доктринѣ нѣтъ эсхатологіи, нѣтъ слова о концѣ міра, какъ нѣтъ слова и о его началѣ. Онъ знаетъ только фактъ бытія вселенной. О томъ, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, онъ не хочетъ знать. Это человѣкъ факта и тихаго, спокойнаго, но постояннаго матеріальнаго труда“ (арх. Хрисанѳъ).

Даосскія легенды показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что и китайскій „человѣкъ факта“ не избѣжалъ жажды безсмертія „ну, хоть маленькаго, малюсенькаго“ (Достоевскій). Въ этомъ смыслѣ, какъ ни грубъ и ни пестръ по своему составу даосизмъ, онъ— все-таки дѣтище того *единственнаго* изъ китайцевъ, которому тяжело бло оставаться китайцемъ до конца и который бѣжалъ изъ Китая къ какой-то новой религіозной дѣйствительности.

Дракономъ взлетающимъ, а не покоящимся на божественной серединѣ, назвалъ Конфуцій-Китай сѣдого младенца Лао-Си, — и этотъ драконъ есть единственный за тысячелѣтнюю исторію Китая, который хотѣлъ возлетѣть къ небу.

Когда Л. Н. Толстой узналъ, что Лао-Си переводится съ китайскаго языка на русскій, выразилъ готовность помочь точности перевода, сравнивая его съ переводами англійскими, французскими и нѣмецкими, но, несмотря на это, нужно думать, что „Тао-те-кингъ“ все же сильно пострадалъ въ переводѣ, такъ какъ мысль многихъ афоризмовъ и изреченій остается очень неясной и туманной. Здѣсь мы приводимъ лишь незначительное число этихъ изреченій, съ нашей точки зрѣнія, заслуживающихъ вниманія.

О, безпредѣльно великое Тао!
Оно справа и слѣва.

Вся тварь появилась на свѣтъ, благодаря ему; оно не отталкиваетъ ея отъ себя.

Заслуги Тао велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляетъ о всѣхъ вещахъ съ любовью, но не желаетъ быть господиномъ ихъ.

Такъ какъ оно не имѣетъ никакой страсти, то оно называется ничтожнымъ.

Его можно назвать маленькимъ, ибо мельчайшая вещь превращается въ него.

Всѣ существа подчиняются ему, но оно не считаетъ себя господиномъ ихъ; поэтому его можно назвать великимъ.

Мудреца нельзя назвать великимъ, хотя онъ совершаетъ великія дѣла.

Причина того, что святой легко достигаетъ величія, заключается въ томъ, что онъ не величаетъ самого себя.

Когда ученый услышитъ о Тао, то будетъ стараться осуществить услышанное (въ жизни).

Когда человѣкъ средней руки услышитъ о Тао, то не будетъ соблюдать его до конца жизни.

Когда мало ученый услышитъ о Тао, то онъ будетъ глумиться надъ нимъ.

Если бы надъ нимъ не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао. Поэтому сказано слѣдующее:

Тотъ, кто разумѣетъ очевидное Тао, кажется облеченнымъ мракомъ; тотъ, кто идетъ впередъ, держась Тао, кажется идущимъ назадъ; тотъ, кто на высотѣ Тао, кажется обыкновеннымъ смертнымъ.

Человѣкъ высшей добродѣтели похожъ на долину.

Человѣкъ высшей чистоты похожъ на презираемаго.

Человѣкъ высшей нравственности похожъ на неспособнаго.

У большого четыреугольника не видно угловъ.

Самый громкій голосъ не слышенъ.

Большое изображеніе не имѣетъ никакой формы.

Тао скрыто отъ насъ, поэтому оно не имѣетъ имени.

Никто не сообщалъ Тао его достоинства, а добродѣтели—ея цѣнности: но они сами собой вѣчно обладаютъ ими.

Поэтому Тао производитъ вещи, питаетъ ихъ, даетъ имъ расти, совершенствуетъ, дѣлаетъ зрѣлыми, кормитъ и защищаетъ.

Оно производитъ ихъ и не дѣлаетъ ихъ своими; дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть, и не хвалится ими; оно царствуетъ надъ ними и оставляетъ ихъ свободными.

Вотъ что называютъ глубокой добродѣтелью.

Сродниться съ Тао невозможно; пренебрегать имъ нельзя; воспользоваться имъ непозволительно; повредить ему никто не можетъ; чтить его нѣтъ основанія; презирать его также нѣтъ причины.

Небесное Тао не имѣетъ родственниковъ, поэтому оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ.

——

Чтобы не было ссоръ въ народѣ, нужно не уважать мудрецовъ.

Чтобы люди не сдѣлались ворами, нужно не придавать значенія трудно добываемымъ (цѣннымъ) предметамъ, потому что когда люди не будутъ имѣть тѣхъ предметовъ, которые бы прельстили ихъ сердца, они никогда не соблазнятся ими.

Когда оставлены святость и мудрость, то польза народа увеличится во сто разъ.

Когда покинуты всякаго рода лукавство и выгоды, то воровъ не будетъ.

Одной только внѣшностью достигнуть этихъ трехъ (качествъ) невозможно. Для этого необходимо быть болѣе простымъ и менѣе способнымъ и безстрастнымъ.

Когда въ странѣ много такого, что должно быть уничтожено, народъ обѣднѣетъ.

Когда въ странѣ много удобныхъ машинъ, то народъ перестаетъ работать.

Когда въ народѣ много искусныхъ мастеровъ, то увеличится число чудовищныхъ вещей.

Когда въ государствѣ много законовъ и постановленій, то число преступниковъ увеличивается.

Народъ не боящійся смерти нельзя страшить смертью.

Народъ, пріученный бояться смерти, нельзя страшить дѣлами, могущими причинить ему смерть.

——

Благоустроенное войско есть нечестивое орудіе, есть предметъ, по сноему существу, злой.

Войско есть нечестивое орудіе, поэтому оно не можетъ быть орудіемъ для (истинно) мудрыхъ. Отсюда оно и употребляется только въ неизбѣжныхъ случаяхъ.

Хотя война ставитъ, быть можетъ, цѣлью спокойствіе, но она несомнѣнное зло.

Еслибъ она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей.

Любящій убивать людей не можетъ осуществить свой добрый замыселъ въ мірѣ.

Когда сдѣлается извѣстной побѣда, то слѣдуетъ встрѣтить эту вѣсть съ траурнымъ обрядомъ, ибо на войнѣ очень многіе погибаютъ.

Такъ какъ на войнѣ очень многіе погибаютъ, то слѣдуетъ оплакивать войну.

Когда война окончится побѣдою, слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ.

Истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не воюетъ.

Когда нѣтъ враговъ, то не бываетъ войны.

——

Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Хотя въ мірѣ нѣтъ предмета, который былъ бы слабѣе и нѣжнѣе воды, но она можетъ разрушить самый твердый предметъ.

Въ мірѣ нѣтъ вещи, которая побѣдила бы воду, ибо она нѣжнѣе и слабѣе всѣхъ вещей.

Извѣстно, что слабое существо побѣждаетъ сильное, нѣжное—крѣпкое, но никто этого не признаетъ.

Голосъ истины противенъ слуху.

Причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ (по которымъ текутъ рѣчки), заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ.

Умѣющій пользоваться людьми охотно занимаетъ низкое мѣсто, что называется добродѣтелью безъ сопротивленія, средствомъ для (благоразумнаго) пользованія (услугами) людей и, наконецъ, согласованіемъ съ Небомъ.

Я изучаю тѣло по тѣлу, домъ по дому, деревню по деревнѣ, страну по странѣ и, наконецъ, весь міръ по всему міру.

Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

Какъ я могу постигнуть, почему въ мірѣ такой порядокъ, а не иной?

О, бѣда! Гдѣ благо, тамъ и несчастіе.

О, благо! Гдѣ бѣда, тамъ и счастіе.

Но я не знаю, гдѣ оканчивается бѣда и гдѣ начинается счастіе.

Гдѣ нѣтъ правды, тамъ люди будутъ относиться къ правдѣ, какъ къ чему-то странному,—къ добру, какъ къ призрачному.

Кто силенъ и дерзокъ, тотъ убьетъ людей.

Кто силенъ, но не дерзокъ, тотъ оживитъ людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знаетъ, почему небо любитъ одинъ предметъ, а другой нѣтъ. Рѣшить этотъ вопросъ даже святой мужъ не можетъ.

Новорожденный младенецъ нѣженъ и слабъ.

Трупъ мертвеца крѣнокъ и не гибокъ.

Только что распустившееся растеніе нѣжно и слабо.

Засохшее растеніе твердо и не гибко.

Отсюда ясно, что нѣжное и слабое живетъ.

Сильное войско не побѣдоносно.

Нельзя поломать связку прутьевъ.

Сильное находится внизу, а слабое—наверху.

Кто думаетъ, что постигъ все, тотъ ничего не знаетъ.

Кто доволенъ самимъ собою, тотъ не можетъ прославиться.

Кто хвастается, тотъ не можетъ имѣть заслуги.

Кто гордъ, тотъ не можетъ возвыситься.

Нравственный человѣкъ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Краснорѣчивый не сдѣлаетъ ошибки въ своихъ рѣчахъ.

Побѣдоносный полководецъ не употребляетъ никакой хитрости.

Если что крѣпко заперто, то (оно), хотя и безъ замковъ, не отпирается.

Если что крѣпко связано, то (оно), хотя и безъ замысловатыхъ узловъ, не развязывается.

Тотъ, кто знаетъ свою силу и сохраняетъ свою слабость, сдѣлается долиной вселенной.

Когда онъ будетъ долиной вселенной, то въ немъ будетъ пребывать вѣчная добродѣтель.

Человѣкъ вторично возвращается въ состояніе младенца (Тао).

Кто знаетъ глубину своего просвѣщенія и остается въ невѣжествѣ, тотъ сдѣлается примѣромъ всего міра.

Кто будетъ примѣромъ всего міра, тотъ не измѣнитъ вѣчной добродѣтели и возвратится къ совершенству (Тао); онъ познаетъ славу Его.

Кто дѣйствуетъ, сильно желая завладѣть вселенной, тотъ никогда не достигнетъ желаемаго, потому что вселенная есть божественное орудіе, поэтому распоряжаться ея судьбою никто не въ правѣ.

Отсюда, кто покушается на это, тотъ нарушаетъ порядокъ міра; кто хочетъ завладѣть имъ, тотъ немедленно потеряетъ его.

Знающій людей разуменъ, а знающій себя самого прозорливъ.

Побѣждающій другихъ силенъ, а побѣждающій самого себя могущественъ.

Довольствующійся самимъ собой—богатъ.

Не отступающій отъ своего назначенія долговѣченъ.

Люди высшей нравственности не считаютъ себя нравственными; поэтому они имѣютъ высшую нравственность.

Благородные люди смотрятъ на неблагородныхъ, какъ на свое начало; высшіе смотрятъ на низшихъ, какъ на свое основаніе.

Великое совершенство похоже на несовершенство, но оно неистощимо (хотя безпрестанно употребляется).

Великая полнота похожа на пустоту, но польза ея неизмѣрима.

Великая прямота кажется непрямой.

Великій мастеръ кажется тупымъ.

Великій ораторъ кажется заикающимся.

Достигшій нравственнаго совершенства похожъ на младенца.

Вредоносныя насѣкомыя не укусятъ его; дикіе звѣри не сдѣлаютъ ему вреда; хищныя птицы не вонъются въ него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но онъ будетъ держать предметъ очень крѣпко.

Хотя онъ не знаетъ, какъ совокупляется самецъ съ самкою и какъ образуется зачатокъ во чревѣ, но ему извѣстно до подробности все, что совершается въ мірѣ.

Хотя онъ кричитъ цѣлый день, но голосъ его никогда не ослабѣетъ, ибо въ немъ (голосѣ) существуетъ полнѣйшая гармонія.

Знаніе гармоніи называется постоянствомъ.

Званіе постоянства называется очевидностью.

Знающій много молчаливъ, а говорящій много не знаетъ ничего.

Кто, зная много, держитъ себя, какъ незнающій ничего, тотъ—нравственный мужъ.

Кто, не зная ничего, держитъ себя, какъ знающій много, тотъ боленъ.

Голосъ истины неизященъ, а изящная рѣчь лжива.

Нравственный человѣкъ не краснорѣчивъ, а краснорѣчивый—лжецъ.

Мудрецъ не знаетъ многаго, а знающій много—не мудрецъ.

Мистицизмъ, какъ признакъ вырожденія.

(По Максу Нордау.)

Съ Максомъ Нордау, дождавшимся наконецъ „собранія сочиненій“ и на русскомъ языкѣ, какъ бы вновь знакомится теперь наша публика. Пожалуй, даже правильнѣе будетъ сказать, относительно массы, а то и большинства *нынѣшнихъ* читателей,—не „вновь“, а „впервые“: очень и очень многимъ выпускаемое изданіе несетъ съ собою именно первое серьезное знакомство съ этимъ блестящимъ, когда-то довольно популярнымъ у насъ, нѣмецкимъ писателемъ. Поэтому смѣло можно

разсматривать настоящее русское изданіе „полнаго“ Нордау, какъ своего рода литературную новинку и предложить вниманію читателей „Бюллетеней“ наиболѣе значительныя въ томъ или другомъ отношеніи страницы его.

Для начала мы остановимся на второй части прошумѣвшаго въ свое время „Вырожденія“ (т. I), гдѣ Максъ Нордау говоритъ о мистицизмѣ.

Читатель нашего журнала, привыкшій встрѣчать на его столбцахъ то пониманіе и ту оцѣнку мистическихъ настроеній, исканій, достиженій, какія предлагаютъ сами мистики, или по крайней мѣрѣ авторы, близкіе къ ихъ воззрѣніямъ по складу ума, здѣсь, въ данной замѣткѣ, попадаетъ въ совершенно иную атмосферу—безпощадно критическаго отношенія ко всему, что связано съ представленіемъ о мистикѣ, „тайновидцахъ“ и „духовидцахъ“.

Истина рождается изъ столкновенія мнѣній. Вопросъ о мистицизмѣ сейчасъ тѣмъ болѣе требуетъ серьезнаго, всесторонняго обсужденія, что снова наблюдается—и въ европейскомъ и въ американскомъ обществѣ, въ частности, и среди русской интеллигенціи—нѣкоторое усиливающееся тяготѣніе къ мистическимъ проблемамъ (см. „Бюл.“ № 5) и, что касается Россіи, уже поспѣшили у насъ связать этотъ отечественный „поворотъ къ мистицизму“ исключительно съ отечественными же, временными, притомъ чисто внѣшними, *политическими* условіями—съ крушеніемъ революціи и торжествомъ реакціи.

Предварительно напомнимъ, въ чемъ Нордау вообще усматриваетъ вырожденіе культурнаго человѣчества и причины этого печальнаго явленія. По его убѣжденію, опирающемуся на изслѣдованія и наблюденія спеціалистовъ, къ неврастеніи, истеріи и, далѣе, къ вырожденію ведутъ физическое истощеніе и нервное утомленіе, въ свою очередь вызываемыя (главнымъ образомъ) водоворотомъ все развивающейся городской жизни, съ одной стороны, и регулярнымъ истребленіемъ всякихъ возбуждающихъ веществъ, съ другой, словомъ—„вліяніемъ современной культуры“. Въ результатѣ получается: неспособность противостоять какому-нибудь внезапному внутреннему побужденію къ поступку (импульсивность); нерасположеніе къ дѣлу, доходящее до отвращенія къ дѣятельности и полнаго ослабленія воли (абулія); неспособность сосредоточить свое вниманіе на одномъ пунктѣ; склонность къ мучительнымъ сомнѣніямъ и неразрѣшимымъ вопросомъ; пессимизмъ; непомѣрный эгоизмъ, — самовлюбленность, полное равнодушіе ко всему, что не—„я“ (эготизмъ), и другія второстепенныя „стигмы“ (клейма) вырожденія*). Но впереди всѣхъ этихъ „стигмъ“, или стигментовъ, у М. Нордау стоитъ „мистическая манія“...

„Мистицизмъ,—утверждаетъ онъ,—одинъ изъ главныхъ признаковъ вырожденія. Онъ — постоянный спутникъ послѣдняго, такъ что едва ли существуетъ хоть одна исторія болѣзни дегенерата, гдѣ его нельзя было бы замѣтить. Приводить по этому поводу мнѣнія авторитетовъ почти такъ же безполезно, какъ доказывать такимъ же способомъ, что при тифѣ наблюдается повышеніе температуры тѣла.

Что собственно слѣдуетъ понимать подъ этимъ нѣсколько неопредѣленнымъ выраженіемъ „мистицизмъ“?—Это слово означаетъ душевное состояніе, во время котораго думаютъ, что воспринимаютъ или чувствуютъ неизвѣстныя и неясныя отношенія между явленіями, узнаютъ въ предметахъ указаніе на тайну и считаютъ образами, въ которыхъ темныя силы стараются раскрыть или же объяснить всевозможныя чудеса, которыя мы, по большой части, тщетно силимся разгадать. Это душевное состояніе всегда связано съ сильными возбужденіями духа, которыя сознаніе разсматриваетъ какъ слѣдствіе своихъ предчувствій, хотя, наоборотъ, именно эти эмоціи предшествуетъ предчувствіямъ: послѣднія ими вызваны и получаютъ отъ нихъ свое особенное направленіе или окраску.

Мистикъ представляетъ себѣ всѣ явленія міра и жизни не такъ, какъ здоровый человѣкъ. Простѣйшее слово, которое онъ слышитъ, кажется ему указаніемъ на нѣчто таинственное; въ самыхъ обыкновенныхъ и естественныхъ движеніяхъ онъ видитъ скрытый знакъ; всѣ вещи имѣютъ для него глубокую подоснову; онѣ набрасываютъ длинную тѣнь на сосѣднія области; онѣ пускаютъ длинные корни въ глубоколежащіе слои. Всякій образъ, выплывающій въ ихъ душѣ, таинственно молчаливымъ, но все-таки многоговорящимъ видомъ указываетъ на другіе, отчетливые и таинственные образы и заставляетъ связывать между собою представленія, въ которыхъ кто-нибудь другой не замѣтитъ никакой связи. Вслѣдствіе этой особенности своего мышленія мистикъ живетъ какъ бы окруженный таинственными масками, за которыми выглядываютъ загадочные глаза и которыя онъ разсматриваетъ съ постояннымъ страхомъ, такъ какъ онъ никогда не увѣренъ, знаетъ ли онъ лицо, скрывшееся отъ него за этимъ одѣяніемъ. „Вещи совсѣмъ не то, чѣмъ онѣ кажутся“,—вотъ характерное выраженіе, которое часто приходится слышать у мистиковъ.

*) См. т. I, стр. 30—54.

Въ значительномъ числѣ случаевъ патологическій образъ воспріятія доходитъ до галлюцинаціи, обыкновенно слуховой, но она можетъ касаться такъ же зрѣнія и другихъ чувствъ. Тогда мистикъ не ограничивается тѣмъ, чтобы только предполагать или отгадывать въ явленіяхъ и за ними что-нибудь таинственное; онъ слышитъ и видитъ реальные предметы тамъ, гдѣ для здоровыхъ людей нѣтъ ничего.

Психіатрическое наблюденіе довольствуется изображеніемъ этого душевнаго состоянія и констатируетъ его у дегенератовъ и истериковъ. Но этимъ вопросъ не исчерпывается. Мы желаемъ также знать, въ какой формѣ выродившійся и истощенный мозгъ поддается мистицизму.

...Способность къ ассоціаціи идей, только благодаря вниманію, становится полезной особенностью организма, и вниманіе есть не что иное, какъ способность воли опредѣлять точность, степень ясности, продолжительность и исчезновеніе представленій. Чѣмъ сильнѣе воля, тѣмъ совершеннѣе мы можемъ приспособить весь нашъ организмъ къ данному представленію, тѣмъ больше впечатлѣній, служащихъ къ уясненію его, мы можемъ себѣ создать, тѣмъ больше мы вызываемъ въ памяти путемъ ассоціаціи идей образовъ, дополняющихъ и исправляющихъ наше представленіе, тѣмъ рѣшительнѣе подавляются представленія, нарушающія его и чуждыя ему, однимъ словомъ, тѣмъ болѣе исчерпывающимъ образомъ и тѣмъ правильнѣе получается наше познаніе явленій и ихъ истинной связи.

Культура, господство надъ силами природы—единственно составляютъ результатъ вниманія, всѣ заблужденія, всѣ предразсудки—результатъ недостатка его. Ложныя представленія о связи явленій возникаютъ благодаря недостаточному наблюденію и исправляются при болѣе точномъ наблюденіи. Но наблюдать, значитъ—сознательно доводить до мозга опредѣленныя чувственныя впечатлѣнія и, такимъ образомъ, усиливать группу представленій до такой степени силы и ясности, что она пріобрѣтаетъ въ сознаніи первенство и путемъ ассоціаціи идей будитъ въ немъ пригодные ей образы и подавляетъ несоединенные съ ней. Итакъ, наблюденіе, лежащее въ основѣ всякаго прогресса, является приспособленіемъ (благодаря вниманію) органовъ чувствъ и ихъ центровъ воспріятія къ господствующему въ сознаніи представленію или группѣ представленій.

Вниманіе не оставляетъ въ сознаніи никакихъ темныхъ мѣстъ. Воля или усиливаетъ всякое возникающее представленіе до полной ясности и отчетливости, или, если этого не можетъ сдѣлать, уничтожаетъ его совершенно. Сознаніе здороваго, сильнаго волей и вслѣдствіе этого внимательнаго человѣка, подобно ярко освѣщенному пространству, на которомъ глазъ отчетливо видитъ всѣ предметы, гдѣ всѣ очертанія рѣзки и гдѣ нѣтъ неопредѣленныхъ тѣней.

Вниманіе, такимъ образомъ, предполагаетъ свою силу воли, а послѣдняя въ свою очередь свойственна только нормально развитому и не истомленному мозгу. Что же касается дегенерата, мозъ и нервная система котораго характеризуются наслѣдственнымъ недостаткомъ развитія или ненормальностями, истерика, котораго мы признали за истощеннаго субъекта, то у нихъ или совершенно отсутствуетъ воля или только въ очень ограниченной степени. Слѣдствіемъ слабости воли или отсутствія ея является неспособность быть внимательнымъ.

Дѣятельность мозга у дегенератовъ и истериковъ, не руководимая и не направляемая вниманіемъ, произвольна, не планомѣрна и не цѣлесообразна. Представленія вызываются въ сознаніи игрою неопредѣленной ассоціаціи идей и могутъ поэтому свободно разгуливать. Они возникаютъ и исчезаютъ автоматически, и воля не стремится усилить ихъ или подавить. Рядомъ появляются представленія, другъ другу чуждыя, исключающія одно другое. Такъ какъ они пріобрѣтаются сознаніемъ въ одно время и приблизительно одинаковой силы, то оно связываетъ ихъ другъ съ другомъ въ одну идею, соотвѣтственно закону своей дѣятельности, идею, по необходимости нелѣпую и безсильную выразить дѣйствительное отношеніе явленій.

Недостатокъ или слабость вниманія приводитъ, такимъ образомъ, прежде всего къ ложнымъ сужденіямъ о мірѣ, свойствахъ вещей и ихъ взаимномъ отношеніи. Сознаніе пріобрѣтаетъ искаженный и неопредѣленный образъ внѣшняго міра. Но является еще одно послѣдствіе этого. Хаотическій потокъ раздраженій будитъ вдоль путей ассоціаціи идей и анатомическаго сосѣдства дѣятельность ближе, дальше и совсѣмъ далеко расположенныхъ группъ клѣточекъ, которыя сами по себѣ остались бы неподвижными, и работаетъ только такое количество времени, съ такой силой или слабостью, какъ это опредѣляется степенью раздраженія. Въ сознаніи возникаютъ свѣтлыя, болѣе темныя и совершенно темныя представленія, черезъ нѣкоторое время опять исчезающія, безъ объясненія своей первоначальной степени отчетливости. Ясныя представленія даютъ какую-нибудь идею, но она не можетъ ни одно мгновеніе стать прочнѣе или ясиѣе,

потому что къ опредѣленнымъ представленіямъ, изъ которыхъ она состоитъ, примѣшиваются также другія, которыя сознаніе воспринимаетъ только неотчетливо или совсѣмъ не воспринимаетъ.

Подобныя неясныя представленія выступаютъ также у здороваго человѣка за порогъ сознанія, но вниманіе тотчасъ овладѣваетъ ими, чтобы разъяснить ихъ совершенно или совершенно подавить. Эти созвучные обертоны всякой идеи могутъ, стало быть, стать чистымъ основнымъ тономъ. Возникающія тѣни идей не могутъ оказать никакого вліянія на мышленіе, потому что или вниманіе ихъ достаточно ясно освѣтитъ или онѣ сходятъ назадъ въ подземелье безсознательности. Иное дѣло у дегенератовъ и истощенныхъ, страдающихъ слабостью воли и недостаткомъ вниманія.

Блѣдныя, едва узнаваемыя пограничныя представленія одновременно воспринимаются съ хорошо освѣщенными представленіями всего предмета. Сужденіе становится колеблющимся, текучимъ, какъ туманное зимнее утро. Сознаніе, подмѣчающее духовно прозрачныя, безформенныя пограничныя представленія, тщетно пытается ихъ понять и называетъ ихъ, не понимая, какъ можно туманнымъ очертаніямъ приписывать подобіе вещей или существъ. Кто пробоналъ въ темную ночь узнать явленія, происходящія на отдаленномъ горизонтѣ, тотъ можетъ составить себѣ представленіе о той картинѣ, которая наполняетъ міръ идей слабосильнаго. Онъ видитъ тамъ какую-то темную массу. Что это? Дерево? Стогъ сѣна? Разбойникъ? Хищный звѣрь? Спасаться? Итти на него? Невозможность понять скорѣе чувствуемые, чѣмъ воспринимаемые предметы, наполняетъ безпокойствомъ и страхомъ. Таково душевное сознаніе истощеннаго лицомъ къ лицу съ его представленіями. Онъ видитъ въ нихъ сто предметовъ заразъ и придаетъ имъ всѣ формы, какія онъ замѣтилъ въ связи съ главнымъ представленіемъ, которое возбудилъ предметъ. Но онъ очень хорошо чувствуетъ, что эта связь непостижима и неясна. Онъ связываетъ представленія въ идею, стоящую въ противорѣчіи съ опытомъ, но все-таки равноцѣнную для него со всѣми его остальными идеями и сужденіями, возникшими у него тѣмъ же манеромъ, какъ и эта. И если онъ самъ захочетъ себѣ выяснить, какое собственно содержаніе заключается въ его сужденіи, изъ какихъ отдѣльныхъ представленій оно составлено, то онъ замѣтитъ, что этихъ представленій фактически нѣтъ, а есть неопредѣленныя тѣни представленій, которымъ онъ тщетно старается подобрать названіе. Это состояніе ума, при которомъ стараются видѣть и думаютъ, что видятъ, но не видятъ, при которомъ идеи должны быть образованы изъ представленій, дразнящихъ и смущающихъ сознаніе, какъ блуждающіе огни или паръ надъ болотомъ, при которомъ нельзя вообразить себѣ послѣдовательныя отношенія между отчетливыми явленіями и безформенными, имѣющими нѣсколько значеній схемами,— такое состояніе ума и духа вообще мы называемъ мистицизмомъ.

Туманному мышленію мистика соотвѣтствуетъ его неопредѣленный способъ выраженія. Слово, даже самое абстрактное, имѣетъ конкретное представленіе или составлено изъ общихъ свойствъ самыхъ разнородныхъ представленій, по своему содержанію все же обнаруживающихъ свое конкретное происхожденіе. Ни на одномъ языкѣ нѣтъ слова для того, что представляется какъ въ туманѣ. Но въ сознаніи мистика имѣются подобныя призрачныя представленія безъ очертаній и другихъ свойствъ, которому онъ придаетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ весь міръ или же чувствуетъ недостаточность созданнаго здоровыми людьми языка и пишетъ свое собственное слово, непонятное вообще для другого и съ туманно хаотическимъ содержаніемъ, извѣстнымъ только одному, или, наконецъ, онъ соединяетъ различныя значенія, даваемыя имъ сноимъ безформеннымъ представленіямъ, въ такое же количество словъ и преподноситъ тогда тѣ смутныя сопоставленія, исключающія другъ друга, которыхъ никоимъ образомъ нельзя связать въ одно выраженіе и которыя такъ характерны для мистика.

Большинство людей не имѣетъ ни самодовѣрія, ни способности сужденія и не можетъ отказаться отъ естественной склонности соединять со всякимъ словомъ какой-нибудь смыслъ. Такъ какъ слова мистика и сами по себѣ и въ ихъ сопоставленіи не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла, то послѣдній представляютъ произвольно, придавая ему таинственное значеніе, какъ гласитъ удачное выраженіе объ этихъ операціяхъ. Вліяніе мистическихъ формъ выраженія на людей, легко поддающихся внушенію, поэтому очень велико. Онѣ заставляютъ ихъ думать, какъ они это называютъ, т.-е. онѣ позволяютъ имъ предаваться всевозможнымъ мечтамъ, что гораздо удобнѣе и, поэтому, пріятнѣе, чѣмъ затруднительное размышленіе надъ совершенно опредѣленными, недопускающими отклоненій и исключеній представленіями и идеями. Онѣ приводятъ его умъ въ то же состояніе мышленія путемъ непослѣдовательной ассоціаціи идей, которое свойственно мистику, онѣ пробуждаютъ его многосмысленныя, невы-

разумныя предѣльныя представленія, и опѣ же даютъ ему предчувствіе самыхъ неестественныхъ, самыхъ невозможныхъ отношеній между вещами. Всѣ слабыя головы считаютъ поэтому мистика „глубокимъ“, и это названіе, благодаря примѣненію, полученному имъ въ устахъ подобныхъ господъ, пріобрѣло почти оскорбительный характеръ.

Содержаніе мистическаго мышленія опредѣляется характеромъ и степенью образованія дегенерата и истерика. Никогда не слѣдуетъ забывать, что болѣзненно измѣненный или истощенный мозгъ только почва, требующая сѣмянъ отъ воспитанія, образованія, впечатлѣній и опыта жизни и т. д. Въ немъ не возникаютъ сѣмена, они только получаютъ въ немъ и благодаря ему свои особенныя стремленія къ развитію, свои уродливости, недоразвитія и безумные отпрыски. Естествоиспытатель, утерявшій способность къ вниманію, становится такъ называемымъ „натурфилософомъ“ или изобрѣтателемъ пространства съ четырьмя измѣреніями. Грубый и невѣжественный представитель низшихъ общественныхъ слоевъ подчиняется самымъ дикимъ предразсудкамъ. Религіозно воспитанный, начиненный догмами мистикъ распространяетъ свои туманныя представленія на вопросы вѣры и объявляетъ ихъ откровеніями о природѣ тріединства или существованія до рожденія и послѣ смерти. Впавшій въ мистицизмъ техникъ изнуряетъ себя невозможными изобрѣтеніями, думаетъ, что попалъ на слѣдъ открытія регрѣпит mobile, придумываетъ связь между землей и звѣздами, шахтами къ центру земли и т. п. Астрономъ становится астрологомъ, химикъ—алхимикомъ, отыскивающимъ философскій камень, математикъ — работающимъ надъ квадратурой круга или отыскивающимъ систему, въ которой понятіе прогресса выражается путемъ интеграціи и война 1870 г. посредствомъ уравненія и т. д.

Какъ извѣстно, мозговое вещество требуетъ раздраженія не только отъ периферическихъ нервовъ, но также извнутри организма, отъ нервовъ отдѣльныхъ органовъ и нервныхъ центровъ спинного мозга и симпатическаго нерва. Всякое состояніе раздраженія въ центрахъ вліяетъ на мозговыя клѣточки и вызываетъ въ нихъ болѣе или менѣе отчетливыя представленія, необходимо относящіяся въ дѣятельности центровъ, отъ которыхъ исходитъ раздраженіе. Нѣкоторые примѣры поясняютъ это людямъ непосвященнымъ.

Если организмъ испытываетъ потребность въ питаніи, стало быть, если мы голодны, то мы сознаемъ не только неопредѣленное стремленіе къ пищи вообще, но въ нашемъ умѣ возникаютъ также опредѣленныя представленія о кушаньяхъ, о накрытомъ столѣ, о всей обстановкѣ процесса ѣды. Если мы по какой-либо причинѣ, вслѣдствіе болѣзни сердца или легкихъ не можетъ свободно дышать, то мы не только жаждемъ воздуха, но у насъ возникаютъ сопровождающія представленія тревожнаго характера, предчувствіе неопредѣленной опасности, тяжелыя воспоминанія и т. д., т.-е. представленія явленій, дѣйствующихъ въ смыслѣ стѣсненія дыханія или возбужденія тоски. То же самое во снѣ—органическія раздраженія дѣйствуютъ на мозгъ, и мы имъ обязаны такими снами, содержаніе которыхъ относится къ дѣятельности органовъ, находящихся въ нормальномъ положеніи.

Извѣстно, что нервные центры нѣкоторыхъ органовъ, особенно половыхъ въ спинномъ и продолговатомъ мозгу, у дегенератовъ часто разстроены или болѣзненно возбуждены. Исходящія отъ нихъ раздраженія пробуждаютъ, поэтому, въ мозгу дегенерата представленія этого рода, болѣе или менѣе близко связанныя съ половой дѣятельностью, и эти представленія продолжительны, потому что вызывающія ихъ состоянія возбужденія такъ же продолжительны. Итакъ, въ сознаніи дегенерата на ряду съ прочими представленіями, вызванными различными раздраженіями внѣшняго міра, существуютъ всегда также представленія изъ области полового чувства, и субъектъ ихъ ко всему впечатлѣнію, полученному отъ существъ и вещей, присоединяетъ еще эротическія мысли.

Такимъ образомъ проявляются таинственныя отношенія между всевозможными явленіями дѣйствительности, между желѣзнодорожнымъ поѣздомъ, заглавіемъ газеты, фортепіано и т. д., и женщиной: при взглядѣ, словѣ, запахѣ, не вызывающихъ у здороваго человѣка подобныхъ впечатлѣній, вызываются возбужденія влюбленнаго, находящаго неизвѣстныя свойства въ этомъ взглядѣ, словѣ и т. д. Такъ происходитъ то, что мистицизмъ въ большинствѣ случаевъ носитъ отчетливую эротическую окраску и что мистикъ, объясняя свои неясныя предѣльныя представленія, всегда склоненъ приписывать имъ эротическое содержаніе. Смѣшеніе сверхчувственности и чувственности, религіозныхъ и любовныхъ мечтаній, смѣшеніе характеризующее мистическое мышленіе, поражало даже тѣхъ наблюдателей, которые не понимаютъ, куда относятся явленія этого рода.

...Мистицизмъ — обычное состояніе человѣка и вовсе не экстраординарное настроеніе его духа. Сильный мозгъ, вырабатывающій всякое

представленіе до полной ясности, сильная воля, правильно руководящая напряженнымъ вниманіемъ, — это дарованія довольно рѣдкія. Сумерки и мечтанія, свободное паренье причудливо извивающагося воображенія по ленто-образному пути ассоціаціи идей требуютъ меньшаго напряженія и поэтому предпочитаются трудной работѣ наблюденія и разумнаго сужденія. Такимъ образомъ сознаніе людей наполняется огромнымъ множествомъ неопредѣленныхъ представленій — тѣней, и, несомнѣнно, ясно они видятъ въ сущности только постоянно повторяющіяся явленія своей строго личной жизни, и среди послѣднихъ въ особенности тѣ, которыя являются объектомъ ихъ непосредственныхъ потребностей.

Итакъ, въ какой-нибудь части нашего духовнаго кругозора всякій изъ насъ является мистикомъ. Обо всѣхъ явленіяхъ, которыя человѣкъ самъ не наблюдалъ, онъ составляетъ себѣ туманныя, расплывчатыя представленія. Но все-таки здороваго человѣка легко можно отличить отъ того, который заслуживаетъ названіе мистика. Существуетъ одинъ ясный признакъ для обоихъ. Здоровый человѣкъ въ состояніи выбрать изъ своихъ непосредственныхъ воспріятій рѣзко очерченныя представленія и понять ихъ дѣйствительную связь. Мистикъ, напротивъ, смѣшиваютъ свои неясныя, туманныя пограничныя представленія съ непосредственными воспріятіями, которыя вслѣдствіе этого нарушаются и затемняются.

Даже самый суевѣрный крестьянинъ имѣетъ правильныя представленія о своей работѣ на полѣ, выкармливаніи своего скота и охраненіи границъ своего владѣнія. Онъ можетъ вѣрить въ вѣдьмъ, вызывающихъ погоду, потому что онъ не знаетъ, каково происхожденіе дождя, но ни одинъ мигъ не ожидаетъ, что за него будетъ пахать ангелъ. Онъ можетъ быть позволитъ благословить свое поле, потому что онъ не знаетъ дѣйствительныхъ условій произрастанія и всхода посѣва, но онъ никогда не упуститъ посѣва въ надеждѣ на сверхъестественную милость. У мистика, собственно, напротивъ, черезъ все проходитъ и все обнимаетъ непостижимое, потому что всѣ представленія, даже каждодневный его опытъ, безформенны; его недостатокъ вниманія дѣлаетъ его неспособнымъ познать дѣйствительную послѣдовательность даже самыхъ простыхъ явленій въ ихъ наиболѣе ясной связи и приводитъ его къ тому, что причиной ихъ онъ считаетъ какія-нибудь непонятныя туманныя представленія, двигающіяся и волнующіяся въ его сознаніи".

Увлеченіе „новыми школами" въ искусствѣ.

Въ первой части своего „Вырожденія" Максъ Нордау, разсматривая признаки дегенераціи и истеріи (см. предыдущую статью), подробно характеризуетъ одно подмѣченное имъ въ области литературы и искусства явленіе, и эта ядовитая, мастерски сдѣланная характеристика не только сохранила — въ общемъ — до нашихъ дней свою свѣжесть и вѣсъ, но и, повидимому, пріобрѣтаетъ теперь еще большую остроту, злободневность, такъ какъ многочисленные факты послѣдняго времени, и за границей и у насъ (футуризмъ, кубизмъ, эго-футуризмъ, кубо-футуризмъ, лучизмъ, бубново-валетизмъ, орфеизмъ, акмеизмъ, англійскій „Домъ поэтовъ" и т. д. и т. д.; см., напр., еще о добромъ десяткѣ „измовъ" въ № 5 „Бюл."— ст. „Кипѣніе во французской литературѣ"), показываютъ, что данное ненормальное явленіе уже грозитъ стать самымъ обиходнымъ, „нормальнымъ" въ художественной жизни Европы.

„Еще одно явленіе,—писалъ Нордау больше двадцати лѣтъ назадъ, — въ высшей степени характерно для дегенератовъ, съ одной стороны, истериковъ, съ другой, — это образованіе замкнутыхъ, рѣзко обособленныхъ отъ внѣшняго міра группъ и школъ, замѣчаемое у современныхъ художниковъ и литераторовъ.

Здоровые художники или писатели, духъ которыхъ находится въ состояніи нормальной уравновѣшенности, никогда не думаетъ о томъ, чтобы соединиться въ союзъ,—который можно по желанію назвать сектой и шайкой,—изобрѣтать катехизисъ, навязывать опредѣленныя эстетическія догмы и замыкаться въ нихъ съ фанатической нетерпимостью испанской инквизиціи. Если гдѣ-либо человѣческая дѣятельность индивидуальна, то это именно въ искусствѣ. Дѣйствительный талантъ—всегда субъективенъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ даетъ самого себя, свои личныя воззрѣнія и ощущенія, а не заученныя догмы какого-нибудь эстетическаго апостола; онъ слѣдуетъ своему собственному творческому побужденію, а не теоретической формулѣ, проповѣдуемой основателемъ какой-либо новой церкви въ искусствѣ или литературѣ; онъ облекаетъ свое произведеніе въ форму, органически ему необходимую, а не въ ту, какая объявляется необходимой правиломъ моды. Одинъ тотъ фактъ, что писатель или художникъ присягаетъ какому-нибудь лозунгу или „изму", что онъ выступаетъ со своей кучкой со знаменами и ту-

рецкимъ барабаномъ, вполнѣ доказываетъ недостатокъ его оригинальности, т.-е. отсутствіе таланта.

Если духовныя движенія какой-либо эпохи, даже совершенно здоровыя и плодотворныя, подводятся обыкновенно подъ главныя направленія, обладающія особыми названіями, то это все — дѣло историковъ литературы. Они, чтобы легче разобраться въ многосложности явленій, чтобы получить общую картину эпохи, наконецъ, для методологическаго удобства, вносятъ всѣ эти дѣленія и классификаціи. Но они почти всегда произвольны и искусственны. Самостоятельные умы (о простыхъ подражателяхъ здѣсь не говорится), объединяемые добросовѣстнымъ критикомъ въ одну группу, можетъ быть, дѣйствительно обнаруживаютъ извѣстное сходство, но въ дѣйствительности это результатъ не реальныхъ внутреннихъ отношеній родства, но чисто внѣшнихъ условій. Никто не въ состояніи совершенно уклониться отъ вліяній времени, и подъ впечатлѣніемъ господствующихъ въ данный мигъ научныхъ воззрѣній, во всѣхъ произведеніяхъ эпохи отражаются нѣкоторыя черты, какъ бы запечатлѣнныя печатью времени. Но люди, такъ естественно соединенные позже въ исторіи, что кажется, будто они образуютъ одну семью, въ жизни шагали далеко другъ отъ друга по разнымъ путямъ и едва ли подозрѣвали, что ихъ свяжутъ однимъ общимъ названіемъ.

Совсѣмъ иное дѣло, когда писатели или художники сознательно и намѣренно соединяются и основываютъ эстетическую школу, какъ основывается обыкновенно банкъ: съ названіемъ, для котораго необходима законодательная охрана, съ уставомъ, общимъ оборотнымъ капиталомъ и т. д. Это можетъ быть обыкновенной спекуляціей, но въ большинствѣ случаевъ—это болѣзнь. Склонность къ образованію группъ, встрѣчающаяся у всѣхъ дегенератовъ и истериковъ, можетъ принимать различныя формы. У преступниковъ она приходитъ къ составленію шаекъ, какъ точно устанавливаетъ Ломброзо, у явныхъ психопатовъ—къ „folie à deux", сумасшествію вдвоемъ, гдѣ одинъ помѣшанный совершенно навязываетъ свои безумныя представленія товарищу, у истериковъ—къ живой дружбѣ, заставляющей Шарко при всякомъ удобномъ случаѣ повторять: „неврастеники стремятся другъ къ другу", у писателей, наконецъ,—къ учрежденію школъ.

Общія органическія основанія этихъ различныхъ формъ одного и того же явленія: „сумасшествія вдвоемъ", общенія неврастениковъ, образованія истерическихъ школъ и основанія преступныхъ бандъ, у болѣе дѣятельной части, вождей и агитаторовъ — преобладаніе навязчивыхъ представленій, у ихъ сообщниковъ, учениковъ, подчиненной части—слабость воли и болѣзненная чрезмѣрная воспріимчивость къ внушенію.

Субъектъ навязчивыхъ представленій— несравнимый апостолъ. Нѣтъ такого разумнаго убѣжденія, пріобрѣтеннаго путемъ здоровой работы мысли, которое бы такъ безусловно овладѣло умомъ, подчинило бы себѣ такъ тиранически всю его дѣятельность, принуждало бы его такъ неотразимо говорить и дѣйствовать, какъ это дѣлаетъ манія. У маніака и полусумасшедшаго всякое доказательство теряетъ свою силу передъ безсмысленностью его представленій, ему нѣтъ дѣла до противорѣчія, насмѣшки, презрѣнія; мнѣнія большинства для него безразличны, фактовъ, не соотвѣтствующихъ его представленію, онъ не замѣчаетъ или объясняетъ ихъ такъ, какъ будто они подтверждаютъ его мнѣніе, препятствія его не устрашаютъ, потому что противъ силы его маніи не въ состояніи бороться даже чувство самосохраненія; по этой же причинѣ онъ готовъ довольно часто безъ дальнѣйшихъ размышленій итти на мученичество. Слабоумные или неуравновѣшенные люди, встрѣчающіеся съ маніакомъ, тотчасъ же подчиняются силѣ его болѣзненныхъ представленій и сейчасъ становятся его послѣдователями. Иногда ихъ можно исцѣлить отъ овладѣвшей ими маніи, раздѣливъ ихъ отъ виновника этого, но часто этому раздѣленію противится ихъ собственное прирожденное стремленіе.

Такова естественная исторія эстетическихъ школъ. Дегенератъ подъ вліяніемъ навязчиваго представленія провозвѣщаетъ какую-нибудь литературную догму: реализмъ, порнографію, мистицизмъ, символизмъ, демонизмъ. Онъ дѣлаетъ это съ живымъ, захватывающимъ краснорѣчіемъ, возбужденно, съ страстной неоглядностью. Другіе дегенераты, истерики и неврастеники толпятся около него, принимаютъ изъ его устъ новую догму и живутъ только для ея распространенія.

Въ этомъ случаѣ всѣ участники — и основатель и ученики— люди „доброй вѣры". Они поступаютъ такъ, какъ ихъ принуждаетъ къ этому патологическое состояніе ихъ мозга и нервной системы. Но, конечно, клинически совершенно ясная картина обыкновенно затемняется, когда апостолу маніи и его свитѣ удается привлечь къ себѣ вниманіе болѣе широкихъ круговъ. Тогда происходитъ наплывъ къ нимъ людей, лишенныхъ доброй вѣры, способныхъ понять очень хорошо сумасшествіе новой догмы, но все-таки присоединяющихся,

потому что они надѣются въ качествѣ членовъ новой секты пріобрѣсти славу и деньги.

Во всякомъ культурномъ обществѣ съ развитымъ искусствомъ и литературой существуетъ немало евнуховъ духа, не способныхъ къ живому творчеству собственными силами, но вполнѣ хорошо умѣющихъ подражать манерѣ творчества. Эти калѣки образуютъ, къ сожалѣнію, огромное большинство профессіональныхъ писателей и художниковъ, и ихъ кишащая, подобно паразитамъ, масса часто совершенно подавляетъ истинный, первобытный талантъ. Они-то именно и спѣшатъ составить изъ себя группу новаго направленія, которое, повидимому, входитъ въ моду.

Они, конечно, всегда являются наиболѣе современными, ибо ни требованіе оригинальности, ни художественная совѣсть не останавливаютъ ихъ въ подражаніи всякому новѣйшему образцу, въ подражаніи, доходящемъ до искаженія, но зато всегда съ одинаковымъ ремесленнымъ рвеніемъ. Искусные въ дѣлѣ подмѣчанія внѣшностей, не сомнѣвающіеся копировальщики и подражатели, они тѣснятся вокругъ всякаго оригинальнаго явленія, будь оно болѣзненно или здорово, и, не теряя времени, пускаютъ въ ходъ искаженныя ими копіи. Сегодня они — символисты такъ же, какъ вчера были реалистами или порнографами. Они съ тѣмъ же проворствомъ пишутъ мистеріи, если надѣются пріобрѣсти этимъ славу и хорошій гонораръ, съ какимъ фабрикуютъ рыцарскіе и разбойничьи романы, похожденія, римскія трагедіи и деревенскіе разсказы,—все это зависитъ отъ того, какія по этому поводу окажутся запросы у газетныхъ критиковъ и публики.

Эти практики жизни, составляющіе, какъ неоднократно повторялось, огромное большинство умственныхъ работниковъ, стало быть, члены модныхъ сектъ въ искусствѣ и литературѣ, конечно, душевно люди совершенно здоровые, хотя и стоящіе на очень низкой стадіи развитія, и если кто-нибудь возьмется за изученіе ихъ, легко можетъ усомниться въ правильности діагноза „вырожденіе“ для послѣдователей новыхъ ученій. Поэтому при изслѣдованіи необходимо вооружиться нѣкоторой осторожностью и всегда различать искреннихъ виновниковъ отъ подражающихъ послѣдователей, основателей религіи и ихъ апостоловъ отъ той черни, для которыхъ нѣтъ дѣла до нагорной проповѣди, а только до чудеснаго улова рыбы и размноженія хлѣбовъ.

Было показано, какъ возникаютъ школы: онѣ являются результатомъ вырожденія ихъ творцовъ и ихъ убѣжденныхъ подражателей. Тотъ фактъ, что они входятъ въ моду, могутъ даже вызвать на нѣкоторое время шумный восторгъ, имѣетъ свое основаніе опять-таки въ особенностяхъ публики, именно въ истеріи.

Мы видѣли, что чрезмѣрная податливость внушенію составляетъ характерный признакъ истерика. Та же сила навязчиваго представленія, благодаря которой дегенератъ пріобрѣтаетъ подражателей, собираетъ вокругъ него также приверженцевъ. Если истеричному громко и неустанно будутъ твердить, что какое-нибудь произведеніе прекрасно, глубоко, будетъ имѣть успѣхъ, онъ начинаетъ вѣрить этому. Онъ вѣритъ всему, что ему внушается съ достаточной настойчивостью.

Истерики безъ дальнѣйшихъ размышленій убѣждаются въ превосходствѣ произведенія и находятъ потомъ даже такія красоты высшаго сорта, о какихъ не думали ни самъ авторъ, ни его наемные герольды.

Когда секта настолько расширяется, что кромѣ основателя и священнослужителей, оплачиваемыхъ дьяковъ и пѣвчихъ существуетъ также приходъ, совершающій процессіи съ знаменами, пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, тогда, кромѣ составляющихъ ея истериковъ, которымъ внушена новая вѣра, въ нее включаются и другіе вѣрующіе. Молодежь безъ сужденій еще только ищущая своего пути, идетъ туда, куда стремится толпа, и слѣдуетъ безъ всякихъ колебаній ихъ пути, потому что вѣритъ, что выйдетъ отсюда на правильный путь. Вѣтрогоны, которые ничего такъ не боятся, какъ того, чтобы ихъ признали отсталыми, присоединяются къ толпѣ съ отчаянными криками „ура“ и „да здравствуетъ“, и этимъ они сами себя убѣждаютъ въ томъ, что они дѣйствительно носятся съ новѣйшимъ тріумфаторомъ, новѣйшей знаменитостью. Отжившіе старики съ комичнымъ страхомъ, чтобы не обнаружить своего настоящаго возраста, ревностно посѣщаютъ новый храмъ и примѣшиваютъ свои дрожащіе голоса къ пѣнію хоровъ; такимъ образомъ они надѣются, что ихъ сочтутъ за молодыхъ, если увидятъ въ компаніи, гдѣ преобладаетъ молодежь.

Такимъ образомъ возникаетъ формальный приливъ къ несчастному дегенерату; за истерикомъ, которому внушено поклоненіе, виденъ фатъ, эстетическій „недоросль“, черезъ плечо виденъ юноша-лицемѣръ и карьеристъ, а между ними всѣми съ неистовствомъ вертятся мальчишки, которые должны присутствовать вездѣ, гдѣ „что-нибудь неладно“. И эта толпа, побуждаемая болѣзнью, самолюбіемъ и тщеславіемъ, производитъ гораздо бо́льшій шумъ и смятеніе, чѣмъ значительно бо́льшее количе-

ство людей здоровыхъ, спокойно и безъ своекорыстныхъ посторонннихъ соображеній радующихся произведенію здороваго таланта и не чувствующихъ за собою обязательства выкрикивать свою оцѣнку на улицѣ и угрожать смертью невинно идущимъ противъ этой оцѣнки, не желающихъ согласиться съ ихъ мнѣніемъ".

М. Горькій памяти М. Коцубинскаго.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ скончался талантливый украинскій беллетристъ М. Коцубинскій, знакомый читателямъ прошлогоднихъ „Бюллетеней" по разсказу „Что записано въ книгу живота". Максимъ Горькій, который имѣлъ возможность близко узнать покойнаго писателя въ послѣдніе годы его жизни, въ іюльской книжкѣ ежемѣсячника „Литературно-Научный Вѣстникъ" и „Вѣст. Европы" запечатлѣлъ свѣтлый образъ своего еще недавняго гостя.

Горькій пишетъ:

„Прекрасное, это—рѣдкое",—говорили Гонкуры.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые при первой же встрѣчѣ съ ними вызываютъ благостное чувство удовлетворенія: именно этого человѣка ты давно ждалъ, именно для него у тебя есть какія-то особенныя мысли!

Въ мірѣ идей, красоты и добра, онъ—„свой" человѣкъ, родной человѣкъ, и — съ первой встрѣчи онъ возбуждаетъ жажду видѣть его возможно чаще, говорить съ нимъ больше.

Обо всемъ подумавшій, онъ какъ-то особенно близокъ хорошему и въ немъ кипитъ органическая брезгливость къ дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость къ доброму, онъ любитъ добро любовью художника, вѣритъ въ его побѣдную силу, и въ немъ живетъ чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значеніе, историческая стоимость добра.

Однажды, разсказывая ему планъ организаціи на Руси широкаго демократическаго книгоиздательства, я услыхалъ его мягкій голосъ, задумчивыя слова:

— Нужно бы вести изъ года въ годъ „Лѣтопись проявленія человѣчнаго",—ежегодно выпускать книгу—обзоръ всего, что сотворено за годъ человѣкомъ въ области его заботъ о счастьѣ всѣхъ людей. Это было бы прекрасное пособіе людямъ для знакомства ихъ съ самими собою, другъ съ другомъ. Насъ, вѣдь, больше знакомятъ съ дурнымъ, чѣмъ съ хорошимъ... А для демократіи такія книги имѣли бы особенно огромное значеніе...

Онъ очень часто говорилъ о демократіи, о народѣ и всегда это было какъ-то особенно пріятно слушать, пріятно и поучительно.

Я разсказалъ ему, однажды, тихимъ вечеромъ легенду о калабрійцѣ Чиро, угольщикѣ, который въ 49 году, во время борьбы Сициліи противъ Фердинанда Бомбы, пришелъ къ благородному Руджіеро Сеттимо и простодушно предложилъ:

— Синьоръ если неаполитанскій деспотъ побѣдитъ, онъ, навѣрное, захочетъ отрубить намъ голову,—да? Тогда, синьоръ, предложите ему три головы за одну нашу: вотъ эту, мою, голову брата моего и зятя. Мы всѣ ненавидимъ Бомбу, такъ же, какъ и вы, синьоръ, но,—маленькіе люди,—мы не сумѣемъ такъ умно и успѣшно бороться за свободу,какъ умѣете вы. Я думаю, что отъ этой мѣны народъ очень выиграетъ, а Бомба, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ убьетъ троихъ, вмѣсто одного,—вѣдь онъ, бездѣльникъ, любитъ убивать! Мы же съ радостью умремъ за свободу.

Легенда понравилась Михаилу Михайловичу. Радостно поблескивая ласковыми глазами, онъ сказалъ:

— Демократія всегда романтична и это хорошо, знаете! Вѣдь романтизмъ наиболѣе человѣчное настроеніе; мнѣ думается, что его культурный смыслъ недостаточно понятъ. Онъ—преувеличиваетъ, ну да! Но—вѣдь онъ преувеличиваетъ добрыя начала, свидѣтельствуя этимъ, какъ велика жажда добра въ людяхъ.

Былъ такой случай: щенилась впервые и очень мучительно большая романская овчарка, щенята рождались мертвыми, собака, истерзанная болью, почти издыхала, и эта тяжелая картина вызвала совершенно ясное чувство состраданія у фоксъ-терьера, тоже суки, но еще не рожавшей.

Маленькая, изящная собака поражала напряженностью своихъ ощущеній: съ тихимъ воемъ бѣгая вокругъ овчарки, она слизывала слезы съ ея измученныхъ глазъ и сама плакала; мчалась въ кухню, хватала тамъ кости и стремглавъ несла ихъ больной; бѣжала къ людямъ и, тихонько, жалобно лая, прыгала на нихъ, какъ бы прося о помощи и все плакала,—такъ и капали слезы изъ ея красивыхъ глазъ. Это было очень трогательно и даже немножко жутко.

— Это—удивительно! — волнуясь, сказалъ Коцубинскій.—И я ничѣмъ инымъ не могу объяснить себѣ такой силы чувства у собаки, какъ тѣмъ, что люди уже создали вокругъ себя настолько неотразимую и внушительную атмосферу человѣчности, которая способна перевоспи-

тать даже и животное, вливъ ему нѣчто отъ души человѣка.

Человѣчность, красота, народъ, Украйна— это любимыя темы бесѣдъ Коцубинскаго, онѣ всегда были съ нимъ, какъ его сердце, мозгъ и славные ласковые глаза.

Онъ очень любилъ цвѣты и, обладая солидными знаніями ботаника, говорилъ о нихъ, какъ поэтъ. Было какъ-то особенно пріятно видѣть, когда онъ, держа въ рукѣ цвѣтокъ, ласкалъ его и разсказывалъ о немъ:

— Смотрите, вотъ орхидея приняла форму пчелы; этимъ она желаетъ сказать, что не нуждается въ посѣщеніи насѣкомыхъ. Сколько разума всюду, сколько красоты!

Его больное сердце мѣшало ему ходить по неровнымъ тропинкамъ Капри, по камнямъ, горячо нагрѣтымъ солнцемъ, въ жаркомъ воздухѣ, густо насыщенномъ запахомъ обильныхъ цвѣтовъ, но онъ не щадилъ себя, гулялъ много, часто—до утомленія.

И когда, бывало, скажешь ему:

— Зачѣмъ вы позволяете себѣ уставать?

Онъ отвѣчалъ, легко побѣждая совѣты благоразумія:

— Хочется видѣть какъ можно больше; мнѣ вѣдь не долго ужъ ходить по землѣ, а я ее люблю...

Онъ особенно горячо и нѣжно любилъ свою Украйну и часто слышалъ сладкій запахъ чебреца тамъ, гдѣ его не было и нѣтъ.

А однажды увидавъ у бѣлой стѣны рыбацкаго дома блѣднорозовыя мальвы,—весь освѣтился улыбкой и, снявъ шляпу, сказалъ цвѣтамъ:

— Здоровеньки були! Якъ жывется на чужыни?

Сконфузился и пошутилъ:

— Знаете—немножко сантименталенъ становлюсь! Но вѣдь и вамъ, думаю, не рѣдко вздыхается по бѣлой березѣ, которой васъ сѣкли, бывало? Э, всѣ люди—люди, а кто не человѣкъ,—да будетъ ему стыдно!

Къ своему таланту поэта онъ относился чрезмѣрно строго, предъявлялъ къ себѣ требованія слишкомъ суровыя: „чувство недовольства собою у меня очень развито“, не однажды говорилъ онъ мнѣ. „Мои разсказы всегда кажутся мнѣ блѣдными, неинтересными, ненужными даже, и какъ-то совѣстно предъ литературой и читателемъ“,—писалъ онъ въ 1910 г. 19-го декабря.

Эти мысли, казалось мнѣ, всегда были съ нимъ и неотступно точили его измученное сердце.

Спрашиваетъ:

— Вамъ нравится „Самотній“?

— Это лучшія изъ трехъ вашихъ стихотвореній въ прозѣ, а они всѣ, на мой взглядъ, очень хороши...

Онъ грустно улыбается:

— А я прочиталъ сегодня утромъ и стало неловко. Никому это не нужно, не интересно никому. Что за вой? Всѣ люди одинокіе. И не такъ нужно писать объ этомъ проклятіи нашемъ!

Потомъ—продолжалъ уже сердито:

— Да, тамъ еще въ концѣ гордый крикъ есть,—это уже и не искренно, а такъ сказано,—для самоутѣшенія. Чѣмъ тутъ гордиться? Одинокъ, значитъ не нуженъ никому.

Мы часто бесѣдовали на эту тему и всегда онъ жестоко казнилъ себя.

— Смотрите, какъ это хорошо:

Жаль маю до землі
Бо тіні, що вкриваютъ її.
Пересунуться на инше місце—
І де було тьмяно і сумно
Зновъ ляже золото сонця...

Онъ усмѣхнулся и тотчасъ передѣлалъ эти строки въ юмористическое стихотвореніе...

Однажды ему сказали:

— Какая вѣрная и страшная вещь нашъ „Сміх“!

Онъ небрежно отмахнулся рукою:

— Да это-жъ заимствовано!.. И неумѣло сдѣлано,—въ жизни этотъ смѣхъ страшнѣе и законнѣй.

Иногда было досадно, чаще—больно слышать такіе возгласы;—много звучало въ нихъ великой, искренней муки.

— Дорогой мой,— сказалъ онъ однажды ночью, когда море и островъ молчатъ такъ странно, точно въ тихомъ изумленіи ждутъ чего-то необычнаго,— столько видано, столько пережито, въ душѣ волнуется цѣлый міръ образовъ, мыслей, какихъ-то до слезъ простыхъ и ласковыхъ пѣсенъ! Такъ бы дождемъ съ неба и опрокинулъ все это на землю, на людей, а—не удается, не умѣется!

Не удавалось,—да, но—онъ могъ бы, онъ бы *сумѣлъ* написать прекрасныя большія вещи; многое у него было уже до конца продумано, готово и—красиво, оригинально по-своему. Не удавалось потому, что за три года нашего знакомства почти въ каждомъ письмѣ его звучала, все усиливаясь, одна и та же нота:

„Долженъ сознаться, что со мною что-то не ладно. Сердце работаетъ все хуже и хуже, порою приходятся ложиться въ постель, работа такъ утомляетъ меня, что нѣтъ уже силъ приняться за что-либо другое“.

Онъ зналъ, что скоро умретъ, и нерѣдко

говорилъ объ этомъ просто, безъ страха, но и безъ напраннной бравады, которою многіе рисуются столь лживо.

— „Смерть необходимо побѣдить и она будетъ побѣждена!—сказалъ онъ однажды.—Я вѣрю въ побѣду разума и воли человѣка надъ смертью, такъ же, какъ въ то, что самъ скоро умру. И еще умрутъ милліоны людей, а все-таки, со временемъ, смерть станетъ простымъ актомъ нашей воли,—мы будемъ отходить въ небытіе такъ же сознательно, какъ отходимъ ко сну. Смерть будетъ побѣждена тогда, когда большинство людей ясно сознаютъ цѣну жизни, поймутъ ея красоту, почувствуютъ наслажденіе работать и жить".

Человѣкъ высокой духовной культуры, солидно вооруженный знаніемъ естественныхъ наукъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что творится въ области борьбы со смертью, но и поэзія умиранія, поэзія непрерывной смѣны формы тонко чувствовалась имъ.

Не разъ, благодарно глядя на сѣрыя скалы Капри, богато одѣтыя пышной зеленью травъ и цвѣтовъ, онъ говорилъ:

— Какая сила жизни! Мы привыкли къ этому и не замѣчаемъ побѣды живого надъ мертвымъ, дѣйственнаго надъ инертнымъ, и мы какъ бы не знаемъ, что солнце творитъ цвѣты и плоды изъ мертваго камня, не видимъ, какъ всюду торжествуетъ живое, чтобъ бодрить и радовать насъ. Мы должны бы улыбаться міру дружески...

Онъ очень умѣлъ улыбаться такъ, всему—улыбкой друга.

По поводу смерти Л. Н. Толстого онъ писалъ:

— „Больно мнѣ было читать, что вы такъ тяжело пережили смерть Толстого. Мнѣ тоже тяжело было, но—не знаю, стыдиться ли?—и хорошо знать, что на свѣтѣ бываетъ большое. Смерть, какъ-будто, вѣрнѣе опредѣляетъ размѣръ, чѣмъ жизнь".

Для меня смерть Михаила Коцубинскаго опредѣлилась, какъ тяжелая, личная утрата, я потерялъ сердечнаго товарища.

Прекрасный, рѣдкій цвѣтокъ отцвѣлъ, ласковая звѣзда погасла.

Изъ литературнаго прошлаго.

Новый — пятый — томъ матеріаловъ архива Стасюлевича („М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ") не богатъ интересными для широкаго круга читателей литературными документами. Здѣсь не доминируютъ письма одного какого-либо писателя, которыя содержали бы въ себѣ значительныя, сколько-нибудь свѣжія данныя для характеристики личности и творчества ихъ автора и давали бы вмѣстѣ съ тѣмъ тонъ всему сборнику, какъ это было въ предшествовавшихъ двухъ томахъ — съ перепиской Тургенева и Гончарова.

Выдѣлить на этотъ разъ можно письма Салтыкова и Влад. Соловьева.

Салтыковъ.

Опубликованныя теперь письма покойнаго сатирика дополняютъ уже извѣстную читателямъ „Бюллетеней" (№ 15—16) переписку его съ П. А. Бѣлоголовымъ и дополняютъ не только по времени: тамъ, д-ру Бѣлоголовому—своему лейбъ-медику—Салтыковъ писалъ, какъ мы видѣли, преимущественно о душевныхъ страданіяхъ своихъ; здѣсь—редактору журнала, гдѣ онъ послѣдніе годы жизни печатался—о физическихъ тяготахъ.

Съ Стасюлевичемъ переписываться сталъ М. Е. съ 1877 г., вначалѣ чисто офиціально, и первое интимное указаніе, сдѣланное имъ (въ концѣ 1878 г.)—это упоминаніе о своемъ болѣзненномъ состояніи... Съ весны 1885 г. жалобы на разнообразные недуги и полную временами безпомощность, обрюшенность становятся уже регулярными, и такъ проходятъ онѣ красною (или, лучше сказать, черною) нитью до послѣдней, предсмертной записки, часто почти не оставляя мѣста для дѣловыхъ подробностей. Чуть не въ каждомъ письмѣ начинаютъ попадаться фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Положительно думалъ, что умру"... „Думаю, что скоро съ ума сойду"... „Я совсѣмъ умираю"... „Положительно погибаю"...

Вотъ нѣкоторыя болѣе пространныя выдержки.

...Ни писать, ни читать не могу, цѣлый день дремлю, а ночь кашляю. Обиднѣе всего то, что врядъ ли скоро придется мнѣ возобновить свою дѣятельность—на это и Бѣлоголовый не очень надѣется. Это потому вдвое обидно, что пакостники изъ „Пов. Вр." и „Пб. Вѣд." точно предчувствуютъ предстоящее мнѣ разложеніе. Изъ всѣхъ литературныхъ концовъ мнѣ предстоитъ, кажется, самый жалкій и безвѣстный. Можетъ-быть, даже безуміе. Я уже теперь почти ничего сложить не могу, такъ что имѣя въ головѣ полное „Пестрое Письмо" не могу совершить даже начала его. Я даже не знаю, какъ называется моя теперешняя болѣзнь, потому что это, очевидно, не то, чѣмъ я страдалъ до сихъ поръ. (Висбаденъ, 5. VII. 1885.)

Главные мучители мои: одышка, по временамъ, ежеминутная, безсонница и ослабленіе самосознанія и памяти. Послѣдняго я боюсь, какъ бы не обратилось въ сумасшествіе. По временамъ нападаетъ невыносимая тоска и полная неспособность чѣмъ-либо заниматься. (13. VII. 1885).

... Пишу я, желая дать Вамъ нѣкоторое понятіе о моемъ теперешнемъ положеніи. Оно весьма некрасиво. Благодаря ужасной погодѣ, я совсѣмъ не пользуюсь воздухомъ и вслѣдствіе этого ослабѣлъ чрезвычайно. Вотъ уже съ недѣлю, какъ я съ утра до вечера нахожусь въ полудремотномъ состояніи, весьма тяжеломъ, и совершенно неспособенъ ни къ какой работѣ. Вообще, скукѣ, унынію и мраку нѣтъ границъ. Цѣлые дни сижу одинъ, прикованный къ креслу, не выходя изъ своихъ двухъ комнатъ, потому что другія комнаты расположены на сѣверъ и въ нихъ еще холоднѣе. Даже обѣдаю разно съ семьей. (Серебрянка, Варш. ж. д. 3. VI. 1887).

... Я окончательно сдѣлался никуда не годенъ. Воздуха не нюхаю, сижу на одномъ мѣстѣ, закутанный въ пледы. Ужасное это положеніе: не видѣть никакого просвѣта въ будущемъ и каждое утро вставать, чтобы въ теченіе дня испытывать невыносимыя и загадочныя страданія. Я до сихъ поръ ни къ какой работѣ не приступалъ, и не могу даже опредѣлить, когда ощущу позывъ къ дѣятельности. Цѣлый день чувствую такую слабость — особенно въ головѣ — что только и дѣлаю, что дремлю. Голова совсѣмъ съ плечъ валится, а въ груди точно сыпной процессъ происходитъ, въ родѣ кори. Какъ бы то ни было, но все-таки я не отчаяваюсь. Когда же нибудь наступятъ лучшіе дни. Хорошо Вамъ: Вы все-таки успѣли переселить своего жильца въ банку со спиртомъ, а я никуда переселить своего недуга не могу. Вотъ задача, достойная правительства: высылать солитеровъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, но, кажется, долго еще до этого не додумаются. (27. VI. 1887).

Всѣмъ лѣто принесло оживленіе, а мнѣ — ожесточеніе недуга и увѣренность, что всякая умственная дѣятельность для меня прекратилась. Хоть я иногда и стараюсь обмануть себя, что боли пройдутъ и я еще буду работать, но, очевидно, это только самообольщеніе. Горько мнѣ до слезъ во всѣхъ отношеніяхъ. И въ матеріальномъ смыслѣ, и въ томъ, что это прекращаетъ окончательно мои связи съ міромъ живыхъ. Ибо разъ я не работаю—кому я нуженъ? Повторяю: горько, горько до слезъ. Тяжело окунуться въ пучину забвенія, тяжело переживать самого себя. И все это при злорадствѣ всѣхъ ненавистниковъ, которые у насъ только одни и могутъ открыто высказывать свое мнѣніе. (6. VIII. 1887).

Цѣлое лѣто провелъ въ неслыханныхъ страданіяхъ и тѣ же страданія ждутъ впереди съ осеннимъ и зимнимъ мракомъ, съ болью сердца и безпричинною тоскою. Съ 25 августа и по 3 сентября я пробуду въ квартирѣ совсѣмъ одинъ, и такъ какъ всѣ знакомые разъѣхались, то одиночество будетъ самое полное. Заняться ничѣмъ не могу; весь я дрожу, голова болитъ. Недостаетъ, чтобы я сдѣлался сумасшедшимъ, и, кажется, похоже на то, что это случится. Эта ужасная мысль просто убиваетъ меня, и я всегда всего больше этого боялся. (15. VIII. 1887).

Теперешнее мое существованіе можетъ быть охарактеризовано двумя словами: живая смерть. Память меркнетъ, сознательность пропадаетъ въ такой степени, что въ собесѣдованіяхъ съ знакомыми я веду себя какъ потерянный. (Спб., 19. X. 1887).

Сколько ни принимался (за срочную работу)—ничего не выходитъ. Давно я не чувствовалъ себя столь больнымъ, какъ въ теченіе прошлаго мѣсяца, а доктора, между тѣмъ, находятъ, что я все лучше и лучше. Да и не лечатъ меня совсѣмъ—такъ я надоѣлъ. Всѣмъ надоѣлъ—пора и на покой. (12. XII. 1887).

По истинѣ, душевно сожалѣю, что обстоятельства препятствуютъ вамъ навѣстить меня. Никогда я такъ не нуждался въ участіи, какъ теперь. И нравственно и физически пропадаю. Но дѣлать нечего: видно, приходится пропадать. (Ст. Преображенская, Варш. жел. дор. 26. VII. 1888 [1]).

Вчера я былъ доведенъ всякими дерзостями до такого исступленія, что внѣ себя ударилъ К. Каюсь въ этомъ передъ вами и могу прибавить только одно: что былъ вполнѣ вознагражденъ за этотъ звѣриный поступокъ, когда вслѣдъ за нимъ бросился просить у него прощенія. Въ отвѣтъ на мои просьбы я получилъ цѣлую массу глумленія.

Боюсь, чтобъ и васъ поступокъ этотъ не отвратилъ отъ меня, но прошу васъ принять въ соображеніе, что я болѣе мѣсяца какъ почти съ ума схожу и ни о чемъ думать не могу, кромѣ того, на какой манеръ меня терзать будутъ.

[1]) Въ концѣ лѣта Салтыковъ писалъ съ дачи въ томъ же духѣ: „Со мной творится что-то необычайное“, а недѣли три спустя (16 сент.) Стасюлевичъ сообщалъ женѣ: „Салтыковъ на мой взглядъ очень поправился и, какъ всегда съ нимъ при этомъ бываетъ, еще больше вздыхаетъ и проситъ смерть пожаловать за нимъ“.

Ради Бога, не оставьте меня. Я доведенъ до крайности и могу рѣшиться на что-нибудь неудобное. Иногда у меня мелькаетъ мысль напечатать въ газетахъ, въ какомъ положеніи обрюзгшести и презрѣнія и нахожусь. Иногда я собираюсь писать Государю... Ради Бога, помогите. Нельзя ли меня общими силами спровадить куда-нибудь — въ Крымъ, напримѣръ? (13. XI. 1888).

Надоѣлъ я вамъ, дорогой Михаилъ Матвѣевичъ, но организмъ мой до того расшатанъ, что малѣйшее сомнѣніе служитъ для меня источникомъ жестокихъ страданій. А между этими сомнѣніями — цензурныя стоятъ на первомъ планѣ. Надѣюсь, что судьба положитъ этому предѣлъ и успокоитъ меня не вдолгѣ. Объ одномъ сожалѣю: что врываюсь съ своими болѣстями въ жизнь тѣхъ немногихъ доброжелательныхъ людей, которые у меня остались. (31. XII. 1888).

18 апр. 1889 г. Салтыковъ проситъ въ запискѣ справиться о напятой для него въ Царскомъ Селѣ дачѣ, „настолько ли она удобна, чтобъ можно было въ ней промаячить съ мая по 15 сент.“. Но страдальца ждала не дача, а могила: черезъ пять дней М. Е. не стало.

Вл. Соловьевъ.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются письма нашего философа-поэта. Ко всякимъ личнымъ невзгодамъ относился онъ не только съ истинно-философскимъ равнодушіемъ, но даже съ благодушіемъ юмориста.

„А у меня симпатическій нервъ ежедневно оказываетъ свое антипатическое дѣйствіе. Утѣшаюсь мыслію, что такое усиленное очищеніе, можетъ быть, заранѣе готовитъ изъ моего тѣла нетлѣнныя мощи въ замѣнъ тѣхъ, которыя будутъ сглоданы собаками въ осиновой рощѣ“. (Апр. 1892).

Или, напр., вскользь, по поводу внезапной мозговой болѣзни пріятеля, два года спустя упомпнаетъ онъ о томъ же своемъ застарѣломъ недугѣ: „Самъ я головнымъ мозгомъ еще здоровъ, но брюшные узлы ежедневно пыворачиваютъ мнѣ нутро“. И тутъ же шутитъ съ адресатомъ: „Очень огорченъ я извѣстіемъ о вашемъ продолжающемся нездоровьѣ; утѣшаюсь только тѣмъ, что кишки важнѣе голоса, а онѣ, вы пишете, у васъ поправились“.

Также и климатическія и жилищныя неудобства служатъ ему лишь матеріаломъ для каламбура. „Только что отправилъ вамъ, дорогой и многочтимый Мих. Матв., вчерашнее длинное письмо, какъ вдругъ меня осѣнило вдохновеніе свыше (свизу и съ боковъ и безъ того уже продувало)“.

Забавляется Соловьевъ своими недомоганіями, вообще „бренпымъ“ существованіемъ своимъ, и въ прозѣ и въ стихахъ.

(Дпнаръ. 26/7 нояб. 1893). О бренномъ существованіи своемъ (которое скоро сдѣлается прозябаніемъ, ибо дуетъ нордъ) не могу сказать ничего хорошаго. Зеркало и гребень даютъ зловѣщія показанія:

Цвѣтъ лица геморроидный,
Волосъ падаетъ сѣдой,
И грозитъ мнѣ рокъ обидный
Преждевременной бѣдой.
Я на все, судьба, согласенъ,
Только плѣшью не дари:
Голый черепъ, ахъ! ужасенъ,
Что́ ты тамъ не говори.
Знаю, безволосыхъ много
Межъ святыхъ отцовъ у насъ,
Но вѣдь мнѣ не та дорога:
Въ дѣлѣ святости я — пассъ.
Преимуществомъ фальшивымъ
Не хочу я щеголять
И къ главамъ мироточивымъ
Грѣшный черепъ причислять.

Поправка.

Ахъ, забылъ я,— за святыми
Боборыкина забылъ!
Позабылъ, что голъ какъ вымя
Черепъ оный вѣчно былъ.
Впрочемъ, этимъ фактомъ тоже
Обнадеженъ я,— ибо
Если не святой я Божій,
То вѣдь и не Ньеръ Бобо?

Жеву Стасюлевича онъ извѣщаетъ (іюнь 1899):

Я распухъ, пропитанъ іодомъ,
Носъ, глаза — въ огнѣ
И являться къ вамъ уродомъ
Не охота мнѣ.
Трехъ покойниковъ публично
Долженъ я почтить [1]),
И пожалуй неприлично
Мнѣ четвертымъ быть.

Самому Стасюлевичу онъ какъ-то посылаетъ такое стихотвореніе,— „не для печати“:

Поэтъ и грачи.

(Краткая, но грустная исторія).

Осень.

По сжатому полю гуляютъ грачи,
Чего нибудь ищутъ себѣ на харчи.

[1]) Рѣчь идетъ о некрологахъ для „Вѣст. Евр.“.

Гуляю и я, но не ради харчей
И гордо взираю на скромныхъ грачей...

Зима.

Морозная вьюга, въ поляхъ нѣтъ грачей,
Сижу и пишу я въ каморкѣ своей.

Весна.

Ласкается небо къ цвѣтущей землѣ,
Грачи прилетѣли, а я — на столѣ.

Остроты, шутки, сарказмы, каламбуры такъ и сыплются изъ-подъ пера философа — прозаическія „шалости“ вперемежку съ стихотворными импровизаціями.

„Я рѣшилъ мой инцидентъ съ Кони оставить въ Швейцаріи, именно въ Тунѣ, (втуне) потому что распространять далѣе этотъ *пассажъ* будетъ passage. И съ Кони искони я въ хорошихъ отношеніяхъ“.

Посылая съ Иматры для „Вѣст. Евр.“ три стихотворенія, Соловьевъ сопровождаетъ ихъ особымъ четверостишіемъ:

„На берегу пустынныхъ“ водъ
Мнѣ Муза финская явилась.
Я только вѣжливъ былъ—и вотъ
Она ужъ тройней разродилась.

Изъ Капра (апр. 1898) онъ сообщаетъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ:

Христосъ воскресе!
Вотъ мы въ Одессѣ...
Прощай земля!
Свѣжѣетъ вѣтеръ
И термометеръ
Вблизи нуля.
Вотъ чаекъ стая,
Волна большая,
Вотъ дуракъ Эрнестъ (Радловъ),
Блюющій съ борта
Въ морского чорта,—
Туманъ окрестъ.

Къ Босфору ближе
Волненье ниже
И выше ртуть...
Вотъ и игрушки:
Казармы, пушки —
И прерванъ путь!

Въ архивѣ Стасюлевича редакторъ изданія М. К. Лемке нашелъ, между прочимъ, слѣдующее стихотвореніе В. С-ча:

Современное воспоминаніе.

Израиля недра стезей чудесной,
Господь за-разъ два дива сотворилъ:
Отверзъ уста ослицѣ безсловесной
И говорить пророку запретилъ.
Далекое грядущее таилось
Въ спхъ чудесахъ первоначальныхъ дней,
И нынѣ казнь Моаба совершилась
Увы! надъ бѣдной родиной моей.
Гонима, Русь, ты безпощаднымъ рокомъ,
Хотя за грѣхъ иной, чѣмъ Билеамъ,
Заграждены уста твоимъ пророкамъ
И слово вольное дано твоимъ осламъ.

Въ заключеніе приведемъ довольно любопытную страничку воспоминаній Соловьева изъ поры его отроческихъ лѣтъ, касающуюся и другого русскаго философа — и понынѣ здравствующаго Л. М. Лопатина.

(Янв. 1893). Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, посланная мною вамъ вчера статья требуетъ нѣкотораго объясненія. Восходя къ причинамъ отдаленнымъ, я долженъ сказать, что авторъ разбираемой книги (Лопатинъ) вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ—мои первые друзья дѣтства, отрочества и юности. Особенно средній изъ этихъ возрастовъ крѣпко связалъ насъ общими опасностями и утѣхами. Учились мы розно, но лѣтнее время проводили вмѣстѣ въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ — Глѣбовѣ-Стрѣшневѣ, гдѣ наши родители въ продолженіе многихъ лѣтъ жили на дачѣ. Цѣль нашей дѣятельности за это время состояла въ томъ, чтобы наводить ужасъ на покровскихъ обывателей, въ особенности женскаго пола. Такъ, напримѣръ, когда дачницы купались въ протекающей за версту отъ села рѣчкѣ Химкѣ, мы подбѣгали къ купальнямъ и не своимъ голосомъ кричали: Пожаръ! Пожаръ! Покровское горитъ! Тѣ выскакивали въ чемъ попало, а мы спрятавшись въ кустахъ наслаждались своимъ торжествомъ. А то мы изобрѣтали и искусно распространяли слухи о привидѣніяхъ и затѣмъ принимали на себя ихъ роль. Старшій Лопатинъ (не-философъ), отличавшійся между нами физической силою и ловкостью, а также большой мастеръ въ произведеніи дикихъ и потрясающихъ звуковъ, сажалъ меня къ себѣ на плечи верхомъ, другой братъ надѣвалъ на насъ обоихъ бѣлую простыню и затѣмъ эта необычайнаго вида и роста фигура, въ лунную ночь, когда публика, особенно дамская, гуляла въ паркѣ, вдругъ появлялась изъ смежнаго съ паркомъ кладбища и то медленно проходила въ отдаленіи, то устремлялась галопомъ въ самую середину гуляющихъ, испуская нечеловѣческіе крики. Для другихъ классовъ населенія было устроено нами пришествіе антихриста. Въ результатѣ мужики не разъ таскали насъ за шиворотъ къ

родителямъ, покровскій священникъ, не чуждый литературѣ, далъ намъ прозваніе „братьевъ-разбойниковъ“, которое за нами и осталось, а жившія въ Покровскомъ три актрисы, г-жи Совѣщанская, Воронова и Шубертъ, бывшія особымъ предметомъ моихъ преслѣдованій, сговорились меня высѣчь, но, къ величайшему моему сожалѣнію, это намѣреніе почему-то не было исполнено. Впрочемъ, иногда наши занятія принимали научное направленіе. Такъ, мы усиленно интересовались наблюденіями надъ исторіей развитія земноводныхъ, для чего въ особо-устроенный нами бассейнъ напускали множество головастиковъ, которые однако отъ неудобства помѣщенія скоро умирали, не достигнувъ высшихъ стадій развитія. Къ тому же свою зоологическую станцію мы догадались устроить какъ разъ подъ окнами кабинета моего отца [1]), который объявилъ, что мы сами составляемъ предметъ для зоологическихъ наблюденій, но что ему этимъ заниматься некогда. Тогда мы перешли къ практическому изученію географіи, и моею спеціальностью было изслѣдовать теченіе ручьевъ и рѣчекъ и глубину прудовъ и болотъ, при чемъ активная роль моихъ товарищей состояла, главнымъ образомъ, въ обращеніи къ чужой помощи для извлеченія меня изъ опасныхъ положеній.

Н. А. Морозовъ въ роли „германскаго подданнаго Энгеля“.

Н. А. Морозовъ печатаетъ сейчасъ въ разныхъ журналахъ воспоминанія, написанныя имъ за время послѣдняго его невольнаго досуга — въ стѣнахъ двинской крѣпости. Одни изъ указанныхъ воспоминаній, какъ мы уже видѣли, относятся къ періоду этого самаго недавняго пребыванія „въ глубинѣ преисподней“, другія (см. „Рус. Мысль“ и „Совр. Міръ“) переносятъ насъ далеко назадъ, къ годамъ ранней молодости автора, къ тому времени, когда онъ впервые знакомился съ россійскими „глубинами преисподними“.

Въ іюньской кн. „Рус. М.“, подъ заголовкомъ „Дни испытанія“, нашъ авторъ началъ повѣсть о тѣхъ своеобразныхъ *испытаніяхъ*, какія ожидали его и товарища его Саблина сразу же по возвращеніи въ отечество изъ Женевы, гдѣ они издавали революціонный органъ „Работникъ“.

Дремалъ тусклый сѣрый день.

На станціи насъ встрѣтилъ служащій тамъ нѣмецъ Крюгеръ. Онъ былъ помощникомъ знакомыхъ намъ евреевъ-контрабандистовъ, и самъ занимался контрабандой. Тѣ дали намъ его адресъ послѣ нашего переѣзда за границу прошлой весной, и мы посылали на его имя всѣ тюки нумеровъ издаваемаго нами въ Женевѣ „Работника“, по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ, для переправки контрабандой въ Россію.

Однако теперь Крюгеру, повидимому, захотѣлось поработать самостоятельно.

— Зачѣмъ вамъ ѣздить къ евреямъ такъ далеко?— сказалъ онъ, уводя насъ въ свой домикъ.— Я васъ такъ же хорошо переведу черезъ границу, какъ и они, а возьму дешевле. Они съ васъ брали по двадцати пяти рублей, а я только по десяти; да и скорѣе будетъ сдѣлано.

— А какъ же вы переправите насъ?— спросилъ Саблинъ?

— Очень просто! Я возьму вамъ нѣмецкіе паспорта у завѣдующаго этимъ дѣломъ моего знакомаго, и вы пройдете прямо черезъ станцію подъ именемъ германскихъ подданныхъ. Это у насъ часто дѣлается.

— Надо подумать!— сказалъ Саблинъ.— Главное затрудненіе, что мы плохо говоримъ по-нѣмецки.

— Говорить совсѣмъ и не нужно,— возразилъ Крюгеръ.— Тамъ на станціи не разговариваютъ съ проѣзжающими. Все, что потребуется отвѣтить, это—ja, ja! или nein, nein! когда будутъ осматривать чемоданы.

Саблинъ отвелъ меня въ сторону.

— Какъ ты думаешь?— спросилъ онъ.

— Это было бы хорошо!— отвѣтилъ я, всегда имѣя въ виду не издержать ни одной лишней копейки изъ средствъ, назначенныхъ на общественное дѣло.— Вѣдь мы сохранили бы нашему обществу тридцать рублей.

— Да!— сказалъ онъ.— Я то же думаю. Можно будетъ проѣхать и такъ, какъ онъ предлагаетъ.

Онъ задумчиво пошелъ отъ меня и нерѣшительно сказалъ Крюгеру:

— Ну, что же, если вы ручаетесь, что проведете благополучно, такъ дѣлайте по-вашему.

Тотъ немедленно побѣжалъ куда-то и черезъ часъ принесъ намъ два нѣмецкихъ листка для перехода черезъ границу, одинъ на имя Энгеля—для меня и другой на имя Бранда—для Саблина. Съ ними мы и сѣли въ передаточный пограничный поѣздъ со своими чемоданчиками въ рукахъ и черезъ пять минутъ возвратились въ свою родную землю.

... Прошло полчаса въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, явился жандармъ съ пачкой

---

[1]) Сер. Мих., историкъ.

паспортовъ, и какой-то чиновникъ началъ выкликать одного за другимъ владѣльцевъ этихъ документовъ.

Мы были пропущены, какъ и всѣ другіе, черезъ заднюю часть изгороди въ другую залу, изъ которой имѣли право уже сѣсть и на русскій поѣздъ и ѣхать далѣе. Но въ поѣздѣ оказались только первый и второй классы. Мы этого совсѣмъ не подозрѣвали, переходя границу. Ѣхать во второмъ классѣ и такимъ образомъ даромъ выбросить деньги, назначенныя нами на освобожденіе Россіи, казалось преступленіемъ.

— Когда идетъ слѣдующій поѣздъ съ третьимъ классомъ?— спросилъ я Крюгера.

— Черезъ четыре часа!— отвѣтилъ онъ.— Хотите подождать? Тогда пойдемте къ моей кумѣ въ деревню и напьемся у нея чаю.

Какой-то пожилой чиновникъ съ жуликоватой физіономіей, бритый, съ сѣдыми и острыми усами прошелъ около насъ, затѣмъ вернулся назадъ и еще разъ прошелъ мимо, прислушиваясь къ нашему разговору. Въ то же время раздался свистокъ отходящаго поѣзда.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте скорѣе!— сказалъ я Крюгеру, когда чиновникъ отошелъ.

Забравъ свои чемоданы, мы отправились черезъ улицу и повернули мимо какого-то трактира за уголъ по шоссе въ сосѣднюю деревню. Я посмотрѣлъ назадъ. Изъ-за трактира выбѣжалъ черный длинный полицейскій и посмотрѣлъ намъ вслѣдъ.

— Скверно!— сказалъ я Саблину.— Тотъ бритый чиновникъ, вѣрно, послалъ его посмотрѣть, куда мы идемъ.

— Нѣтъ!— сказалъ Крюгеръ.— Я того чиновника знаю. Онъ пограничный комиссаръ Мѣльскій и давно на содержаніи у контрабандистовъ. Я и самъ не разъ приплачивалъ.

Мы нѣсколько успокоились, но далеко не совсѣмъ.

„Вѣдь, если этотъ взяточникъ,— думалъ я,— почуетъ возможность полученія несравненно большей взятки съ противоположной стороны за поимку насъ, то онъ сейчасъ же предастъ своихъ прежнихъ пріятелей. Такова его физіономія“.

— Намъ нельзя теперь возвращаться на станцію и ѣхать оттуда по желѣзной дорогѣ,— замѣтилъ я.— На насъ уже обращено вниманіе, и когда мы придемъ туда, насъ навѣрно арестуютъ.

— Какъ же теперь быть?— сказалъ Крюгеръ.

Было видно, что этотъ глуповатый человѣкъ уже совсѣмъ растерялся и перетрусилъ.

— Наймите въ деревнѣ ямщика, чтобъ отвезъ насъ въ ближайшій уѣздный городъ или большое село подальше отъ границы.

— Какъ же! Какъ же! Хорошо! Хорошо!— воскликнулъ Крюгеръ радостно.— У меня тутъ братъ живетъ, а онъ самъ васъ довезетъ до города.

— Вотъ и отлично. Тамъ мы затеряемся. Бѣгите сейчасъ же и велите закладывать лошадей.

Крюгеръ привелъ насъ въ избу къ своей кумѣ, велѣлъ ей ставить самоваръ, а самъ бросился въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ деревни къ своему брату.

Инстинктивно чувствуя опасность, я съ самаго выхода изъ вагона все время незамѣтно держалъ въ лѣвой рукѣ письмо Вѣры Фигнеръ, которое она передала мнѣ въ Бернѣ для врученія своимъ друзьямъ въ Москвѣ и которое я обѣщалъ ей ни въ какомъ случаѣ не отдавать жандармамъ. Въ правомъ боковомъ карманѣ моихъ штановъ находился заряженный револьверъ съ коробкой запасныхъ патроновъ на случай, если придется защищать порученный мнѣ документъ съ оружіемъ въ рукахъ, убѣжавъ за какое-либо прикрытіе.

Еще до входа въ избу я уже присмотрѣлъ противъ нея груду разбросанныхъ въ безпорядкѣ бревенъ, гдѣ можно было укрыться и отстрѣливаться съ моимъ запасомъ патроновъ хоть цѣлый часъ противъ толпы осаждающихъ, тогда какъ для уничтоженія письма Вѣры мнѣ было нужно лишь нѣсколько минутъ.

Я сѣлъ у окна, не снимая своего пальто, а только распахнувъ его въ этой жарко натопленной избѣ, и началъ смотрѣть передъ собой на улицу и въ поле за деревней. Тамъ еще не было ничего подозрительнаго.

Вотъ и нашъ Крюгеръ быстро прошелъ мимо окна, возвращаясь отъ своего брата, и, войдя въ избу, заявилъ:

— Лошади будутъ готовы черезъ десять минутъ.

Мы вздохнули нѣсколько свободнѣе, но это оказалось слишкомъ преждевременно для насъ. Почти въ то же мгновеніе я увидѣлъ, какъ мимо окна пробѣжалъ ходившій по желѣзнодорожной платформѣ жуликоватый сѣдоусый Мѣльскій, окруженный теперь не менѣе какъ пятнадцатью человѣками городовыхъ.

— Смотри!— показалъ я Саблину.

Но онъ уже самъ все замѣтилъ. Взглянувъ на него, я былъ пораженъ блѣднымъ цвѣтомъ его лица.

„Неужели такъ же блѣденъ и я?“— пришло мнѣ въ голову.

Но въ избѣ не было зеркала, чтобъ я могъ видѣть выраженіе своего собственнаго лица,

да и не было и времени дѣлать какія-либо наблюденія. Въ одно мгновеніе мнѣ стало ясно, что наступилъ критическій моментъ въ моей жизни, и далѣе она пойдетъ по новому, еще невѣдомому мнѣ, но нерадостному направленію.

„Надо встрѣтить опасность лицомъ къ лицу,— подумалось мнѣ,— и прежде всего исполнить свой долгъ! А тамъ будь что будетъ! Надо напречь все свое вниманіе на настоящее, а будущее пусть заботится само о себѣ“!

Дверь сразу распахнулась, а вся толпа, ворвавшись, какъ будто штурмомъ, въ комнату, окружила насъ. Я сразу почувствовалъ, что показать въ этотъ мигъ какую-нибудь тревогу, сдѣлать рѣзкое быстрое движеніе—значило быть тотчасъ же схваченнымъ нѣсколькими руками. А мнѣ этого нельзя было допускать, чтобъ не погубить письма Вѣры, и потому я продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ у окна, дѣлая видъ, что я совершенно изумленъ происходящимъ передо мною и не понимаю, что это значитъ.

— Кто вы такіе?— грозно обратился пограничный комиссаръ къ Саблину, какъ къ старшему изъ насъ двоихъ по возрасту. Онъ выступилъ при этомъ изъ-за спинъ городовыхъ, заслонявшихъ его въ первую минуту, и его жуликоватая выцвѣтшая физіономія приняла вдругъ хищный видъ.

— Вотъ мой билетъ!— сказалъ Саблинъ, подавая свою нѣмецкую бумагу.

— Я уже видѣлъ этотъ билетъ,— сказалъ Мѣльскій, сейчасъ же кладя его въ свой карманъ.— Этотъ пропускъ черезъ границу — для нѣмца, а вы русскій! Я съ самаго начала обратилъ на это вниманіе! Вы оба русскіе!

— Нѣтъ!— вмѣшался я: — Мы нѣмецкіе подданные, я—Эйгель, а онъ—Брандъ.

— А почему же вы такъ хорошо говорите по-русски?

— Потому что мы выросли въ Москвѣ,— импровизировалъ я,— и только три года назадъ переселились къ себѣ на родину въ Германію, послѣ смерти дяди, оставившаго намъ наслѣдство.

Мѣльскій, видимо, не ожидалъ такого отвѣта и на минуту смѣшался.

— А зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы переѣхали границу съ такимъ отчаяннымъ контрабандистомъ?— вдругъ воскликнулъ онъ, видимо обрадовавшись предлогу и показывая пальцемъ на блѣднаго, растерявшаго Крюгера, стоявшаго въ углу.

— Мы съ нимъ случайно познакомились въ Эйткуненѣ,— отвѣтилъ я,— мы даже и не подозрѣвали, что онъ контрабандистъ.

— А что же вы намѣревались здѣсь дѣлать?

— Намъ надо было побывать по личнымъ дѣламъ.

— Какимъ дѣламъ?

— Это наши дѣла и никого не касаются!— отвѣтилъ я.

— А! Никого не касаются!— воскликнулъ онъ.— Такъ пожалуйте обратно на станцію, гдѣ васъ предварительно обыщутъ.

— Пойдемте!— говорю я.— Но только вы потомъ будете отвѣчать передъ германскимъ правительствомъ, что задержали безъ причины нѣмецкихъ подданныхъ.

Комиссаръ поморщился, но, пробормотавъ себѣ подъ носъ какую-то ругань по нѣмецкому адресу, велѣлъ всѣмъ намъ итти, въ томъ числѣ и Крюгеру, отъ котораго, какъ мы уже знали, онъ получалъ не разъ подарки за провозъ контрабанды.

Но съ Крюгеромъ онъ пошелъ сзади и, отставъ, о чемъ-то говорилъ нѣкоторое время вполголоса.

Первой моей мыслью было, конечно, отысканіе способа какъ бы незамѣтно уничтожить письмо Вѣры. Я опустилъ въ карманъ своего пальто лѣвую руку и беззаботно обратился къ идущему слѣва отъ меня полицейскому:

— Вы давно здѣсь служите?

— Два года.

— А тяжела служба?

— Да, не легка...

Отвлекши такимъ образомъ его вниманіе отъ моей руки и дѣйствуя въ карманѣ одними пальцами, я оторвалъ отъ письма кусокъ и свернулъ его въ плотный шарикъ величиною съ орѣхъ. Вынувъ потомъ руку вмѣстѣ съ нимъ и со своимъ носовымъ платкомъ, я сдѣлалъ видъ, что вытираю носъ, а тѣмъ временемъ просунулъ шарикъ себѣ въ ротъ. Но я чуть не подавился, проглотивъ его. Совершенно сухой, онъ едва-едва продрался въ мое горло и словно проскребъ его до самаго желудка.

Мѣльскій, услышавъ мой разговоръ съ полицейскимъ, сейчасъ же подбѣжалъ ко мнѣ, оставивъ сзади Крюгера.

— О чемъ вы говорите?

— Да о трудности вашей службы.

— Да-съ, не легка, и скажу: опасна-съ!— отвѣтилъ онъ.

— А я вотъ и безъ нея простудился!— замѣтилъ я.— Сопѣмъ не могу дышать безъ боли!

И вновь поднеся платокъ къ своему носу, я припялъ новый комокъ бумаги, но проглотилъ его уже не сразу, какъ первый, а пред-

варительно покатавъ языкомъ во рту, и онъ, влажный, легче прошелъ черезъ мое горло.

Такъ въ четыре или пять пріемовъ я исполнилъ свое обѣщаніе Вѣрѣ и уничтожилъ все ея письмо задолго до того, какъ мы подошли къ станціи.

Съ послѣднимъ прошедшимъ внутрь меня глоткомъ сухой бумаги огромная тяжесть, лежавшая свинцовымъ комомъ на моей душѣ, какъ будто свалилась. Мнѣ стало вдругъ такъ легко!

„Какъ бы теперь вырваться самому, увезя съ собой и товарища?“— мелькнула у меня мысль.

Кругомъ было поле. Далеко ли граница, я не зналъ. Я вынулъ изъ жилетнаго кармана мои часы, въ циферблатѣ которыхъ, еще со времени моего дѣтства, былъ вдѣланъ маленькій компасикъ, и попробовалъ узнать по нему страны свѣта, потому что граница, какъ я зналъ изъ географіи, должна была лежать прямо къ западу отъ насъ, а безъ компаса нельзя было узнать, гдѣ западъ, такъ какъ никакихъ признаковъ солнца не было видно за сплошными сѣрыми слоями тучъ. Однако компасъ мой долго не устанавливался отъ колебанія на ходу, и я только приблизительно могъ отмѣтить нужное мнѣ направленіе, а смотрѣть долго было неудобно. Глаза всѣхъ моихъ спутниковъ тоже уставились на мои часы.

„А какъ быть съ Саблинымъ?— пришло мнѣ въ голову.— Если я побѣгу на западъ, отстрѣливаясь отъ ихъ погони, то что будетъ дѣлать онъ, безоружный? Вѣдь за меня отомстятъ на судѣ ему, какъ соучастнику! Да мы съ нимъ даже и не сговорились бѣжать въ случаѣ ареста! Нѣтъ!— рѣшилъ я:— разъ самое главное сдѣлано, письмо уничтожено, попробуемъ оба стоять на томъ, что мы нѣмцы, и требовать нашего освобожденія или обратной высылки за границу“!

Это рѣшеніе сразу успокоило меня. Убить для *своего* спасенія нѣсколько человѣкъ казалось мнѣ ужаснымъ. „Отдамся же, подумалъ я, на волю судьбы! Попробую выпутаться изворотливостью“.

Но для изворотливости въ данномъ случаѣ оказалось одно небольшое неудобство: *насъ было двое*. Опытные въ подобныхъ дѣлахъ полицейскіе крючки сейчасъ насъ разъединили, а мы, новички и притомъ выбравшіе этотъ болѣе дешевый способъ перехода русской границы экспромптомъ, не догадались сговориться на такой случай...

Да, правъ Вильгельмъ Телль, говоря, что сильный особенно силенъ, когда онъ *одинъ!* Два сильные, взятые вмѣстѣ, уже слабѣе одного, и мы, которыхъ сами обстоятельства принуждали теперь быть или сильными или ничтожными, не оставляя намъ средняго выбора,— мы сейчасъ же почувствовали неудобство совмѣстности, какъ только разстались.

Меня ввели въ отдѣльную комнату, Саблина—въ другую. Въ первый моментъ мнѣ даже не приходило въ голову, что это была разлука на много лѣтъ. Иначе какъ утерпѣли бы мы не броситься тутъ же на шею другъ другу! Но мы здѣсь разстались какъ будто на минуту. Меня оставили одного, усадивъ на стулъ, подъ стражей четырехъ полицейскихъ, не спускавшихъ съ меня глазъ, и всѣ ушли къ Саблину, какъ къ болѣе важному, потому что онъ былъ на шесть лѣтъ старше меня, а это при нашемъ возрастѣ составляло огромную разницу. Я имѣлъ тогда совсѣмъ юношескій видъ, Саблинъ обладалъ внѣшностью солиднаго человѣка; и все вниманіе сначала направилось на него.

* * *

Прошли томительные полчаса. Затѣмъ Мѣльскій въ сопровожденіи какого-то писца съ чернилами вновь явился ко мнѣ.

— Такъ вы сказали, что вы русскій?— быстро и громко спросилъ онъ меня, становясь вплотную передо мною.

— Когда? Я говорилъ, что я нѣмецъ.

— Нѣтъ! Вы сказали — русскій, когда мы съ вами шли сюда! Не будете же вы отрекаться отъ своихъ собственныхъ словъ?!

— Но какъ же я могъ сказать русскій, когда я нѣмецъ?

Мы съ минуту молча стояли, смотря въ лицо другъ другу.

„Какіе же, однако, элементарные пріемы сбиванья!— пришло мнѣ въ голову.— Неужели простые контрабандисты и уголовные, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло до сихъ поръ, такъ глупы, что этотъ дутый апломбъ ихъ сбиваетъ?“

— Но вы же сами говорили мнѣ!— явно не зная, что еще придумать, воскликнулъ онъ вновь съ плохо сдѣланнымъ негодованіемъ.— И какъ не стыдно запираться! Да и нашъ товарищъ уже сознался, что онъ русскій. Какъ его фамилія? Я забылъ... Онъ только что сказалъ!

Я молча пожалъ плечами.

— Вы же знаете, что онъ нѣмецкій подданный Брандъ!

Мѣльскій съ непріятной гримасой два раза прошелся по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Васъ надо обыскать! — вдругъ воскликнулъ онъ.

Полицейскіе подошли ко мнѣ справа и слѣва.

— Я самъ вамъ покажу, что у меня есть въ карманахъ, — сказалъ я, не ожидая ихъ противнаго прикосновенія.

Я вынулъ изъ одного кошелекъ. Глаза пограничнаго комиссара такъ и впились въ него.

— Много у васъ денегъ?

— Около пятидесяти рублей.

Онъ раскрылъ кошелекъ, жадно заглянулъ въ него и положилъ на самый дальній отъ меня уголъ стола.

Я вынулъ изъ другого кармана револьверъ. Всѣ такъ и отскочили отъ меня. Я положилъ его на столъ, и револьверъ порывисто былъ схваченъ ближайшимъ полицейскимъ.

— Зачѣмъ у васъ револьверъ? — воскликнулъ поблѣднѣвшій на мгновеніе пограничный комиссаръ.

— Какъ зачѣмъ? Приходится путешествовать по проселочнымъ дорогамъ, иногда съ большими деньгами въ карманахъ. Мало ли что можетъ случиться!

Я выложилъ изъ кармана коробку патроновъ.

— Цѣлая коробка патроновъ! — воскликнулъ вновь Мѣльскій. — Письмоводитель, занесите въ протоколъ!

Мнѣ сейчасъ же велѣли снять все платье и бѣлье, подойдя ко мнѣ со всѣхъ сторонъ съ руками, готовыми схватить меня при первомъ порывистомъ движеніи, и тщательно обыскали всѣ мои карманы. Затѣмъ начали протирать швы моихъ панталонъ и пиджака, чтобъ увидать, нѣтъ ли чего подъ ихъ подкладкой.

— Ваше благородіе! — сказалъ вдругъ одинъ полицейскій, — за подкладкой деньги.

Это было для меня совершенно ново. Какъ могли попасть туда деньги? Я вспомнилъ, что въ одномъ изъ кармановъ пиджака уже давно протерлась дырка. Вѣрно, что-нибудь провалилось въ нее! Полицейскій тотчасъ же подтвердилъ мое предположеніе. Черезъ дырку въ карманѣ онъ вытащилъ корректурный листокъ „Работника“, однимъ изъ редакторовъ котораго я состоялъ въ Женевѣ.

Мѣльскій съ жадностью схватилъ его и, не соблюдая никакихъ знаковъ препинанія, началъ читать вслухъ содержаніе.

Я съ изумленіемъ раскрылъ свои глаза: офицеръ не умѣетъ грамотно читать даже по печатному! Это обстоятельство такъ меня поразило, что я едва могъ слѣдить за содержаніемъ читаемаго имъ. Тамъ не оказалось ничего революціоннаго, а только полемика съ буржуазіей.

— Такъ вы говорите, что этотъ листокъ вамъ далъ... какъ его вы назвали? Забылъ! — опять, рѣзко повернувшись ко мнѣ, воскликнулъ онъ.

— Никто мнѣ его не давалъ. Я и самъ не знаю, какъ онъ завалился за подкладку. Очевидно, обрывокъ одной изъ книгъ, которыя мнѣ приходилось случайно покупать и читать за границей. Вы сами видите, что это клочекъ, не имѣющій никакого значенія. Вѣрно, онъ тамъ лежалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

— Письмоводитель, занесите въ протоколъ: найденъ листокъ противоправительственнаго содержанія!

Онъ взялъ протоколъ, прочелъ про себя, затѣмъ взялъ перо, и, торопливо сунувъ мнѣ его въ руки, вдругъ возопилъ громкимъ голосомъ:

— Скорѣе! Скорѣе! Подписывайте протоколъ! Мнѣ сейчасъ же надо итти!

Онъ вырвалъ изъ своего кармана часы и взглянулъ на нихъ.

Эта спѣшность показалось мнѣ подозрительной. „Вѣрно, что-нибудь подтасовано!“ подумалъ я и внимательно прочелъ бумагу, прежде чѣмъ подписать, но, къ моему удивленію, тамъ ничего не было, кромѣ того, что мнѣ было уже извѣстно.

І. Энгель — написалъ я не своимъ почеркомъ.

Мѣльскій, какъ голодный волкъ, схватилъ протоколъ и впился глазами въ мою подпись. Но тотчасъ лицо его вытянулось, съ прежней непріятной косой гримасой.

„А! — догадался я, — такъ вотъ въ чемъ дѣло! Онъ думалъ, я глупъ или трусъ и съ испугу напишу свою настоящую русскую фамилію! Ну, и дурень же онъ!“

Мѣльскій между тѣмъ сталъ передо мной въ величественную позу.

— Вы издѣваться надо мной, что ли, вздумали? — съ искреннимъ на этотъ разъ бѣшенствомъ заоралъ онъ. Затѣмъ, опомнившись, при видѣ моего спокойнаго по внѣшности взгляда прямо ему въ лицо, опять началъ съ наоосомъ: — Да знаете ли вы, что за фальшивую подпись на протоколѣ опредѣляется по суду лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе!

— А я говорю, — отвѣтилъ я, — что мнѣ ничего не опредѣляется по суду, потому что подпись моя настоящая!

— Такъ, тогда подпишите и свое званіе!

Я прибавилъ: *германскій подданный.*

— Ну, вотъ теперь вамъ ужъ будетъ, ужъ будетъ поселеніе въ Сибири! Отреченіе отъ своего отечества! Измѣна своему законному

государю!— воскликнулъ онъ торжествующе.— Вы, можетъ быть, и Энгель по вашей фамиліи, да только русскій, а не нѣмецкій подданный!

И онъ театрально посмотрѣлъ на меня, какъ бы говоря:

„Вотъ онъ теперь въ моихъ рукахъ!“

Затѣмъ, увидѣвъ, что и это меня не приводитъ къ просьбамъ о прощеніи, онъ вновь пробѣжалъ нѣсколько разъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и вновь остановился передо мной совсѣмъ съ иной, неожиданной для меня, физіономіей. На его глазахъ стояли даже слезы жалости, и притомъ не къ кому другому, какъ ко мнѣ самому!

— Молодой человѣкъ! Мнѣ жаль васъ! Жаль васъ губить! Жаль вашу молодость, вашу неопытность! Жаль вашу мать, которую убьетъ ваша грустная неосторожность! Убьетъ ссылка васъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ, всѣхъ правъ состоянія за неосмотрительное названіе себя нѣмецкимъ подданнымъ! Я сейчасъ же разорву этотъ протоколъ, и мы напишемъ новый, только скажите, наконецъ, что вы — русскій!

— Какъ же я могу сказать русскій, когда я нѣмецкій подданный Энгель и больше ничего!— отвѣтилъ я, улыбаясь невольно его ломаніямъ и уже войдя въ свою роль.

— Ну, такъ и гибните же! Гибните! Умываю свои руки! Отираю свои слезы! Вы — не достойны ихъ!

И онъ, дѣйствительно, отеръ рукавомъ глаза.

„Господи, какой глупый комедіантъ!— подумалъ я.— Если бъ онъ съ такими пріемами дѣйствовалъ не въ сыскѣ, а на комической сценѣ, какой гомерическій хохотъ возбуждалъ бы онъ! Вотъ оно наше правительство, вотъ они наши начальники, которымъ отданы въ крѣпостную зависимость русскіе обыватели!“

— Пойдемте! Пойдемте отсюда!— закричалъ онъ вскочившему при этихъ словахъ письмоводителю.— Пойдемте къ другому! Тотъ много лучше, много благородвѣе этого! .

И они оба быстро ушли къ Саблину.

Часа черезъ два или три появился въ дверяхъ новый нарядъ изъ четырехъ полицейскихъ. Онъ смѣнилъ прежнихъ и повелъ меня по грязнымъ улицамъ въ мѣстную еврейскую гостиницу, въ которой былъ взятъ уже для меня отдѣльный номеръ во второмъ этажѣ. Вся компанія помѣстилась тутъ же, въ одной комнатѣ со мною. Мой кошелекъ съ деньгами остался у Мѣльскаго. Однако на мое заявленіе, что я хочу ѣсть, одинъ изъ стражи сбѣгалъ въ его квартиру, куда унесенъ былъ также и мой чемоданъ. Вернувшись, онъ сказалъ, что я всегда могу заказывать черезъ свою стражу въ гостиницѣ обѣдъ, ужинъ и чай.

Прошло часа четыре или пять. Начинало смеркаться, и Мѣльскій опять съ шумомъ влетѣлъ ко мнѣ.

— Молодой человѣкъ!— воскликнулъ онъ.— Я вамъ прощаю все, что вы говорили утромъ, но, какъ другъ, я умоляю васъ сказать вашу настоящую фамилію! Подумайте о вашихъ родныхъ! Есть же у васъ кто-нибудь близкій на свѣтѣ! Подумайте, каково будетъ ихъ состояніе, когда они не получатъ отъ васъ извѣстій недѣлю, мѣсяцъ, цѣлый годъ!

Онъ вынулъ носовой платокъ и отеръ слезы, вновь показавшіяся на обоихъ его глазахъ: такъ онъ умиленъ былъ своими собственными словами.

Я промолчалъ. Мнѣ было слишкомъ тяжело думать о своей матери и своихъ близкихъ и слишкомъ противно было слышать о нихъ отъ него.

Увидѣвъ, что я не отвѣчаю, и принявъ это за признакъ паденія духа, онъ воскликнулъ:

— Знаете ли вы, что въ отрицаніи вамъ нѣтъ спасенія! Вашъ провожатый уже васъ назвалъ, но мнѣ только надо, чтобъ вы сами сказали, чтобъ можно было хлопотать о смягченіи вашей участи въ виду добровольнаго сознанія! Сознайтесь же, и я даю вамъ честное слово, понимаете, *даю честное слово благороднаго человѣка*, что вамъ будетъ прощено все, что вы сдѣлали, и я самъ отпущу васъ сейчасъ же на всѣ четыре стороны!.. Что же вы не отвѣчаете?

— Что мнѣ отвѣчать? Мой паспортъ у васъ, посмотрите въ немъ мое имя!

— Молодой человѣкъ!— уже съ искреннимъ отчаяніемъ воскликнулъ онъ и, вставъ въ театральную позу, продолжалъ.— Умоляю васъ именемъ Бога, пострадавшаго за насъ и искупившаго на крестѣ наши грѣхи, скажите свою фамилію!,.

Онъ всталъ передо мною и возвелъ свои глаза къ грязному потолку комнаты.

— Но нѣтъ!— вдругъ воскликнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,— я знаю, вы не вѣрите въ Бога!— Онъ быстро отвелъ глаза отъ потолка.— Только нѣдь вѣрите же вы во что-нибудь другое, высшее насъ, въ какую-нибудь матерію, что ли, или природу, которая создала весь міръ,— вѣдь создалъ же его кто-нибудь?— Такъ потъ этой самой матеріей или природой заклинаю васъ — скажите свою фамилію!

Несмотря на весь трагизмъ моего положенія, серьезности котораго я нисколько не пре-

уменьшалъ, мнѣ стало очень любопытно наблюдать всѣ его такія метаморфозы, явно производимыя съ единственной цѣлью — доставить въ Петербургъ новую жертву для Третьяго Отдѣленія и получить за нее соотвѣтствующую „награду". А награда уже, очевидно, мерещилась его жаднымъ глазамъ, не менѣе какъ въ удесятеренномъ видѣ, сравнительно съ тѣмъ, что будетъ ему дано въ дѣйствительности, и это именно заставляло его такъ ломаться передо мной.

— Во имя природы и матеріи, какъ ваша фамилія?— повторилъ онъ.

— Энгель!

Все лицо его задергалось отъ бѣшенства, брови сдвинулись, но онъ уже зналъ, что угрозами отъ меня ничего не вырвешь, и потому, быстро пройдя по комнатѣ нѣсколь разъ, онъ справился съ собой и даже, сверхъ всякаго моего ожиданія, недурно сострилъ.

— Можетъ быть, вы и дѣйствительно ангелъ (Engel) для кого-нибудь, но только не для меня! Нѣтъ, не для меня! Для меня вы хуже чорта!

Затѣмъ лицо его вдругъ приняло очень коварное выраженіе. Очевидно, новая мысль мелькнула въ его ограниченномъ, но хитромъ, какъ у обезьяны, мозгу.

— Господи! Господи! — возопилъ онъ съ дѣланнымъ отчаяніемъ. — Какой позоръ! какой позоръ! Вонъ онъ, образованный человѣкъ,—и Мѣльскій показалъ на меня своимъ городовымъ, съ неподвижными лицами слушавшихъ его, и тутъ первно зашевелившимся, не зная, что имъ дѣлать.—Онъ хотѣлъ добра народу, а боится это прямо заявить!—Скрываетъ свою фамилію, какъ уголовный бродяга! Какой позоръ! какой позоръ! Гдѣ же всѣ эти ваши разныя тамъ идеи! Гдѣ онѣ? Гдѣ? Скажите мнѣ! Не позорьте ихъ своимъ трусливымъ поведеніемъ! Не берите себѣ за образецъ воровъ и мошенниковъ, которые всегда такъ поступаютъ? Развѣ вамъ есть чего стыдиться?

„Хочетъ повліять на мое мелочное самолюбіе, — подумалъ я, видя, какъ сквозь стекло, всѣ движенія его элементарной психики,—думаетъ, что вотъ я, въ порывѣ мелочнаго самолюбія, сейчасъ же и каркну, какъ ворона въ баснѣ Крылова, а онъ, какъ лисица, тутъ же и подхватитъ свой желаемый отъ меня кусочекъ сыра".

Убѣдившись, что и это не дѣйствуетъ, онъ далъ, наконецъ, себѣ передышку. Промучивъ меня своими приставаніями битыхъ два часа, онъ ушелъ, заявивъ торжественно:

— Теперь я къ вамъ уже не приду! Но я все узнаю отъ вашего товарища! Я вижу, вы вѣрите еще въ дружбу, такъ я же вамъ покажу на дѣлѣ, каковы пынѣшніе друзья! Всѣ друзья ни за грошъ продаютъ человѣка! И вашъ другъ и спутникъ не лучше другихъ! Скажите же сами! Какъ ваша фамилія?

— Энгель!—отвѣтилъ я.

Онъ стремительно выскочилъ въ дверь и бѣшенно захлопнулъ ее за собой.

— Сильно разсердился!—сказалъ мнѣ старшій городовой. — Отомститъ! Я знаю его! Ужъ лучше скажите ему все!

— Да я же, и въ самомъ дѣлѣ, Энгель!— возразилъ я, зная что каждое мое слово они передутъ своему начальнику.

Я легъ на постель и сдѣлалъ видъ, что заснулъ. Мнѣ не хотѣлось разговаривать съ ними. У меня было страшно тяжело на душѣ отъ этой необходимости говорить неправду и отъ этихъ монотонныхъ приставаній безъ конца.

...Всю ночь для меня не было ни малѣйшей возможности убѣждать изъ-подъ стражи.

Къ утру, часамъ къ шести, когда мои сторожа смѣнились новыми, уже выспавшимися, у меня не осталось болѣе никакой надежды, что они задремлютъ. Понявъ, что днемъ мнѣ не удается сдѣлать попытки къ побѣгу, я рѣшилъ подкрѣпиться сномъ и, дѣйствительно, забылся на нѣкоторое время, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

* * *

...— Хотите, чтобъ принесли чаю?—сказалъ мнѣ старшій полицейскій, видя, что я уже умылся.

— Да,—сказалъ я.

Онъ отворилъ дверь и... столкнулся тамъ съ самимъ Мѣльскимъ.

Мѣльскій вошелъ ко мнѣ торжествующій.

— Вашъ товарищъ *Саблинъ* просилъ вамъ кланяться! — заявилъ онъ, останавливаясь посреди комнаты и смотря на меня съ насмѣшкой.

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ *Саблинъ*, чтобъ сразу показать мнѣ, что настоящая фамилія моего товарища Брандта ему теперь извѣстна.

У меня промелькнула мысль: „Итакъ, Саблинъ назвалъ ему себя, потому что и ему стало слишкомъ противно разговаривать съ такой противной гіеной. Какъ же мнѣ теперь быть? А что, если это не такъ? Что, если Саблинъ продолжаетъ назвать себя нѣмецкимъ подданнымъ, а Мѣльскій самъ опредѣлилъ его по списку разыскиваемыхъ Третьимъ Отдѣленіемъ? Вѣдь тамъ есть его и мои приметы и

даже совсѣмъ вѣрныя! Можетъ быть, онъ хочетъ меня поймать, чтобъ подтвердить свою догадку? Ну, нѣтъ! Ничего не получишь!“ — подумалъ я.

— Какой Саблинъ?

Мѣльскій поднялъ обѣ руки къ небу, какъ будто взывалъ: Боже, посмотрите на его упорство.

Потомъ сѣлъ у столика противъ меня и, глядя на меня продолжительнымъ взглядомъ, какъ бы созерцая всю глубину моей души, наконецъ, громко сказалъ:

— Понимаю, понимаю, молодой человѣкъ! Вы и теперь еще боитесь выдать своего товарища! Вы думаете, я васъ обманываю, что я самъ его обнаружилъ по разосланнымъ намъ всѣмъ примѣтамъ! Такъ даю же вамъ честное слово благороднаго человѣка, что онъ самъ вчера вечеромъ сказалъ мнѣ свою фамилію потому, что онъ старше и опытнѣе насъ и понялъ, что скрывать ее безполезно.

На этотъ разъ я ему повѣрилъ. И тонъ его голоса да и всѣ обстоятельства дѣла не оставляли для меня никакой возможности сомнѣваться.

— Въ такомъ случаѣ передайте ему поклонъ и отъ меня—Энгеля!

— Энгеля!—воскликнулъ онъ.—Опять Энгеля! Сколько же дней, наконецъ, будетъ вашъ Энгель? Вѣдь я же знаю вашу фамилію! Она тоже — въ присланномъ мнѣ изъ Петербурга спискѣ и съ вашими всѣми примѣтами! Да и вашъ товарищъ вчера сказалъ мнѣ ее!

И опять онъ грустно закачалъ головой.

— Вы, вижу, вѣрите еще въ человѣческую дружбу! Не вѣрьте же, не вѣрьте, молодой человѣкъ! Вѣрьте въ дружбу собаки, кошки, лошади, наконецъ, коровы, но не вѣрьте дружбѣ людей! Она только до тѣхъ поръ, пока выгодна имъ! Онъ все сказалъ о васъ, все, что вы дѣлали и что хотѣли дѣлать, возвращаясь въ Россію. Все, все! Даже болѣе того! Онъ многое прямо налгалъ на насъ для собственнаго своего спасенія, чтобъ выслужиться передъ правительствомъ!

И комиссаръ опять началъ качать головой, какъ бы говоря про себя: какая низость, какая низость!

— Да-съ!—воскликнулъ, наконецъ, онъ.— Да-съ! Я увѣренъ, что многое изъ того, что онъ мнѣ вчера наговорилъ о васъ, онъ прямо налгалъ! Нѣтъ! Я ему не вѣрю! Я хочу все слышать отъ васъ самихъ!

„Ну, опять залгалъ,—подумалъ я.—Саблинъ, очевидно, сказалъ ему свою фамилію, считая безполезнымъ ее скрывать. На это онъ имѣлъ полное право, но обо мнѣ онъ, конечно, не сказалъ и не скажетъ ему ни одного слова“.

— А что же говорилъ вамъ обо мнѣ Саблинъ?—спросилъ я.

— Онъ сказалъ, что вы русскій эмигрантъ, давно разыскиваемый Третьимъ Отдѣленіемъ.

— Неправда!—отвѣчалъ я.—Саблинъ вамъ сказалъ только одно: что онъ русскій эмигрантъ, а я нѣмецкій подданный Энгель, ѣхавшій съ нимъ случайно.

— А кто вамъ передалъ нашъ разговоръ? Это вы? — обратился онъ грозно къ моимъ сторожамъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе!—отрапортовалъ старшій съ испуганнымъ лицомъ.

— Кто же это? — воскликнулъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да это я самъ догадался, потому что ничего другого Саблинъ сказать не могъ.

Мѣльскій весь покраснѣлъ. Онъ понялъ, что попался въ ловушку и теперь ему нельзя болѣе клеветать мнѣ на Саблина.

— Вы очень догадливы!—сказалъ онъ мнѣ иронически, но съ явной досадой и злостью.— Но только напрасно думаете, что это вамъ поможетъ выскользнуть изъ моихъ рукъ!

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты, сказавъ въ дверяхъ моимъ сторожамъ:

— Смотрите зорко, чтобъ не убѣжалъ! Отъ него всего ожидать можно!

— Слушаемъ, ваше высокородіе!—отвѣчалъ старшій.

И они дѣйствительно, удвоили свою бдительность.

„Глупо я сдѣлалъ! —подумалъ я.—Не надо было обнаруживать, что не онъ меня, а я его вижу насквозь. Надо было разыгрывать роль упрямаго наивнаго юноши и не выходить изъ нея. Впередъ буду умнѣе!“

— Вы бы лучше все сказали ему,— вновь заувѣщавалъ меня старшій полицейскій.—Онъ будетъ пилить васъ каждый день съ утра до вечера и не отстанетъ, пока не исполните всего, что ему нужно.

И Мѣльскій, дѣйствительно, пилилъ меня безъ устали цѣлыхъ пять дней. Правда, онъ и самъ могъ бы догадаться, кто такой я. У него былъ списокъ разыскиваемыхъ тогдашней охраной, съ моей фамиліей, и тамъ были даны мои примѣты: „двадцати лѣтъ, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи и тонкими чертами лица, шатенъ, съ карими глазами, борода и усы едва замѣтны, носитъ очки“. Однако въ спискѣ разыскиваемыхъ было еще нѣсколько лицъ съ очень неопредѣленными примѣтами, и потому Мѣльскій не рѣшался козырнуть наудачу моей фамиліей, такъ какъ тогда ему нельзя было

бы продолжать свои утвержденія, что онъ давно уже знаетъ, кто я, и даже, какъ онъ похвастался разъ, давно ждалъ на границѣ моего возвращенія.

— Ну-съ, молодой человѣкъ! — воскликнулъ Мѣльскій, вновь влетая ко мнѣ раннимъ утромъ на шестой день.—Теперь вы въ моихъ рукахъ! Вы были упорны! Никакія мои усилія не могли васъ заставить сознаться! Такъ вотъ я доведу васъ до сознанія, да-съ, доведу другимъ способомъ! Вашъ путеводитель, этотъ плутъ контрабандистъ Крюгеръ, скрывавшійся отъ меня три дня по ту сторону границы, вчера вечеромъ снова вернулся сюда къ своей семьѣ! Онъ хоть и нѣмецкій подданный, а домъ его и вся его семья здѣсь, и я каждый день ждалъ, что онъ придетъ домой! Теперь онъ вернулся, и я его сейчасъ же арестовалъ! Онъ уже сидитъ при полиціи и всякія свиданія съ нимъ его жены и шестерыхъ дѣтей прекращены, пока онъ не скажетъ вашей настоящей фамиліи! Его жена ревётъ, валяется передо мной на колѣняхъ, дѣти плачутъ, онъ самъ плачетъ и умоляетъ выпустить; говоритъ, что ничего не знаетъ, что его арестъ есть разореніе всей его семьи! Но я не таковъ, чтобъ уступить! Я имъ сказалъ: вините въ своемъ разореніи того, кого онъ перевозилъ черезъ границу, этого молодого человѣка, который называетъ себя Энгелемъ, а въ душѣ безжалостнѣе чорта!

Онъ остановился снова въ театральной позѣ и насмѣшливо смотрѣлъ мнѣ въ лицо, явно сознавая, что пустилъ въ своей игрѣ новый козырь, на который вполнѣ разсчитывалъ. Затѣмъ онъ началъ торжественнымъ тономъ, наблюдая за впечатлѣніемъ каждаго своего слова:

— Идите, говорю я женѣ и дѣтямъ Крюгера, просите на колѣняхъ этого Энгеля сказать свою настоящую фамилію, и я даю вамъ честное слово благороднаго человѣка, что сейчасъ же выпущу Крюгера,—его мнѣ не надо!

Онъ снова посмотрѣлъ мнѣ иронически въ лицо.

— Такъ хотите сейчасъ же сказать свою фамилію или желаете сначала видѣть въ своей комнатѣ всѣхъ его плачущихъ дѣтей, на колѣняхъ умоляющихъ васъ?

Онъ явно торжествовалъ и уже заранѣе предвкушалъ успѣхъ. Физіономія его теперь напоминала мнѣ гіену, скалящую отъ удовольствія свои зубы при видѣ обезпеченной добычи. Онъ сбросилъ теперь маску и былъ отвратителенъ въ своей откровенности.

„Да, онъ теперь не врётъ,—подсказалъ мнѣ инстинктъ,—и онъ, дѣйствительно, погубитъ всю эту бѣдную семью изъ-за простой возможности привести меня въ Третье Отдѣленіе не безымяннымъ, а съ моей настоящей, „открытой имъ“, фамиліей, такъ какъ онъ думаетъ, что тогда болѣе выдвинется на глаза начальству и получитъ большую награду. Я не хочу— думалъ я—губить изъ-за себя невинныхъ дѣтей и бѣдную женщину, и какъ ни непріятно, но мнѣ придется теперь помочь этому поставщику человѣческаго мяса устраивать свою карьеру на счетъ моей жизни. Мнѣ нѣтъ другого выхода. А вдругъ онъ и тутъ вретъ,—мелькнула у меня мысль,—и у него ничего нѣтъ въ запасѣ? Я имѣю право сказать свою фамилію, разъ это не вредитъ никому, кромѣ меня, для спасенія другихъ, но я не хочу быть надутымъ этой гадиной. Надо проовѣрить его слова“.

— Какъ ваша настоящая фамилія?—громко и твердо воскликнулъ онъ.

— Энгель!—отвѣтилъ я.

— Такъ бѣги же въ управленіе! — приказалъ онъ сопровождающему его городовому,— и веди ихъ всѣхъ сюда! Пусть поревутъ здѣсь!

Городовой выбѣжалъ. Сидя у окна, я видѣлъ, какъ онъ переѣхалъ площадь. Черезъ пять минутъ онъ вновь появился на ней въ сопровожденіи плачущей женщины и нѣсколькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ.

У меня сжалось сердце. Сомнѣнія прекратились. Нанять какое-либо подставное семейство вмѣсто Крюгера онъ, конечно, могъ, но весь видъ его показывалъ, что трагедія была устроена имъ реальная, а не подложная.

— Довольно! — сказалъ я ему. — Пошлите сейчасъ же другого вашего городового съ приказаніемъ освободить Крюгера, и я скажу вамъ свою настоящую фамилію.

— Вѣрно?—спросилъ онъ.

— Вѣрно!—отвѣтилъ я.

— Такъ иди! — обратился онъ къ одному изъ городовыхъ и вели немедленно освободить его! А тѣхъ не приводи! — онъ указалъ на подходящее къ крыльцу гостиницы плачущее семейство.

— Слушаю-съ!—сказалъ городовой и быстро вышелъ.

— Моя фамилія Морозовъ!—сказалъ я.

— Морозовъ! — воскликнулъ онъ торжествующе.—Я такъ и зналъ это!

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ. Все лицо его теперь сіяло отъ самодовольства.

...Пограничный комиссаръ тотчасъ же убѣжалъ съ очевидной цѣлью немедленно телеграфировать въ Третье Отдѣленіе о поимкѣ имъ двухъ „важныхъ политическихъ преступниковъ“.

Прошелъ еще день и одна ночь, и Мѣльскій ко мнѣ не являлся. Затѣмъ за мной пришли трое жандармовъ и повели въ сопровожденіи также и всѣхъ четырехъ моихъ полицейскихъ на станцію. Тамъ меня помѣстили въ отдѣльное купэ третьяго класса и повезли въ Петербургъ. Саблина не было нигдѣ видно. Повидимому, онъ былъ отправленъ туда еще наканунѣ".

Можетъ ли быть радикально измѣненъ климатъ земного шара?

„Почти нѣтъ предѣловъ пытливости человѣческой и почти нѣтъ ей преградъ", — пишетъ въ восторгѣ М. О. Меньшиковъ по поводу грандіознаго проекта Райкера и не менѣе грандіозной, по ея значенію, идеи Амундсена, посвящая этимъ проекту и идеѣ одно изъ лѣтнихъ своихъ „писемъ къ ближнимъ" („Нов. Вр." № 13383). „Можетъ быть, это сказка, но сказка такая красивая". Такъ характеризуетъ онъ упомянутый проектъ, и эти слова его можно было бы взять эпиграфомъ къ цитируемому далѣе фельетону. Какъ ни далеки, допустимъ, отъ трезвой дѣйствительности смѣлые замыслы мечтателей въ родѣ Райкера, по крайней мѣрѣ при настоящихъ условіяхъ, но хорошо уже и то, что время отъ времени такіе „безумные" планы приходятъ кому-нибудь въ голову. Подобные проекты какъ-то особенно даютъ чувствовать, что человѣкъ все-таки, какъ бы тамъ ни было, прирожденный царь земли—царь если и не de facto, то de jure, царь, достойный своего царства.

„Сибирская печать,— пишетъ г. Меньшиковъ,— съ большимъ волненіемъ разбираетъ проектъ нѣкоего К. Л. Райкера объ измѣненіи климата земного шара. Этотъ изобрѣтатель открылъ, какъ онъ увѣряетъ, легкую возможность дать Европѣ вѣчное лѣто, создать изъ Сибирскаго ледовитаго побережья—цвѣтущій и прохладный берегъ, который будетъ привлекать въ лѣтнее время милліоны дачниковъ. Та неизмѣримая и мертвая пустыня, которую Маркъ Твэнъ предлагалъ американскимъ спиритамъ купить у русскаго правительства для основанія царства духовъ,— вся эта безконечная тундра и тайга съ сорокаградусными морозами смѣнятся благодатнымъ климатомъ у *незамерзающаго* океана. Райкеръ открылъ, видите ли, способъ растопить приполярные льды, согрѣть сѣверное полушаріе и охладить несносную, какъ вѣчный адъ, тропическую зону.

И всего-то это будетъ стоить двѣсти милліоновъ доларовъ,—всего лишь половину той суммы, которую пропиваетъ ежегодно народъ русскій.

Но это же бредъ,—заявитъ скептическій читатель. Кто знаетъ, отвѣчу я,—можетъ быть и не совсѣмъ бредъ. Райкеръ указываетъ на всѣмъ извѣстныя реальныя климатическія причины, которыя измѣнить до нѣкоторой степени во власти человѣка. Постройте молъ или точнѣе—песчаную отмель въ двѣсти миль длиной къ востоку отъ Ньюфаундленда—вотъ вамъ и все разрѣшеніе чудесныхъ метаморфозъ, описанныхъ выше. Загородите холодное теченіе, идущее вдоль береговъ Лабрадора, сильно охлаждающее Гольфстремъ. Заставьте это холодное теченіе съ нантукетскаго мелководья пройти подъ Гольфстремомъ на глубинѣ одной мили,—и вы сохраните высокую температуру великаго потока водъ, согрѣвающаго теперь Западную Европу, но неспособнаго уже согрѣть сѣверные берега Сибири.

Все это съ перваго взгляда кажется безумiемъ, но прорытіе Суэцкаго и Панамскаго каналовъ доказало, что современный человѣкъ въ состояніи очень серьезно вліять на географію земного шара. Если въ глубокой древности строились колоссальныя и столь же безсмысленныя пирамиды, китайскія тысячеверстныя стѣны, вавилонскія башни, то не суждено ли нашей эпохѣ превзойти полудикихъ предковъ и въ созданіе еще болѣе гигантскихъ построекъ вложить гигантскіе же замыслы? Дѣло инженеровъ и гидротехниковъ рѣшить, имѣются ли шансы задержать огромной плотиной морское теченіе, какъ плотинами меньшаго размѣра удается регулировать теченіе великихъ рѣкъ и морскихъ приливовъ. На первый взглядъ кажется, что почему бы и не достичь успѣха. Вѣдь естественные острова и полуострова отклоняютъ же путь того же Лабрадорскаго теченія или Гольфстрема. Почему не оказать того же вліянія и искусственнымъ полуостровамъ или мелямъ? Насыпь въ 350 верстъ длиной—дѣтская шутка въ сравненіи съ желѣзнодорожными насыпями на тысячеверстныхъ линіяхъ.

По соображеніямъ Райкера, огромная отмель, идущая къ востоку отъ Ньюфаундленда, заставляетъ холодное теченіе Лабрадора искусственно подниматься на поверхность и охлаждать Гольфстремъ. Если запереть эту банку и продолжить ее къ востоку, то великіе потоки—одинъ отъ полюса, другой изъ вѣчнаго котла Мексиканскаго залива—разойдутся сами собой и явятся способными на несравненно болѣе широкомъ пространствѣ расходовать свои запасы—тепла для сѣвера и холода для юга. Какъ врачъ вмѣшивается въ неправильное

кровообращеніе организма, такъ современный инженерный геній пытается вмѣшаться въ космическую физіологію земного шара. Она съ точки зрѣнія человѣческихъ интересовъ неправильна,—почему не произвести маленькую хирургическую операцію?

Пора посмотрѣть на стихійную жизнь земли болѣе сознательными глазами. Хотимъ мы этого или нѣтъ, мы давно вліяемъ на климатъ земного шара, но къ сожалѣнію всего чаще это вліяніе разрушительно. Истребленіемъ лѣсовъ, распахиваніемъ степей Россія на памяти всего двухъ поколѣній довольно рѣзко измѣнила свой климатъ—и къ худшему. Обширныя мертвыя пустыни на всѣхъ материкахъ, пустыни, когда-то процвѣтавшія, свидѣтельствуютъ, что дикари и варвары, умертвивъ природу, умертвили тѣмъ самымъ и свое потомство. На вершинахъ волшебной христіанской цивилизаціи почему не использовать накопившихся средствъ для возстановленія жизни на землѣ,—притомъ во всей ея возможной роскоши? Противъ жителей теплыхъ странъ намъ приходится нести множество лишнихъ расходовъ на топливо, теплую одежду, теплые дома и пр., а главное — наша жестокая зима на полгода останавливаетъ производительность природы и народнаго труда. Сосѣди снимаютъ двѣ и три жатвы въ годъ, а мы—одну. Принужденное на полгода запираться въ душныхъ жилищахъ съ искусственной температурой, все наше племя полжизни проводитъ безъ чистаго воздуха—главнаго условія здоровья. Смягчить нашъ климатъ, довести его до уровня итальянскаго или хотя бы французскаго было бы, конечно, такимъ небеснымъ даромъ, исчислить благія послѣдствія котораго невозможно. А что если идея Райкера не бредъ?

Всѣ мы съ дѣтства помнимъ впечатлѣніе стихійной мощи Гольфстрема, какъ въ микроскопическомъ размѣрѣ,—стихійной мощи Нила. Но англійскіе инженеры уже вполнѣ овладѣли рѣкою Ниломъ и на ассуанской плотинѣ регулируютъ расходъ воды съ точностью, если угодно, чайнаго стакана. Гольфстремъ—тоже рѣка, только увеличенная въ милліоны разъ и текущая въ океанѣ, а не на материкѣ. Ширина этой горячей рѣки семьдесятъ верстъ, глубина 170 саженъ. Какъ въ Нилѣ специфическое и драгоцѣнное качество—землистые осадки, такъ и въ Гольфстремѣ—его температура, доходящая до 28 град. Цельсія. Ужасающее экваторіальное солнце нагрѣваетъ Мексиканскій заливъ точно вѣчную горячую ванну, и отсюда на многія тысячи миль движется горячій потокъ, согрѣвающій атмосферу Европы и воды ея прибрежій. Безъ Гольфстрема не только Россія и Скандинавія, но даже Англія была бы оледенѣлой пустыней. Спрашивается, почему не продвинуть нѣсколько дальше благодѣтельнаго замысла природы, почему не помочь послѣдней средствами научнаго генія?

Я вовсе не настаиваю на томъ, что проектъ Райкера—геніаленъ; по простотѣ онъ очень заманчивъ, но возможны, конечно, кое-какія сомнѣнія, въ родѣ тѣхъ, что высказываетъ г. Линьковъ въ майской книжкѣ „Сибирскаго Архива“. Самымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ Райкера является то, что одна болѣе высокая температура еще не дѣлаетъ воду легкой, и стало-быть съ постройкой искусственной банки Лабрадорское теченіе можетъ и не пойти *подъ* Гольфстремъ. Кромѣ Лабрадорскаго въ Ледовитомъ океанѣ имѣются и другія холодныя теченія. Въ частности для Сибири очагомъ холода служитъ Карское море, загороженное отъ Гольфстрема Новой Землей и Вайгачемъ. Пришлось бы срыть эти громадные острова или расширить ворота между ними: вещь совсѣмъ легкая, если имѣть карту на столѣ и карандашъ, но въ натурѣ нѣсколько болѣе затруднительная. Наконецъ, является еще вопросомъ: слѣдуетъ ли желать того, чтобы приполярные льды растаяли. Открывшій южный полюсъ знаменитый Амундсенъ даетъ новую идею относительно роли полярныхъ льдовъ. По его мнѣнію, они являются движущей силой на поверхности земного шара, своего рода „паровыми котлами“ послѣдняго. Льды охлаждаютъ воздухъ и воду; холодная—болѣе плотная вода и воздухъ оказываютъ давленіе на нагрѣтыя части океановъ,—отсюда океаническія теченія и пассаты, регулирующіе климатъ земли. „Если бы сила, которую развиваютъ полюсы, внезапно прекратилась,—говоритъ Амундсенъ,—то вся дѣятельность на землѣ также прекратилась бы. Большинству людей будетъ совершенно нова мысль, что вся сила и вся жизнь идетъ отъ замерзшихъ областей на полюсахъ, и однако это такъ“.

Какъ извѣстно, Амундсенъ снаряжаетъ дорогую и многолѣтнюю экспедицію къ сѣверному полюсу, разсчитывая окружить полярный басейнъ метеорологическими станціями (Аляска, Шпицбергенъ, Лабрадоръ, Сибирь). Съ помощью безпроволочнаго телеграфа Амундсенъ будетъ поддерживать съ этими станціями постоянное сообщеніе. Предполагается точное изслѣдованіе полярныхъ теченій и ихъ дѣйствія на флору и фауну океана. Неприступное царство смерти откроетъ намъ, наконецъ всѣ свои тайны,—и кто знаетъ, можетъ быть человѣчество когда-нибудь серьезно примется за перестройку земного шара, за корректуру природы, далеко не

всегда и не вездѣ отвѣчающей нашему благу.

Передвигать острова и морскія теченія—довольно дерзкая претензія изобрѣтательныхъ умовъ, какъ и предложенный когда-то Жюль Верномъ способъ устранить наклоненіе земной оси къ эклиптикѣ отдачей выстрѣла изъ исполинскаго орудія. Успѣхъ послѣдней артиллерійской операціи уравнялъ бы климатъ земного шара. Но кромѣ подобныхъ гиперфантастическихъ замысловъ существуютъ можетъ быть гораздо болѣе скромныя возможности регулировать на землѣ тепло и холодъ. Несомнѣнно найдутъ способы для собиранія тепловой энергіи и для легкой передачи ея на сѣверъ, какъ уже найдены способы полученія низкихъ температуръ. Мы еще не умѣемъ управлять погодой, но изученіе ея дало уже возможность нѣкотораго предсказыванія. Метеорологія быстро идетъ впередъ, а воздухоплаваніе несомнѣнно подтолкнетъ изученіе атмосферы и ея механики. Пользуясь даже неизмѣнными дѣятелями природы, человѣкъ несомнѣнно используетъ ихъ въ направленіяхъ, о которыхъ намъ и не грезилось".

Отзывы о книгахъ.

* Шмурло. 012:92(II)

См. порядк. № 673.

644. Коровинъ, Б. 087

Вуколка и Николка Изд. „Задруга“ М. 1912. Стр. 32. Ц. 15 к., въ папкѣ — 25 к.

Книга К. назначена для дѣтей, но и взрослый съ удовольствіемъ прочитаетъ этотъ прелестный разсказъ о двухъ пріятеляхъ-мальчикахъ, различныхъ по наружности и характеру, не могущихъ жить одинъ безъ другого. Напечатана она такимъ крупнымъ шрифтомъ и изложена столь простымъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и увлекательнымъ языкомъ, что ее можно дать въ руки дѣтямъ, едва научившимся читать. Картинки въ книжкѣ очень выразительны. (*И. И. „Вятск. Р.“. 1913—264*).

Дѣти 6—7 лѣтъ заинтересуются порой забавными, а порой и трогательными приключеніями двухъ пріятелей — толстаго и тощаго, медлительнаго и проворнаго. Но чрезмѣрная краткость лишаетъ разсказъ художественности; дается какой-то торопливый, сухой пересказъ событій, а не живое, картинное ихъ изображеніе. Не будь этого недостатка, разсказъ былъ бы цѣннымъ и для дѣтей постарше... Издана кн. хорошо и цѣна доступная. (*О. А. „Рус. Шк.“ 1913—4*).

Для чего написана эта книжка? Повидимому, авторъ хотѣлъ познакомить читателей съ двумя характерами, но тогда зачѣмъ было преподносить имъ готовые выводы, а не предоставить самимъ разбираться, проводить параллель между двумя типами по внѣшнимъ проявленіямъ? А такъ... что можетъ дать этотъ странный, искусственно нанизанный перечень контрастовъ? (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—2*).

645. Сегюръ-де, гр. 087

Урсонъ и Віолетта. Перев. съ франц. Ек. Урыповичъ, съ рис. худ. А. Комарова. Изд. Сытина. М. 1913. Ц. 30 к.

Если сказкѣ трудно обойтись безъ помощи фей, если на борьбѣ двухъ началъ,—свѣтлаго и мрачнаго,— строитъ она чаще всего свое содержаніе, то все же она можетъ быть и поэтична, и жизненна. Такова какъ-разъ сказка гр. де-С. Она богата дѣйствіемъ, захватывающимъ драматизмомъ, согрѣта глубокимъ, искреннимъ чувствомъ. Печальная судьба царевича, съ малыхъ лѣтъ превращеннаго яростной феей-жабой въ уродливаго медвѣжонка, самоотверженная любовь Віолетты, скорбь матери,—все это передано сильно и живо. Мораль, положенная въ сказку, не мѣшаетъ горонимъ ея страдать и радоваться, жить своей полной жизнью. Несомнѣнно, сказка произведетъ сильное впечатлѣніе на юнаго читателя. А эта внѣшняя обстановка дремучаго лѣса съ его волшебными тайнами, поэтически разсказанными, настраиваетъ еще больше. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—25*).

Я не сомнѣваюсь, что дѣти будутъ читать эту книжку съ увлеченіемъ, хотя для младшаго возраста языкъ нѣсколько труденъ. Издана книжка довольно изящно; крупная печать, недурные рисунки при недорогой цѣнѣ—обѣщаютъ ей широкое распространеніе. (*М. Черняевъ. „Дош. Восп.“ 1913—3*).

Фантастическая сказка, вся проникнутая великодушіемъ и самопожертвованіемъ благородныхъ сердецъ Урсона и Віолетты, которымъ помогаетъ добрая фея Греза въ борьбѣ со злою феей Яростью. Въ концѣ-концовъ добродѣтели торжествуютъ, и ребята, съ упоеніемъ слушающіе сказку, очень довольны. (*„Сиб. Жизнь“. 1913—41*).

646. Freud, S. 132:7

Психоанализъ дѣтскаго страха. Авториз. перев. „Психотерапевтическая библ. IX“. Книгозд. „Наука“. М. 1913. 150 стр. Ц. 1 р.

И флагъ „психотерапевтической библіотеки“, и редакціонная аттестація психоанализа, какъ ингредіента психотерапіи, едва ли кого убѣдятъ въ пользѣ отъ чтенія такой „книги“, какъ данная брошюра Ф., задавшаяся цѣлью разобрать случай страха у 5-лѣтняго ребенка на основаніи записей и психоаналитической начитки фрейдиста-отца. Безъ научной объективности, безъ достаточнаго клиническаго обоснованія, съ предвзятой точки зрѣнія фрейдизма отцомъ производились эксперименты, а Ф. взялся ихъ истолковать. Объектомъ этой преступной работы былъ четырехлѣтній мальчикъ-дегенерантъ, отмѣченный наслѣдственностью, съ конституціей навязчивыхъ состояній и съ повышенными половыми влеченіями, истощенный опанизмомъ, у котораго выступаютъ навязчивыя явленія въ эмоціональной сферѣ въ видѣ фобій (страховъ) разнаго рода. Благодаря стараніямъ отца и руководству Ф. на этомъ разстройствѣ, путемъ паведенія возбужденія, воображенія и вплетенія различныхъ сексуальныхъ представленій, насланваются стереотипныя мысли о половыхъ, мочевыхъ и экскреторныхъ отправленіяхъ, вплоть до представленій о половыхъ сношеніяхъ съ родной матерью; обработка обсессіонной почвы доводитъ ребенка до настоящаго розонированія вокругъ фобій и сексуальныхъ представленій къ великой радости психоната-отца и ослѣпленнаго врача. Для любителей грязи ради грязи въ этой брошюрѣ найдется немало пикантныхъ страницъ: въ глазахъ ищущихъ научной правды книга окажется сплошнымъ недоразумѣніемъ; тѣ же родители и педагоги, кому интересны искапія въ области половой проблемы, отвернутся съ негодованіемъ, встрѣтивъ ничѣмъ не оправданное, идущее вразрѣзъ съ медицинскими традиціями и идеалами мучительство и загрязненіе дѣтской души. (*Г. Россолимо. „Рус. Вѣд.“ 1913—131*).

По признанію д-ра Фельцмана, редактора перевода книги, въ ней нѣтъ ничего практически

полезнаго для леченія или для воспитанія. Зато спеціалисты-психіатры найдутъ въ ней богатый матеріалъ для своихъ выводовъ. (*„Рус. Молва“. 1913—154*).

Единичному случаю авторъ придаетъ важное значеніе и считаетъ возможнымъ сдѣлать изъ него широкое обобщеніе, примѣняя выводы психоанализа не только къ явно больнымъ, но и здоровымъ дѣтямъ. Работа Ф. даетъ лишній убѣдительный доводъ для тѣхъ, кто является сторонникомъ равнаго ознакомленія ребенка съ половымъ вопросомъ; тѣхъ же, которые придерживаются противоположнаго взгляда, эта работа можетъ еще болѣе утвердить въ ихъ мнѣніи, такъ какъ впечатлѣніе, получаемое отъ психоанализа, слишкомъ неэстетично, чтобы можно было примѣнить этотъ методъ на практикѣ. (*М. С—кій. „Сиб. Жизнь“. 1913—88*).

* [. 3:374

Программы для самообразованія.
См. порядк. № 652.

647. Ямзинъ, И. 325(47)

Переселенческое движеніе въ Россіи съ момента освобожденія крестьянъ. Кіевъ. 1912. Стр. 168+XIV+4 діагр.

Переселенческое дѣло разсматривается Я. со стороны отношенія къ нему, общаго его хода, его причинъ и слѣдствій въ мѣстахъ выхода и входа переселенцевъ. Главными матеріалами служили автору изданія переселенческаго вѣдомства и немногія спеціальныя земскія изслѣдованія. Соотвѣтственно имѣющимся матеріаламъ отдѣльныя части изслѣдованія Я. обнимаютъ неодинаковыя промежутки времени; общій ходъ переселенческаго дѣла доведенъ имъ до 1912 г., но изслѣдованія о причинахъ переселенія (кромѣ черниговскаго) и о положеніи сибирскихъ новоселенцевъ основываются на данныхъ не новѣе начала истекшаго десятилѣтія, а самый послѣдній и наиболѣе интересный періодъ переселенческаго движенія остается въ этомъ отношеніи не изученнымъ. Книга Я. читается съ большимъ интересомъ, но не вездѣ изложена достаточно вразумительно и, повидимому, изобилуетъ неисправленными опечатками. (*В. В. „Вѣст Евр.“ 1913—4*).

Небольшая по объему, но содержательная книжка Я. представляетъ собою студенч. сочиненіе, награжденное медалью и преміей Н. Х. Бунге и напечатанное ун-томъ. Появленіе въ свѣтъ работы Я. нельзя не признать вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ. Книга, конечно, стоитъ далеко выше обычнаго уровня студенческихъ, хотя бы и медальныхъ, сочиненій. Тѣмъ не менѣе въ ней чувствуется если не молодость автора, то во всякомъ случаѣ чрезмѣрная спѣшка въ обработкѣ матеріала; неблагопріятнымъ образомъ отразились на кн. Я. и условія работы въ провинціи, лишившія автора возможности использовать немалую долю относящихся къ вопросу матеріаловъ. (*А. Кауфманъ. „Рус. М.“ 1913—2*).

Мы охотно бы привѣтствовали небольшой по объему, но весьма содержательный трудъ молодого писателя, добросовѣстно использовавшаго бывшіе у него подъ руками, правда, неполные матеріалы, вдумчиво изслѣдовавшаго многія существенныя стороны переселенческаго дѣла и освѣтившаго ихъ, въ общемъ, осторожными и правильными, на нашъ взглядъ, выводами, если бы этотъ трудъ помогъ публикѣ разобраться въ поставленныхъ правительствомъ практическихъ вопросахъ. Къ сожалѣнію, авторъ какъ разъ оставилъ безъ вниманія именно тѣ стороны переселенческой проблемы, которыя наиболѣе важны для выясненія сущности проектируемыхъ реформъ. Такъ, онъ опустилъ исторію общины и современное ея положеніе въ Сибири какъ у старожиловъ, такъ и у переселенцевъ, не затронулъ киргизскаго обычнаго землепользованія и туркестанской водной общины, несмотря на то, что бывшіе у него подъ руками матеріалы позволяли изучить этотъ вопросъ. Не коснулся онъ также результатовъ землеустройства, поскольку они успѣли выясниться до настоящаго момента; не далъ, хотя и могъ дать, характеристики существующаго частновладѣльческаго хозяйства. Но самое главное, онъ оставилъ въ сторонѣ самый насущный для переселенческаго дѣла вопросъ о *колонизаціонной емкости* нашихъ азіатскихъ окраинъ. Въ этихъ узкихъ рамкахъ авторъ, какъ уже сказано, выполнилъ свою задачу толково и добросовѣстно, но онъ не далъ ключа къ уразумѣнію современной правительственной политики, ея причинъ и послѣдствій, и лишилъ этимъ свой трудъ *практическаго* значенія. (*Н. Огановскій. „Завѣты“. 1913—3*).

* **Бутенко, В. А.** 329:91(44)
См. поряд. № 671.

648. Литвиновъ-Фалинскій. 331.823

Новые законы о страхованіи рабочихъ. Текстъ законовъ съ мотивами и подробными разъясненіями. 1912 г. Ц. 3 р.

Книга содержитъ въ себѣ; 1) Основныя положенія закона о страхованіи рабочихъ; 2) законъ объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни; 3) законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ; 4) законы объ учрежденіи присутствій и совѣтовъ по дѣламъ страхованія рабочихъ.

Авторъ книги, Л.-Ф.,—управляющій отдѣломъ промышленности. Онъ игралъ большую роль какъ въ дѣлѣ составленія названныхъ законовъ, такъ и въ проведеніи ихъ черезъ наши законодательныя учрежденія. О своей книги онъ пишетъ въ предисловіи: „Преслѣдуя практическую задачу и нося отчасти справочный характеръ, настоящая книга имѣетъ цѣлью притти на помощь, главнымъ образомъ, чинамъ правительственнаго надзора, а равно промышленникамъ. Она является трудно доступной для рабочихъ какъ по характеру изложенія, такъ и по своему объему. Также мало доступенъ пониманію общей массы рабочихъ самый текстъ обширныхъ и сложныхъ страховыхъ законовъ“. (*„Голосъ“. 1913—69*).

Книга Л.-Ф. обильно снабжена законодательными мотивами и соображеніями, которыми руководились составители страховыхъ законопроектовъ и законодательныя палаты. Это не столько юридическій комментарій, сколько опытъ апологіи новыхъ законовъ. Авторъ очарованъ ими, защищаетъ ихъ не только въ цѣломъ, но и каждую деталь въ нихъ. Л.-Ф.—сторонникъ „осторожности“ и „постепенности“, положенныхъ въ основу новыхъ страховыхъ законовъ. Авторъ дѣлаетъ при этомъ неудачную ссылку на Германію, забывая, что въ Германіи, когда обязательное страхованіе толь-

ко впервые вводилось, оно было распространено на 40% рабочихъ, у насъ же оно обнимаетъ лишь 25% рабочаго люда. Теперь же, когда при осуществленіи страхованія введена путемъ „разъяснительныхъ" циркуляровъ широкая факультативность, стало еще очевиднѣе, какъ далеки мы отъ германскаго образца. (*И. Іорданскій „Рус. Вѣд." 1913—48*).

Это типичное казенное произведеніе, написанное чиновничьимъ языкомъ. Сплошная апологія правительства. Вы нигдѣ не найдете ни одного критическаго замѣчанія. Всѣ—верхъ совершенства. Авторъ совершенно игнорируетъ всю критику, которая развернулась въ печати и въ Думѣ по поводу страховыхъ законовъ. (*И. Х. „Наша Заря". 1913—1*).

Главный недостатокъ книги—это ея апологетическій характеръ. Она совершенно не годится для читателя, неспособнаго отнестись къ ней критически. Подготовленый же читатель найдетъ въ ней полезный справочный матеріалъ. (*Н. Вигдорчикъ. „Совр. М". 1913—12*).

649. Розановъ, В. В. 342.3(47)

О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1913. Стр. 87. Ц. 80 к.

Въ руководствахъ по фотографіи обыкновенно преподается, въ качествѣ основного правила: „centrer le centre". „Понимайте центральную точку"... Но это качество не однихъ фотографовъ... Есть писатели съ той же счастливой способностью: въ массѣ деталей и отвлекающихъ вниманіе побочныхъ чертъ, сквозь шелуху историческихъ условій и перемѣнъ, они умѣютъ какъ-то нащупать и „схватить" основное, подлинное, „центръ дѣла". Р. таковъ въ большей части своихъ статей. Его обвиняютъ въ частныхъ недосмотрахъ и разнокачественныхъ „опечаткахъ". Этотъ грѣшокъ дѣйствительно есть за нимъ... Но на-ряду съ этой зыбкостью периферійной линіи (и, можетъ быть, въ связи съ нею?) поразительна его зоркость въ центральномъ, въ томъ, что образуетъ „душу вещей".

Это качество сверкаетъ и въ этой его брошюрѣ. Заглавіе ея едва ли точно: рѣчь идетъ не столько о „подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи", сколько о выраженномъ въ исторіи смыслѣ всякаго (абсолютнаго) монархизма вообще, о психологическихъ, такъ сказать, корняхъ монархіи въ человѣчествѣ. И здѣсь Р. ставитъ превосходный діагнозъ, хотя и смѣшивая, можетъ быть, въ немъ отчасти черты прошедшія и будущія. Прежде всего онъ выводитъ насъ, со своимъ обычнымъ мастерствомъ философа исторіи (каковъ онъ „въ фондѣ" своей души) изъ круга обычныхъ *теперешнихъ* нашихъ представленій. Съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, высшее выраженіе монархическаго принципа есть, конечно, знаменитое изрѣченіе Людовика XIV. Но для Р. значеніе, ему придаваемое, знаменуетъ только стопень утраты первоначальнаго, истинно-созидающаго смысла этого принципа. Въ афоризмѣ короля-солнца читаетъ онъ слишкомъ утилитарный, служебный смыслъ, и пониманіе монархической власти, какъ государственной (управительной) функціи, кажется ему „первымъ ея ограниченіемъ". „*Только* государство—и",—это такъ мало"... Здѣсь отпадаетъ все разнообразіе и психологическая сложность жизни, синтетическими представителями которой и consetto были до тѣхъ поръ короли, „въ смыслѣ власти своей несшіе сверхъ грубыхъ земныхъ элементовъ и элементы мистическіе, черты нежитейской праведности". Этой особой правдой ихъ власти—вѣрнѣе сказать, ихъ положенія,—объясняетъ авторъ непонятную для нашихъ раціоналистическихъ временъ покорность временъ былыхъ власти очевидно неудачливой и даже явно преступной, какъ было и въ нашей исторіи въ дни Іоанна IV. Это тайное основаніе „монархизма" стало неудержимо выѣтриваться, какъ только его коснулось анти-мистическое вѣяніе раціонализма, понявшаго монарха именно только какъ правителя, какъ „перваго изъ чиновниковъ". „Власть эта слишкомъ объяснилась... Главный моментъ революціи, непонятый историками, неуловленный теоретиками государства—есть моментъ *опредѣленія* въ народныхъ представленіяхъ власти монарха, какъ связанной съ чѣмъ-нибудь *опредѣленнымъ* въ его бытіи"... „Это былъ судъ, расправа, борьба не съ монархами, а съ злоупотреблявшими своей властью чиновниками"...

Борьба, приведшая къ апоѳеозу чиновника и чиновничества, или, по крайней мѣрѣ не помѣшавшая ему... Если бы мы задались цѣлью сами centrer le centre разбираемаго писателя, то, мнѣ кажется, мы могли бы опредѣлить его, какъ *врага всяческаго номинализма*. Ненависть къ царству понятій и *слова*... можетъ быть, даже религіозное, „нуменальное" въ Розановѣ — все объясняется отсюда... Онъ весь, говоря языкомъ философіи,—въ категоріи „бытія", усиленно отнихиваясь всѣми средствами отъ наплывающей, побѣдоносной нынѣ категоріи „мышленія". Отсюда и яростная, неукротимая ненависть его къ чиновничеству — къ этому *государственному номинализму*. Чиновникъ для него существо „метафизическое", нѣчто въ родѣ антихриста, „Асмодей и демонъ"... Онъ въ ужасѣ отъ бумажнаго океана „входящихъ" и „исходящихъ", этимъ демономъ непрерывно изъ себя источаемаго, — отъ этой нечестивой „замѣны *вещи словомъ*" и „работы надъ вещью обдумываніемъ слова" (стр. 23)... Монархія тогда брезжится ему, какъ твердая земля „*бытія*", и онъ обращаетъ къ ней свои взоры, хотя и сознаетъ, что это — взглядъ назадъ, т.-е. безнадежный... (*И. Перцовъ. „Нов. Вр." 1913—13291*).

Брошюра написана еще въ 1895 г. и съ присущимъ Р. нѣсколько недисциплинированнымъ и разбѣгающимся по сторонамъ талантомъ, но еще безъ тѣхъ зачастую коробящихъ отступленій, которыя за послѣднее время часто заслоняютъ для не слишкомъ снисходительнаго читателя его подлинную, исключительно своеобразную физіономію. Являясь такимъ образомъ чисто историческимъ документомъ по высказываемымъ въ ней desiderata о носителѣ верховной власти и объ идеальномъ характерѣ этой власти, уже отчасти знакомымъ намъ по хронологически болѣе поздней извѣстной книгѣ покойнаго С. Шарапова, въ своемъ психологическомъ обоснованіи власти монарха, эта брошюра мѣстами представляется блестящей и не утрачиваетъ интереса и теперь, при измѣненной формѣ правленія. (*В. Погоскій. „У. Рос." 1913—102*).

При полной неисторичности сужденій Р. его книжка любопытна, какъ обнаруженіе болѣзненныхъ ощущеній, вызываемыхъ неестественными общественными условіями въ чувствѣ чуткаго гражданина и человѣка. Р. пытался осмыслить

это чувство и предсказалъ за 10 лѣтъ до коренного обновленія русскаго государственнаго строя, послѣдовавшаго въ 1905 г., умаленье вѣками слагавшагося и вѣками существовавшаго полновластія подточеннаго крайнимъ развитіемъ бюрократизма. (*В. Грибовскій. „Ист. Вѣст."* *1913—3*).

650. Змирловъ, К. П., сенаторъ. 343.19

Учрежденіе судебныхъ установленій, измѣненное и дополненное закономъ о преобразованіи мѣстнаго суда, съ законодательными мотивами, разъясненіями сената и алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. Спб. 1913 г. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

Новый законъ о преобразованіи мѣстнаго суда измѣнилъ и дополнилъ дѣйствующіе судебные уставы, въ томъ числѣ и учрежденіе судебныхъ установленій. Сенаторъ З., поэтому, вполнѣ кстати для нуждъ судебной практики, составилъ учрежденіе судебныхъ установленій въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ, согласно новому закону, при чемъ статьи, оставшіяся безъ измѣненія, приведены въ послѣдней редакціи по продолженіямъ свода законовъ и собраніямъ узаконеній послѣднихъ годовъ. Комментированію закова предшествуетъ введеніе, въ которомъ приведены соображенія законодательныхъ учрежденій, послужившія основаніемъ для преобразованія мѣстнаго суда и для устройства на новыхъ началахъ волостного суда. Затѣмъ, подъ каждой статьей закона изложены законодательные матеріалы какъ составителей новаго закона, такъ и составителей судебныхъ уставовъ, а также разъясненія сената. Въ виду того, что правила о введеніи въ дѣйствіе новаго закона еще не изданы, и нѣкоторое время будетъ еще примѣняться дѣйствующее учрежденіе судебныхъ установленій, сенаторъ З. приводитъ подъ каждой измѣненной или отмѣненной статьей текстъ дѣйствующей въ настоящее время статьи, что, естественно, повышаетъ практическую цѣнность новаго комментарія. (*М. Б. „Кіев. Мысль". 1913—10*).

Къ сожалѣнію, составитель не далъ въ сборникѣ ни извлеченій изъ рѣшеній соединеннаго и дисциплинарнаго присутствій сената, ни циркуляровъ мин. юстиціи, исходя изъ того соображенія, что опредѣленія названныхъ присутствій сената и циркуляры не публикуются во всеобщее свѣдѣніе и не могутъ служить поэтому пособіемъ для толкованія законовъ. Врядъ ли можно согласиться съ этими соображеніями. Какъ разъ то обстоятельство, что опредѣленія сената и циркуляры министра недоступны въ ихъ первоисточникѣ каждому, дѣлаетъ особенно цѣнными тѣ извлеченія и тезисы, которые приводятся въ комментированныхъ сборникахъ, составителямъ которыхъ по занимаемому ими положенію открыты пути къ этимъ рѣшеніямъ и циркулярамъ. Пусть *формально* циркуляры министерства и не могутъ служить источникомъ толкованія закона, но кто не знаетъ, что *въ дѣйствительности* они-то какъ разъ и имѣютъ рѣшающее значеніе для судей. Къ недостаткамъ сборника слѣдуетъ также отнести отсутствіе подстатейныхъ указаній на источники: учрежденіе судебныхъ установленій представляется благодаря этому однимъ цѣльнымъ кодексомъ, тогда какъ въ дѣйствительности, благодаря ряду новеллъ, отъ старыхъ судебныхъ уставовъ 1864 года осталась едва ли половина. Точное указаніе на время изданія закона имѣетъ далеко не одно только теоретическое значеніе, а представляетъ громадную важность и для юриста-практика при толкованіи имъ отдѣльныхъ статей закона и установленіи связи ихъ другъ съ другомъ. Напрасно также З. не далъ никакихъ справокъ о сужденіяхъ особой комиссіи и пленума Гос. Думы по поводу закона о мѣстномъ судѣ,—вѣдь *теоретически* и Гос. Думѣ принадложитъ такая же роль въ законодательствѣ, какъ и Гос. Совѣту, и сужденія Думы имѣютъ тоже значеніе законодательныхъ мотивовъ. Издана книга очень прилично, снабжена подробнымъ алфавитнымъ указателемъ и по цѣнѣ недорога. (*М. А. К—съ. „День". 1913—119*).

Книга сенатора З. представляетъ собой весьма цѣнный вкладъ въ область практической юриспруденціи. (*Л. Иваненко. „Журн. Мин. Юст."* *1913—1*).

651. Чириковъ, Евг. 355(497.2)

Поѣздка на Балканы. Замѣтки военнаго корреспондента. „Моск. К—во" М. 1913. Ц. 75 к.

Книга Ч. составлена изъ газетныхъ корреспонденцій, писанныхъ во время войны изъ Болгаріи. Въ концѣ своихъ живыхъ набросковъ авторъ приводитъ слова одного раненаго офицера, которыя ярко характеризуютъ всю его книгу:

„Хочется кричать о глупости и безуміи убиваемыхъ и убивающихъ людей, которые кажутся удивительно жалкими и ничтожными автоматами.

Никакой поэзіи въ бояхъ нѣтъ.

Кругозоръ каждаго сражающагося такъ малъ и ничтоженъ, что ничего величественнаго, приподнимающаго духъ, рождающаго жажду самопожертвованія не является. Видѣлъ самыя прозаическія картины вокругъ себя: разстройство желудковъ, собачью робость, движеніе впередъ только потому, что назадъ итти нельзя. Бой рѣшается гдѣ-то въ пространствѣ, и часто участники его не знаютъ, кто же побѣдилъ, пока это не выяснится какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ. Одно непреложно: дѣлаешься глубокимъ философомъ и притомъ пессимистомъ, и жизнь человѣческая получаетъ вдругъ совершенно новое освѣщеніе: между трупами и живыми людьми сглаживается разница... И собственная жизнь становится совсѣмъ недорогой, бездѣлицей какой-то!" (*А. Ш—ъ. „День". 1913—140*).

Въ рядѣ яркихъ описаній и картинокъ изображаются авторомъ впечатлѣнія, испытанныя имъ во время поѣздки по сербскимъ и болгарскимъ землямъ кругомъ и около войны. Впечатлѣнія—большею частью печальныя. (*Л. С. „Вѣст. Евр."* *1913—6*).

Авторъ, въ качествѣ военнаго корреспондента, описываетъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ и, часто сопоставляя болгарскіе порядки съ русскими, отдаетъ предпочтеніе первымъ. Книга написана живо и остроумно. (*„Рус. Молва". 1913—157*).

* **Фаусекъ, Ю.** 372:68

См. порядк. № 655.

652. [. 374:3

Программы для самообразованія (курсъ высшей школы). Науки общественно-юридическія

Изд. „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія". 1913 г. Ц. 60 к.

Программы домашняго чтенія по четыремъ факультетамъ университетскаго курса, издаваемыя въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ московской комиссіей домашняго чтенія, заносили собѣ солидную и заслуженную репутацію среди лицъ, ищущихъ руководительства въ серьезномъ чтеніи. Въ настоящее время комиссія приступила къ изданію переработанныхъ программъ по нѣсколько иному плану сравнительно съ прежнимъ. Старыя программы пріурочивались къ 4 годамъ университетскаго курса и составляли 4 выпуска, въ каждомъ изъ которыхъ были планы чтенія по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Теперь комиссія рѣшила издавать выпуски отдѣльно для каждаго факультета, что облегчаетъ ихъ пріобрѣтеніе для лицъ, спеціально интересующихся отдѣльнымъ кругомъ знаній.

Первый новый выпускъ посвященъ общественно-юридическимъ наукамъ и заключаетъ въ себѣ рядъ программъ чтенія по отдѣльнымъ наукамъ и ихъ частямъ: по политической экономіи, которая раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ, финансовой наукѣ, статистикѣ, общему ученію о правѣ, исторіи философіи права, государственному, административному, уголовному, гражданскому праву и исторіи русскаго государственнаго права. По каждому предмету приводены литературныя указанія необходимыхъ, рекомендуемыхъ и справочныхъ пособій и дается подробный планъ чтенія. Указанія сдѣланы вполнѣ компетентными учеными съ большимъ вниманіемъ и вдумчивостью. Къ сожалѣнію, только по 2—3 предметамъ приведенъ перечень пробѣрочныхъ вопросовъ, которые значительно помогаютъ работѣ читатели. Слѣдуетъ пожелать введенія такихъ пробѣрочныхъ вопросовъ по возможности для всѣхъ предметовъ.

Разбираемыя программы московской комиссіи продолжаютъ быть наилучшимъ пособіемъ для лицъ, ищущихъ самообразованія. (*М. Соболевъ. „Утро". 1913—1896*).

Программы обнимаютъ слѣдующіе предметы: политическая экономія, аграрный вопросъ, сельско-хозяйственная кооперація, экономія промышленности, рабочій вопросъ, пауперизмъ и попеченіе о бѣдныхъ, соціальныя теоріи въ XIX вѣкѣ, экономія торговли и торговая политика, наука о финансахъ, статистика, общее ученіе о правѣ, исторія философіи права, наука о государствѣ, русское государственное право, административное право, мѣстное самоуправленіе, уголовная соціологія, уголовное право, уголовный процессъ, гражданское и торговое право, крестьянское право, исторія русскаго государственнаго права.

Составителями программъ для чтенія по всѣмъ этимъ предметамъ являются слѣдующія лица, имена которыхъ ручаются за основательность дѣлаемыхъ ими указаній: А. Мануйловъ, В. Желѣзновъ, А. Кауфманъ, А. Аниѳеровъ, О. Бужанскій, С. Загорскій, Л. Горбуновъ, С. Булгаковъ, І. Гольдштейнъ, П. Гензель, П. Каблуковъ, П. Новгородцевъ, Б. Вышеславцевъ, Б. Кистяковскій, В. Устиновъ, П. Авиновъ, Е. Ефимовъ, П. Полянскій, А. Вормсъ, Б. Сыромятниковъ.

Самообразованіе имѣетъ такое большое значеніе у насъ, содѣйствіе лицамъ, ищущимъ самообразованія, столь важно, настоящія „Программы" въ такой мѣрѣ удовлетворяютъ потребности,—что нельзя не пожелать имъ особаго распространенія. (*Н. Др. „Голосъ". 1913—57*).

Этотъ сборникъ является незамѣнимымъ пособіемъ не только для лицъ, стремящихся къ самообразованію по извѣстной программѣ, но и для всѣхъ интересующихся современнымъ положеніемъ политической экономіи и правовѣдѣнія. (*Л. С. „Вѣст. Евр." 1913—4*).

653. Даннеманъ. 5(09)

Исторія естествознанія. Перев. подъ ред. проф. П. И. Боргмана. Одесса. „Mathesis". 1913. Ц. 3 р.

За послѣднее время русская литература по естествознанію обогатилась цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ монографій и учебниковъ, такъ что почти по всѣмъ отдѣламъ естественныхъ наукъ, имѣющимъ сколько-нибудь важное значеніе, можно указать на книги, которыя могли бы ввести читателя въ соотвѣтствующія части науки. Совершенно особнякомъ стоитъ только исторія естествознанія. Правда, имѣется прекрасная книга Аппеля и Лакура въ изданіи „Mathesis", но эта книга имѣетъ цѣлью изложеніе исторіи только физико-химическихъ дисциплинъ, и поэтому можно только привѣтствовать появленіе перевода книги Даннемана, излагающей исторію всего естествознанія. На 474-хъ стр. авторъ даетъ представленіе о развитіи нашихъ знаній въ области математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и геологіи. Текстъ иллюстрированъ рядомъ рисунковъ, взятыхъ у современниковъ. Книга заканчивается изложеніемъ важнѣйшихъ открытій средины прошлаго вѣка. (*И. Лазаревъ. „Рус. Вѣд." 1913—117*).

Въ книгѣ Д. исторія естественныхъ наукъ приведена въ связь со всеобщей исторіей, что дѣлаетъ книгу цѣнной и для историка. Успѣхи естествознанія разсматриваются по отдѣламъ: древній періодъ, новѣйшее время. По изложенію книга доступна и не-спеціалистамъ. (*„Рус. М." 1913—6*).

Переводъ книги Д. можно только привѣтствовать. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ ней рѣзко доминирующее мѣсто отведено развитію физическихъ наукъ. Что касается біологическихъ, то онѣ поставлены на задній планъ. Вообще, глубиной связующей идеи трудъ Д. не отличается. (*В. Талѣевъ. „Бюл. Харьк. О-ва Любит. Прир." 1913—1*).

654 Синицынъ, Д. Ф. 57(02)

Лекціи по біологіи. Часть І. Законъ жизни. Изд. моск. Общ. народн. унив. М. 1913. Стр. 348. Ц. 85 к.

Отъ хорошей популяризаціи требуются: научность содержанія и общедоступность изложенія. Этимъ двумъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяетъ первая часть книги С., и съ этой стороны ее можно рекомендовать какъ хорошее пособіе для первоначальнаго ознакомленія съ біологіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ было желательно, чтобы при послѣдующихъ изданіяхъ были устранены нѣкоторые второстепенные недостатки. Это, во-первыхъ, не вполнѣ удобное расположеніе матеріала. Такъ, описаніе строенія тканей служитъ введеніемъ къ ученію о клѣткѣ. Описаніе приспособленій органовъ предшествуетъ описанію самихъ органовъ. Болѣе существенно отсутствіе хотя бы

краткой характеристики отдѣльныхъ типовъ организмовъ. Отсутствіе подобнаго очерка можетъ сильно затруднить мало свѣдующаго читателя, для кототаго понятія амфибія, гидроидный полипъ и т. д. остаются пустымъ звукомъ. Разъ авторъ призналъ нужнымъ дать очеркъ элементарныхъ основаній химіи, чтобы облегчить читателю пониманіе физіологическихъ процессовъ, то тѣмъ естественнѣе было бы пойти навстрѣчу читателю и въ этомъ направленіи. Сомнѣніе могутъ вызвать и нѣкоторые примѣры автора, какъ, напримѣръ, ссылка на чучела или искусственныя растенія въ качествѣ примѣровъ, когда трудно отличить живую природу отъ мертвой. Эти недочеты не лишаютъ книги крупныхъ достоинствъ, главнымъ изъ которыхъ слѣдуетъ признать обиліе хорошо подобраннаго научнаго матеріала. Внѣшность книги вполнѣ удовлетворительна, и цѣну за нее, принимая во вниманіе количество рисунковъ, нельзя не признать низкой. (*Ю. М. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд.“ 1913 — 7*).

Въ книгѣ этой изложены нѣкоторые основные вопросы общей физіологіи, при чемъ авторъ въ значительной степени пользовался извѣстной книгой Макса Верворна „Общая физіологія“ какъ для текста, такъ и для рисунковъ. Такимъ образомъ заслуга переработки фактическаго научнаго матеріала въ общедоступную форму въ значительной мѣрѣ падаетъ на долю геттингенскаго профессора. Конечно, есть въ книгѣ не мало данныхъ и изъ другихъ источниковъ и данныхъ интересныхъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ программѣ лекцій по общей біологіи, но, къ сожалѣнію, авторъ далеко не всюдѣ находится на высотѣ научныхъ знаній, и въ книгѣ легко найти грубые промахи, которыхъ трудно ожидать, когда авторъ—докторъ зоологіи. Книга написана для широкихъ круговъ публики, почему въ ней особенно неумѣстны иностранныя слова какъ „резистентность“, „диффузный“, „ганглій“, „овулярный“, „аноовулярный“. Публика справедливо жалуется, что русскіе авторы отнаживаютъ ее отъ русскихъ книгъ, заставляя читать эти книги со словаремъ. Это легко избѣжать при желаніи и вниманіи. (*Проф. Г. Кожевниковъ. „У. Рос.“ 1913—16*).

Заглавіе книги, не имѣющей никакого поясните льнаго введенія, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Ее правильнѣе было-бы назвать популярно-научнымъ курсомъ общей зоологіи, т. к. авторъ почти не касается растительнаго царства... Изложеніе ясное и живое. Цѣна книги не высока. (*В. Талѣевъ. „Вѣст. Харк. О-ва Любит. Прир.“ 1913—1*).

* **Холмогорскій, Ѳ.** 63(09):9

См. порядк. № 670.

655. Фаусекъ, Ю. 68:372

Какъ живетъ Баба-Яга. Изд. О. Поповой. Спб. 1913. Стр. 16. Ц. 30.

Большой интересъ представляетъ книжка Ф. „Какъ живетъ Баба-Яга“, примыкающая къ тому направленію въ педагогикѣ въ Россіи и за границей, которое задается цѣлью насадить трудовое начало въ школѣ. Это теченіе вводитъ постановку практическихъ работъ по предметамъ опытнаго характера, лабораторный методъ преподаванія математики и связь педагогическаго ручного труда съ образовательными задачами школы. Въ книгѣ говорится о вырѣзываніи изъ бумаги, но уже какъ воспроизведеніи образа, созданнаго въ воображеніи сказкою.

Сказка — для дѣтей, а не для взрослыхъ, — скажетъ почти всякій, взглянувъ мелькомъ на книжку. Это неправда! Испытываешь рѣдкое удовольствіе, когда встрѣчаешь вдругъ добрыхъ старыхъ своихъ знакомыхъ: Ничутку-Возвятого, Кулей-оборотней, избушку на курьихъ ножкахъ и пр. Когда попадаетъ въ руки такая сказка, начинаешь понимать цѣнность дѣтства. Дѣти это ясновидящіе, а мы сравнительно съ ними — слѣпцы. Предъ ними открыта въ мірѣ сама правда, а по мѣрѣ того, какъ человѣкъ растетъ, на его глаза какъ бы насѣдаетъ пыль. Отъ поры до времени надо смахивать хоть часть этой пыли, для чего не мѣшаетъ брать въ руки хорошую дѣтскую сказку! (*„Рус. Молва“. 1913—58*).

Главный интересъ сказки въ прекрасныхъ, полныхъ наивнаго юмора, рисункахъ-силуэтахъ, иллюстрирующихъ текстъ, составленный примѣнительно къ пониманію дѣтей младшаго возраста. Книжка издана очень изящно. (*„Сарат. Вѣст.“ 1913—21*).

Картинки — мастерскія черныя силуэтныя картинки — занимаютъ въ книжкѣ больше мѣста, чѣмъ текстъ, и разсказываютъ очень образнымъ языкомъ фантастическую исторію о томъ, какъ живетъ Баба-Яга. И такъ ярко разсказываютъ объ этомъ черныя силуэтныя картинки, что, прочитавъ эту книжку, дѣти забудутъ, что Баба-Яги есть только въ сказкахъ, и повѣрятъ, и всей яркой дѣтской фантазіей живо воспримутъ, какъ живетъ Баба-Яга. (*„Нар. Журн.“ 1913 — 14*).

Дѣти очень жалѣютъ, что Бабы-Яги нѣтъ на самомъ дѣлѣ, и хотятъ знать о ея жизни. И нотъ авторъ въ немногихъ словахъ, но со многими рисунками-силуэтами, разсказываетъ дѣтямъ о ней... Описано все это современнымъ слогомъ, безцвѣтно, безъ всякихъ попытокъ передать народный духъ сказки. Рисунки божизненны, дубоваты, не художественны. Изъ всѣхъ видовъ народныхъ русскихъ сказокъ — наименѣе цѣнными для дѣтей мы считаемъ сказки миѳическія, и если ихъ нельзя вырвать изъ дѣтскаго обихода, то по крайней мѣрѣ всѣ такія миѳическія существа въ родѣ вѣдьмъ и кикиморъ надо преподносити дѣтямъ вмѣстѣ съ фабулой, которая можетъ дать нѣкоторую пищу для дѣтскаго воображенія (*„Нов. Дѣтск. Лит.“ 1913—7*).

* **Freud, S.** 7:132

См. порядк. № 646.

656. Врангель, Н. Н. 7(08)

Вѣнокъ мертвымъ. Художественно-историческія статьи. Спб. 1913 Ц. 2 р. 25 к.

Початавшіяся въ разныхъ изданіяхъ и собранныя теперь въ одну книгу статьи В. представляютъ выдающійся интересъ, какъ попытка по тому немногому, что еще сохранилось, дать рядъ характеристикъ разныхъ моментовъ изъ прошлаго русской жизни и главнымъ образомъ, русскаго искусства. Почти всегда, авторъ удачно справляется со своей задачей, и подъ его перомъ оживаетъ фантастическая, красивая внѣшне, но грубая, полная самодурства, жизнь русскихъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Самодурству В. придаетъ вообще большое значеніе и считаетъ его чуть ли не опредѣляющей и самой характерной чертой русской культуры. Это

его мысль особенно ярко выражена въ большой статьѣ „Помѣщичья Россія“, являющейся и самой значительной изъ всѣхъ статей книги. Дѣятельность иностранцевъ въ Россіи 18-го вѣка и ихъ вліяніе на русское искусство, обстоятельно и интересно разобраны въ статьѣ „Иностранцы 18-го вѣка въ Россіи“. Помимо глубокаго и любовнаго изученія, особенно цѣнно въ авторѣ то, что онъ относится вполнѣ объективно къ предмету своего изслѣдованія, ничего не идеализируетъ, и его вѣнокъ мертвымъ друзьямъ—красивый вѣнокъ, но какъ онъ и самъ признаетъ,—съ шипами. (*И. Александровичъ „День“. 1913—166*).

Труды барона В. являются очень цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго искусства XVII вѣка. Помимо умѣнья добывать факты, бар. В. обладаетъ талантомъ въ ихъ группировкѣ. Изъ крошечныхъ, едва уловимыхъ деталей онъ создалъ дивную и стройную картину эстетическихъ настроеній эпохи Ловицкаго и Боровиковскаго.

„Вѣнокъ мертвымъ“ представляетъ сборникъ статей, напечатанныхъ въ разное время, главнымъ образомъ, въ „Сатрыхъ Годахъ“. Авторъ очень мѣтко опредѣляетъ характеръ русскаго искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на сложность и трудность своей задачи: „Разсматривая наше искусство, мы не можемъ отдѣлить его внѣшность отъ его содержанія, мы должны говорить о бытѣ, когда надо писать объ эстетикѣ. Тѣмъ цѣннѣе и дороже намъ тѣ крупицы подлинной красоты, которыя мы иногда находимъ“. И надо отдать справедливость В., онъ настолько мастерски комбинируетъ факты, что временами получается иллюзія настоящаго движенія жизни. Много прекрасныхъ иллюстрацій, изображающихъ портреты, пейзажи, внутренніе и наружные виды помѣщичьихъ домовъ. Начало каждой статьи украшено снимкомъ со стариннаго силуэта. Словомъ, книгу можно назвать безукоризненной не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны. (*М. Г. „Рус. Молва“. 1913—152*).

Дурное и некрасивое забывается. Мы теперь съ волненіемъ стараемся сберечь все, что осталось отъ XVIII и XIX столѣтій, всю внѣшность того времени; прислушиваемся къ тихо звучащимъ, почти умолкнувшимъ аккордамъ. Проза той жизни умерла, но поэзія, моменты вдохновенія, творчество вѣчно будутъ жить, вплетаясь въ міровой букетъ искусства, ароматъ его люди всегда будутъ вдыхать съ наслажденіемъ.

Красивый „вѣнокъ“ принесъ на могилу прошлаго бар. В. Книга его красиво написана, красиво издана, прекрасно иллюстрирована, (*Г. Мануйла. „Нов. Вр.“ 1913—13.350*).

657. Тэнъ, И. 701

Чтенія объ искусствѣ (философія искусства). Изд. „Польза“, №№ 659, 660, 663, 664, 667. Ц. каждаго вып. 10 к.

Философія искусства, построенная Тэномъ, представляетъ собой опытъ объективнаго, соціологическаго обсужденія искусства. Согласно Т., художественныя произведенія опредѣляются совокупностью общаго состоянія умовъ и нравовъ окружающей среды. Возникновеніе и развитіе извѣстной отрасли искусства Т. сравниваетъ съ процессомъ развитія растенія или цвѣтка. Такъ, среди многочисленныхъ германскихъ народовъ одинъ народъ, фламандцы, попадаетъ въ исключительно благопріятныя территоріальныя и климатическія условія, развивающія въ немъ особый характеръ, который заставляетъ его тяготѣть къ опредѣленнаго рода искусству,— къ живописи. Окружающая физическая среда вмѣстѣ съ національнымъ геніемъ обусловливаютъ опредѣленные сюжеты этой живописи, типы и краски. Историческая и культурная среда играетъ въ генезисѣ произведенія ту же роль, что почва и климатическія условія въ жизни растенія или цвѣтка. Общее состояніе умовъ и нравовъ эпохи создастъ „духовную температуру“, имѣющую для развитія искусства то же значеніе, что физическая температура для развитія флоры. Эстетика— своего рода ботаника, только изучающая произведенія искусства. Художественно одаренныхъ людей родится приблизительно одинаковое количество въ каждую эпоху, но достигаютъ полнаго развитія лишь тѣ, кто приспособляется къ „духовной температурѣ“. Развитіе искусства, какъ и все живущее, подлежитъ закону естественнаго подбора. Эстетика, слѣдовательно, не наука о духѣ, а своего рода естественно-научная дисциплина. Ближайшій анализъ „духовной температуры“ выясняетъ въ ней три главныхъ фактора: расу, климатъ и историческій моментъ.

Эннекенъ („Опытъ построенія научной критики“. Спб. 1892) показалъ искусственность и произвольность понятій, съ которыми оперируетъ Т.: однородности расовыхъ чертъ, климата, однороднаго вкуса общества. Вопреки Т., Эннекенъ подчеркиваетъ, что великія художественныя произведенія создаются скорѣе *вопреки* господствующему вкусу, а не согласно съ нимъ. То искусство, которое дѣйствительно плыветъ по теченію господствующихъ вкусовъ, едва ли вдохновило бы Т. написать его „Философію искусства“. „Чтенія“ Т. — типичный продуктъ такъ-называемаго „точнаго изслѣдованія“ въ области гуманитарныхъ наукъ, которое выдаетъ нѣсколько случайныхъ эмпирическихъ обобщеній за соціологическіе законы. Философы и психологи, художественную и литературную критики, вопреки подобной „гуманитарной зоологіи“ или „ботаникѣ искусствъ“, въ общемъ согласны въ настоящее время въ томъ, что художественное творчество, художественная индивидуальность не можетъ быть сведена къ суммѣ поздѣйшій указанныхъ Т. факторовъ. Утративъ всякое философское значеніе, „Чтенія“ Т. могутъ служить въ настоящее время, — тѣмъ болѣе, что новый переводъ выполненъ вполнѣ литературно,— главнымъ образомъ для angenehme Lektüre, какъ прекрасный образчикъ типичныхъ causeries, написанныхъ другъ на друга. (*И. Самсоновъ, „Рус. Вѣд.“ 1913—71*).

Нельзя не привѣтствовать мысль книгонад. „Польза“ дать въ общедоступномъ по цѣнѣ изданіи уже раніе имѣвшійся въ русскомъ переводѣ трудъ Т. Новый русскій переводъ сдѣланъ литературно и читается легко. (*И. Самсоновъ. „Для Нар. Уч.“ 1913—4*).

Весьма не лишнее изданіе... переводъ очень литературный. (*„Изв. по Литер.“ 1913—1*)

658. Маковскій, С. 701.

Страницы художественной критики. Книга III. Изд. „Аполлона“. Спб. 1913. Стр. 181. Ц. 3 р.

Третья книга „Страницъ художественной критики“ М. составилась изъ статей, напечатанныхъ авторомъ въ „Аполлонѣ“ за послѣдніе три года.

Часть ихъ написана по поводу выставокъ и, естественно, утратила нѣкоторую долю первоначальнаго интереса, такъ какъ нѣкоторыя выставки не представляли ничего особенно выдающагося. Исключеніе составляетъ статья о „Выставкѣ женскихъ портретовъ", устроенной въ 1910 г. „Аполлономъ". Здѣсь была собрана, хотя и неполная, но прекрасная коллекція современныхъ женскихъ портретовъ, и обзоръ ихъ, съ очень хорошими воспроизведеніями, весьма любопытенъ. То же можно сказать относительно небольшихъ статей о трехъ выдающихся, и еще мало оцѣненныхъ художникахъ—Судейкинѣ, Тарховой и Стеллецкомъ. Статья „Проблема „тѣла" въ живописи", касается очень интереснаго вопроса о воплощеніи нынѣшняго идеала красоты, въ „монументальное обобщеніе" нагого человѣка, подобно тому, какъ дало такое обобщеніе греческое искусство. Статья о галлереѣ П. А. Морозова описываетъ замѣчательное собраніе картинъ новѣйшихъ французскихъ художниковъ,— Мане Ренуара, Сезанна, Гогена и ихъ нынѣшнихъ послѣдователей. Жаль только, что къ статьѣ этой не дано больше иллюстрацій. Иллюстраціи книги вообще нѣсколько случайны, но въ общемъ даютъ довольно большое количество хорошихъ снимковъ съ произведеній, которыя выдѣлялись на лучшихъ выставкахъ послѣднихъ лѣтъ. Авторъ все же хорошо сдѣлалъ, что собралъ свои послѣднія статьи: у насъ такъ мало книгъ по искусству. (—чъ. *„Кіев. Мысль". 1913—150).*

Наиболѣе интересной является довольно обширная статья „Художественные итоги", излагающая мнѣніе автора относительно крайнихъ теченій въ новѣйшей живописи. М. фигурируетъ здѣсь въ роли борца, сражающагося „на два фронта": противъ отсталости и безвкусной рутины передвижниковъ и противъ „деформизма", осуществляемаго представителями крайняго лѣваго крыла въ искусствѣ. Авторъ выступаетъ съ довольно рѣшительной критикой „деформизма", но въ то же время въ творчествѣ, напр., Матисса видитъ „явленіе стихійное, долго подготовлявшееся, имѣющее свою исторію" и потому не заслуживающее пренебрежительнаго къ себѣ отношенія. Книга, украшенная удачными репродукціями разбираемыхъ картинъ, могла бы представлять значительный интересъ, если бы въ высшей степени искусственный языкъ не портилъ всего дѣла. (*„Рус. Молва". 1913—151.*

Несмотря на „случайный" характеръ этихъ журнальныхъ страницъ, онѣ, собранныя въ книгу, являются передъ читателемъ объединенными внутренней связью; всѣ онѣ проникнуты тонкимъ художественнымъ вкусомъ ихъ автора. Иллюстраціи воспроизводятъ наиболѣе выдающіяся картины послѣднихъ выставокъ, а также интереснѣйшіе образцы новыхъ теченій французской живописи, находящіеся у частныхъ коллекціонеровъ въ Россіи. (*„День". 1913—97*).

М. въ данной своей книгѣ является критикомъ новаго искусства и даетъ цѣлый рядъ характеристикъ. Интересный и живой текстъ дополняетъ множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій, воспроизводящихъ картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ. (*„Изв. по Лит." 1813—6*).

659/61. [. . . . 839.7/8—8

„Фіорды", сборники 10, 11 и 12-й. Изд. Маркса. СПБ. 1912. Ц. по 1 р. 25 к.

10-й сборникъ „Фіордовъ", въ которыхъ переводчики А. и П. Ганзенъ такъ энергично пріобщаютъ русскаго читателя къ сѣверному творчеству, содержитъ два своеобразныхъ произведенія, совершенно незнакомыхъ у насъ скандинавскихъ авторовъ: норвежца Якова Булля и датчанина Гельге Роде.

Романъ перваго „Торжество жизни, — это новый и яркій варіантъ на тему о дерзаніи въ жизни, о паслажденіи, какъ всеопредѣляющемъ догматѣ ея,—и о чувствѣ долга, жаждѣ чистоты и цѣломудрія. Совсѣмъ не по-норвежски легко, „крылато" развивается въ романѣ эпикурейская философія писателя Ганса Виллюма, его презрѣніе къ условной морали и къ путамъ церкви; безпечно порхаетъ Виллюмъ отъ одного женскаго сердца къ другому, пока не сталкивается съ „единственной" — съ Ингой Боргъ, которая въ началѣ съ помощью чуткаго инстинкта, а потомъ путемъ сознательнаго самоуглубленія, противопоставляетъ ему свою религію чистоты, свѣтлаго труда и долга. У норвежскихъ писателей внѣшняя занимательность, игра фабулы, мѣткость языка встрѣчаются очень рѣдко, и романъ Я. Булля какъ разъ читается съ такимъ острымъ интересомъ, что уже въ этомъ одномъ заключено его право на вниманіе русскаго читателя.

Еще своеобразнѣе, а для нашего читателя вдвойнѣ любопытна трехактная драма Гельге Роде „Два графа". Въ Копенгагенѣ, на сценѣ Королевскаго театра, она имѣла большой успѣхъ; едва ли ее ждалъ бы такой же пріемъ на нашей сценѣ, но въ чтеніи она очень любопытна. Для насъ, русскихъ, главный ея интересъ — въ фигурѣ одного изъ графовъ, стараго Бонде, который очень напоминаетъ Толстого. Идеалистъ-философъ, моралистъ, проповѣдующій непротивленіе злу, графъ Бонде и въ своемъ антуражѣ, и даже въ своей судьбѣ близко, черезчуръ близко, подходитъ къ нашему великому писателю.

Три сына графа—всѣ terre á-terre, люди земныхъ вкусовъ и взглядовъ; единомышленницей его является одна только дочь Марія. Сгарца мучитъ, между прочимъ, мысль о томъ, что онъ— внѣ стрѣлъ власти и государства, которыхъ онъ не признаетъ: то самое, за что попластся его послѣдователи, для него, графа Бонде, пройдетъ безнаказанно: слишкомъ высоко стоитъ этотъ человѣкъ; „лучшій во всѣмъ мірѣ". Сходство заходитъ такъ далеко, что великій старецъ въ концѣ жизни, горько уязвленный непониманіемъ въ средѣ самыхъ близкихъ, ночью уходитъ изъ дому и умираетъ. „Я слишкомъ мало требовалъ отъ себя самого и слишкомъ много отъ другихъ", — таковы его послѣднія слова... Другая характерная черта пьесы — мысль о томъ, какъ родъ въ крупной индивидуальности пожинаетъ себя; природа поддерживаетъ равновѣсіе въ предѣлахъ рода тѣмъ, что на смѣну большого, яркаго человѣка, посылаетъ въ его близкихъ мелкія, дрянныя натуры. Эта идея, проникающая, какъ извѣстно, и знаменитый романъ о „Погибающихъ" Дермана Банга, страннымъ образомъ сильно волнуетъ писателей молодой, здоровой культуры датчанъ (*Л. В—ій. „Рѣчь". 1912—262*).

Сборники отражаютъ преимущественно тѣ явленія, которыя волнуютъ средняго скандинавскаго читателя нашихъ дней; являясь какъ бы производной самыхъ разнообразныхъ литературныхъ стремленій, сборники эти съ достовѣрностью свидѣтельствуютъ о текущей культурѣ

сѣвера. Этимъ объясняется, если не вполнѣ оправдывается, качественная неравномѣрность переведенныхъ произведеній. Такъ, въ „Фіордахъ", наряду съ такими писателями, какъ Іоганнесъ и В. Іенсенъ, Вернеръ, фонъ-Гейденстамъ, Перъ Гальстремъ, встрѣчаются имена, значеніе которыхъ эфемерно.

Можно оспаривать литературныя пристрастія составителей; но плачомѣрность и самостоятельность ихъ труда выгодно выдѣляется на смутномъ фонѣ нашей переводной промышленности; обычно выборъ скандинавскихъ книгъ для перевода обусловленъ у насъ ихъ предварительнымъ появленіемъ на нѣмецкомъ языкѣ — критеріемъ весьма случайнымъ.

Въ 11-й сборникъ вошли 2 произведенія: романъ „У моря" Альвильды Прюдцъ и драма „Трагедія власти" Каренъ Брамсонъ. Романъ норвежской писательницы мнѣ не понравился. Образъ Гунворъ Гэрской, носительницы обновленной женственности и чистой человѣчности, очерченъ схематично. Психологія г-жи Прюдцъ по обыкновенски сентиментальна, провія лишена глубины; псевдоромантическая декорація сѣвернаго моря лишь варіируетъ образцы гамсуновскихъ описаній; природа оживлена дешевымъ анимизмомъ; обстановка старинной усадьбы напоминаетъ то Сельму Лагерлефъ, то Бьорнсона. Но все же въ романѣ Прюдцъ есть черта глубоко-національная: тотъ суровый „духъ сѣвернаго труженичества", въ которомъ проницательный критикъ усмотрѣлъ одну изъ граней „скандинавскаго генія".

Пьеса Каренъ Брамсонъ (по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ издательствомъ, одна изъ величайшихъ театральныхъ сенсацій Копенгагена), является трагедіей ограниченной власти. Она построена на конфликтѣ между конституціоннымъ королемъ, идеалистически и демократически настроеннымъ, и деспотизмомъ „гнилого" парламентаризма, оберегающаго лишь интересы правящихъ классовъ. Прирожденная воля къ власти и глубокое сознаніе отвѣтственности побуждаютъ короля къ возмущенію. Попытка короля протянуть руку народу приводитъ его къ безплодному самоотрѣченію и гибели.

Трагедія власти не новый для скандинавской литературы мотивъ: пьеса Бьорнстьерне-Бьорнсона „Король", не переведенная, насколько мнѣ извѣстно, на русскій языкъ, представляетъ много аналогій съ драмой Брамсонъ. Вообще сценическое изображеніе политическихъ и соціальныхъ конфликтовъ успѣло сдѣлаться традиціей сѣвернаго театра отъ Ибсена до Гувпара Гейберга.

Изображеніе датской писательницы видимой борьбы парламентскихъ партій, какъ тайной круговой поруки любостяжательныхъ интригановъ и карьеристовъ, во многомъ напоминаетъ политическіе шаржи Поля Буржэ и Октава Мирбо. Пьеса Брамсонъ построена умѣло, съ публицистической остротой, безъ подлиннаго пафоса, но и безъ излишней крикливости; литературная ея цѣнность—сомнительна. (*А. Левинсонъ. „Рѣчь". 1913—89*).

Романъ А. Прюдцъ нашелъ самый восторженный пріемъ на родинѣ. Возможно, что онъ и у насъ будетъ встрѣченъ съ одобреніемъ, но восторженности едва ли можно ожидать, ибо мы, русскіе, во всякомъ произведеніи прежде всего ищемъ идею, выводъ. Художественность произведенія у насъ должна сочетаться съ значительностью содержанія, и только въ этомъ случаѣ оно близко принимается читателемъ. У Альвильды Прюдцъ съ этой точки зрѣнія есть крупный недостатокъ...

Гораздо меньше удостоится вниманія другое произведеніе сборника — „Трагедія власти" — драма Каренъ Брамсонъ, гдѣ съ классическою простотой излагаются страданія конституціоннаго короля. (*И. Л. „Моск. Вѣд." 1913—50*).

Въ романѣ Прюдцъ оригинально задуманъ образъ главной героини, по имени Гунворъ, самобытной въ своихъ запросахъ и стремленіяхъ дѣвушки, желающей приносить пользу, благотворно дѣйствующей на всѣхъ, кто ее окружаетъ, старающейся сдѣлать имъ жизнь болѣе свѣтлою и красивою. Народъ ее уважаетъ, къ ней охотно обращаются за совѣтомъ, „всѣ привыкли въ нужную минуту слышать отъ нея пару ободряющихъ словъ, сопровождаемыхъ свѣтлою улыбкой, или краткое, строгое замѣчаніе". Даже послѣ ея смерти яркій образъ ея продолжаетъ жить въ памяти тѣхъ, кто ее зналъ и любилъ, ободряя и вдохновляя ихъ. И, какъ нарочно, Гунворъ встрѣчаетъ на своемъ пути слабыхъ и далеко не цѣльныхъ мужчинъ. Таковъ ея женихъ Свейнъ, съ которымъ она принуждена потомъ разойтись, увлекающійся, неглубокій, легко поддающійся искушенію человѣкъ; таковъ и болѣе интересный и содержательный, но лишенный силы воли судья Фалькъ, котораго она думаетъ спасти и возродить своею трагическою смертью, надѣясь, что потрясеніе благотворно подѣйствуетъ на него...

Въ „Торжествѣ жизни" Я. Буля мы также находимъ интересный женскій образъ въ лицѣ Инги Боргъ.

Нѣсколько растянутый, но вездѣ одинаково интересный, романъ Б. привлекаетъ однако вниманіе, въ частности, именно благодаря обрисовкѣ внутренняго міра Инги Боргъ. Ея образъ невольно приводитъ на память многихъ другихъ, но менѣе интересныхъ героинь норвежскихъ писателей, иногда совершенно несходныхъ между собой. Такова, напримѣръ, Мэри, главная героиня романа Бьорнсона „Молодая жизнь" (новѣйшій томъ собранія его сочиненій въ русскомъ переводѣ). Если Мэри и отличается нѣкоторой эксцентричностью, наклонностью къ истеріи, недостаточнымъ самообладаніемъ, то все же это—яркая индивидуальность, и ради сильныхъ и яркихъ сценъ, въ которыхъ выступаетъ Мэри, стоитъ прочесть этотъ романъ Бьорнсона.

Интересно задумана, но не такъ удачно выполнена драма Гельге Роде „Два графа". Довольно эффектна и наводитъ на много мыслей драма дѣтской писательницы К. Брамсонъ „Трагедія власти", изображающая судьбу короля, желавшаго быть демократомъ, другомъ народа и натолкнувшагося на сопротивленіе придворныхъ круговъ и бюрократіи. (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд" 1913—83*).

12-й сборникъ „Фіордовъ" состоитъ изъ разсказовъ Гольдмита, драмы Гельге Роде — „Желтая смерть", Разсказа Л. Нордстрома и новеллы Эйлерта Бьорке—„Замокъ розъ". Интереснѣе всего—трагедія, потому что гибнетъ въ ней человѣкъ крупный, одушевленный самыми идеальными стремленіями, гибнетъ, не выдержавъ столкновенія съ міромъ совсѣмъ иного порядка — продажнымъ, мелочнымъ, лживымъ. Драма волнуетъ—ее хочется дочитать до

конца, не отрываясь. Но для сцены она не интересна. Воображеніе читателя справляется вполнѣ съ ея содержаніемъ. Нѣтъ сложныхъ характеровъ и нѣтъ той особой внутренней музыки, которая можетъ быть дана только на сценѣ. Это—разсказъ безъ разсказчика. Разсказы Гольдшмидта изъ быта датскихъ евреевъ хороши. Разсказъ Нордстрема —„Господа наслѣдники“—непріятенъ своей грубостью. Новелла Бьерке совсѣмъ плоха. Переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень слабъ. (*„Рус. Молва“. 1913—135*).

Въ разсказахъ Гольдшмидта. съ необыкновенною яркостью схвачены типичныя еврейскія черты, говорящія читателю больше, чѣмъ многотомные труды спеціалистовъ-этнографовъ.

Симонъ Леви, мелкій комиссіонеръ, внезапно получилъ изъ Южной Америки богатое наслѣдство. Сначала онъ обрадовался этому, какъ только можетъ обрадоваться человѣкъ, едва зарабатывающій въ день на пропитаніе, но потомъ вспомнилъ, что вѣдь изъ наслѣдства придется платить масеръ (десятую часть имущества) Господу Богу, и весьма огорчился. Вслѣдъ затѣмъ онъ придумываетъ различныя ухищренія, чтобы обмануть Господа Бога относительно истинныхъ размѣровъ масеръ. Онъ высчитываетъ его то съ доходовъ, понижая процентъ до четырехъ законныхъ, то съ объявленнаго ближнимъ капитала и во всѣхъ случаяхъ проявляетъ массу специфическаго остроумія.

Драма Гельге Роде—„Желтая смерть“ не блещетъ особою оригинальностью и съ успѣхомъ могла бы остаться неизвѣстною русскому читателю, знакомому съ Ибсеномъ.

Зато прелестна новелла „Замокъ розъ“ молодого и почти неизвѣстнаго намъ норвежца Эйлерта Бьерке. Нѣкоторая сантиментальность и юношеское проникновеніе въ жизнь природы, гдѣ каждый звѣрокъ и каждое растеніе живутъ необычайно красиво, вносятъ миръ и тишину въ издерганную душу современнаго скептика. (*И. Я. „Моск Вѣд.“ 1913—91*).

662. Шаховъ, А. 84.09„18“

Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. 4-е изд. Спб., 1913. 369 стр., ц. 1 р. 20 к.

Нельзя не отмѣтить новаго изданія этой прекрасной книги. Лекціи Ш., читанныя почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, не устарѣли еще и въ наше время, и несмотря на рядъ новыхъ историко-литературныхъ изслѣдованій нельзя указать одну такую книгу, которая могла бы замѣнить „Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.“. Очерки эти даютъ дѣйствительную картину литературнаго движенія первой половины XIX в.,—картину, нарисованную смѣлой кистью и яркими красками. Глубокое изученіе литературы эпохи по первоисточникамъ и чувство живой связи этой литературы съ жизнью,—вотъ что вдохнуло „душу живу“ въ трудъ Ш.,—душу, не старѣющуюся съ годами. Чтеніе этого мастерски изложеннаго курса исторіи литературы доставляетъ наслажденіе человѣку, знакомому съ западной литературой XIX вѣка, и въ то же время можетъ быть рекомендовано и для перваго ознакомленія съ ней. Онъ можетъ служить сжатымъ и яснымъ введеніемъ въ болѣе детальное изученіе исторіи литературы. Для нашего времени „Очерки“ Ш. имѣютъ еще и спеціальный интересъ. Они начинаются характеристикой эпохи реакціи, говорятъ о такихъ настроеніяхъ, идеяхъ и ученіяхъ, которыя имѣютъ много общаго съ настроеніями, идеями и ученіями переживаемаго нами времени. Все это заставляетъ желать книгѣ самаго широкаго распространенія. Просто и хорошо изданная, она не дорога по цѣнѣ. (*Л. Козловскій. Рус. Вѣд.“ 1913—140*).

Блестящій языкъ, широта обобщеній и тонкій соціальный анализъ литературныхъ теченій создали этой книгѣ большую извѣстность въ широкихъ кругахъ русской публики. Въ книгѣ больше всего мѣста удѣлено французской литературѣ. (*„Рус. М.“ 1913—6*).

Увлекательность изложенія и умѣлый подборъ фактовъ являются неотъемлемыми достоинствами этой книги. (*„Рус. Молва“. 1913—192*).

Разгадка успѣха лекцій Ш., прежде всего, въ блестящемъ литературномъ изложеніи, дѣлающемъ чтеніе ихъ, прямо увлекательнымъ занятіемъ: а, во-вторыхъ, въ личности самого автора съ его безпредѣльной преданностью духу просвѣтительства, которая чувствуется въ каждой страницѣ его книгъ. (*„Совр. Сл.“ 1913—1952*).

663. Рославлевъ, А. 891.7—1

Цѣвница. Стихи. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Хотя у г. Р. и попадаются вещи не совсѣмъ художественныя, неясныя, натянутыя, въ общемъ же стихи его и удачны и производятъ сильное впечатлѣніе. Одобрить должно и смѣлость, съ которой иногда вещи прозаическія онъ изображаетъ ярко, картинно, а стало-быть—поэтично. Такова терцина: „Работайте, блестящія машины, змѣитесь шелестящіе ремни! Недаромъ ищетъ умъ и гнутся спины“; таковъ припѣвъ: „Подались ты, судьба жизнью краденой,—ждутъ меня два столба съ перекладиной“; таковы нѣкоторыя цѣлыя стихотворенія: Фабрика, Загульная, Шарманщикъ, Пѣсни бродячей собаки, Клоуны. Часто звучитъ здѣсь и чистая, высокая поэзія, напр.:

Молчали мы въ блаженномъ созерцаньи
Земной красы. Хотѣлось вѣчно длить
Прекрасное священное молчанье—
Безъ словъ все понимать, безъ словъ любить.

Настроеніе у нашего поэта преобладаетъ грустное; но бодрость звучитъ, напр., въ стихотвореніи „Мы“ (съ нѣкоторымъ излишкомъ самонадѣянности) и въ словахъ: „Какая-бъ туча грозно ни нависла, мы побѣдимъ, мы перестроимъ міръ, дадимъ ему пути иного смысла. О, радость жизни, непрестанный пиръ!“ Много стихотвореній прямо превосходныхъ. (*Проф. Р. Брандтъ. „У. Рос.“ 1913—10*).

Третью книжку стиховъ выпустилъ въ свѣтъ г. Р., и въ третьей мы находимъ все тѣ же стихи, которые читали въ двухъ первыхъ. Кое-что (очень немногое) выпущено, кое-что (очень немногое) прибавлено, но, въ общемъ, по сравненію со сборникомъ „Въ башнѣ“ и сборникомъ „Каруселя“—„Цѣвница“ ничего не прибавляетъ къ сложившемуся у насъ о Р. представленію. Если не ошибаемся, *новыми* во всей книгѣ являются, кромѣ посвященія, всего три стихотворенія „Микула Селяниновичъ“, „Никола Милостивый“ и „Корнилій—вешній пловецъ“. Это тѣмъ

болѣе жалко, что за послѣдніе годы въ поэзіи Р. намѣтился многообѣщающій поворотъ,—поворотъ къ національнымъ истокамъ русской поэзіи. На смѣну „бодлэровщинѣ", на смѣну всякимъ карликамъ, горбунамъ, прокаженнымъ, палачамъ и проституткамъ явились образы родной страны съ ея задушевными пейзажами и мудрыми преданіями. Здѣсь обнаружилъ г. Р. искреннее „чувство Россіи" и прекрасное пониманіе свойствъ и законовъ русскаго языка. Хотѣлось бы встрѣтить въ книгѣ побольше отраженій этихъ новыхъ настроеній музы поэта. (*З. Л.* „*Рѣчь*". *1912*).

Р. несомнѣнно даровитый человѣкъ,—это раньше всего. Но вотъ бѣда: печатается онъ вездѣ, безъ разбору, начиная отъ „Современнаго Міра" и кончая „Всемірной Панорамой". Только послѣднее обстоятельство и можно взять въ объясненіе пестроты сборника, рѣжущей глазъ: рядомъ со стихами, говорящими о подлинности лиризма автора, встрѣчаются такія дурныя, такія „на вкусъ и цвѣтъ" сдѣланныя, такія развязныя, и того хуже, стихотворныя упражненія, что и стыдно и больно становится за автора. А стихи у него попадаются сильные, красивые, небезынтересные. Правда, по темамъ ихъ не всегда и не сразу отличишь отъ стиховъ С. Городецкаго (этотъ поэтъ повліялъ на него сильнѣе другихъ), но выраженіе не своимъ темамъ Р. дастъ по возможности свое.

Въ болѣе лирическія темы Р. не внесъ чего-либо новаго, и даже неоспоримо искренняго, но въ его „любви къ заклятой родинѣ" то и дѣло слышишь неподдѣльныя ноты, которыя слуховая память не можетъ не сохранить. (*І. Ивановъ.* „*Сиб. Жизнь*". *1913—18*).

Въ ряду новыхъ поэтовъ Р. занимаетъ не послѣднее мѣсто. Онъ талантливо владѣетъ стихомъ и звучною, красивою рѣчью умѣетъ передавать настроенія, но онъ—современный поэтъ, а всѣ они больны безвременьемъ. Отграненность, красивость стиха только тогда превращается въ красоту и пріобрѣтаетъ значительность, когда музу поэта занимаетъ общечеловѣческое. Какъ бы ни была богата индивидуальность, она быстро исчерпывается въ творчествѣ, если питается только собой. Р., какъ медвѣдь, сосетъ свою лапу. Родная страна и народъ для него мертвы. Въ этомъ омертвѣніи поэта душитъ „Махорки сизый, ѣдкій дымъ, овчины кислый духъ", но разогнать его нѣтъ силъ. При всей любви къ „звѣздѣ Россіи", онъ не знаетъ, что дѣлать и проситъ: „укажи теперь, куда нести дары любви моей и пламя больныхъ пѣсенъ".

Вотъ это бездорожье и мѣшаетъ поэту стать большимъ. А могъ бы. Въ его стихахъ очень часто прорывается буйный русскій размахъ и сила.

Замела метелица,
Конь подъ вѣтромъ валится,
Въ полѣ кутерьма:
То поетъ да бѣснится
Русская красавица,
Лютая зима.
Липнутъ мухи бѣлыя,
Застреваютъ цѣпкія
Въ шапкѣ, въ бородѣ.
Черти оталѣлые,
Пустоплясы крѣпкіе,
Знаютъ—быть бѣдѣ...

Нельзя не чувствовать красоты этого стиха, а такихъ стиховъ у Р. много. Но тема ихъ не теперешнее, а древнее, языческое, до Владиміра святого. А теперешнее, современное окутано у него „ѣдкимъ запахомъ махорки". (*П. Л.* „*Моск. Вѣд. 1913—11*).

Въ стихахъ Р. не чувствуется искренности, цѣльности настроенія. Онъ часто противорѣчитъ самому себѣ... Поистинѣ Р. „сдѣланъ изъ бумаги" и сдѣланъ плохо. Къ себѣ онъ относится тоже плохо, къ русскому языку—варварски, бросаетъ слова, не вдумываясь въ ихъ значеніе, въ ихъ смыслъ. Часто получается довольно нелѣпый наборъ словъ... Вся книга производитъ впечатлѣніе какой-то нехорошей развязности, молодечества, „трезвона". (*П. Рябовскій.* „*Совремъ*". *1913—1*).

664. Эльснеръ, В. 891.7—1

Выборъ Париса. Первая кн. стихотв. Изд. „Альціона". М. 1913. Ц. 1 р.

Первая книга стиховъ В. Э. привлекаетъ вниманіе. Стихи его распадаются, какъ бы онъ самъ ни дѣлилъ ихъ на разные отдѣлы, въ конечномъ счетѣ на двѣ категоріи. Въ одной онъ рядится въ страусовыя перья, пытается настроить свою „лиру" на торжественный ладъ, быть строгимъ, мудрымъ, быть стальнымъ и четкимъ. Все это не по немъ, все это съ чужого плеча, все это только версификація (порой довольно ловкая). Зато въ другой мы видимъ его настоящее лицо, и оно очень интересно. Эльснеръ—пѣвецъ вещей по преимуществу. Его сущность, его основная черта—интимно-лирическій юморъ. Въ лучахъ его милой шутливости оживаютъ такими трогательными и какъ-будто давно знакомыми: и старинныя вещи въ лавкѣ антиквара, и забытыя сломанныя игрушки на чердакѣ, и незатѣйливые предметы старомоднаго обихода, и маленькія дѣтскія радости.

Какъ хорошо, удравъ отъ бонны въ полѣ
Пустымъ подсолнухомъ чесать щенятъ.
И вамъ рѣшительно, не все равно ли,
Въ тѣ годы васъ бранятъ иль не бранятъ.

И хочется посовѣтовать молодому поэту быть почаще самимъ собой и нисколько не пытаться прикрывать свое смѣющееся юношеское лицо застывшею маской мудреца. (*С. Кречетовъ.* „*У. Рос.*" *1913—97*).

Читаешь его и даже дивишься: какъ это удалось автору написать цѣлыхъ 77 стихотвореній безъ единой интересной мысли, безъ единой строки, которую бы хотѣлось запомнить? И больше того, зачѣмъ было, вообще, Э. писать стихи, если совершенно ясно, что при писаніи ихъ имъ не руководило ничто, кромѣ удовольствія пригонять другъ другу слова и строчки? Никакому Парису не разобраться въ горѣ бирюлекъ, какую представляетъ собою эта книга. Здѣсь Діонисъ изъ зеленой бронзы и „ворохи лежалой капусты", книжныя полки и пустые подсолнухи, которыми такъ пріятно автору чесать щенятъ. И обо всемъ говорится съ одинаковой хлесткостью и одинаковымъ равнодушіемъ. („*Гол. М.*". *1913—127*).

Какъ всякая первая книга стиховъ, „Выборъ Париса" Вл. Э. не представляетъ собой единаго, вполнѣ законченнаго цѣлаго. Съ одной стороны, черезчуръ замѣтно вліяніе другихъ поэтовъ (В. Брюсовъ, М. Кузминъ, французскіе символисты),

съ другой — еще не достаточно ярко выработаны пріемы своей собственной композиціи: въ большинствѣ случаевъ развитіе основной темы ослабляется излишествомъ деталей и обиліемъ вставныхъ эпизодовъ. Вопреки названію книги, античные сюжеты составляютъ значительное меньшинство. Содержаніемъ же большинства стихотвореній Вл. Эльснера служатъ жанровыя картинки помѣщичьей Россіи (циклы «Родная земля» и «Бумажныя стрѣлы»), и размышленія поэта на тему о жизни большого города. Убѣдительная искренность и безукоризненность въ области метрики — достоинства книги. (*А. Воскресенскій. „День“. 1913 — 173*).

665. [273] Богдановъ, А. 891.7—3.

Инженеръ Мэнни. Фантаст. ром.

Б. выпускаетъ уже 2-й фантастическій романъ. Первый — „Красная Звѣзда“ — былъ посвященъ бурѣ жизни, урагану освѣжающему, великой революціи; въ „Инженерѣ Мэнни“—строительство новой, успокоенной жизни. Въ „Красной Звѣздѣ“ былъ паѳосъ, была идея, пропитывающая все произведеніе, были, правда, рѣдко, моменты, описанные рукою художника. „Инж. Мэнни“ стоитъ внѣ художественной литературы. Кажется, и авторъ не ощутилъ въ себѣ тревоги вдохновенія, романъ сдѣланъ сухо, по линеечкѣ. Глубоко неправиленъ, вообще, пріемъ—прививать читателю (взрослому!) любовь къ наукѣ, облекая свои разсужденія въ форму художественнаго произведенія. Страдаетъ и наука и художество. Фабула убиваетъ непрерывное вниманіе сосредоточенности, научность коверкаетъ внутреннюю логику романа. За всѣмъ тѣмъ мы далеки отъ признанія романа Б.—безнадежнымъ. Глубокая любовь Б. къ наукѣ, научному методу и философіи борьбы заражаетъ читателя и подкупаетъ, не нужно было только соединять несоединимое. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова разсчитано на невзыскательнаго читателя, бумага сѣрая, обложка безвкусная (розовая!). (*Р. Дмитріевичъ. „День“. 1913—6*).

Любители утопическихъ романовъ съ удовольствіемъ прочтутъ романъ Б. „Инженеръ Мэнни“. Являясь рѣдкимъ для нашего времени энциклопедистомъ,—философъ, политико-экономъ, натуралистъ, соціалистическій публицистъ,—онъ въ то же время и недюжинный художникъ слова. Никогда не задаваясь цѣлями чисто беллетристическими, но, имѣя въ виду всегда пропаганду той или иной идеи—по преимуществу соціалистической, какъ и всѣ авторы утопическихъ романовъ, онъ тѣмъ не менѣе приковываетъ жаромъ изложенія, богатствомъ фантазіи и эрудиціи. (*С. Губеръ. „Утро“. 1913—1962*).

Странная книга... Мы находимъ въ ней смѣсь фавтазіи съ современной дѣйствительностью, беллетристики съ научнымъ трактатомъ... Фантастическій романъ этотъ написанъ въ строгомъ согласіи съ современной наукой вообще и съ научнымъ соціализмомъ въ частности, но обстоятельство это мало способствуетъ развитію фантазіи у читателя. Все же книга эта очень любопытна и читается съ захватывающимъ интересомъ отъ начала до конца. (*А. Б. „Запр. Жизни“. 1912—52*).

„Инженеръ Мэнни“ значительно слабѣе „Красной Звѣзды“. Фабула его очень несложна и сухосхематична, разговоры... слишкомъ длинны и неоригинальны. Не скрашиваютъ скуки, навѣваемой чтеніемъ этого произведенія, даже два стихотворенія, пѣсни, вложенныя авторомъ въ уста его героини Нэллы... Разговоры марксистскіе обильны, и автору кажется, что разговоры замѣняютъ извѣстный образъ реальнаго историческаго дѣйствія. Оттого фабула кажется очень неудачно сшитой бѣлыми нитками, а разговоры производятъ впечатлѣніе искусственно притянутыхъ къ описываемымъ событіямъ. Произведеніе очень и очень неудачное. (*А. Кратоевъ. „Завѣты“. 1913—1*).

666. Чириковъ, Е. 891.7—3

Изгнаніе. Романъ. Изд. „Моск. книгоизд.“ М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ „Изгнанія“ не задавался цѣлью рѣшать идейныя распри между с.-д. и с.-р., доказывать преимущества „меньшевиковъ“ надъ „большевиками“, еще меньше думалъ онъ творить какой-нибудь судъ надъ событіямъ нашего освободительнаго движенія послѣднихъ лѣтъ, разбирать безконечный процессъ, вызывая вереницы живыхъ и умершихъ „свидѣтелей“. Онъ взялъ маленькую и скромную тему. Рѣшился написать заурядную, если хотите, по-своему „мѣщанскую“ жизнь.

Группа политическихъ ссыльныхъ въ захолустномъ городишкѣ на крайнемъ сѣверѣ... Гуляютъ, ѣдятъ, спятъ, читаютъ книжки, спорятъ, чаще ссорятся, наконецъ влюбляются, женятся... Ничего героическаго, исключительнаго. Объ „идеяхъ“ и „принципахъ“ упоминается какъ-то по долгу службы, недаромъ на протяженіи всего романа ни одинъ изъ героевъ не можетъ дочитать до конца „Капиталъ“ К. Маркса. Скучно тянется сѣренькое существованіе, но совсѣмъ не скучно читается книга. Почему? Да потому, что изъ-за ярлыковъ и „платформъ“ выглядываютъ человѣческія лица, живая жизнь. Является она въ маленькомъ масштабѣ, но тѣмъ болѣе интересна, ибо въ каждой, самой обывательской душѣ таится свое глубоко занимательное содержаніе, бьется живой человѣческій нервъ и только нужно сумѣть его найти, подойти къ нему смѣло и вдумчиво, не боясь того, что тема „слишкомъ банальна“.

Ч. это удалось. Нѣтъ у него особенно яркихъ типовъ, тѣхъ классически написанныхъ фигуръ, которыя рельефно врѣзаются въ памяти, а потомъ такъ и остаются въ ней на цѣлую жизнь. Кое-что даже блѣдно, намѣчено мимоходомъ; нѣкоторые персонажи лишь обозначены едваедва и введены въ книгу потому, что они необходимы для фабулы. Авторъ не обладаетъ дарованіемъ въ той мѣрѣ, когда отъ малѣйшаго, едва замѣтнаго прикосновенія кисти загораются ослѣпительныя краски, когда каждая мелочь, каждый штрихъ живутъ и дышутъ, останавливая наше вниманіе, восхищая насъ геніальной силой таланта. Ничего этого нѣтъ, но и нѣтъ претензій ни въ самомъ замыслѣ писателя, ни въ пріемахъ его художественнаго письма. Какъ-то не по-современному просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добросовѣстно, серьезно и чутко написана вся книга. Чувствуется, что человѣкъ соразмѣрилъ свои силы, *выносилъ* сюжетъ и такъ спокойно и хорошо положилъ его на бумагу.

Основная мысль автора — желаніе показать тотъ старый, какъ міръ, разладъ, который существуетъ въ человѣческой душѣ, разладъ между чувствомъ и сознаніемъ, когда „умъ съ сердцемъ

не въ ладу" и, „разсудку вопреки", стихійныя основы человѣческой натуры, непокорныя и непостижимыя, бурнымъ потокомъ врываются въ жизнь и разрушаютъ заботливо и обдуманно возведенное зданіе. Повторяю, герои Ч.—люди прежде всего, и вотъ эти самыя людскія свойства особенно рельефно выступаютъ въ рамкѣ общественно-политическихъ интересовъ, рядомъ съ программами, направленіями, партіями. Главный герой книги Ч. — революціонеръ Геннадій Тархановъ, сосланный въ дальній уѣздный городъ. Весь разсказъ ведется отъ его лица. На первыхъ страницахъ это веселый и жизнерадостный юноша съ той бодрой и наивной самоувѣренностью въ душѣ, которая дается только молодостью и подкрѣпляется еще извѣстной серьезностью положенія. Помыкавшись по тюрьмамъ и этапамъ и не успѣвъ растерять ни душевныхъ, ни физическихъ силъ, онъ приноситъ съ собой въ ссылку то чувство нѣкоторой гордости и подъема, которое испытываютъ и начинающій „политическій" при первомъ столкновеніи съ жандармскимъ ротмистромъ, и вновь произведенный офицерикъ, впервые выступающій въ сраженіи. Опасности и невзгоды только всѣ-нивають живой потокъ еще не израсходованныхъ силъ, а жизнь дразнитъ и манитъ миражами необъятно широкихъ горизонтовъ, героическихъ переживаній... Автору хорошо удалось уловить этотъ свойственный молодости повышенный романтизмъ, этотъ дѣтскій задоръ въ поступкахъ и настроеніяхъ его героя. Тархановъ сталкивается съ маленькимъ кружкомъ ссыльныхъ, занесенныхъ волею судьбы и начальства въ тотъ же городокъ, знакомится со своими товарищами. Кружокъ „разношерстный", люди не похожи другъ на друга, и эта разность лежитъ не столько въ ихъ программныхъ разногласіяхъ, сколько въ душевномъ складѣ каждаго. Вотъ толстовецъ-пуристъ, ворчливый и раздражительный, носящій свою догму непротивленія злу и всѣ свои убѣжденія, какъ плохо сшитый пиджакъ, который ежеминутно заворачивается, показывая иную, „слишкомъ человѣческую" подкладку природной черствости, нетерпимости и себялюбія. Рядомъ съ нимъ рабочій Гриша, болѣзненный, нервный и впечатлительный, не умѣющій справляться со своей мечтательной тоской, столько же революціонеръ, сколько и романтикъ, влюбленный въ тоненькую, хрупкую дѣвочку Зину, попавшую въ ссылку по какому-то нелѣпому недоразумѣнію. Параша—крѣпкая, здоровая, молодая дѣвушка: она пошла въ революцію, такъ же, какъ пошла бы и замужъ—съ твердымъ намѣреніемъ исполнить свой долгъ до конца, отдать весь запасъ незлобивой любви и самопожертвованія, который зачастую таится въ душахъ несложныхъ и съ перваго взгляда, пожалуй, шокирующихъ своей бапальностью женскихъ натуръ. Нѣсколько напоминаетъ ее другой политическій, Касьяновъ, тоже здоровый и крѣпкій весельчакъ съ открытымъ лицомъ и примитивнымъ, но глубокимъ сердцемъ. Къ той же группѣ относится и акушерка Марья Петровна, 40-лѣтняя дѣвушка, потерявшая надежду на личное счастье и вложившая всѣ свои силы въ „общее дѣло".

Описывая своихъ героевъ, Ч. не впадаетъ въ разочарованный тонъ, не вздыхаетъ о томъ, что они не герои, а просто люди, и потому и читатель подходитъ къ нимъ просто, непосредственно; оцѣниваетъ ихъ дѣйствія и душевныя движенія не съ политической, общественной и партійной, а съ самой человѣческой точки зрѣнія. Ссоры и столкновенія иной разъ мелочныя; ограниченность мышленія у нѣкоторыхъ изъ нихъ, мышленія, направленнаго по опредѣленному и часто узкому руслу, не вызываютъ ни раздраженія, ни негодованія. Ч. пишетъ свободно, и дѣйствующія лица его проявляютъ себя во всей полнотѣ, они освѣщены со всѣхъ сторонъ, а специфическій элементъ революціи входитъ въ ихъ жизнь, только какъ одно изъ составныхъ началъ. То обстоятельство, что авторъ снялъ своихъ персонажей съ партійныхъ ходуль, даетъ намъ возможность изучать не исторію тѣхъ или иныхъ кружковъ, того или иного момента революціи, а правду человѣческой души и жизни въ ея истинныхъ и по существу глубокихъ проявленіяхъ.

Любовь дѣвочки Зины къ Тарханову, его дружба къ ней, которая какъ-то невольно и ненужно кончается бракомъ, совмѣстная жизнь этихъ случайно сведенныхъ судьбою людей, сначала скрашенная нѣжной привязанностью брата и сестры, потомъ обвѣянная жаромъ молодой, инстинктивно вспыхнувшей страсти и, наконецъ, внутренно разрушенная вдругъ вскрывшейся ложью отношеній,—все это буднично съ перваго взгляда, но по своему внутреннему смыслу въ высшей степени важно и интересно, какъ важно и интересно то, что всѣ эти хорошіе и чистые люди, искренно отрекшіеся отъ жизни во имя дѣла, фактически не могутъ погасить въ себѣ жажду самаго простого „мѣщанскаго" личнаго счастья и, вопреки самимъ себѣ, хотятъ рядомъ съ свѣточемъ идеи, затеплить другой маленькій свѣтильникъ личнаго удовлетворенія. Свѣточъ идеи моментами вспыхиваетъ ослѣпительно ярко, зажигаетъ въ человѣческихъ душахъ самый неподдѣльный энтузіазмъ, но люди остаются людьми, жизнь—жизнью, и опять душа, вышедшая изъ береговъ обыденности, разлившаяся широкимъ потокомъ, возвращается въ свое прежнее русло, и на время забытыя, отброшенныя человѣческія потребности заявляютъ о себѣ властно непобѣдимо.

Автору удалось прослѣдить и показать тотъ процессъ тяжелаго переутомленія на почвѣ личныхъ невзгодъ, который больше всякихъ другихъ бѣдствій убиваетъ въ человѣкѣ бодрость и силу. На страницахъ романа мы видимъ, какъ беззаботный, радостно-добрый юноша постепенно сгибается подъ тяжестью пережитыхъ впечатлѣній личнаго характера, тотъ самый юноша, который такъ весело смотрѣлъ сквозь рѣшотку тюрьмы.

Книга Ч. не ошеломитъ читателя новизной, но она заставитъ его серьезно и глубоко задуматься надъ тѣмъ общечеловѣческимъ, что властвуетъ надъ нами независимо отъ тѣхъ или иныхъ событій, эпохъ, общественныхъ потрясеній, властвуетъ непобѣдимо „во вся дни до скончанія вѣка". (*Улисъ. „Гол. М." 1913—14*).

„Изгнаніе" вторая часть того большого романа, который задумалъ авторъ. Въ этой второй части главный герой, Геннадій Тархановъ, послѣ первыхъ любовныхъ испытаній, надломовъ и кризисовъ и послѣ первыхъ же политическихъ испытаній попадаетъ въ ссылку. Время дѣйствія — конецъ восьмидесятыхъ и начало девяностыхъ годовъ, когда политическое движеніе, въ сущности, было болѣе чѣмъ слабымъ. Съ одной

стороны, еще не утихли волны разбушевавшейся стихіи „Народной Воли“. Подымались, съ другой стороны, уже и новыя волны рабочаго движенія, и первые всплески марксизма говорили о новорожденномъ политическомъ движеніи, чреватомъ весьма большими послѣдствіями. Молодежь того времени, бросившаяся въ политическую борьбу, вскорѣ очутилась межъ двухъ огней, на перепутьи. Связанная старыми путами, она не могла оторваться еще отъ стараго берега. Но и на новый перейти не могла...

Этотъ моментъ и захваченъ Ч. Въ ссыльной колоніи, по обыкновенію, ярко и красочно имъ описанной, столкнулись всѣ возможныя тогда теченія русской общественной мысли. Старое народничество и народовольство, толстовство и новый марксизмъ, только что вышедшій изъ печи, но уже смѣлый, вызывающій, надменный и готовый предать все прошлое и прежнее не только критикѣ, но и осмѣянію. На фонѣ этихъ политическихъ движеній выведены живые и жизненные типы преимущественно молодежи того времени, молодежи, обвѣянной уже растлѣвающей реакціей восьмидесятыхъ годовъ и еще не нашедшей себѣ новыхъ источниковъ для вдохновеній и новыхъ порывовъ въ борьбѣ.

Ч. жизнь ссыльныхъ колоній знаетъ превосходно и описываетъ ее, какъ всегда, съ реально-художественной силой, правдиво и красочно. Взята имъ полная картина жизни. Въ сѣверномъ глухомъ городкѣ, насчитывающемъ одва-едва три тысячи жителей, собралась колонія изъ десяти интеллигентныхъ ссыльныхъ. И въ этой колоніи — вся культурная часть города, почти всѣ его духовные элементы. Другихъ нѣтъ. А тѣ, что есть, тѣ менѣе всего думаютъ о тѣхъ высокихъ интересахъ, погоня за которыми выбросила молодежь въ ссылку. И развѣ это не трагедія русской жизни? Десятокъ молодежи и жить торопится, и чувствовать спѣшитъ, горячится, борется, строитъ и перестраиваетъ свое міросозерцаніе, создаетъ программы и бьется за нихъ на смерть... Жадно впитываетъ или сбрасываетъ новыя теченія, какъ это было съ марксизмомъ, завезеннымъ сюда ссыльнымъ, разрушившимъ не только идейный покой колоніи, но и отнявшимъ у жизнерадостнаго Касьяна его невѣсту... Молодежь стремится въ гору, идетъ новыми и свѣжими путями впередъ и выше. А трехтысячный городокъ мирно спитъ. Ничто его не волнуетъ. Есть клубъ. Есть церковь. Есть исправникъ. И есть сплетни, замѣняющія газеты. И больше ничего нѣтъ въ этомъ городкѣ, олицетворяющемъ не всю ли Русь того времени.

Вотъ эта-то жуткая картина одинокой борьбы крошечныхъ колоній съ большими великанами, эта обрушенность ничтожныхъ интеллигентныхъ силъ, это несоотвѣтствіе между порываніями молодежи и состояніемъ страны въ то время,— трагически вырисованы,— хотя, быть можетъ, авторъ и не задавался именно этими цѣлями въ романѣ „Изгнаніе“. И потому этотъ романъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, какъ историческій и бытовой документъ, рисующій нашу недавнюю жизнь, когда она была, казалось, покрыта тиной, затянута болотной плѣсенью, но когда въ ней все же жили живые родники... (*А. Ожиговъ. „Совр. Сл.“ 1913 — 1888*).

Геннадій Тархановъ, главное дѣйствующее лицо, писатель, интеллигентъ высокой пробы, страдалецъ за убѣжденія, пусть бы еще онъ не былъ героемъ... Но Тархановъ не только не „герой“, онъ — онъ просто какой-то истерическій неврастеникъ, наивный эгоистъ, слабый духомъ, умомъ и волей, но очень не бѣдный идейными, интеллигентскими претензіями, а въ особенности, похотливыми вожделѣніями къ женщинамъ всякихъ возрастовъ, темпераментовъ и обликовъ. Я ничуть не противъ любви, не противъ хотя бы и длинной цѣпи любовныхъ увлеченій и приключеній. Однако, не тогда, когда эту тему разрабатываютъ въ идейно-интеллигентскихъ перспективахъ, съ аккомпанементомъ народническимарксистскихъ споровъ, когда съ вѣнцомъ и ореоломъ политическаго мученика изображаютъ обыкновеннаго донъ-жуанствующаго обывателя.

Чириковъ, поэтъ россійскихъ идеологовъ, самъ идеологъ-демократъ, такая почтенная литературно и гражданско-добродѣтельная физіономія, въ роли художника амурныхъ и адюльтерныхъ переживаній!.. Я не скажу, чтобы у него это выходило совсѣмъ плохо и бездарно, нѣтъ, средняя общая даровитость — налицо. Но горе своеобразно талантливому писателю, если онъ опускается до *общей* даровитости, какъ Ч. опустился въ „Изгнаніи“, это значитъ — понизиться до вульгарщины... Впрочемъ, на сатира ли это на народниковъ, на русскую интеллигенцію вообще? Знаменитое наше самобичеваніе, слезное покаяніе? Если это — сатира, то романъ — жалко безсиленъ, не ярокъ, не убѣдителенъ. Не кажутся типичными его лица, его сцены, не кажется общественнымъ явленіемъ его бытъ. Если же въ немъ — портретность индивидуальныхъ физіономій, списанныхъ съ к.-н. натуры, онъ — мелокъ и неинтересенъ. Не написанъ ли романъ на к.-н. тезисъ?.. Очень похоже на то. Напр.: „бракъ — могила любви“... „женитьба—цѣпи для мужчинъ“... Удивительно глубоко и ново!.. А вѣдь, въ этомъ, въ сущности все почти содержаніе романа. Да вотъ еще другой, — можетъ. быть, основной, — тезисъ: административная высылка въ глушь подъ надзоръ полиціи развращаетъ героическую интеллигентскую душу, умника дѣлаетъ идіотомъ, чистаго сердцемъ — развратникомъ, честнаго — негодяемъ, героя — трусомъ и неврастеникомъ. Это могло бы быть убѣдительнымъ, если бы хоть въ „юности“, авторъ показалъ умъ, чистоту, честность и великодушіе своего героя. Но объ этомъ онъ предоставилъ догадываться читателямъ, а самъ старательно занялся лирикой любви и страсти. И въ „Изгнаніи“ читатель видитъ только, какъ всѣмъ, — и Куренкову, и Гришѣ, и Касьянову, и Тарханову,— очень хочется любить, и какъ они томятся въ глупи до бѣшенства, до нелѣпой вражды между собою, и никакъ нельзя ни угадать, ни представить себѣ ихъ гражданскихъ, общественно-политическихъ добродѣтелей и заслугъ. Кажется только, что всѣ они — самые мелкіе и обыкновенные обыватели. „Изгнаніе“ тутъ не при чемъ: таковы ужъ натуры „изгнанниковъ“.

Вообще Ч. выбивается изъ силъ, чтоо дать трагическое; можно сказать — онъ кричитъ трагическими сценами и образами... Но фарсъ остается фарсомъ: залѣзшій въ болото человѣкъ не можетъ быть трагическимъ героемъ. Романъ,— вообще не удачный, — не получилъ и художественнаго завершенія. (*В. Голиковъ. „Недѣля. Вѣст. Зн.“ 1913—5*).

667. Балаевъ и Дмитріевъ. 891.7.09(075)

Литературная хрестоматія. Ч. I. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 192. Стр. 416. Ц. 1 р. 50 к.

Авторы поставили себѣ задачей посильно содѣйствовать литературному образованію учащихся, которое они строятъ на основѣ: 1) пореживанія художественныхъ образовъ изъ области дѣтской жизни; 2) ориентированія учащихся въ элементарныхъ вопросахъ психологіи; 3) раскрытія передъ учащимися истинныхъ и ложныхъ началъ человѣческой жизни; 4) посвященія ихъ въ задачи элементарной эстетики и 5) возбужденія въ нихъ интереса и симпатіи къ народной душѣ, народному творчеству. Если формулировать вкратцѣ только что высказанное, можно задачи литературной хрестоматіи опредѣлить какъ широкія и гуманно-эстетическія. Этотъ привлекательный, благородный духъ хрестоматіи возводитъ насъ къ лучшимъ завѣтамъ В. Я. Стоюнина и В. П. Острогорскаго... Авторы серьезно продумали планъ и расположеніе частей своей хрестоматіи, въ результатѣ проработки ея дѣти, дѣйствительно, передумаютъ рядъ вопросовъ изъ области психологіи, эстетики и, благодаря хорошо подобранному художественному матеріалу, перечувствуютъ много высокаго, прекраснаго... Признаю I ч. хрестоматіи Б. и Д. очень полезнымъ пособіемъ при первоначальномъ ориентированіи учащихся въ основныхъ вопросахъ теоріи, поэзіи. (*И. Соколовъ. „Рус. Шк." 1913—2*).

Если содержаніе книги, составленной Б. и Д., можно признать, въ общемъ интереснымъ и разнообразнымъ, то нельзя не отмѣтить одного дефекта, который портитъ впечатлѣніе, производимое „Литер. хрестоматіей": рѣчь идетъ о внушительномъ количествѣ очень небольшихъ отрывковъ, которые мы находимъ въ книгѣ... Есть извѣстный минимальный размѣръ отрывковъ, дальше котораго итти нельзя, потому что въ противномъ случаѣ книга получитъ характеръ пестроты и мозаичности, при чемъ миніатюрные кусочки не производятъ ровно никакого впечатлѣнія на молодые умы. (*Ю. Веселовскій. „Въст. Восп." 1913—2*).

По прочтеніи „Л. х.", невольно удивляешься, какихъ блестящихъ результатовъ разсчитываютъ достигнуть современные педагоги въ 4-мъ кл. гимназіи и реальныхъ училищъ... Но, увы!— геніальныя дѣти, какъ и геніальные педагоги, являются рѣдкимъ исключеніемъ. Поэтому при составленіи учебниковъ необходимо имѣть въ виду воспитанниковъ среднихъ способностей. Праздныя же мечты всегда остаются мечтами и не могутъ имѣть практическаго примѣненія. (*И. Козьминъ. „Изв. по Нар. Образ.". 1913—1*).

Мы никогда не противъ новшествъ въ педагогіи. И готовы привѣтствовать Б. и Д. за тѣ и другія ихъ намѣренія, мы только боимся того, не обратится ли неопредѣленно-непосильное для школьника—въ новый видъ схоластики? (*А. Палимовъ. „Пед. Сборн.". 1913—6*).

Въ общемъ, хрестоматія, сост. Б. и Д., представляетъ собой полезный вкладъ въ школьную литературу и окажетъ большую услугу преподавателямъ въ подборѣ художественнаго матеріала для учащихся. (*В. Вомчкина. „Совр. М." 1913—6*).

668. Ивановъ-Разумникъ. 891.7.09

Т. IV. Левъ Толстой. Изд. „Прометей", Спб. 1913. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к.

Самое интересное въ книгѣ—сводка въ одинъ „процессъ", въ связное изложеніе всего внутренняго хода развитія Толстого, всѣхъ его столь многообразныхъ философскихъ переломовъ и психологическихъ кризисовъ. Авторъ какъ бы слѣдуетъ за душевной біографіей Левина въ ея дѣйствительности, начиная отъ первыхъ повѣстей и юношескихъ впечатлѣній и кончая догматической проповѣдью старика. Правда, изложеніе носитъ довольно внѣшній и какой-то наивно „студенческій" характеръ, но факты и обстоятельства всѣ стоятъ на своемъ мѣстѣ и вообще „съ подлиннымъ вѣрно". Какого-либо оригинальнаго освѣщенія или внутренней глубины нельзя и ожидать отъ И.-Р. Этотъ „критикъ" довольно типичный „Вагнеръ", всегда обреченный слѣдовать за только-что прошедшимъ Фаустомъ и составляющій вотъ такое curriculum vitae великаго. Такимъ образомъ „своего" въ книгѣ искать не приходится. Авторъ видитъ въ Толстомъ „высшую точку" начатаго Пушкинымъ цикла русской литературы, совершенно не замѣчая, что у Толстого уже отпали многія стороны духа, которыми былъ богатъ Пушкинъ, и горизонтъ зрѣвія на этомъ „зенитѣ" сравнительно стѣсненъ. Паточный характеръ книги вообще типиченъ для famulus'a. Но если взять книгу, какъ „учебное пособіе" или пополненіе студенческой библіотеки, какъ чтеніе въ тѣ годы, когда описаніе фактовъ усваивается лучше ихъ содержанія, то книгу можно признать полезной. Вѣроятно не разъ учащаяся рука будетъ посыпать ея листы золой табачной,—говоря извѣстнымъ образомъ Некрасова. И, какъ нѣкоторое завоеваніе времени, можно отмѣтить, что И.-Р. говоритъ уже о необходимомъ „религіозномъ фундаментѣ" художественнаго творчества. (*И. Перцовъ. „Нов. Вр.". 1913—13308*).

Выяснить „сукровицу" произведеній великаго писателя земли русской взялъ на себя не легкій трудъ почтенный критикъ, ту „сукровицу", по выраженію самого Л. Н. Толстого, которая заключена во всѣхъ произведеніяхъ великаго художника слова и мысли. Выяснить весь процессъ его творчества, какъ проявлялась эта „сукровица" въ творчествѣ русскаго генія, какъ шли его мучительныя великія исканія, заполнившія собою всю жизнь великаго писателя, отъ самыхъ отроческихъ дней вплоть до той великой трагедіи, омрачившей весь цивилизованный міръ, поверглей въ уныніе и трауръ всю русскую землю. И свой трудъ почтенный критикъ выполнилъ какъ нельзя лучше. Съ какой любовью отнесся авторъ къ своему труду и какъ написана эта книга, говорить не приходится. И.-Р. хорошо извѣстенъ своими богатыми литературными трудами. Желаемъ этой книгѣ самаго широкаго распространенія. (*М. Л. „Сѣв. Утро". 1913. I—III*).

Молодой критикъ слѣдитъ великія исканія Толстого, держась академическихъ мнѣній объ его творчествѣ. Ни новаго мнѣнія, ни новаго парадокса, но хорошее чувствованіе Толстого. Въ послѣдней части книги непріятное впечатлѣніе оставляетъ почти идолопоклонство критика передъ всѣмъ толстовскимъ. „Живой трупъ" онъ считаетъ „поистинѣ великимъ произведеніемъ", „Алеша Горшокъ" кажется ему „подлиннымъ брилліантомъ чистой воды". Даже невозможную пьесу „Отъ ней всѣ качества" онъ считаетъ

удачной вещью, именно доказывающей сохранность таланта даже у 80-лѣтняго Толстого! (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1913—39*).

669. Гобино. 9„13:14“

Вѣкъ возрожденія. Историческія сцены. Перев. съ франц. И. Горбова. М. 1913. Стр. XIII + 365. Ц. 2 р. 25 к.

Книга Г. имѣла большой успѣхъ за границей; она переведена на нѣсколько языковъ и создала автору славу, какъ хорошему знатоку эпохи Возрожденія. И, дѣйствительно, если „Историческія сцены“ Г. прочтетъ человѣкъ, освѣдомленный въ исторіи, то онъ сразу же увидитъ, съ какой научной добросовѣстностью авторъ написалъ свой трудъ, придавши ему форму беллетристическую, предпочтительнѣе передъ формой простого историческаго повѣствованія. Но, именно потому, что Г., прежде всего, историкъ, изучавшій интересующую его эпоху до мельчайшихъ подробностей, книга его страдаетъ многими художественными дефектами. Герои его сценъ какъ бы скованы условностями исторической правдоподобности, они, поэтому, меньше всего похожи на тѣхъ персонажей беллетристическихъ произведеній, которые врѣзываются въ память читателя, благодаря мастерской отдѣлкѣ художника, отдѣлкѣ, правда, часто не соотвѣтствующей дѣйствительному портрету, но все же придающей какую-то жизненность историческимъ типамъ. Вотъ почему большинство дѣйствительно художественныхъ произведеній на историческія темы такъ богаты вымысломъ и такъ бѣдны подлинными фактами. Принимая во вниманіе освѣдомленность и несомнѣнную начитанность автора въ исторіи Возрожденія, приходится видѣть въ его книгѣ не что иное, какъ попытку популяризовать извѣстную историческую эпоху, при чемъ нельзя не выразить сомнѣнія, что изъ-за избранной имъ беллетристической формы цѣль эта не вполнѣ достигнута. Книга съ внѣшней стороны кажется блѣдной и незатѣйливой, и нужно большое терпѣніе со стороны читателя, не имѣющаго большого влеченія къ историческому чтенію, чтобы преодолѣть этотъ объемистый трудъ. Намъ кажется, поэтому, что „Вѣкъ Возрожденія“ Г. можно рекомендовать для чтенія только въ томъ случаѣ, когда читатель уже знакомъ нѣсколько съ эпохой и хотѣлъ бы возстановить въ своей памяти не только общую картину прошлаго, но и главныхъ ея героевъ, въ наиболѣе интересныхъ моментахъ ихъ дѣятельности. Переводъ сдѣланъ съ большимъ тщаніемъ. (*Н. Борецкій-Бергфельдъ. „Рѣчь“. 1913—176*).

Эта книга написана живо и занимательно, но нельзя не сказать, что судьба была къ ней благосклонна все же сверхъ мѣры истинныхъ ея достоинствъ. Если книгу Г. читаетъ человѣкъ, знающій эпоху, онъ на каждой стр. найдетъ знакомыя ему мысли. Живыми своихъ героевъ гр. Г. не дѣлаетъ, да и не можетъ сдѣлать, т. к. умышленно ограничиваетъ себя. Старается не давать простора своей фантазіи, стремится гораздо больше изложить правильно и полно идеи выводимыхъ лицъ, нежели обрисовать ихъ характеръ. Если же за книгу Г. возьмется читатель, незнакомый съ эпохою, то ему авторъ, безспорно, дастъ немного любопытныхъ свѣдѣній и, въ общемъ, ознакомитъ его съ людьми и дѣлами поздняго Ренессанса. (*„Рус. Бог.“ 1913—5*).

Книга графа Г. пользуется заслуженной извѣстностью, какъ яркое и талантливое изображеніе итальянской жизни и культуры въ знаменательную эпоху конца XV и начала XVI столѣтія. Хотя авторъ и счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ драматической формѣ, его „историческія сцены“ не предназначаются для театра. Просто, путемъ живого, энергическаго діалога всего удобнѣе было изобразить пылкіе и страстные характеры людей Ренессанса.

Передъ читателемъ проходятъ Савонаролла Микель Анджело, Винчи, Рафаэль, Макіавели, папа Александръ VI, Цезарь Борджіа и много другихъ видныхъ дѣятелей того времени. Изображаемыя событія всюду соотвѣтствуютъ исторической правдѣ, слова дѣйствующихъ лицъ зачастую оказываются цѣликомъ заимствованными изъ хроникъ, мемуаровъ и писемъ, а элементъ вымысла почти отсутствуетъ. Все это дѣлаетъ сочиненіе гр. Г. однимъ изъ лучшихъ пособій для ознакомленія съ внѣшней, фактической исторіей Возрожденія. (*„Рус. Молва“. 1913—130*).

670. Холмогорскій, Θ. 9 : 63(09)

На зарѣ земледѣлія. Культурно-историческія картинки. Изд. Сытина. М. 1913. Стр. 64. Ц. 25 к.

Х. въ полу-беллетристической формѣ разсказываетъ о томъ, какъ жили и что дѣлали люди, „на зарѣ земледѣлія“, во времена фараоновъ, въ плодоносной долинѣ Нила и позже въ Китаѣ, Малой Азіи и Римѣ. Живо и красочно, вплетая мифологическія легенды и древнія сказанія, рисуетъ г. Х. „историческую картинку“— нужду въ хлѣбѣ и родившійся изъ этой нужды опытъ и знаніе. Если что и можно автору „картинокъ“ поставить въ минусъ, такъ это излишнюю „тянучесть“ и популяризацію, доходящую мѣстами до „популярничанія“. (*А. Ульскій. „Сиб. Жизнь“. 1913—49*).

Въ увлекательной и живой формѣ авторъ разсказываетъ о той упорной борьбѣ человѣка съ природой, которую ему пришлось вести на „зарѣ земледѣлія“. Культурно-историческія картинки, нарисованныя въ этой книгѣ, имѣютъ большое педагогическое значеніе, прекрасно выясняя созидательную роль человѣческаго труда. Все это дѣлаетъ книгу вполнѣ пригодной для цѣлей всеобщаго обученія. (*П. Клименко. „У. Рос.“ 1913—22*).

Намѣренія автора... надо привѣтствовать отъ всей души. Но авторъ слишкомъ ужъ увлекся всякими легендами, сказаніями такъ, что для изложенія самой сути у него остается очень мало мѣста. Да и мысль неопытнаго читателя можетъ запутаться въ этой смѣси правды и вымысла, въ этомъ перескакиваніи отъ сказочныхъ исторій и боговъ къ исторіи фактовъ. Въ общемъ же книжка поучительна и интересна. (*А. Обуховъ. „Для Нар. Уч“. 1913—1*).

671. Бутенко, В. А. 91(44) : 329

Либеральная партія во Франціи въ эпоху Реставраціи. Т. I. (1814—1820). Спб. 1913. Стр. 629. Ц. 3 р. 50 к.

Трудъ прив.-доц. петерб. у-та Б. представляетъ большой интересъ для всякаго, кто ищетъ серьезнаго чтенія по политической исторіи XIX вѣка, въ особенности по исторіи политическихъ

учрежденій и партій. Въ первой главѣ своего изслѣдованія авторъ даетъ очень обстоятельный очеркъ изученія эпохи Реставраціи во французской исторіографіи и показываетъ, до какой степени мало до сихъ поръ изучены многіе частные вопросы, касающіеся этой любопытной эпохи, и какъ много еще и вовсе не затронутыхъ вопросовъ. Въ числѣ такихъ недостаточно изслѣдованныхъ темъ находится и та, за обработку которой взялся Б. Критически изучивъ литературу предмета, онъ основательно познакомился и съ разнообразными источниками по исторіи либеральной партіи во Франціи въ началѣ XIX в. Не довольствуясь печатнымъ матеріаломъ, авторъ старался отыскивать неизданный, архивный матеріалъ, ссылки на который и выдержки изъ котораго находятся въ большомъ количествѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, а кое-что опубликовано и въ приложеніяхъ къ тексту. Наиболѣе важныя данныя почерпнуты авторомъ изъ бумагъ парижскаго національнаго архива, а нѣкоторыя найдены и въ спеціальной библіотекѣ г. Парижа. Благодаря этому въ книгѣ много новаго не только для русскихъ читателей, но даже и для самихъ французскихъ историковъ.

Исторію либеральной партіи во Франціи въ эпоху Реставраціи Б. предпосылаетъ обстоятельный обзоръ либеральныхъ теченій какъ во времена революціи, такъ и при Наполеонѣ. Особыя главы посвящены либераламъ при первой Реставраціи и въ эпоху ста дней. Большой интересъ представляетъ собой глава о знаменитой „безподобной" палатѣ, въ которой воплотился весь духъ тогдашней реакціи. Слѣдующія главы даютъ очень подробныя характеристики партій доктринеровъ и, такъ называемыхъ, „независимыхъ". Послѣдней отведено цѣлыхъ три главы, въ которыхъ разсматриваются, во-первыхъ, теоретики партіи (Дону, Дестютъ-де-Траси, Бенжаменъ Констанъ), во-вторыхъ, вожди партіи ея, составъ и обслуживавшая ее пресса, въ-третьихъ, организація партіи, ея участіе въ избирательной борьбѣ и ея парламентская тактика. Изложеніе всюду опирается на источники, а гдѣ нужно, тамъ авторъ поправляетъ или опровергаетъ другихъ историковъ, касавшихся тѣхъ же предметовъ. Во многихъ случаяхъ исправляемыя имъ ошибки предшественниковъ объясняются ихъ предвзятыми, партійными точками зрѣнія, но въ иныхъ случаяхъ Б. и лучше освѣдомленъ. Во вступительной главѣ къ книгѣ онъ показываетъ, съ какимъ трудомъ французская исторіографія по эпохѣ Реставраціи отъ политическаго партійнаго интереса къ ней переходила къ интересу историческому, научному. Конечно, русскому автору, болѣе далекому отъ французскихъ злобъ дня, и легче было стать на чисто-научную, объективную точку зрѣнія, но это нисколько не уменьшаетъ поучительности его книги и, быть-можетъ, особенно для насъ, переживающихъ въ своей исторіи аналогичную пору. Хотя наши злобы дня Б. оставляетъ въ сторонѣ, но сравненія напрашиваются у читателя сами собой. Къ числу достоинствъ книги нужно отнести ея литературное изложеніе, дѣлающее чтеніе книги легкимъ и пріятнымъ. (*И. Картевъ. „Рус. Вѣд." 1913—91*).

Спеціальная тема книги не должна пугать неспеціалистовъ, интересующихся политической исторіей. Большая и серьезная книга читается легко и интересно и для насъ имѣетъ даже интересъ злободневности. Вѣдь мы переживаемъ періодъ, во многомъ напоминающій, — какъ похожи другъ на друга всѣ реакціонныя эпохи,— эпоху реставраціи, и имѣемъ свои „безподобныя палаты". Авторъ, какъ сказано, очень подробно изучаетъ свою тему. Эта детальность изученія, вводя читателя во внутреннюю организацію партіи, показывая ея работу и проникновеніе идей въ общество, придаетъ книгѣ неослабѣвающій интересъ. (*Кн. „Кіев. Мысль". 1913—156*).

672. Слобожанскій. 91(4)(08)

Европа. Географическая хрестоматія. Сѣверъ: Скандинавія, Данія, Великобританія и Ирландія. Съ 23 рис. Стр. 352. Ц. 1 р. 10 к.

Судя по 1-й части, изд. обѣщаетъ быть содержательнымъ и интереснымъ. 1-ая часть посвящена культурному сѣверу Европы. Исчерпывающей полноты, конечно нельзя ожидать отъ книги, въ которой на 352 стран. въ 8-ую долю печатнаго листа разсказывается о природѣ, образѣ, жизни, обычаяхъ, учрежденіяхъ, объ образованіи и воспитаніи, о промышленности и торговлѣ пяти культурныхъ странъ.

Но то, что разсказано въ книгѣ, разсказано не только хорошимъ литературнымъ, но и столь популярнымъ языкомъ, что книга доступна каждому грамотному читателю, не только взрослому, но и подростку.

Учащіеся младшихъ классовъ среднихъ школъ и ученики начальныхъ училищъ съ большею пользою для себя прочитаютъ хрестоматію С.

По внѣшнему характеру изданіе приближается къ изящнымъ. Рисунки въ книгѣ представляютъ удачную, хорошо выполненную иллюстрацію къ тексту. Книга найдетъ себѣ внимательныхъ и многихъ читателей. (*П. П. „Вятск. Р." 1913—276*).

Книгу можно рекомендовать дѣтямъ старшаго возраста и подросткамъ. Читается она легко, даетъ немало поучительнаго, оставляетъ впечатлѣніе чего то свѣтлаго, прекраснаго и очень далекаго отъ нашей дѣйствительности, а между тѣмъ книга содержитъ правдивыя описанія странъ и людей очень близкихъ намъ какъ по разстоянію, такъ и по своимъ природнымъ свойствамъ. Описанія подобраны настолько хорошо, что читатель получаетъ цѣльный и живой взглядъ на описываемыя страны, ихъ естественныя и искусственныя произведенія, на міръ природы и человѣка... Къ отрицательнымъ сторонамъ книги слѣдуетъ отнести устарѣлость нѣкоторыхъ изъ сообщаемыхъ фактовъ и положеній. (*„Пов. Дѣтск. Лит." 1912-13—1*).

Составлена хрестоматія очень хорошо. Выбраны статьи очень удачныя по изложенію и по содержанію. Много ст., рисующихъ внутреннюю жизнь страны и промыслы населенія. Зато мало ст. съ чисто внѣшнимъ описаніемъ достопримѣчательностей... Неудачны только ст. о Даніи... изложено все безсвязно и въ общихъ фразахъ. Въ остальномъ книга очень хороша и поэтому надо ей пожелать самаго широкаго распространенія... (*А. Обуховъ. „Для Нар. Уч." 1913—3*).

Очень интересно составленная книжка несомнѣнно, будетъ пользоваться большимъ спросомъ читателей. Книга составлена по рѣдко встрѣчающимся у насъ авторамъ, отрывки которыхъ подобраны очень умѣло, въ извѣстной систематизаціи. (*„Учит. Вѣст." 1912—9*).

Какъ достоинства, такъ и недостатки книги зависятъ прежде всего отъ хрестоматическаго ея состава. Съ одной стороны, получается, глядя, впрочемъ, по автору отдѣльныхъ статей, болѣе живое и популярное, а иногда и болѣе интересное изложеніе, въ особенности тамъ, гдѣ авторъ передаетъ свои личныя наблюденія и впечатлѣнія, — съ др. стороны, является слишкомъ большая отрывочность, а иногда и односторонность отдѣльныхъ описаній, въ особенности же крайняя неравномѣрность отношеній различныхъ авторовъ къ описываемымъ ими мѣстностямъ и особенно къ тому, на что именно въ той и др. мѣстности обращается преимущественное вниманіе. И нельзя не сказать, что въ общемъ выводѣ недостатки такого метода, вѣроятно, превзойдутъ его достоинства, гл. обр., потому, что при немъ читатель лишается возможности дѣлать правильныя сравненія „описываемыхъ предметовъ и явленій, т. к. онъ не имѣетъ для этого общаго, объективнаго критеріума. (*В. Линдъ. „Для Нар. Уч.“ 1913—6*).

673. Шмурло. 92(П):012

Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Выпускъ I. XVIII вѣкъ. Спб. 1912 г. Стр. 108+161. Ц. не означена.

Ш. въ настоящемъ изслѣдованіи поставилъ себѣ двѣ задачи: описать посвященныя Петру В. и его царствованію работы въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія и подвести итогъ тому, какъ въ теченіе двухъ столѣтій въ литературѣ измѣнялась общая точка зрѣнія на реформаторскую дѣятельность Петра В., а вмѣстѣ съ тѣмъ и связанная съ этими точками зрѣнія оцѣнка результатовъ его преобразованій. Приходится признать, что первую задачу авторъ выполняетъ удовлетворительнѣе, чѣмъ вторую. Ему въ гораздо большей мѣрѣ удается исторія книгъ, нежели исторія идей. Относительно каждой работы, появившейся въ XVIII столѣтіи по исторіи Петра В., авторъ сообщаетъ подробнѣйшія библіографическія данныя, а въ иныхъ случаяхъ онъ даетъ цѣлыя документальныя изслѣдованія о ходѣ составленія, источникахъ и различныхъ редакціяхъ того или иного сочиненія.

Всѣ эти экскурсы представятъ немалую цѣнность для спеціалистовъ при рѣшеніи различныхъ частныхъ вопросовъ по исторіографіи эпохи Петра В. Подобные экскурсы занимаютъ первое мѣсто въ книгѣ Ш. и по количеству страницъ, и по степени вниманія, удѣляемаго имъ авторомъ. Между тѣмъ та задача, которая выражена въ заглавіи книги, отходитъ въ изложеніи автора какъ бы на задній планъ. Ш. довольствуется здѣсь самыми общими наблюденіями, далеко не охватывающими существа предмета. Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ заключевіемъ автора, что до царствованія Екатерины II реформа Петра вызывала критику только со стороны косныхъ приверженцевъ старины, всѣ же остальные элементъ общества, разсуждавшіе о реформѣ, не сходилъ съ почвы сплошнаго панегирика. Говоря такъ, авторъ игнорируетъ и Посошкова, и тѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ Петра, которые тотчасъ по смерти преобразователя обрушились съ очень острой критикой на его дѣянія. Это доказываютъ матеріалы, изданные Павловымъ-Сильванскимъ и также игнорируемые Ш. Критика реформы людьми екатерининскаго времени также могла бы быть очерчена детальнѣе, съ болѣе отчетливымъ выдѣленіемъ ея различныхъ мотивовъ, нежели это сдѣлано у Ш. (*А. Кизеветтеръ, „Рус. Вѣд.“ 1912—292.*)

Изслѣдованіе Ш. объективно выясняетъ отношеніе къ Петру В. людей XVIII в. Вліяніе тогдашней исторіографіи все еще не угасло и въ литературѣ нашихъ дней, и кое-что отъ него несомнѣнно остается навсегда. (*„Рус. Стар.“ 1913—1*).

Несмотря на пестроту мнѣній современниковъ о преобразованіяхъ Петра В., автору удалось придать имъ въ своемъ изложеніи и стройность и систему... Авторъ, къ сожалѣнію, довелъ пока свой трудъ только до XIX в., между тѣмъ какъ знакомство съ оцѣнкой Петра въ XIX в. представляетъ немалый научный интересъ. Отмѣчая значевіе книги, нельзя не пожелать, чтобы авторъ выполнилъ свою работу до конца. (*К—товъ. „Ист. Вѣст.“ 1913—5*).

Главный недостатокъ книги — въ томъ, что авторъ объясняетъ разногласія во мнѣніяхъ о Петрѣ не раздѣленіемъ общества на классы и соціально-экономической эволюціей каждаго класса, а какими-то абстрактными, общими логическими разсужденіями. Поэтому Ш. оказался безсильнымъ объяснить и перемѣны въ отношеніи массы къ петровской реформѣ. Вообще авторъ совершенно безпомощенъ по части объясненій и обобщеній. Что касается матеріала, то въ большинствѣ случаевъ онъ не новъ; давно извѣстенъ. Сводка этого извѣстнаго матеріала произведена добросовѣстно и большею частью съ достаточной полнотой. (*Н. Рожковъ. „Совр. М.“ 1913—5*).

Книга представляетъ очень хорошій указатель литературо-петровской реформы и личности Петра и незамѣнима, какъ такой указатель. Но ужъ самое заглавіе книги намѣчаетъ ея болѣе широкія рамки. Читатель въ правѣ ждать отъ книги свѣдѣній не только о томъ, какъ и какія лица оцѣниваютъ Петра, но также, какіе слои общества его оцѣниваютъ, *почему* одни смотрятъ такъ, а др. иначе. Авторъ даетъ много матеріала для отвѣта на эти вопросы, но этотъ матеріалъ несистематизированъ. Мы имѣемъ много отвѣтовъ о Петрѣ, но не всегда достаточно ясно опредѣлено мѣсто каждаго отдѣльнаго сужденія въ ряду умственныхъ и соціальныхъ теченій эпохи. (*Г. Вернадскій. „Рус. М.“ 1913—3*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеней“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

2298. Португаловъ, А. В. 016:334
Указатель книгъ для чтенія по вопросамъ коопераціи. Агрономическое отдѣленіе Нижегородской Губернской Земской Управы. Н.-Новгородъ. 1913. Стр. 32.

2299. [. 025.4
Библіографическій Листокъ. Сызрань. 1913. № 1—5. Стр. 12. Съ рис.
Содержаніе: П. А. Унде-Поповъ. Международная десятичная библіографическая система.—Указатель литературы вопроса о дес. системѣ.—Хроника.

2300. Немировичъ-Данченко, Вас. И. 081
Жизнь зоветъ. Изд. „Освобожденіе“. Спб.—М. 1913. Стр. 307. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Тайна заоблачнаго монастыря. Счастливый левъ. (Сказка дѣйствительности). Разбитая кукла. Родныя могилы плачутъ. Колодезь чудесной седьмицы. А жизнь зоветъ. Рука (изъ воспом. объ одномъ землетрясеніи). Бой быковъ въ Байонѣ. Къ забытымъ могиламъ. Чаша воды. На двухъ берегахъ. Трепетъ земли (изъ воспом. объ Этнѣ). Плисунья Улетъ-Напль. Съ флажками. (Изъ воспом. о недавнемъ). Въ чужой клѣткѣ. Лунныя ночи.

2301. Кассировъ, И. 087.1
Сказка объ Иванѣ-богатырѣ, о прекрасной супругѣ его Свѣтланѣ и зломъ волшебникѣ Карачунѣ. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 95.

2302. Коропчевскій, Д. 087.1
Дикіе люди „Кн. за книжкой“. Кн. 132-я. Спб. 1913. Стр. 1+86. Съ рис. Ц. 25 к.

2303. Коропчевскій, Д. А. 087.1
Широкая степь. „Кн. за книжкой“. Спб. 1913. Изд. М. И. Слѣпцовой. Стр. 38. Съ рис. Ц. 12 к.

2304. Ледлау, Дж., Честеръ, Дж. 087.1
Двѣ стачки. „Кн. за книжкой“, кн. 185-я. Спб. 1913. Изд. М. И. Слѣпцовой. Стр. 48. Ц. 12 к.

2305. Масловъ и Подгорецкій. 087.1
Золотыя колосья. Сборникъ пѣсенъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, приспособленный для начальныхъ и среднихъ школъ. Спб. 1913. Стр. 55. Ц. 1 р.

2306. Перро, Шарль. 087.1
Волшебныя сказки. Переводъ С. Чаровой. Кіевъ. 1913. Изд. И. И. Бонадурера. Стр. 151. Съ рис. Густава Доре.

2307. Ружицкій, В. С. 087.1
Радость дѣтей. Сборникъ любимыхъ дѣтскихъ пѣсенъ и шутокъ. Часть II. 50 пѣсенъ для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ. Спб. 1913. Изд. К. Леонасъ. Стр. 51. Ц. 1 р.

Философія [1]

2308. Кэтлэ. 136
Соціальная физика, или опытъ изслѣдованія о развитіи человѣческихъ способностей. Перев. съ изд. 1869 года студент. Кіев. Комм. Инст. Е. Калмановской, Э. Пышнова и А. Шендеровича. Подъ ред. А. Русова. Томъ II. Кіевъ. 1913. Изд. Кіевск. Коммерч. Института. Стр. 359. Ц. 2 р.

2309. Ивановскій, Вл. 149
О нѣкоторыхъ подоумѣніяхъ, вызываемыхъ „интуитивизмомъ“ Н. О. Лосскаго. Казань. 1913. Стр. 18.

2310. Кузьминъ, Е. 149.918
Цѣль и путь. 2. Законъ свободы. Спб. 1913. Изд. журн. „Вѣстн. Теософіи“. Стр. 20. Ц. 25 к.

2311. Тимофеевскій, П. 149.918
Вопросы вѣчные и теософія. Спб. 1913. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи“. Стр. 23. Ц. 25 к.

2312. Россолимо, Г. И. 15
Поправки и добавленія къ „Методикѣ изслѣдованія психологическихъ профилей“. Спб. 1913. Стр. 15.

2313. Сажинъ, И. В., д-ръ мед. 178.1
Что говоритъ о спиртныхъ напиткахъ наука? „Борьба съ пьянствомъ“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 32. Ц. 10 к.

Религія [2]

2314. Кузнецовъ, Н. 243:92(Т)
Вопросъ о молитвѣ за гр. Л. Н. Толстого. Отвѣтъ священнику, совершившему отпѣваніе на могилѣ гр. Толстого. Спб. 1913. Стр. 43.

2315. Спальвинъ, Е. Г. 299.512
Конфуціанскія идеи въ этическомъ ученіи японскаго народа. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ по случаю празднованія десятилѣтія Восточнаго Института 21-го октября 1909 года. Владивостокъ. 1913. Стр. 22.

Соціальныя науки [3]

2316. Бѣльскій, Р. и др. 331(47)
Бѣльскій, Р. Н., Романъ, К. Ю., Жуковскій, Н. В., Коллеръ, Л. В. и Куницынъ, Н. В. Законъ 28 іюня 1912 г. о вознагражденіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Текстъ закона съ мотивами и комментаріями. Подъ ред. А. Д. Покотилова. Спб. 1913. Стр. VI + 433. Ц. 3 р.

2317. Романъ, В. В. 331(47)
Правила о мѣрахъ безопасности работъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности.

(Изданы Главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ 19-го февраля 1913 г.). Съ поясненіями, прилож. относящихся къ нимъ правилъ и предметнымъ указателемъ. Спб. 1913. Стр. 51. Ц. 75 к.

2318. Данскій, Б. Г. 331(47)

Предупрежденіе несчастныхъ случаевъ. Съ приложеніемъ текста правилъ о мѣрахъ безопасности работъ, принятыхъ Главнымъ присутствіемъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Спб. 1913. Изд. „Прибой". Стр. 32.

* **Португаловъ, А. В.** 334(0:016)

См. пор. № 2298.

2319. [. . . . . 334(×924)

Кооперація среди евреевъ. (По даннымъ 1911 и 1912 гг.). Составлено подъ ред. Г. А. Блюма и Л. С. Зака. Кредитная кооперація. Снабженіе и сбытъ, кооп. обезпеченіе. Спб. 1913. Стр. VI+166+167+23 діаграммы. Ц. 1 р. 50 к.

* **Блиновскій, П.** 334:352

См. пор. № 2326.

2320. Бородаевскій, С. В. 334:352

Кооперація, земство и кустарная промышленность. Спб. 1913. Стр. II+36. Ц. 30 к.

2321. [. 335

Опытъ противосоціалистическаго катехизиса. Для слушателей миссіонерскихъ и пастырскихъ курсовъ и для слушательницъ женскихъ богословскихъ курсовъ въ Москвѣ. М. 1913. Изд. „Вѣрность" І. Восторгова. Стр. III+151.

2322. Ор...скій, П. 335:92 (М)

Карлъ Марксъ. Спб. 1913. Изд. „Прибой". Стр. 40. Ц. 15 к.

2323. Честухинъ, А. и Богатиковъ. 336.278

Общедоступное руководство по гербовому сбору для домовладѣльцевъ, торговцевъ, промышленниковъ и волостныхъ правленій. М. 1913. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

2324. Громовъ, И. А. 340.6

Кабинетъ научно-судебной экспертизы по закону 28 іюля 1912 г. (Собр. узак., 1912 г., № 142, ст. 1237). Спб. 1913. Стр. 77. Ц. 50 к.

2325. Горевъ, В. П. 347(08)

Юридическій задачникъ. Сборникъ юридическихъ казусовъ по гражданскому праву и процессу съ примѣрными рѣшеніями. Спб. 1913. Изд. кн. маг. В. К. Анисимова. Стр. 115.

2326. Блиновскій, П. 352 : 334

Земство и кооперація. Екатеринбургъ. 1913. Изд. Екатеринбургск. союза кредитныхъ и ссудосберег. товариществъ. Стр. 85. Ц. 35.

* **Бородаевскій, С. В.** 352 : 334

См. пор. № 2320.

2327. Немировичъ-Данченко, В. И. 355

Собр. соч. т. XV. Съ вооруженнымъ народомъ. II. Въ боевомъ огнѣ. Дневникъ корреспондента въ болгарской арміи. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 270. Ц. 1 р. 50 к.

2328. Трясовъ, П. 355

Сборникъ совѣтовъ и наставленій по отбытію воинской повинности молодыми людьми, состоящими на очереди призыва. Правила объ отбытіи воинской повинности безъ жребья въ качествѣ вольноопредѣляющихся и охотниковъ. Положеніе о службѣ вольноопредѣляющихся, жеребьевыхъ и охотниковъ I разряда по образованію и прапорщиковъ. Херсонъ. 1913. Стр. 88.

2329. Князьковъ, С. А. 361.95(47)

Голодъ въ древней Россіи. Изд. 2-е, испр., кн. м. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 28. Ц. 10 к.

2330. Каптеревъ, П. и Музыченко, А. 371

Современныя педагогическія теченія. Съ рис. въ текстѣ. М. 1913. Кн-во „Польза", В. Англикъ и К°. Стр. 219. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. 60-е гг. и воскресныя школы. Зем. нар. школа и зем. педагогія; правительственная народн. школа и правит. педагогія. Зем. школьныя ходатайства и отношеніе къ нимъ власти. Общественная критика государ. педагогіи въ первые годы XX столѣтія. Средняя школа, ея новѣйшая исторія. Совмѣстная дѣятельность представителей прогрессивной и консервативной педагогіи по вопросу о всеобщ. и обязательн. обуч. русскаго народа. Литературныя указанія.—Введеніе. Причина педагогич. исканій и трудность изуч. современныхъ теченій въ школьномъ дѣлѣ. Современное гербартіанство. Реформа жен. образованія въ Германіи и вопросъ о совмѣст. образованіи у гербартіанцевъ. Вопросъ о религіозномъ образованіи и культурно-историч. ступеняхъ у гербартіанцевъ. Индивидуалистическое, соціальное и эксперимент. направленіе въ педагогикѣ. Монистическое (біологическое) теченіе. Примирительное неоидеалистическое направленіе и сущность трудовой школы. Изъ современной школьной практики. Литературныя указанія.

2331. Рейнери, Дж., Ант., проф. 371

Педагогика въ пяти книгахъ съ историко-литературнымъ введеніемъ д-ра Г. Б. Джентиле. Перев. проф. прот. А. Дружинина. Т. I. Историко-литературное введеніе д-ра Джентиле. Введеніе автора. М. 1913. Изд. К. П. Тихомирова. Стр. 558+VI. Ц. 3 р.

Содержаніе. Кн. первая: О педагогикѣ вообще. Кн. вторая: Объ интеллектуальномъ воспитаніи. Педагогическая библ., издаваемая К. П. Тихомировымъ подъ ред. Д. Н. Королькова.

2332. Лубенецъ, М. 371(04)

Педагогическія бесѣды. Изд. 2-е, дополн. и переработ. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 578. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Къ учащимъ въ народныхъ училищахъ. Домашнее воспитаніе. (Н. Лубенецъ). Изъ жизни ребенка (по Ломброзо и Жихаревой). Объ игрушкахъ. О букваряхъ. Преподаваніе грамоты по американскому методу. Обученіе русской грамотѣ. Вступительные уроки. Уроки грамоты. О первоначальномъ обученіи въ народныхъ школахъ, гдѣ дѣти говорятъ на малорусскомъ нарѣчіи. О первоначальномъ обученіи русскому яз. въ школахъ, гдѣ дѣти совсѣмъ не умѣютъ говорить по-русски. Обученіе чтенію послѣ усвоенія азбуки. О книгахъ для чтенія въ школѣ. О способахъ обученія чтенію. Объяснительное чтеніе. Значеніе устныхъ бесѣдъ и круговой тетради. Задачи учителя при веденіи урока. Заучиваніе стихотвореній. О методахъ преподаванія письма. О диктовкахъ. Письменныя самостоятельныя работы. О письменномъ изложеніи мыслей. Дѣтскія сочиненія, какъ факты развитія языка. О наглядномъ преподаваніи. О церк.-сл. чтеніи въ школѣ. Обученіе ц.-сл. чтенію. О наказаніяхъ въ дѣтскомъ возрастѣ и

школьной дисциплинѣ. Дѣти и ихъ воспитатели. О школьныхъ праздникахъ. Какія требованія предъявляетъ народъ въ школѣ. Народные учители. — Заключ. бесѣда.

2333. Бороздинъ, А. К., проф. 371(07)

Среди народныхъ учителей. (Изъ впечатлѣній лѣтнихъ учительскихъ курсовъ). 1913. Стр. 31.

2334. Джунковская, Е. 371:649

Воспитаніе жизнерадостнаго ребенка. Спб. 1913. Изд. М. О. Вольфъ. Стр. 15. Ц. 15 к.

2335. Лаурсэнъ, А. М. 378

Законъ 19 декабря 1911 г. и правила объ испытаніяхъ лицъ женскаго пола въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній и о порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней и званія учительницы среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1912. Стр. 26. Ц. 25 к.

2336. Брокманъ, Л. Э. 38(73)(04)

Какъ ведутъ коммерческія дѣла американцы. Лекція, прочитанная 4 и 27 февраля въ Москвѣ и 2 апрѣля въ Харьковѣ. М. 1913. Стр. 64. Ц. 60 к.

2337. [. 385

Международное Общество спальныхъ вагоновъ и европейскихъ скорыхъ поѣздовъ. Путеводитель подъ ред. Н. Н. Лондера (Путника). Спб. 1913. Стр. XVI+144+103. Съ рис.

2338. Камскій, М. И. 39(—17)

Дикари сѣвера. Очерки быта дикарей. „Библ. Ступина". М. 1913. Изд. А. Д. Ступина. Стр. 48. Съ рис. Ц. 10 к.

Филологія [4]

2339. Сомовъ, С. Гр. 491.7—1

Листокъ правописанія словъ, признанныхъ современной наукой. Спб. 1913. Изд. М. П. Семенова. Стр 1. Ц. 10 к.

2340. Дурново, Николай. 491.7—5

Очеркъ исторіи русскаго языка. Вып. 2-й. Историческая морфологія. 1. Исторія формъ склоненія и спряженія. Харьковъ. 1913. Стр. 122. Ц. 65 к.

Чистыя науки [5]

2341. Леффлеръ, Е. 51

Цифры и цифровыя системы культурныхъ народовъ въ древности и въ новое время. Перев. съ нѣм. І. Л. Левинтова. „Библ. Элементарной Математики". IV. Одесса. 1913. Изд. „Матезисъ". Стр. 101+8. Ц. 50 к.

2342. Морганъ, Р. Б. 51:744

Элементарныя графики. Съ чертеж. въ текстѣ и 16-ю отд. табл. чертежей на миллиметр. бумагѣ. Перев. съ англ. М. Щербацевичъ. Изд. кн. м. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 84. Ц. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе автора. Положительныя и отрицательныя количества. Координаты точки. Вычерчиваніе простыхъ графикъ. Графическое рѣшеніе совмѣстныхъ уравненій. Составленіе уравненій данной прямой. Графическое изображеніе различныхъ величинъ. Графики формулъ. Графики квадр. уравненій. Приложенія: Квадраты и кубы чиселъ 1—1000. Квадр. и куб. корни чиселъ 1—1000.—Смѣшанные примѣры.

2343. Александровъ, В. 512(075)

Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, съ прилож. примѣровъ и задачъ. М. 1913. Изд. В. В. Думнова. Стр. 471+X. Ц. 1 р. 65 к.

2334. Долгушинъ, П. А. 512(075)

Систематическій курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1913. Изд. „Сотрудникъ". Стр. XVIII+220 съ 40 черт. въ текстѣ.

2345. Александровъ, В. 517(075)

Основанія анализа безконечно малыхъ, начала дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Курсъ VII класса реальныхъ училищъ. М. 1913. Изд. В. В. Думнова. Стр. 170. Ц. 1 р.

2346. Хаасъ, И., проф. 525

Вулканическія силы и ихъ проявленія. Перев. съ нѣм. подъ ред. и дополн. А. П. Нечаева. Съ 40 рис. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 144. Ц. 60 к.

Изъ предисл. къ русск. изд. „Предлагаемая вниманію читателя книга проф. Х. при своемъ небольшомъ объемѣ даетъ полное и и яркое представленіе о существѣ вулканическихъ явленій и объ ихъ современномъ освѣщеніи въ наукѣ... отличается прекраснымъ и часто увлекательнымъ изложеніемъ". А. П. Нечаевъ.

2347. Вальденъ, П., акад.-проф. 54:92(Б)

Маресленъ Бертоло. 25 октября 1827 г. — 18 марта 1907 г. Авторизов. перев. инж.-технол. М. А. Блохъ. Рига. 1913. Стр. 36. Ц. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Органич. работы. Химическій синтезъ. Неорганич. работы. Газовый анализъ. Опыты надъ образованіемъ сложныхъ эфировъ. Распредѣленіе вещества между двумя растворителями. Термохимія. Химическая механика. — Принципъ максимальной работы. Взрывчатыя вещества. Біологія. Физіологія. Агрикультурная химія. Элементы. Атомы. Молекулы. Современ. физич. химія. Труды по исторіи химіи. Философія. Мораль. Воспитаніе. Личность.

2348. Обермайеръ, и др. 57

Обермайеръ, Г., проф., Биркнеръ, Ф., проф., Шмидтъ, В., Гестерманнъ Ф. и Штратманнъ, Т. Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. Томъ I, Обермайеръ, Г. Доисторическій человѣкъ. Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Съ прописл. Д. Н. Анучина. „Библ. естествознанія". Спб. 1913. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Стр. XXVI+687+39 табл., 4 карты и 404 рис.

2349. Натансонъ, А., проф. 58(02)

Общая ботаника. Перев. подъ ред. А. А. Рихтера. Спб. 1913. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. XI+467. Съ 9 табл. и 394 рис. Ц. 4 р.

2350. Елачичъ, Е. 59

Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Съ 47 рис. Изд. кн. м. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 71. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Прикладныя науки [6]

2351. Яцута, К. З., д-ръ. 611

Учебникъ анатоміи человѣка. Съ элементарными свѣдѣніями изъ гистологіи, микроскопической анатоміи и эмбріологіи. Спб. 1913. Изд. Ѳ. В. Этингеръ. Стр. VIII+573 съ 585 рис. и 42 табл. Ц. 2 р. 40 к.

2352. Макаровъ, Г. А., д-ръ. 616

Основы современнаго леченія туберкулеза легкихъ. Спб. 1913. Стр. 43. Ц. 60 к.

2353. Демковъ, М. П. 63(07)

Начатки сельскаго хозяйства. Земледѣліе. Уборка хлѣба. Воздѣлываніе отдѣльныхъ хлѣбовъ. Садъ и огородъ. Домашнія млекопитающія и птицы. Для учащихъ и учащихся въ народныхъ школахъ и для грамотныхъ крестьянъ. М. 1913. Изд. А. Д. Ступина. Стр. 93. Съ рис. Ц. 30 к.

2354. Кулыжный, А. Е. 63(47)

Можетъ ли русскій земледѣлецъ выгодно продавать свой хлѣбъ? Устройство хлѣботорговли и товарищескій сбытъ хлѣба въ Россіи. Съ приложеніями. Очерки. „Взаимная помощь“ подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 21. М. 1913. Стр. 126. 35 к.

Содержаніе: Отъ издателя. Предисловіе. Угнетенное положеніе Россіи на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ и его причины; общій краткій очеркъ соврем. хлѣботорговли въ Россіи. Элеваторная система американской хлѣботорговли; ея преимущества и недостатки. Элементы элеваторной системы. Исторія вопроса о введеніи элеваторной системы въ Россіи. Общій очеркъ желательной схемы элеваторовъ и зернохранилищъ въ Россіи; участіе кооперативовъ и земствъ въ организаціи сбыта хлѣбовъ при элеваторной системѣ хлѣботорговли и въ проведеніи въ жизнь самой системы. Кооперативный сбытъ хлѣба фермами С.-Американскихъ Соед. Штатовъ. Кооперативный сбытъ хлѣба въ Баваріи; зернохранилище въ Тростбергѣ. Первые удачные и неудачные опыты кооперативнаго сбыта хлѣбовъ въ Россіи; дѣятельность с.-х. обществъ и сбытъ хлѣбовъ чрезъ кредитныя т-ва. Дѣятельность нѣкоторыхъ т-въ. Роль кооперативовъ и земствъ въ дѣлѣ сбыта хлѣбовъ и ихъ взаимоотношенія.— Приложенія (правила, уставы, таксы и пр.).

2355. Александровичъ, Георгій. 631

Удобреніе земли безъ навоза. (Объ искусственномъ удобреніи). „Деревенск. хоз. и крест. жизнь“. Подъ ред. И. И. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 16. Ц. 3 к.

2356. Рюмкеръ-ф., К. 631

Очередные вопросы современнаго земледѣлія. Очеркъ III. Навозъ и зеленое удобреніе. Перев. съ нѣм. Е. В. Джунковской. Подъ ред. В. В. Вивера. Спб. 1913. Изд. Глав. Упр. З. и З. Стр. 70.

2357. Баліевъ, В. П. 633(57)

Какъ надо вести полевое хозяйство, въ степныхъ засушливыхъ мѣстностяхъ Сибири. Спб. 1913. Стр. 81 Съ рис.

2358. Португаловъ, А. В., агр. 633.1

О пересѣвѣ озимой ржи яровою. „Деревенское хоз. и крест. жизнь“. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1913. Стр. 8. Ц. 2 к.

2359. Слѣпцова, М. 634.9

Охранители лѣса. „Кн. за книжкой“. Спб. 1913. Изд. М. Н. Слѣпцовой. Стр. 48. Съ рис. Ц. 15 к.

2360. Ельмановъ, Н. В. 636

Какъ правильно разводить и содержать куръ. Спб. 1913. Изд. Вятскаго т-ва. Стр. 20. Съ 6 рис. Ц. 5 к.

2361. Штегманъ, П. Ф. 636

Курсъ общаго животноводства. Рига. 1913. Изд. кн. маг. Іонна и Поліевскаго. Стр. XII+274. Съ рис.

2362. Гончаровъ, В. 637

Яйцо, какъ пищевой продуктъ. Спб. 1913. Изд. Импер. Росс. Об-ва птицеводства. Стр. 96. Съ 18 рис. Ц. 35 к.

* **Джунковская, Е.** 649 : 371

См. пор. № 2334.

2363. [. 655

Справочникъ для гг. книгопродавцевъ и земскихъ книжныхъ складовъ. Торг. Домъ Я. Башмаковъ и К° въ Спб. Кн. скл. и издательство, основанные въ 1895 г. Спб. 1913. Стр. 47.

Изящныя искусства [7]

* **Морганъ, Р. Б.** 744 : 51

См. пор. № 2342.

* **Мендесъ, К.** 78 : 92(B)

См. пор. № 2404.

2364. Покровскій, подпоруч. 797(07)

Самоучитель спортивнаго плаванія. Сост. по новѣйш. нѣм. руководствамъ — І. В. Мангъ и Э. Раушъ и дополнено авторомъ. Австралійскій способъ. Псковъ. 1913. Изд. автора. Стр. 18. Съ рис. Ц. 75 к.

Литература [8]

2365. 8—8

Литературно-художественный сборникъ „Проблескъ“. Дм. Богдановъ. Вл. Вѣтвицкій. Е. Гадмеръ. Сергѣй Ганьшинъ. С. Кошкаровъ. Романъ Кумовъ. Алексѣй Липецкій. Василій Сердюковъ. Иванъ Трубинъ, Еф. Тюринъ. М. 1913. Стр. 92. Ц. 65 к.

2366. Шекспиръ, В. 82—2

Сочиненія. Въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Томы I—XII. Спб. 1913. Изд. А. Ф. Марксъ. Стр. 364+329+358+396+324+ +329+402+310+373+328+333+343 Ц. 1 р. 25 к. за томъ.

2367. Робертсъ, Чарльзъ. 82—3

Разсказы Дяди Анди. Пересказъ съ англ. Нобди. Спб. 1913. Стр. 143. Съ рис. Ц. 80 к.

2368. Уайльдъ, О. 82—3

Преступленіе лорда Артура Сэвиля и др. разск. Авториз. перев. съ англ. М. Ликіардопуло и М. Ричарда. Изд. „Польза“, В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 106. Ц. 20 к.

Содержаніе: Преступленіе лорда Артура Севиля. Натурщикъ-милліонеръ. Кэнтервильское привидѣніе. Сфинксъ безъ загадки.

2369. Лондонъ, Д. 82(73)—3

Морской волкъ. Романъ. Перев. съ англ. С. Займовскаго. Изд. „Польза“, В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 409. Ц. 40 к.

2370. Бирбаумъ, О. 83—3
Странныя исторіи. Перев. съ нѣм. Л. Горбуновой. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 104. Ц. 10 к.
Содержаніе: Эскизъ для портрета одного моего хорошаго знакомаго. Любовныя связи прекрасной Сарры. Донъ-Жуанъ Тенеріо.

2371. Андерсенъ, Г. 839.81—3
Дочь болотнаго царя. Сказка. Перев. съ датск. „Библ. сказокъ". М. 1913. Изд. М. В. Клюквина. Стр. 64. Съ рис. Ц. 15 к.

2372. Понтоппиданъ, Х. 839.81—3
Собраніе сочиненій. Томъ 4 и 5. Обѣтованная земля. Романъ. Часть 1, 2 и 3. Перев. М. П. Благовѣщенской. Спб. 1913. Изд. „Просвѣщеніе". Стр. 243—373 Ц. 1 р. 50 к.

2373. Франсъ, А. 84—3
Новый манекенъ. Перев. съ франц. А. Смирнова. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 213. Ц. 20 к.

2374. Шатобріанъ. 84—3
Атала Ренэ. Перев. съ франц. М. Хейфеца. Подъ ред. и съ предисл. пр.-доц. гр. О. Г. де-ла-Барта. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 166. Ц. 20 к.

2375. Амичисъ д', Э. 85—3
Дневникъ школьника. Пер. съ итальянск. А. Брюсова. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°." М. 1913. Стр. 368. Ц. 30 к.

2376. Цезарь, Гай Юлій. 87
Записки о Галльской войнѣ (7 книгъ и 8-я А. Гирція). Текстъ съ введеніемъ, указателями собственныхъ именъ, косвенныхъ рѣчей и картой Галліи подъ ред. проф. Б. В. Варнеке. Одесса. 1913. Изд. М. А. Миньковскаго. Стр. XVI+ +224. Ц. 55 к.

2377. [. . . . . 891.7(09)
„Письма русскаго путешественника и повѣсти Карамзина". Классная библіотека И. М. Гринцера. Подлинные тексты, краткія содержанія, разборы избранныхъ памятниковъ русской словесности, характеристики дѣйствующихъ лицъ, образцовыя сочиненія, планы, темы, вопросы для устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, свѣдѣнія изъ теоріи словесности. Одесса. 1913. Изд. „Наука". Стр. 46. Ц. 25 к.

2378. Полинковскій, А. 891.7(09)
Русская литература въ отрывкахъ изъ произведеній ея изслѣдователей и критиковъ. Пособіе для средней школы и самообразованія. „Записки Охотника" Тургенева. Одесса. 1913. Изд. „Наука". Стр. 68. Ц. 50 к.

2379. Энгельгардтъ, Н. 891.7(09)„18"
Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. I. 1800—1850. (Критика. Романъ, поэзія и драма). Спб. 1913. Изд. 2-е. С. Суворина. Стр. XIV+622. Ц. 3 р.

2380. Бобровъ, С. 891.7—1
Вертоградари надъ лозами. Стихи. Рис. Н. Гончаровой. Изд. „Лирика". М. 1913. Стр. 162. Ц. 1 р. 50 к.

2381. Виккертъ, Вл. 891.7—3
Отъ лучины къ радію. Стихи. Херсонъ. 1913. Стр. 156. Ц. 1 р.

2382. Россійскій, М. А. 891.7—1
Стихотворенія. М. 1913. Стр. 95+III+2 листа портр. Ц. 75 к.

2383. С. Владиміръ. 891.7—1
Зарницы (Сборникъ стиховъ). Кіевъ. 1913. Стр. 128. Ц. 1 р.

2384. Шамонинъ, Ал. 891.7—1
Лилея. (Стихи). Варшава. 1913. Изд. автора. Стр. 29.

2385. Архиповъ, А. Г. 891.7—2
Рабы своего чувства. Драма-романъ. Въ 3-хъ актахъ. Н.-Новгородъ. 1913. Стр. 64.

5386. Фонвизинъ, Д. 891.7—2
Бригадиръ. Недоросль. Комедіи. Изд. подъ ред. А. Шилова. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 146. Ц. 10 к.

2387. Аверченко, А. 891.7—3
Юмористическіе разсказы. Изд. „Освобожденіе". Спб.— М. 1913. Стр. 58. Ц. 10 к.
Содержаніе: Отецъ. Незамѣченный подвигъ. Страшный человѣкъ. У камина.

2388. Гаринъ, Н. 891.7—3
Полное собр. соч. Т. X. Война. Дневникъ очевидца. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1913. Стр. 235. Ц. 1 р. 25 к.

2389. Гринъ, А. К. 891.7—3
День возмездія. Романъ. Спб. 1913. Стр. 236. Ц. 1 р.

2390. Ждановъ, Левъ. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. VII. Былые дни Сибири. Романъ-хроника. Кн. 1. Спб. 1913. Изд. „Прометей", Н. Н. Михайлова. Стр. 231. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

2391. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 891.7—3
Ранніе всходы. Романъ. Изд. 2-е, „Просвѣщенія". Спб. 1913. Стр. 263. Ц. 1 р. 25 к.

2392. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 891.7—3
Сибирскіе разсказы. Т. I и II. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 258+261. Ц. по 1 р. за т.
Содержаніе: Т. I: Сибирскіе орлы. Главный баринъ. Звѣрство. На перевалѣ. Не у дѣлъ. Подсвѣчникъ. Кладъ. Морокъ. Пріисковый мальчикъ. Крестникъ. Удивленный человѣкъ. Мизгирь. — Т. II: Пиръ горой. Не укажемъ. Оборотень. Семейная радость. Старики не запомнятъ. Ночевка. Друзья дѣтства. М-me Кинстъ, Бликсъ и К°. Послѣдняя вѣточка. Сократъ Ивановичъ.

2393. Миртовъ, О. 891.7—3
Яблони цвѣтутъ. Романъ. Спб. 1913. Изд. М. Я. Яснаго. Стр. 432. Ц. 1 р. 25 к.

2394. Шевелева, Ек. 891.7—3
Сказки и разсказы. Спб. 1913. Стр. 181. Ц. 1 р.
Содержаніе: Сказка цвѣтовъ. Легенда о двухъ поэтахъ. Сказка лунной ночи. Лѣсная сказка. Сказка о ласточкѣ. Бахчисарайская сказка. Роза Востока. Маленькая повѣсть. Невѣста. Послѣдніе минуты. Къ одному снѣточу. Жизнь горемычная. Жертва Мельпомены. Былые сны.

2395. Язевъ, В. В. 891.7—3
Таинственная пассажирка. Повѣсть. Одесса. 1913. Стр. 164. Ц. 1 р.

2396. Алтайская, Ольга. 891.7—8

Разсказы и стихотворенія. Кострома. 1913. Стр. 57. Ц. 50 к.

2397. Шоломъ, Алейхемъ. 892.4—3

Похожденія неудачника. Лондонъ. „Общедоступная библ.“ № 1. Одесса. 1913. Стр. 15. Ц. 10 к.

Исторія и географія. [9].

2398. Фрейтагъ, Г. 9(43)

Картины изъ прошлаго Германіи. (Въ избранныхъ отрывкахъ.) Составилъ М. А. Липпе. Спб. 1913. Стр. VIII+129+128. Ц. 80 к.

2399. Барацъ, Г. М. 9(47)

Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси. Кіевъ. 1913. Стр. 1 нен.+68. Ц. 60 к.

2400. Князьковъ, С. А. 9(47)„1812“

Священной памяти двѣнадцатаго года. Изд. 2-е, испр. и дополн., кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 113. Ц. 40 к.

Содержаніе: Россія и Франція въ началѣ XIX в. Настроеніе русскаго общества послѣ Тильзита. Русская армія временъ Отеч. войны. Начало Отеч. войны. Смоленскъ. Генералъ-фельдмаршалъ, свѣтл. кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій. Бородино. Москва въ 1812 г. Отступленіе французовъ. Народная война. Гибель франц. арміи. Заграничный походъ и итоги Отеч. войны.

2401. Шамурины, Ю. и З. 902.6(47.31)

Культурныя сокровища Россіи. Вып. V. Москва въ ея старинѣ. М. 1913. Изд. „Образованіе“. Стр. 80+28 лист. рисунковъ.

2402. Будановъ, В. П. 91(07)

Записки по методикѣ географіи. Руководство для спец. кл. епархіальныхъ женск. училищъ, женскихъ гимназій, учит. школъ и начинающихъ преподават. ср. уч. заведеній. Изд. 2-е, съ предислов. А. П. Нечаева, кн. маг. П. В. Луковникова. Спб. 1913. Стр. 156. Ц. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе ко 2-му изд. Отъ автора. Задачи географіи, какъ науки и какъ учебнаго предмета. Краткій очеркъ развитія географіи, какъ науки. Распредѣленіе и объемъ учебнаго курса географіи въ низшей и средней школѣ. Способы построенія курса и главнѣйшіе методы преподаванія. О преподавателѣ географіи. Значеніе учебника и требованія, которымъ онъ долженъ удовлетворять. Подготовка преподавателя къ уроку. О значеніи наглядности. Наглядныя пособія. Интересъ въ преподаваніи. Выясненіе связи географическихъ явленій. Отношеніе къ географич. номенклатурѣ и числовымъ даннымъ. Формы обученія. Повтореніе и провѣрка пройденнаго. Постановка курса родиновѣдѣнія. Постановка курса математической географіи. Постановка курса общаго землевѣдѣнія. Постановка курса страновѣдѣнія. Географич. экскурсіи.

2403. Кларкъ, И. С. 91(57)

Спутникъ по Сибири, Манчжуріи, Амуру и Уссурійскому краю. IX вып. Владивостокъ. 1913. Стр. 1122, 73 рис. 8 план. и карт. Ц. 3 р.

* **Вальденъ, П.** 92(Б):54

См. порядк. № 2347.

2404. Мендесь, К. 92(В):78

Рихардъ Вагнеръ. Перев. съ франц. С. Д. Духовнаго. Съ предисл. Б. К. Яновскаго. Изд. Ю. А. Піонтковскаго. Кіевъ. 1913. Стр. 191. Ц. 75 к.

* **Ор...скій, П.** 92(М):335

См. порядк. № 2322.

* **Кузнецовъ, Н.** 92(Т):243

См. порядк. № 2314.

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ“. (1913—6). Св. Максима Исповѣдника житіе. Перев., изд. и примѣч. М. Д. Муретова. — Письма Епископа Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ. Сообщ. іером. Игнатій (Садковскій). — Н. Я. Туницкій. Св. Климентъ, еп. Словенскій.—Г. Гетеро. Франкъ-масонство. Перев. съ фр. Е. А. Флейтеръ, съ предисл. и подъ ред. С. С. Глаголева. — Ѳ. С. Владимірскій. Древняя мудрость и новая наука.— Н. Соловьевъ. Дѣятели въ области изученія древнерусскаго церковнаго пѣнія. — А. А. Спасскій. Эллинизмъ и Христіанство. Христіанство въ его историко-практическомъ выраженіи. — Свящ. П. А. Флоренскій. Напластованія эгейской культуры. — Критика.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. (1913—май—іюнь, кн. 118 (III). — Б. Яковенко. Философія В. Шуппе. — Н. Лосскій. Недостатки гносеологіи Бергсона и вліяніе ихъ на его метафизику. — В. Хностовъ. Этика Метерлинка. — С. Грузенбергъ. Богопониманіе Декарта.—А. Болтуновъ. Методологическіе принципы психологіи Гербарта. — В. Половцева. Къ методологіи изученія философіи. Спиноза. — Критика и библіографія. — Извѣстія и замѣтки. — Полемика.

„Вѣра и Разумъ“. (1913—12). Т. II. Буткевичъ, проф.-прот. Протестантство въ Россіи. (Продолж.).—Н. Стелецкій, проф.-прот. Опытъ нравственнаго православнаго богослонія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.).—Свящ. І. Артинскій. Жизнь или смерть? Е. Н. Одинъ изъ опытовъ современнаго богословія на Западѣ. (Оконч.).

„Вѣстникъ Европы“. (1913—7). Луговой, А. На новой дорогѣ, дор. этюды. (Оконч.) — Старкъ, Л. Колдуньѣ, стих.—Толчинова (Шабельская), А. Наброски карандашомъ. — Верховскій, Ю. Рыбакъ, стих.—Покровскій, С. Въ Сѣверномъ морѣ.—Фишеръ, В. Изъ дѣтства. — Желѣзновъ, В. Къ теоріи городской поземельной ренты. — Бутенко, В. Изъ исторіи франц. законод. о печати. — Дейчъ, Л. Наша эмиграція въ 70 гг.—Рапопортъ, С. — Театръ и цензура. — Базенъ, Р. Всей душою, романъ. Пер. М. Славинской, съ франц. (Продолж.). — Чумачевко, А. Стихотв. — Осоргинъ, М. Хроника. Русскіе эмигранты и „Римскій съѣздъ“. — Тверской, П. Предстоящее открытіе Панамскаго канала. — Бѣлоруссовъ, Вокругъ трехлѣтней слубы, письмо изъ парижа. Горькій, М. М. Коцюбиньскій.—Х. Изъ Черниг. губ., письмо въ ред.—Коналевскій, М. Современ. франц. соціологи.—Провинціальное обозрѣніе.—Литературное обозрѣніе.—Арсеньевъ, К. Новыя „непреложныя начала“ суда. — Слонимскій, А. „Архивъ“ М. М. Стасюлевича. — Иностранное обозрѣніе.—Вопросы внутренней жизни.—Арсеньевъ, К. Оконч. 1-й сессіи 4-й Госуд. Думы.—Извѣщенія.—Библіогр. листокъ.

„Вѣстникъ Знанія“. (1913—7). П. А. Морозовъ. Культурное значеніе воздухоплаванія — Д-ръ А. Загоръ. Организація умственнаго труда.—П. Рубакинъ. Какъ работать надъ самообразованіемъ.—Проф. П. Каптеревъ. Экспериментальная педагогика въ Россіи. — Проф. А. А. Кулябко. Эволюція и происхожденіе жизни. — Д-ръ А. Л. Алпатова. Мыслящія лошади.—С. Муратовъ. Къ любителямъ астрономіи.—Д-ръ Кольцъ. Нормальное въ условіяхъ городской культуры.—Д-ръ Кваге. Искуственная пища.—П. Ефимовъ. Табакъ и его вліяніе на организмъ. — Д-ръ Ф. Гоберръ. О. Родэнъ и античная скульптура.—В. Голиковъ. Безслезные глаза. — Литературный кризисъ на Западѣ.—Библіографія. — Новости науки и техники.—В. В. Битнеръ. Бесѣды съ молодежью.—К. Эвальдъ. Кукушка.—Д-ръ В. Нейманъ. Неутомимое сердце.—Ч. Тиди. Добываніе огня.—Изъ нашей лабораторіи. — Вопросы науки и практики.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элемент. Математики“. (1913 — 10(586). Н. Нинось. Этюды по элемент. алгебрѣ. (Оконч). — М. Смолуховскій. Число и величина молекулъ и атомовъ. — Д. В. 50-лѣтній юбилей Е. М. Пржевальскаго.—Библіографія. — Задачи.

„Голосъ Минувшаго“. (1913 — 6). К. П. Успенскій. Юстиніанъ и крупное землевладѣніе сенатской знати.—В. А. Филипповъ. Факты и легенды въ біографіи О. Г. Волкова.—В. Н. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. (Продолж.).— Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и П. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ. (Оконч.). — Е. П. Челѣева. Изъ воспом. пажа Людовика XVI. Перев. съ фр.—В. М. Хижняковъ. Автобіографическіе записки. (Продолж.).—Казанскій заговоръ 1863 г. Эпизодъ изъ польскаго возстанія. Сообщ. А. Ершовъ.—Письмо фонъ—Тиле по поводу проекта „Уставной грамота“ Новосильцева. Съ предисл. П. С. Рябинина.—П. П. Сидоровъ. Ломоносовъ, Новиковъ. Радищевъ. — Критика и библіографія. — Некрологъ: В. М. Соболевскій. А. Н. Максимова и П. П. Вѣлковскаго. — Хроника.—Л. Браунъ. Письма маркиза, ром.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1913—6). Л. Сурожскій. Самъ виноватъ. — С. Михайловъ. Братъ Вениаминъ. — Р. Кумовъ. Сюзанна. — С. Б—ій. Изъ воспом. рядового о русско-японской войнѣ. — А. Луговой. Кустарные парадоксы. — Л. Козловскій. В. М. Гаршинъ. — В. Гаршинъ. Плѣнница. — А. Мошинъ. Изъ воспом. о Л. Н. Толстомъ. — Н. Рубакинъ. Бесѣда о самообразованіи. — Н. Рубакинъ и Д. Страховъ. Почтовый ящикъ. — Духоборы въ освѣщеніи англичанина-канадца. — А. Н. Чарушниковъ. — Л. Федорченко. Въ Бессарабской деревнѣ. — В. А. Поссе. Общественная жизнь. — Особыя замѣчанія подписчиковъ. — Отвѣтъ подписчикамъ. — Отзывчивость друзей-подписчиковъ. — Товарищеская бесѣда. — Библіографія. Отчотъ конторы. — Стихотворенія: Н. А. Ш., С. Астрова, С. Данидова, А. Лурія, Н. Горьевой.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1912—6). А. Н. Гедда. Крестьянское духовное завѣщаніе и обычай. — П. Л. Валицкій. О значеніи утраты векселя съ точки зрѣнія нашего вексельнаго и гражданскаго права. — Н. Н. Толстолѣсъ. Юридическое положеніе залогопринимателя, въ случаѣ истребленія предмета залога пожаромъ. — Я. А. Канторовичъ. Авторское право на художественно-промышл. произведенія. — А. Н. Люблинскій. Новый итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства. (Оконч.). — Хроника. — Н. Блиновъ. Историч. матеріалы, извлеченные изъ Сенатскаго архива. Сенаторскія ревизіи. — Я. Я. Лихачевъ. Кассаціонная практика.— П. А. Окуневъ. Два закона о малолѣтнихъ. (Франція и Бельгія). (Оконч.). — В. Гора, проф. Законодательная дѣятельность въ Австріи. — Сесиль Мидъ Аллень. Письмо изъ Англіи. — Ф. Эннекенъ. Письмо изъ Парижа. — Литературное обозрѣніе. — Библіографія. Указатель юридич. литературы.

„Завѣты“. (1913—6). М. Моравская. Немного жалости, стих.—Л. Добронравовъ. Новая Бурса.— В. Вонновъ. Крутьковская Пасха. — Ц. Линъ. Въ душное лѣто.—А. П. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспом. о „хожденіи въ народъ“. (Продолж.).— В. Берседзіо. Двѣ жертвы, разск. Перев. съ итальянск. С. Пв.-П. — Б. Камковъ. Историко-философскія воззрѣнія. П. Л. Лаврова.—В. Евгеньевъ. Предсмертныя думы Н. А. Некрасова, — П. Гиммеръ. Изъ итоговъ послѣдняго ценза С.-Американскихъ Соед. Штатовъ.—В. Араратскій. Адаманты и перлы антисоціалистической литературы.— Качаровскій, К. Народничество, какъ соціологическое направленіе. — Текущая жизнь.—С. Мстиславскій. Свое и чужое. Павопткумъ. — Ивановъ-Разумникъ. Литература и общественность. Дальній край.—Библіографія.

„Историческій Вѣстникъ“. (1913—7). Ф. Е. Зарнвъ-Несвицкій. Борьба у престола. Историч. ром. (Продолж.).—М. Ватаци, урожд. Мертваго. Былъ минувшаго. (Оконч.).—Г. П. Ольшанскій. Преступленіе пономаря. (Разск. моего дѣда).— В. В. Бертенсонъ. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспом.).—А. Е. Кауфманъ. За кулисами печати. (Отрывки воспом. стараго журналиста). С. Н. Рудневъ. Изъ жизни. Изъ записокъ судьи. VI. Мертвое тѣло.— Е. Щепкина. Женская личность въ исторіи Россіи. — А. А. Танковъ. Имп. Александръ II и Цесаревичъ Ник. Алекс. въ Курской мужской гимназіи въ 1859 г.—А. Н. Фаресовъ. С. Н. Шубинскій, какъ редакторъ журнала.—В. П. Авенаріусъ. По чужому адресу. (Изъ служебныхъ воспом.). — Т. Лопато. Воспоминаніе о ген.-адъют. Александрѣ Петр. Струковѣ.—А. С. Изъ смутнаго времени въ Прибалтійскомъ краѣ.—К. Гор—енко. Тимофей Абр. Бондаревъ. (Изъ личныхъ воспом.).—В. С. фонъ-Штейнъ. Забытый писатель. — Б. Б. Глинскій. Развѣнчанные герои революціи 1905 г. Г. С. Хрусталевъ-Носарь. (Продолж.). — А. Фирсовъ. Поѣздка къ могиламъ Елагиныхъ и Батенькова.—А. Н. Фаресовъ. На благодатномъ югѣ.— Критика и библіографія.—Заграничныя историч. новости и мелочи.—Смѣсь.—Некрологи.

„Обновленіе Школы“. (1913 — XVI и XVII). Шейда. Планъ постановки чтеній. Перев. Ц. Балталонъ.—О рисованіи и лѣпкѣ въ американскихъ школахъ. Перев. Мальцевой. — Л. Кравченко. Общая характеристика плана организаціи школы.—Проф. Адамсъ. Объективный методъ въ воспитаніи. — Монтессори. Критическій обзоръ педагогики и ея отношеніе къ современной наукѣ.—А. Туфановъ. Библіографія.

„Просвѣщеніе“. (1913—6). М. Горькій. Кража.— Дм. Семеновскій. На ярмаркѣ. Поэту, стихотв.— А. Бебель. Къ 50-лѣтію германской соціалъ-демократіи.—Ю. Невзоровъ. Международная политика рабочаго класса.—Г. Алексинскій. Подъ уклонъ.— Ал. Трояновскій. Ростъ вооруженій.—Л. Старкъ. Лебеди. Сѣверъ, стихотв. — Г. Зиновьевъ. Къ

итогамъ думской сессіи.—Ю. Каменевъ. На либеральномъ поводу. — Н. Ск. Къ національному вопросу.—Л. Старкъ. Сны, стих. — Е. Фрейманъ. Приказчичій интернаціоналъ. — А. Алексѣевъ. Рабочее движеніе. — Б. Г. Данскій. Страховая кампанія.—Ч. Гурскій. Первая больничная касса въ Петербургѣ.—П. Гладневъ. Либеральныя тенденціи. — Библіографія.

„Русское Богатство". (1913—7). А. Серафимовичъ. Со звѣрями. — С. Астровъ. Грядущему, стих.—Вл. Войтинскій. Призраки.—С. Астровъ. Весна, стих.—В. І. Дмитріева. Мужъ, повѣсть.—П. Ю. Шмидтъ. Душевная жизнь животныхъ въ новомъ освѣщеніи. — У. Локкъ. Кумиры, ром.—С. Филинскій. За семь лѣтъ. — А. Е. Рѣдько. У подножія африканскаго идола. — Діонео. Изъ Англіи.—В. Майскій. Подъ пятой остъ-эльбскаго юнкерства.—Е. В—въ. Изнанка войны. (Письмо изъ Болгаріи).—Вл. Короленко. Третій элементъ. (Памяти Н. Ѳ. Анненскаго). — А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни. — П. Гордѣевъ и А. Пѣшехоновъ. Сіятельная литература.—П. Шк-скій. Разрушеніе.—Новыя книги.

„Свободное Воспитаніе". (1913 — 10). Полетаева, О. Занятія по географіи во II кл.—Б-ва, П. Основы школьнаго воспитанія и обученія.—Шарельманъ, Г. Живая вѣра въ преподаваніи.—Н. К. Къ вопросу объ организаціи школы.—Рейстеръ, Г. Какъ организуютъ внѣшкольныя занятія дѣтей. — Розевъ, Е. Вліяніе состоянія зубовъ на развитіе и успѣхи учащихся.—Поликовъ, В. Къ вопросу о введеніи подвижныхъ игръ и организаціи экскурсій въ городскихъ нач. училищахъ.—Израэльсонъ, А. „Дефективныя дѣти и школа". Отовсюду.

„Современникъ". (1913—6). В. Я. Богучарскій. Новое о Герценѣ. Письма Герцена къ Тургеневу съ объяснит. текстомъ и примѣч.— Н. Лепетичъ. Апрѣль, стих.—П. Потапенко. Пойманный моментъ. (Изъ хроники одного города).—А. Федоровъ. Къ солнцу, стих. — Ф. Ласкова. Лицомъ къ лицу. — Э. де-Керосъ. Преступленіе отца Амаро, ром. (Продолж.). Перев. Т. Герценштейнъ.—С. Анисимовъ. Какъ это было. (Продолж.). — В. Базаровъ. О философіи дѣйствія. Ст. Первая.—А. Вережниковъ. Всѣ пути скрещиваются. (Оконч.).—В. П. Засуличъ. „Вольное слово" и эмиграція. Изъ восп. — А. Шебунинъ. Общественные и политическіе взгляды Н. П. Тургенева въ Александр. эпоху. (По неизд. матеріаламъ). (Продолж.). — О. Бауеръ. Послѣ Балканской войны. Разрѣш. авторомъ перев. съ нѣм. Н. Гарри.—Л. Пиранделло. Побѣда. Перев. Е. Шестаковой.—Р. Ираккo. Стѣна. Перев. Е. Шестаковой. — М. Ратнеръ. Борьба за всеобщее избирательное право въ Австріи. — В. Львовъ-Рогачевскій. Символисты и ихъ наслѣдники.—Итоги и факты.—Ал. Ожиговъ. Вмѣсто демона—лакей.—А. Луначарскій. Парижскія письма.—Новыя книги.

„Сѣверныя Записки". (1913—5-6). — К. Липскеровъ. Шаги подъ луной. Шесть стих. — П. Вольновъ. Прокошка, разск.—Каратыгинъ. Рих. Вагнеръ. — Е. Браудо. — Вагнеръ и Сѣровъ. (Два неопубликованныхъ письма Вагнера и Сѣрова). — Стендаль. Излишняя благосклонность вредитъ, новелла. Перев. І. Брюсовой.— С. Парнокъ. Стихотвореніе.—Н. Морозовъ.—Передъ грозой, изъ восп.—С. Упдсетъ. Салма Бретеръ, разск. Перев. съ норвежск. М. Благовѣщенской.—Н. Нилусъ. Приключеніе, разск. — Х. Бенавенте. Отзвуки, разск. Перев. съ испанск. Л. Хавкиной. — П. Брусиловскій. Радости и печали русской науки. (Юбилей К. А. Тимирязева). — Югуртъ. Похвала глупости. — П. Тугенхольдъ. Выставка древней иконописи въ Москвѣ.—Б. Келлерманъ. Японскій театръ.—А. Полянинъ. Въ поискахъ пути искусства.—С. Чацкина. О. пантеизмѣ. С.-Ценскаго.—Б. Садовской. Ремизовъ о Россіи. — Р. Заблудовскаи. Новое поколѣніе. (Письмо изъ Франціи). — Я. Танинъ. Трудовая группа 1-й Гос. Думы. — П. Сурожскій. Собственники. — Н. Быховскій. Трагедія общественныхъ порывовъ. — Гр. Ландау. Политическія замѣтки. (Парламентская дуэль и польское коло).

„Украинская Жизнь". (1913—6). Чубинскій, М., проф. Украинская національная идея и ея правовые постулаты. — Бѣлоусенко, О. Украинскій вопросъ въ 4 Думѣ. — Ефремовъ, С. Приказъ жизни — Садовскій, В. Законопроектъ о печати и украинская пресса. — Вознякъ, М. Украинское О-во „Просвіта" во Львовѣ. — Лебединскій, П. Задачи украинскихъ юристовъ. — Петлюра, С. И. Франко-поэтъ національной чести (Оконч.). — П. Л. Новые матеріалы изъ переписки М. П. Драгоманова. — На Украинѣ и внѣ ея. — Библіографія.

Книги, поступившія въ редакцію.

Е. Шевелева. Сказки и разсказы. 1 р.

И. Н. Шапошниковъ. Наглядная практическая грамматика. Ч. І. Изд. В. В. Думпова, н-овъ бр. Салаевыхъ, 4-е. 35 к.

И. И. Мазаевъ. Записки. Вып. 3 и 4. Изд. П. А. Мазаева.

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Изд. М. В. Попова. 1 р. 50 к.

І. Брихничевъ. Огненный сѣятель. Изд. Н. И. Дорофеевой, 2-е. 30 к.

А. Шиловъ. Преступность въ арміи и алкоголь и др.

Н. К. Могилянскій. Матеріалы для географіи и статистики Бессарабіи. 1 р.

„Всегдай". Это-футуристы. VII. Изд. „Петерб. Глашатай".

В. Чешихинъ. Грамматическая идеографія и неосинографія. Русскій ключъ. Изд. Т. І. Яспинскаго.

П. Я. (Якубовичъ-Мельшинъ). Стихотворенія. Т. І. Изд. 7-е. 1 р. 25 к. и т. ІІ. Изд. 5-е 1 р. Изд. „Русск. Бог.".

А. Райскій. Новые звуки. Стихи. 50 к.

Д. П. Тихомировъ. Сборникъ статей и стихотвореній для устныхъ и письменныхъ работъ по русск. языку. 55 к.

Изд. „Образованіе".

Новыя идеи въ астрономіи. Сборн. №№ 1 и 2. По 80 к.

Новыя идеи въ медицинѣ. Сборн. № 1. 80 к.

Новыя идеи въ соціологіи. Сборн. № 1. 80 к.

Новыя идеи въ философіи. Сборн. №№ 8, 9 и 10. По 80 к.

Новыя идеи въ химіи. Сборн. №№ 1 и 2. По 80 к

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за подъемами литературы, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, наконецъ, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хорошаго справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія". „Новый Журналъ для Вс.": „Бюллетени" незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекоменд. книгъ. Всѣ интересующіеся книгой и журналомъ найдутъ въ нихъ полезное пособіе. „Рязанск. Вѣст.": „Бюллетени" умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журналѣ отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книжный рынокъ... Здѣсь читатель находитъ полный перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаніемъ ихъ, трактовки философскихъ и др. проблемъ, критическій разборъ литературныхъ новинокъ и т. п. Въ журналѣ сосредоточены всѣ новости нашей литературы, а это позволяетъ читателю постоянно быть въ курсѣ современныхъ исканій не только нашей русской, но и міровой мысли... Журналъ очень симпатично, сочувственно встрѣченъ отзывами современной печати и читающей частью общества, а низкая цѣна изданія дѣлаетъ этотъ безусловно полезный органъ печати вполнѣ доступнымъ для широкой публики"... „Сѣв. Утро": „Журналъ... въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... точно отмѣчаетъ, какъ бьется въ данный моментъ пульсъ человѣческаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго"... „Русск. Молва": „Все то важное, что терялось въ гущѣ журналовъ и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ, — но и самые широкіе круги читателей... Немногіе имѣютъ время и возможность слѣдить за всѣми органами печати, и потребность въ журн. типа „Бюллетеней", держащемъ своего читателя въ курсѣ литературной жизни, — велика". „Кіевская Мысль". „Журналъ... съ матеріаломъ въ общемъ обильнымъ и заслуживающимъ прочтенія. „Бюллетени" могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ", а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провинціальнаго читателя, руководителямъ библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 1 руб., къ 1-му к. — 1 р., къ 1-му марта — 1 р., къ 1-му іюня — 1 р. За границу на годъ — 5 р. Для сельскихъ читателей при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ — 3 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. и подписной № отд. стоитъ 30 к., на станціяхъ жел. дор. 35 к.

Имѣются полные комплекты „БЮЛЛЕТЕНЕЙ" за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна по 3 р. за каждый комплектъ безъ пересылки. Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (4 тома)— 8 руб. безъ пересылки.

Книгоиздательства приглашаются присылать на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ подробн. библіографическихъ свѣдѣній.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются только послѣ текста: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

Москва, Мерзляковскій пер., д. 6. Телеф. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій и В. Носенковъ.*
Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. въ перен. 1 р. 50 к., безъ перен. 1 25 к.

Русско-англійскіе разговоры, цѣна 1 руб. 25 коп.

Россійскій гербовникъ. Худож. въ краск. исполн. гербы 11-ти упиперс. губерній и Костромской. Ц. 2 р.

Щепкина-Куперникъ. Разрозненныя страницы, ц. 1 р.; Облака, ц. 1 р.; Письма изъ далека, ц. 1 р.

Американскіе синдикаты — М. И. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго—М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Довъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

Спб., Поварской, 10—9. **„ПРОМЕТЕЙ“.** Спб., Поварской, 10—9.

Б. Келлерманъ.

Собраніе сочиненій Т. I. **Идіотъ.** Романъ. — 1 руб. 50 коп.

Джекъ Лондонъ.

Т. 15. **Мои скитанія.** — 1 руб. Т. 16. **Дѣти тропиковъ.** 1 руб. —

Уптонъ Синклеръ.

Т. 4. **Царь Мидасъ.** Романъ. Переводъ Ж. Журовской. — 1 руб. 25 коп.

Левъ Ждановъ.

Т. 7. **Былые дни Сибири.** — 1 руб. 25 коп.

Анри Бергсонъ.

Творческая эволюція. — 2 руб. **Интеллектуальное усиліе.** — 50 коп.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-34.

ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 23-24. Августъ. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Идея справедливости въ произведеніяхъ Метерлинка 989
2. Лицомъ къ лицу съ „проклятыми вопросами". (Вопросы сердца. — Одявъ изъ отвѣтовъ разума)..... 904
3. О сорадованіи и состраданіи.... 1000
4. Связь кризиса драмы съ кризисомъ морали 1007
5. Къ пониманію нашего сегодняшняго литературнаго дня..... 1010
6. Какъ Н. А. Морозовъ съ товарищами въ тюрьмѣ проявляли свою свободу 1015
7. Короленко о дуэли..... 1020
8. Изъ революціоннаго прошлаго. (Кропоткинъ. Лавровъ. — Младшій Дегаевъ.—Польскій масонъ В. Лукасинскій) 1022

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Указатель „Бюллетеней" за 1912-13 годъ. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Мерзляковскій пер., домъ 6.
Телеф. 5-02-06.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская, д. 10, кн. маг. „Наука". Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція".

МОСКВА.

ОТЪ КОНТОРЫ:

При этомъ № подписчикамъ разсылаются проспекты журнала „Бюллетени“ на 1913—14 г. Лицъ, не получившихъ проспекты, контора проситъ обращаться по НОВОМУ адресу:

Москва, Мерзляковскій переулокъ, домъ № 6. Телефонъ 5-02-06.

Въ виду окончанія подписного года, **контора проситъ гг. подписчиковъ, желающихъ подписаться на слѣдующій годъ, поторопиться съ присылкой подписныхъ денегъ**, во избѣжаніе задержки въ разсылкѣ № 1-го „Бюллетеней“ за 1913—14 г.

СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ 1913 ГОДА ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный журналъ новаго типа

(5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

Журналъ выходитъ **два раза** въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ **большого формата** въ два столбца. За годъ выйдетъ 24 книги, которыя составятъ два тома въ 2000 страницъ.

„БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интеллигентныхъ читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодической, такъ и неперіодической, какъ русской, такъ и иностранной.

Главная задача **„Бюл. Л. и Ж.“** — по возможности всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. — Изъ массы печатнаго матеріала журналъ выбираетъ преимущественно то, что характерно для данной эпохи и для человѣческаго духа и что имѣетъ длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, вѣчности, что раскрываетъ жизнь въ ея основѣ, что углубляетъ душу читателя и расширяетъ его умственный кругозоръ.

„Бюллетени“—это коллективная литературная памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива.

О типѣ журнала, представителемъ котораго являются **„Бюллетени“**, еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Ѳ. М. Достоевскій и Г. И. Успенскій.

За истекшій годъ въ „БЮЛЛЕТЕНЯХЪ“ напечатано 240 статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и 700 отзывовъ о книгахъ, кромѣ того данъ перечень 2500 новыхъ книгъ и приведено содержаніе болѣе 50 двухнедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ за весь годъ.

Библіографія въ „Бюллетеняхъ“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журналовъ. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Утро Рос.“: „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ періодическій органъ дѣйствительно новаго типа, потребность въ которомъ ощущалась давно, о чемъ своевременно особенно энергично высказались еще Достоевскій и Гл. Успенскій. Въ журналѣ сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью — журналами, газетами и новыми книгами...“ **„Рус. Вѣд.“**: „Бюллетени“ довольно хорошо справляются со своею задачею... Они знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни“... **„Бирж. Вѣд.“**: „По Бюллетенямъ

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
1 строка петита . . 50 к.

№ 23-24—Августъ 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 11 м.—2 р. 75 к.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Ред. и контора:
Москва, Мерзляковскій пер., д. 6. Телеф. 5-02-06.

Идея справедливости въ произведеніяхъ Метерлинка.

Человѣкъ и природа—друзья это или враги? Идутъ ли они единой дорогой, руководясь законами единой морали или пути ихъ различны? И если существуетъ антагонизмъ между природой и человѣкомъ, антагонизмъ полный тайны, полный мучительнаго недоразумѣнія, то какъ его сгладить? Въ нашей маленькой жизни, въ нашемъ маленькомъ тѣлѣ бьется маленькое, но горячее сердце и его велѣнія часто идутъ въ разрѣзъ холоднымъ „причинѣ и слѣдствію“ природы. Гдѣ же правда, кого же слушать? Эти вопросы стары какъ міръ, и много сильныхъ и оригинальныхъ умовъ пытались дать на нихъ отвѣтъ. Эти отвѣты давались и на языкѣ чистой философіи, давались и въ глубокихъ красочныхъ образахъ изящной литературы. Къ числу такихъ художниковъ-философовъ, особенно близко подошедшихъ къ вопросу о внѣшней природѣ и внутреннемъ мірѣ человѣка въ ихъ взаимноотношеніи, принадлежитъ, безспорно, нашъ современникъ Метерлинкъ.

Въ 117—118 книгахъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ появилась статья В. Хвостова, подъ заглавіемъ „Этика Метерлинка“. Производя анализъ міросозерцанія французскаго писателя, Хвостовъ особенно останавливается на этихъ „двухъ міровыхъ тайнахъ“ — тайнѣ нашего внутренняго „я“ и тайнѣ природы, служащихъ канвой для произведеній Метерлинка—одной изъ нитей этой канвы является идея справедливости.

„Людямъ присуща тенденція всюду искать справедливости,—говоритъ авторъ, комментируя Метерлинка,—ищутъ они ея и въ природѣ и стремятся истолковать ея событія въ духѣ своего пониманія справедливости. „Человѣкъ не можетъ рѣшиться повѣрить, что во всемъ внѣшнемъ онъ долженъ бороться и считаться только со слѣпыми фактами и силами: водой, огнемъ, воздухомъ, законами тяготѣнія и нѣкоторыми другими. У насъ есть потребность назвать случай... Намъ нравится создавать случай болѣе справедливый, чѣмъ мы сами, и, когда онъ совершитъ непзвинимую несправедливость, то, во мпнованіи ошеломленія, въ глубинѣ нашего сердца мы возвращаемъ ему наше довѣріе, говоря себѣ, что мы не знаемъ всего, что онъ знаетъ, что онъ повинуется законамъ, въ которые мы не можемъ проникнуть. Міръ показался бы намъ слишкомъ чернымъ, если бы случай не былъ моральнымъ“. Но всѣ такія разсужденія покоятся, несомнѣнно, на иллюзіи, съ которой надлежитъ разстаться во имя истины. Съ нами постоянно происходятъ событія, не зависящія отъ нашей воли и постигающія насъ внѣ всякой связи съ нравственнымъ закономъ. „Добродѣтель очень часто оказывается наказанной и самая сила какой-нибудь души иногда ускоряетъ ея несчастіе. Чѣмъ больше человѣкъ любитъ, тѣмъ большую поверхность онъ предоставляетъ для благородной скорби; но мудрецъ любитъ увеличивать эту поверхность, которая прекрасна. Да, слѣдуетъ признать, судьба не всегда остается въ глубинѣ своихъ потемокъ; ей нужны въ нѣкоторые часы жертвы болѣе чистыя, которыя она хватаетъ, простирая на свѣтъ свои ледяныя руки“.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній ожидать встрѣтить въ природѣ что-либо подобное нашему нравственному закону. Природа аморальна. „Между внѣшнимъ міромъ и нашими актами существуютъ простыя отношенія причины къ слѣдствію, по существу аморальныя. Если я совершаю какую-нибудь неосторожность или эксцессъ, то я подвергаюсь извѣстной опасности и плачу извѣстный долгъ при-

родѣ. И, такъ какъ неосторожность или эксцессъ чаще всего имѣютъ причину, которую мы называемъ безнравственной, ибо мы должны были приспособить нашу жизнь къ маленькимъ требованіямъ нашего здоровья и нашей безопасности, то мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не установить извѣстное соотношеніе между безнравственной причиной и опасностью, которой мы подверглись, или долгомъ, который мы вынуждены уплатить, и у насъ возникаетъ вѣра въ справедливость вселенной, которая составляетъ весьма укоренившійся предразсудокъ нашего сердца. Но, укрѣпляясь въ этой вѣрѣ, мы теряемъ изъ вида, что все вѣдь было бы въ томъ же положеніи, если бы эксцессъ или неосторожность имѣли причину невинную или героическую, выражаясь нашимъ дѣтскимъ языкомъ. Бросаюсь ли я въ холодную воду, чтобы спасти моего ближняго, или же падая въ нее, пытаясь его туда бросить, послѣдствія простуды будутъ абсолютно сходны, и ничто ни на землѣ, ни въ небесахъ, помимо меня самого и человѣка, если онъ можетъ, не прибавитъ страданія къ моимъ страданіямъ на томъ основаніи, что я совершилъ преступленіе, не убавитъ горести у моихъ горестей на томъ основаніи, что я совершилъ актъ добродѣтели". Возможно, что неизвѣстная намъ въ цѣломъ вселенная оставила въ своемъ вѣчномъ и колоссальномъ планѣ небольшое эфемерное мѣстечко для всего человѣческаго рода, но дѣйствія самаго мощнаго, самаго лучшаго и самаго худшаго индивида имѣютъ въ этомъ планѣ не больше значенія, чѣмъ въ исторіи морей и континентовъ едва замѣтныя движенія маленькой геологической частицы. Невидимое и безконечное каждый моментъ вмѣшивается въ нашу жизнь, но только въ видѣ безразличныхъ элементовъ, огромныхъ и слѣпыхъ, которые проходятъ надъ нами и въ насъ, проникаютъ въ насъ, воздѣйствуютъ на насъ и оживляютъ насъ, совершенно не подозрѣвая о нашемъ существованіи, какъ это дѣлаютъ вода, воздухъ, огонь и свѣтъ. „Нѣтъ идеи, о которой вселенная думаетъ меньше, чѣмъ идея справедливости. Вселенная занимается только равновѣсіемъ, и то, что мы называемъ справедливостью, есть лишь человѣческое преобразованіе законовъ равновѣсія, точно такъ же, какъ медь есть только преобразованіе соковъ, которые находятся въ цвѣтахъ. Внѣ человѣка нѣтъ справедливости". Нѣтъ никакой связи между шарикомъ рулетки и жизнью игрока; шарикъ повинуется только сложнымъ законамъ центробѣжной и центростремительной силы; для него не имѣютъ никакого значенія думы, волненія и надежды играющихъ, но большое значеніе получаютъ такія событія, какъ сотрясенія пола ихъ шагами или даже восходъ какой-нибудь звѣзды на небосклонѣ. Не существуетъ „справедливости вещей", справедливости физической; есть только заключающаяся въ самомъ человѣкѣ справедливость психологическая и справедливость соціальная, которая основана на психологической. Приходится констатировать, „что есть между нашею моралью и образомъ дѣйствій природы такое же противорѣчіе, какъ между нашимъ инстинктомъ, который мы получили отъ природы, и нашимъ сознаніемъ, которое въ послѣднемъ счетѣ мы получили также отъ природы, но которое сформировали мы сами и которое мы все болѣе и болѣе твердо, въ силу самой возвышенной человѣческой морали, противопоставляемъ желаніямъ нашего инстинкта". Въ природѣ торжествуетъ всегда самый сильный и наименѣе разборчивый. Когда постигающія насъ бѣдствія мы зовемъ испытаніями, наградами и наказаніями, то мы даемъ слишкомъ высокое и слишкомъ моральное имя безразличнымъ капризамъ природы.

Дѣлались различныя попытки отыскать въ природѣ справедливость, но слѣдуетъ признать, что всѣ онѣ были неудачны. Такъ, напримѣръ, пытались усмотрѣть справедливость въ дѣйствіи наслѣдственности какъ физической, такъ и духовной. Это была бы, конечно, нѣсколько странная, съ нашей обычной точки зрѣнія, справедливость, такъ какъ она карала бы дѣтей за грѣхи ихъ отцовъ. Но все-таки тутъ была бы какая-то справедливость, съ которой мы могли бы освоиться. Но суть дѣла состоитъ въ томъ, что наслѣдственность сурово караетъ за такіе сравнительно невинные грѣхи, какимъ часто, напримѣръ, является алкоголизмъ, и вообще посылаетъ намъ бѣдствія въ результатѣ извѣстнаго внѣшняго поведенія, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, было ли вызвано это поведеніе мотивами нравственными. Природа вообще считается только съ нашими внѣшними актами, а вовсе не съ намѣреніями и побужденіями къ нимъ.

Въ наше время дѣлаются даже попытки обратнаго характера. Отчаявшись найти въ природѣ подтвержденіе нашей морали, люди пытаются распространить законы природы на наше поведеніе и, такимъ образомъ, отказываются отъ морали во имя законовъ природы. Такой смыслъ, въ глазахъ Метерлинка, имѣютъ всѣ системы такъ называемой эволюціонной морали; эволюціонная мораль основана на подражаніи природѣ, такъ какъ она возлагаетъ на каждаго естественныя послѣдствія его дѣйствій; но, оперируя понятіями отбора, торже-

ства сильныхъ и гибели слабыхъ, она вноситъ въ представленія о нормахъ поведенія ту же холодность, безучастность и равнодушіе, которымъ отличается природа, т.-е. на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ всякую человѣческую справедливость. И въ самомъ дѣлѣ, передъ нами возникаетъ серьезный вопросъ: если наша человѣческая мораль въ такой степени расходится съ законами природы, то не представляетъ ли она изъ себя простое заблужденіе, простую иллюзію, и не должны ли мы съ нею разстаться во имя истины? Вѣдь человѣкъ не долженъ жить иллюзіями; онъ всегда долженъ искать правды и подчиняться истинѣ, какъ бы она ни казалась непріемлема. Заблужденіе и ложь никогда не приносили людямъ прочнаго счастія. Иногда съ ихъ помощью достигалось временное утѣшеніе и успокоеніе, такъ какъ поддерживались надежды, несбыточныя передъ лицомъ истины. Но сколько же при этомъ даромъ терялось времени! А между тѣмъ человѣчество, которое хочетъ узнать истину, не можетъ терять времени. „Передъ лицомъ тайны, какъ передъ лицомъ всего остальнаго, и даже болѣе, чѣмъ передъ лицомъ всего остальнаго, дѣло идетъ уже не о красотѣ или величіи, но объ истинѣ и искренности“.

Однако, болѣе внимательный анализъ обнаруживаетъ, что въ данномъ случаѣ положеніе вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Правда, мы не знаемъ послѣднихъ основаній нашей человѣческой морали. Какъ уже много разъ было указано, причины, по которымъ мы считаемъ одобрительнымъ служеніе добру, а не злу, даются намъ не разумомъ, но чувствомъ, сокрыты въ глубинахъ нашего безсознательнаго, передъ откровеніями котораго только почтительно склоняется нашъ разумъ, какъ передъ высшимъ свѣтомъ. Раціональнаго обоснованія морали дать мы не можемъ. Но вѣдь мы въ одинаковой степени не знаемъ и не можемъ раціонально объяснить и послѣднія основанія природной закономѣрности. Мы не знаемъ, конечно, куда ведетъ человѣческій родъ признаваемый имъ нравственный законъ, но мы въ такой же мѣрѣ не знаемъ и того, куда направляется жизнь всего міра природной закономѣрностью. Мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя міровыми тайнами и тайну для насъ составляетъ и ихъ соотношеніе. Обѣ эти тайны остаются пока непроницаемыми для нашего интеллекта; міръ представляется намъ въ основѣ непонятнымъ и не вполнѣ согласованнымъ, и мы еще разъ убѣждаемся въ извѣстной уже намъ тщетности нашихъ попытокъ уложить вселенную въ рамки нашего силлогизма.

Но при рѣшеніи вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе, что эти двѣ міровыя тайны стоятъ не въ одинаковомъ отношеніи къ самому человѣку. Одна изъ этихъ тайнъ, тайна моральная, заключается въ самомъ человѣкѣ и уже потому одному гораздо намъ ближе, доступнѣе, понятнѣе и родственнѣе, чѣмъ другая. Мы, конечно, могли бы разстаться съ нашей моралью, перестать руководиться нравственнымъ закономъ, присущимъ людямъ, и начать пытаться въ нашихъ дѣйствіяхъ подражать природной закономѣрности. Но какое же мы имѣемъ на это право и во имя чего будемъ мы такъ поступать, если и въ природѣ, въ концѣ-концовъ, мы сталкиваемся съ непроницаемой для насъ тайной? „Желая подражать несправедливости природы, мы рискуемъ подражать и благопріятствовать нашей собственной несправедливости“. Вѣдь мы, въ концѣ-концовъ, ничего не можемъ сказать объ основаніяхъ дѣйствій природы. „Она не дѣйствуетъ, какъ мы дѣйствуемъ, но, я повторяю, мы абсолютно не знаемъ, почему она дѣйствуетъ инымъ образомъ; и мы не имѣемъ права подражать кому-либо, кто, по нашему представленію, совершаетъ несправедливыя или жестокія дѣйствія, разъ мы не знаемъ въ точности тѣхъ основаній, можетъ быть, даже глубокихъ и спасительныхъ, въ силу которыхъ онъ такъ дѣйствуетъ“. Конечно, возможно выставлять утвержденіе, что вся наша мораль есть только иллюзія человѣческаго рода. Но, когда на этомъ основаніи намъ предлагаютъ съ нею разстаться, то возникаетъ вопросъ, во имя какой же другой иллюзіи мы съ ней разстанемся? „Если даже слѣдуетъ допустить, что все это иллюзія, то справедливо допустить въ то же время, что иллюзія есть единственная вещь, которая можетъ завладѣть душой, и во имя какой же иной иллюзіи присвоимъ мы себѣ право относиться съ неуваженіемъ къ иллюзіи? Изъ того, что наша мораль непропорціональна къ огромнымъ размѣрамъ вселенной, не слѣдуетъ, что мы должны ее оставить, ибо она пропорціональна къ нашему росту и къ нашей ограниченной участи. Если даже несправедливость природы не подлежала бы спору, то слѣдовало бы рѣшить еще другой вопросъ, вполнѣ перѣшенный, а именно, приказано ли человѣку слѣдовать несправедливости природы... Нашъ разумъ и нашъ инстинктъ говорятъ намъ, что законно слѣдовать совѣтамъ природы, но они говорятъ также, что не нужно имъ слѣдовать, если бы это нарушило въ насъ другой инстинктъ, равнымъ образомъ глубокій, т.-е. инстинктъ справедливаго и несправедливаго. И, если инстинкты

приближаются къ истинѣ и должны быть уважаемы пропорціонально ихъ силѣ, то этотъ послѣдній является, быть можетъ, болѣе могущественнымъ, такъ какъ онъ одинъ боролся до сего дня противъ всѣхъ другихъ и не былъ еще поколебленъ. Не пришелъ часъ отъ него отказываться. Мы люди и намъ необходимо, ожидая другихъ увѣренностей, оставаться справедливыми въ человѣческой сферѣ. Мы не видимъ ни достаточно далеко, ни достаточно ясно, чтобы быть справедливыми въ другой. Не будемъ поэтому порываться въ нѣчто въ родѣ пропасти, гдѣ расы и народы, безъ сомнѣнія, найдутъ исходъ, но куда человѣкъ, поскольку онъ просто человѣкъ, не долженъ проникать. Несправедливость природы, въ концѣ-концовъ, становится справедливостью для цѣлаго рода, родъ имѣетъ время ждать и эта несправедливость по его росту. Но насъ это давитъ и мы насчитываемъ слишкомъ мало дней. Оставимъ силу господствовать во вселенной, а справедливость—въ нашемъ сердцѣ".

„Это, конечно, истина и, если хотите, самая обширная и самая вѣрная изъ истинъ, что наша жизнь—ничто, что усилія, которыя мы дѣлаемъ, достойны смѣха, что наше существованіе, что существованіе самой нашей планеты есть только ничтожная случайность въ исторіи міровъ; но вѣдь истиной является и то, что наша жизнь и наша планета оказываются для насъ наиболѣе важными феноменами и даже единственно важными въ исторіи міровъ. Которая изъ истинъ наиболѣе вѣрная? Развѣ первая съ необходимостью разрушаетъ вторую и безъ второй имѣли ли бы мы силу формулировать первую? Одна обращается къ нашему воображенію и можетъ сдѣлать намъ добро въ своей области, но другая непосредственно интересуетъ нашу реальную жизнь. Каждая должна имѣть свою часть. Самое существенное состоитъ въ томъ, чтобы привязаться не къ той истинѣ, которая, быть можетъ, наиболѣе истинна съ точки зрѣнія вселенной, но къ той, которая болѣе истинна съ точки зрѣнія человѣческой. Мы не знаемъ цѣли вселенной и того, важны ли для нея судьбы нашего рода; слѣдовательно, вѣроятная безполезность нашей жизни или нашего рода есть истина, которая касается насъ только не прямымъ образомъ и остается для насъ подъ сомнѣніемъ. Напротивъ, другая истина, та, которая даетъ намъ сознаніе важности нашей жизни, безъ сомнѣнія, есть истина болѣе узкая, но она затрагиваетъ насъ на дѣлѣ, непосредственно и безспорно. Мы были бы неправы, если бы принесли ее въ жертву или подчинили посторонней истинѣ. Конечно, намъ дозволено не терять изъ вида первую, она поддержитъ и освѣтитъ вторую, она научитъ насъ не быть ея хвастливыми и ограниченными рабами, извлекающими выгоду изъ всего, чего она не охватываетъ. Но если она насъ лишаетъ мужества и парализуетъ, то это потому, что мы въ достаточной степени отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ огромномъ, но и очень непрочномъ мѣстѣ, которое она занимаетъ въ области важныхъ истинъ; ибо она зависитъ отъ огромнаго количества проблемъ, которыя еще не рѣшены, тогда какъ проблемы, отъ которыхъ зависитъ вторая, рѣшаются на каждомъ шагу самою жизнью".

Мы еще разъ убѣждаемся, что силы нашего интеллекта ограничены и что мы не имѣемъ права полагаться на него въ разрѣшеніи коренныхъ вопросовъ бытія. Человѣкъ не есть животное чисто логическое, и одинъ изъ большихъ недостатковъ нашего времени составляетъ чрезмѣрное поклоненіе передъ логическимъ разумомъ и основанными на немъ точной наукой и „здравымъ смысломъ" въ ущербъ правамъ воображенія и мистическаго проникновенія. Не слѣдуетъ забывать, что человѣчество до сихъ поръ не жило однимъ разумомъ и, если оно двигалось впередъ, то главную поддержку при этомъ получало именно отъ мистическихъ силъ. Силы разума до сихъ поръ не работали безъ поддержки мистики и потому преждевременно ожидать, что онѣ дѣйствительно окажутся въ состояніи вести насъ впередъ безъ этой помощи. Во всякомъ случаѣ, не годится разуму выдавать показанія нашего мистическаго чувства за химеры, „такъ какъ по этому поводу мы могли бы спросить, не является ли самъ этотъ высшій судья, со всѣхъ сторонъ превышаемый и опровергаемый геніемъ природы и необъяснимыми законами вселенной, самъ гораздо болѣе химеричнымъ, чѣмъ химеры, которыя онъ пытается уничтожить. Если химеры стоятъ противъ химеръ, то лучше примемъ химеры, стоящія выше, чѣмъ химеры, стоящія ниже".

При нашихъ разсужденіяхъ о несправедливости природы, которыя, какъ мы видѣли, лежатъ въ основѣ современныхъ сомнѣній въ правомѣрности человѣческой морали и предположеній объ ея иллюзорности, не слѣдуетъ забывать и еще объ одномъ. Вѣдь въ концѣ-концовъ и эта несправедливость природы вовсе не есть нѣчто вполнѣ доказанное и твердо установленное. Все дѣло сводится, въ сущности, только къ тому, что мы не въ состояніи охватить природу цѣликомъ и понять ее до конца. Природа совершенно несоизмѣрима нашимъ ограниченнымъ силамъ; она располагаетъ та-

кимъ будущимъ и такимъ пространствомъ, о которыхъ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго представленія. Можетъ быть, у нея есть и своя справедливость, соотвѣтствующая этому протяженію времени и этому пространству? И можетъ-быть, эта справедливость, непонятная для насъ въ нашемъ теперешнемъ ограниченномъ существованіи, станетъ доступна нашему пониманію въ загробной безконечной жизни? Метерлинкъ убѣжденъ въ томъ, что душа человѣческая безсмертна. Онъ думаетъ только, что обычныя представленія о безсмертіи души слишкомъ дѣтски и наивны и потому очень затемняютъ вопросъ для болѣе критическаго ума. По обычнымъ представленіямъ подъ безсмертіемъ души слѣдуетъ понимать нѣчто въ родѣ безконечнаго продолженія нашего земного личнаго сознанія, основаннаго на памяти. Метерлинкъ согласенъ, что въ этой формѣ безсмертіе души непредставимо и мало вѣроятно: вѣдь это сознаніе даже въ предѣлахъ земной нашей жизни постоянно прерывается, хотя бы сномъ, и очень часто намъ измѣняетъ и помимо этого, постепенно притомъ ослабѣвая по мѣрѣ приближенія старости. Но безсмертіе становится вполнѣ допустимымъ, если представлять его себѣ, какъ высшую жизнь духа, превышающую предѣлы нашего обычнаго сознанія; проблески такой жизни мы ощущаемъ въ себѣ, когда бываемъ охвачены порывомъ безкорыстной симпатіи къ другому человѣку или же погружаемся въ эстетическое созерцаніе и т. п. *).

Есть, во всякомъ случаѣ, свое величіе и въ томъ положеніи, которое является удѣломъ человѣка въ его земной жизни. Правда, онъ не знаетъ навѣрное, справедлива ли судьба, и даже имѣетъ очень много видимыхъ основаній вѣрить въ ея несправедливость. Но вѣдь только при этомъ условіи и возможна безкорыстная добродѣтель и безкорыстная заслуга. „Какая душа могла бы себя назвать доброй, если бы награда была обезпечена?“ Когда мы жалуемся на несправедливость судьбы, „мы забываемъ, что, если бы случай былъ надѣленъ малѣйшимъ чувствомъ справедливости, то высокая и безкорыстная мораль, о которой мы мечтаемъ, была бы невозможна... Не будемъ терять изъ вида, что именно изъ неморальности судьбы рождается болѣе прекрасная мораль. Здѣсь, какъ и вездѣ, чѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ себя оставленнымъ, тѣмъ болѣе онъ находитъ въ себѣ настоящей человѣческой силы... Съ уничтоженіемъ возмездія и награды возникаетъ необходимость дѣлать добро ради добра... Все, что мы прибавляемъ къ моральности судьбы, мы отнимаемъ отъ чистоты нашего моральнаго идеала. Напротивъ, чѣмъ болѣе мы убѣждены, что судьба несправедлива, тѣмъ болѣе мы расширяемъ и очищаемъ передъ собой поля лучшей морали. Не въ законахъ тяготѣнія, но въ насъ самихъ должны мы искать награды... Есть человѣческая радость дѣлать добро, преслѣдуя опредѣленную цѣль; но есть и божественная радость дѣлать добро и ни на что не надѣяться. Несправедливость судьбы ставитъ человѣка на его мѣсто въ природѣ. Вовсе не полезно для него постоянно озираться вокругъ себя, подобно ребенку, который ищетъ еще свою мать“.

Есть нѣчто даже возвышающее насъ въ мысляхъ о необъятности и непонятности вселенной. „Изъ самаго несоотвѣтствія между безконечнымъ, которое насъ убиваетъ, и ничтожествомъ, которое мы представляемъ, рождается чувство извѣстнаго величія въ насъ самихъ: намъ пріятнѣе быть раздавленнымъ горой, чѣмъ камешкомъ; на войнѣ мы предпочитаемъ погибнуть въ борьбѣ противъ тысячи, а не противъ одного. Интеллектъ, показывая намъ, такъ сказать, огромность нашего безсилія, тѣмъ самымъ избавляетъ насъ отъ сожалѣнія о нашемъ пораженіи. Нѣчто въ нашей душѣ предпочтетъ всегда по временамъ плакать въ безграничномъ мірѣ, чѣмъ быть постоянно счастливымъ въ ограниченномъ мірѣ. Когда наши глаза открываются, мы чувствуемъ, что надъ нами господствуетъ сила все болѣе и болѣе необъятная, но въ то же время мы пріобрѣтаемъ увѣренность все болѣе и болѣе интимную, что и мы составляемъ часть этой силы; и даже, когда она насъ поражаетъ, мы можемъ на нее любоваться, какъ Телемакъ-ребенокъ любовался силою отцовской руки.

Человѣкъ долженъ жить, главнымъ образомъ, своею внутренней тайной, тайной моральной, а не тайной міровой. Вотъ почему

*) Свои мысли о безсмертіи души Метерлинкъ теперь подробнѣе развилъ и обосновалъ въ только что появившейся новой книгѣ „La mort“. И здѣсь также отрицается безсмертіе въ формѣ продолженія личнаго сознанія того же характера, съ какимъ это сознаніе является во время земной жизни. Но Метерлинкъ продолжаетъ вѣрить въ вѣчность нашего духа, указывая однако на то, что постигнуть эту тайну, какъ и тайну всякой безконечности, мы не въ силахъ средствами нашего ограниченнаго ума, и потому намъ остается влагать въ эту тайну тотъ смыслъ, который больше всего намъ поможетъ жить, больше всего соотвѣтствуетъ нашимъ идеаламъ и стремленіямъ. Мысли Метерлинка о міровой тайнѣ принимаютъ въ этомъ сочиненіи явно прагматическій оттѣнокъ и, надо думать, эта новая версія представленій Метерлинка о безконечномъ сложилась подъ прямымъ вліяніемъ Джемса.

неправильно поступаютъ тѣ поэты и вообще „истолкователи жизни“, которые пишутъ трагедію человѣка, главнымъ образомъ, во внѣшнемъ фатумѣ. Подобная идея ярко проведена у греческихъ трагиковъ, но она часто встрѣчается и у новыхъ, даже у такихъ, какъ Шекспиръ. Въ наше время Ибсенъ пытался воскресить ее подъ формой наслѣдственности, тяготѣющей надъ людьми. И самъ Метерлинкъ, передавая настроеніе большинства людей, посвятилъ этой мысли свои маленькія драмы. Но не слѣдуетъ поддерживать въ людяхъ такое представленіе о жизни. „Конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, несмотря на все, что мы узнаемъ, несмотря на всѣ завоеванія, которыя мы сдѣлаемъ, и всѣ увѣренности, которыя мы, быть можетъ, пріобрѣтемъ, мы всегда будемъ маленькими, жалкими и безполезными существами, обреченными на смерть и преданными во власть капризовъ невнимательныхъ и неизмѣримыхъ силъ, которыя насъ окружаютъ. Мы представляемся моментомъ въ безграничномъ пространствѣ и не имѣемъ иной уловимой миссіи, кромѣ продолженія рода, который самъ не имѣетъ опредѣленной миссіи, въ организмѣ вселенной, протяженіе и продолжительность которой ускользаютъ отъ самаго мощнаго и самаго смѣлаго воображенія. Это— истина, одна изъ тѣхъ глубокихъ, но бездѣятельныхъ истинъ, передъ которыми поэтъ можетъ склониться мимоходомъ, но около которыхъ человѣкъ съ тысячью обязанностей, живущій въ поэтѣ, не долженъ останавливаться долго. Существуетъ куча великихъ и достойныхъ уваженія истинъ, въ области которыхъ не годится, однако, засыпать“.

Истолкователь жизни долженъ обращать вниманіе людей, главнымъ образомъ, на ту моральную тайну, которая заключается въ нихъ самихъ. Устранить тайну справедливости намъ не удастся. Да это и бываетъ очень рѣдко, что тайна исчезаетъ. Большой заслугой часто является простое перемѣщеніе тайны. Это и происходитъ въ данномъ случаѣ. Мы перемѣщаемъ тайну, которой мы живемъ, въ самого человѣка и тѣмъ отводимъ ей такое мѣсто, гдѣ она становится ближе къ намъ, представляется намъ глубже и получаетъ характеръ не убійственный, отравляющій энергію, но спасительный, понуждающій къ дѣйствованію въ направленіи добра.

Аллегорически всѣ свои этическія идеи Метерлинкъ изобразилъ въ „Синей птицѣ“. Отсюда мы узнаемъ, что мертвыхъ нѣтъ; они живутъ въ воспоминаніяхъ, слѣдовательно, они—не мертвые; люди не знаютъ этой тайны, потому что они вообще мало что знаютъ. Картина въ царствѣ будущаго показываетъ намъ, что будущее уже дано, уже существуетъ и только остается намъ неизвѣстно. По поводу этихъ картинъ припоминаются слѣдующія строки изъ „Сокровища смиренныхъ“: „Мы находимся за тысячу вѣковъ отъ насъ самихъ, когда мы выбираемъ нашу возлюбленную, и первый поцѣлуй жениха есть только печать тысячи рукъ, стремящихся родиться, которую онѣ налагаютъ на уста желаемой ими матери. Съ другой стороны, мы знаемъ, что мертвые не умираютъ. Мы знаемъ теперь, что они находятся не около нашихъ церквей, но во всѣхъ нашихъ домахъ, во всѣхъ нашихъ привычкахъ. Нѣтъ ни одного жеста, ни одной мысли, грѣха, слезы, атома пріобрѣтеннаго сознанія, которые бы терялись въ глубинахъ земли; при самомъ незначительномъ изъ нашихъ актовъ предки встаютъ не въ своихъ могилахъ, гдѣ они недвижимы, но въ глубинѣ насъ самихъ, гдѣ они живутъ всегда. Насъ ведетъ такимъ образомъ прошедшее и будущее. Настоящее, составляющее нашу сущность, падаетъ въ глубину моря, какъ маленькій островъ, который безпрерывно гложутъ два непримиримыхъ океана. Въ этой пьесѣ мы находимъ природу въ лицѣ деревьевъ и животныхъ, которая ненавидитъ человѣка, но въ то же время его боится и подъ покровомъ ночи, стерегущей тайну жизни, старается скрыть отъ него свои тайны. Изъ этой пьесы мы узнаемъ, наконецъ, что счастіе—синяя птица,—та подлинная синяя птица, которая не боится солнечнаго свѣта и отъ него не чернѣетъ, сонсѣмъ близко къ намъ. Оно внутри насъ самихъ и каждое доброе, свѣтлое движеніе нашей души, каждый порывъ любви приближаютъ насъ къ нему; только благодаря нашей нерѣшительности и неловкости оно отъ насъ ускользаетъ.

Лицомъ къ лицу съ „проклятыми“ вопросами.

Жизнь — комедія для того, кто думаетъ, и трагедія для того, кто чувствуетъ.
Уальполь.

Чѣмъ жить? Въ чемъ смыслъ жизни? Что мы знаемъ?.. Огромное большинство людей даже не задумывается надъ подобными вопросами, но тѣ, кому природа дала пытливый умъ, чуткое сердце, не могутъ пройти мимо нихъ и—иные находятъ въ себѣ и силу и смѣлость рѣшить эти властные вопросы, другіе же бьются и бьются надъ ними, жалкіе

своей безпомощностью, растерянностью. Самое рѣшеніе тоже не дается одинаково: для кого дѣло это нетрудное, простое, а для кого, наоборотъ, здѣсь — грозныя загадки, трагическія „бездны“, исключающія всякую возможность примириться съ отвѣтами „простыми“, „ясными“, „здравыми“...

Случилось такъ, что одновременно въ текущую литературу нашу вошла та часть переписки Льва Толстого съ Н. Н. Страховымъ (см. прилож. къ „Совр. Міру“), гдѣ ребромъ поставлены именно такіе „вѣчные“ вопросы, и первые томы собр. соч. Макса Нордау — его „Вырожденіе“, одна изъ главъ котораго посвящена критикѣ толстовскихъ этико-философскихъ идей. И вотъ мы видимъ троякое отношеніе къ тому, что составляетъ обычно самую сердцевину въ міровоззрѣніи культурнаго человѣка, особенно русскаго.

„Вопросы сердца“.

Духовный кризисъ въ жизни Толстого, толкнувшій писателя на „искавіе вѣры“, естественно долженъ былъ отразиться въ начавшейся еще до этого дружественной перепискѣ его съ критикомъ-философомъ Страховымъ, чью „необычайную способность понимать другихъ“ онъ такъ цѣнилъ и которому писалъ: „нѣтъ человѣка, котораго я больше уважалъ, чѣмъ васъ“.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе Страхова, что его „очень занимаютъ“ новыя мысли Л. Н. и что иногда онъ и самъ „поддается такого рода настроенію, но зато потомъ мною овладѣваетъ просто ярость—такъ мнѣ становятся противны всякія сдѣлки съ своей мыслью“, въ отвѣтъ на это Толстой писалъ (28 янв. 1878 г.):

„... разсчитывая на вашу способность (необычайную) понимать другихъ, попытаюсь въ этомъ же письмѣ сказать, почему я думаю, что то, что вамъ кажется страннымъ, вовсе не странно.

Разумъ мнѣ ничего не говоритъ и не можетъ сказать на три вопроса, которые легко выразить однимъ: что я такое? Отвѣты на эти вопросы даетъ мнѣ въ глубинѣ сознанія какое-то чувство. Тѣ отвѣты, которые мнѣ даетъ это чувство, смутны, неясны, невыразимы словами (орудіемъ мысли).

Но я не одинъ искалъ и ищу отвѣтовъ на эти вопросы. Все живущее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначущихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣты эти — религія. На взглядъ разума отвѣты безсмысленны. Безсмысленны даже по тому одному, что они выражены словомъ, но они все-таки одни отвѣчаютъ на вопросы сердца. Какъ выраженіе, какъ форма, они безсмысленны, но какъ содержаніе они одни истинны. Смотрю всѣми глазами на форму,—содержаніе ускользаетъ; смотрю всѣми глазами на содержаніе,—мнѣ дѣла нѣтъ до формы. Я ищу отвѣта на вопросы, по существу своему высшіе разума, и требую, чтобы они выражены были словомъ, орудіемъ разума, и потомъ удивляюсь, что форма отвѣтовъ не удовлетворяетъ разуму. Но вы скажете: поэтому и отвѣтовъ не можетъ быть. Нѣтъ, вы не скажете этого, потому что вы знаете, что отвѣты есть, что этими отвѣтами только живутъ, жили всѣ люди и вы сами живете. Сказать, что этихъ отвѣтовъ не можетъ быть, все равно, что сказать, ѣхавши по льду, что рѣки не могутъ замерзать, потому что отъ холода тѣла сжимаются, а не расширяются. Сказать, что эти отвѣты безсмысленны, то же, что сказать, что я чего-то въ нихъ не умѣю понимать. И не умѣете вы понимать, какъ мнѣ кажется, вотъ что: отвѣты спрашиваются не на вопросы разума, а на вопросы другіе: я называю ихъ вопросами сердца. На эти вопросы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій, отвѣчаютъ люди не словомъ, орудіемъ разума, частью проявленія жизни, а всею жизнью, дѣйствіями, изъ которыхъ слово есть одна только часть. Всѣ тѣ вѣрованія, которыя я имѣю и вы и весь народъ, основаны не на словахъ и разсужденіяхъ, а на рядѣ дѣйствій, жизней людей, непосредственно (какъ зѣвота) вліявшихъ одна на другую“.

Завязался въ письмахъ споръ, который вскорѣ получилъ продолженіе и, повидимому, завершеніе въ устной бесѣдѣ: Страховъ ѣздилъ на масленицу въ Ясную Поляну, и по возвращеніи въ Петербургъ онъ пишетъ, что „вернулся чрезвычайно сытый“ отъ „очень хорошихъ разговоровъ“ и съ чувствомъ „чего-то твердаго подъ ногами“. Волнующіе вопросы на время исчезли изъ переписки; но вотъ случайно, мелькомъ оброненная Страховымъ фраза,— по поводу возмутившаго его оправданія В. И. Засуличъ за покушеніе на убійство петербургскаго оберъ-полиціймейстера,—вызываетъ новый, еще болѣе любопытный обмѣнъ мыслей („Совр. Міръ“, V—VI), такъ полно вскрывшій „дистанцію огромнаго размѣра“ между великимъ и безстрашнымъ искателемъ истины, которому не на словахъ только, но и на дѣлѣ были „противны всякія сдѣлки съ своей мыслью“, и его корреспондентомъ — однимъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ маленькихъ, слабыхъ

людей, для кого „проклятые“ вопросы оказываются въ концѣ-концовъ воистину *проклятыми*...

(Толстой Страхову.—9. IV. 1878). Однако по правдѣ вамъ сказать — вы правы, говоря, что вамъ слѣдуетъ молчать, потому что вы не видите настоящей дороги. Но я удивляюсь, какъ вы ее не видите. Когда я думаю о васъ, взвѣшиваю васъ по вашимъ писаніямъ и разговорамъ, я по извѣстному мнѣ вашему направленію и скорости и силѣ всегда предполагаю, что вы уже очень далеко ушли туда, куда вы идете; но почти всегда при свиданіяхъ съ вами и по письмамъ (нѣкоторымъ) къ удивленію нахожу васъ на томъ же мѣстѣ. Тутъ есть какая-нибудь ошибка. И я жду и надѣюсь, что вы исправите ее, и я потеряю васъ изъ вида—такъ далеко вы уйдете. Съ другой стороны то же самое: въ молодости мы видимъ людей притворяющихся, что они *знаютъ*. И мы начинаемъ притворяться, что мы знаемъ, и какъ будто находимся въ согласіи съ людьми и не замѣчаемъ того большаго и большаго несогласія съ самими собою, которое при этомъ испытываемъ. Приходитъ время—и оно для васъ уже пришло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ зазналъ,— когда дороже всего согласіе съ самимъ собою. Ежели вы установите, откинувъ смѣло все людское притворство знанія, изъ котораго злѣйшее—наука, это согласіе съ самимъ собой, вы будете знать дорогу. И я удивляюсь, что вы можете не знать ее.

(Страховъ Толстому.—11. IV). Я не понимаю Васъ, безцѣнный Левъ Николаевичъ, не понимаю *частной* Вашей мысли относительно меня. Какъ я ни старался вникнуть въ Ваши слова, ничего не вышло. Но общее Ваше впечатлѣніе для меня понятно; Вы ждали отъ меня чего-то, Вы думали, что эти зачатки мыслей и стремленій разовьются и куда-то двинутся—и ничего не дождались. Это вѣрно; я ничего Вамъ не принесъ и ни въ чемъ Вамъ не пособилъ; я все тотъ же колеблющійся, отрицательный, неспособный къ твердой вѣрѣ и сильному увлеченію какою-нибудь мыслью. Да, таковъ я. Съ недоумѣніемъ перебираю я всякіе взгляды людей, древніе и новые, съ упорнымъ вниманіемъ ищу, на чемъ бы можно остановиться,—и ничего не нахожу.

Я могъ бы насказать о себѣ много и очень печальныхъ вещей; мысли мои о себѣ—самыя горькія. Но все-таки я не могу понять Вашего упрека въ какомъ-то *притворствѣ* и въ *несогласіи* съ самимъ собою. Такъ какъ дѣло идетъ о моей драгоцѣнной особѣ, то оно очень меня, очень заинтересовало, и я прошу Васъ, какъ большого одолженія, объяснить мнѣ Вашу мысль. Не бойтесь меня уколоть. Вы же видите какой-то выходъ, тогда какъ я выхода не вижу.

Лукавить съ собою я не лукавлю, — въ этомъ я увѣренъ. Если бы я видѣлъ дорогу, я пошелъ бы по ней. Да нѣтъ,—лучше не говорить о той странной гадости, которую представляетъ мое положеніе.

Вы упоминаете о наукѣ, какъ о злѣйшемъ притворствѣ (не понимаю, въ какомъ это смыслѣ). Но въ этомъ отношеніи я считаю себя чистымъ совершенно. Я совершенно свободенъ отъ какого бы то ни было суевѣрнаго поклоненія наукѣ, совершенно чуждъ расположенія дорожить своими знаніями, давать имъ особую цѣну. Я дорожу однимъ — я настолько знакомъ съ наукою, что свободенъ отъ нея. И это было бы великое дѣло, если бы къ этому присоединить мысли и чувства, которымъ нужна была бы эта свобода.

Но я запутаюсь, если буду Вамъ возражать, не зная Вашей мысли. Прошу Васъ, скажите мнѣ ее. А я со своей стороны готовъ Вамъ отвѣчать на всякій вопросъ, какой Вы мнѣ поставите.

Пока, простите Вашего всею душою Н. Страхова.

(Толстой Страхову.—18. IV). ...Вы пишете: „съ недоумѣніемъ перебираю я всякіе взгляды людей, древніе и новые, съ упорнымъ вниманіемъ ищу и ничего не нахожу“, потомъ: „не могу понять нашего упрека въ притворствѣ (знанія) и въ несогласіи съ самимъ собою“.

Вотъ это-то перебираніе чужихъ взглядовъ и исканіе въ нихъ, я называю (неточно) притворствомъ знанія, т.-е. я хочу сказать, что, поддѣлываясь подъ чужіе взгляды, притворяешься, что знаешь, и лишаешься согласія съ самимъ собою. Вы прожили $^2/_3$ жизни. Чѣмъ вы руководились, почему знали, что хорошо, что дурно? Ну вотъ это-то, не спрашивая о томъ, какъ и что говорили другіе, скажите сами себѣ и скажите намъ.

Вы говорите, что вы свободны отъ науки; и это правда. И потомъ говорите, что какъ будто у васъ нѣтъ мыслей и чувствъ, которымъ бы нужна была эта свобода. Это не правда. Чтобы сдѣлать всю эту работу освобожденія, которую вы сдѣлали, нужно было много силъ чувства и мысли, и силы эти цѣлы, но удивленныя своимъ освобожденіемъ, не нашли еще приложенія. Или остается изъ привычки покорность формамъ чужой мысли. И это я скорѣе предполагаю.

(Страховъ Толстому.—25. IV). Конечно, главный мой недостатокъ — отсутствіе само-

стоятельности, а главное несчастіе въ томъ, что, ища постоянно, чему бы подчиниться, я не умѣю ничего найти и потому думаю, что нынче нѣтъ вовсе на свѣтѣ такихъ властей, которыя имѣютъ право на подчиненіе себѣ душъ человѣческихъ. Вы спрашиваете меня: какъ же я прожилъ до сихъ поръ? А вотъ какъ: я никогда не жилъ какъ слѣдуетъ. Въ эпоху наибольшаго развитія силъ (1857—1867) я—не то-что жилъ, а поддался жизни, подчинился искушеніямъ; но я такъ измучился, что потомъ навсегда отказался отъ жизни. Что же я *дѣлалъ* собственно, и тогда и потомъ, и что дѣлаю теперь? То, что дѣлаютъ люди отжившіе, старики. Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избѣжать тѣхъ золъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ человѣка. И особенно я берегся нравственно—совѣсть у меня слабая, безпокойная; сдѣлать подлость или несправедливость для меня несносно.

... Такъ что все время я не жилъ, а только *принималъ* жизнь, какъ она приходила, старался съ наименьшими издержками силъ удовлетворить ея требованіямъ, и сколько можно уйти отъ ея непзгодъ и неудобствъ.

За это, какъ Вы знаете, я и наказанъ вполнѣ. У меня нѣтъ ни семьи, ни имущества, ни положенія, ни кружка—ничего нѣтъ, никакихъ связей, которыя бы соединяли меня съ жизнью. И сверхъ того или, пожалуй, вслѣдствіе того, я не знаю, что мнѣ думать.

Вотъ Вамъ моя исповѣдь, которую я могъ бы сдѣлать несравненно болѣе горькою. Теперь я чувствую себя довольно спокойнымъ, и все попрежнему ищу подчиненія: подчиняюсь хорошимъ чувствамъ своего сердца, если нахожу ихъ въ себѣ, занимаюсь науками, художественными произведеніями.

(Толстой Страхову. — 6. V). О предметѣ вашей переписки надѣюсь, что переговоримъ. Коротко сказать, что мнѣ странно, почему вы невѣрующій.

(Страховъ Толстому.—14. V). Ничего я въ моей тоскѣ лучше не выдумаю, безцѣнный Левъ Николаевичъ, какъ писать къ Вамъ. Вы не хотите продолжать разговора, который начали, но который я завелъ совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Мнѣ стыдно, что я не понялъ, и свелъ вопросъ на себя лично; я все забываю, что мое горе такое, которое нужно перенести, никогда никому не говоря. Жизнь положительно имѣетъ двѣ стороны.

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.

Нужно жить на этомъ покровѣ; заглядывать въ бездну безполезно, ни къ чему не ведетъ, кромѣ страха. Жизнь на покровѣ, дневная жизнь, царство логоса, Христа (какъ толковалъ Соловьевъ на лекціяхъ) есть та же настоящая жизнь. Тутъ и благородство души, и красота, и подвигъ, всякая радость, и всякое человѣческое достоинство. Несмотря на то, что покровъ полупрозраченъ и черезъ него вездѣ больше или меньше сквѣтъ бездна, мы во годамъ можемъ жить не думая о бездпѣ, не чувствуя ея присутствія. Такъ этому и слѣдуетъ быть. Я все пытался показать Вамъ, какъ въ моей душѣ зіяетъ часто эта бездна. Къ чему это? Никакого добра отъ этого быть не можетъ.

Ну, простите, я больше не буду...

(Толстой Страхову.—24. V). Дорогой Николай Николаевичъ. Между нами вышло какое-то странное недоразумѣніе. Вамъ кажется, что я васъ не понялъ, а мнѣ кажется, что вы меня не поняли, что такъ непохоже на васъ. Я именно о васъ и говорилъ и именно о той бездпѣ, которая у васъ постоянно передъ глазами.

Началось недоразумѣніе съ моего перваго письма и съ выраженія „притворяемся, что мы что-то знаемъ“. И въ этомъ весь разговоръ. И та бездна, о которой вы говорите, есть ничто иное какъ привычка притворяться, себя обманывать. Я говорю, что человѣкъ, который, какъ Сократъ, говоритъ, что онъ ничего не знаетъ, говоритъ только то, что на пути логическаго разумнаго знанія ничего нельзя знать, а никакъ не то, что онъ ничего не знаетъ, ибо положеніе: я знаю, что ничего не знаю, есть явная безсмыслица, въ родѣ 1=0. И потому положеніе о томъ, что наука не даетъ знанія, ведетъ непремѣнно къ вопросу: что же мнѣ даетъ знаніе? А вы какъ будто не хотите сдѣлать себѣ этого вопроса. Вы, говоря о бездпѣ, какъ будто признаете, что вы ничего не знаете. Ничего знать нельзя. Утверждать живому человѣку и умственно здоровому, что я ничего не знаю, то же, что утверждать, что я никогда ничего не ѣмъ или что кровь во мнѣ не обращается. — Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ долженъ разобрать, чѣмъ онъ знаетъ и что онъ знаетъ (а что онъ знаетъ, это уже включено въ понятіе человѣка).

Теперь мнѣ представляется другой вопросъ: какимъ образомъ такой твердый и ясный умъ, какъ вашъ, можетъ этого не видѣть? И я отвѣчаю себѣ, что это происходитъ отъ того, что вы всю свою жизнь 40 лѣтъ провели въ томъ, чтобы пріобрѣтать знанія разумнымъ

путемъ, и вамъ кажется, что все, что не лежитъ на этомъ пути, не есть знаніе.

Я пристаю къ вамъ съ нелегкимъ — дайте мнѣ ясный отвѣтъ — откуда вы знаете то, чѣмъ вы живете, чѣмъ руководились и руководитесь въ жизни?

Если я вамъ наскучилъ, не отвѣчайте. Вашъ Л. Толстой.

(Страховъ Толстому. — Конецъ мая). Мнѣ все кажется, что Вы чѣмъ-то во мнѣ недовольны, безцѣнный Левъ Николаевичъ, — и я все стараюсь придумать, какъ бы уничтожить это недовольство. Вы спрашиваете, чѣмъ я живу? Но, во-первыхъ, я могу сказать, что я вовсе не живу. У меня осталось самолюбіе, которое постоянно побуждаетъ меня—служить, одѣваться, беречь деньги и т. д. — все для того, чтобы мнѣ *не было стыдно* и чтобы быть *не хуже другихъ*, вести себя *полюдски*. Потомъ—я выгадываю сколько можно досуга, читаю и все думаю о великой загадкѣ; Вы знаете, что я постоянно занятъ вопросомъ о религіи. — Что изъ этого будетъ, не знаю; вѣроятно, доведется умереть въ томъ же грустномъ раздумьи. А можетъ быть, передъ смертью поглупѣю и отупѣю — и пропадетъ для меня мой великій интересъ. Но, пока дѣло идетъ какъ теперь, я довольно спокоенъ; отчасти мое самолюбіе удовлетворено, но главное—повѣрьте—въ томъ, что я сознаю свою добросовѣстность, свои искреннія усилія, свое религіозное отношеніе къ предмету. И пусть будетъ, что будетъ; это уже не моя вина, и я тутъ не отвѣчаю, потому что не властенъ.

Для, Васъ, для Вашей энергической натуры, такое спокойствіе и раздумье—досадно, непонятно; Вы даже доказываете, что оно невозможно, такъ какъ при немъ *жить нельзя*— я и не живу...

Одинъ изъ отвѣтовъ разума.

Толстой, да и Страховъ пытались „сердцемъ“, *чувствомъ* рѣшить вѣчныя жизненныя загадки, не довѣряя разуму. Съ другой, противоположной стороны — именно съ этого отвергаемаго конца — берется за ту же въ сущности задачу критикъ толстовства М. Нордау. Здѣсь намъ предлагается типичное *головное* рѣшеніе „проклятыхъ“ вопросовъ (въ которыхъ для Нордау и ему подобныхъ собственно нѣтъ ничего „проклятаго“),—рѣшеніе, исходящее отъ ratio. „Трезвый“, „здравый“ разумъ самоувѣренно развязываетъ роковые узлы...

„У Толстого,—говоритъ его нѣмецкій антагонистъ,—возникло опредѣленное воззрѣніе на положеніе человѣка въ мірѣ, на его обязанности ко всему человѣчеству, на смыслъ и цѣль жизни. Это воззрѣніе проходитъ во всѣхъ его беллетристическихъ произведеніяхъ, но онъ еще рѣзче выразилъ его въ сочиненіяхъ теоретическаго характера. Мысль Толстого не сложна и можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ: отдѣльный человѣкъ—ничто, человѣчество—все; цѣль человѣческой жизни— оказывать добро ближнему. Мысль и изслѣдованіе—великое дѣло; наука—гибель; спасеніе—въ одной лишь вѣрѣ.

Въ одномъ изъ своихъ произведеній Толстой разсказываетъ, какъ онъ пришелъ къ такому результату: „Я рано утратилъ вѣру. Подобно другимъ, я долго жилъ одной суетою жизни. Я писалъ книги и училъ, какъ и другіе, тому, чего я, собственно, самъ не зналъ. Наконецъ, меня все настойчивѣе сталъ преслѣдовать какой-то сфинксъ, который говорилъ: „Отгадай мою загадку, или я сожру тебя“. Наука ничего мнѣ въ этомъ не уяснила. На мой мучительный, вѣчно одинъ и тотъ же вопросъ о смыслѣ жизни наука говорила лишь одно: жизнь—безсмысленное зло. У меня стала являться мысль о самоубійствѣ. Но вотъ случай далъ мнѣ возможность приглядѣться къ жизни огромной массы людей, которая, не въ примѣръ намъ, такъ называемымъ высшимъ классамъ, работаетъ, страдаетъ, не предается безцѣльнымъ мудрствованіямъ и которая, тѣмъ не менѣе, спокойно работаетъ и страдаетъ и ясно представляетъ себѣ смыслъ жизни. И я понялъ тогда, что нужно зажить жизнью этой массы, возвратиться къ ея простой вѣрѣ“.

Вдумавшись серьезно въ ходъ этого разсужденія, мы должны будемъ признать, что оно безсмысленно. Самая постановка вопроса—зачѣмъ я живу—не вѣрна и поверхностна, она молчаливо допускаетъ предположеніе о цѣлесообразности въ природѣ—предположеніе, подлежащее критикѣ всякаго, кто дѣйствительно стремится къ истинѣ и знанію.

Для того, чтобы задать себѣ вопросъ о цѣли жизни, мы должны прежде всего предположить, что наша жизнь дѣйствительно имѣетъ опредѣленную цѣль. А такъ какъ наша жизнь лишь одно изъ проявленій общей жизни природы, развитія нашей земли и нашей солнечной системы, то допущенное выше предположеніе влечетъ за собой другое: о существованіи опредѣленной цѣли во всей жизни природы. Но послѣднее предположеніе необходимо приводитъ къ признанію господства какого-то сознательнаго, предрѣшающаго и руководящаго духа.

Вѣдь, что мы понимаемъ подъ словомъ „цѣль“? Наступающій въ будущемъ предпола-

гаемый результатъ дѣйствія силъ настоящаго времени. Вліяніе цѣли на эти силы выражается въ томъ, что она указываетъ направленіе этимъ силамъ: что она сама—сила. Но мы ее не можемъ мыслить во времени и пространствѣ, ибо въ такомъ случаѣ она перестала бы быть цѣлью и превратилась бы въ причину, т.-е. силу, лежащую въ общемъ механизмѣ природы, и всѣ разсужденія о цѣли потеряли бы всякій смыслъ. Если же цѣль матеріально во времени и пространствѣ не существуетъ, то мы можемъ ее мыслить какъ мысль, планъ, намѣреніе; все, что уже заключаетъ въ себѣ намѣреніе, мысль, мы называли сознаніемъ, а то сознаніе, которое предусматриваетъ міровой планъ и для осуществленія послѣдняго предначертанно направляетъ силы природы — не что иное, какъ Богъ.

Но если только мы вѣримъ въ Бога, то тѣмъ самымъ лишаемся права ставить вопросъ о цѣли жизни, такъ какъ этотъ вопросъ означаетъ дерзкое посягательство, дерзкую попытку ничтожнаго, слабаго человѣка прозрѣть міровые планы, возвыситься до всезнанія.—Но подобный вопросъ является лишнимъ еще потому, что Богъ не можетъ быть мыслимъ иначе, какъ высшая мудрость, и, слѣдовательно, предначертанный Имъ міровой планъ является совершеннымъ, гармоничнымъ въ мельчайшихъ деталяхъ. Цѣль всякаго въ этомъ планѣ предусмотрѣна наилучшимъ образомъ, и потому человѣкъ съ полнымъ спокойствіемъ и довѣріемъ можетъ жить соотвѣтственно самимъ Богомъ заложеннымъ въ немъ силамъ и стремленіямъ. Онъ можетъ исполниться увѣренностью въ своемъ высокомъ и достойномъ назначеніи, содѣйствуя божественному, хотя бы неизвѣстному ему, міровому плану.

Если же, съ другой стороны, не вѣрить въ Бога, то нельзя себѣ составить понятія о цѣли; вѣдь послѣдняя можетъ существовать только въ сознаніи, какъ мысль, а за отсутствіемъ міроваго сознанія она не можетъ имѣть мѣста въ природѣ. Если же нѣтъ цѣли въ природѣ вообще, то нельзя и задавать вопроса о цѣли жизни. Наше существованіе въ такомъ случаѣ не имѣетъ предопредѣленной цѣли, а только причины. Думать приходится только объ этихъ причинахъ, по крайней мѣрѣ, о болѣе близкихъ и доступныхъ нашему наблюденію, такъ какъ болѣе отдаленныя и, главнымъ образомъ, первопричины ускользаютъ отъ нашего познанія. Не „зачѣмъ“, а „отчего мы живемъ?“— вотъ какой вопросъ мы должны себѣ задавать, и отвѣтъ на послѣдній не трудно найти. — Мы живемъ потому, что, какъ и вся окружающая природа, подчинены всеобщему закону причинности, чисто механическому закону, который не предполагаетъ ни намѣренія, ни предустановленнаго плана, ни, слѣдовательно, міроваго сознанія. По этому закону явленія настоящаго коренятся въ прошломъ, а не будущемъ.

Мы живемъ, потому, что рождены родителями, получили отъ нихъ извѣстный запасъ силъ, дающій намъ возможность въ продолженіе извѣстнаго количества времени сопротивляться разрушительнымъ силамъ природы, дѣйствующимъ на насъ. Жизнь наша складывается подъ вліяніемъ постояннаго взаимодѣйствія силъ внѣшнихъ и силъ органическихъ, унаслѣдованныхъ нами. Слѣдовательно, съ объективной точки зрѣнія, жизнь наша есть необходимый результатъ закономѣрной дѣятельности механическихъ силъ природы. Разсматриваемая субъективно жизнь представляетъ совокупность извѣстнаго количества радости и горя. Первое испытываемъ мы при удовлетвореніи нашихъ органическихъ потребностей; наоборотъ, неудачныя попытки ихъ удовлетворенія доставляютъ намъ страданіе.

Въ здоровомъ организмѣ, обладающемъ большой приспособляемостью, развиваются лишь такія потребности, удовлетвореніе которыхъ, въ нѣкоторой хотя степени, возможно и не сопровождается для индивида никакими дурными послѣдствіями. Въ его жизни удовлетворенность преобладаетъ, такимъ образомъ, надъ страданіемъ, и самую жизнь онъ считаетъ не зломъ, но высшимъ благомъ. Въ болѣзненно разстроенномъ организмѣ развиваются ненормальныя потребности, удовлетвореніе которыхъ или совсѣмъ невозможно, или сопряжено со вредомъ для индивида, или, наконецъ, самый организмъ слишкомъ слабъ и неприспособленъ, чтобы удовлетворить соотвѣтствующія потребности; понятно, что человѣку, обладающему такимъ организмомъ, все существованіе представляется какимъ-то зломъ.

Мое объясненіе жизненной загадки совпадаетъ съ теоріей эвдемонизма, съ той лишь разницей, что имѣетъ подъ собой біологическія, а не метафизическія основанія. Мое объясненіе смотритъ на оптимизмъ и пессимизмъ просто какъ на обиліе или недостатокъ жизненной силы, какъ на отсутствіе или наличность способности приспособленія, какъ на болѣзнь и здоровье. Безпристрастное наблюденіе жизни показываетъ, что все человѣчество сознательно или безсознательно стоитъ на этой же самой философской точкѣ зрѣнія.

Люди охотно живутъ, и скорѣе удовлетворенно, чѣмъ съ горечью, пока жизнь удовлетворяетъ ихъ потребностямъ. Но какъ только

страданія становятся сильнѣе радостей, которыя доставляетъ удовлетвореніе самыхъ основныхъ и самыхъ важныхъ жизненныхъ инстинктовъ, въ родѣ инстинкта самосохраненія и поддержанія жизни, то люди не задумываются лишить себя жизни.

Бисмаркъ однажды сказалъ: „Я не понимаю, ради чего сталъ бы я нести всѣ тяготы жизни, если бы не вѣрилъ въ Бога и загробное существованіе“. Этими словами Бисмаркъ лишь доказалъ свое крайнее неудовлетворительное знаніе хода развитія человѣческой мысли со времени Гамлета, задававшагося приблизительно тѣмъ же вопросомъ. Человѣкъ несетъ бремя жизни до тѣхъ поръ, пока можетъ, и немедленно сводитъ съ ней счеты, когда его жизненная сила истощается. Вотъ почему невѣрующій живетъ и даже весело, пока преобладаетъ въ жизни пріятное, и вотъ почему даже нѣрующій становится, какъ учитъ насъ ежедневный опытъ, самоубійцей, когда замѣчаетъ дефицитъ удовлетворенія въ своей жизни. Вѣра несомнѣнно составляетъ для обладающаго ею очень важную силу,—какой, впрочемъ, для невѣрующаго является чувство долга и чести; но и эта сила имѣетъ лишь относительное значеніе и можетъ уравновѣсить лишь опредѣленное количество страданій, не больше того.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что страшный вопросъ: „зачѣмъ я живу“, вопросъ, который чуть не довелъ Толстого до самоубійства, безъ особаго труда находитъ себѣ разрѣшеніе. Человѣкъ вѣрующій, предполагающій, что его существованіе должно имѣть какую-нибудь цѣль, будетъ жить сообразно своимъ силамъ и склонностямъ; онъ найдетъ удовлетвореніе въ сознаніи, что своей жизнью онъ осуществляетъ часть міровой работы, конечныхъ цѣлей которой онъ, пожалуй, и не знаетъ; вѣдь несетъ же солдатъ охотно свои обязанности на указанномъ мѣстѣ, хотя ничего не знаетъ о ходѣ всего сраженія и о значеніи послѣдняго для всей кампаніи. Невѣрующій же, убѣжденный, что его жизнь представляетъ лишь частицу міровой жизни вселенной, что его личность сложилась подъ неизбѣжнымъ закономѣрнымъ дѣйствіемъ вѣчныхъ органическихъ силъ, понимаетъ очень хорошо не только причину, но и „цѣль“ своей жизни; онъ живетъ потому и поскольку жизнь является источникомъ удовлетворенія, т.-е. счастья и радости.

Нашелъ ли Толстой въ своихъ страстныхъ исканіяхъ другой отвѣтъ? Нѣтъ. Разгадку нашелъ онъ не путемъ мудрствованія и теоретическаго анализа, а лишь тогда, когда увидалъ, что „огромная масса людей спокойно работаетъ и страдаетъ и ясно представляетъ себѣ смыслъ жизни“. „Я понялъ тогда“,—продолжаетъ Толстой, „что нужно зажить жизнью этой сѣрой массы, возвратиться къ ея простой вѣрѣ“. Это заключеніе, по моему мнѣнію, совершенно произвольно и совершенно въ духѣ мистиковъ. „Масса живетъ спокойно и ясно сознаетъ цѣль жизни“ не потому, что она обладаетъ „простой вѣрой“, а потому, что она здорова, жизнерадостна, потому что жизнь каждой своей функціей каждое мгновенье даетъ удовлетвореніе этой массѣ. „Простая вѣра“ лишь случайно совпадаетъ съ этимъ природнымъ оптимизмомъ. Сѣрая масса народа, представляющая собою наиболѣе здоровую и потому жизнерадостную часть человѣчества, еще въ дѣтствѣ получаетъ нѣкоторое религіозное образованіе и затѣмъ лишь впрѣдка оправдываетъ собственнымъ мышленіемъ ошибки, вызываемыя общественной жизнью; но такое, чуждое критики, отношеніе является слѣдствіемъ нищеты и невѣжества народа, какъ и ихъ худая одежда, недостаточное питаніе, нездоровое жилище. Сказать, что народъ „спокойно живетъ и ясно сознаетъ цѣль жизни“, потому, что онъ пользуется „простой вѣрой“ — все равно, что сказать: „народъ спокойно живетъ съ яснымъ сознаніемъ жизненной цѣли потому, что преимущественно питается картофелемъ, живетъ въ лачугахъ и рѣдко посѣщаетъ бани“.

Толстой вѣрно подмѣтилъ фактъ, что масса вовсе не раздѣляетъ его пессимизма, но совершенно мистически истолковалъ его. Вмѣсто того, чтобы въ оптимизмѣ массы видѣть признакъ ея жизненныхъ силъ, Толстой приписываетъ этотъ оптимизмъ исключительно вѣрѣ и самъ въ этой вѣрѣ ищетъ указаній на цѣль своего существованія.

Въ то же время онъ совершенно успокоился, понявъ, что „истинная жизнь есть жизнь настоящаго, а не прошлаго или будущаго, жизнь, которая проявляется во всякомъ въ данную минуту“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ своемъ произведеніи онъ совершенно отрицаетъ воскресеніе мертвыхъ и индивидуальное безсмертіе души и, несмотря на все это, не замѣчаетъ, что если истиной является жизнь настоящей минуты, то тѣмъ самымъ уничтожается вопросъ о ея цѣли, такъ какъ цѣль можетъ быть только въ будущемъ“.

О сорадованіи и состраданіи.

Въ чемъ мы полагаемъ наше руководящее этическое начало? Альтруизмъ—чистый альтру-

изъ ведосягаемъ, слишкомъ высокъ и въ тоже время слишкомъ неизвѣненъ для насъ; въ большинствѣ нашихъ проявленій мы съ ногъ до головы эгоисты, но „въ предѣлахъ возможнаго“ и „по мѣрѣ силъ“ мы все-же полагаемъ въ основу нашей этики *сочувствіе* къ людямъ и ко всему живому. Но всѣ-ли однако формы сочувствія могутъ служить этими устоями нравственнаго чувства? И если не всѣ, то какіе изъ нихъ и въ какой мѣрѣ? *Всегда* „страдая со страждущими и плача съ плачущими“, какъ говоритъ Надсонъ, вправѣ-ли мы *всегда* радоваться съ радующимися? Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ покойный Вл. Соловьевъ,— теперь на страницахъ „Завѣтовъ“ въ статьѣ „Сентиментальная этика и научная этика“ этотъ отвѣтъ Соловьева В. Червовъ подвергаетъ жестокой критикѣ. Непріятенъ и неумѣстенъ ядовито-полемическій языкъ этой статьи, но съ нѣкоторыми доводами и положеніями автора нельзя внутренно не согласиться.

Этика Вл. Соловьева, говоритъ Черновъ, во главу угла ставитъ непосредственное чувство. Это — этика эмоціональная, или сентиментальная.

Но чтобы ближе опредѣлить нравственныя воззрѣнія Соловьева, надо посмотрѣть—каковъ методъ его исканій въ области человѣческихъ эмоцій и „сентиментовъ“, какой фонарь зажигаетъ онъ, чтобы въ этой области найти „самый настоящій корень, ухватить „самую жилу“, какъ выражался правдоискатель-дьяконъ въ разсказѣ Глѣба Успенскаго? Каковъ тотъ критерій, которому должно удовлетворять искомое чувство, чтобы быть возведеннымъ въ рангъ „неразложимой основы нравственности?“

Соловьевъ совершенно опредѣленно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Истинно добрымъ можно признать только то, что само по себѣ хорошо и потому во всѣхъ случаяхъ сохраняетъ свой добрый характеръ, никогда не становясь зломъ“. И въ этомъ—объясненіе, почему онъ не рѣшился признать основой и первоисточникомъ нравственности сочувствіе или участіе однихъ людей къ другимъ: ему понадобилось это „участіе“ или „сочувствіе“ разсѣчь на двое. Въ результатѣ этой операціи отъ „сорадованія“ отдѣлилось „сожалѣніе“, или „состраданіе“. Только одно послѣднее оказалось „хорошимъ само по себѣ“, „сохраняющимъ во всѣхъ случаяхъ свой добрый характеръ“ и „никогда не становящимся зломъ“. Что же касается перваго,—„сорадованія“—то оно подпадаетъ подъ подозрѣніе и, въ качествѣ элемента сомнительной нравственности („чувство смѣшаннаго и неопредѣленнаго, въ нравственномъ смыслѣ, характера), устраняется изъ области „основъ этики“.

Присмотримся поближе къ аргументаціи Вл. Соловьева въ защиту такого вывода: она чрезвычайно любопытна.

Почему сомнительно „сорадованіе?“ А вотъ почему. „Человѣческія наслажденія, удовольствія и радости бываютъ, конечно, невинными и прямо добрыми, и тогда сочувствіе имъ имѣетъ положительно-нравственный характеръ; но рядомъ съ этимъ человѣческія наслажденія могутъ имѣть и весьма часто имѣютъ безнравственный характеръ. Злой и мстительный человѣкъ находитъ удовольствіе въ оскорбленіи и мученіи своихъ ближнихъ, сладострастный человѣкъ полагаетъ главную радость жизни въ развратѣ“ и т. д., и т. д. „Но если извѣстное удовольствіе само по себѣ безнравственно, то и сочувствіе ему со стороны другого лица (сорадованіе, сонаслажденіе) получаетъ такой же безнравственный характеръ“, ибо „положительное сочувствіе какому-нибудь удовольствію заключаетъ въ себѣ одобреніе этого удовольствія“.

Превосходно. Пусть такъ. Противъ сказаннаго возразить нечего. Но сказано ли здѣсь о сорадованіи хоть что-нибудь такое, чего—mutatis mutandis—нельзя было бы приложить и къ сожалѣнію? Сожалѣніе и сорадованіе, конечно, не тождественны, и мы вовсе не хотимъ какого-нибудь приравниванія или построенія аналогій въ деталяхъ,—нѣтъ, мы спрашиваемъ лишь, сказано ли здѣсь что-нибудь, существенно обезцѣнивающее характеръ сорадованія, по принципіально неприложимое къ состраданію?

Большинство страданій источникомъ своимъ имѣютъ неудовлетвореніе тѣхъ или иныхъ потребностей (какъ удовольствія или радости—ихъ удовлетвореніе). Но потребности бываютъ нормальныя и ненормальныя, здоровыя и извращенныя. Неудовлетворенность извращенной потребности тоже заставляетъ человѣка страдать. Сострадать ему не заключаетъ ли въ себѣ тоже косвенно одобрять извращенную потребность? И не выходятъ ли, такимъ образомъ, состраданіе и сорадованіе равно ненадежными путеводителями, получающими нравственную цѣнность лишь тогда, когда они правильно пристроены, и теряющими эту цѣнность, когда пристроены не къ мѣсту?

Казалось бы, это—прямая дорога логическаго развитія мысли, однако, на эту прямую дорогу Вл. Соловьевъ своихъ стопъ не направляетъ.

„Нельзя того же сказать о состраданіи. По самому понятію, страданіе есть такое состояніе, въ которомъ поля страдающаго не принимаетъ

прямого и положительнаго участія... Если пьянство есть грѣхъ, никакой ригористъ не усмотритъ грѣха въ головной боли отъ похмѣлья. А потому и участіе въ чужомъ страданіи (хотя бы заслуженномъ)—состраданіе или жалость—никогда не можетъ представлять ничего безнравственнаго. Сочувствуя страждущему, я вовсе не одобряю дурную причину его страданія... Съ другой стороны, страданія могутъ быть заслуженными, т.-е. причинами ихъ могутъ быть дурные поступки, но само страданіе отдѣляется отъ своей причины и не заключаетъ въ себѣ нравственной вины, а, напротивъ, признается ея обличеніемъ и искупленіемъ". Наоборотъ, „чувство удовольствія нельзя отдѣлить отъ дурныхъ дѣйствій, его вызывающихъ"; болѣе того, именно это чувство удовольствія можетъ „сообщить дурной характеръ дѣйствіямъ, которыя сами по себѣ безразличны. Такъ, когда солдатъ на войнѣ по командѣ убиваетъ непріятеля, побуждаемый только „долгомъ службы", то, какъ бы мы въ принципѣ ни относились къ войнѣ вообще, мы, конечно, не станемъ обвинять этого солдата въ безнравственной жестокости; другое дѣло, если онъ находитъ удовольствіе въ убійствѣ и съ наслажденіемъ прокалываетъ человѣка штыкомъ. Въ болѣе простыхъ случаяхъ это еще яснѣе: такъ несомнѣнно, что безнравственный характеръ пьянства состоитъ вовсе не во внѣшнемъ дѣйствіи глотанія извѣстныхъ напитковъ, а только во внутреннемъ удовольствіи, которое находитъ человѣкъ въ томъ, чтобы искусственно одурять себя".

Прежде всего, устранимъ изъ этого разсужденія одинъ очевидный lapsus, для существа дѣла вовсе не нужный. Врядъ ли „убійство на войнѣ непріятеля по командѣ", въ отличіе отъ такого же „втыканія штыка", но „съ наслажденіемъ", можетъ быть избрано примѣромъ для иллюстраціи той истины, что „чувство удовольствія можетъ сообщить дурной характеръ дѣйствіямъ, которыя сами по себѣ безразличны". Ибо, „какъ бы мы въ принципѣ ни относились къ войнѣ", но врядъ ли даже въ ея апологіи можно зайти такъ далеко, чтобы объявить лишеніе жизни множества людей—дѣломъ, которое само по себѣ нравственно-безразлично. Всякій, конечно, признаетъ это зломъ, и самый ярый апологетъ войны будетъ говорить лишь о томъ, что это зло неизбѣжное и при томъ многократно искупающееся цѣлымъ рядомъ глубоко морализирующихъ свойствъ войны — возбужденіемъ національной энергіи, чувствъ патріотизма, готовности принести себя въ жертву родинѣ, подъемомъ человѣческой воли, храбрости, военныхъ доблестей и т. д., и т. д. Вѣрно однако, то, что съ точки зрѣнія нравственной оцѣнки поступокъ неотдѣлимъ отъ мотива, его вызвавшаго; мотивъ есть нравственная душа поступка. Это не значитъ, что иные поступки не заключаютъ сами въ себѣ элемента, нравственно-отрицательнаго. Такіе поступки—даже если суровая дѣйствительность вынуждаетъ на нихъ людей кристально-чистыхъ—все-таки кроютъ въ себѣ зло, и закрывать на него глаза нельзя. Именно, закрывая глаза на морально-отрицательныя стороны такихъ поступковъ, даже лучшіе люди рискуютъ притупить въ себѣ нравственное чувство и, слѣдовательно, деградироваться. Врядъ ли, однако, въ этомъ пунктѣ мы разошлись бы съ Вл. Соловьевымъ: здѣсь, какъ и впослѣдующемъ примѣрѣ, по мнѣнію Чернова, со стороны философа просто lapsus.

Но, исключая приведенные неудачные примѣры, Вл. Соловьевъ ведетъ свою линію довольно тонко. Однако, должно быть, недаромъ сказано, что, „гдѣ тонко, тамъ и рвется". „Страданіе есть такое состояніе, въ которомъ воля страдающаго не принимаетъ прямого и положительнаго участія". Какъ примѣръ, дается головная боль послѣ пьянства,—т.-е. совершенно особый видъ страданія, а именно—страданіе отъ переудовлетворенія извѣстной потребности. Результатъ получается самый подходящій: элемента „воли" въ похмѣльномъ катценяммерѣ не оказывается. Ну, а когда пьяницу послѣ вынужденнаго воздержанія мучительно тянетъ къ рюмочкѣ, такъ ли свободны его „муки Тантала" отъ волевого элемента? Своимъ примѣромъ Вл. Соловьевъ незаконно упростилъ и облегчилъ себѣ свое дѣло. А болѣе трудные примѣры сослалъ въ подстрочное примѣчаніе и отдѣлался отъ нихъ съ совершенно несоотвѣтственной краткостью. „Кажущійся примѣръ противнаго представляютъ собою тѣ случаи, когда кто-нибудь сочувствуетъ другому, скорбящему о неудачѣ своего злодѣянія. На самомъ дѣлѣ, и здѣсь, поскольку участіе происходитъ только изъ жалости, оно вовсе не относится къ дурной причинѣ огорченія, нисколько не предполагаетъ ея одобренія и, слѣдовательно, остается невиннымъ и хорошимъ".

Но здѣсь мы ужъ имѣемъ дѣло съ прямымъ подмѣномъ понятій. Что и говорить, можно пожалѣть—нѣкоторой высшей жалостью—мошенника, огорченнаго неудачей какой-нибудь „комбинаціи",—и эта жалость не будетъ нравственно-отрицательнымъ явленіемъ. Но вѣдь эта жалость не есть то сожалѣніе, о которомъ была рѣчь,—не положительное участіе въ подлинномъ страданіи другого, а, наоборотъ,—страданіе по поводу того, что онъ способенъ

страдать подобными страданіями. „Не съ ними плачешь, а о нихъ“,—какъ говорилъ поэтъ.

Но кто же сказалъ Вл. Соловьеву, что невозможно и подобное же—„высшаго порядка“—сорадованіе? Вспомните Некрасовское стихотвореніе „Эй, Иванъ!“. Авторъ, несомнѣнно, душой вмѣстѣ со своимъ героемъ, когда „удалось Ивану сцапать гдѣ-то четвертакъ“, и когда онъ загулялъ „на всѣ мѣдныя“:

У трактирщика Ипатки
Пріютился плутъ:
Двѣ пригожія солдатки
Такъ къ нему и льнутъ...
— „Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живѣй!“
Въ Ванькѣ пляшутъ всѣ суставы
Съ ногъ и до ушей.
Пляшетъ ухо, пляшетъ въ ухѣ
Бѣлая серьга...
Ванька весолъ, Ванька въ духѣ—
Жизнь не дорога!

Но здѣсь ловитъ Некрасова Вл. Соловьевъ: „Положительное сочувствіе какому-нибудь удовольствію заключаетъ въ себѣ одобреніе этого удовольствія,—такъ, сорадуясь пьяницѣ, я тѣмъ самымъ одобряю пьянство“. И далѣе: „Сочувствіе какому-нибудь дурному наслажденію, кромѣ одобренія его, предполагаетъ еще въ самомъ сочувствующемъ такую же дурную склонность: „только пьяница сорадуется чужому пьянству„.

Какъ видите, плохо, очень плохо, что Некрасовъ позабылъ оторваться душой отъ своего „Эй, Ивана“, когда послѣднему удалось „сцапать гдѣ-то четвертакъ“. Выдалъ себя головой покойникъ: мы теперь съ Вл. Соловьевымъ уже знаемъ, что по внутреннимъ склонностямъ своимъ онъ былъ пьяница и воръ. И что ему стоило подождать немного со своимъ сочувствіемъ—напримѣръ, хоть до того времени, когда у Ивана будетъ съ похмѣлья адски трещать голова? Но вѣдь „само страданіе отдѣляется отъ своей причины и не заключаетъ въ себѣ нравственной цѣны, а, напротивъ признается ея обличеніемъ и искупленіемъ“. Чѣмъ-то сухимъ, мертвеннымъ вѣетъ отъ такихъ разсужденій, и здѣсь намъ симпатичнѣе грѣшный Некрасовъ. Но, можетъ быть, онъ потому и относится человѣчнѣе къ грѣшному Ивану, что самъ ближе къ нему грѣшнѣе высоконравственнаго Вл. Соловьева? Пусть такъ. Но, если бы не было другого выбора, мы въ такомъ случаѣ хотѣли бы лучше грѣшить вмѣстѣ съ Некрасовымъ, чѣмъ пребывать на недосягаемомъ нравственномъ Олимпѣ вмѣстѣ съ Вл. Соловьевымъ. Однако, та черезчуръ высокая нравственность, которая столь не просто заставляетъ относиться къ грѣшникамъ, кажется намъ немножко подозрительной, намъ какъ то невольно приномнается притча о мытарѣ и фарисеѣ. Христосъ любилъ мытарей и грѣшниковъ больше, чѣмъ праводниковъ. Нравственный „демосъ“ и даже „охлосъ“ былъ ему роднѣе моральной аристократіи. Должно быть, аристократизмъ во всѣхъ областяхъ имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее...

Жалѣть—жалѣй умѣючи,
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!

Это кричитъ другой грѣшный герой грѣшнаго Некрасова, Якимъ Нагой изъ деревни Босова, тотъ самый, который—какъ онъ самъ рекомендуетъ себя—до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ“. У него, какъ у каждаго крестьянина,—душа что туча черная“... „Не водись-ка на свѣтѣ вина—тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ, и, пожалуй—силенъ сатана!—натворилъ бы я бѣдъ“—могъ бы сказать онъ съ третьимъ Некрасовскимъ героемъ...

А все виномъ кончаются...
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая
Мужицкая душа!
Не горевать тутъ надобно,
Глядя кругомъ—возрадуйся!
Ай, парни! ай молодушки!
Умѣютъ погулять!
Повымотали косточи,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!

Онъ, этотъ нераскаянный грѣшникъ, высоко поднимаетъ знамя своей пьяной грѣховности и въ отвѣтъ обличеніямъ барина-моралиста, цѣликомъ заимствованнымъ изъ самыхъ благонамѣренныхъ прописей, отвѣчаетъ своимъ кличемъ: „эй, царство ты мужицкое, безшапочное пьяное—шуми, вольнѣй шуми!“

И онъ не только чувствуетъ въ своихъ рѣчахъ какую то затаенную правду, подъ которую не подкопалась прописная мораль,—онъ и насъ заставляетъ чувствовать ее. Мы, можетъ быть, нежданно для самихъ себя, начинаемъ понимать его, обреченнаго всю свою жизнь нести тяжло однообразнаго, подневольнаго, изнуряющаго труда подъ ярмомъ душевной подавленности и „ломанія шапки“ передъ сильными. Забитый, обрюшенный, потерянный, онъ хоть на минуту вновь обрѣтаетъ себя въ этомъ „безнравственномъ удовольствіи“. Вотъ почему онъ симпатиченъ намъ и въ хмѣльномъ разгулѣ, когда ему море по колѣно,—и можетъ быть онъ былъ бы намъ даже менѣе симпатиченъ, если бы онъ только нравственно—до одуренія нравственно—„несъ свой крестъ“. Мы, грѣшные, говоримъ Черновъ, не понимаемъ

и никогда не поймемъ педантической строгости Вл. Соловьева. Ибо, если мошенника, страдающаго отъ неудачи его продѣлки, можно жалѣть высшей жалостью, то почему мы не можемъ дать живой откликъ бѣднымъ, но все-таки скрашивающимъ ихъ жизнь, хмѣльнымъ радостямъ „Эй, Ивана“ или Якима Нагого? Почему здѣсь не можетъ быть такого же законнаго человѣческаго сорадованія, направленнаго не на форму, конечно, въ которой достигается ими праздничный подъемъ духа, удовлетворяется неистребимая потребность нервнаго возбужденія послѣ будничной трудовой одури,—а на самый этотъ подъемъ духа и нервное возбужденіе, безъ котораго жизнь — не жизнь, а прозябанье!

Въ высшей степени характерно и симптоматично это стремленіе Вл. Соловьева положить въ основу нравственности исключительно сожалѣніе и низвести на низшую степень сорадованіе. А между тѣмъ, противопоставленіе одного другому, во-первыхъ, условно и искусственно, во-вторыхъ, поскольку его даже и можно допустить, чревато совсѣмъ иными выводами.

Оно искусственно, ибо сорадованіе и сожалѣніе вовсе не являются какими-то обособленными, отличными другъ отъ друга „способностями“. Это лишь группировки проявленій одной и той же способности человѣка — способности психологически переживать чужія мысли и чувства, представлять ихъ себѣ съ такой силой и ясностью, которая рождаетъ въ насъ отвѣтный сочувственный резонансъ. Изъ этого по существу источника исходитъ и сожалѣніе, и сорадованіе. Но это вовсе не два самостоятельныхъ родника духовной жизни. И потому въ поискахъ „естественнаго корня нравственности“ совершенно незаконно и логически недопустимо останавливаться на одной условно, въ абстракціи, отвлекаемой сторонѣ дѣйствія данной (сочувственной) эмоціи. Условность этого различенія такъ несомнѣнна, что большей частью даже трудно имѣть одну безъ другой; обѣ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ величины „подразумѣваемыя“ и рефлекторно одна другую вызывающія. Безкорыстная радость наблюдать полноту и яркость чужого бытія „хочетъ длиться“ и сама по себѣ, ради собственнаго сохраненія и продолженія, уже предполагаетъ чувство жалости и неудовольствія отъ всего, что эту полноту урѣзаетъ или калѣчитъ. И, наоборотъ, сочувственное эхо всякому чужому страданію не въ самомъ себѣ, не въ фактѣ полноты созвучія находитъ свое удовлетвореніе, а въ устраненіи того, чѣмъ оно вызвано, т.-е. предполагаетъ скорѣйшую замѣну сожалѣнія сорадованіемъ. Тамъ, гдѣ дѣло обстоитъ иначе, гдѣ наблюдать чужія страданія и раздѣлять ихъ становится „благомъ самимъ въ себѣ“, какимъ-то „искусствомъ для искусства“,—тамъ мы имѣемъ уже нездоровую разслабляющую сантиментальность, ведущую къ пониженію жизненной энергіи и являющуюся несомнѣннымъ признакомъ вырожденія.

Вл. Соловьевъ стремится въ моральномъ смыслѣ обезцѣнить сорадованіе передъ сожалѣніемъ. И онъ не замѣчаетъ, что при сожалѣніи всегда привходитъ одинъ, съ нравственной точки зрѣнія, неблагопріятный, элементъ: элементъ моральнаго неравенства. Быть для другихъ предметомъ жалости и вытекающаго изъ нея покровительства не всегда пріятно. Состраданіе всегда вѣсколько аристократично, оно предполагаетъ отношеніе высшаго къ низшему. Когда въ „Тьмѣ“ Леонида Андреева насъ неожиданно глубоко потрясало парадоксальное восклицаніе человѣка „со дна жизни“: „стыдно быть хорошимъ!“ — въ этомъ парадоксѣ было зерно истины: законный протестъ раздавленнаго, морально приниженнаго человѣка противъ того, что къ нему подходятъ, какъ счастливыя нравственныя бѣлоручки къ грязному нищему. Неистребимый элементъ нравственнаго барства во всякомъ одностороннемъ состраданіи — вотъ что возбуждало и не можетъ не возбуждать этого протеста. „Филантропическій“, въ худшемъ смыслѣ этого слова, элементъ „состраданія“ можетъ быть смягченъ лишь наличностью оборотной стороны медали — способности сорадованія всякому проблеску живого даже въ изуродованномъ жизнью человѣкѣ, той способности, которая даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ паденія умѣетъ разглядѣть глубоко человѣчное въ „обезчеловѣченномъ человѣкѣ“, и тѣмъ самымъ поставить себя на одну съ нимъ доску, внести элементъ болѣе товарищескаго, равнаго, братскаго отношенія. Не бойтесь унизить себя этимъ сорадованіемъ, какъ будто оно „предполагаетъ одобреніе“ чужихъ „низшихъ“ удовольствій и даже „предполагаетъ еще въ самомъ сочувствующемъ подобную же способность или склонность къ нимъ“. Я—человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Глубочайшая гуманность этого изреченія въ томъ-то и состоитъ, что оно указываетъ каждому изъ насъ перспективу одновременно и вверхъ, и внизъ. Оно не только раскрываетъ созерцанію каждаго изъ насъ широкіе горизонты восхожденій; оно научаетъ понимать и бездны паденій. Оно говоритъ, что нѣтъ такого падшаго, который бы совершилъ нѣчто абсолютно безчеловѣчное, что

въ каждомъ изъ насъ есть уязвимость въ любомъ изъ этихъ проявленій человѣческаго паденія, и если ваша личная исторія сложилась достаточно счастливо, чтобы избѣгнуть „вѣроломной пакости“ въ данную сторону, то это еще не резонъ, чтобы фарисейски величаться передъ преступникомъ и не ощущать къ нему ничего, кромѣ жалостливаго презрѣнія.

Но—спѣшитъ прибавить Соловьевъ—„участіе въ чужомъ удовольствіи всегда можетъ быть своекорыстно: даже, напримѣръ, въ случаѣ старика, раздѣляющаго веселость ребенка, альтруистическій характеръ такого чувства остается сомнительнымъ; этому старику по всякомъ случаѣ пріятно оживлять память собственнаго беззаботнаго дѣтства“. Пусть такъ; но въ такомъ случаѣ Соловьевъ доказываетъ гораздо больше того, чѣмъ хотѣлъ. Вотъ старикъ, который мучительно завидуетъ молодежи и досадливо брюзжитъ на нее; вотъ старикъ, который наоборотъ, находитъ удовольствіе въ томъ, что отраженно радуется чужимъ, ему непосредственно больше не доступнымъ радостямъ. Эти два противоположныхъ способа реагировать одинаково Соловьевымъ сводятся „въ послѣднемъ счетѣ“ къ эгоизму, въ одномъ случаѣ грубому и узкому, въ другомъ—утонченному и широкому. Но вѣдь такое расширеніе понятія „эгоизма“ объемлетъ, пожалуй, всю духовную жизнь человѣка: ничто не ускользнетъ отъ него, и всякій альтруизмъ окажется въ концѣ концовъ лишь „утонченнымъ эгоизмомъ“. Если мы скажемъ, что все—„добро“, (или наоборотъ, все—„зло“), то самое понятіе „добра“ лишится всякаго смысла и сдѣлается излишнимъ. Внѣ противоположности „злу“ нѣтъ „добра“; уничтожьте всякое „зло“, вычеркните это слово изъ человѣческаго словаря, и вы вмѣстѣ вычеркнете „добро“. Такъ и сведеніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ, желаній, поступковъ къ „эгоизму“ уничтожаетъ самый специфическій характеръ этого понятія.

Но Соловьевъ не хочетъ свести весь „сочувственный опытъ“ къ утонченно своекорыстному источнику; онъ останавливается на полдорогѣ; онъ безпощадевъ къ „сорадованію“, но хочетъ спасти состраданіе. „Напротивъ, всякое серьезное чувство сожалѣнія о чужомъ страданіи, нравственномъ или физическомъ, тяжело для испытывающаго это чувство и, слѣдовательно, противно его эгоизму, что видно уже изъ того, что искренняя скорбь о другихъ смущаетъ нашу личную радость, омрачаетъ наше веселіе т.-е. оказывается несовмѣстимою съ состраданіемъ эгоистической удовлетворенности; итакъ, дѣйствительное состраданіе или жалость не можетъ имѣть своекорыстныхъ мотивовъ...“ Но здѣсь-то и напрашивается совсѣмъ другое „итакъ“. Разъ „скорбь о другихъ“ неизбѣжно „омрачаетъ наше веселіе“, то поступокъ, продиктованный „скорбью о другихъ“, насквозь эгоистиченъ: кому же не хочется, чтобы его „веселіе“ не омрачалось? Кому же не пріятно устранить источникъ этого омраченія: ту чужую скорбь, которая, благодаря „соціабельности“ человѣка, заражаетъ и его скорбью? Если „скорбь“ въ нравственномъ мірѣ является своего рода „заразною болѣзнью“, то вѣдь общій своекорыстный интересъ заставляетъ бороться съ нею, хотя бы она свила себѣ гнѣздо лишь у одного изъ „ближнихъ“. Правда, и здѣсь возможны два пути: или отдалиться отъ массы ближнихъ и замкнуться отъ нихъ китайской стѣной гигіеническихъ предосторожностей, оставивъ ихъ въ жертву всѣмъ эпидеміямъ міра; или объявить войну эпидеміямъ, гдѣ бы онѣ ни появлялись, убивая ихъ въ зародышѣ. Но вѣдь это только разница между „узкимъ“ и „широкимъ“, „неразумнымъ“ и „разумнымъ“ эгоизмомъ. И если „своекорыстенъ“ старецъ, сорадующійся уже недоступнымъ ему болѣе радостямъ молодежи, то почему же не своекорыстенъ человѣкъ, желающій, чтобы черная скорбь не „омрачала“ его „веселія“?

Наконецъ, Вл. Соловьевъ находитъ еще и третій пунктъ, въ которомъ возможно подкопаться подъ „сорадованіе“. Въ основу нравственности по требованію разума можно полагать только такія чувства, которыя каждый разъ содержатъ въ себѣ побужденія къ опредѣленному дѣйствію, изъ обобщенія которыхъ образуется затѣмъ опредѣленное нравственное правило или принципъ. Но удовольствіе или радость есть конецъ дѣйствія, въ немъ достигнута цѣль дѣятельности, и участіе въ чужомъ удовольствіи, какъ и ощущеніе своего собственнаго, не заключаетъ въ себѣ никакого побужденія и основанія къ дальнѣйшему дѣйствію. Напротивъ, жалость прямо побуждаетъ насъ къ дѣйствію съ цѣлью избавить другое существо отъ страданія, или помочь ему“. Этотъ аргументъ, съ точки зрѣнія Четнова, совершенно не выдерживаетъ критики.

Удовольствіе или радость—вовсе не обязательно есть конецъ или результатъ какого-нибудь уже завершеннаго, прекратившагося дѣйствія. Удовольствіе можетъ быть и простой функціей извѣстнаго дѣйствія, тѣнью, его сопровождающей и съ нимъ прекращающейся. Цѣлый рядъ дѣйствій въ самихъ себѣ, какъ въ длящихся процессахъ, несутъ удовлетвореніе. И потому длить данное удовольствіе можно

совершенно опредѣленнымъ путемъ: длить и самое дѣйствіе. Это—азбука.

Во-вторыхъ, разъ испытанное удовольствіе, ассоціируясь съ извѣстнымъ поступкомъ, хотя бы причиняющимъ удовольствіе лишь послѣ своего завершенія, даетъ человѣческой волѣ стимулъ къ повторенію удовольствія, а, стало быть, и къ повторенію дѣйствія. Даже въ томъ случаѣ, если корни дѣйствія „горьки“, и лишь „плоды сладки“, — удовольствіе будетъ не только концомъ дѣйствія: нѣтъ, воспоминаніе этого удовольствія, его копія въ сознаніи, представленіе о немъ, — можетъ быть и началомъ новаго дѣйствія.

Что же касается значенія разбираемыхъ душевныхъ движеній на ихъ элементарной стадіи, то не ясно ли, что сорадованіе и соболѣзнованіе принципіально совершенно равны? Непосредственное страданіе и сострадание рефлекторно побуждаютъ волю прекратить эти духовныя состоянія и, слѣдовательно, устранить ихъ источникъ. Радованіе и сорадованіе столь же непосредственно и рефлекторно вызываютъ стремленіе продлить ихъ, а, слѣдовательно, сохранить, продлить вліяніе ихъ источника. Косвенно же и отраженное страданіе и сострадание вызываютъ идею предупрежденія производящаго начала, а радость и сорадованіе—идею его воспроизведенія. То и другое равно могутъ быть и непосредственнымъ, и посредственнымъ стимуломъ дѣйствія. При этомъ радость, кромѣ того, является вѣнцомъ удачнаго дѣйствія, а страданіе—неудачнаго. И тамъ, гдѣ мы имѣемъ восходящую линію жизни, мы должны имѣть перевѣсъ радостей и сорадованій надъ страданіемъ и состраданіемъ. Противоположная тенденція есть вѣрный симптомъ декаданса жизни. И нравственная система Влад. Соловьева, съ его стихійно-психологическимъ „отталкиваніемъ“ отъ радости и сорадованія и его „притяженіемъ“ къ страданію и состраданію, въ этомъ смыслѣ весьма характерна. Она невольно напоминаетъ намъ о пессимизмѣ въ духѣ Шопенгауэра. И не безъ основанія...

Вл. Соловьевъ какъ-то мимоходомъ призналъ, что отдалъ обильную дань шопенгауэровскому вліянію въ своей „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ „Критики отвлеченныхъ началъ“ до „Оправданія добра“—дистанція не малаго размѣра, и пройти ее нельзя было безъ весьма серьезной эволюціи. Тѣмъ не менѣе, и на „Оправданіи добра“ лежитъ неизгладимая печать идей нѣмецкаго философа-пессимиста.

Вслѣдъ за Шопенгауэромъ идетъ Вл. Соловьевъ, когда провозглашаетъ автономію этики, независимость ея содержанія отъ различныхъ религіозныхъ догматовъ или метафизическихъ системъ; вслѣдъ за нимъ онъ идетъ, объявляя, что содержаніе этики ни мало не мѣняется отъ рѣшенія въ ту или другую сторону вопроса о свободѣ воли и необходимости. Шопенгауэръ научилъ его искать „естественный корень человѣческой нравственности“ въ природѣ человѣка; онъ же, одною стороною своихъ идей, породнивъ „волюнтаристическую“ школу морали, другою ихъ стороной привелъ Вл. Соловьева къ его „этикѣ непосредственнаго чувства“ и прямо указалъ ему на сострадание въ отличіе отъ сорадованія.

Въ основу нравственности Шопенгауэръ кладетъ „отнюдь не измышленный или взятый съ вѣтру, а вполнѣ дѣйствительный и ничуть не рѣдкій обыденный феноменъ сострадания, т.-е. совершенно непосредственнаго, независимаго отъ всякихъ постороннихъ соображеній участія прежде всего къ страданію другого, и чрезъ то и къ воспрепятствованію и прекращенію этого страданія, въ чемъ напослѣдокъ состоитъ всякое удовлетвореніе и всякое благополучіе и счастье“.

„Въ чемъ напослѣдокъ состоитъ всякое удовлетвореніе и всякое благополучіе и счастье“... Это не случайная обмолвка. Для Шопенгауэра „счастье“ не есть положительное понятіе, а только чисто-отрицательное: прекращеніе страданія. Всякая потребность, всякое желаніе есть уже нарушеніе равновѣсія, есть безпокойство, есть лишеніе,—и чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ замѣтнѣе этотъ элементъ страданія, присутствующій и въ желаніяхъ наименѣе напряженныхъ, только въ скрытомъ, едва улавливаемомъ видѣ. Но если всякое желаніе есть въ сущности, уже страданіе, то жизнь наша сплошь состоитъ изъ страданій, которыя мы лишь по временамъ заставляемъ умолкать. Эти миги тишины, когда жизнь молчитъ, суть краткіе миги безмятежнаго отдыха, равновѣсія, забвенія. Отсюда не только преодолѣніе страха смерти, а и ея апологія, апоѳеозъ,—въ идеалѣ нирваны...

„Сущность удовлетворенія, наслажденія, счастья состоитъ только въ томъ, что прекращается лишеніе, утоляется страданіе... Такимъ образомъ положительное, само о себѣ заявляющее есть страданіе; удовлетворенія и наслажденія есть отрицательное, одно прекращеніе перваго“...

Только страданіе есть „нѣчто“. Удовлетвореніе есть лишь отрицаніе этого нѣчто, есть чистое „ничто“. Полное удовлетвореніе поэтому есть полное забвеніе, есть небытіе. Теперь понятно, почему корень нравственности—въ сострадании. Сорадованіе должно быть без-

дѣйственно и пассивно, ибо пассивна, — „безмятежно-забвенна“ по своей природѣ всякая радость. Человѣческая воля движется лишь страданіемъ. Удовлетворенность, счастье есть прекращеніе дѣятельности воли. Нравственная воля тоже движется лишь состраданіемъ; сорадованіе есть покой, неподвижность, бездѣятельность нравственной воли.

„Вѣдь даже и въ насъ самихъ нашу дѣятельность собственно возбуждаетъ только наше страданіе, куда слѣдуетъ отнести каждый недостатокъ, потребность, желаніе, даже скуку; а состояніе удовлетворенности и счастья оставляютъ насъ бездѣятельнымъ и въ косномъ покоѣ“.

Передъ нами тѣ же самыя идеи, съ которыми мы только что встрѣтились у Вл. Соловьева. Но тутъ онѣ проведены послѣдовательнѣе и цѣльнѣе, высказаны рѣшительнѣе и ярче, обоснованы глубже, въ самыхъ коренныхъ устояхъ пессимистическаго міросозерцанія. Здѣсь—оригиналъ, у Соловьева – полинявшая, обезцвѣченная копія. У Вл. Соловьева намъ приходилось путемъ анализа вскрывать то, что у Шопенгауэра само по себѣ вскрыто: больной, вырожденческій характеръ, пронизывающій собою систему.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами яркій образчикъ психологіи, навѣянной декадансомъ жизни. Больному все горько; при подавленности общаго темпа всѣхъ отправленій, вкусъ къ жизни неизбѣжно теряется. Для Шопенгауэра жизненный прогрессъ весь исчерпывается двумя точками: исходной и заключительной. Пробуждается желаніе: значитъ, народилось страданіе. Желаніе удовлетворено: это значитъ лишь, что страданіе прекращено, наступило „чисто-отрицательное состояніе“; забвеніе, почти небытіе. Но куда же дѣвался, какимъ образомъ выпалъ средній членъ: самый процессъ удовлетворенія потребности, въ которомъ — вся человѣческая дѣятельность, все развертываніе его творческихъ силъ? Развѣ смыслъ, сущности жизни—не въ дѣятельности, развѣ аногей ея интенсивности — не въ творчествѣ? И развѣ потребность, когда она есть лишь нормальный возбудитель дѣятельности,— не добро, а зло? И развѣ ростъ, развитіе, усложненіе потребностей — не обогащеніе жизни? Лишь не находящая удовлетворенія потребность есть сама по себѣ страданіе; лишь неудовлетворенная потребность ведетъ за собой страданіе. Отъ голода человѣкъ мучится, послѣ пресыщенія онъ томится. Но здоровый аппетитъ только возбуждаетъ организмъ, только повышаетъ его энергію; напротивъ, болѣзненно, патологично отсутствіе всякаго аппетита. Мысли Шопенгауэра—мысли, вдохновленныя именно такой потерей аппетита, вкуса къ жизни. Состояніе вялости, подавленности жизненныхъ функцій только одно и можетъ продиктовать отождествленіе счастья съ косным покоемъ, превращеніе его въ скорлупу отъ выѣденнаго яйца—въ чисто негативное понятіе безъ всякаго положительнаго содержанія...

Пессимизмъ есть не только міросозерцаніе, это есть болѣзнь. Его изгонять приходится не столько аргументами, сколько лѣченіемъ. Его корень нужно искать въ самыхъ основахъ функціонированія человѣческаго организма...

Связь кризиса драмы съ кризисомъ морали.

Еще одна попытка объяснить худосочіе современной драматической литературы. Съ мнѣніями Л. Андреева, Ѳ. Сологуба, Е. Зноско-Боровскаго и др. по этому вопросу читатель „Бюллетеней“ теперь можетъ сопоставить діагнозъ нѣмецкаго „изслѣдователя болѣзни“ — Шлумбергера, взглядъ котораго передаетъ и развиваетъ въ русской печати извѣстный театральный критикъ Homo Novus („День“, № 165).

Кризисъ театра, — пишетъ послѣдній, — вѣрнѣе сказать, драматической литературы, занимаетъ не только нашу, но и европейскую мысль. Весьма любопытную точку зрѣнія на причины упадка драматической поэзіи пытается установить Ж. Шлумбергеръ въ лекціи, прочитанной недавно въ Страсбургѣ. Очень правильно (особенно въ примѣненіи къ Западной Европѣ) Шлумбергеръ указываетъ вообще на охлажденіе избранной публики къ театру, который она считаетъ удовольствіемъ менѣе тонкимъ и совершеннымъ, чѣмъ чтеніе. Въ этомъ отношеніи его мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ г. Айхенвальда*). Дешевка такъ овладѣла театрами; театры такъ стараются угодить на вкусъ „оптоваго покупателя“, что, точно, человѣку съ изощреннымъ вкусомъ некуда дѣваться, — особенно во Франціи.

Однако, корень вопроса не въ этомъ. Оскудѣла самая психологія драматическихъ произведеній.

„Психологія драмы оскудѣла—пишетъ Шлумбергеръ—вслѣдствіе ослабленія догматики христіанской морали и категорическаго императива. Вся эволюція нашей культуры въ этомъ повинна. Нашъ трагическій театръ питался

*) См. „Бюл.“ 1912 г. №№ 14 — 15.

исключительно отчаяніемъ человѣческой души, раздавленной роковыми страстями, съ одной стороны, и неодолимыми препятствіями — съ другой. Уже у грековъ всего чаще такое препятствіе представляло ключъ трагическаго положенія. Что такое былъ бы Орестъ безъ абсолютнаго для него долга мести? Что осталось бы отъ Эдипа, если допустить возможность приспособленія Эдипа къ ужасу его брака? У насъ, въ нашемъ театрѣ, эта трагическая неизбѣжность особенно рѣзко выражена. Все искусство драматическаго произведенія заключалось въ томъ, что оно находило препятствія, которыя нельзя ни обойти, ни побороть. Нравственный кодексъ, заставляющій Родриго убить отца Химены, — неумолимъ. Усомниться въ этомъ законѣ для испанскаго сеньора равносильно отрицанію самого себя. Безъ этого кодекса Родриго — авантюристъ, не болѣе. Точно также, безъ высшаго соображенія государственной необходимости, заставляющаго Тита уйти отъ Береники, императоръ—только тиранъ. Доколѣ законы Рима священны, тотъ, кто правитъ Римомъ, отмѣченъ началомъ священнымъ, высшимъ благомъ, какое можно себѣ представить. И чѣмъ болѣе Титъ благороденъ по положенію своему, тѣмъ болѣе онъ рабъ своего положенія. Эти моральные конфликты, однако, являются продуктомъ эпохи и культуры. Эпохи, отмѣченныя господствомъ догматическихъ началъ, весьма богаты запретами, обязательствами, кодексами соціальныхъ предписаній и пр. Вотъ почему XVIII вѣкъ могъ давать изображенія ясныхъ, строго очерченныхъ, опредѣленныхъ конфликтовъ....

„Эту прекрасную, эту жестокую тиранію нравовъ, возстающихъ противъ самыхъ законныхъ нашихъ страстей, заставляющую, если можно выразиться, проливать на сценѣ самую чистую трагическую кровь, — гдѣ мы ее сыщемъ въ нашей современной культурѣ? По мѣрѣ того, какъ наша жизнь, въ политическомъ, соціальномъ смыслѣ, стала мирной и устойчивой, постоянно подчиняя природу,— драконовскіе законы становятся все менѣе и менѣе необходимыми, крутые нравы, безусловныя требованія смягчаются. Все, что казалось неумолимымъ, неустранимымъ, — очеловѣчилось. Во всякомъ положеніи есть свои pro и contra; мы думаемъ, что крайнія рѣшенія отнюдь не самыя вѣрныя, умѣренный и умѣряемый эгоизмъ гораздо больше соотвѣтствуетъ общему благу — благу наибольшого числа членовъ общественнаго союза — чѣмъ крайнія увлеченія фанатиковъ долга. Безполезное самопожертвованіе, вредный героизмъ—это понятія нашего дня. Выработалось равновѣсіе морали, не лишенное своеобразной красоты, ничего не исключающей и все примиряющей. Съ тѣхъ поръ, какъ догмы не налагаются по Божьему велѣнію, —это уже не абсолютныя начала, но приспособляемыя правила. И когда возможно найти столько „аккомодацій“, какъ создать роковой трагическій конфликтъ? Если эти высоты неизбѣжнаго трагизма такъ рѣдки въ нашей драматической литературѣ, то не потому ли, что онѣ такъ рѣдки въ нашей жизни? Мы разрѣшили себѣ столько, что въ драматической области — хронической неурожай препятствій, которыя нельзя обойти. Въ послѣдней пьесѣ А. Бернштейна—„Après moi“— герой восклицаетъ: „Непоправимое! Вещь непоправимая“. Я не знаю термина болѣе произвольнаго. Это фальшивое понятіе. „Непоправимое дѣло“, говорятъ о дѣлѣ, которое можно „исправить съ дѣтскою легкостью“...

Говоря о „препятствіяхъ“, рождающихъ драматическую силу, необходимо помнить, что „препятствіе“ должно относиться къ порядку религіозно-нравственныхъ понятій, а не заключаться въ томъ, что обстоятельства, хотя бы и очень тяжелыя, но чисто внѣшнія, мѣшаютъ дѣйствовать и жить, какъ хочется. Именно, какъ у Островскаго: „Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“. А если велятъ лишь причины физическія, пусть огромныя, но не проникнутыя Божіимъ велѣніемъ,— тутъ „печальная исторія на свѣтѣ“, но не трагедія. И „Ромео и Джульетта“— скорѣе очаровательно-печальной сонетъ, очаровательно-печальная повѣсть, нежели трагедія.

Высшій моментъ трагическаго напряженія и очищенія—смерть встрѣчается нынче въ жизни нисколько не рѣже, чѣмъ прежде. Скорѣе даже — чаще. „Дѣвушка бросилась въ Сену“— пишетъ Бальзакъ въ своемъ романѣ „Шагреневая кожа“—это трагичнѣе, чѣмъ десять трагедій“. Потому, что мы представляемъ нравственную неодолимость для дѣвушки, бросавшейся въ Сену, жить. Но если она бросилась потому, что больна, или подъ вліяніемъ аффекта (а не совѣсти, мучительно и систематически дѣлавшей свою работу), здѣсь не будетъ трагедіи.

Трагедія, дѣйствительно, религіозное „дѣйство“, но не въ томъ поверхностно-декоративномъ смыслѣ, какъ понимаютъ наши модернисты, полагавшіе, что если „религіозное дѣйство“, то изъ театра нужно сдѣлать нѣчто вродѣ діонисова бѣснованія. Религіозная сущность трагедіи въ томъ, что трагедія представляетъ борьбу человѣка съ владѣющими имъ религіозными идеями, — религіозными въ смы-

слѣ ихъ безусловнаго,' анализу не подвергаемаго значенія. „Честь“ для Родриго, „цѣломудріе“ для Лукреціи, „золотой телецъ“ для Шейлока, „грѣхъ“ для Катерины, „кровавые мальчики“ для Годунова,— все идеи религіозныя, которыя перекрасить или перекроить, укоротить и приспособить нельзя. Сколько ни прощай Катерину, сколько ей ни объясняй— сознаніе „грѣха“, какъ тяжелый камень, все равно потащитъ ее на дно. Какъ ни толкуй герою Корнеля, что пощечина есть не болѣе, какъ прикосновеніе одной поверхности тѣла къ другой и что, въ сущности, разныя бываютъ пощечины — для него существуетъ только рѣзко выраженный символъ оскорбленія, допускающій только одну, единственную форму возстановленія чести. Все, что лежитъ за кругомъ догматическаго ученія о чести, есть только риторика и софистика. И потому, что идея религіозно-едина, столь едино и движеніе трагедіи.

Въ драмѣ важно не то, что человѣкъ составляетъ самъ по себѣ, а то, чѣмъ онъ является для окружающихъ. Какія правила поведенія нужны Робинзону Крузэ, живущему на необитаемомъ островѣ? Но въ общежитіи— правила поведенія обязательны.

Вся суть драмы во взаимномъ поведеніи людей, — слѣдовательно, въ этикѣ, ибо нравственность, мораль, не болѣе, какъ закрѣпленныя и утвержденныя правила поведенія.

Нетеатральность многихъ новѣйшихъ пьесъ объясняется именно слабостью этическаго момента. Эта слабость сейчасъ же выражается въ безсвязности отношеній, въ покоѣ, въ отсутствіи психологическаго движенія. Я бы сказалъ, что мораль пріобрѣла многоликость. Если съ одной стороны нельзя не согласиться, а съ другой — нельзя не сознаться, то этимъ, разумѣется, не устраняется возможность драматическаго исхода, но несомнѣнно, что пружина драматическаго движенія распрямляется медленнѣе и дѣйствіе чаще прерывается. Понижается стремительность драматическаго движенія, катастрофичность драмы. Теорія единствъ могла возникнуть, если угодно, въ зависимости отъ средствъ театральныхъ монтировокъ, но единство чувства, проникающее старую драму, объясняется не этими внѣшними причинами и обстоятельствами, но тѣмъ, что и самыя чувства были едины. Возьмемъ, для примѣра, мотивъ чести, приводящій къ поединку. Понятіе оскорбленной чести едино — оно какъ бы записано на десяти таблицахъ моральнаго кодекса. Точно такъ же едино понятіе поединка. Несомнительвы его условія, неоспоримъ его кодексъ. Поэтому драма движется какъ будто по рельсамъ такъ называемыхъ русско-американскихъ горъ. Вотъ дѣйствіе стремительно несется внизъ къ завязкѣ; вотъ оно бѣшено вздымается на высоту неразрѣшимаго противорѣчія, и затѣмъ такъ же быстро наступаетъ развязка. Теперь возьмемъ поединокъ у Чехова въ „Трехъ сестрахъ“. И завязка, и обида, и возстановленіе чести путемъ поединка (хотя дѣйствіе происходитъ въ военной средѣ)—все это отмѣчено печатью растерянности. Въ общемъ, дуэль глупа, но, будучи глупой, необходима. Она никому не нужна, однако, должна произойти. Баронъ — хорошій человѣкъ, но однимъ барономъ больше или меньше — все равно. Мораль поединка—многолика. Сравните съ единымъ ликомъ поединка въ какомъ-нибудь „Сидѣ“, и предъ вами станетъ вполнѣ ясной разница между моралью, едино владѣющею человѣкомъ, и моралью критическихъ эпохъ, и точно такъ же разница между стремительными драматическими конфликтами старой драмы и колеблющимися, дрожащими пружинами нынѣшней.

Соотношеніе морали и драмы представляется мнѣ въ видѣ двухъ ножекъ циркуля: мораль—неподвижная ножка циркуля, драматическое движеніе — вторая ножка съ карандашикомъ, описывающая круговую линію. Чѣмъ устойчивѣе мораль, тѣмъ правильнѣе и завершеннѣе линія драматическаго дѣйствія. И такъ какъ шатаются самыя основы морали, то шатается и форма драмы, которая все болѣе и болѣе утрачиваетъ свою специфичность. Прибѣгая вновь къ вышеприведенному сравненію съ циркулемъ, можно сказать, что чѣмъ устойчивѣе ножка циркуля, тѣмъ ближе къ идеальному кругу линія, описываемая карандашомъ, и наоборотъ. Драма становится похожа на эпосъ, потому что нѣтъ утвержденія догмата морали. Ибо и такъ хорошо, и этакъ недурно, какъ и бываетъ при смѣнѣ эпизодовъ жизни, взятой въ безконечной плоскости.

Кризисъ драмы есть кризисъ нашей морали. Античный развалъ далъ Плавта и Теренція, а не Софокла и Эврипида. Феодально-рыцарски-канонническая жизнь дала Шекспира, Корнеля, Расина. Старое русское благочестное житіе дало Островскаго. Буржуазная мораль дала рядъ блестящихъ, хотя, можетъ быть, и не глубокихъ драматурговъ: Ожье, Дюма, Скрибъ—все это поэты религіозныхъ идей буржуазіи. Шиллеръ—это подлинный духовный отецъ Лунзы. Какъ вся трагедія Лунзы покоится на данной Вурму клятвѣ, такъ всѣ трагическія положенія Шиллера проистекаютъ изъ клятвою подтвержденной приверженности къ извѣстнымъ понятіямъ чести, долга, обязанности, правды,

справедливости. Трагическій поэтъ можетъ сказать, пародируя Архимеда: „дайте мнѣ точку опоры, и я переверну міръ". Эта точка опоры есть „категорическій императивъ". Если же нѣтъ „категорическихъ императивовъ", если „переоцѣнка цѣнностей", подобно чужеядному грибку, сгнонла корни безусловныхъ нравственныхъ началъ, если точка опоры сама ползетъ и разъѣзжается,—то шатается, естественно, и все зданіе трагедіи, и въ ходѣ ея нѣтъ ни быстроты, ни увѣренности, ни строгой послѣдовательности, ни математической неизбѣжности...

Кризисъ трагедіи есть—кризисъ нашихъ вѣрованій.

Къ пониманію нашего сегодняшняго литературнаго дня.

Критикъ „Рус. Бог." А. Рѣдько, по примѣру другихъ присяжныхъ литературныхъ наблюдателей, взялся за очередную задачу—разобраться въ той идейной шумихѣ, какую подняли у насъ своимъ походомъ противъ „старыхъ боговъ" эго-футуристы и акмеисты-адамисты. Чтобы облегчить себѣ задачу, авторъ статьи „У подножія африканскаго идола" (кн. VI и VII) старательно обнажаетъ корни этихъ двухъ послѣднихъ по времени пустоцвѣтовъ нашей поэзіи, раскапывая самыя нѣдра взрастившаго ихъ модернизма.

„Чеховъ принесъ въ литературу скептическое отношеніе къ исканіямъ политическаго и общественнаго мышленія; онъ былъ агностикомъ только въ этомъ отношеніи. Новая литература и новое искусство пришли съ разочарованіемъ вообще ко всякимъ достиженіямъ положительнаго мышленія. Оно не было чуждо—внѣ области соціологическихъ выводовъ—Чехову, но ово было безусловно чуждо его преемникамъ въ русской литературѣ.

Психологическія причины этого вполнѣ понятны. Положительное мышленіе установило для человѣчества интеллектуальный аскетизмъ. Требовалось держать свое познавательное стремленіе въ состояніи полуголода—полуутоленія. Утверждалось, что за предѣлы относительнаго знанія нашей мысли не дано проникнуть, да и въ самыхъ словахъ „абсолютная истина" нѣтъ никакого смысла, съ точки зрѣнія интеллектуальной природы человѣка. Но человѣчество не склонно къ аскетизму ни въ какомъ отношеніи, и полуголодъ положительной мысли не могъ не вызвать протеста.

Это то душевное состояніе, которое впослѣдствіи Л. Андреевъ охарактеризовалъ въ своей космической драмѣ объ „Анатэмѣ". Представлялась огромная запертая дверь, которую люди положительнаго мышленія оставили запертой, не сдѣлавъ попытки какимъ-нибудь чудомъ отпереть ее.

Новая поэзія и новое искусство сдѣлали эту попытку прибѣгнуть къ чуду для раскрытія абсолютной истины. Художники и поэты взяли на себя роль философовъ — искателей истины о подлинной природѣ міра.

Но эту новую роль художники и поэты взяли *не* прямо и *не* открыто.

Безрезультатность человѣческихъ исканій истины въ предыдущій періодъ положительнаго мышленія отразилась и на новыхъ исканіяхъ. Исканіе истины было вообще скомпрометировано. Поэтому для исканій истины — въ томъ числѣ и абсолютной — понадобилось создать своего рода „теорію", узаконяющую исканія, даже и безнадежныя. Такой базой стала теорія выявленія личности въ искусствѣ. Художники и поэты предпочитали основываться на томъ, что казалось безспорнымъ,—на правѣ личности выявлять себя. И такъ какъ они, художники, чувствовали въ себѣ позывы къ ирраціональному и мистическому, то вся литература и искусство были напоены этими настроеніями.

„Тайна". Отъ этого кошмарнаго слова недавно нельзя было отдѣлаться. Вездѣ была „тайна" и все было „тайной"; на всѣхъ устахъ была „тайна".

И никого не поражало, что тайна была только на словахъ, а не въ мысли. И одной изъ „тайнъ" было подсознательное въ человѣкѣ.

Писатели-художники были взволнованы обиліемъ нахлынувшихъ тайнъ подсознательнаго, а коллективный читатель — въ истинномъ восторгѣ. Ему никогда не думалась, что онъ представляетъ такой сложный загадочный аппаратъ, функціонирующій подсознательно. Кто не знаетъ мольеровскаго героя, который былъ пораженъ тѣмъ, что всю свою жизнь говорилъ „прозой", т.-е. чѣмъ-то ученымъ, завесеннымъ въ поменклатуру теоріи словесности. Коллективный читатель пять-шесть лѣтъ назадъ оказался въ положеніи мольеровскаго героя. Онъ жилъ и думалъ, ему жилось и думалось даже тогда, когда не хотѣлось. Но ничего особеннаго въ этомъ не было. И вдругъ этотъ читатель узнаетъ, что ему доступно подсознательное мышленіе. До сихъ поръ онъ зналъ, что нѣчто такое бывало съ Вольтеромъ, сочинившимъ во снѣ цѣлую пѣснь „Генріада". Теперь онъ самъ оказался на положеніи Вольтера. Онъ тоже говоритъ прозой и тоже доступенъ подсознательному процессу мысли.

Въ результатѣ читатель и художники рѣшили использовать свою чудесную способность до конца. И литература и искусство въ значительной степени занялись улавливаніемъ этого подсознательнаго въ печатныя строки, въ красочныя пятна и линіи.

Въ этихъ видахъ художники соревновали съ читателемъ въ тщательномъ подслушиваніи отзвуковъ подсознательной психической дѣятельности. Вовсе не нужно было, чтобы подмѣченное настроеніе было прочнымъ и устойчивымъ, такимъ, которое было неизгладимо вырублено „на скрижаляхъ души“. Какъ разъ наоборотъ. Именно эти прочныя настроенія, опредѣляющія „ликъ“, могли быть наиболѣе сомнительными и обусловлены привычкой, давленіемъ вѣковѣчной культуры, дисциплиной мысли и чувства. Особую прелесть и особую надежду внушали другія явленія: настроенія минуты, мгновенія, когда хотѣлось „невозможнаго“ (предполагалось, что это и есть голосъ подсознательнаго настоящаго влеченія, не заглушеннаго привычной культурной дисциплиной мысли и чувства), когда хотѣлось или думалось безъ опредѣленнаго и яснаго сознанія. Именно къ этимъ настроеніямъ и нужно было прислушаться и уловить ихъ: кто знаетъ, быть можетъ, здѣсь-то и откроется дорога къ гармоніи человѣческой души; здѣсь-то и скрыто подлинное, истинное въ человѣческой душѣ? Отсюда выросъ импрессіонизмъ въ литературѣ, культивировавшій всякое мгновенное переживаніе. Литература превратилась въ рядъ опытовъ съ подсознательнымъ. Стремились дать волю каждому своему чувству, дать осуществленіе каждой своей мысли, по формулѣ уайльдовскаго героя. Были поэты, которые свято относились къ каждому написанному слову, не считая себя въ правѣ исправлять то, что создалось въ минуту возбужденія, въ минуту удаленія отъ самоконтроля и самокритики. Были критики, которые давали волю своей мысли итти до любыхъ предѣловъ, и если въ минуту возбужденія оказывалось, что мысль ушла за предѣлы того, что признавалъ истиннымъ самъ пишущій, это не было дефектомъ. Это было правомъ подсознательнаго „я“ на самопроявленіе. Намъ пришлось лично слышать такое признаніе отъ одного изъ нынѣ забытыхъ критиковъ.

Это было улавливаніемъ самого себя въ моментъ освобожденія отъ самоконтроля. Въ буквальномъ смыслѣ слова писали, какъ пишется; хотѣли думать, какъ думается, и полагали, что это исполнимо и возможно.

Но вѣдь это значитъ отдать себя и свою душу на волю случайности! Ну, такъ что жъ? Это-то и хорошо, т.-е. считается—по сію пору—самымъ цѣннымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ къ познанію абсолютной истины, скрытой отъ сознательной логической способности мыслить.

Возникъ своего рода культъ случайности. Въ этомъ культѣ случайности не было, однако, никакой случайности. Культъ опирался на своего рода теорію, и мы на-дняхъ слышали отъ художниковъ „Союза Молодежи“ о томъ обаяніи и очарованіи, которое связано для нихъ съ случайностью.

„Случайность открываетъ цѣлые міры и рождаетъ чудеса... Въ нашей жизни много случайнаго... и принципъ случайнаго примѣняется гораздо чаще и охотнѣе, чѣмъ публика объ этомъ подозрѣваетъ. Я знаю многихъ художниковъ, которые мажутъ по холсту, какъ имъ Богъ на душу положитъ, а потомъ только ловятъ изъ этого хаоса то, что кажется имъ наиболѣе удачнымъ и, въ зависимости отъ силы фантазіи, подчиняютъ все своему желанію“ (В. Марковъ. „Принципы новаго искусства“).

Чтобы не было сомнѣнія, что именно цѣнится въ этихъ возможностяхъ, цитируемый авторъ энергично подчеркиваетъ, что „принципъ случайнаго“ въ чистомъ видѣ опирается на воздѣйствіе „совершенно слѣпыхъ, посторонникъ вліяній“.

Чѣмъ больше игры случайности въ душѣ, тѣмъ лучше. Поэтому идеаломъ отношенія къ міру оказался дикарь (въ буквальномъ смыслѣ), міроощущеніе котораго наиболѣе случайно. Во избѣжаніе искаженій при передачѣ, воспользуемся чужой формулировкой со стороны представителей самаго новаго искусства: „Тамъ, гдѣ кончается реальное, осязательное, тамъ начинается другой міръ—міръ невѣдомой тайны, міръ Божества... Первобытному человѣку была дана возможность подойти къ этой грани, гдѣ онъ интуитивно улавливалъ какую-нибудь черточку Божества и возвращался обратно, какъ счастливый ребенокъ“.

И вотъ слово „дикарь“ начинаетъ наполняться лирическимъ содержаніемъ. За нимъ грезятся безграничныя дали, обѣщающія затмить всѣ сказочныя пріобрѣтенія культуры XIX—XX вѣковъ.

Такимъ же „счастливымъ ребенкомъ“—дикаремъ захотѣло быть культурное общество XIX—XX вѣковъ.

Не стало дѣло и за дальнѣйшей аналогіей. Во времена первобытной культуры „счастливый ребенокъ“ не ограничивался тѣмъ, что самъ входилъ въ общеніе съ божествомъ, но имѣлъ еще особыхъ спеціалистовъ по этой надобности

въ лицѣ жрецовъ - колдуновъ. Въ XIX—XX в. оказалось то же самое; и самъ читатель безпрепятственно входилъ въ общеніе съ надмірнымъ бытіемъ при помощи подсознательныхъ элементовъ своей души и имѣлъ для этого сугубѣйшихъ спеціалистовъ въ лицѣ поэтовъ и художниковъ, провозвѣстниковъ невѣдомой красоты.

Одинъ изъ источниковъ этой красоты мы уже видѣли. Это—игра случайности, игра слѣпыхъ возможностей, далекихъ отъ всякой связи съ работой человѣческой мысли. По дополнительному удостовѣренію цитированнаго выше г. Маркова, нѣкоторые художники заклеиваютъ еще сырую работу бумагой; сорвавши ее на другой день, они находятъ случайныя, иногда красивыя пятна и стараются ихъ использовать. Равнымъ образомъ изучаются случайныя кляксы или пятна на сырыхъ стѣнахъ.

Существуетъ и другая красота. Тоже слѣпая и тоже случайная, но по крайней мѣрѣ заложенная въ случайностяхъ психики человѣческой. По словамъ цитированнаго автора, который чрезвычайно сжато и отчетливо опредѣлилъ сущность вовѣйшихъ дерзаній „свободнаго творчества“, источникъ особой красоты въ тайникахъ человѣческой души, въ безсознательныхъ движеніяхъ руки и мысли художника.

„Такъ хорошо, такъ радостно, — говоритъ онъ, — выпустить душу на волю, рисовать и работать, полагаясь на счастье, не стѣсняя себя никакими законами и правилами, и итти слѣпо, безъ цѣли, итти въ неизвѣстное, всецѣло отдавшись свободному исполненію, и расшвырять, разметать всѣ завоеванія всѣ наши quasi-цѣнности“ (логической мысли).

* *
*

Является вопросъ, какъ могъ произойти такой рѣзкій поворотъ въ исканіяхъ и настроеніяхъ. Вчера реалисты и поклонники точной, самой точной и наиточнѣйшей правды; сегодня символисты и прозелиты мистической правды. Объясняется это очень удобнымъ принципомъ, въ силу котораго ради полнаго выявленія личности въ искусствѣ допускаются не только „лики“, т.-е. то, что обнаруживаетъ подлинныя, прочныя, коренныя настроенія автора, но и „личины“ мгновенныхъ настроеній, надѣтыя на себя на срокъ того же мгновенія, въ цѣляхъ искапія самого себя. Не приходилось удивляться этому сочетанію словъ: съ одной стороны — личина, съ другой стороны — исканіе самого себя. Въ дѣйствительности это не было такъ странно.

Одной изъ тягчайшихъ особенностей культуры является фактъ, что душа человѣка своего рода музей переживаній. Здѣсь и переживанія, обязанныя своимъ существованіемъ современной дѣйствительности; здѣсь и переживанія, оставшіяся отъ предыдущихъ вѣковъ, переданныя по наслѣдству, придавленныя, но не уничтоженныя культурой. Самымъ простымъ способомъ освободиться отъ связанныхъ съ этимъ внутреннихъ противорѣчій было, конечно, сложить въ одну сумму всѣ переживанія, свойственныя человѣчеству отъ временъ первобытной культуры до современной цивилизаціи. Здѣсь не можетъ быть ошибки, разъ все сложено и ничего не исключено.

При такихъ условіяхъ „соприкасаніе“ съ истиной было, конечно, болѣе обезпечено, чѣмъ при реализмѣ и культѣ единой прочной убѣжденности. Нельзя, очевидно, не соприкоснуться съ истиной въ своихъ переживаніяхъ, разъ въ нихъ *все* дано: если не въ качествѣ „ликовъ“, оправданныхъ сознаніемъ, то въ качествѣ „личинъ“, надѣтыхъ на себя *на мгновеніе* въ силу голоса подсознательнаго.

Такимъ образомъ „личина“ не была чистой игрой въ маскарадъ; „личина“ въ искусствѣ и литературѣ была средствомъ уловить переживаніе неуловимое и подавленное, но, быть можетъ, содержащее истину, до степени отчетливаго и законченнаго. Этимъ путемъ искали истину. Пшибышевскій могъ печатно заявить, что современный человѣкъ желалъ бы гармонично совмѣстить вѣру въ Шарко („ликъ“) и вѣру въ божественность одержанія духами, свойственную дикарямъ (личина).

Это было немножко похоже на совмѣстительскія мечты гоголевской невѣсты въ „Женитьбѣ“ о томъ, какъ хорошо, если бы губы Никанора Ивановича, одного хорошаго жениха, да приставить къ носу Ивана Кузьмича, другого хорошаго жениха. Но, тѣмъ не менѣе, такъ мечталъ современный человѣкъ, по Пшибышевскому, о Шарко, владѣющемъ послѣднимъ слономъ точнаго знанія, и о дикарѣ, входящемъ въ общеніе съ иными мірами.

И это оказалось не безнадежною мечтой, какъ у гоголевской Агафьи Тихоновны. Были найдены состоянія, которыя на самомъ дѣлѣ благопріятствовали общенію съ тайнами міра. Опять-таки въ точности по давнымъ этнологіи: тѣ же, что культивировалъ „счастливый ребенокъ“ дикарь.

Трудно вѣрить, въ какое соревнованіе вступили съ „счастливыми дѣтьми“. XIX—XX вѣка были объявлены необычайно благопріятными для уловленія мистическихъ тайнъ міра, потому что... люди этого періода почти сплошь невра-

стеники, страдаютъ неврозами, а неврозъ окрыляетъ душу къ полетамъ въ надмірныя сферы (Ишибышевскій).

Не нужно пугаться неврозовъ, которые въ сущности намѣчаютъ тотъ путь, по которому пойдетъ развитіе человѣческаго духа. Нѣтъ ничего страшнаго въ ощущеніяхъ „мономана, страдающаго психозомъ ужасныхъ видѣній", ибо *по большей части* это—величественныя откровенія самаго интимнаго и глубокаго въ человѣческой душѣ; это — сверкающія молніи, которыя бросаютъ яркій, хотя и мгновенный свѣтъ въ великое невѣдомое, въ чуждую страну безсознательнаго. Такъ утверждалъ тотъ же Ишибышевскій.

Но, конечно, сто кратъ были счастливѣе тѣ, кого судьба одарила эпиленсіей или сумасшествіемъ. Эти были еще ближе къ божеству (Шестовъ), почти совсѣмъ какъ „счастливый ребенокъ"-дикарь.

Правда, кое-что мѣшало въ приближеніи къ дикарю. Не хватало все-таки *„объединяющей вѣры* — вѣры въ Шарко и вѣры въ божественность одержимости бѣсами". Но въ общемъ съ этимъ можно было мириться. И безъ того многое было достигнуто въ попыткахъ хоть на мгновеніе слиться съ міромъ нумеповъ, съ міромъ всяческой тайны.

Насталъ почти золотой вѣкъ въ литературѣ и искусствѣ. Разница была только въ отмѣченныхъ пустякахъ: у дикарей посредниками между людьми и божествомъ были колдуны, а въ XIX—XX вѣкахъ — поэты и художники, сносившіеся съ подмірнымъ бытіемъ, славившіе экстазъ и неврозъ, который „завтра будетъ считаться величайшимъ здоровьемъ".

Мы пропустили только одинъ источникъ тайно-познанія: половое чувство.

Мудрено ли, что при культѣ всяческаго экстаза половое чувство, въ своей психо-физіологической части, опредѣляющее моменты экстатическаго состоянія, привлекло острое вниманіе и поэтовъ и художниковъ? Оно, конечно, должно было привлечь особое вниманіе, и привлекло. Евангеліе стараго исканія истины начиналось словами: „въ началѣ было Слово". Евангеліе новаго приближенія къ истинѣ начиналось у Ишибышевскаго словами: „въ началѣ былъ полъ". Тотъ же самый герой, что сокрушается у Ишибышевскаго объ отсутствіи прочнаго моста между психологіей современниковъ Шарко и психологіей дикаря, говоритъ о своей „жаждѣ по первобытнымъ мистеріямъ пола" и восклицаетъ: „какъ иначе могъ я удовлетворить эту отчаянную жажду, если не въ творческомъ актѣ физіологическаго воспоминанія о своихъ первыхъ стадіяхъ развитія".

Результатомъ была, какъ извѣстно, „проблема пола" „съ самымъ чудовищнымъ профанированіемъ любви. Культивировалась чисто физіологическая сторона. „Чувственность" разсматривалась какъ эквивалентъ „духа", соприкоснувшагося съ тайнами міра. Поэты славили подающихъ „кубокъ жгучій" чувственнаго экстаза наравнѣ съ Лейбницемъ (Брюсовъ); и Лейбницъ и „жрица", купленная на улицѣ, были одинаково учителями: у проститутки поэты искали прозрѣнія въ тайну зачатій!.. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Кромѣ соприкосновенія съ абсолютнымъ бытіемъ черезъ „тайну зачатій" и экстазъ чувственнаго возбужденія, поэты открыли и другую дорогу—къ тому же. Это была „тайна смерти". Какъ извѣстно, поэты энергично воспѣвали смерть и ея красоту. Эта красота должна была открыться въ моментъ новаго соприкасанія съ абсолютнымъ міромъ—черезъ смерть.

Смерть являлась новымъ откровеніемъ объ истинѣ, вѣдомой когда-то „счастливому ребенку"-дикарю. Такимъ образомъ, человѣчество имѣло возможность войти въ невѣдомое съ двухъ сторонъ: черезъ начало и черезъ конецъ того, что называется человѣческой жизнью. Міровая тайна оказалась угрожаемой со стороны поэтовъ. Порывъ къ ней былъ открытъ поэтами съ двухъ противоположныхъ сторонъ.

Не было такого подвига, на который бы читатель не рѣшился изъ жадности къ прозрѣнію, вновь открытому поэтами и художниками. Читатель повѣрилъ что онъ прочно и навсегда перешелъ по ту сторону добра и зла; повѣрилъ, что для него слово „альтруизмъ"—мертвое слово, а когда слышалъ слова: этика и мораль, то только укоризненно качалъ головой по поводу „ветхихъ словъ". Но главное, чему повѣрилъ читатель искренно и незыблемо, что разсудокъ ему больше ни зачѣмъ не нуженъ и что съ него вполнѣ достаточно и подсознательнаго общенія съ истиной.

Оставалось ожидать чуда наступившей гармоніи и просвѣтлѣнія. Но чудо не приходило. Наоборотъ, въ душахъ образовался какой-то очевидный, зіяющій провалъ. Вмѣсто радостнаго приближенія къ тайнѣ міра, читатель оказался во власти угрожающаго душевнаго хаоса, логически вытекающаго изъ удаленія „по ту сторону добра и зла". Читатель долженъ былъ чувствовать себя безгранично свободнымъ среди этого хаоса, но вмѣсто этого оказался придавленнымъ. Тайнъ не убыло, а прибыло; налицо была свѣжая загадка, повидимому, совершенно неразрѣшимая съ точки

зрѣнія абсолютной, „звѣриной“ свободы переживаній. Этой загадкой оказались альтруистическіе инстинкты человѣка, созданные милліонами лѣтъ коллективной жизни. Не было, повидимому, никакихъ основаній, чтобы человѣкъ, существующій въ качествѣ „Der Einzige“ и долженствующій признавать только Свое,— признавалъ что-либо и кого-либо внѣ себя. Но фактъ альтруизма былъ налицо, слишкомъ долго отказываться отъ пониманія его было невозможно.

Поэтому читателю пришлось согласиться на новый экспериментъ. Онъ долженъ былъ сохранить въ себѣ весь душевный хаосъ, связанный съ удаленіемъ „по ту сторону добра и зла“—во имя торжества своихъ подсознательныхъ влеченій, но къ этимъ влеченіямъ молчаливо обязался присоединить рѣшительную дозу догматической религіозности.

Донынѣ онъ долженъ былъ чувствовать себя „звѣремъ“, не вѣдающимъ власти вообще никакихъ догмъ; теперь онъ долженъ былъ стать звѣремъ свободнымъ отъ догмы чувствуемаго, этическаго содержанія, во отнюдь не свободнаго вообще отъ догмъ, если послѣднія имѣютъ мистическое, иномірное происхожденіе.

Средство для упраздненія душевнаго хаоса и внѣдренія въ него божественной гармоніи было дано очень простое, но почти анекдотическое. Человѣчество можетъ оставаться такимъ, какъ оно создано во второй половинѣ XIX вѣка авторомъ Заратустры. Можно „любить себя, какъ Бога“, но при этомъ нужно непремѣнно молиться:

Отче, во вѣки да будутъ едины
Воля Твоя *и моя!* (З. Гиппіусъ).

... Въ данную литературную минуту эти теченія переживаетъ несомнѣнный внутренній кризисъ. Наиболѣе рѣзкими призваками этого кризиса являются два новыхъ теченія: „акмеизмъ“ и „эго-футуризмъ“.

* * *

Въ исторіи акмеизма и эго-футуризма г. Рѣдько видитъ „исторію объ Авраамѣ и Лотѣ, которые шли въ противныя стороны“. Акмеисты, указываетъ онъ, ополчились на символизмъ за то, что тотъ направилъ свои главныя силы въ область невѣдомаго, непознаваемаго и „обратилъ міръ въ фантомъ, важный лишь постольку, поскольку онъ сквозитъ и просвѣчиваетъ иными мірами“. Они ратуютъ за возвращеніе къ реализму (поверхностному). Эго-футуристы, наоборотъ, ищутъ ошибку символизма въ томъ, что онъ былъ слишкомъ реалистиченъ. Въ итогѣ,—продолжаетъ авторъ,—эго-футуризмъ является усугубленіемъ всего стараго, присущаго мистическимъ исканіямъ символизма. Здѣсь и сугубое утвержденіе индивидуализма, здѣсь и сугубый культъ случайности, здѣсь и сугубѣйшій культъ подсознательной психики.

Но при этомъ эго-футуристы исправляютъ ошибки, допущенныя ихъ предшественниками-символистами.

Символисты тоже пытались дать волю своему подсознательному „я“, входящему въ общеніе съ иными мірами, но при этомъ сдѣлали рядъ важныхъ ошибокъ, обезцѣнившихъ ихъ исканія. Прежде всего, они были заражены старо-культурной красотой, основанной на чувствѣ „граціозности и тонкости“. Однако постигнуть правду міра *этимъ* внутреннимъ чувствомъ — по утвержденію „кубистовъ“ въ искусствѣ, „эго-футуристовъ“ въ поэзіи—безнадежная попытка.

Эта красота ложна. Нужна другая красота— истинная, истинно освѣщающая міръ.

До сихъ поръ требовалось, какъ мы знаемъ, отказаться только отъ помощи логической мысли и указаній этическаго чувства. И было оставлено въ полной силѣ и неприкосновенности эстетическое чувство—чувство утонченной красоты, воспитанной вѣками и тысячелѣтіями. Кубизмъ—эго-футуризмъ потребовалъ и этой „послѣдней жертвы“. Нуженъ добровольный отказъ и отъ логики, и отъ этики, и отъ эстетики. И только такая всесторонняя ампутація человѣческой души будетъ вознаграждена, ибо, наконецъ, приведетъ къ „полнотѣ“ жизни и свободѣ души, основанной на общеніи съ иными мірами и на руководствѣ иной, забытой міромъ красоты переживаній...

...Въ теченіе десятковъ лѣтъ оно (содержаніе модернизма) держалось на культѣ „звѣринаго“ подсознательнаго въ человѣческой психикѣ и на уловленіи всякаго рода „лебедей иныхъ міровъ“. Эти двѣ тяги въ душахъ современныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца взаимно связаны, но въ послѣднее время обнаружился нѣкоторый расколъ. Посѣдѣвшіе въ исканіяхъ „лебедей“ дрогнули и какъ-то уклонились отъ прямой дороги, кто — въ сторону связующихъ „звѣря“ религіозныхъ настроеній, кто — въ сторону художественныхъ декретовъ о томъ, чтобы „сестры“—эстетика и этика— впредь признавались за одно лицо (Ѳ. Сологубъ). Но на замѣну дрогнувшихъ явились свѣжіе люди. Новые люди одинаково за продолженіе культа „звѣринаго“ подсознательнаго, но одни—акмеисты—на почвѣ реальной дѣйствительности, а другіе—эго-футуристы и кубисты — на мистической подпочвѣ вплоть до готовности пѣть гимны „кривo-чернявому Аполлону“ вмѣстѣ съ ашантіями и дагомейцами...

Какъ Н. А Морозовъ съ товарищами въ тюрьмѣ проявляли свою свободу.

Свои, недавно написанные, „двинскіе“ мемуары, знаменитый шлиссельбуржецъ расбинулъ, кажется, по всѣмъ нашимъ ежемѣсячникамъ. Вотъ и молодыя „Сѣв. Записки“ получили возможность почерпнуть изъ этого неисчерпаемаго источника, а впереди еще — обѣщанное „Гол. Минувшаго“.

Въ лѣтнихъ книжкахъ „Сѣв. Зав.“ Морозовъ описываетъ второе свое тюремное сидѣніе (въ домѣ предвар. заключенія),—послѣдовавшее за краткимъ пребываніемъ на волѣ, у отца на порукахъ. Это было въ 1876 году, когда автору шелъ всего только еще двадцать первый годъ.

Послѣ того, какъ первая часть рукописи большого политико-экономическаго трактата, надъ которымъ тогда усердно трудился молодой революціонеръ на тюремномъ досугѣ, погибла безвозвратно при обыскѣ у знакомыхъ курсистокъ (тѣ поспѣшили сжечь отданныя имъ на храненіе тетради), Морозовъ съ отчаянія забросилъ свою работу и занялся послѣдовательнымъ изученіемъ чуть ли не всѣхъ европейскихъ языковъ, а по вечерамъ, отдыхая, началъ скуки ради упражняться въ сочиненіи стиховъ, какъ это было съ нимъ и раньше во время перваго, московскаго, заключенія.

„Я сталъ,—разсказываетъ онъ,—записывать въ особой тетрадкѣ получавшіеся куплеты или отрывки, и когда потомъ, черезъ день или два, перечитывалъ ихъ снова, въ моей головѣ слагались ихъ продолженія, и въ результатѣ появилось нѣсколько вполнѣ законченныхъ лирическихъ стиховъ, а изъ куплетовъ, написанныхъ на стѣнѣ московской темницы, выросла цѣлая поэма „Видѣнья въ темницѣ“.

Это было то самое стихотвореніе, за которое я, главнымъ образомъ, сижу теперь въ Двинской крѣпости, гдѣ пишу эти мемуары.

Создавая тогда эту поэму, я даже и не мечталъ, что она такъ отзовется впослѣдствіи на моей судьбѣ, и, записавъ эти длинные стихи въ свою тетрадку, я оставилъ ихъ лежать до поры до времени. Мнѣ было очень стыдно сказать кому-нибудь изъ товарищей по заключенію или на свободѣ, что я тоже пишу стихи. Я привыкъ смотрѣть на поэзію, какъ на высшій родъ литературы, доступный только избраннымъ душамъ, на которыхъ находитъ „вдохновеніе“.

И вдругъ я,—ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ,— предъявляю претензію на то же самое! Мнѣ это казалось такимъ самомнѣньемъ, съ которымъ ничто сравниться не можетъ!

Я долго таилъ отъ всѣхъ свои поэтическія произведенія, но желаніе узнать, могу ли я дѣйствительно писать стихи,— пересилило, наконецъ, мою застѣнчивость.

Какъ разъ въ это время въ нашей внутренней жизни произошла огромная перемѣна. До сихъ поръ мы были обречены на абсолютное безмолвіе и добились только возможности перестукиваться, а теперь мы вдругъ заговорили другъ съ другомъ своимъ настоящимъ голосомъ, несмотря на всѣ ухищренія властей сдѣлать насъ нѣмыми.

Открылъ эту возможность не я, а двое моихъ товарищей по заключенію. Безъ сомнѣнья, имъ было особенно мучительно безконечное молчаніе, потому что ихъ способъ нарушить его оказался по-истинѣ героическимъ.

Дѣло въ томъ, что наши камеры заключали въ себѣ все необходимое для физіологической дѣятельности человѣка. И это было благоустроено здѣсь не для удобства заключенныхъ, а для того, чтобы, разъ заперевъ ихъ на замокъ,— уже не нужно было ихъ выпускать болѣе и даже входить къ нимъ.

Съ этой цѣлью въ углу каждой камеры была вдѣлана въ полъ труба въ родѣ граммофонной, по шире. Нижній, болѣе узкій, ея конецъ входилъ въ стѣну и поднимался тамъ немного для того, чтобы вода, впущенная въ него изъ промывного крана въ стѣнѣ, подъ окномъ, послѣ того какъ въ граммофонъ попали отбросы пищи отъ обѣда и все другое, застаивалась въ изгибѣ и, такимъ образомъ, герметически закрывала собою нижнее отверстіе граммофона, открывающееся въ сточную трубу въ стѣнѣ зданія, идущую черезъ всѣ шесть его этажей. Очевидно, что къ каждой такой сточной трубѣ прилегали сверху внизъ по шести камеръ съ правой стороны и по шести съ лѣвой, всего двѣнадцать камеръ, и что отверстія этихъ оригинальныхъ граммофоновъ входили въ нее.

А трубы, какъ извѣстно, прекрасно проводятъ звукъ. Потому и черезъ нашу сточную можно было бы говорить изъ всѣхъ прилегающихъ къ ней камеръ, если бы не эти самовозобновляющіеся въ изгибахъ водные затворы.

И вотъ, какъ я уже упомянулъ, двое изъ находящихся выше меня товарищей, чувствуя, что готовы сойти съ ума отъ дальнѣйшаго безмолвія, сговорились стукомъ черезъ раздѣляющую ихъ стѣну одновременно выплескать руками застаивающуюся въ ихъ граммофонахъ воду и, сдѣлавъ это, убѣдились, что могутъ

прекрасно разговаривать черезъ нихъ даже вполголоса.

Немедленно были даны сигналы объ этомъ открытіи всѣмъ остальнымъ заключеннымъ, и на другой же день, несмотря на отвращеніе выплескивать голой рукой воду изъ такихъ мерзкихъ трубъ, почти всѣ начали разговаривать черезъ нихъ. Сосѣди вызвали сейчасъ же и меня, разсказавъ мнѣ стукомъ, что и какъ надо сдѣлать.

Я тотчасъ выплескалъ воду. Отвратительный, затхлый воздухъ повѣялъ на меня изъ граммофона, и послышался шумъ голосовъ.

— Слышите?—спрашивали меня оттуда сразу нѣсколько человѣкъ.

— Слышу!—крикнулъ я.—Только дайте мнѣ сначала вымыть руку!

Я бросился къ умывальнику и скорѣе вымылъ съ мыломъ руки, закрывъ свой прочищевный граммофонъ его желѣзной крышкой, чтобы помѣшать дальнѣйшему распространенію въ моей камерѣ ѣдкой вони.

Потомъ я сѣлъ на полъ и открылъ свою крышку.

— Слышите?—спросилъ я.

— Слышимъ,—отвѣчали мои товарищи.

Ихъ было тамъ шесть человѣкъ, такъ какъ камеры для политическихъ въ домѣ предварительнаго заключенія чередовались съ камерами для уголовныхъ, и, такимъ образомъ, каждый изъ насъ сидѣлъ обязательно между двумя уголовными, подобно Христу, распятому между разбойниками.

Но уголовные не перестукивались, они всѣ сидѣли робко и смирно, и мы, конечно, не пригласили ихъ въ свои „клубы“, какъ послѣ этого стали называться сточныя трубы Дома предварительнаго заключенія.

Съ перваго раза мнѣ показался совершенно невозможнымъ этотъ способъ сношеній, наполнявшій зловоніемъ наши камеры. Но и на слѣдующій день я опять пошелъ туда, такъ какъ размышленіе за ночь убѣдило меня, что это для васъ — единственный способъ спасти отъ сумасшествія тѣхъ, кто не въ силахъ былъ, подобно мнѣ, заниматься по цѣлымъ днямъ. Вѣдь многіе изъ насъ, какъ обнаружилось при первомъ же вашемъ „засѣданіи“, уже потеряли отъ двухлѣтняго безмолвія способность связной рѣчи и забывали при разговорѣ самыя обычныя слова.

Пришлось и мнѣ обязательно просиживать передъ вонючей трубой около двухъ часовъ каждый день, когда наступало время, такъ называемыхъ, „общихъ собраній клуба“. Многіе частнымъ образомъ сидѣли тутъ отъ тоски и жажды товарищества по девяти часовъ и даже читали вслухъ другъ другу книги. Не прошло и двухъ недѣль нашей граммофонной практики, какъ уже обнаружилось ея благодѣтельное вліяніе на психику наиболѣе угнетенныхъ духомъ. Они перестали путаться въ словахъ и начали даже смѣяться нашимъ шуткамъ, на которыя ранѣе отвѣчали лишь угрюмымъ молчаніемъ.

Встревожившееся начальство, забѣгавшее по коридорамъ въ первый день нашего всеобщаго открытія клубовъ, грозило карцерами за ихъ продолженіе, но ничего не могло сдѣлать, такъ какъ насъ было тогда болѣе трехсотъ человѣкъ, а карцеровъ не болѣе тридцати и потому на насъ черезъ два-три дня совсѣмъ махнули рукой. „Говорите, — сказалъ кому-то помощникъ управляющаго,—сколько угодно, но только не въ присутствіи властей!“

И вотъ, въ этой-то непоэтической трубѣ и прозвучали впервые мои первые поэтическіе опыты вслѣдъ за лучшими произведеніями Лермонтова, Некрасова, Пушкина и другихъ! Печальна твоя участь, русская поэзія! Но что мы могли подѣлать? Вѣчно одинокіе, безъ всякихъ впечатлѣній извнѣ, мы должны придумывать всякія темы для поддержанія нашихъ постоянныхъ разговоровъ, такъ какъ молча сидѣть передъ сточной трубой, конечно, не было никакого смысла.

— Давайте вспоминать стихотворенія,—сказалъ сверху Лермонтовъ (умершій потомъ въ заключеніи), какъ только, послѣ нѣсколькихъ дней, все было пересказано нами о себѣ и разговоръ сталъ часто замирать.

— Давайте! — послышались голоса.—Пусть каждый продекламируетъ стихотвореніе, которое ему особенно нравится!

И вотъ дошла очередь до меня.

— Я вамъ прочту большое стихотвореніе Огарева!—сказалъ я, зная, что русскія изданія его стихотвореній были запрещены и потому мнѣ легко выдать свои собственные стихи за неизвѣстныя въ Россіи его произведенія.

— Прочти! — послышались голоса изъ трубы.—Изъ Огарева мы почти ничего не знаемъ.

У меня захватило духъ. Что-то они скажутъ? Вдругъ при первыхъ же куплетахъ заявятъ, что я ихъ обманываю, что такіе плохіе стихи не могутъ быть огаревскими? Чувствуя, что собьюсь отъ волненія, если буду говорить напзустъ, я взялъ свою тетрадку и, набравъ побольше затхлаго воздуха въ легкія, началъ читать свои „Видѣнья въ темницѣ“.

Никто меня не перебилъ, никто не кашлянулъ до самаго конца. Я кончилъ, всѣ молчали.

— Дай, пожалуйста, списать! — раздался, наконецъ, одинъ голосъ.

— И мнѣ! И мнѣ! — зазвучали другіе. — Продиктуй сегодня же. Ихъ надо поскорѣе выучить наизустъ.

— Значитъ, вамъ понравились? — смущенно спросилъ я.

Они отвѣтили такими похвалами, что мнѣ теперь стыдно ихъ повторить, и я могу только объяснить ихъ. Дѣло въ томъ, что я писалъ въ своихъ стихахъ то, что переживалъ въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и они, и потому ихъ души были особенно отзывчивы на мои произведенія. Да это и понятно. Никто не бывшій въ одиночномъ заключеніи, несмотря на огромный талантъ, не можетъ описать его настроенія такъ правдиво, какъ описалъ бы его человѣкъ, не лишенный литературныхъ способностей, послѣ достаточнаго времени томленія въ политической одиночной темницѣ.

— Но это не Огарева!—рѣшился, наконецъ, сказать я. — Я васъ обманулъ! Это мои собственные стихи!

— Не можетъ быть!—загудѣли голоса.

— Мнѣ и въ голову не приходило, что ты можешь писать такіе! — воскликнулъ Лермонтовъ.

— Но ты не шутишь? Дѣйствительно твои?— допрашивали меня скептики.

— Честное слово!

— Такъ продиктуй сейчасъ же! — сказалъ Павелъ Орловъ.—Ихъ надо немедленно послать Волховскому! Онъ собираетъ сборникъ стихотвореній, написанныхъ заключенными.

И вотъ я началъ диктовать... Конецъ моихъ стиховъ были въ тотъ же день посланы Волховскому и товарищамъ во всѣ другіе клубы, а черезъ два дня мои стихи были переданы даже и на волю. Проявился сразу новый неожиданный поэтъ! И всѣ такъ искренно радовались моему успѣху, и каждый такъ спѣшилъ сообщить всѣмъ эту радостную новость, какъ будто дѣло шло о немъ самомъ.

Да, мы такъ любили тогда другъ друга, что успѣхъ товарища радовалъ насъ не менѣе своего собственнаго, а малодушіе кого-либо изъ насъ удручало насъ всѣхъ, какъ свое!

Волхонской сейчасъ же присоединилъ мои стихи къ собранной имъ коллекціи и черезъ нѣсколько недѣль отослалъ за границу контрабандой для напечатанія. Сборникъ вскорѣ вышелъ въ свѣтъ въ Женевѣ, въ видѣ хорошенькой книжки подъ названіемъ: „Изъ-за рѣшетки“.

* * *

А наше существованіе, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ и шло, по правдѣ сказать, такъ нелѣпо, какъ могло быть только при режимѣ полной безгласности.

Уголовныхъ выпускали партіями человѣкъ въ двадцать пять гулять по всему двору, а насъ выводили подъ особой стражей одного за другимъ минутъ на десять въ то время, когда на дворѣ никого не было даже изъ уголовныхъ. Понятно, что съ накопленіемъ сотенъ политическихъ заключенныхъ стало не хватать времени даже и для десяти-минутныхъ прогулокъ каждаго. Насъ стали водить черезъ день, затѣмъ черезъ два, потомъ черезъ три, на тѣ же десять минутъ. Начались легочныя и цынготныя заболѣванія, и старшій докторъ написалъ бумагу о необходимости увеличенія прогулокъ.

Кажется, можно было бы выпускать одновременно всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того каждый день разговариваетъ другъ съ другомъ черезъ „граммофоны“... Но это только по вашей, а не по тогдашней административной логикѣ.

Начальство Дома предварительнаго заключенія, снесясь съ Третьимъ Отдѣленіемъ, рѣшило выстроить посреди нашего двора особое приспособленіе, тотчасъ же названное нами „колесомъ“. Представьте себѣ, что на большомъ внутреннемъ дворѣ многоэтажнаго дома положили огромное колесо со спицами, каждая сажени въ двѣ длины, что на этихъ спицахъ, воздвигли высокіе заборы, а на ободкѣ колеса построили деревянныя рѣшетки, какъ въ звѣриныхъ клѣткахъ. Представьте себѣ, затѣмъ, что въ серединѣ, надъ втулкой колеса, сдѣлали круглую башню, на которой ходятъ два надзирателя, и вы получите представленіе о поднесенномъ намъ, въ отвѣтъ на заявленіе врача, изобрѣтеньи.

Каждый изъ насъ, политическихъ, долженъ былъ гулять въ особой клѣткѣ между спицами этого колеса, входя въ него черезъ дверь въ его втулкѣ, подъ башней. Туда вела узкая галлерея, и двери клѣтки тотчасъ запирались за поспѣшившимъ въ нее на прочныя желѣзныя задвижки. Понятно, что прогулки по такому звѣриному способу, да еще въ колодцеобразномъ дворѣ Дома предварительнаго заключенія, замкнутомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ его высокими стѣнами, закрывавшими почти всегда солнце, представляли изъ себя не много привлекательнаго. На многихъ изъ насъ онѣ производили до того угнетающее впечатлѣніе, что они совсѣмъ перестали выходить изъ своихъ камеръ. Желая поддержать ихъ духъ, мы, болѣе здоровые, сговорились не гулять въ этихъ клѣткахъ, а какъ только насъ приведутъ туда въ полномъ комплектѣ (кажется, по двѣнадцати человѣкъ), такъ сейчасъ же по

сигналу кого-либо одного изъ насъ, вскарабкаться на рѣшетки нашихъ клѣтокъ и, выскочивъ изъ нихъ, продолжать прогулку вмѣстѣ, не въ колесѣ, а вокругъ него. Первый опытъ пришлось сдѣлать сидѣвшимъ въ верхней галлереѣ, и они исполнили это очень дружно, какъ я самъ видѣлъ изъ окна моей новой камеры, въ которой были уже не матовыя, а простыя стекла.

— Куда вы! куда вы! — кричали имъ сторожившіе на вышкѣ жандармы, и одинъ изъ нихъ бросился вызывать военный караулъ.

Прибѣжали солдаты съ ружьями на перевѣсъ и перегородивъ прогулку моимъ, идущимъ толпою товарищамъ, оттѣснили ихъ обратно въ двери тюрьмы, откуда они, безъ сопротивленія, разошлись по своимъ камерамъ.

Я не могу здѣсь описать, съ какимъ волненіемъ смотрѣлъ я снерху изъ своего окна на эту сцену, опасаясь, что солдаты переколютъ ихъ штыками! Мы всѣ рѣшили продолжать начатое ими дѣло, каковы бы ни были результаты первыхъ попытокъ...

Но единственнымъ результатомъ было прекращеніе для насъ прогулокъ на весь этотъ день.

На слѣдующій день въ колесо вывели первыми заключенныхъ изъ моего коридора и въ томъ числѣ и меня. Солдаты съ ружьями были уже наготовѣ въ коридорѣ, и насъ демонстративно провели мимо нихъ, желая этимъ подавляюще подѣйствовать на наши нервы.

Несомнѣнно, что дѣйствіе было сильное, однако, чувство товарищества оказалось въ насъ еще сильнѣе. Хотя каждый изъ насъ вполнѣ понималъ, что въ случаѣ суровыхъ инструкцій, полученныхъ свыше послѣ экспромита въ предыдущій день, насъ не затруднятся поднять на штыки, но все же едва раздались три сигнальные удара по рѣшеткѣ одного изъ верхнихъ оконъ, гдѣ сидѣлъ нашъ сигнальщикъ, мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскарабкались вверхъ на рѣшетки своихъ клѣтокъ.

Это было не особенно легко, особенно въ первый разъ. Рядъ вертикальныхъ, тонкихъ столбовъ, составлявшихъ наши рѣшетки, былъ очень высокъ и скрѣплялся посрединѣ только двумя горизонтальными бревнами. Вскочивъ ногами на нижнее горизонтальное бревно, я ухватился руками за верхнее и подтянулъ себя на него руками... Но изъ него, какъ колья, высовывались концы вертикальныхъ палокъ и перелѣзть черезъ нихъ, не распоровъ своего живота, было трудно.

Вотъ почему я, какъ и всѣ остальные, выбралъ для перевала уголъ клѣтки, гдѣ я могъ сѣсть вверху на сплошной заборъ, раздѣлявшій мою „прогулку“ отъ сосѣдней. Взобравшись, наконецъ, на нее, я увидѣлъ сразу всѣхъ своихъ товарищей, тоже сидящихъ верхами на заборахъ, какъ и я, или еще лѣзущихъ на него. Сторожившіе насъ на центральной башнѣ два жандармскихъ унтеръ-офицера пронзительно засвистали въ приготовленные у нихъ полицейскіе свистки, и изъ дверей тюрьмы къ намъ выбѣжалъ взводъ солдатъ съ ружьями.

Чтобы не быть застигнутыми на заборахъ, мы, какъ можно быстрѣе, окончили начатое нами, и, благодаря своей поспѣшности, почти всѣ получили ссадины на рукахъ и колѣнахъ, а мой сосѣдъ по клѣткѣ даже и совсѣмъ упалъ на землю. Я подбѣжалъ его поднять, другіе товарищи присоединились къ намъ, и мы, хромая, пошли кругомъ нашего колеса къ перегородившимъ намъ дорогу солдатамъ, державшимъ штыки прямо противъ насъ.

— Нельзя!—крикнулъ унтеръ-офицеръ, весь блѣдный.—Прикажу колоть! Идите домой!

Мы молчо повернулись передъ ними и пошли въ свои камеры, говоря другъ другу придуманныя заранѣе на этотъ случай шутки и смѣясь имъ заранѣе приготовленнымъ веселымъ смѣхомъ. И я тоже шутилъ всю дорогу до своей камеры, хотя въ душѣ и было очень тревожно.

— Что теперь будетъ?—думалъ я.—Поведутъ ли на прогулку новыхъ? Или и теперь насъ оставятъ безъ прогулки на весь день, какъ вчера?

Я влѣзъ на вдѣланную подъ окномъ моей камеры желѣзную раковину умывальника, съ которой мнѣ только и можно было видѣть черезъ окно, помѣщенное у самаго потолка, почти все колесо нашей прогулки. Вотъ ввели въ его клѣтки одного изъ товарищей, вотъ другого, вотъ третьяго... Колесо вновь было полно, а солдаты вновь были уведены со двора въ корридоръ, чтобы пропустить мимо нихъ и эту партію. Изъ нашего „клуба“, который, понятно, былъ открытъ въ этотъ день съ самаго утра, какъ и всѣ другіе, чтобы сейчасъ же сообщать товарищамъ, что случилось съ каждымъ, мнѣ крикнули:

— Давай сигналъ!

Я протянулъ руку къ рѣшеткѣ черезъ верхнюю часть желѣзной рамы, открывавшейся, какъ форточка, и далъ три условные удара. Въ тотъ же мигъ въ колесѣ повторилась вся сцена, которую нѣсколько минутъ продѣлывали мы сами. Всѣ выскочили изъ него на дворъ и пошли кругомъ. Вызванные свистками солдаты вновь оттѣснили ихъ въ коридоръ, и, соскочивъ съ окна и приложивъ ухо къ краю своей двери, я слышалъ, какъ и они, тоже

смѣясь для соблюденія внѣшности, расходились по своимъ камерамъ.

Прогулки были снова прекращены. На долго ли? Что-то будетъ? Мы рѣшили весь день до вечера не закрывать своихъ граммофоновъ, чтобъ сообщать сейчасъ же обо всемъ, что произойдетъ.

Прошло два часа и ничего не было.

Потомъ въ коридорѣ раздались звуки отпираемыхъ дверей.

— Начальство ходитъ по камерамъ!—предупредилъ меня одинъ изъ товарищей.

Съ замираніемъ сердца я ждалъ своей очереди и приготовился отвѣчать спокойно и твердо. Я хотѣлъ сказать, что двухлѣтняя полная изолированность и безмолвіе уже снели съ ума многихъ моихъ товарищей по заключенію и почти одно спасеніе для нихъ отъ окончательной гибели—это возможность говорить по временамъ, и потому я, хотя и не желаю дѣлать непріятностей начальству, буду скакать черезъ рѣшетки каждый разъ, какъ меня выведутъ.

Однако, къ удивленію, мою дверь обошли. Подходя къ ней, начальствующія лица остановились, что-то поговорили обо мнѣ другъ съ другомъ и пошли далѣе, къ слѣдующему сосѣду.

Я подбѣжалъ къ своему граммофону и сказалъ въ него:

— Сейчасъ прошли мимо моей двери! Поговорили за нею и не зашли!

— Почему?

— Не знаю!

Начальство, тѣмъ временемъ, поднялось въ верхнюю галлерею и зашло къ нашему „соклубнику“ Грачевскому, который тотчасъ же при входѣ прикрылъ для приличія крышкой свой граммофонъ, и мы слышали только гулъ голосовъ въ его камерѣ, не будучи въ состояніи что-либо разобрать.

Но вотъ хлопнула дверь его камеры, загремѣли ея запоры и черезъ минуту звякнула крышка его граммофона.

— Всѣ тутъ?—долетѣлъ до насъ его первый прерывающійся голосъ.

— Всѣ,—отвѣчали мы.

— Ну и была же баня!—сказалъ онъ, переводя дыханіе отъ сдерживаемаго волненія.

— Что такое?

— Я имъ отвѣтилъ, какъ мы всѣ сговорились. А они заявили, что если такъ, то съ завтрашняго дня имъ приказано пустить въ ходъ и штыки, и карцеры...

— Что же намъ дѣлать?—тревожно спросилъ одинъ.

— Тѣмъ, кто стоялъ за прыганье, надо по прежнему прыгать,—заявилъ Орловъ.—А тѣмъ, которые присоединились только для того, чтобъ поддержать товарищей, лучше всего совсѣмъ не выходить.

И вотъ, когда на слѣдующій день я и мои товарищи по коридору первыми пошли на прогулку, мы тотчасъ всѣ перескочили и съ волненіемъ пошли кругомъ колеса, ожидая выбѣга солдатъ намъ навстрѣчу, колотья штыками и карцеровъ. *Но никто не выбѣгалъ.*

Жандармы на вышкѣ не свистали въ свои свистки и не бѣжали въ коридоръ за солдатами. Намъ предоставили гулять вмѣстѣ по двору ввѣ клѣтокъ положенное число минутъ, а затѣмъ увели и заперли по камерамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а въ клѣтки внели новую партію, которая сдѣлала то же самое.

— Побѣда!—провозгласилъ Павелъ Орловъ въ нашемъ клубѣ.

— Но почему же они все-таки запираютъ въ клѣткахъ каждую новую партію?

— А это для гимнастики! — пошутилъ Орловъ,— чтобы пріучить насъ хорошо скакать черезъ заборы на случай, если захотимъ бѣжать при отправкѣ насъ въ Сибирь по этапамъ.

И мы дѣйствительно скакали ежедневно недѣли двѣ или три и, въ концѣ-концовъ, даже научились это дѣлать съ большимъ изяществомъ, устраивая наверху всякіе гимнастическіе фокусы. Однако, нашимъ разводящимъ это, наконецъ, надоѣло, и, выводя каждаго изъ насъ по одиночкѣ на дворъ, они перестали запирать насъ въ клѣтки, предоставляя уходить черезъ двери. Гимнастика кончилась. А потомъ насъ стали выпускать и прямо на дворъ, чтобъ не утомлять ноги провожающихъ насъ тюремщиковъ напраснымъ хожденіемъ.

Прошла весна, и за ней все лѣто, и наступила осень, не принеся въ нашу жизнь никакихъ перемѣнъ.

* * *

...Я не могу припомнить за этотъ годъ никакихъ другихъ особыхъ событій въ нашей жизни, на которыхъ стоило бы остановить вниманіе читателя, за исключеніемъ одного, которое меня до сихъ поръ очень трогаетъ. Наступала столѣтняя годовщина возникновенія великой заатлантической республики. Тамъ, далеко за океаномъ, готовились торжественно праздновать первый день гражданской свободы Новаго Свѣта.

Иллюстрированные американскіе журналы, которые мы получали контрабандой, были полны приближающимся торжествомъ, и республи-

канскія партіи другихъ странъ посылали за океанъ свои привѣтствія.

Неужели въ Россіи никто не откликнется на это міровое торжество?— думалось мнѣ и моимъ друзьямъ. Если на волѣ никто не хочетъ или не смѣетъ, то откликнемся мы здѣсь, въ заточеніи!

И мы откликнулись...

Узнали ли объ этомъ тогда наши американскіе друзья? Я думаю, что никто не сообщилъ имъ о нашемъ привѣтѣ въ то время, потому что мы не могли телеграфировать о немъ сами, а наши друзья боялись, чтобы не повредить намъ. Такъ сообщу же я о немъ теперь, хоть и съ запозданіемъ на тридцать слишкомъ лѣтъ!

Да! Такъ долго идутъ извѣстія изъ нашихъ политическихъ тюремъ! Съ луны и на луну — это было бы много скорѣе!

Желая чѣмъ-нибудь проявить наше сочувствіе къ великой республикѣ, мы заказали, черезъ начальство, купить намъ двѣсти большихъ листовъ синей бумаги, объяснивъ, что это нужно для выклеиванья коробочекъ, какъ камернаго ремесла. И когда намъ доставили эту бумагу, мы раздѣлили ее между собою, вырѣзали изъ обыкновенной писчей бумаги бѣлыя звѣзды и, наклеивъ ихъ на синіе листы, сдѣлали себѣ такимъ образомъ по американскому звѣздному знамени.

И вотъ, когда наступилъ день американской свободы, изъ всѣхъ закованныхъ желѣзными рѣшетками оконъ огромной темницы русскихъ политическихъ узниковъ, изъ всѣхъ ихъ камеръ, расположенныхъ тѣсно, какъ пчелиные соты, заколыхались по вѣтру звѣздныя республиканскія знамена!

Когда я выглянулъ въ окно, вывѣсивъ свое знамя за его рѣшетку, мнѣ показалось, что наша тюрьма нарядилась, какъ на свадьбу — такъ это было красиво!

Но торжество наше, понятно, продолжалось не долго. Черезъ полчаса я услышалъ какъ одинъ за другимъ громыхаютъ замки нашихъ дверей и въ нихъ появляется начальство. Вотъ загремѣлъ и мой замокъ, и сердце мое невольно забилось. Что они сдѣлаютъ?

— Зачѣмъ вы вывѣсили? — сказалъ на этотъ разъ уже самъ начальникъ тюрьмы, въ сопровожденіи цѣлой свиты.

— Развѣ вы еще не знаете? — отвѣтилъ я. — Сегодня минуло сто лѣтъ американской свободы!

— Снимите! — сказалъ онъ, обращаясь къ служащему.

Тотъ влѣзъ на захваченный имъ съ собой табуретъ, сорвалъ съ желѣзной рѣшетки американское знамя, отдалъ его другому тюремщику, уже несущему на рукѣ кучу такихъ же знаменъ, сорванныхъ у моихъ предшественниковъ, и вся свита, вѣжливо раскланявшись, удалилась.

Итакъ, мое звѣздное знамя было сорвано администраціей. Выглянувъ въ окно, я увидалъ, какъ постепенно срывались съ рѣшетокъ и остальныя знамена, и тюремный дворъ принималъ мало-по-малу свой обычный видъ...

Но на моей душѣ было такъ хорошо!

Великая заатлантическая республика! — говорилъ во мнѣ торжествующій голосъ.— Вотъ и изъ Россіи посланъ тебѣ привѣтъ!“

Короленко о дуэли.

Нашумѣвшій инцидентъ депутата Керенскаго съ польскимъ коло поднялъ снова въ нашей печати вопросъ о дуэляхъ вообще и парламентскихъ въ частности. Изъ статей по этому поводу особенное вниманіе обращаетъ на себя статья Вл. Г. Короленко („Рус. Вѣд.“, № 157).

Г. Керенскій,— говоритъ авторъ,— въ одномъ случаѣ назвалъ образъ дѣйствій думской польской фракціи „измѣной своему народу“. Группа коллективно обидѣлась и возложила на одного изъ своихъ членовъ, г. Рачковскаго, порученіе вызвать г. Керенскаго къ барьеру. Г. Керенскій вызовъ отклонилъ. Тогда польская группа торжественно объявила, что Керенскій, „видимо, предпочитаетъ не нести никакой(?) отвѣтственности за свои слова и поступки, исключая себя тѣмъ самымъ изъ категоріи людей, признающихъ такую отвѣтственность необходимымъ условіемъ уваженія къ своему достоинству“. Г-ну Керенскому выразили полное сочувствіе не только члены его фракціи, но и вся думская оппозиція и, кажется, можно сказать, все передовое русское общество.

Мнѣ хочется высказать нѣсколько мыслей о той глубокой разницѣ во взглядахъ на достоинство общественнаго поведенія, которая такъ рѣзко обозначилась въ данномъ эпизодѣ между большинствомъ польскихъ депутатовъ и представителями демократической Россіи.

Формула кола явно не точна: г. Керенскій если и „отказался отъ отвѣтственности“, то только въ той дуэльной формѣ, которую сочло для себя удобнымъ коло. Но онъ въ свою очередь предлагалъ судъ чести, считая, что при этой формѣ состязанія моральная отвѣтственность обѣихъ сторонъ могла бы выясниться лучше и осуществиться полнѣе. Коло отклони-

по эту форму. Такимъ образомъ, г. Керенскій и его группа могли бы тоже объявить своихъ противниковъ уклоняющимися отъ отвѣтственности за свои слова и дѣйствія...

Что собственно коло стремилось доказать посредствомъ своего рыцарскаго жеста?

Надо думать, что, уполномочивая г. Рачковскаго кинуть г. Керенскому вызовъ,—оно принимало въ соображеніе его „дуэлеспособность“, въ томъ числѣ и физическую. Мы охотно допускаемъ, что паладинъ кола отлично владѣетъ всякаго рода оружіемъ—шпагой, рапирой, пистолетомъ. Готовы допустить далѣе, что членъ трудовой фракціи гораздо менѣе способенъ къ такого рода отвѣтственности aguata mani. Если и ошибаюсь,—прошу у г. Керенскаго прощенія, но, вѣроятно, я не ошибаюсь. Въ средѣ русской интеллигенціи изъ всѣхъ видовъ спорта наименѣе въ ходу тотъ, который развиваетъ рѣжущія и колющія движенія. И въ этомъ мы, представители русской интеллигенціи (не военной, разумѣется), не видимъ никакого умаленія своего достоинства. Мы готовы впередъ признать, что члены польскаго кола вообще, а г. Рачковскій въ особенности гораздо отчетливѣе и съ большимъ блескомъ продѣлываютъ и moulinés, и выпады, и терціи, чѣмъ скромный представитель трудовой группы. И если бы этимъ способомъ можно было доказать, что тотъ или другой образъ дѣйствій въ Думѣ согласенъ съ интересами народа, то дѣло не одной трудовой фракціи и не въ одномъ этомъ случаѣ можно бы считать впередъ проигранымъ. „Но крайней мѣрѣ впредь до успѣшнаго обученія русскихъ депутатовъ фехтованію“.

Дѣло въ томъ, что полемическая непригодность этой аргументаціи ясна до такой степени, что ее стыдно доказывать. Навѣрно, даже и члены кола не станутъ спорить, что въ этомъ случаѣ аргументы лежатъ въ одной плоскости, а искомый выводъ въ другой. Польское коло могло бы самымъ очевиднымъ образомъ измѣнить своему народу,—чего я въ данномъ случаѣ отнюдь, конечно, не предрѣшаю,—и все же г. Рачковскій могъ бы проткнуть г. Керенскаго рапирой такъ же мастерски, какъ будто его группа никогда родинѣ не измѣняла... Что же доказала бы фехтовальная ловкость г. Рачковскаго?

Вообще въ наше время и въ нашемъ отечествѣ,—за исключеніемъ очень ограниченныхъ круговъ,—аргументація жестами не пользуется никакимъ почетомъ. Мы, простые штатскіе русскіе люди, въ послѣдніе годы слишкомъ часто видимъ иллюстраціи „хорошаго владѣнія оружіемъ“ со стороны нѣкоторыхъ своихъ пооружейныхъ соотечественниковъ, чтобы собственно въ этомъ умѣніи видѣть признаки достоинства или правильныя понятія о чести. У насъ нѣтъ поэтому причинъ переоцѣнивать моральное значеніе этого искусства и въ томъ случаѣ, когда намъ хотятъ его иллюстрировать гг. члены „кола“...

Можетъ-быть, намъ скажутъ, что есть въ этомъ дѣлѣ своего рода моральная сторона. Конечно, шпагой я не докажу прямо, что я не измѣнялъ родинѣ. Но я могу доказать, что я — человѣкъ мужественный, а мой противникъ—трусъ. Мужественный человѣкъ *едва ли* способенъ измѣнить отечеству. Трусъ, *вѣроятно*, способенъ на клевету.

Но и это аргументація чрезвычайно убогая. Во-первыхъ,—всегда ли мужество въ вызовѣ и трусость въ отказѣ отъ дуэли? Въ старыя времена рыцари кидали другъ другу желѣзныя перчатки. И когда такая внушительная рукавица со звономъ и грохотомъ падала на полъ,—это производило внушительное впечатлѣніе. Въ этомъ уже слышался топотъ боевыхъ коней, тяжелый лязгъ оружія и чья-нибудь вѣрная смерть. Теперь дуэли такія же лайковыя, какъ и перчатки. Красивыя описанія единоборства à outrance у Вальтеръ-Скотта или Сенкевича—только археологія. Шаржъ Марка Твэна, описывающаго уморительными чертами французскія парламентскія дуэли, гораздо правдивѣе рисуетъ современное положеніе этого дѣла. Мы, русскіе, вообще мало чувствуемъ эту бутафорскую „красоту“. Въ лучшихъ описаніяхъ нашихъ турнирныхъ единоборствъ пускаются въ ходъ кулаки („Купецъ Калашниковъ“ Лермонтова) или оглобля („Князь Серебряный“ А. К. Толстого). Но особенно ярко нашъ національный взглядъ на дуэли выраженъ въ словахъ пушкинской капитанши: „Пшь, чего выдумали, грѣховодники,—ушли за сарай и давай другъ друга шпажонками тыкать“. А затѣмъ почтенная командирша сажаетъ обоихъ дуэлянтовъ подъ замокъ, какъ провинившихся школьниковъ.

Такова ужъ наша національная черта. У насъ не было „рыцарства“ въ феодальномъ смыслѣ этого слова. У поляковъ оно было. Можетъ быть, это хорошо, можетъ быть, плохо. А можетъ, есть въ этомъ и хорошее и плохое. И если историческое отсутствіе рыцарства сказалось какими-нибудь минусами на нашемъ національномъ характерѣ, то есть и плюсы. Мы не любимъ въ серьезныхъ вопросахъ бутафоріи и эффектовъ. Наше отношеніе къ вопросамъ совѣсти и чести проще, прямѣе и демократичнѣе.

Былъ въ исторіи нашей журналистики такой случай. Г-нъ К., дворянинъ и чиновникъ,

котораго печать обвиняла въ злоупотребленіяхъ властью, стоялъ въ грозной позѣ противъ редактора, требуя отказа отъ обвиненій или же дуэли.

Въ качествѣ аргумента онъ навелъ на журналиста заряженный револьверъ. Журналистъ отвѣтилъ, что опровергать обвиненія нужно фактами и логическими доказательствами, а не стрѣльбой, и даже не измѣнилъ подъ дуломъ револьвера своей простой и совсѣмъ не эффектной позы за редакціоннымъ столомъ... „Рыцарь“ выстрѣлилъ и ранилъ журналиста. Могъ бы убить, но, конечно, этимъ не доказалъ бы своей правоты. А впослѣдствіи прозаическое разслѣдованіе доказало, что злоупотребленія властью несомнѣнно были... И хотя этотъ журналистъ былъ г. Меньшиковъ, и хотя между этимъ эпизодомъ въ редакціи „Недѣли“ и настоящей дѣятельностью г-на Меньшикова легла цѣлая пропасть, но все же это не мѣшаетъ намъ признать въ его отказѣ отъ дуэли больше достоинства и даже просто физическаго мужества, чѣмъ въ дуэльномъ „рыцарствѣ“ его противника.

Я не сомнѣваюсь, что такого мужества и теперь найдется достаточно въ средѣ русскихъ журналистовъ. И если мы дѣйствительно боимся чего-нибудь въ этихъ дуэльныхъ случаяхъ, то это боязнь совсѣмъ не физическая. Сказать правду, мы опасаемся только стать смѣшными въ глазахъ просвѣщенной части русскаго общества, мнѣніемъ которой привыкли дорожить. Мы просто боимся участвовать въ фарсѣ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ что-нибудь комичнѣе этихъ современныхъ дуэлей, какъ онѣ происходятъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Узнаютъ репортерты. Потомъ полиція. Нанимаются автомобили и происходитъ довольно занимательная игра въ прятки. Дуэлянты пріѣзжаютъ на мѣсто, а тамъ ихъ ждутъ репортеры съ аппаратами и полицейскіе съ протоколами. Представленіе отсрочивается, гонка продолжается. Газеты сообщаютъ ея подробности почти такъ, какъ пишутся отчеты о бѣгахъ. И, наконецъ, при нѣкоторой ловкости шоферовъ и изобрѣтательности распорядителей находится укромное мѣстечко, гдѣ можно безъ помѣхи выпалить въ воздухъ или промахнуться. Послѣ чего „смертельные враги“ эффектно протягиваютъ другъ другу руки, а секунданты радостно констатируютъ, что достоинство возстановлено. Какъ-будто эта жалкая буффонада способна разрѣшить существо спора или внушить участникамъ взаимное уваженіе, котораго до нея не было!..

А если при этомъ изрѣдка прольется кровь, угаснетъ та или другая жизнь, то и это въ нашихъ глазахъ не мѣняетъ дѣла. Кровь двухъ нашихъ величайшихъ поэтовъ, пролитая на дуэльной аренѣ, еще болѣе укрѣпляетъ отвращеніе къ жалкому пережитку чуждыхъ намъ нравовъ.

Наконецъ, о какомъ мужествѣ идетъ рѣчь? То мужество, ареной котораго является трибуна парламента, не имѣетъ ничего общаго съ мужествомъ гг. дуэлянтовъ! Думаю, что не одни мы видимъ истинное достоинство народнаго представителя въ ясности взгляда, опредѣляющаго не прицѣлъ пистолета, а интересы народа—въ смѣлости мнѣнія, въ прямотѣ рѣчи и поступковъ; противнику должно быть страшно его идейное оружіе; союзникъ можетъ положиться на его слово, какъ на каменную гору. Наконецъ, каждый шагъ онъ долженъ дѣлать открыто, готовый дать отчетъ передъ избравшимъ его обществомъ и народомъ. Думаю, что по-польски слова „достоинство народнаго представителя“ имѣютъ совершенно то же значеніе, какъ и по-русски.

Изъ революціоннаго прошлаго.

Кропоткинъ. Лавровъ.

Одинъ изъ старыхъ нашихъ „бунтарей“ Левъ Дейчъ даетъ въ „Вѣст. Евр.“ (іюль) воспоминанія о русскихъ политическихъ эмигрантахъ 70-тыхъ годовъ. На первомъ планѣ здѣсь внушительная фигура П. А. Лаврова и кружокъ бакунистовъ во главѣ съ кн. П. А. Кропоткинымъ. Съ этимъ кружкомъ авторъ воспоминаній сошелся близко въ 1878 г., когда судьба его впервые закинула за границу, въ Женеву.

„Въ описываемое мною время,— вспоминаетъ Дейчъ,— Кропоткинъ всецѣло ушелъ въ пропаганду анархизма среди европейскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ въ романской Швейцаріи. Онъ редактировалъ тогда газету „L'Avantgarde“ и регулярно посѣщалъ засѣданія женевской секціи, происходившія разъ въ недѣлю въ одномъ и томъ же ресторанѣ.

Меня, какъ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ, несмотря на нашу, сравнительно съ Кропоткинымъ, молодость,— мнѣ тогда было 23 года, а ему лѣтъ 36 — 37,— довольно скоро сталъ удивлять пылъ, проявляемый имъ во время этихъ засѣданій. Намъ казалось совершенно непонятнымъ, какъ могли его, серьезнаго и занятаго учеными трудами человѣка, увлекать незначительные, большею частью, вопросы, во всѣ детали которыхъ онъ неизмѣнно вникалъ.

Получалось впечатлѣніе, будто зрѣлый человѣкъ принимаетъ горячее участіе въ развлеченіяхъ подростковъ.

Но несмотря на пламенность рѣчей Кропоткина и энтузіазмъ, съ какимъ онъ отстаивалъ свои планы будущаго благополучія при торжествѣ неограниченной ничѣмъ свободы, аудиторія, помню, не проявляла особеннаго восторга. Случалось даже, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ позволяли себѣ выражать сомнѣніе на счетъ осуществимости его проектовъ, а иной рѣшался даже вступить съ нимъ въ споръ. Мнѣ припоминается такой случай.

Однажды, когда Кропоткинъ особенно краснорѣчиво доказывалъ, что всякое „начальство вредно", такъ какъ „власть портитъ", одинъ рабочій — женевецъ, среднихъ лѣтъ,— спросилъ:— А какъ полагаете, товарищъ, на пароходѣ во время рейса будетъ капитанъ или другое какое-нибудь главное лицо, распоряженіямъ котораго всѣ обязаны подчиняться?

Вопросъ этотъ нисколько не смутилъ Кропоткина: онъ сталъ доказывать, что даже и на пароходѣ можно будетъ обходиться безъ „начальника", такъ какъ среди пассажировъ всегда найдется „добровольцъ", умѣющій управлять пароходомъ; такое лицо возьметъ на себя обязанности капитана, но безъ его власти надъ остальными, и всѣ охотно будутъ слѣдовать его „совѣтамъ" и „указаніямъ", а не „требованіямъ", подъ угрозой разныхъ наказаній.

— Спасибо,— воскликнулъ тотъ же рабочій,— я на такомъ пароходѣ не поѣхалъ бы; мнѣ жизнь еще не надоѣла.

Взрывъ одобрительнаго смѣха покрылъ его слова. Не помню, какъ на это реагировалъ Петръ Алексѣевичъ,— кажется, онъ также добродушно смѣялся, но, конечно, остался при своемъ убѣжденіи, что „всюду и вездѣ можно обойтись безъ начальства, даже выборнаго".

Много мѣста въ своихъ рѣчахъ Кропоткинъ удѣлялъ также изобличеніямъ порочности и преступности господствующихъ классовъ, и, наоборотъ, онъ всегда превозносилъ присущія трудящимся массамъ добродѣтели. Впечатлѣнія рѣчей Кропоткина на насъ, русскихъ эмигрантовъ, въ своеобразной формѣ выразилъ наборщикъ Лейзеръ Цукерманъ, почти одновременно со мною прибывшій въ Женеву.

Когда, однажды, насъ нѣсколько человѣкъ возвращались съ собранія, Цукерманъ, отличавшійся большимъ остроуміемъ, вдругъ заявилъ серьезнымъ тономъ:

— На слѣдующемъ засѣданіи секціи я попрошу слова.

— Но вы вѣдь не говорите по-французски?— удивился кто-то изъ насъ.

— Чтобы произнести рѣчь въ нашей секціи, вовсе не нужно владѣть французскимъ языкомъ, и моихъ знаній для этого вполнѣ достаточно,— отвѣтилъ онъ.

— Что же вы хотите сказать?— заинтересовались мы.

— Я скажу: compagnons! Les bourgeois — fi, fi, fi! Mais les prolétaires — o! o! o! Всѣ меня поймутъ и похлопаютъ.

Но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я совершенно пересталъ посѣщать засѣданія женевской секціи".

Кропоткинъ, вообще очень ладившій съ другими членами кружка, группировавшагося вокругъ ежемѣсячника „Община", въ одномъ расходился съ своими товарищами-бакунистами: онъ фанатически-враждебно относился къ Марксу и его „Капиталу", тогда какъ остальные находились подъ косвеннымъ — а кто и подъ прямымъ — вліяніемъ марксизма.

„Даже наиболѣе изъ всѣхъ членовъ редакціи „Общины" преданный Бакунину, Жуковскій — и тотъ не разъ внушалъ намъ, молодымъ „бунтарямъ", что, несмотря на всѣ несправедливости, совершенныя Марксомъ по отношенію Бакунина [1]), все же слѣдуетъ высоко чтить его заслуги и изучать его „Капиталъ". Это, однако, не мѣшало самому Жуковскому довольствоваться лишь самымъ поверхностнымъ знакомствомъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ съ произведеніемъ Маркса, которое онъ называлъ не книгой, а „кирпичемъ". Во всѣхъ бесѣдахъ о Марксѣ Жуковскій любилъ повторять, какъ самъ Бакунинъ совѣтовалъ преклоняться передъ авторомъ „Капитала".— Гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣтили Маркса,— говорилъ намъ Бакунинъ,— отвѣсьте ему низкій, низкій поклонъ.

— И вотъ,— сообщилъ намъ однажды Жуковскій,— будучи на Ривьерѣ, я завернулъ въ Монте-Карло. Захожу въ казино, гдѣ играютъ въ рулетку, смотрю: Марксъ стоитъ у одного изъ столбовъ и смотритъ на игру,— это было незадолго до его смерти, и врачи отправили его на Ривьеру. Я подошелъ къ нему и, отвѣсивъ низкій поклонъ, назвалъ себя по фамиліи. Онъ тотчасъ вспомнилъ меня по интернаціоналу. Говорю: „учитель, мы всѣ, хотя и бакунисты, глубоко намъ признательны за вашъ „Капиталъ". А вы его читали?— спросилъ онъ. Нѣтъ, учитель!— отвѣтилъ я.

[1]) Напримѣръ, по настоянію Маркса и Энгельса, Бакунинъ въ 1872 г. исключенъ былъ изъ интернаціонала.

Лицо Маркса приняло суровое выраженіе.— „Эту книгу нельзя читать“,— сказалъ я. Марксъ сталъ еще мрачнѣе. „Ее надо изучать!“— заключилъ я. Марксъ просіялъ. И затѣмъ мы долго съ нимъ бесѣдовали, прохаживаясь по казино.

Впослѣдствіи эта встрѣча съ Марксомъ послужила для находчиваго Жуковскаго неисчерпаемымъ источникомъ всякаго рода разсказовъ, иллюстрацій, доводовъ „за“ и „противъ“ тѣхъ или иныхъ взглядовъ. Когда уже послѣ смерти Маркса была основана нами, нѣсколькими его послѣдователями, первая русская группа марксистовъ, задавшаяся цѣлью распространять его воззрѣнія среди нашихъ соотечественниковъ, Жуковскій, какъ ярый бакунистъ, былъ, конечно, противъ насъ. На помощь себѣ онъ взялъ самого Маркса, который, будто бы, во время все той же знаменитой бесѣды съ нимъ въ Монте-Карло, сказалъ ему, что „его идеи въ Россіи не примѣнимы“ и что мы, русскіе его приверженцы, неправильно ихъ комментируемъ“.

Въ теченіе довольно долгаго времени нельзя было въ присутствіи Жуковскаго заикнуться о чемъ-либо имѣвшемъ отношеніе къ марксизму, чтобы онъ тотчасъ не вставилъ: А вотъ Марксъ, когда мы съ нимъ встрѣтились въ Монте-Карло, сказалъ мнѣ и т. д.

Когда однажды въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ Жуковскій повторилъ: „а вотъ Марксъ мнѣ сказалъ...“, Г. В. Плехановъ его остановилъ: Знаете, Николай Ивановичъ, что Марксъ потомъ разсказывалъ своимъ близкимъ по поводу бесѣды съ вами въ Монте-Карло? А что?— спросилъ онъ. Марксъ сказалъ: „ну, и навралъ же я Жуковскому по поводу русскихъ монхъ послѣдователей, а онъ, поди, теперь повсюду распространяетъ это“.

— Кому же онъ это сказалъ?— съ изумленіемъ спросилъ Жуковскій.

— Своему зятю, Лафаргу,— не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Плехановъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени Жуковскій не находилъ отвѣта; затѣмъ, покачавъ головой, онъ сказалъ съ укоромъ:

— Скверный у васъ характеръ, Георгій Валентиновичъ!

Съ этихъ поръ Николай Ивановичъ пересталъ ссылаться на свою бесѣду съ Марксомъ и, такимъ образомъ, лишился самаго, казалось, неуязвимаго аргумента противъ русскихъ марксистовъ“.

Съ Лавровымъ Дейчъ познакомился въ 1880 г. въ Парижѣ, когда онъ снова, послѣ полугодового пребыванія въ Россіи, попалъ за границу.

„Стояла необычайно суровая зима: Сена замерзла, что случается раза два въ столѣтіе. Непривыкшіе къ такимъ холодамъ парижане умирали массами на улицахъ и въ домахъ, совершенно неприспособленныхъ къ морозамъ.

Поселившись въ Латинскомъ кварталѣ, я, въ первый же день по пріѣздѣ, отправился передъ вечеромъ, вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ эмигрантомъ, обѣдать въ дешевый ресторанъ: „Douze marmites“ (двѣнадцать горшковъ), въ которомъ столовались многіе русскіе изгнанники. Не доходя немного до него, я увидѣлъ на противоположной сторонѣ улицы высокаго, хорошо сложеннаго старика, лѣтъ 60-ти на видъ, въ довольно поношенномъ и не очень тепломъ пальто.

— Это Петръ Лавровичъ,— сказалъ сопровождавшій меня эмигрантъ.— Онъ тоже обѣдаетъ въ „Douze marmites“ и ѣсть всего одно блюдо.

— Какъ онъ легко одѣтъ въ такой холодъ!— невольно вырвалось у меня.

— О, онъ очень выносливъ!— отвѣтилъ мой знакомый.— Петръ Лавровичъ ведетъ очень скромный и регулярный образъ жизни и помогаетъ каждому, обращающемуся къ нему съ просьбой.

— Развѣ онъ располагаетъ матеріальными средствами?— удивился я.

— Нисколько!— воскликнулъ мой собесѣдникъ.— Онъ живетъ исключительно литературнымъ трудомъ, и заработки его очень ограниченны. Но Петръ Лавровичъ обрѣзываетъ себя во всемъ, кромѣ книгъ; къ тому же онъ всегда умѣетъ доставать средства для нуждающагося въ матеріальвой поддержкѣ у зажиточныхъ своихъ знакомыхъ“.

Когда вскорѣ затѣмъ арестованъ былъ въ Парижѣ русскими агентами Левъ Гартманъ (см. „Бюл.“ № 19), очевидцы его ареста, Дейчъ и Преферанскій, бросились къ Лаврову, возлагая надежды на французскія связи стараго эмигранта.

— Это большая непріятность, которая можетъ очень худо окончиться!— сказалъ Петръ Лавровичъ, выслушавъ нашъ разсказъ.— У меня имѣется знакомый полицейскій, членъ общества позитивистовъ, и немедленно къ нему отправлюсь и узнаю, въ чемъ дѣло.

Лавровъ назвалъ фамилію этого позитивиста-полицейскаго, но я ее теперь не помню.

Закрывъ книгу, которую онъ читалъ предъ нашимъ приходомъ, Петръ Лавровичъ быстро собрался. Помню при этомъ такой курьезъ. Надѣвъ на себя довольно-таки поношенный черный сюртукъ и повернувшись къ намъ спиной, онъ спросилъ, не видно ли, что штаны его

сзади прорваны? Несмотря на далеко не веселое наше настроеніе, мы съ Префераискимъ въ этотъ моментъ не могли удержаться отъ смѣха.

— А вы лучше, Петръ Лавровичъ, перемѣните брюки,— предложилъ я.— А то можетъ случиться, что фалды сюртука растопырятся.

— Вотъ въ томъ-то и суть, что у меня другихъ брюкъ нѣтъ!— признался онъ.

Бывшій полковникъ, профессоръ и ученый съ европейскимъ именемъ имѣлъ лишь одни, да и то прорванныя брюки...

Мы съ Префераискимъ принялись приглаживать фалды его сюртука такъ, что бы онѣ въ критическій моментъ не выдали крупныхъ изъяновъ, имѣвшихся на штанахъ. Затѣмъ, осмотрѣвъ Петра Лавровича со всѣхъ сторонъ и успокоивъ его на счетъ его костюма, мы всѣ вмѣстѣ отправились на розыски нужнаго Лаврову человѣка".

Познакомившись съ Лавровымъ поближе, Л. Дейчъ захотѣлъ узнать, „какъ чувствуетъ себя этотъ хорошій, но совершенно одинокій старикъ, у котораго, судя по его же словамъ, не было тогда за границей ни одного сколько-нибудь близкаго человѣка. Не помню, въ какое мое посѣщеніе, я рѣшился спросить его объ этомъ. Какъ бы обрадовавшись моему вопросу, Петръ Лавровичъ воскликнулъ:

— Тяжело, тоскливо, непріятно чувствую себя! Временами особенно невыносимо мнѣ жить такъ, какъ теперь приходится. Нерѣдко въ такія минуты мнѣ вспоминается такая же, какъ моя, одинокая и полная лишеній старость Огарева. Не разъ уже представлялъ я себѣ, что вотъ ночью расхвораюсь и даже не смогу открыть дверь консьержкѣ, когда она придетъ утромъ съ почтой.

Въ тотъ вечеръ, помню, я ушелъ отъ Петра Лавровича въ очень грустномъ настроеніи. Но опасенія его относительно смерти въ одиночествѣ не оправдались: онъ умеръ, окруженный друзьями и близкими".

Младшій Дегаевъ.

Л. Дейчъ выступилъ также — въ заграничной печати — съ воспоминаніями объ одномъ изъ братьевъ Дегаевыхъ. Благодаря нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, и въ русской и въ американской прессѣ недавно прозвучали отголоски дегаевщины, и къ прежде извѣстнымъ матеріаламъ о ней прибавились новыя данныя.

Бывшій охранникъ Л. Меньщиковъ, занявшійся по примѣру Бурцева разоблаченіемъ русской провокаціи, въ Нью-Іоркѣ напалъ, какъ ему казалось, на слѣдъ младшаго Дегаева — Владимира (старшій, Сергѣй, умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ). Подробности объ этомъ разсказываетъ нью-іоркскій корреспондентъ „Кіев. М." (№ 151). Вл. Дегаева г. Меньщиковъ заподозрѣлъ въ секретарѣ мѣстнаго русскаго консульства Полевомъ. Мѣстныя газеты даже обратились къ заподозрѣнному съ открытымъ запросомъ, но тотъ отказался отъ всякихъ объясненій. Догадка Л. Меньщикова такъ и остается догадкой, потому что ему ничѣмъ не удалось доказать тождественность Полевого съ В. Дегаевымъ. Въ связи съ этой исторіей и появился въ тамошнемъ журналѣ „Zukunft" очеркъ Льва Дейча — подъ заглавіемъ „Отецъ Азефа".

Въ 1881 году, проживая въ Женевѣ, Дейчъ какъ-то получилъ отъ одного изъ членовъ исполнительнаго комитета „Народной Воли" письмо, въ которомъ тотъ, извѣщая о скоромъ пріѣздѣ въ Женеву одного молодого человѣка, просилъ его помочь этому человѣку устроиться и предлагалъ ему быть при этомъ очень осторожнымъ по многимъ важнымъ причинамъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ самый молодой человѣкъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Женеву. На Дейча онъ произвелъ впечатлѣніе мальчика лѣтъ 16—17.

Хотя этотъ мальчикъ держался очень конспиративно и вообще показался симпатичнымъ юношей, но Дейчъ все же недоумѣвалъ и терялся въ догадкахъ: какую это важную миссію исполнительный комитетъ могъ поручить подростку? Выпытывать онъ, конечно, не сталъ, но когда мальчикъ освоился съ Дейчемъ, онъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ ему, что его зовутъ Володей Дегаевымъ, и что исполнительный комитетъ намѣренъ сдѣлать изъ него ни много, ни мало — замѣстителя Клѣточникова (служилъ, какъ извѣстно, въ III отдѣленіи и выдавалъ охранныя тайны).

Дейчъ сначала принялъ это за шутку, но онъ пересталъ смѣяться и, наоборотъ, пришелъ въ ужасъ, когда Володя разсказалъ ему слѣдующее.

Однажды, когда ему было всего 18 лѣтъ, его арестовали съ какой-то прокламаціей. Черезъ нѣсколько времени Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ и предложилъ ему „работать на пользу отечеству", „удерживая революціонеровъ отъ террора". Володя обѣщалъ „подумать" и былъ освобожденъ. Придя домой, онъ разсказалъ о предложеніи Судейкина брату Сергѣю и представителю исполнительнаго комитета С. Златопольскому. Златопольскій принялъ предложеніе Судейкина за чистую монету и рѣшилъ его „одурачить". Онъ предложилъ

поэтому Володѣ согласиться для вида на предложеніе Судейкина съ тѣмъ, чтобы, войдя въ довѣріе „охраны“, узнать имена политическихъ шпіоновъ, а, главное, выслѣдить самого Судейкина и найти возможность убить его. Онъ поэтому научилъ Володю, какъ держаться съ Судейкинымъ,— и, когда Володя пришелъ къ послѣднему съ „положительнымъ отвѣтомъ“, хитрый жандармъ притворился, что вѣритъ мальчику и даже настолько „разоткровенничался“ съ Володей, что сообщилъ ему нѣкоторые „секреты“. Эта „откровенность“ привела въ восторгъ не только Володю, но и такого стараго, опытнаго человѣка, какъ Златопольскій, который уже началъ надѣяться, что ему удастся черезъ Володю поймать Судейкина въ ловушку.

Время, между тѣмъ, шло, а Володя ничего не узналъ. Наоборотъ, Судейкинъ донималъ его требованіями „фактическихъ сообщеній“, и для Златопольскаго, наконецъ, стало ясно, что онъ затѣялъ опасную игру, которая грозитъ роковыми послѣдствіями. Оказалось, что Судейкинъ пустилъ по слѣдамъ Володи шпіоновъ для того, чтобы открыть мѣстопребываніе исполнительнаго комитета. Какъ потомъ выяснилось, въ этомъ и состояла уловка Судейкина, уловка, которая ему блестяще удалась.

Златопольскій рѣшилъ поэтому покончить съ этой исторіей. Онъ предложилъ Володѣ сообщить Судейкину слѣдующее.

Такъ какъ онъ, Володя, не играетъ, молъ, никакой роли въ революціонной организаціи и поэтому не можетъ узнать въ ней ничего существеннаго, онъ хочетъ уѣхать за границу, тамъ научиться у русскихъ политическихъ эмигрантовъ дѣлать бомбы, а потомъ ему, по возвращеніи, не трудно будетъ занять среди революціонеровъ вѣрное положеніе и принести этимъ пользу охранѣ.

Судейкинъ притворился, что вѣритъ этимъ проектамъ, снабдилъ Володю паспортомъ и деньгами и отправилъ его за границу въ Женеву.

Когда Дейчъ узналъ отъ Володи всю эту исторію, онъ пришелъ въ ужасъ. Узнавши къ тому же, что Володя, по пути за границу, посѣтилъ членовъ исполнительнаго комитета въ Москвѣ, онъ понялъ, что единственною цѣлью затѣи Судейкина съ Володей было выслѣдить исполнительный комитетъ. Онъ немедленно написалъ объ этомъ въ Москву съ предупрежденіемъ принять мѣры предосторожности, но ему оттуда отвѣтили: „Вы еще не знаете обо всѣхъ глупостяхъ, совершонныхъ въ связи съ этой затѣей. Теперь уже нельзя помочь дѣлу“...

Исторія эта, впрочемъ, продолжалась недолго. Благодаря неопытности Володи, Судейкину удалось осуществить свою задачу, установить мѣстопребываніе „И. К.“ и переарестовать его членовъ. Въ февралѣ 1882-го года всѣ члены „Народной Воли“, за исключеніемъ Вѣры Фигнеръ, были арестованы. Многіе изъ нихъ были сосланы на каторгу, въ Шлиссельбургскую крѣпость и въ Сибирь, а нѣкоторые казнены...

Впечатлѣніе, произведенное на Володю извѣстіями объ этихъ арестахъ, было ужасно. Онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Россію для того, чтобы убить Судейкина. Но когда онъ пріѣхалъ въ Россію, это ему, конечно, не удалось. Болѣе того: Судейкинъ принялъ его очень холодно, сказалъ ему, что не нуждается болѣе въ его услугахъ и хочетъ поэтому „прекратить игру“, и посовѣтовалъ ему поступить вольноопредѣляющимся въ какой-нибудь провинціальный полкъ. Вл. Дегаевъ такъ и сдѣлалъ: онъ поступилъ на службу въ Саратовъ. Какъ Дейчу потомъ удалось узнать, онъ тамъ продолжалъ имѣть одновременно сношенія какъ съ революціонерами, такъ и съ „охраной“.

Съ тѣхъ поръ о Вл. Дегаевѣ ничего не было слышно. Убійство Судейкина выпало на долю старшаго — Дегаева—Сергѣя, который познакомился съ Судейкинымъ черезъ Владимира.

Самъ Владиміръ исчезъ съ горизонта и былъ открытъ лишь благодаря корреспонденціи въ „Новомъ Времени“, три года назадъ, подписанной псевдонимомъ „Fields“ („Полевой“), гдѣ сообщалось о смерти Сергѣя Дегаева въ Новой Зеландіи и о томъ, что онъ переслалъ свои рукописи Fields'у. Эта корреспонденція и навела Меньщикова на слѣдъ исчезнувшаго Вл. Дегаева.

Польскій масонъ В. Лукасинскій.

„Гол. Минувшаго“,— въ майской кн.,— пользуясь выходомъ (на польскомъ языкѣ) двухтомнаго труда краковскаго проф. Ашкеназы „Лукасинскій“, удѣляетъ вниманіе трагической судьбѣ этого шлиссельбургскаго узника — основателя и руководителя польскаго національнаго масонства.

Человѣкъ образованный и начитанный, проникнутый разумнымъ патріотизмомъ, дѣльный и добросовѣстный офицеръ, отличаемый в. кн. Константиномъ Павловичемъ, маіоръ Валеріанъ Лукасинскій долгое время чуждъ былъ всякой революціонной дѣятельности и совершенно

не участвовалъ въ тайныхъ организаціяхъ, предшествовавшихъ учрежденію Царства Польскаго. При учрежденіи въ 1819 г. національнаго масонства онъ, какъ ему казалось, шелъ лишь навстрѣчу первоначальнымъ замысламъ Александра I относительно Польши.

Однако Лукасинскому трудно было удержать въ организаціяхъ разумной предусмотрительности организацію, сосредоточивавшую въ себѣ много горячихъ, экспансивныхъ элементовъ, не удовлетворявшихся туманными національными цѣлями и стремившихся къ болѣе активной дѣятельности. Въ августѣ 1820 г. онъ формально закрываетъ свою организацію. Помимо сознанія внѣшней и внутренней опасности, угрожающей національному масонству, Лукасинскій стремился къ очищенію послѣдняго, къ изъятію изъ него сомнительныхъ элементовъ и къ ослабленію правительственной бдительности, онъ имѣлъ въ виду не прекращеніе дѣятельности національнаго масонства, а преобразованіе его въ болѣе независимую организацію. Такой организаціей и было возникшее въ слѣдующемъ 1821 г. „патріотическое общество“. Но оно развивалось при иныхъ, еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Къ этому времени уже окончательно опредѣлился поворотъ правительственной политики въ сторону реакціи и вполнѣ сформировалась усердная пособница этой реакціи — реорганизованная Новосильцовымъ тайная полиція.

Въ окт. 1822 г. Лукасинскій былъ арестованъ (по доносу) и затѣмъ осужденъ на девятилѣтнее заключеніе.

Вскорѣ послѣ его заключенія въ крѣпость Замость съ его вѣдома организованъ былъ среди тамошнихъ узниковъ заговоръ, направленный къ захвату крѣпости и бѣгству въ Галицію. Заговоръ этотъ не удался, а главные виновники его, Лукасинскій и Суминскій, были приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, которую в. кн. Конст. Павл. замѣнилъ удвоеніемъ срока заключенія и тѣлеснымъ наказаніемъ. 17 окт. 1825 г. Суминскій въ присутствіи Лукасинскаго получилъ 400 ударовъ. Въ тотъ же день Лукасинскій сдѣлалъ впервые подробное признаніе о патріотическомъ обществѣ, объ организаціи и развѣтвленіи его.

Такъ и осталось неизвѣстнымъ, чѣмъ былъ этотъ шагъ вызванъ,—инстинктомъ ли самосохраненія или безнадежностью отчаянія, — однако откровенное признаніе Лукасинскаго не облегчило ему участи. Изъ Замостя онъ былъ переведенъ въ Варшаву, изъ Варшавы въ Бобруйскъ, а оттуда въ Шлиссельбургъ. Жители Влодавы послѣдними видѣли его — веденнымъ по дорогѣ въ Бобруйскъ пѣшимъ, на веревкѣ, въ убогой сермягѣ, съ бородою по поясъ, подъ конной стражей съ обнаженными саблями. Заточенный въ Шлиссельбургѣ въ январѣ 1831 г. въ подземелье т. наз. секретнаго замка, Лукасинскій прожилъ въ полнѣйшей оторванности отъ міра и людей болѣе тридцати лѣтъ; согласно приказу свыше, онъ содержался „самымъ тайнымъ образомъ, такъ чтобы кромѣ коменданта никто не зналъ бы его имени и откуда онъ привезенъ“.

Съ теченіемъ времени пребываніе въ Шлиссельбургѣ загадочнаго узника стало непонятнымъ даже для лицъ, наиболѣе освѣдомленныхъ въ силу своего служебнаго положенія въ подобнаго рода вопросахъ. Такъ, когда въ маѣ 1850 г. управляющій III отдѣленіемъ собственной Его Импер. Величества канцеляріи обратился къ военному министру Чернышеву съ вопросомъ, въ чемъ состоитъ вина старика-поляка, содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости, Чернышевъ могъ только отвѣтить, что Лукасинскій содержится по личному приказу имп. Николая I.

Первое извѣстіе о Лукасинскомъ получено было отъ М. А. Бакунина, который въ 1854 г., во время своего заключенія въ Шлиссельбургѣ, случайно увидѣлъ Лукасинскаго, когда тотъ по болѣзни былъ выпущенъ изъ подземелья на прогулку.

„Однажды,—разсказывалъ позднѣе, уже на свободѣ, Бакунинъ, — когда насъ повели на воздухъ, меня поразила впереди видѣнная мною фигура старца съ длинной бородой, хотя и согбеннаго, но со слѣдами военной выправки. Его особо карауллилъ дежурный офицеръ, чтобы никто не могъ приблизиться къ нему. Старецъ этотъ шелъ медленнымъ, слабымъ, какъ бы мѣрнымъ шагомъ, ни на кого не глядя. Среди дежурныхъ офицеровъ былъ одинъ честный и сострадательный человѣкъ; онъ мнѣ довѣрилъ тайну, что этотъ узникъ—Лукасинскій. Съ этого времени я направилъ все свое усиліе на то, чтобы еще разъ увидѣть его и заговорить съ нимъ; благородный офицеръ облегчилъ мнѣ это. Спустя нѣсколько недѣль, во время дежурства этого офицера, Лукасинскій былъ выпущенъ подъ его надзоромъ; заранѣе условленнымъ способомъ я, незамѣтно для другихъ заключенныхъ, близко подошелъ къ нему и вполголоса произнесъ: „Лукасинскій“. Тотъ вздрогнулъ и повернулъ ко мнѣ свои наполовину померкшіе глаза. „Кто?“ спросилъ онъ. Я отвѣтилъ: „Узникъ съ этого года“. „Какой годъ?“ Я сказалъ. „Кто въ Польшѣ?“—„Николай“. „А Константинъ?“ — „Нѣтъ въ живыхъ“. „Что въ Польшѣ?—„Скоро будетъ хорошо“. Онъ

рѣзко повернулся, остановился, замѣтно было его учащенное дыханіе, огляпулся, и черезъ минуту опять сталъ ходить своимъ обычнымъ слабымъ и мѣрнымъ шагомъ, медленно съ опущенной головой. Когда снова наступила очередь дежурства этого офицера, первымъ моимъ вопросомъ былъ вопросъ о Лукасинскомъ. Офицеръ сказалъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней Лукасинскій былъ безпокоенъ, бредилъ; это приписывалось воздуху; затѣмъ онъ вернулся въ свое полусонное состояніе. Я спросилъ офицера, не можетъ ли онъ заговорить какъ-нибудь съ несчастнымъ, помочь ему въ чемъ-нибудь. Онъ отвѣтилъ, что въ камеру Лукасинскаго входятъ только втроемъ, иначе запрещено, поэтому ничего и никогда нельзя сдѣлать. Больше я не видалъ Лукасинскаго".

Лишь въ 1862 г. нѣсколько измѣнилось къ лучшему положеніе Лукасинскаго; въ этомъ году ему, уже 75-тилѣтнему старцу, разрѣшено было, вслѣдствіе ходатайства новаго шлиссельбургскаго коменданта ген.-м. Лепарскаго, перейти въ одну изъ палатъ расположеннаго въ нижнемъ этажѣ каземата и прогуливаться внутри крѣпости.

Здѣсь въ лучшемъ, болѣе свѣтломъ помѣщеніи, больной, плохо видѣвшій и плохо слышавшій Лукасинскій, занялся составленіемъ записокъ, заключающихъ въ себѣ и завѣщаніе его, и отрывочныя воспоминанія, и размышленія на политическія темы. Старческою дрожащею рукою онъ заносилъ на бумагу сохранившіяся въ его памяти свѣдѣнія изъ эпохи Великаго Герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго, затѣмъ переходилъ къ событіямъ, участникомъ которыхъ онъ уже не былъ и о которыхъ зналъ лишь по наслышкѣ или изъ доставляемыхъ ему въ послѣднее время русскихъ періодическихъ изданій, скорбѣлъ о несогласіи поляковъ во время возстанія 1830—31 гг., о мстительности Николая I, о бѣдствіяхъ, обрушившихся на поляковъ при Александрѣ II, сурово порицалъ публицистическую дѣятельность М. Н. Каткова, какъ направленную къ возбужденію ненависти къ полякамъ, и искалъ утѣшенія въ словахъ, въ которыхъ Наполеонъ формулировалъ передъ смерью свои убѣжденія: La force ne crée rien.

Но даже теперь, послѣ многолѣтняго заключенія, не было мѣста чувству озлобленія въ израненномъ сердцѣ этого зажиро погребеннаго человѣка. „Надѣясь вскорѣ предстать передъ престоломъ Всевышняго, — писалъ Лукасинскій,—я... просить буду не о карѣ, не объ отмщеніи и даже не о суровой справедливости, но лишь объ отеческомъ исправленіи виновныхъ, утѣшеніи и облегченіи страждущихъ, согласіи и мирѣ обоихъ народовъ и благословеніи на нихъ".

Записки Лукасинскаго заканчиваются слѣдующей характерной „молитвой", составленной имъ незадолго до смерти и ежедневно имъ произносимой: „Il y a quelque chose en haut qui dérange les desseins des mortels. Великій Боже! Ты подѣлилъ землю между народами и языками, дабы каждый народъ жилъ въ назначенномъ ему мѣстѣ и, оросивши при жизни родную землю своимъ потомъ, смѣшалъ съ нею послѣ смерти прахъ свой и придалъ ей плодородіе. По этой причинѣ кочевыя и даже дикія племена почитаютъ и любятъ землю, на которой они молились и возросли, на которой жили и умирали ихъ предки. У осѣдлыхъ народовъ еще больше основаній любить свою родину и жертвовать ради нея своею жизнью: они съ дѣтства работали для ея блага, оставили на многихъ мѣстахъ слѣды трудовъ своихъ и нерѣдко, защищая ее, обагряли ее кровью своею. Поэтому человѣкъ, утратившій свою родину, почти перестаетъ быть человѣкомъ"... „Быть можетъ,—продолжаетъ Лукасинскій, вспоминая вѣру своихъ соотечественниковъ въ „воскресителей" Польши —Наполеона и Александра I,— мы погрѣшили, возлагая чрезмѣрныя надежды на людей, среди которыхъ встрѣчаются и могущественные и мудрые, но которые не перестаютъ быть людьми и слѣпыми орудіями воли Твоей... Милосердный Боже! Мы молимъ Тебя..., если Ты желаешь еще испытать насъ и очистить отъ грѣховъ нашихъ продленіемъ нашихъ страданій, то исполни сердца наши вѣрою въ Тебя, и вѣра эта придастъ намъ отвагу, стойкость и терпѣніе и спасетъ отъ отчаянія. Вооруженные вѣрою, мы не страшимся совѣтовъ и намѣреній гонителей нашихъ, изъ которыхъ одни хотятъ отнять у насъ религію отцовъ нашихъ, а другіе стереть насъ съ лица земли. Стоны и плачъ живыхъ, кровь дорогихъ намъ жертвъ, пролитая за родину, мольбы ея павшихъ доблестныхъ сыновъ, предстоящихъ нынѣ предъ лицомъ Твоимъ, даютъ намъ надежду на скорое окончаніе нашихъ страданій. Если будетъ воля Твоя, Ты возстановишь изъ праха Спасителя, одаришь его мудростью, надѣлишь мощью слабую руку его, и онъ пойдетъ во имя Твое и приструдитъ сильныхъ, и заставитъ ихъ признать, что есть еще нѣчто наверху что разстраиваетъ планы смертныхъ. Il y a quelque chose ne haut qui dérange les desseinsdes mortels".

Умеръ Лукасинскій въ Шлиссельбургѣ 27 февр. 1868 г. на 82-мъ году жизни.

Отзывы о книгахъ.

674. Трубецкой, Е., кн. 1(С):92(С)
Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Томъ I. XVI+630 и II—415 стр. Изд. автора. При книгоизд. „Путь". Ц. за два т. 4 р.

Мы нисколько не погрѣшимъ противъ истины, если названный трудъ нашего философа-общественника и публициста кн. Т, назовемъ самой крупной и самой цѣнной новинкой нашей философской литературы послѣднихъ лѣтъ. Такое значеніе данный трудъ получаетъ не только потому, что онъ имѣетъ своимъ предметомъ всеобъемлющую философію самаго виднаго и наиболѣе плодовитаго русскаго философа — Вл. Соловьева, но еще больше и потому, что авторъ его и самъ незаурядный философъ, къ тому же младшій современникъ и личный другъ, связанный съ нимъ узами ближнихъ личныхъ отношеній за цѣлыхъ тридцать лѣтъ своей сознательной жизни. Ко всему сказанному необходимо прибавить и указаніе на три личныхъ особенности кн. Т,— его духовную конгеніальность или родственность С. по общимъ идеаламъ, его идейное расхожденіе съ нимъ по многимъ частнымъ пунктамъ въ развитіи и трактовкѣ этихъ идеаловъ и, наконецъ, его выдающійся даръ яснаго, логически отчетливаго мышленія и простого, хотя въ то же время и выразительно-художественнаго языка. Благодаря всему этому изъ-подъ пера кн. Т. получился, такъ сказать, конденсированный и просвѣтленный С., прошедшій къ тому же сквозь собственную философскую призму автора. „Соловьевъ не можетъ быть для меня предметомъ *историческаго* изслѣдованія,— сознается Т,— писать о немъ — значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить и собственное свое міросозерцаніе въ важнѣйшихъ существенныхъ его основаніяхъ". При немъ пietетѣ къ личности и философіи С., кн. Т. нисколько не стѣсняется иногда довольно жестоко его критиковать, или, какъ онъ самъ выражается, „отдѣлять въ ученіи С. живое отъ мертваго, зерно отъ шелухи", и даже видитъ въ этомъ необходимое условіе продолженія дѣла почившаго философа и наилучшій способъ почтить его память.

Главная заслуга Т. состоитъ въ томъ, что онъ подходитъ къ С. съ критеріемъ внутренней, *имманентной* критики, благодаря чему ему въ значительной степени удается доказать, что большинство тѣхъ спорныхъ и даже вовсе ложныхъ утопій, съ которыми такъ носился С. (въ родѣ, напр., его національно-мессіанической мечты о третьемъ Римѣ, его теократической схемы „царствія Божія" въ рамкахъ церковно-государственной организаціи и его романтической грезы объ осуществленіи безсмертія черезъ половую любовь), были внутренно противорѣчивы для него, не отвѣчали существу его взглядовъ — той центральной идеѣ Богочеловѣчества, которая составляетъ безсмертную душу всего его ученья. Кн. Т. остроумно дѣлитъ свой обзоръ міросозерцанія Вл. С. на три періода: подготовительный, утонический и завершительный, при чемъ онъ убѣдительно показываетъ, что всѣ утопіи и заблужденія С. — ничто иное, какъ философскій миражъ, ошибка перспективы, происходившая отъ слишкомъ яркаго и живого переживанія весьма отдаленныхъ, а иногда и вовсе несбыточныхъ мечтаній. Обостренное видѣніе вдаль и вглубь и въ то же время удивительная близорукость вблизи — типичная черта и личнаго характера С. убѣдительно раскрытая и доказанная Т. Немало, наконецъ, въ двухъ томахъ изслѣдованія Т. дано и интересныхъ новыхъ фактовъ и дополнительныхъ штриховъ, рисующихъ С. благороднымъ и пылкимъ мечтателемъ-визіонеромъ, но нерѣдко дѣтски наивнымъ въ вопросахъ практической жизни. Вообще новый, солидный трудъ кн. Т., несмотря на его не мѣстамъ сокрушительную критику отдѣльныхъ взглядовъ философіи С., является лучшей апологіей ея главныхъ жизненныхъ задачъ. (*Прив.-доц. А. Покровскій. „У. Рос". 1913-155*).

Цѣлью своей кн. Т. ставитъ очищеніе основного зерна ученія Соловьева отъ историческихъ ошибокъ и наслоеній, въ него вкравшихся, выясненіе духа этого ученія путемъ тщательной критики его буквы. „Безсмертной душой" ученія С. кн. Трубецкой считаетъ „идею Богочеловѣчества". Жизненнымъ всей той „имманентной критики", которой кн. Т. подвергаетъ ученіе С. является стремленіе „освободить" это ученіе отъ земной „скорлупы", отъ всякаго рода „утопій" земного устроенія, заслоняющихъ для Соловьева „свободный полетъ" въ область трансцендентнаго. Лозунгомъ своей критики кн. Т. избираетъ слова Христа „не миръ я пришелъ принести, а раздѣленіе". Смѣшеніе мистическаго съ естественнымъ, земного съ небеснымъ онъ считаетъ „основнымъ грѣхомъ" всей философіи С. Это смѣшеніе противорѣчитъ, по мнѣнію автора книги, самому замыслу С. создать философію христіанства. Христіанство всегда стремилось отдѣлить земное отъ небеснаго. Здѣшній міръ не можетъ быть самоцѣлью для христіанина, онъ только „непрерывно становящаяся", совершенствующаяся сфера „внѣшняго закона". „Правда живетъ" въ мірѣ иномъ, Божественномъ. Вся цѣль исторіи человѣчества въ томъ, чтобы взрастить лучшихъ людей, посредниковъ между этимъ и тѣмъ міромъ, черезъ этихъ посредниковъ всѣ мы будемъ спасены въ міровой катастрофѣ воскресенія и преображенія міра. Проникновеніе христіанскихъ началъ въ нашу жизнь, напр., въ сферу государственности, права, хозяйства возможно въ этомъ мірѣ только крайне несовершенно и частично, какое то ни было полное проникновеніе повело бы тѣмъ самымъ къ упраздненію, которое и совершится послѣ катастрофы Второго Пришествія, въ „порядкѣ" уже мистическомъ.

Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ основными произведеніями С. замѣтитъ въ такой „имманентной критикѣ" попытку спиритуализировать его ученіе, лишить его связи съ жизнью, съ землею, которой самъ С. придавалъ тоже большое значеніе, ослабить жизненное значеніе самой основной задачи С. воплотить христіанство

въ жизнь. Въ истолкованіи кн. Т. ученіе С. лишается совершенно своихъ индивидуальныхъ красокъ и сливается въ одно съ традиціоннымъ „отрицаніемъ міра тлѣннаго“. Но глубоко ошибается тотъ читатель, кто сочтетъ эти выводы свидѣтельствующими о произвольности и неправильности пріемовъ критики кн. Т. Автору новой книги о С. дѣйствительно удалось доказать въ своемъ цѣнномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи, что ученіе С. претерпѣло за время его жизни значительную и существенную эволюцію, и что суть этой эволюціи заключается именно въ постепенномъ отказѣ С. отъ мечтаній воплотить христіанство въ здѣшней, земной жизни и гармоническимъ мирнымъ путемъ преобразовать эту жизнь въ высшія формы, постепенно подготовивъ ее къ принятію Второго Пришествія Христа и превращенію земли въ апокалиптическій Новый Іерусалимъ. Кн. Т. удалось блестяще доказать—и въ этомъ главная заслуга его во многихъ отношеніяхъ странной и сумбурной по основнымъ идеямъ книги,—что Вл. С. пережилъ въ своей жизни процессъ тяжелаго разочарованія во всѣхъ мечтахъ своей юности, что безпощадная послѣдовательность критической мысли и очевидные факты неудачи его славянофильской и теоретической утопіи въ жизни привели его къ необходимости пересмотрѣть свое міросозерцаніе съ начала до конца. Но здѣсь кончается правота основной идеи кн. Т. Потому что надо быть во истину исключительно ослѣпленнымъ извѣстной догматической точкой зрѣнія на вещи, чтобы узрить въ послѣднемъ періодѣ творчества С. „освобожденіе“, „возрожденіе“, переходъ къ высшей точкѣ зр. и т. п. Содержаніе этого послѣдняго періода, на самомъ дѣлѣ, сводится (какъ это ясно и изъ книги кн. Т.) къ двумъ параллельнымъ процессамъ въ душѣ С. Съ одной стороны, въ сознательной попыткѣ пересмотрѣть основы своего философскаго міросозерцанія (въ „Теоретической философіи“ и отчасти въ „Оправданіи добра“) С. обнаруживаетъ неувядающую остроту критической мысли и дѣйствительно отказывается отъ многихъ прежнихъ ошибочныхъ воззрѣній, явно приближаясь (хотя и не всегда сознавая это) отъ метафизико-догматической точки зрѣнія къ критицизму и научно-методологическому объективизму, съ другой, однако, стороны во всемъ существѣ своемъ, въ подсознательной глубинѣ своего жизнеощущенія С. въ этотъ періодъ весь проникнутъ чувствомъ полнаго разочарованія въ жизни, ощущеніемъ безсмыслія современности, гнетущимъ присутствіемъ близкой смерти, въ соединеніи съ сознаніемъ полной неудачи своего жизненнаго дѣла. Именно на почвѣ этого отчаянія и разочарованія хватается С. за свою концепцію „философіи конца“, отсюда его полное отрицаніе прогресса въ будущемъ, патологическій почти страхъ передъ монгольскимъ нашествіемъ, масонами, мусульманскими „тайными братствами“ и т. п., отсюда его изумительно жестокое и нетерпѣливое отношеніе къ ученію Л. Толстого, отсюда мрачная эсхатологія „повѣсти объ антихристѣ“. С. прибѣгаетъ подъ сѣнь буквальнаго пониманія Апокалипсиса, чтобы заглушить охватившее его чувство отчаянія и безнадежности.

Отсюда близость настроенія „Трехъ разговоровъ“ къ религіи Достоевскаго. Для Достоевскаго христіанство съ самаго момента его душевнаго кризиса стало единой точкой спасенія, онъ чувствовалъ, что, если утратитъ свое христіанство, онъ провалится въ бездну отчаянія, въ „подполье“ или придетъ къ какому-то совершенно новому міросозерцанію, о которомъ онъ даже думать боялся. С. въ юныхъ мечтахъ о воплощеніи христіанства въ жизнь „не вѣрилъ въ чорта“ и „не могъ понять, что такое страхъ Божій“. Но подъ конецъ жизни глаза его раскрылись, онъ началъ понимать, что жилъ иллюзіями и, не чувствуя себя въ силахъ строить все сызнова, упалъ въ объятія буквальнаго пониманія христіанскаго ученія съ начала до конца. Отсюда и усиленіе въ этотъ періодъ въ міросозерцаніи С. дуалистическихъ и аскетическо-спиритуалистическихъ тенденцій, которыя такъ привѣтствуетъ кн. Т. Но разница въ томъ, что С. ощущалъ „царствіе Божіе у дверей“ и вѣровалъ, что скоро уже наступитъ окончательная катастрофа. Кн. Т. въ иномъ положеніи. Конечно, какъ христіанинъ онъ знаетъ, что день судный приходитъ, какъ „тать въ нощи“, и всегда готовъ ждать его. Но жизнь требуетъ своего. Нужно дать отвѣтъ на запросы момента, нужно найти компромиссъ. И вотъ кн. Т. строитъ свою концепцію „раздѣленія мистическаго отъ естественнаго“. Это старая пристарая и—да проститъ меня почтенный авторъ—глубоко пошлая, „обывательская“ концепція „раздѣленія вѣдомствъ“. Шесть дней дѣлай, день же седьмый Господу Богу Твоему, или внѣшнія дѣла не имѣютъ значенія, главное устремленіе къ Богу—вотъ суть этой концепціи. Кн. Т. глубокомысленно замѣчаетъ, что Христосъ, „выгнавъ торгующихъ изъ храма, останилъ имъ мѣсто на площади“, и видитъ драгоцѣннѣйшую особенность восточнаго православія именно въ томъ, что при такомъ пониманіи религіи, „какова бы ни была сила зла, царящаго на площади... цѣлымъ остается внутренній міръ православнаго храма, гдѣ вѣрующій находитъ живое небо, идущее ему навстрѣчу...“ Все это хорошо, но что остается при такихъ условіяхъ отъ драгоцѣннѣйшей идеи С. отъ идеи одухотворенія земли и воплощенія христіанства въ жизнь? Кн. Трубецкой предполагаетъ, что это одухотвореніе возможно только путемъ катастрофы въ концѣ міра. Но если такъ, все жизненное дѣло С. рушится, религія становится опять чѣмъ-то „между прочимъ“, чѣмъ-то только для воскресныхъ дней.

Кн. Т. не только философъ, но и политическій дѣятель, и какъ таковой позволяетъ себѣ иногда злободневныя выходки, которыя сильно понижаютъ объективную цѣнность всей его книги. Но если бы даже ихъ не было, его книга осталась бы только книгой догматически вѣрующаго православнаго христіанина и несмотря на всѣ ея достоинства не можетъ замѣнить свободнаго и объективнаго изслѣдованія о постоянно-цѣнныхъ элемантахъ философіи С. Такого изслѣдованія еще надо ждать и оно очень нужно, потому что основное значеніе философіи С. въ его живой мечтѣ о возможности просвѣтленной земной жизни, а не въ той частной метафизикѣ, въ которую эта мечта облечена. (*А. Гизетти. „День“. 1913—194*).

Литература о Вл. С. довольно обширна, но до сихъ поръ не было въ ней ни одного изслѣдованія, которое охватило бы философію нашего самаго значительнаго философа во всей ея широтѣ и глубинѣ. Трудъ кн. Т. пополняетъ этотъ пробѣлъ. Въ нашей философской литературѣ онъ

— значительное явленіе, о которомъ, вѣроятно, будутъ много говорить и спорить. (*Кн. „Кіев. Мысль“. 1913-89*).

Книга кн. Т. въ особенности цѣнна. О томъ, что она написана знатокомъ дѣла, нѣтъ надобности и говорить. Укажемъ на прекрасный литературный языкъ и живость изложенія. Такія главы, какъ, напримѣръ, „Личность Соловьева“, „Славянофильство Соловьева“, „Смыслъ любви“, положительно захватываютъ читателей. (*Z. „Сиб. Жизнь“. 1931-88*).

675. Мейманъ, Э. 15

Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Перев. съ 3-го, значительно дополн. нѣм. изд. прив-доц. Моск. унив. И. Самсонова. Книгоизд. „Космосъ“. М. 1913. Стр. 246. Ц. 2 р. 50 к.

Книга М. представляетъ изъ себя сводку экспериментальныхъ данныхъ относительно памяти, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, не изслѣдованіе ея психологической сущности, а отысканіе условій наиболѣе цѣлесообразнаго пользованія ею, какъ средствомъ образованія. М. говоритъ, что современная дидактика носитъ до нѣкоторой степени односторонній характеръ, такъ какъ знакомитъ насъ преимущественно съ методами заучиванія. И вотъ его книга является попыткой, и цѣнной попыткой, устранить этотъ пробѣлъ. Приводя много конкретныхъ указаній относительно техники заучиванія, преслѣдующихъ экономію памяти, то-есть наиболѣе быстрое, легкое и соотвѣтствующее цѣли заучиваніе, авторъ основывается, главнымъ образомъ, на опытахъ, продѣланныхъ имъ лично. Результаты чужихъ изслѣдованій онъ обычно провѣрялъ въ своей лабораторіи, прежде чѣмъ указать ихъ въ своей книгѣ. При этомъ онъ получалъ иногда результаты, не соотвѣтствующіе даннымъ, полученнымъ до него.

При методологической цѣнности экспериментовъ Меймана мы можемъ съ увѣренностью воспринять самостоятельныя данныя его. Изъ этихъ данныхъ приходится прежде всего отмѣтить установленіе цѣлесообразности метода заучиванія цѣликомъ. Этотъ фактъ особенно цѣненъ потому, что идетъ вразрѣзъ съ общераспространеннымъ мнѣніемъ о выгодахъ заучиванія по частямъ. А, по мнѣнію М., послѣднее соображеніе обусловлено, во-первыхъ, неравномѣрною трудностью заучиваемаго матеріала, которая, требуя неодинаковаго отношенія къ отдѣльнымъ частямъ его, тѣмъ самымъ естественно вызываетъ заучиваніе по частямъ; вторымъ источникомъ заблужденія оказывается наша природная лѣнь, стремленіе поскорѣе пожать плоды своихъ трудовъ. Первое обстоятельство дѣйствительно обезцѣниваетъ методъ заучиванія цѣликомъ, но если трудность матеріала болѣе или менѣе одинакова, то, согласно экспериментальному изслѣдованію, превосходство его надъ методомъ заучиванія по частямъ не подлежитъ сомнѣнію. Однако это превосходство выражается болѣе не въ экономіи времени, а въ болѣе прочномъ запоминаніи. М., между прочимъ, принимая во вниманіе ритмическія колебанія вниманія, предлагаетъ еще болѣе выгодное заучиваніе — заучиваніе цѣликомъ съ промежутками. Матеріалъ дѣлится на извѣстное число одинаковыхъ частей и читается сначала до конца съ остановкою передъ каждой частью. Эксперименты говорятъ за то, что прочность запоминанія находится въ обратной зависимости со скоростью заучиванія. Оказывается, что тамъ, гдѣ больше повтореній при заучиваніи, хотя бы эти повторенія и были только компенсаціей недостаточности вниманія, тамъ и болѣе надежное сохраненіе. Отсюда видно, что пренебреженіе механической памятью не совсѣмъ основательно. Конечно, осмысленное заучиваніе, для взрослаго въ особенности, гораздо важнѣе, но въ извѣстныхъ случаяхъ, когда требуется особая длительность запечатлѣнія, необходимо многократно повторять, такъ сказать, „зубрить“ матеріалъ, который нужно запомнить.

Большое значеніе для длительности запечатлѣнія имѣетъ такъ называемая „установка вниманія“. Эта установка, по М., является однимъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ экспериментальныхъ психологическихъ изслѣдованій. Дѣло въ томъ что, какъ оказывается, на результаты заучиванія имѣетъ сильное вліяніе его цѣль.

Напримѣръ, при заучиваніи безсмысленныхъ слоговъ является крайне важнымъ, знаетъ ли испытуемый, какимъ способомъ будетъ опредѣляться объемъ заученнаго. Его вниманіе въ такомъ случаѣ приспособляется къ цѣли, и если нужно будетъ сказать наизустъ выученное, то онъ исполнитъ это гораздо лучше, чѣмъ узнаваніе слоговъ заучиваемаго ряда, и обратно.

Такимъ же образомъ вліяетъ представленіе длительности запечатлѣнія. Если заучивающій имѣетъ цѣлью запоминаніе прочное, на долгое время, то оно такимъ и бываетъ болѣе или менѣе. Если же матеріалъ заучивается на срокъ, то онъ и запоминается только до срока. Это открываетъ намъ причину того явленія, что вся масса матеріала, которая заучивается къ экзаменамъ, забывается чрезвычайно скоро, „не по днямъ, а по часамъ,“ и лишній разъ показываетъ, что экзамены, какъ принудительное средство образованія, обладаютъ сомнительной цѣнностью, чтобы не сказать болѣе. Если они заставляютъ ученика пріобрѣсти на короткое время большое количество знаній (конечно, еще вопросъ, насколько цѣнны знанія, не соотвѣтствующія интересамъ данной личности, а навязанныя ей извнѣ), то благодаря опредѣленной установкѣ вниманія, даваемой тѣми же экзаменами, и нѣкоторымъ другимъ неблагопріятнымъ моментамъ заучиванія, связаннымъ съ ними, какъ, напримѣръ, торопливость заучиванія, эти знанія въ скоромъ времени въ значительной мѣрѣ исчезаютъ, „яко дымъ“. Открытіе установки вниманія важно еще и въ другомъ отношеніи: оно способствуетъ бо́льшей чистотѣ экспериментовъ надъ памятью, помогая учесть лишній элементъ, приходящій въ нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ не подлежавшій учету. Къ сожалѣнію, даже самъ М., на методологическія достоинства опытовъ котораго здѣсь указывалось, однажды, по крайней мѣрѣ, упустилъ изъ вниманія это обстоятельство. Утверждая, что экономія памяти бываетъ наиболѣе успѣшной, когда мы работаемъ при помощи привычныхъ намъ средствъ запоминанія, которыя отчасти соотвѣтствуютъ нашему типу представленій, отчасти пріобрѣтаются привычкой, и имѣя съ тѣмъ, критикуя въ методологическомъ отношеніи опыты въ Чикаго, подтверждающіе эту мысль, онъ не учелъ все-таки вліянія установки вниманія на ихъ результаты. Эти опыты показали, что одно-

временная диктовка и записываніе приводили къ худшимъ результатамъ запоминанія, чѣмъ, напр., воспріятіе зрительное и слуховое. Несомнѣнно, что наше вниманіе, направленное при диктовкѣ только на то, чтобы вѣрно записать прочитанное, повліяло соотвѣтствующимъ образомъ на запоминаніе.

Въ своей книгѣ М. настойчиво говоритъ о формальныхъ упражненіяхъ памяти въ школѣ. Современная школа почти не оказываетъ никакого вліянія на развитіе памяти дѣтей, на которое дѣйствуетъ только возрастъ. Опыты же показали, что упражненія въ заучиваніи значительно улучшаютъ память. Этому, казалось бы, противорѣчитъ только что приведенный фактъ незначительнаго вліянія нашей школы на развитіе памяти учениковъ, несмотря на огромную сумму матеріала, которую они должны заучить. Это М. объясняетъ, говоря, что „упражненія ведутъ къ благопріятному результату лишь въ той мѣрѣ, въ какой существуетъ стремленіе къ совершенствованію, намѣреніе усовершенствоваться". Обычное же школьное заучиваніе преслѣдуетъ одну цѣль—поскорѣе запомнить данный матеріалъ. Такъ какъ современная экспериментальная психологія получила уже не мало вполнѣ установленныхъ правилъ техники и экономіи заучиванія, то школа, наконецъ, должна взять на себя задачу не только обогащать память дѣтей разнообразными знаніями, но и развивать ее. Это развитіе должно итти по двумъ направленіямъ: ученикомъ должно знакомить съ правилами заучиванія, а также давать имъ практическія упражненія. Позволю себѣ привести еще одну мысль М. касательно школьнаго заучиванія. Оказывается, что различные отвлекающіе моменты при запечатлѣніи дѣйствуютъ воспитывающимъ образомъ на память. Авторъ утверждаетъ, что „домашняя работа, если она исключаетъ всякія нарушающія работу вліянія, является прямо ядомъ для склонныхъ къ разсѣянію учениковъ", и что „заучиваніе въ классѣ могло бы служить однимъ изъ лучшихъ средствъ воспитанія большей концентраціи вниманія учениковъ". Наконецъ, представляется необходимымъ отмѣтить отрицательное отношеніе автора къ мнемотехникѣ, къ разнымъ, иногда даже заочнымъ, улучшателямъ памяти посредствомъ сложныхъ искусственныхъ системъ, которыя сами требуютъ хорошей памяти для ихъ преодолѣнія. Къ книгѣ приложенъ указатель литературы вопроса. (*П. Б. „Вѣст. Псих. Кр. Антр. и Пед." 1913—в. III, т. X*).

Имя проф. М. хорошо знакомо русскимъ читателямъ и само за себя говоритъ въ пользу строго научной разработки вопроса, осторожности въ выводахъ и богатства использованныхъ экспериментальныхъ трудовъ... Книга читается легко, благодаря характеру изложенія автора и хорошему переводу, но встрѣчается значительное количество опечатокъ, затрудняющихъ чтеніе, даже искажающихъ смыслъ. (*„Рус. Шк". 1913—4*).

По количеству собраннаго матеріала, обилію собственныхъ наблюденій и остроумныхъ догадокъ, книга М. превосходитъ не только краткія руководства по воспитанію памяти Watt'a и Wreschner'a, но даже, пожалуй, солидный трудъ M. Offner'a. Что же касается точности и объективности изложенія и обоснованности выводовъ, то „Экономія и техника памяти" значительно ниже другихъ аналогичныхъ трудовъ. Книга М. принадлежитъ къ тѣмъ популярно-научнымъ книгамъ, которыя читаются съ большимъ интересомъ лицами, не обладающими познаніями въ данной области, и вызываетъ недоумѣніе у того, кто знакомъ съ положеніемъ вопроса по первоисточникамъ... Рядомъ съ цѣннымъ матеріаломъ „Экономія и техника памяти" содержитъ множество произвольныхъ, а иногда и ложныхъ утвержденій, тѣмъ болѣе опасныхъ, что авторъ на основаніи ихъ дѣлаетъ цѣлый рядъ педагогическихъ выводовъ. Переводъ сдѣланъ нѣсколько небрежно. (*П. Эфруси. „Рус. М." 1913—7*).

* **Погодинъ, А.** 158.3:401

См. порядк. № 680.

676. Осоргинъ, М. 308(45)

Очерки современной Италіи. М. 1913. Стр. 260. Ц. 1 р. 50 к.

Объ Италіи прошлаго по-русски есть книги, хотя и не особенно много: превосходные „Образы Италіи" Муратова, недавно вышедшій переводъ классическаго „Путешествія по Италіи" Тэна и кое-что еще. Но объ Италіи настоящаго времени, кромѣ отдѣльныхъ, затерявшихся въ журналахъ статей, нѣтъ буквально ничего. Книга О., правда, составлена тоже изъ журнальнаго и газетнаго матеріала, но авторъ, невольно „заговорившійся ея поклонникъ", въ теченіе семи лѣтъ живетъ въ Италіи, и его наблюденія, хотя и не систематическія и не полныя, даютъ все-таки картину интересной и заслуживающей вниманія жизни. Задачу автора—„лишь пробудить интересъ къ современной Италіи"—книга во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ. О. показываетъ то цѣнное, что есть въ Италіи настоящаго и чего обычно не видятъ журналы, захваченные памятниками прошлаго. „Страна солнца, рабства и лѣни въ полвѣка обратилась въ страну солнца, свободы и труда, бодраго и неутомимаго". Правда, еще очень много осталось пережитковъ стараго—невѣжества, предразсудковъ, суевѣрія, преступности, подкуповъ „народныхъ избранниковъ", но вѣдь Италія всего десять лѣтъ, какъ имѣетъ демократическое правительство и за этотъ срокъ народомъ сдѣлана „работа гиганта", работа общественной самодѣятельности. О. больше всего занимаетъ психологія народа и его различныхъ классовъ, жизнь въ ея обыденности. Итальянская деревня, эта, можетъ быть, интересная часть лабораторіи новой Италіи, освѣщена всего слабѣе. Авторъ самъ оговаривается, что плохо ее знаетъ, но горожане, интеллигенція, отчасти рабочіе, конгломератъ культуры, скала типовъ и характеровъ, которые представляютъ итальянцы, схвачены въ удачныхъ очеркахъ внимательно и любовно. Это очерки—„Италія показная и подлинная", „Итальянцы", и „Каморра". Цѣлый отдѣлъ книги посвященъ Риму, и великій городъ предстаетъ предъ читателемъ не съ обычной стороны описаній величія прошлаго, а въ его обыденщинѣ и жизни массы. Совсѣмъ уйти отъ прошлаго, когда пишешь объ Италіи, конечно, невозможно, и рядъ очерковъ посвященъ и ему. Съ интересомъ прочтутся и замѣтки о современной итальянской литературѣ. Книги объ Италіи въ послѣднее время встрѣчаютъ у русскаго читателя радушный пріемъ. Его вполнѣ стоитъ и книга О. (*Кн. „Кіев. Мысль" 1913—184*).

Авторъ оговаривается, что его работа можетъ

лишь пробудить вниманіе къ современной Италіи, но безсильна вполнѣ удовлетворить интересъ къ ней. Книга написана не по систематическому, заранѣе обдуманному плану, но сложилась до извѣстной степени случайно, изъ статей и фельетоновъ, печатавшихся въ различныхъ газетахъ и журналахъ. Однѣ изъ этихъ статей непосредственно отвѣчаютъ злобѣ дня, другія лишены характера злободневности и представляютъ собою рядъ живо и остроумно набросанныхъ картинокъ политической и культурной жизни итальянцевъ. Наконецъ, въ „Замѣткахъ о литературѣ" даны характеристики нѣкоторыхъ новѣйшихъ итальянскихъ писателей, въ томъ числѣ пресловутаго Маринети, основателя школы футуристовъ, а въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Искусство прошлаго и современность", сообщаются свѣдѣнія о недавнихъ археологическихъ находкахъ. Наиболѣе яркія страницы „Очерковъ" посвящены апологіи новой итальянской культуры, апологіи, направленной противъ тѣхъ суровыхъ и придирчивыхъ поклонниковъ старины, которые, будучи ослѣплены блескомъ и величіемъ прошлаго, охотно отрицаютъ всякое культурное, общечеловѣческое значеніе Италіи современной. (*„Рус. Молва". 1913—169*).

Съ любовью говоритъ авторъ объ этой странѣ, и книга его, запечатлѣнная этой любовью отъ первой страницы до послѣдней, вполнѣ удовлетворяетъ требованію Элизе Реклю, — „писать лишь о томъ, что любишь". (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд." 1913—128*).

677. Комаровъ, А. И. 325(47)

Правда о переселенческомъ дѣлѣ. Спб. 1913. Стр. 139. Ц. 60 к.

Небольшая по объему, но весьма содержательная книжка составлена частью изъ газетныхъ статей, печатавшихся въ „Новой Руси" въ 1908—1910 гг., частью ея матеріалъ появляется въ печати впервые. Авторъ — бывшій чиновникъ, прослужившій 12 лѣтъ въ Енисейской губ., 5 лѣтъ въ Тобольской по лѣсному вѣдомству, знакомый основательно съ переселенческими порядками и по другимъ губерніямъ Сибири. Написана книжка очень бойкимъ, фельетоннымъ стилемъ и по содержанію похожа на собраніе анекдотовъ: но анекдоты эти — грустные, россійскаго изобрѣтенія и едва ли не являются горькой доподлинной правдой. Авторъ постарался изложить такъ, чтобы у читателя не возникало сомнѣній въ правдивости описанныхъ анекдотическихъ фактовъ. Но если все, описанное авторомъ,— голая, неприкрашенная правда, тогда этотъ сборникъ анекдотовъ превращается въ грозный обвинительный актъ, направленный противъ звиравилъ переселенческаго дѣла. „Переселенческая организація въ ея настоящемъ видѣ немыслима безъ хищеній",—говоритъ авторъ въ началѣ, — и приводитъ длинный рядъ то курьезныхъ, то возмутительныхъ хищничествъ, производимыхъ большими и малыми чинами, подрядчиками, строителями,— словомъ всѣми, кто кормится вокругъ этого дѣла. За хищеніемъ слѣдуетъ ложь: лгутъ инженеры, завѣдующіе земледѣльческими работами, лгутъ межевые и дорожные служащіе, лгутъ сверху до низу, описывая въ оффиціальныхъ отчетахъ великолѣпныя свойства обслѣдуемыхъ районовъ и нарѣзаемыхъ участковъ, насчитывая милліоны десятинъ удобной земли тамъ, гдѣ въ маѣ хлѣбъ для рабочихъ подвозятъ на саняхъ, гдѣ черезъ дремучія чащи и бездонныя болота не пробраться ни пѣшему, ни конному. И не могутъ не лгать, потому что правдой они добьются только своего увольненія. (*„Рус. Вѣд." 1913—122*).

Письма К. отнюдь не представляютъ собою такихъ съ налета схваченныхъ бѣглыхъ впечатлѣній, какъ сплошь и рядомъ появляются въ современной печати, а иногда и выпускаются отдѣльными книжками. Его характеристики отличаются несомнѣнною конкретностью и обстоятельностью и сдѣланы онѣ очень ярко и чрезвычайно рѣзко. Къ сожалѣнію — слишкомъ ярко и слишкомъ рѣзко... К. изображаетъ въ своихъ „письмахъ" несомнѣнную „правду"; очень вѣроятно, что онъ изображаетъ только правду, и что въ его очеркахъ нѣтъ ничего присочиненнаго. Но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онъ изображалъ всю правду. Не бываетъ свѣта безъ тѣней. Но не бываетъ и тѣней безъ свѣта. И какъ мало довѣрія внушаютъ оффиціальные, офиціозные и прикрытые панегирики, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ яркаго свѣта, такъ точно производятъ впечатлѣніе крайней односторонности обличительныя „письма" К., въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ самой мрачной тѣни. (*А. Кауфманъ. „Рѣчь". 1913—75*).

Книжка написана неумѣлою рукою, плохо использованъ чрезвычайно интересный матеріалъ, открывающій кулисы переселенческаго дѣла въ Енисейской и Томской губ., но и въ давномъ видѣ книжка буквально вопіетъ о государственномъ преступленіи. Въ условіяхъ европейской жизни или авторъ давно сидѣлъ бы въ тюрьмѣ, либо министръ, вѣдомство котораго освѣщается книжкою, былъ бы въ отставкѣ, но Россія—страна неограниченныхъ возможностей: и книжка свободно продается, и авторъ невредимъ, и министръ благоденствуетъ. Въ свое время эти корреспонденціи вызвали переполохъ и назначеніе ревизіи, которая... подтвердила всѣ факты, указанные въ корреспонденціяхъ; вѣдомство не рѣшилась дать опроверженій, проглотило публичное обвиненіе и ограничилось... розысками лицъ, выдающихъ секреты вѣдомства, да и то тщетно. Авторъ хорошо сдѣлалъ, что собралъ свои статьи въ отдѣльную брошюру, получилась яркая страничка скорбной исторіи Сибири, и всякій, интересующійся судьбами нашей области, долженъ прочитать эту страничку и задуматься надъ нею. (*В. А. „Сиб. Жизнь". 1913—138*).

678. Немировичъ-Данченко, В. И. 355(497.2)

Съ вооруженнымъ народомъ. Изд. „Просвѣщенія". Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Н.-Д., въ качествѣ корреспондента, находился во время балканской войны при болгарской арміи, и его корреспонденціи составили два солидныхъ тома. То обстоятельство, что корреспонденціи эти писались на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, „на боевыхъ поляхъ", наложило на нихъ печать яркости и живости впечатлѣній съ одной стороны, а съ другой — придало имъ характеръ односторонняго увлеченія; нѣкоторыя слишкомъ поспѣшные и преувеличенные выводы и обобщенія автора не оправдались дальнѣйшимъ ходомъ событій. Все же при достаточно критическомъ отношеніи къ этому дневнику, онъ можетъ служить интереснымъ „человѣческимъ документомъ" для интересующихся исто-

ріей недавняго прошлаго молодыхъ, балканскихъ народовъ. (*Н. „День“. 1913—166*).

Являясь во многихъ мѣстахъ сплошнымъ панегирикомъ болгарской арміи и ея военачальникамъ, которыхъ авторъ готовъ ставить выше всѣхъ полководцевъ міра, книга эта, однако, читается съ большимъ интересомъ, несмотря на нѣкоторую растянутость и досадныя повторенія. Этому способствуетъ не только удачная, не лишенная художественности форма изложенія, но и внутреннія достоинства книги Н.-Д. Будучи однимъ изъ немногихъ корреспондентовъ, дѣйствительныхъ свидѣтелей эракійской кампаніи, Н.-Д. сумѣлъ дать яркія картины трагическихъ дней чаталджинскихъ боевъ, когда, вопреки протесту побѣдителя у Киръ-Килиссе и Бунаръ-Гиссара ген. Радко Дмитріева, десятки тысячъ болгарскихъ солдатъ отдали свою жизнь у неприступныхъ фортовъ Чаталджи во имя никому непонятныхъ стратегическихъ, а быть можетъ и иныхъ соображеній злого генія болгарской арміи ген. Савова. Не менѣе удачны тѣ страницы книги Н.-Д., гдѣ онъ рисуетъ всѣ ужасы „бѣлой смерти“, этого послѣдняго coup de grace судьбы, приговорившей къ уничтоженію нѣкогда неодолимую Турцію. Въ заключеніе отмѣтимъ любопытную черту этой книги. Въ первыхъ ея главахъ почти на каждой страницѣ авторъ считаетъ долгомъ выругаться въ сторону Австріи, преклониться передъ „демократическими народами“ (!) и выразить свое презрѣніе младотуркамъ, однако болѣе поздніе главы, написанныя, очевидно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ неприкрашенной дѣйствительности, въ значительной степени свободны отъ этихъ излишнихъ отступленій. (*М. К. „Сиб. Жизнь“ 1913—132*).

Это сводъ яркихъ статей, вылившихся подъ непосредственнымъ переживаніемъ разрѣшающейся новой войны балканскихъ славянъ за свою свободу,—тутъ же, около боевого поля и походныхъ палатокъ. Все это писано до послѣднихъ вспышекъ славянской распри, до „паники балканскаго союза“, и согрѣто ничѣмъ не омраченнымъ сочувствіемъ талантливаго писателя братьямъ по крови. Нѣкоторыя красочныя и подъемныя страницы новой книги этого „пѣвца трехъ войнъ“ попадутъ въ соотвѣтственные сборники, какъ образцы батальной художественной прозы... Полная жизни книга Н.-Д. звучитъ сейчасъ сарказмомъ надъ недавними балканскими союзниками,—теперь врагами. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1913—131 и 155*).

Собранныя въ книгу, посвященную волнующей Россію героической борьбѣ южныхъ славянъ за независимость, сохранили всю небрежность газетныхъ корреспонденцій, написанныхъ урывками и на-спѣхъ, кажутся мало содержательными и не даютъ ничего новаго русскому читателю. Послѣдній—все же оцѣнитъ яркое изображеніе демократизма болгарской арміи, народнаго подъема на Балканахъ и живое описаніе нѣкоторыхъ эпизодовъ минувшей войны. (*„Рус. Молва“ 1913—195*).

Среди вышедшихъ дневниковъ военныхъ корреспондентовъ въ болгарской арміи дневникъ Н. едва ли займетъ видное мѣсто. Авторъ слишкомъ увлекается лиризмомъ собственныхъ описаній и за деревьями часто не видитъ лѣса. Онъ передаетъ по преимуществу то, о чемъ слышитъ, стараясь сразу охватить все происходящее на театрѣ войны, но, разумѣется, не успѣваетъ въ этомъ, а только упускаетъ изъ виду немало самаго существеннаго. Дневникъ Н.-Д. полонъ общими мѣстами. Онъ ужасается тѣмъ, чѣмъ нельзя не ужасаться во время всякой войны; онъ сообщаетъ то, что извѣстно изъ телеграммъ, не вырисовывая деталей на основномъ фонѣ. Все это можно было бы написать и сидя въ Москвѣ, чего никакъ нельзя сказать хотя бы о „дневникѣ“ Н. П. Мамонтова. У Н.-Д.—восторженныя строки, негодующія угрозы, плѣнительныя стихотворенія въ прозѣ, все, что угодно,—тамъ—сама жизнь, тамъ подлинный ужасъ боевыхъ полей, тамъ каждая строка выстрадана и выношена въ печаляхъ славянской арміи. Это сравненіе достаточно опредѣленно говоритъ не въ пользу книги Н.-Д. (*О. Л. „Гол. М.“ 1913—145*).

679. Германовъ, Л. 38(063)

Очередныя задачи движенія приказчиковъ. Къ 4-му съѣзду торговыхъ служащихъ въ Москвѣ. Изд. „Прибой“. Спб. 1913. Стр. 64. Ц. 25.

Въ общедоступной формѣ брошюра Г. останавливается на главнѣйшихъ этапахъ движенія приказчиковъ за послѣдніе годы и намѣчаетъ его ближайшія задачи. Вслѣдъ за краткимъ изложеніемъ движенія 1905 г. и послѣдующей судьбы вопроса объ установленіи нормальнаго отдыха торговыхъ служащихъ вплоть до позиціи, занятой въ этомъ вопросѣ гос. совѣтомъ, авторъ болѣе подробно разсматриваетъ всѣ офиціальные проекты закона о продолжительности рабочаго дня и праздничномъ отдыхѣ, а также проектъ правилъ о наймѣ торговыхъ служащихъ. Особая глава посвящена выясненію задачъ четвертаго съѣзда. Глава эта весьма поучительна, такъ какъ иллюстрируетъ положеніе тѣхъ, кто, какъ авторъ брошюры, хотя и противорѣчиво, вынужденъ практически признать цѣлесообразность „частичныхъ требованій“. Не менѣе показательна въ этомъ смыслѣ и послѣдняя глава, рекомендующая „пользоваться“ и такимъ, по выраженію автора, „суррогатомъ организаціи“, какъ существующія кассы взаимопомощи. Въ приложеніи приведенъ текстъ резолюцій, принятыхъ третьимъ съѣздомъ торговыхъ служащихъ“. (—ъ. *„Кіев. Мысль“ 1913—177*).

Задача книжечки Г. заключается въ желаніи разъяснить широкимъ массамъ торговыхъ служащихъ все значеніе закрытаго 4-го съѣзда, при чемъ основная мысль автора сводится къ признанію необходимости поставить въ основу и съѣзда и всей повседневной работы на мѣстахъ идею о созданіи организаціоннаго центра для всѣхъ организацій торговыхъ служащихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ книжка Г. вскрываетъ истинныя причины систематической обструкціи промышленниковъ законамъ о нормальномъ отдыхѣ и о договорѣ найма, — причины, лежащія не столько въ экономической, сколько въ политической области. (*К. „Сиб. Жизнь“. 1913—149*).

Книжка Г., изд. „Прибой“, отмѣчается тою же конкретностью и дѣловитостью, что и остальныя изданія „Прибоя“... Книжка написана очень популярно и можетъ служить руководствомъ для всякаго приказчика, желающаго разобраться въ значеніи 4-го съѣзда и въ исторіи движенія приказчиковъ послѣднихъ лѣтъ. (*Л. К. „Просвѣщеніе“. 1913—6*).

680. Погодинъ, А. Л. 401:158.3

Языкъ, какъ творчество. Психологическія и соціальныя основы творчества рѣчи. Происхожденіе языка. („Вопросы теоріи и психологіи творчества". Томъ IV. Изд. Б. А. Лезина). Харьковъ. 1913. Стр. 562. Ц. 2 р. 50 к.

Въ работѣ П. наша университетская и занимающаяся самообразованіемъ молодежь получаетъ сильный импульсъ къ изученію языка вообще и долгожданную возможность избѣгнуть того лабиринта нелѣпостей и ненужныхъ мелочей, въ которомъ блуждаетъ наша университетская наука. Языкъ въ нашихъ университетахъ сталъ широкимъ поприщемъ, на которомъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли самая безпардонная схоластика и таскяніе quasi-научныхъ бирюлекъ. По языку (въ послѣднее время особенно по фонетикѣ) пишутся ученыя изслѣдованія, изъ которыхъ ровно ничего прочнаго и цѣннаго не слѣдуетъ, въ которыхъ нѣтъ ни одной глубокообобщающей, философской мысли, и наши „язычники" по отношенію къ настоящей наукѣ являются вполнѣ язычниками, погруженными въ грубѣйшее суевѣріе допотопнаго догматизма и лишенными даже инстинктивнаго тяготѣнія къ невѣдомому имъ, но истинному Богу. Погодинъ—по изъ ихъ числа. Онъ примыкаетъ къ той школѣ философовъ языка, насадителемъ которой у насъ въ Россіи былъ Потебня и родоначальниками которой были два геніальные еврея—Штейнталь и Лацарусъ. Давность этой школы довольно почтенная, но вліяніе ея на нашу косную университетскую науку еще такъ слабо, что П. приходится не безъ радости заявлять: „мнѣ представляется чрезвычайно важнымъ и нужнымъ пріучить образованнаго лингвиста видѣть въ языкѣ, прежде всего, процессъ творчества; обширная область психологіи должна, по моему убѣжденію, войти въ сферу общаго языкознанія". Ученіе, которое Потебня излагалъ подчасъ „волнуясь и спѣша", т.-е. темно и съ излишнимъ лаконизмомъ, нашло въ П. выдающагося реализатора. Талантливая книга П.—единственная у насъ по многообъемлющей широтѣ запросовъ, стройности плана и серьезности исполненія попытка выяснить психологическія обоснованія происхожденія и эволюціи языка по тѣмъ даннымъ, какихъ достигла наука вплоть до нашихъ дней. Написанная безъ излишняго балласта, но и не по-дилетантски, эта книга выдвигаетъ основные вопросы психологіи рѣчи, помогаетъ читателю ориентироваться въ различныхъ теоріяхъ и устанавливаетъ между ними генетическую и историческую связь. Помимо этого, ея общее научно-дисциплинирующее значеніе въ томъ, что она учитъ мыслить въ области языка не отъ той почки, на которой мирно спятъ наши схоласты, а отъ самаго источника рожденія мысли и слова. (*И. Л. „Рѣчь". 1913—108*).

Появленіе этой книги (такъ же, какъ и третье изданіе книги А. Потебни „Мысль и языкъ") нужно привѣтствовать. Въ нашемъ обществѣ отношеніе къ наукѣ о языкѣ такое же, какъ у вамоскворѣцкой купчихи къ жупелу. Въ книгѣ проф. П. представлено очень много интересныхъ вопросовъ, по поводу каждаго изъ нихъ приведенъ рядъ мнѣній. По матеріалу книга очень богата, но отсутствіе стройности въ изложеніи дѣлаетъ книгу довольно трудной при чтеніи, напр., глава XII отличается ненужною растянутостью, наоборъ., въ главѣ XVII приходится сталкиваться съ такою пестрядью матеріала, что читателю, не имѣющему психологическаго и лингвистическаго образованія, нѣтъ возможности ориентироваться въ этомъ матеріалѣ. Матеріалъ по психологіи мышленія, поскольку она имѣетъ отношеніе къ психологіи языка, у автора случайный. Эта же случайность замѣчается и въ главахъ историческихъ, напр., въ главѣ „Лейбницъ, Гаррисъ, Руссо и французская философія". Авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о Локкѣ, у котораго въ его „Опытѣ о человѣческомъ разумѣ" языку посвящена вся III книга. Изложеніе результатовъ въ различныхъ областяхъ знанія, заставляющее смотрѣть на данную книгу, какъ на сводъ матеріала, усвоеніе котораго очень полезно въ качествѣ введенія въ изученіе языкознанія, неудачно переплетается съ самостоятельными изслѣдованіями автора, можетъ быть, и очень цѣнными. Появленіе такихъ главъ, которыя требуютъ не только лабораторной, но и клинической работы, въ популярномъ изложеніи лингвиста, да еще съ его интерпретаціей явленій, заставляетъ читателя относиться къ данному матеріалу съ большой осторожностью, если не предубѣжденностью.

Несмотря на всѣ эти недостатки чтеніе книги проф. П. можетъ дать очень много читателю. (*А. Гребенкинъ. „День". 1913—140*).

Книга ученая, но отдѣльными страницами заинтересуетъ и того, кого занимаютъ вопросы психологіи творчества вообще. Есть рѣчь и объ искусственныхъ языкахъ (эсперанто и пр.), которымъ, впрочемъ, авторъ справедливо отказываетъ въ серьезномъ значеніи и во имя науки, и во имя художественности. (*Измайловъ. „Рус. Сл." 1913—155*).

681. Трояновскій, И. И. 5(075)

Курсъ природовѣдѣнія. Ч. 3-я. Человѣкъ и животныя. Для младшихъ кл. ср. учеб. заведеній, торговыхъ школъ и городскихъ уч. Со многими рис. и 4 цвѣтными таблиц. Стр. 195. Ц. 95 к.

3-я часть курса природовѣдѣнія Т. заключаетъ краткій, но достаточно понятно написанный очеркъ анатоміи и физіологіи человѣка, послѣ котораго слѣдуютъ описанія отдѣльныхъ представителей животнаго царства, начиная съ типа позвоночныхъ и класса млекопитающихъ. Въ связи съ описаніемъ организаціи человѣка, животнымъ позвоночнымъ отведено больше мѣста, чѣмъ безпозвоночнымъ. Представителями типовъ безпозвоночныхъ выбраны виды, доступные для наблюденій и демонстрацій (пчела, муха, дождевой червь, садовая улитка, и т. п.)

Описывая организацію животныхъ, авторъ совершенно основательно старается объяснить ея связь съ условіями и потребностями жизни отдѣльныхъ формъ, а также дать учащимся и общее понятіе о классификаціи. Книжка нѣсколько велика для начальнаго учебника, предназначеннаго для выполненія программы 3-го класса гимназій, и представляетъ собою нѣчто среднее между учебникомъ и книжкой для чтенія. (*„Илл. Обозр. Год. М." 1912—290*).

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что ему хотѣлось дать ученикамъ не скучный учебникъ, а

„живую книгу", которая могла бы дать хотя и краткое, но вполнѣ законченное представленіе обо всемъ животномъ мірѣ. И надо сказать, что онъ болѣе чѣмъ удачно справился съ поставленной задачей. Написанъ учебникъ простымъ, доступнымъ дѣтскому пониманію слогомъ, въ иныхъ мѣстахъ проглядываетъ даже поэзія, какъ, напр., гдѣ онъ говоритъ о ласточкѣ. Повидимому, авторъ твердо усвоилъ манеру писать подобные учебники. Живой слогъ дѣлаетъ книгу одинаково пригодной, какъ учебникъ, и какъ книгу для домашняго чтенія. Хорошая бумага, крупный шрифтъ, приличный переплетъ увеличиваютъ хорошія качества книги. (*В. Бабаковъ. „Для Нар. Уч." 1912—18*).

Въ общемъ учебникъ Т. производитъ прекрасное впечатлѣніе, и мы его съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, какъ выдающееся, живо и интересно составленное пособіе для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, торговыхъ школъ и городскихъ училищъ. (*Оэлъ. „Гол. М." 1912—300*).

При пересмотрѣ книги бросается въ глаза полное отсутствіе оригинальности, на всемъ лежитъ отпечатокъ шаблонности. Шаблонно распредѣленіе матеріала, шаблоненъ подборъ представителей, шаблонны, и даже докучно шаблонны, рисунки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ книга не лишена и нѣкоторыхъ достоинствъ, къ числу которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить хорошій литературный языкъ, вполнѣ доступный для того возраста, для котораго учебникъ предназначается. Издана книга опрятно. (*В. Капелькинъ. „Вѣст. Восп." 1912—8*).

682/3. [. . . . . 51(08)

Новыя идеи въ математикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. А. В. Васильева. Сборн. № 1. Математика, методъ, проблемы и значеніе ея. Стр. IV+149. Сборн. № 2. Пространство и время. Стр. IV+146. Изд. „Образованіе". Ц. по 80 к.

Какъ видно изъ вводной статьи редактора, цѣль изданія — познакомить русскихъ читателей съ новыми идеями въ математикѣ и уяснить ихъ связь съ основными ученіями этой науки. Первый сборникъ содержитъ четыре переводныхъ статьи: В. Вундта — „Общее ученіе о математическомъ методѣ", Г. Гроссмана—„Чистая математика и ученіе о протяжности", Б. Рессели—„Новѣйшія работы о началахъ математики" и А. Принсгейма—„Цѣнность и мнимая нецѣнность математики". Можно пожалѣть, что редакторъ не пояснилъ, чѣмъ руководился онъ при выборѣ этихъ статей, такъ какъ, напримѣръ, первая изъ нихъ, при всей ея содержательности, совсѣмъ не касается тѣхъ воззрѣній, которыя характерны для новой математики. Первая изъ четырехъ статей представляетъ переводъ первой главы второго тома логики Вундта и содержитъ изслѣдованіе математическаго анализа и синтеза, абстракціи, индукціи и дедукціи, какъ общихъ методовъ математики. Здѣсь можно возразить только противъ слишкомъ большаго значенія, какое придаетъ авторъ индукціи не только въ установленіи основныхъ положеній математики, но и въ установленіи болѣе сложныхъ истинъ, индуктивное происхожденіе которыхъ математика стремится затушевать мнимо-дедуктивными доказательствами. Статья Гроссмана — введеніе къ его сочиненію „Die lineale Ausdehnungslehre", впервые выставившему взглядъ на математику, какъ на формальную науку о частномъ бытіи, возникающемъ чрезъ мышленіе. Съ этой точки зрѣнія, математика непосредственно примыкаетъ къ логикѣ, изучающей общіе законы мышленія. Къ сожалѣнію, изложеніе настолько обще и своеобразно, что его сочиненія читаются не безъ труда. Статья Рессели даетъ въ короткомъ очеркѣ популярное изложеніе изслѣдованій послѣдняго времени объ основаніяхъ математики, главнымъ образомъ о математической логикѣ. Р. — самъ авторъ замѣчательныхъ работъ въ этой области, и его статья дастъ общепонятное изложеніе того, что сдѣлано въ этомъ направленіи. Статью Р. прочтутъ съ интересомъ всѣ интересующіеся основами математики и ея отношеніемъ къ философіи. Статья Принсгейма посвящена главнымъ образомъ защитѣ математики отъ нападокъ на нее Шопенгауэра. Эти наивныя выступленія, свидѣтельствующія лишь о маломъ знаніи математики и глубокомъ непониманіи ея существа со стороны знаменитаго философа, едва ли заслуживали такого подробнаго опроверженія, и было бы лучше, если бы редакція дала вмѣсто нея что-нибудь болѣе интересное. (*Б. Млодзѣевскій. „Рус. Вѣд". 1913—36*).

Выборъ статей, вошедшихъ въ первую книжку, опредѣляется въ большой мѣрѣ слѣдующими словами редактора: „Естественное развитіе математическихъ понятій и методовъ, съ одной стороны, поразительные успѣхи въ области точнаго знанія и развитія философской мысли—съ другой стороны, вызвали какъ постановку новыхъ математическихъ проблемъ, такъ и новые взгляды на проблемы, давно уже интересующія математиковъ. Хотя одинъ изъ энергичныхъ толчковъ къ движенію и былъ данъ геніальнымъ русскимъ геометромъ, многія изъ сторонъ этого движенія остаются еще сравнительно мало извѣстными не только образованному русскому обществу, но часто и лицамъ, получившимъ спеціальное математическое образованіе. Цѣль предпринимаемаго изданія познакомить съ новыми идеями въ области математики"... Статьи Вундта, Гроссмана, Рессели и остроумная содержательная рѣчь А. Принсгейма представляютъ большой интересъ для значительнаго круга читателей. (*„Рѣчь". 1913—183*).

Подобно предыдущему, настоящій — 2-й интересный сборникъ открывается статьей Вундта (переводъ одной изъ главъ 3-го изд. его „Логики"), распадающейся согласно содержанію книги, на двѣ части, въ которыхъ изслѣдуется вопросъ о времени и пространствѣ, какъ формѣ наглядnаго представленія, о психологическомъ развитіи соотвѣтственныхъ наглядныхъ представленій, о логическихъ мотивахъ возникновенія понятія времени и объективномъ его значеніи, о математическомъ понятіи пространства. Э. Махъ въ слѣдующей статьѣ въ рядѣ примѣровъ изъ области физическихъ явленій и геометріи (симметрія) прослѣживаетъ различіе между психологическомъ пониманіемъ времени и пространства и физическимъ ихъ истолкованіемъ. Пуанкаре устанавливаетъ взглядъ, въ силу котораго мы какъ бы приходимъ къ новому условному соглашенію относительно пониманія стоящихъ въ заголовкѣ понятій, пониманію для насъ удобному. Ланжевенъ далѣе выясняетъ, какъ подъ вліяніемъ замѣны механическаго истолкованія

міра физическихъ явленій концепціей электромагнитной неизбѣжно всплываетъ новое пониманіе времени и пространства. Наконецъ, популярное изложеніе вопроса о четырехмѣрномъ мірѣ (статьи Л. Гефтеръ) на рядѣ интересныхъ аналогій выясняетъ принципъ относительности, связующій во-едино время и пространство. (*А. К. „Рѣчь". 1913—190*).

Связь чистой математики, какъ ученія о числахъ, съ ученіями о пространствѣ и времени, остается и въ настоящее время столь же тѣсной, какъ и прежде, несмотря на то, что никто не будетъ теперь опредѣлять чистую математику, подобно Канту, какъ ученіе о пространствѣ и времени. Настоящій сборникъ, такъ же удачно составленный, какъ и первый, посвященъ главнымъ образомъ изслѣдованію вопроса о пространствѣ и времени съ точки зрѣнія современной философіи. Прекрасный подборъ статей, отличный переводъ и дешевая цѣна, несомнѣнно будутъ способствовать широкому распространенію сборника. (*А. Ш. „День". 1913—94*).

Выборъ статей въ сборникахъ въ общемъ довольно удаченъ. Тоже нужно сказать и о выборѣ самыхъ проблемъ. Всѣ статьи въ данныхъ сборникахъ переводныя, и переводъ выполненъ тщательно. Статьи выбраны частью изъ капитальныхъ сочиненій, что вообще нужно остерегаться дѣлать, такъ какъ выбранный отрывокъ можетъ быть понятенъ лишь для лица знакомаго съ общей концепціей даннаго сочиненія, что, напр., можно сказать про статью Вундта въ I сборн. и Вундта и Маха во 2-мъ. Другія статьи въ сборникѣ представляютъ статьи, рѣчи и рефераты.— Появленіе ихъ въ сборникѣ очень желательно уже въ силу того, что они обыкновенно разсѣяны по журналамъ, не могущимъ быть достояніемъ широкой образованной публики, не говоря о томъ, что въ нихъ-то обыкновенно излагаются „новыя идеи". (*А. Гребенкинъ. „День". 1913—180*).

684. [. . . . . 53(08)

Новыя идеи въ физикѣ. Непріодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуж. проф. П. П. Боргмана. Сборн. № 4. Дѣйствіе свѣта. Спб. Изд. „Образованія". Ц. 80 к.

Одно изъ наиболѣе интересныхъ открытій въ области физики въ самомъ концѣ XIX и началѣ XX столѣтій, это открытіе и количественное опредѣленіе свѣтового давленія, о которомъ, правда, еще давно предполагали физики, благодаря простой случайности—ложному представленію о природѣ свѣта, какъ объ испусканіи „свѣтовыхъ частичекъ", которая прямолинейно несутся отъ свѣтящагося тѣла въ разныя стороны и падая на тѣла, производятъ на нихъ давленіе. Однако, тщательное изученіе свѣтовыхъ явленій выдвинуло много деталей, которыя показали несостоятельность этой теоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о свѣтовомъ давленіи временно какъ будто потерялъ подъ собою почву. Только въ 1873 году, излагая основы своей электро-магнитной теоріи свѣта, Максвель впервые ясно и опредѣленно показалъ, что прямымъ слѣдствіемъ этой теоріи является утвержденіе, что лучи свѣта производятъ давленіе въ направленіи ихъ распространенія, и онъ указалъ, что между яркостью луча и его давленіями существуетъ опредѣленное количественное соотношеніе. Съ этого времени цѣлый рядъ знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ занимается изученіемъ вопроса о свѣтовомъ давленіи, и только въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія нашъ русскій ученый, проф. П. Н. Лебедевъ, приступаетъ къ изслѣдованію этого вопроса. Уже въ 1900 году на международномъ конгрессѣ физиковъ въ Парижѣ П. Н. Лебедевъ дѣлаетъ предварительное сообщеніе о полученныхъ имъ положительныхъ результатахъ, а 30 октября 1901 года дѣлаетъ обстоятельный докладъ въ засѣданіи Петербургскаго Физическаго Общества о своихъ замѣчательныхъ работахъ, получившихъ впослѣдствіи премію въ Академіи Наукъ.

Въ настоящемъ сборникѣ помѣщены: на отдѣльномъ листѣ прекрасный портретъ П. Н. Лебедева съ клише Прокудина-Горскаго и статьи: Н. П. Боргмана „Петръ Николаевичъ Лебедевъ", П. Н. Лебедева „Давленіе свѣта" (эту статью П. Н. Лебедевъ писалъ спеціально для настоящаго сборника, но, къ сожалѣнію, смерть помѣшала закончить), Н. Н. Лазарева „О связи оптическихъ свойствъ вещества и фото-химическаго эфекта", Б. С. Швецова „Фотолюминесценція" и А. Ф. Іоффе „Фото-электрическій эфектъ". Всѣ статьи настоящаго сборника написаны вполнѣ популярно и читаются съ живѣйшимъ интересомъ. (*„Нов. Вр." 1913—13296*).

Сборникъ этотъ доступенъ широкому кругу читателей, обладающихъ даже сравнительно небольшой спеціальной подготовкой. (*А. К. „Рѣчь". 1913—169*).

Этотъ сборникъ намъ кажется еще болѣе удачнымъ, чѣмъ предыдущіе, и мы его очень рекомендуемъ всѣмъ интересующимся современнымъ положеніемъ въ высшей степени интересныхъ вопросовъ, которымъ посвящена эта небольшая книжка. (*„Природа". 1913—1*).

685. Моренъ, Ш. 54/5

Физическія состоянія матеріи. Перев. съ фр. І. Л. Левинтова, подъ ред. проф. Л. В. Писаржевскаго. Съ 21 рис. въ текстѣ. Изд. „Матезисъ". Одесса. 1912. Ц. 1 р. 40 к.

Эта небольшая книга посвящена преимущественно разсмотрѣнію свойствъ кристалловъ, различныхъ состояній твердыхъ тѣлъ, жидкихъ кристалловъ и коллоидовъ, но авторъ счелъ необходимымъ сказать въ началѣ нѣсколько словъ о газахъ и жидкостяхъ, а потому и выбралъ заглавіе, которое, быть можетъ, покажется черезчуръ широкимъ сравнительно съ содержаніемъ книги. Нѣкоторые частные пункты, напримѣръ, свойства поверхностныхъ слоевъ тѣлъ, М. развилъ съ большей подробностью, стараясь все время тщательно отдѣлить факты отъ ихъ объясненія. Начало книги посвящено разсмотрѣнію газообразнаго состоянія тѣлъ. Далѣе идетъ рѣчь о жидкомъ состояніи. Молекулы жидкости, какъ и газа, несомнѣнно надѣлены быстрыми движеніями, и сложныя молекулы въ жидкихъ веществахъ, повидимому, встрѣчаются чаще, чѣмъ въ газахъ. Наиболѣе интересно и подробно изложены главы о кристаллахъ, кристаллическомъ состояніи и кристаллической жидкости. Не менѣе обстоятельно написана глава и о неоднородныхъ смѣсяхъ, въ которой затронутъ вопросъ о сплавахъ металловъ, закалкѣ и отжигѣ. Заключается эта интересная книга разсмотрѣніемъ коллоидальнаго состоянія. Переведена книга М. хорошо, издана изящно и снабжена недурными рисунка-

ми въ текстѣ. (*В. Д—цевъ.* „*Гол. М.*“ *1913—106*).

Книга читается довольно легко. Авторъ, видимо, старался сдѣлать ее возможно болѣе общедоступной. Однако популярной въ широкомъ смыслѣ слова книгу назвать нельзя. Для чтенія ея требуется знакомство съ физикой, химіей и кристаллографіей. Въ силу этого книга М. не можетъ быть рекомендована широкимъ кругамъ публики; но она будетъ болѣе или менѣе полезна для лицъ, болѣе спеціально интересующихся указанными выше вопросами, преимущественно въ ней разсматриваемыми, и имѣющихъ соотвѣтствующую подготовку. Они найдутъ въ книгѣ М. и главныя литературныя указанія по этимъ вопросамъ (*„Природа“. 1913—2*).

Книгу М. можно признать однимъ изъ лучшихъ популярныхъ сочиненій по физикѣ, вышедшихъ за послѣднее время. Изложеніе ясное, но требующее большихъ предварительныхъ знаній. Математическими формулами авторъ вовсе не пользуется. Переводъ замѣчаній почти не вызываетъ. Этой полезной книгѣ нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія. (*О. Хвольсонъ.* „*Изв. по Нар. Обр.*“ *1913—1*).

* **Елпатьевскій, С.** 61:91](47.722)

См. порядк. № 697.

686. [. . . . . 8—8

„Земля“. Альманахъ. Сб. XI. Изд. „Моск. книгоизд.“ М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

О „Профессорѣ Сторицинѣ“ было такъ много написано по поводу его постановки, что уже нѣтъ надобности прибавлять еще что-либо къ оцѣнкѣ этой пьесы. Въ этомъ же альманахѣ помѣщенъ небольшой и по разработкѣ не совсѣмъ опредѣленный очеркъ М. П. Арцыбашева: „О ревности“. И здѣсь же окончаніе повѣсти „Дымъ и пепелъ“ Ѳ. Сологуба.

У оккультистовъ всѣхъ временъ существовало издавна мудрое правило: знай магическій секретъ, какъ должно пользоваться имъ и скрывать его,—это дѣлаетъ его обладателей властителями міра; раскрытіе же секрета означаетъ смерть. Въ первой части „Навьихъ чаръ“ С. слѣдовалъ этому совѣту: чудесное было закутано вуалью и манило къ себѣ, оставаясь загадочнымъ. Совсѣмъ иное въ „Дымѣ и пеплѣ“: дѣйствія Природова разоблачены, истолкованы химіей и физикой, таинственный покровъ сорванъ, и все стало бутафоріей. Природовъ—магъ и волшебникъ, адептъ тайнаго знанія, воплощеніе творчески-полевого начала,—изъ плана идеальнаго слишкомъ перенесенъ въ нашъ планъ, и къ нему приложимо все ограничивающее насъ.

Былъ чрезвычайно интересенъ замыселъ: зачаровать читателя и заставить его вѣрить; въ условіяхъ обывательской дѣйствительности показать Природова причастнымъ къ „великому дѣлу“ (терминъ алхимиковъ). Никто, какъ С., не былъ настолько призванъ, чтобы дать интересному замыслу художественное осуществленіе. Несмотря на всѣ неудачи, все же и въ „Дымѣ и пеплѣ“ фантазія автора весьма блестяща. Поэтому разочаровывающее впечатлѣніе, которое производитъ повѣсть, тѣмъ болѣе скорбно. (*Ш. Кожевниковъ.* „*У. Рос.*“ *1913—39*).

Читателю, успѣвшему призабыть героевъ и перипетіи романа, придется кое-что вспомнить. Въ 4-й части передъ нимъ снова Ортруда въ своей далекой и „очаровательно прекрасной странѣ“. Вся эта часть сплошная сказка, гдѣ авторъ считается единственно съ однимъ резономъ — „такъ я хочу“, „такъ мнѣ нравится“. Заглавіе „Творимая легенда“, которое охватываетъ всѣ части романа, вполнѣ подходитъ къ этому жанру разсказа. С. снова водитъ васъ по дворцу Ортруды, по ея фантастическимъ садамъ, показываетъ ее въ безпечномъ разнообразіи ея увлеченій—то прекраснымъ Реймерсомъ, то юнымъ Астольфомъ, то своею придворною дѣвою Афрой... Зыбкая измѣнчивость сердца человѣческаго—вотъ тема всей этой части, и С. иллюстрируетъ свою мысль на цѣломъ рядѣ героевъ и героинь. Все течетъ, все мѣняется, ничто не вѣчно,—вѣчна одна смерть, и единственно она несетъ—успокоеніе и безмятежность. На десятки ладовъ варьируется, въ сущности, одно и то же положеніе любви и измѣны... Всѣ украшенія, всѣ орнаменты сологубовскаго письма здѣсь на-лицо. Изъ всѣхъ здравствующихъ писателей С. наиболѣе увлекается просто красотою словъ, музыкальностью созвучій, ритмомъ рѣчи. Давно уже сложились у него самыя прісмы этого любованія красотой. Въ рѣдкомъ его романѣ, въ рѣдкой повѣсти вы не наткнетесь, напримѣръ, на мысли о прелести наготы, на воспѣваніе женскаго танца. Есть это и въ „Дымѣ и пеплѣ“. (*Аяксъ.* „*Биржс. Вѣд.*“ *1913—13175*).

Если бы я былъ беллетристомъ, я взялъ бы своимъ героемъ С.,—конечно такого С., какимъ онъ представляется мнѣ по его твореніямъ,—и изобразилъ бы его въ романѣ, который назвалъ бы „Отчаяніе и насмѣшка“... Я представилъ бы С. смѣющимся надъ читателемъ,—постоянно и зло смѣющимся; я разсказалъ бы, что всѣ эти королевы Ортруды, Лилиты, „темное небо инобытія“, „кроткое свѣтило Люцифера“ и раскаленный Змій—только колыханіе янтарнаго смѣха, неслышнаго, скрывающагося, неудержимаго. Необыкновенно интересной представилась бы мнѣ личность писателя, который рѣшилъ высмѣять своихъ читателей незамѣтно для нихъ съ полной, внѣшней серьезностью, со всѣми признаками жреческой убѣжденности. „Я шутилъ,— говорилось бы въ этихъ признаніяхъ,—потому, что въ хаосѣ тоски и отчаянія не видѣлъ выхода; я выкидывалъ свой смѣхъ на книжный рынокъ, какъ закидываютъ удочку, и смотрѣлъ, клюетъ или нѣтъ, проглотитъ или пронлыветъ мимо. Читатель проглатывалъ, и тогда начиналась „пляска зыбкой измѣнчивости и сладкаго забвенія“, „томительное колебаніе на страшныхъ качеляхъ противочувствій“, и, смѣясь, спрашивалъ я: „Что скажешь ты мнѣ, Свѣтозарный?“... Такъ писалъ бы въ сочиненныхъ мной признаніяхъ С. Много хорошаго вложилъ бы я въ эти признанія, много чувствительнаго и страшнаго,—до такой степени страшнаго по силѣ отчаянія, что растроганный читатель простилъ бы злыя насмѣшки автора „Навьихъчаръ“, всю жизнь представлявшагося серьезнымъ. Я разсказалъ бы причину тоски при помощи повѣствованія г. Арцыбашева, помѣщеннаго, по счастью, въ томъ же сборникѣ, гдѣ напечатанъ романъ С. „Дымъ и пепелъ“.

Въ немъ, въ повѣствованіи А., ссыльный студентъ Веригинъ, охотясь въ безконечныхъ лѣсахъ сѣвера, натолкнулся на молящагося старика-инородца. Старичокъ плясалъ и кружился передъ грубо размалеваннымъ деревяннымъ идоломъ, котораго надо было тщательно прятать отъ людскихъ

глазъ и молитвы которому могли возноситься только въ полномъ уединеніи. Появленіе студента привело старичка въ ужасъ; онъ отмахивался руками, требовалъ ухода студента и, когда никакія убѣжденія не помогли, прибѣгъ съ самому сильному, по его мнѣнію, самому страшному средству, послѣдствій котораго для студента онъ самъ опасался: „Онъ быстро схватилъ свой чурбанъ, съ невѣроятной, для такого дряхлаго старика, силой поднялъ его надъ головой и пошелъ прямо на Вергигина, не переставая выкрикивать что-то угрожающее и продостерегающее". Разсчитывалъ ли онъ, что громъ убьетъ непрошеннаго и наглаго свидѣтеля, ожидалъ ли какихъ-нибудь другихъ страшныхъ послѣдствій для студента, но результаты его намѣреній были совсѣмъ не тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ: изъ мальчишескаго задора студентъ выстрѣлилъ въ чурбанъ, расщепилъ его грубо размалеванное лицо и вышибъ его изъ рукъ старика. „Вергигинъ слѣдилъ, какъ онъ старался поднять бога и какъ отшатнулся, увидѣвъ разбитое, обезображенное его лицо. Нѣсколько минутъ онъ оставался на колѣняхъ, растерянно водя руками по землѣ, сдѣланной пулей. Потомъ оглянулся на Вергигина, ахнулъ, всплеснулъ руками, пополъ на четверенькахъ, вскочилъ и бросился бѣжать по полянѣ". Крики и уговоры студента не помогли: старикъ скрылся въ чащѣ лѣса.

Спустя нѣсколько дней послѣ своей встрѣчи студентъ осматривалъ брошенное старичкомъ жилище и мѣстность около него. „Въ маленькой низинкѣ, гдѣ еще съ весны стояла неглубокая ржавая вода, окруженная топкой черной грязью, что-то бросилось ему въ глаза... Это былъ деревянный чурбанъ съ расколотой выстрѣломъ головой. Онъ, очевидно, былъ съ силой брошенъ въ болото, но, забрызганное черной грязью, все такъ же хитро и безсмысленно вмѣстѣ улыбалось его деревянное узкоглазое лицо. Вергигинъ смотрѣлъ на него со страшнымъ и тяжелымъ чувствомъ. Было стыдно жаль, и что-то больше жалости и стыда, еще несознанное, шевелилось въ душѣ".

Все это я привелъ бы, конечно, не въ творимой легендѣ, а въ предисловіи, и очень бы долго остановился я на этомъ нѣчто, что „больше жалости и стыда" и что связано съ разрушеніемъ чужой вѣры безъ замѣны ея чѣмъ-либо столь же могучимъ и дорогимъ. А затѣмъ уже перешелъ бы я къ самой легендѣ. Я разсказалъ бы, какъ во дни оны имѣлъ С. идола, которому молился, и какъ чья-то неизвѣстная рука преступно разбила этого идола и уничтожила вѣру автора „Навьихъ чаръ"...

Смѣясь надъ читателемъ, С. (опять-таки С. моего предполагаемаго беллетристическаго очерка) хочетъ показать, что у него есть тайна, позволяющая существовать среди этой грязи и невѣріи, среди „дыма и пепла"; есть тайна, есть идолъ, и пусть въ эту тайну вѣритъ читатель. И если бы читатель дѣйствительно повѣрилъ, если бы, довѣрясь С., онъ сталъ стремиться къ раскрытію тайны, никогда не приближаясь къ ней, по вслѣдствіе одного своего стремленія, уже примирившись съ жизнью,—С. сыгралъ бы роль Великаго Инквизитора, взявшаго на себя страшное бремя всевѣдѣнія и освободившаго своихъ читателей отъ мукъ отчаянія, невѣріи и тоски. Но этого нѣтъ. Читатель въ лучшемъ случаѣ вѣритъ только существованію раскрытой тайны для самого С., а для себя въ признакахъ этой тайны по видитъ поводовъ къ стремленію и энтузіазму. Признанія писателя, возвѣщенныя струнами громкими Баяновъ, открываютъ, что и самъ онъ не владѣлъ тайной, что его идолъ былъ давно поверженъ. (*И. Игнатовъ. „Рус. Вѣд." 1913*).

Въ чемъ заключается сущность „настроеній", охватившихъ широкіе круги общества съ полосой реакціи? *Въ отхожденіи отъ дѣйствительности, отъ „тьмы" достаточно-таки „низкихъ истинъ" въ область „возвышающаго насъ обмана"*.

Ахъ, не все намъ слезы горкія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ,—
На минуту позабудемся
Въ чаропаньи красныхъ вымысловъ!

Отхожденіе это проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ и формахъ—отъ циничнаго ресторанныхъ и т. п. до, такъ сказать, законно-допустимыхъ и по связанныхъ всенепремѣнно съ оплевываніемъ вчерашняго. Отъ низкопробнаго разврата до забвенія дѣйствительности на минуту, до творенія *желательной* дѣйствительности въ области искусства—экзотическаго творчества, различныхъ стилизацій, реставрированія отдѣльныхъ моментовъ исторіи, такъ называемаго „золотого вѣка", или полнаго, наконецъ, погруженія въ „красные вымыслы", въ лицѣ фантазій, утопій и т. д.

...Дѣйствительность наша такъ ужасна!—говоритъ С., и вноситъ въ нее необходимыя поправки. И много разныхъ симпатичныхъ разностей привноситъ С. въ нашу ужасную дѣйствительность, пока, наконецъ, и самое дѣйствіе не переноситъ въ страну фантастическую. (*И. Чужакъ. „Сиб. Новь". 1913—88*).

Что хочетъ сказать С.? То же, что и во всѣхъ своихъ другихъ романахъ, повѣстяхъ и стихотвореніяхъ. Въ сущности, если формулировать этотъ основной лейтъ-мотивъ, онъ сведется къ воплю, часто громко раздававшемуся у насъ за послѣднее время со всѣхъ сторонъ.

— Такъ дальше жить нельзя, — говоритъ С. своимъ романомъ.—Жизнь ужасна.

„Савва" Леонида Андреева ратовалъ за оголеніе земли, за то, чтобы освободить землю отъ всего, что на ней образовалось вѣками, и дать возможность подняться новымъ побѣгамъ. С., въ своемъ пессимизмѣ, пошелъ дальше. Онъ извѣлъ, рылся въ землю. Его Природовъ выбрасываетъ какъ ненужную ветошку, этотъ изжитый, взгаженный земной шарикъ съ кишащими въ немъ червяками-людьми. Онъ творитъ совершенно новую планету, беретъ съ собой избранныхъ и предоставляетъ остающимся на землѣ продолжать прежнюю жизнь. А ужъ на изображеніе этой жизни С. красокъ во жалѣетъ! Есть отъ чего притти въ отчаяніе. Съ мастерствомъ подлиннаго реалиста-художника, онъ многое дополнилъ въ мрачной картинѣ русскаго быта, написанной имъ въ „Мелкомъ бѣсѣ". Читаете страницу за страницей это повѣствованіе и видите что Природову ничего другого не оставалось.

— Отъ хорошей жизни не полетишь!

А отъ такой другого исхода нѣтъ. Безнадежность полная. Если такова жизнь на землѣ, то вполнѣ естественна и ненависть къ самой землѣ и поддерживающему эту жизнь—солнцу, всегда являющемуся у С. въ видѣ злого Дракона и

Змія... Пессимизмъ, въ высшей степени характерный для нашего времени. (*Вл. Б. „День“. 1913—6*).

687. [. . . . . 8—8

„Земля“. Сборн. XII.“ Моск. книгопзд. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Въ XII т. сборника „Земли“ помѣщены произведенія: М. Арцыбашева „Мститель“ и Н. Крашенинникова: „Дѣвственность“. Разсказъ А. рѣзко вульгаренъ. Какъ-то не вѣрится, чтобы авторомъ его могъ быть А. Своимъ новымъ разсказомъ А. протягиваетъ руку бульварному роману, такъ пышно взращенному Вербицкой и М. Серао. Романъ К. много выигрываетъ отъ сосѣдства съ неудачнымъ разсказомъ А. Но онъ написанъ до упрощенности прямолинейно.

„... Была жизнь и хотѣла она безмѣрной любви, но земная сила любви не прислушивалась къ ея звѣзднымъ хотѣніямъ. Жилъ подлѣ дѣвушки странный человѣкъ и хотѣлъ уберечь онъ дѣвушку отъ любви“, — вотъ тема, подернутая вуалью красивой мечты о торжествѣ вѣчной дѣвственности. Но эту тему К. воспринялъ чисто умозрительно, какъ интересный тезисъ. Поэтому въ его романѣ такъ много морализированія и однообразныхъ размышленій, которыя губятъ интимную возвышенность первоначальнаго замысла. Этотъ же характеръ овладѣнія темой сказался и на дѣйствующихъ лицахъ романа. Они слишкомъ походятъ на заводныя куклы, которыя говорятъ по волѣ автора. Только въ частностяхъ, въ мелкихъ подробностяхъ мы чувствуемъ въ авторѣ художника. (*П. М. „День“. 1913—126*).

Долой иксъ-лучи, и да здравствуютъ „примитивы“! Займитесь примитивами, и благо вамъ будетъ и славой вѣнчаны будете вы безспорной и лавровые вѣнки украсятъ вамъ гордое чело...

Таковы начала, провозглашаемыя Крашенинниковымъ въ его послѣднемъ протяжно - сложенномъ и грозномъ романѣ подъ щекочущимъ названіемъ „Дѣвственность“. И отбросивъ рѣшительно всю безконечногранную жизнь, молодой писатель сосредоточился на выполненіи той „новой программы“, которую онъ столь непринужденно начерталъ, какъ символъ новой художественной вѣры. И онъ обрабатываетъ теперь „примитивъ“, одинъ изъ немногихъ примитивовъ, имъ предначертанныхъ, какъ художественное заданіе. Не ограничиваясь имъ, авторъ касается и сосѣднихъ областей и наряду съ дѣвственностью трактуетъ и о цѣломъ рядѣ иныхъ вопросовъ, родственныхъ и близкихъ. Не думаемъ, однако, чтобы московскому писателю удалось совершить переворотъ въ литературѣ и дѣйствительно создать новую въ ней эпоху. Его романъ не вышелъ изъ уровня дѣйствительно примитивовъ и, бѣдный содержаніемъ, онъ весьма богатъ, расточительно богатъ, словами, которыя скучнымъ водопадомъ льются изъ увѣсистаго тома.

Бываютъ, конечно, странные люди и странныя идеи. Въ нашъ шатающійся вѣкъ, больной во всѣхъ отношеніяхъ, вѣкъ вырожденія, истеріи и утонченнаго криминала, конечно, немудрено явиться человѣку съ бредовой идеей чистоты и невинности, понимаемыхъ столь примитивно, что даже современная деревня уже отметнула отъ себя подобнаго рода взгляды. И вотъ такой особливо придуманный и нарочито сдѣланный герой романа задается цѣлью обогатить человѣчество созданіемъ дѣвушки-мечты, носительницы абсолютной чистоты и невинности, непорочной и свѣтлой, свято-безгрѣшной и высоко стоящей надъ грѣшною землей. Герой К. не любитъ людей. Онъ сторонится отъ нихъ, живетъ своей обособленной жизнью и глубоко презираетъ весь родъ людской. Чѣмъ, собственно говоря, провинились предъ нимъ смертные—невѣдомо. Герой—писатель и создаетъ произведенія, дѣлающія ему славу. Его читаютъ. У него, слѣдовательно, образовался мостъ съ невѣдомымъ, но прекраснымъ читателемъ, мостъ, который даетъ автору сознаніе его силы, его назначенія, смысла его жизни. Мизантропъ искренній и послѣдовательный, какимъ рисуетъ своего героя К. конечно, менѣе всего посвящалъ бы свою жизнь просвѣтленію человѣческихъ умовъ и зажиганію въ нихъ новыхъ, прекрасныхъ истинъ. Писатель, создавая для людей, ненавидитъ ихъ. Ненавидитъ и женщинъ. Хотя писатели въ этомъ отношеніи легкомысленны, какъ актеры, и никакими добродѣтелями до сихъ поръ себя не заявляли, однако герой К. — исключеніе. Но все же однажды путями таинственными и невѣдомыми, К. сохраняемыми въ строгомъ секретѣ, удалось герою мгновенно убѣдить прекрасную дѣвушку въ томъ, что она должна сдѣлаться матерью его ребенка. До сихъ поръ писатель не зналъ этой прекрасной дѣвушки. Но, прозорливый провидецъ, онъ чуялъ, что эта незнакомка непремѣнно сдѣлается матерью, чтобы, умирая въ мукахъ родовъ, подарить писателю дѣвочку, которой суждено быть, во-первыхъ, красавицей, а, во-вторыхъ, сдѣлаться объектомъ смѣлаго опыта почтеннаго писателя.

И вотъ, подъ пѣсни смерти, родилась прекрасная дѣвочка, по имени Тася. И писатель, ненавистникъ людей, рѣшилъ посвятить всю свою жизнь воспитанію, Таси, дабы создать изъ нея солнечный идеалъ невинности и чистоты, дѣвственнаго невѣдѣнія и чисто институтскаго немогузнайства.

Если бы писатель не сосредоточился на примитивѣ, а хотя бы бѣгло ознакомился съ данными физіологіи и педагогики, и если бы здравый смыслъ такъ легко не покидалъ его, то понялъ бы онъ всю безсмысленность этого опыта въ условіяхъ развитія человѣческаго организма и въ условіяхъ современной жизни. Но писатель, озаренный примитивными путеводными звѣздами, занялся именно этой задачей, и К. добросовѣстно, усердно, подробно и детально знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ любвеобильный и идейный папаша банкротится въ своихъ замыслахъ и какъ онъ обращаетъ высокую мечту чистоты въ сложный и запутанный анекдотъ, въ которомъ есть и страхи, и цвѣты, и черти, и любовь,—словомъ, все, коли нѣтъ обмана.

Въ двухъ словахъ весь романъ сводится къ такимъ положеніямъ. Тася растетъ умной и талантливой дѣвочкой. Ее не учатъ, чтобы не испортить ея чистоты наукой. Все же приглашается гувернантка, которая слѣдитъ за первыми шагами дѣвочки. Развивается дѣвочка, какъ здоровое существо со всѣми здоровыми запросами тѣла. И тщательно отгоняетъ отецъ отъ нея все, что можетъ научить дѣвочку смертному грѣху и дать ей возможность, если не вкусить, то узнать объ яблокѣ съ библейскаго древа. Но великій инстинктъ матери-природы, не

допускающей никакихъ шутокъ надъ собой, насилія и колодокъ, подталкиваетъ невинную и ничего не вѣдающую дѣвочку, а потомъ и дѣвушку къ жизни и мало-по-малу раскрываетъ ей глаза и дѣлаетъ понятнымъ то, что диктуетъ слѣпой инстинктъ. Еще полудѣвушкой она встрѣчается съ грязнымъ мальчуганомъ, чистильщикомъ сапогъ, отвратительнымъ, но обладающимъ красивыми глазами. И этого достаточно, чтобы въ сердцѣ подростка уже затлѣлся опасный огонь, котораго такъ боялся наивный герой романа. Тѣ же искры разгораются въ ней и вслѣдствіе цѣлаго ряда поучительныхъ бесѣдъ, которыя водетъ съ дочерью отецъ, чтобы предохранить ее отъ заразы грубой физіологической любви, уничтожающей свѣтлую мечту о невинности, которая должна давать чистыя радости людямъ. Эти бесѣды распаляютъ горячее воображеніе дѣвушки, заливаютъ ея мозгъ фантастическими представленіями и готовятъ, въ сущности, ей весьма опасный уклонъ, на которомъ невинность съ особымъ эффектомъ, совершенно неразсчитаннымъ героемъ, могла бы обанкротиться совершенно.

Таня, поучаемая отцомъ урокамъ чистоты, начинаетъ видѣть въ отцѣ уже одного мужчину, и ея ласки, смѣлыя прикосновенія и порывы отнюдь не являются отраженіями той небесной чистоты, которую хотѣлъ создать на землѣ герой К. Въ цѣломъ рядѣ моментовъ романъ развивается на опасныхъ уклонахъ зарождающейся любви между дочерью и отцомъ. И этотъ уклонъ является результатомъ мудраго замысла папаши, которому понадобилось, ради какихъ-то поэтическихъ и далекихъ отъ жизни цѣлой, насиловать природу и продѣлывать надъ здоровой дѣвушкой нездоровые эксперименты. Въ концѣ концовъ, всѣ эти эксперименты приводятъ къ обратному результату. Всѣ поученія и проповѣди отца остаются поученіями и проповѣдями. Его поступки, вызываемые боязнью потери чистоты, только подталкиваютъ дочь на путь „нечистый". И какъ ни бѣсится разумный отецъ, какіе громоотводы онъ ни придумываетъ, ничего это не помогаетъ противъ природы: Таня влюбляется въ соблазнительнаго юношу. И такимъ образомъ, всѣ стремленія отца разбиваются систематически, какъ этого могъ бы ожидать каждый разумный человѣкъ, не лишенный примитивнаго здраваго смысла. Все кончается честнымъ пиркомъ да свадебкой. Отецъ даже на самоубійство съ тоски за утраченную вѣру въ наивность и невинность покушался, но былъ спасенъ...

Талантъ все оправдываетъ; красота все извиняетъ. Но, къ сожалѣнію, въ романѣ К., автора, несомнѣнно, съ талантомъ, мало таланта и еще меньше красоты. И поэтому весь романъ на заданную тозу дышетъ надуманностью, искусственностью. Все сочинено, выдумано ради оригинальности и ради другихъ какихъ-либо мотивовъ. Въ романѣ мало жизненныхъ страницъ. Но онѣ есть. Въ нихъ чувствуется талантливый авторъ и красивый художникъ. Но заѣла его искусственность и манерничанье, и онъ крохи красоты топитъ въ морѣ сусловія и пустопорожней психологіи. (*А. Ожиговъ „Совр. Сл." 1913—1920*).

Романъ К. повергаетъ въ глубочайшее недоумѣніе. Слава Богу еще, что онъ изложенъ въ формѣ записокъ человѣка, который самъ себя признаетъ полупомѣшаннымъ, а то пришлось бы невольно отнести эту оцѣнку къ состоянію умственныхъ способностей автора. Впрочемъ, возможенъ и другой взглядъ на дѣло, вообще часто примѣнимый къ современнымъ произведеніямъ. Но все ли равно, есть ли логика въ томъ, что пишешь, возможно ли реальное бытіе всего замысла,—лишь бы написать что-нибудь такое, передъ чѣмъ, въ силу какихъ угодно причинъ, хоть на минуту остановится публика. Пусть будетъ дана нелѣпая завязка,— можетъ быть она-то и заставитъ пробѣжать повѣсть до конца. И второй разъ возьметъ читатель автора, впередъ увѣренный, что этотъ господинъ всегда ужъ готовъ что-нибудь удивительное выдумать. (*В. О. „Нов. Вр." 1913—13369*).

Длинный романъ К.—сплошная фальшь. Но мнѣ могутъ возразить, что авторъ не намѣревался изобразить реальныхъ лицъ. Онъ хотѣлъ написать символическій романъ. На это есть намекъ въ эпиграфѣ и въ концѣ, гдѣ мы читаемъ: Жилъ былъ на свѣтѣ странный человѣчекъ. Онъ думалъ, что бѣлый цвѣтъ всегда можетъ оставаться бѣлымъ; бѣлое покрывается въ жизни пылью и сѣреетъ; правда, покрытое пылью, оно кажется людямъ нѣкоторое время порозовѣвшимъ и новымъ; но странный человѣчекъ пыль называетъ пылью, не позолотой. Да, жилъ подлѣ дѣвушки странный человѣчекъ. Онъ думалъ уберечь дѣвушку отъ любви; думалъ и оберегалъ, а самъ въ это время влюблялся и падалъ, самъ запутывался, пятидесятилѣтній, въ ея сѣтяхъ. Какъ же было уберечь ему юную дѣвушку! Если мы постараемся понять символически происшествіе, разсказанное К., мы все-таки должны признать неудачнымъ его произведеніе. Въ такомъ случаѣ оно сводится къ проповѣди никому не нужнаго аскетизма.

„Мститель", А—па—страшный разсказъ, въ которомъ много крови и мало психологіи. Онъ написанъ по тому рецепту, по которому фабрикуютъ свои произведенія мнимые сыщики. Дѣйствуютъ непремѣнно аристократы, представители высшаго свѣта. Это придаетъ особенную пикантность убійству. Такъ оно и происходитъ у А. Маркизъ Паоли настоящій злодѣй, которому совершенно недоступны гуманныя чувства. Онъ убилъ свою любовницу графиню Юлію, которая давала ему слишкомъ мало денегъ. Убить ее нужно ему было только потому, что онъ желалъ жениться на дочери банкира Фельчини. Кромѣ того, маркизъ соблазнилъ простую дѣвушку Лизу и за это его убилъ оборванецъ, въ нее влюбленный.

Разсказъ этотъ очень подходитъ для кинематографа. Въ немъ только грубые мазки, которые сумѣетъ передать самый плохой актеръ и которые отлично выходятъ на фотографической лентѣ. Кровожадность фантастическаго маркиза ничѣмъ не обоснована. Просто такъ, жилъ былъ на свѣтѣ Паоли, морзавецъ отъ рожденія, ему доставляло удовольствіе убивать людей, за это онъ и самъ палъ жертвой убійства, человѣчество избавилось отъ негодяя, и добродѣтель восторжествовала. Пинкертоновская литература до сихъ поръ признаетъ, что месть поступокъ добродѣтельный. Фабула у А. самая упрощенная и элементарная. Едва ли она показалась бы удовлетворительной той незатѣйливой публикѣ, которая раскупаетъ выпуски по пятачку. Ее надо кормить преступленіями болѣе таинственными и запутанными. Но помогаетъ и то, что авторъ

разсказываетъ объ отвратительномъ и грязномъ трупѣ съ выпученными въ предсмертной агоніи глазами и о липкой крови, въ которой маркизъ перепачкалъ себѣ руки и бѣлье. Все это банально и недопольно страшно. (*П. Безобразовъ. „Одес. Л.“ 1913—112*).

Спеціалисты находятъ, что въ передачѣ настроеній дѣвушки съ искусственно подавленной жизнью инстинкта К. очень близокъ къ даннымъ науки... Но если предъявлять требованія къ „Дѣвственности“ въ художественномъ отношеніи, подходя къ „запискамъ страннаго человѣка“, какъ къ беллетристическому произведенію, то приходится сказать, что эти огромныя записки слишкомъ тягучая вещь, гдѣ образы мало доказываютъ, гдѣ все поглощаетъ навязчивая идея о дѣвственности, напряженно трактуемая, безъ той естественной пропорціональности въ жизненныхъ переживаніяхъ изображаемыхъ лицъ, которая заставляетъ повѣрить, что они живутъ на самомъ дѣлѣ съ нами. Если же разсматривать „Дѣвственность“, какъ попытку освѣтить вопросъ, то нужно признать ее интересной... У К. была задача отождествить женщину-дѣвушку и женщину не-дѣвушку въ одномъ и томъ же ореолѣ внутренней чистоты, признанной устами „Страннаго человѣка“, поэта „дѣвственности“. Это былъ цѣнный замыселъ. Но онъ остался не выполненнымъ. Такой замыселъ можетъ быть осуществленъ лишь при помощи освѣщенія путаницъ въ человѣческихъ *словахъ*, рефлексомъ бросающихъ темныя тѣни на свѣтлыя человѣческія чувства. А г. К. вмѣсто этого заставляетъ своего героя обволакивать вопросы развыми мистическими словами: дѣвушка-Мадонна; мать-Мадонна; оправданіе извѣчно - таинственнаго велѣнія жизни; чудо непорочнаго зарожденія и пр. и пр. Увы! все это было и ранѣе; если не эти, то подобныя слова были говоримы и ранѣе. Но отъ этого вопросъ объ *униженіи* женщины, въ періодъ между „непорочнымъ“ дѣвичествомъ и материнствомъ, не переставалъ существовать. Нуженъ свѣтъ; но свѣтъ не мистическій, а живой человѣческой психологіи. Этого еще не сдѣлано, не сдѣлано и въ романѣ К. (*„Рус. Бог.“ 1913—6*).

Какъ ни патологично настроеніе арцыбашевскихъ героевъ, въ немъ есть, хоть и уродливое, но живые корни современности, ему нельзя отказать въ искренности и послѣдовательности. Въ повѣсти же К. поражаетъ надуманность. Она такъ искусственна и вычурна, что, несмотря на тонкость и углубленность настроеній, не только не убѣждаетъ, но и не трогаетъ. Невольно сомнѣваешься въ искренности автора: Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, додумался до такой странной безжизненной и даже безсмысленной философіи?.. Противъ чистоты и непорочности, какъ символа, ничего нельзя было бы возразить; но, во-первыхъ, онъ не выдержанъ авторомъ—чистота постоянно смѣшивается имъ съ невинностью, непорочность съ нетронутостью; во-вторыхъ, для символа въ повѣсти ужъ слишкомъ громоздкая, грубо конкретная рамка. (*Е. Колтоновская. „Вѣст. Евр.“ 1913—7*).

Несмотря на незаконченность, романъ производитъ прекрасное впечатлѣніе. Рѣдкая книга, вышедшая въ послѣдніе годы, производила на пишущаго эти строки такое сильное впечатлѣніе, какъ романъ К. Если бы авторъ избѣжалъ нѣкоторой растянутости и излишняго философствованія, его книга была бы еще интереснѣе. Но и это прощается ему, такъ какъ онъ любовно отдался работѣ надъ разрѣшеніемъ одного изъ извѣчныхъ вопросовъ. (*К. К. „Гол. М. 1913—175*).

Романъ К.—не оголтѣлый крикъ современнаго буржуазнаго звѣря, а свѣтлый, хотя и не совершенный, на нашъ взглядъ, гимнъ лучшему будущему. И потому на немъ отдыхаешь. (*Н. Чужакъ. „Сиб. Новь“. 1913—145*).

688. [. . . . . 8—8

„Прометей“ литературно - художественные сборники. Избранныя произведенія современной русской литературы. Книга I. Спб. 1913. Кн-во „Прометей“. Ц. 50 к.

Идея издателей—„собирать время отъ времени воедино наиболѣе яркія и талантливыя произведенія современной изящной литературы“,—что можно сказать противъ нея? Сдѣлать сборники „Прометей“ своего рода хрестоматіей избранныхъ произведеній и притомъ, детевой хрестоматіей—да съ чѣмъ тутъ спорить?! Иное дѣло—исполненіе. Отмѣтимъ прежде всего общее. Тутъ слѣдуетъ сказать, что въ сборникѣ, за исключеніемъ одного и того же русскаго языка, нѣтъ рѣшительно ничего общаго: ни идеи, ни плана, ни настроенія, ни какой-либо опредѣленной художественной задачи. Остается говорить о частностяхъ.

Разсказы Г. Яблочкова—„Операція“ и „Гибель Звѣзды“—самые заурядные разсказики, какихъ въ текущей журналистикѣ сотни и тысячи. Оба разсказа поражаютъ развѣ щегольствомъ по части знанія подробностей той или иной специфической области. Такъ, въ „Операціи“ до скрупулезности рисуется инструментально-хирургическая сторона, а въ „Гибели Звѣзды“—чуть ли не полный курсъ машиностроенія. Но это—тотъ какъ разъ видъ словесности, о которомъ говоритъ Толстой (статья „Что такое искусство“), какъ о внѣшне подражательномъ. Душа-то произведенія за всѣми этими тонкостями и теряется. Разсказикъ С. Аникина „Молотьба“—это наиболѣе неудачное произведеніе сборника. Впечатлѣнія и внѣшнія переживанія. Самый отсталый и самый искусственный, какой-то *книжный* видъ литературы. Вся новѣйшая литература—въ лицѣ В. Винниченко, С. Городецкаго, Б. Верхоустинскаго, Б. Зайцева, С. Ценскаго и другихъ—съ нимъ борется. И молодыя ихъ исканія вполнѣ естественны. Два разсказа П. Сургучева—„Ванькина молитва“ и „Родители“. Послѣдній недуренъ—и только: перепечатывать его едва ли стоило. Но „Ванькина молитва“—это полная противоположность разсказу С. Аникина: такъ все въ немъ и просто и трогательно. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ разсказовъ сборника. „Яблочнаго царька“ Б. Садовскаго могло бы въ сборникѣ и не быть, хотя онъ и не изъ худшихъ произведеній въ „Прометеѣ“. Издатели поступили бы раціональнѣе, выбравъ что нибудь изъ стихотвореній Садовскаго, вмѣсто того, чтобы перечитывать цѣлыхъ четыре, довольно, сомнительной цѣнностей, стихотворенія Ал. Вознесенскаго. Пятое стихотвореніе принадлежитъ Н. Карпову; на подражательный характеръ его уже указывалось. Вообще, замѣтно, что на поэзію издатели смотрятъ, скорѣе, какъ на затычку пустого пространства. А это жаль. Разсказъ Н. Н. Никандрова, „Береговой вѣтеръ“ достаточно яркъ и красоченъ. Авторъ его принадлежитъ

къ той школѣ беллетристовъ, которая народность и интимную неотдѣлимость человѣка отъ природы ставитъ во главу угла художества. Пандантъ къ разсказу „Ванькина молитва" Сургучева.

Той же школы, но только гораздо болѣе яркій—разсказъ Б. Верхоустинскаго „Во лѣсахъ". Здѣсь все дышетъ интимностью,—ни одного штриха „литературнаго", ни одного уклона въ сторону „книжности". Это—лучшее, на нашъ взглядъ, произведеніе сборника. Полная противоположность Б. Верхоустинскому—А. Гринъ, съ его искусственно-экзотическими, по обыкновенію, разсказами „Островъ Рено" и „Проливъ бурь". Такъ все здѣсь дѣланно, вульгарно, грубо-подражательно Майнъ-Риду и другимъ! Природа здѣсь—одна лишь декорація, герой—въ сусальныхъ краскахъ, дѣйствіе—по барону Мюнхгаузену. Суздальское творчество! Разсказъ М. Премірова „Кабакъ"... Есть и сочность, и яркость, но все это тамъ, гдѣ описываются женскія прелести и клубничныя похожденія. Все прочее и грубо и элементарно. Стилизаціи С. Ауслендера „Гансъ Вроденъ", какъ и все у этого писателя, мертва, безжизненна.—Сухіе листья—но безъ аромата осени.

И все. Какъ видите, ни тѣни общаго: ни плана, ни идеи, ни какой-либо опредѣленной художественной задачи, ни настроенія. Жаль, жаль... А какъ легко было бы объединить въ альманахѣ то или иное изъ живыхъ теченій,—ну, хотя бы то, напримѣръ, молодое, представителями котораго являются Б. Верхоустинскій, С. Городецкій, Зайцевъ, Ценскій и др!.. Побольше вкуса при этомъ и эстетическаго чутья, въ свою очередь, тоже не повредило бы издателямъ. (*И. Чужакъ. „Сиб. Новь". 1913—119*).

Первая книга этихъ сборниковъ обнаруживаетъ плохой вкусъ редакторовъ изданія: матеріалъ подобранъ неинтересный и мало-художественный. (*„День". 1913—106*).

Нельзя признать, что матеріалъ книги принадлежитъ къ избраннымъ произведеніямъ. Выборъ вещей, очевидно, носитъ чисто случайный характеръ. (*„Рус. Молва". 1913—168*).

Въ книгѣ читать почти нечего. Въ сборникъ вошли случайныя, далеко не лучшія вещи, а главное вошли современныя произведенія, совершенно не характерныя для современности. Лучше другихъ произведеній сборника „Береговой вѣтеръ" Н. Никандрова. Несмотря на недостатки перваго сборника, можно надѣяться, что составители сумѣютъ, при поддержкѣ читателей и писателей, выполнить прекрасную цѣль, сумѣютъ избѣжать пестроты и дадутъ въ каждой книгѣ матеріалъ, связанный воедино опредѣленной идеи. Дѣло это не можетъ заглохнуть: демократическому читателю нужны хорошія, доступныя по цѣнѣ, книги. Ихъ можно и должно дать ему. (*В. Львовъ-Рогачевскій. „Соврем." 1913—5*).

Сборники „Прометей" должны представлять собою соль новѣйшей русской литературы. Судя по первому альманаху — соль эта достаточно-таки относительнаго качества. Рядомъ съ хорошими жизненными вещами С. Ауслендера, Никандрова, Сургучева и Яблочкова, стихи Карпова и Вознесенскаго очень блѣдны и вымучены. Цѣна изумительно низкая (50 к. за кн. въ 300 стр.), позволяющая надѣяться на широкій сбытъ альманаховъ „Прометей". (*В.л. Парбутъ. „Нов. Журн. д. Вс." 1913 — 5*).

Судя по первому сборнику „Прометей", въ немъ нѣтъ ни одного первокласснаго писателя, а собраны вещи первостепеннаго достоинства, принадлежащія перу начинающихъ писателей. Все же цѣнность сборника несомнѣнна, такъ какъ она позволитъ читателямъ дать себѣ отчетъ въ различныхъ оттѣнкахъ дарованій современныхъ писателей путемъ ихъ сопоставленія. Съ удовольствіемъ читаются стилизованные разсказы Б. Садовскаго, С. Ауслендера и А. Грина. Недурны разсказы П. Сургучева, М. Премірова, Б. Верхоустинскаго, Н. Никандрова, Г. Яблочкова. Очень слабъ разсказъ С. Аникина. (*А. Кратовъ. „Завѣты". 1913 — 6*).

Книгоиз. представило далеко не „избранныя", а лишь случайныя произведенія, почему-либо подвернувшіяся подъ руку... Новый сборникъ не можетъ замѣнить хрестоматію избранныхъ произведеній соврем. изящной литературы... Я все же беру на себя смѣлость рекомендовать читателямъ сборникъ. За весьма дешевую цѣну онъ получитъ книгу, въ которой есть и весьма недурныя вещи, какъ, напр., разсказы Сургучева Никандрова, Верхоустинскаго и др. (*Вл. Кр. „Совр. М." 1913—7*).

689. Мюрже, А. 84—3

Богема. Романъ. Изд. М. Г. Корнфельда. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Въ сущности это не романъ, а сборникъ маленькихъ повѣстушекъ и разсказовъ, плохо и нестарательно склеенныхъ между собой единствомъ дѣйствующихъ лицъ, объединенныхъ болѣе настроеніемъ, чѣмъ фабулой. Изображается въ романѣ парижская богема. Бѣдность и жажда наслажденій, преклоненіе передъ деньгами и полная неразсчетливость, суровая борьба за существованіе на мансардахъ, смягчаемая полной беззаботностью и веселостью молодости, озаряемая надеждами на грядущіе побѣды и успѣхи; долгія полосы безденежья, разорительные кутежи, когда случайно серебро или золото забренчитъ въ карманѣ; первыя увлеченія нѣтреными подругами, ссоры и примиренія — вотъ жизнь начинающихъ: художника, литератора, ученаго и музыканта. Неприглядная, сумбурная жизнь... Въ заключеніи романа—герои уже побѣждаютъ жизнь, выходятъ на ровную дорогу извѣстности, обезпеченности. Но автору какъ бы жаль богемы, она ему кажется красочнѣе, снѣжѣе, чѣмъ жизнь, полная довольства; да и герои какъ бы недоумѣваютъ: они ли побѣдили жизнь, или жизнь ихъ побѣдила? Романъ по времени относится къ Парижу послѣдней имперіи. Но недавномы слышали разсказы Ришпэна о современной богемѣ—она очевидно, мало измѣнилась. Изданъ романъ изящно, но съ очень многими опечатками. (*В. С. „Соврем." 1913—4*).

Герои „Богемы" не „бывшіе люди", а люди съ будущимъ. Они не знаютъ „милліона терзаній" своихъ собратьевъ изъ романовъ Бальзака, ихъ лихорадочной и изнуряющей борьбы за успѣхъ. Крайняя простота ихъ характеровъ и нравовъ плѣняетъ читательское благодушіе. Мѣщанскій романтизмъ этихъ несложныхъ повѣствованій, этотъ своеобразный французскій Biedermeyer явился желанной утѣхой парижскаго буржуа. Вѣдь воспоминаніе о бурныхъ малостяхъ и непринужденныхъ нравахъ студенческихъ лѣтъ—единственное поэтическое достояніе его почтенной и дѣловитой зрѣлости. Другая причина длительнаго успѣха романа — женскіе образы

М., его „гризетки" — яркіе цвѣты парижской мостовой. Мими, Мюзетта, Франсина. И нынѣ ихъ эфемерные романы продолжаютъ жить на оперной сценѣ. Ихъ чувства мимолетны, но живы, обликъ граціозенъ и легокъ. Эти розовыя акварели ничѣмъ не напоминаютъ демоническихъ куртизанокъ Бальзака. Неглубокое очарованіе этихъ эпизодовъ, не рѣдко построенныхъ чисто механически, и нынѣ еще не испарилось окончательно, и русское изданіе сулитъ еще многимъ, не слишкомъ притязательнымъ читателямъ, немало удовольствія, тѣмъ болѣе, что переводъ книги выполненъ хорошо. (*А. Левинсонъ. „Совр. М." 1913—5*).

Читая М., который, вѣроятно, тоже писалъ своихъ жизнерадостныхъ друзей придерживаясь натуры, сожалѣешь, что русскій беллетристъ, самъ съ головой окунавшійся въ подобную жизнь, не далъ соотвѣтственнаго романа, полнаго занимательныхъ похожденій. Сотни старыхъ писателей прошли черезъ эту школу и ушли въ смерть, не оставивъ на память о своихъ веселыхъ дняхъ ни страницы. Вотъ, между прочимъ, одна изъ чертъ различія богемы парижской и русской. Наши не улыбавшіеся старые критики,—Скабичевскіе, Введенскіе, — такъ запугали русскаго беллетриста, что, избѣгая упрека въ памфлетномъ письмѣ, онъ за версту обходилъ и обходитъ нѣкоторыя, даже унлекательныя темы. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл." 1913—149*).

690. Вальдесъ, А. П. 86—3

Сестра Санъ-Сульписіо. Пер. съ исп. М. М. Карминой-Читау. Подъ ред. и съ крит.-біогр. очеркомъ М. В. Ватсонъ. К-во „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Названный романъ — лучшее произведеніе крупнаго испанскаго писателя В. Живо и интересно развивается основная фабула романа—любовь андалузянки-монахини и молодого галиційскаго поэта, заканчивающаяся счастливымъ бракомъ покинувшей монастырь героини. Яркой поэзіи полно повѣствованіе о ночныхъ свиданіяхъ влюбленной четы у рѣшетки окна невѣсты, знойной нѣгой юга овѣяны описанія андалузской природы, танцевъ и пѣсенъ. Писатель-реалистъ, В. не ограничивается любовной интригой, а вводитъ въ романъ много бытового элемента, даетъ характерныя сценки изъ жизни севильскихъ работницъ-„сигареръ" (папиросницъ), описываетъ кутежи въ испанскихъ „вентахъ" (ресторанахъ) и проводитъ передъ читателемъ рядъ законченныхъ типовъ — отъ аристократа-графа до разбойника и вора Наранхеро. Характерной и привлекательной чертой въ романѣ является также жизнерадостный, бодрый юморъ, пронизывающій все произведеніе. Мѣткій и точный языкъ, отсутствіе длиннотъ, яркій колоритъ національности, способствуетъ интересу, возбуждаемому романомъ В., который значительно выше популярныхъ у насъ произведеній другого испанца Бласко Ибаньеса. (*Вл. Смѣльскій. „День". 1913—166*).

Первый томъ В. его романъ „Сестра Санъ-Сульписіо". Если судить по нему, В. нѣсколько тоньше Ибаньеса, на акціяхъ котораго но такъ давно усердно играли (впрочемъ, неудачно) русскія книжныя фирмы. Въ романтическихъ сценахъ у В. есть темпераментъ. Только-что зарождающуюся, еще пеловкую, еще несмѣлую страсть онъ умѣетъ передавать такъ, что сцену хочется прослѣдить до конца. Поэтъ достигаетъ того, что влюбленная въ него севильянка бросаетъ монастырь. Въ послѣдней главѣ вмѣстѣ съ возлюбленнымъ она посѣщаетъ покинутую обитель. И когда, издѣваясь надъ монахинями, она бросается при нихъ на шею своему мужу съ знойными поцѣлуями, вы чувствуете ту повышенную театральность и экспансивность письма южанина, къ которымъ совершенно не пріучилъ насъ сѣверный писатель. Намъ это кажется дѣланнымъ.

Писательскій девизъ В.—искусство для искусства, и напрасно искать въ его романѣ какихъ-нибудь новыхъ идей. (*Измайловъ. „Рус. Сл." 1913—149*).

В. одаренъ тонкой ироніей, легкимъ юморомъ, умѣетъ создавать живые типы, развивать мастерски фабулу и придавать разсказу неослабѣвающій интересъ. В. не гонится за оригинальностью, боясь сбиться на эксцентричность, на первый планъ ставитъ дѣйствующихъ лицъ и характеръ, а природу и ландшафтъ—на задній, хотя въ описаніи ихъ онъ также величайшій мастеръ. Точный и внимательный наблюдатель окружающей его дѣйствительности, онъ — отчасти философъ, отчасти юмористъ — врагъ всего манернаго, вульгарнаго, мелодраматическаго. Изъ боязни впасть въ подобнаго рода литературный грѣхъ онъ иногда даже слишкомъ сдержанъ и часто не даетъ волю порывамъ непосредственнаго вдохновенія. „Сестра Санъ-Сульписіо" — лучшій романъ В. Въ немъ авторъ — творецъ типовъ. Центральная фигура Глоріи — живая, изящная, чарующая. Разсказывая о любви поэта Санхурхо къ ней, романистъ перелилъ въ Санхурхо свои взгляды, чувства и душу, избравъ для этого автобіографію поэта. Это усиливаетъ нашъ интересъ къ „Сестрѣ Санъ-Сульписіо". Переводъ романа хорошъ. (*„Гол. М." 1913—165*).

В.—это Золя современной испанской литературы, при чемъ отличительныя черты его—тонкій юморъ и умѣнье постепенно развивать фабулу, на фонѣ которой онъ изображаетъ интересные и характерные типы. „Сестра Санъ-Сульписіо" вводитъ въ совершенно чуждый міръ русскаго читателя, который, однако, чувствуетъ, что передъ нимъ живыя лица, дѣйствительная жизнь. (*„Изв. по Лит." 1913—7*).

В.—натуралистъ. Ему прекрасно удаются описанія бытовыхъ сценъ, онъ—живой, остроумный разсказчикъ, въ устахъ котораго самыя незначительныя событія становятся интересными. Тутъ нѣтъ никакого развитія чувства, никакой исторіи сердца. Это—исторія завоеванія. Самая эпизодичность, которую мы привыкли считать недостаткомъ романа, возводится здѣсь въ принципъ. Здѣсь нѣтъ ничего художественно-необходимаго—приключеніе остается главной пружиной. Только одно служитъ нѣкоторымъ объединеніемъ разрозненныхъ частей—ироніи, съ которой ведетъ свой разсказъ самъ герой романа. Благодаря ей всѣ факты проходятъ сквозь нѣкоторое личное сознаніе, которое придаетъ имъ внутреннее единство. Но, съ другой стороны, эта ирония возбуждаетъ нѣкоторыя психологическія ожиданія, которыя не оправдываются. Конецъ не объясняетъ этой ироніи и оставляетъ ее случайнымъ свойствомъ героя. Надо прибавить, что языкъ героини романа, Глоріи, очень не удался переводчицѣ: вмѣсто горячности и остро-

умія явилась грубость. Остальное переведено хорошо. (*„Рус. Молва“. 1913—216*).

691. Владимирова, А. 891.7—1

Дали вечернія. Стихи. Спб. 1913. Ц. 1 р.

Сборникъ стихотвореній Ады В. состоитъ исключительно изъ лирическихъ произведеній, основнымъ мотивомъ которыхъ является тяготѣніе къ „воздѣшнему“, исканіе „вещей, звѣздной красоты“, связанное съ сильнымъ уклономъ къ мистическому христіанству („Къ Христу“, „Чудо“). Въ русской природѣ авторъ подмѣчаетъ преимущественно тихія и грустныя настроенія; въ интимной лирикѣ В. тоже наиболѣе удается передача робкаго, тихаго чувства,— такъ, задумчивы и граціозны стихотворенія „Я ждала тебя долго“, „Засыпая“, „Въ теремѣ“, „Чутко жду тебя“ и др. Недостаткомъ поэзіи В. со стороны содержанія является нѣкоторое однообразіе и отрѣшенность отъ жизни, съ технической стороны—ритмическая однотактность и частая шероховатость рифмы; несомнѣннымъ же достоинствомъ — искренность и непосредственность переживаній и общая нѣвучесть стиха. (*Т. Г. „День“. 1913—6*).

Въ наше время, когда, смѣшивая понятіе искусства съ понятіемъ искусности, всякій, кому не лѣнь, занимается спортомъ версификаціи, и не только внѣшняя виртуозность, но и изысканность содержанія поэтической рѣчи стали достояніемъ многихъ, сборники Ады В. и др.—явленіе весьма любопытное. Какимъ образомъ авторы эти умудрились „соблюсти себя“, какимъ способомъ консервировали они въ водоворотѣ современной культуры свою на диво цѣльную некультурность? Не столько удивительна безграмотность ихъ стиха и зачастую просто грамматическая безграмотность рѣчи, сколько безумная безсознательность, толкающая этихъ авторовъ къ опубликованію своихъ произведеній.

Произведеніе Ады В. даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ этой тайны: „Я не знаю, зачѣмъ и куда я иду“, пишетъ поэтесса. Но полномочія, принятыя ею, очевидно, весьма широки: „Я жемчужныя вѣсти на землю снесу“, „и мечтой горизонты земли обнесу...“ И весьма возможно, что В. вѣритъ, что она „снесетъ“ и „обнесетъ“: она необычайно внечатлительна,—стопло ей, напримѣръ, купить „брошку съ распростертыми бѣлыми крыльями“, какъ она „счастью постигла“, „и чайкой всворхнула надъ людьми съ ихъ пустыми усильями“. Найдутся, быть можетъ, легковѣрные, которые попѣрятъ „воздушно-нѣжной, какъ радость поцѣлуя“, поэтессѣ, но кого обманетъ она, когда заявляетъ: „Я новыхъ словъ ищу, не отступая“? Какими же и сколькими словами владѣла В. до начала своихъ поисковъ? (*А. Полянинъ. „Рус. Молва“. 1913—68*).

Книга стиховъ В.—банальное чирикапье дамы, читавшей безъ разбору и съ одинаковымъ удовольствіемъ—и Бальмонта, и Надсона, и Блока, и Апухтина. На каждой строчкѣ затрепанныя слова: „неземныя чертоги“, „мрачныя тучи“, „прекрасныя мгновенія“, „мучительныя будни“ и въ этомъ родѣ безъ конца. Какъ не любятъ дамы обноски въ жизни и какъ охотно носятъ ихъ въ литературѣ! (*С. Кречетовъ. „У. Рос.“ 1913—167*).

692. Вольновъ, И. 891.7—3

Повѣсть о дняхъ моей жизни, радостяхъ и приключеніяхъ. Крестьянская хроника. Изд. „Прометей“. Спб. 1913. Стр. 270. Ц. 1 р. 25 к.

Початавшаяся въ „Завѣтахъ“ и обратившая на себя вниманіе крестьянская хроника Ив. В. „Повѣсть о дняхъ моей жизни“ вышла отдѣльнымъ изданіемъ и является въ высокой степени любопытнымъ произведеніемъ изъ серіи тѣхъ, которыя посвящены современной деревнѣ.

Про богатую литературу, посвященную этому предмету, можно сказать, что она, при всемъ своемъ изобиліи въ послѣднее время, отличается одной весьма четкой чертой: мучительная это литература, надрывная, больная,—изъ какого бы лагеря она не исходила. Точно таковъ ужъ рокъ нашъ. Вся литература о русской деревнѣ подернута особой печалью, которая затѣмъ, въ эволюціи литературы, переходитъ въ сплошной пессимизмъ, который становится тѣмъ гуще, чѣмъ портретнѣе, фотографичнѣе,—ближе къ жизни,— картины деревенскаго бытія, чѣмъ искреннѣе и правдивѣе описанія того ада, какой оно собою представляетъ.

Повѣсть Ив. В., при своемъ появленіи въ журналѣ, привлекла большое вниманіе и возбудила даже рядъ весьма пламенныхъ надеждъ на автора. Высказывалось мнѣніе, что „Повѣсть о дняхъ моей жизни“ выше Бунинской „Деревни“, что эта „Повѣсть“ является совершеннѣйшимъ произведеніемъ, которое наиболѣе ярко и съ небывалой силой отражаетъ современную деревенскую жизнь и даетъ ей окончательную обрисовку и финальную художественную отдѣлку. Послѣднее слово въ этой области будто бы остается за В. Въ такихъ отзывахъ, несомнѣнно, слишкомъ много преувеличеній.

Крестьянская хроника написана съ необычной простотой и искренностью, съ красивой и скромной правдивостью и точностью. Мѣстами, благодаря этой простотѣ и правдивой искренности, нѣкоторыя страницы хроники положительно обращаются въ трагедію, сдѣланную большимъ художникомъ, трагедію незабываемую, трагедію высокой жуткости, которая можетъ быть создана только силой опредѣленно-выраженнаго таланта. Жизнь непосредственная, реальная, взятая прямо изъ гнилыхъ устоевъ власти земли, жизнь, не прикрашенная никакимъ идеализмомъ, никакими порываніями къ свѣтлому будущему, жизнь грубая, какъ глыба дикаго камня,— вотъ жизнь въ крестьянской хроникѣ В. Это реализмъ, переходящій въ фотографичность, въ слишкомъ точное воспроизведеніе дѣйствительности, натуры. И живая натура хроники такъ пропитана правдой, что порою чувствуется перенасыщенность ею всего произведенія, а это является нарушеніемъ элементарной художественной гармоніи и равновѣсія между жизнью и прекраснымъ... Крестьянская хроника носитъ на себѣ всѣ черты личныхъ переживаній. Это автобіографія крестьянина, вышедшаго изъ темной деревни на свѣтлую дорогу высокой культуры. И хроника является сводкой личныхъ воспоминаній и переживаній автора, насколько они сохранились въ его памяти.

Первое и общее внечатлѣніе отъ крестьянской хроники по-истинѣ страшное. Много страшнаго мы извѣдали и испытали. Въ этомъ отношеніи русская жизнь не церемонилась съ нами и пересыпала насъ своими ужасами и проклятыми, кошмарными снами наяву. И все же

крестьянская хроника, это— сплошная лѣтопись ужаса, невѣроятнаго, непередаваемаго, возмутительнаго. Читаешь и не хочется вѣрить, что все это происходитъ въ Россіи, что наша деревня, которая описывается въ хроникѣ, является базой великой страны, что мы — способная нація, что у насъ есть хоть кой-какіе успѣхи въ культурно-правовыхъ завоеваніяхъ, что мы — люди. Даже до такого страшнаго вопроса доходишь, читая эти черныя страницы, облитыя слезами, горемъ, кровью и насиліемъ. Читаешь и не хочется вѣрить, что за нами—тысячелѣтіе существованія, какая-то великая, хорошо выполненная организаторская роль, великое строительство мощной громады, что у насъ какія-то задачи для будущаго. Гдѣ же это строительство, когда всѣ наши корни гнилы, всѣ базы источены червемъ, въ родѣ непобѣдимаго мурулiуса, медленно съѣдающаго вѣковое дерево. Тля сильнѣе мощной мощи государства. Тля властвуетъ въ базѣ и грозитъ въ будущемъ. Тля сильнѣе Самсона расшатываетъ уже колонны, поддерживающія зданіе. И не пора ли кричать поэтому: «спасите! и спасайтесь!» потому что, если все то, о чемъ говоритъ крестьянская хроника,—правда, то, вѣдь, намъ грозитъ стихійная неожиданность хуже мессинскаго землетрясенія. Сплошь тянется страница за страницей хроника ужасовъ и всѣ страницы, разнообразныя по содержанію,—однообразны по фону, по сути самой жизни, по качеству ея основъ. Самый главный фонъ это—отчаянная нищета, со временъ паденія крѣпостного права увеличившаяся и до послѣднихъ граней. Это нищета, которая плодитъ отчаяніе, самое низко-калиберное, отчаяніе звѣря-дикаря, зоологической особи, а не человѣка. Отчаяніе, которое доходитъ даже до того, что суевѣріе переходитъ въ буйный атеизмъ, выражающійся въ кощунствѣ. Отчаяніе это, естественно, вызываетъ тягу къ водкѣ, которая дѣйствительно является единственнымъ утѣшеніемъ въ безпросвѣтности и безысходности отчаянія. И такимъ же естественнымъ послѣдствіемъ является и безнадежная и тоже отчаянная грубость, которая пропитываетъ всѣ крестьянскія отношенія и окрашиваетъ ихъ въ цвѣтъ тоже чисто-зоологическій. Въ тьмѣ, въ которой гнѣздится пьянство, гнѣздится и развратъ въ самой тяжелой формѣ—семейный развратъ. И здѣсь же затаптывается все свѣтлое и хорошее, что есть въ деревнѣ, а это свѣтлое и хорошее теплится только у дѣтей, у дѣвушекъ и у тѣхъ женщинъ, которыя еще окончательно не загнаны въ трясину отчаянія, въ которой находятся уже безвыходно мужчины...

И нѣтъ никакого выхода? Почти нѣтъ. Отдѣльные проблески новыхъ стремленій, новыхъ порываній и дерзновеній деревни, которыя подмѣчаетъ В., слишкомъ еще слабы, слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ неисчерпаемымъ океаномъ мерзости деревенской жизни. Двѣ-три проснувшихся отъ ужасовъ жизни души врядъ ли спасутъ деревню отъ мертваго гнилостнаго разложенія, врядъ ли создадутъ какой-нибудь приливъ къ ней новыхъ силъ. Если вѣрить В., въ деревнѣ сплошной адъ, изъ котораго только рѣдкія одиночки пытаются еще выбраться. Остальное все погибло.

Такого пессимизма раздѣлить нельзя, хотя, конечно, несомнѣнно, деревенская жизнь представляется теперь сплошь и рядомъ однимъ ужасомъ. Однако, эти ужасы такъ ослѣпляютъ всѣхъ наблюдателей деревни, что изъ-за нихъ они не видятъ и здоровыхъ началъ и корней. Ужасы, правда, какъ магнитъ, привлекаютъ къ себѣ: вѣдь они творятся открыто, всѣмъ видно, выходятъ на улицу, выносятся на площадь. А свѣтлое и хорошее зрѣетъ въ тиши и тайнѣ. И дѣйствительный художникъ сумѣетъ раскрыть эти тайны и создать равновѣсіе въ жизни, которая изображается столь однобоко.

Въ литературѣ о деревнѣ крестьянская хроника В., несомнѣнно, займетъ свое большое и опредѣленное мѣсто, какъ одинъ изъ самыхъ обоснованныхъ обвинительныхъ актовъ, составленныхъ на базѣ документальныхъ данныхъ и непосредственнаго жизненнаго опыта. (*Ал. Ожиговъ. „Совр. Сл.“. 1913—1465*).

У писателей есть множество способовъ доказать свой талантъ. Если книга написана горячо, ее можно назвать талантливой. Если она написана красиво, тонко, идейно, то это, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ, что у автора литературный талантъ. Но ни пламенность сама по себѣ, ни красота, ни тончайшее сплетеніе словъ въ отдѣльности еще не выражаютъ собою таланта. Послѣдній, чтобы остаться живучимъ и интереснымъ, долженъ быть убѣжденнымъ въ своемъ правѣ на существованіе или, какъ выражается Чеховъ, таланту, ставшему на послѣдную точку, необходимо чувство личной свободы. Книга, написанная авторомъ, не обладающимъ этимъ даромъ, немедленно вливается въ море забвенія. И, наоборотъ, можно быть лишеннымъ изящнаго вкуса и обладать весьма дурнымъ стилемъ; но разъ писателю дано отъ природы чувство личной свободы, онъ знаетъ кратчайшую дорогу къ извѣстности, и симпатіи читателей будутъ на его сторонѣ... Чувство личной свободы, обладающее даромъ превращать художественную хронику въ тихія чары утѣшенія и любви исчезло изъ русской поэзіи. И только въ томъ, что пишется въ послѣднее время, у отдѣльныхъ писателей, снова слышится пробужденіе этого чувства. Къ числу такихъ немногихъ произведеній относится и повѣсть Пв. В. Главное достоинство этой повѣсти не ея деревенскій бытъ и деревенскіе герои, а самъ авторъ, въ жилахъ котораго „течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая“. Каждая страница Пв. В. напоена свѣтлымъ, освѣжающимъ чувствомъ личной свободы. И это чувство дѣйствуетъ обязательнѣе, чѣмъ самая изощренная литературная техника.

Много мучительнаго и страшнаго открываетъ повѣсть В. Но кажется, часть критики поставила этой книгѣ задачи гораздо шире той цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ. Это не этнографія и не политика, а психологическій анализъ, имѣющій, повидимому, автобіографическій характеръ и отличающійся глубокой правдивостью. Значеніе этой книги—не въ знаніи быта, не въ краскахъ и въ художественной концепціи, а въ характерѣ исповѣди. Авторъ не описываетъ зрѣлище крестьянской жизни, а самъ, какъ актеръ и геній этой пьесы, разсказываетъ исторію своихъ собственныхъ слезъ и тревожно обнажаетъ свои собственныя раны. Оттого впечатлѣніе отъ этого разсказа родственно тому, которое производитъ, напр. „Поединокъ“ Куприна или „Записки врача“ Вересаева. Привилегія оплакивать каждое крестьянское несчастіе, какъ свое собственное, и оцѣнивать каждый мужицкій грѣхъ не

какъ роль, а какъ тайную вину, уменьшаетъ въ глазахъ читателя художественные недочеты этой повѣсти и заставляетъ интересоваться личностью автора гораздо болѣе, чѣмъ сюжетомъ, и его настроеніями болѣе, чѣмъ его творчествомъ. И въ этомъ смыслѣ чрезвычайно цѣнны тѣ сравненія, которыя вызываетъ повѣсть Ив. В. Стоитъ только сопоставить ее, напр., съ „Деревней“ Ив. Бунина. И въ бунинской „Деревнѣ“, и въ деревнѣ Ив. В. господствуетъ тупость и одичалость. И тамъ, и тутъ люди живутъ хмурой, тоскливой, голодной и пьяной жизнью. Та же нищета и неудѣльность. Та же грязь. Тѣ же гнилые и темные углы, убогіе доминки, рваные зипуны и пустыя риги. И у Бунина, и у Ив. В. надъ каждой деревенской фигурой безнощадно царитъ голодная мечта о хлѣбѣ, о водкѣ, о наживѣ. Всѣ враги другъ другу, завистники, сплетники. Съ горечью и злобой извлятъ и срываютъ сердце на комъ попало. Учиняютъ звѣрскія расправы. Подличаютъ, ненавидятъ и вырождаются. И съ утра до ночи стонетъ надъ деревней стонъ избиваемыхъ.

Цокнулъ, хрястнулъ, хлестнулъ, грянулъ, ахнулъ—этими словами биткомъ набита вся повѣсть Ив. В. Но несмотря на эти жесткія слова, на вопли озлобленной нищеты, что-то есть въ повѣствованіи Ив. В., что придаетъ всей его книгѣ мечтательную духовность, рѣзко отличающую деревню этого автора отъ бунинской Дурновки. Это—напряженное ожиданіе возрожденія, трепетное предчувствіе новой жизни, которое идетъ изъ глубины авторскаго сердца. У Бунина жадность, одичалость и грубость герметически сжимаютъ деревню, и она вся, изолированная отъ свѣта и жизни, гніетъ. Гніютъ домишки, кресты на погостѣ и мертвыя кости въ землѣ. Гніютъ живьемъ старики и малыя дѣти. Гніютъ отъ голодухи, нищеты и болѣзней. И трудно, невозможно себѣ представить, что этимъ дырявымъ зипунамъ принадлежитъ и поблекшее прошлое, и священное будущее. Что это не звѣри, не обреченные на полное вырожденіе дикари, а весь оплотъ русской жизни, уже прозрѣвающій исповидящимъ взоромъ расцвѣтъ грядущихъ временъ. У Ив. В. всѣ страницы его повѣсти вмѣстѣ со слезами и грязью напитаны этимъ чудеснымъ прозрѣніемъ безсмертія. Люди пьютъ, дерутся, звѣрствуютъ, но это совсѣмъ не признакъ близкой кончины міра. Пройдетъ пьяный угаръ, пронесутся мертвые дни, и не будетъ ни темныхъ мужиковъ, ни малыхъ, ни горя, ни слезъ. И изъ глубины своего возрожденнаго сердца новая деревня вызоветъ новыя слова и новые обѣты. Драловка Ив. В. вся полна какого-то смутнаго ожиданія. Пьетъ, но не теряетъ вѣры и бодрости. Лупитъ звѣрски своихъ дѣтей, но мечтаетъ ихъ вывести въ люди. Калѣчитъ подъ пьяную руку, но посылаетъ въ школу и наставительно шепчетъ сыну: „Учись, родной, учись!.. Находи свою свѣтлую долю... Мы умремъ скотами, надалью, а ты—ищи свое счастье и—учись!“. Даже самъ Шавровъ послѣ пьяныхъ кутежей и издѣвательствъ приходитъ каяться къ Васѣ-семинаристу.

Въ повѣсти Ив. В. много книжнаго демократизма и ординарной сантиментальности. Его герои наполовину сочинены и новаго ничего не даютъ. Но книга его читается съ такимъ интересомъ, что многія сцены хочется читать вслухъ. И этимъ авторъ обязанъ чувству личной свободы, которое достигаетъ въ немъ высокаго радостнаго подъема и дѣйствуетъ сильнѣе таланта. Чувство это дѣлаетъ нестрашными самыя жесткія слова Ив. В. и самымъ фактомъ своей собственной жизненности выноситъ смертный приговоръ старой, сонной, расхлябистой деревнѣ. Въ этомъ смыслѣ литературныя заслуги Ив. В. стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній; и можно признать безъ оговорокъ, что имъ не только проявлена смѣлая независимость въ жизни, но одержана также большая побѣда въ литературѣ. (*Л. Войтоловскій. „Кіев. Мысль“. 1913—190*).

Не хочется передавать содержанія этой книги, этой необыкновенной книги. Да и не передать, потому что душа этой книги не во внѣшнемъ содержаніи, потому что корни ея сокрыты глубоко, — въ почти мистической дали развертывается передъ нами сумбурная, изъязвленная жизнь разрастающейся въ широкій символъ деревни Осташково. Словно изъ тьмы вырисовываются жуткія человѣческія лица,—да и человѣческія ли?

„Червя нынче много на пашнѣ: плохой, знать, урожай будетъ на лѣто“. И чувствуешь, слышишь, какъ точитъ, точитъ этотъ червь сердце русской земли, и чудится, бовзно мерещится въ созваніи: „не быть урожаю на русской землѣ“. Не литературная книга, но лучше литературныхъ книгъ. Схватываетъ за сердце, и не выпускаетъ и не даетъ вздохнуть. И какъ крестьянскому мальчонкѣ Ванькѣ, хочется „выть, кричать и царапать тѣло“... (*В. И—овъ. „День“. 1913—160*).

Мучительное очарованіе заключено въ этой книгѣ. Читать ее тяжело, мѣстами нестерпимо, а отказаться невозможно. Съ невольнымъ предубѣжденіемъ разрѣзалъ я страницы. Но началъ читать и чувствовалъ, что обступило меня нѣчто тяжелое, липкое какъ тина, мучительное. Ничего новаго не сказалъ В., на тысячу ладовъ было уже разсказано о пьяныхъ дракахъ, голодовкахъ, свирѣпыхъ урядникахъ,—обо всемъ, чѣмъ устала душа возмущаться, что стало привычнымъ, почти неизбѣжнымъ. Также, конечно, не геній молодой авторъ; даже больше,—литературныхъ достоинствъ особыхъ онъ вовсе не обнаруживаетъ, и не тонкимъ искусствомъ, не яркостью красокъ, не интересностью фабулы дѣйствуетъ онъ на читателя. Чувствуется, что книгу эту писалъ онъ, даже не думая, что она будетъ напечатана; писалъ для себя, потому что не могъ не писать. Вѣроятно, книга его принадлежитъ къ разряду „единственныхъ книгъ“, авторы которыхъ отдали весь свой опытъ, всѣ мысли, весь жаръ сердца одной книгѣ и дальше итти не могутъ. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Книгу В. вовсе не нужно причислять къ разряду произведеній литературныхъ. Она иное, она документъ, дневникъ, а вѣдь извѣстно, что многіе составители важнѣйшихъ, позволяющихъ много понять, мемуаровъ, вовсе не были литераторами. Книга В. простой, незамысловатый дневникъ, написанный человѣкомъ, жившимъ въ чужой, далекой странѣ. Русская деревня для насъ, пишущихъ, думающихъ о ней, изучающихъ, тоже чужая страна, дальше—враждебная, непонятная, отгороженная вѣковой стѣной китайщина. Десятки ученыхъ, публицистовъ, художниковъ, поэтовъ, бллетристовъ изучали детально и описали русскую деревню; дѣлали выводы, возмущались, скорбѣли, предлагали свои мѣры, но все это какое-то теоретическое, какъ въ учебникѣ географіи. Все доподлинно извѣстно, а все же не-

понятно, непонятна жизнь чужой, страшной страны; непонятна темная душа, столь чуждая всему тому, что волнуетъ, восторгаетъ, возмущаетъ насъ, утомленныхъ неврастениковъ, для поддержанія жизни которыхъ нужны мышьякъ, кефиръ, минеральныя воды, Швейцарія, Крымъ; насъ, утонченныхъ эстетовъ, для которыхъ десятки столѣтій создавались поэмы, картины, сладкіе звуки, прекрасныя мысли. Вотъ въ чемъ новизна (хотя нѣтъ новизны фактовъ), вотъ въ чемъ мучительное очарованіе книги В. Онъ впускаетъ насъ за таинственную стѣну, онъ заставляетъ насъ нѣсколько часовъ прожить той страшной, неводомой жизнью, которою онъ жилъ самъ. Не сдѣлавшись еще заправскимъ литераторомъ, В. сумѣлъ сохранить въ своихъ простыхъ, интимно-искреннихъ запискахъ подлинность, волнующее біеніе жизни. Книга В. до примитивности проста, она состоитъ изъ ряда картинъ, не связанныхъ фабулой. Картины простыя, часто незначительныя, но онѣ не записаны такъ, какъ были, и вотъ въ этомъ-то главное достоинство книги; не только вѣришь, но чувствуешь каждое слово, каждый жестъ. Нѣтъ осужденія, нѣтъ извиненій, нѣтъ даже жалости, есть только очевидность. Авторъ самъ такъ же думалъ, чувствовалъ, совершалъ тѣ же поступки, произносилъ тѣ же слова, какъ и все, кого онъ описываетъ. Онъ слитъ съ этой жизнью и заставляетъ читателя слиться на нѣсколько часовъ съ этой чуждой, такой необычной жизнью.

Но все же въ этомъ дурманѣ голода, дракъ, грязи, темноты, все же есть минуты умиленной просвѣтленности дѣтской дружбы съ товарищемъ Петькой, большой жалости къ сестрѣ и матери, неожиданной ласки суроваго отца, и нѣтъ въ этомъ слащавости; подлинно, какъ темное, такъ и свѣтлое. Понятной становится вся чуждая, такая страшная, далекая жизнь. (*С. Ауслендеръ. „Рѣчь“. 1913—155*).

Картина и герои... производятъ порой впечатлѣніе присочиненности и чрезмѣрности. Но въ цѣломъ повѣсть яркая, глубоко волнующая, захватывающая силой и прандивостью художественнаго изображенія деревенскаго міра... Нынѣ во всѣхъ изображеніяхъ крестьянской жизни преобладаетъ наклонъ въ сторону „безпощадной“ правды... „Крестьянская хроника“ Ив. В.— тоже „безпощадная“, но нѣсколько однобокая правда... Иныя страницы производятъ прямо потрясающее впечатлѣніе, давятъ, какъ кошмаръ,— и тутъ же рядомъ что-нибудь шаблонное, анекдотически-шаблонное, анекдотически-чрезмѣрное... И все-таки, несмотря на эту наличность безмѣрности, Ив. В. далъ намъ изображеніе деревенскаго міра, рѣдкое по силѣ и яркости. Есть образы незабываемые (пастушекъ Петя, сестра разсказчика), есть потрясающія страницы, трогательныя до слезъ... Трудно еще пока судить о размѣрахъ дарованія молодого автора: онъ сплелъ тамъ, гдѣ копируетъ голую дѣйствительность, и неувѣренъ тамъ, гдѣ творитъ. (*„Рус. Бог.“ 1913—7*).

Повѣсть хроника производитъ огромное впечатлѣніе, тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ, отрадное. Языкъ повѣсти—живой и яркій, „облитый горечью и злостью“, умѣнье автора сгустить краски подборомъ, съ одной стороны, „подлѣйшихъ чертъ подлѣйшаго житья“, а съ другой—иныхъ, радостныхъ перспективъ, идущихъ на смѣну „подлому житію“, и такъ связать эти подробности между собою, чтобы логически, съ необходимостью естественнаго и историческаго закона одна подробность вытекала изъ другой,—все это приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. И мы не можемъ не пожелать, чтобы повѣсть нашла себѣ возможно больше читателей не только въ интеллигентной, но и во всей грамотной крестьянской средѣ, и чтобы книга проникла не только въ народныя библіотеки-читальни, но и въ крестьянскія семьи. Повѣсть В. и въ литературномъ и въ общественномъ смыслѣ представляетъ явленіе значительное и пріятное. (*И. П. „Вятск. Р.“ 1913—152*).

693. Ремизовъ, А. 891.7—3

Подорожіе. Изд. „Сиринъ“. Спб. 1913. Стр. 254. Ц. 1 р. 25 к.

Бываютъ люди, какъ стертая монета. Ничего своего, особеннаго, отличнаго отъ другихъ. Такимъ людямъ легко жить. Они сами воспринимаютъ все окружающее, какъ готовые штампы; ихъ принимаютъ тоже, какъ нѣчто обычное, простое. Однимъ словомъ—размѣнная монета.

Впрочемъ, вѣроятно, это только внѣшнее, внутри-то у каждаго человѣка есть свое, но такъ тщательно окутано оно внѣшнимъ, безразличнымъ, что ничто не безпокоитъ, не обращаетъ особеннаго вниманія. Бываютъ, наоборотъ, люди, у которыхъ все—и слова, и жесты, и поступки, и мысли—все свое, на другихъ не похожее, это отдѣляетъ ихъ отъ людей, отъ міра, но зато придаетъ имъ значительность и острый интересъ. Ярко чувствуется всегда эта разница въ литературѣ. Сколько есть авторовъ, весьма корректныхъ, иногда не безталантныхъ, но безразличныхъ—одного не отличишь отъ другого, прочтешь и не вспомнишь, кто что именно написалъ. Писать такимъ авторамъ легко, читать ихъ тоже легко! Все обстоитъ благополучно. Яркимъ примѣромъ совершенно другого рода писателей является Р. Онъ настолько своеобразенъ, настолько не похожъ на другихъ, что иногда почувствовать его очень трудно. Всѣ его сказочки, присказочки, сны являются такимъ интимнымъ, что очарованіе ихъ доступно немногимъ. Какъ внѣшнее—слова, построеніе фразъ, такъ и внутреннее—мысли, образы,—все это особое, ремизовское. Р. надо изучить, привыкнуть къ нему и только тогда узнаешь человѣка съ сложной интересной душой и своеобразными привычками, своеобразнымъ языкомъ и интонаціями. Р. „трудный“ писатель, и вся его дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, мнѣ кажется, является преодолѣніемъ этой трудности. Сохранить интимное своеобразіе, но сдѣлать его понятнымъ, доступнымъ для другихъ, общественнымъ,—таково мнѣ кажется стремленіе автора. Оно законно и понятно, но можетъ быть, все же нѣсколько пропадаетъ то очарованіе капризной уединенности, которое было разлито въ „Лимонарѣ“, въ „Повѣсти о табакѣ“. Въ новой книгѣ своей Р. помѣстилъ большую повѣсть „Пятая язва“. Повѣсть эта задумана, какъ широкая картина провинціальной жизни, но именно эта общественность менѣе всего удалась. Прекрасны яркіе, смѣлые, какъ всегда у Р. въ стилѣ гротека портреты слѣдователя Боброва, исправника Антонова и многихъ еще. Забавны и страшны отдѣльныя картины, рисующія бытъ русской провинціи, но чего-то объединяющаго, фабулы или общаго настроенія въ повѣсти нѣтъ. Она рвется на кусочки, прелестные,

но несвязанные между собой. Какъ всегда, у Р. прекрасно изображено постепенное наростаніе душевной боли, загнанность и страшная гибель. Два маленькихъ разсказа, „Пѣтушокъ“ и „Таинственный зайчикъ“, посвящены дѣтямъ. Въ нихъ нѣжность и какая-то печальная ласковость очаровываютъ. Только опять желаніе интимное сдѣлать общественнымъ, заставляющее трогательную повѣсть о лампадкахъ, колокольномъ звонарѣ, о коровѣ, съѣвшей пятачокъ, о старенькой бабушкѣ, о шаловливомъ Петькѣ, о пѣтушкѣ индѣйскомъ, обо всемъ, о чемъ такъ вкусно умѣетъ разсказать Ремизовъ, связать все это съ русской революціей, съ московскими баррикадами, заставившій Петьку умереть подъ пулями, это испортило разсказъ, сдѣлавъ подъ конецъ непріятно-искусственнымъ. Зато незамысловатый разсказчикъ о „Таинственномъ зайчикѣ“, о смерти доброй бабушки, простой и искренній, наполненъ такимъ свѣтомъ умиленнымъ, что не нужно никакихъ общихъ выводовъ, никакихъ заключеній. Пусть будетъ эта своеобразная, немножко ущемленная любовь къ вещамъ прошлаго, печальная нѣжность, иногда вдругъ злая насмѣшливость. Пусть будетъ совсѣмъ интимно; все равно эта интимность дойдетъ до сердца, согрѣетъ его, заставитъ биться сильнѣе. (*С. Ауслендеръ. „Рѣчь“. 1913—162*).

Разсказы изъ дѣтской жизни—„Пѣтушокъ“ и „Таинственный зайчикъ“ проникнуты неизбывной любовью къ дѣтямъ, написаны сочнымъ, подлинно русскимъ языкомъ. Р. любитъ дѣтей и знаетъ дѣтскую душу. Центральная часть книги—повѣсть „Пятая язва“. Повѣствуя, Р. не загромождаетъ ненужными описаніями тревожный разсказъ о медленномъ умираніи человѣка. Постепенная гибель крѣпкаго, замкнутаго и цѣльнаго человѣка среди провинціальнаго убожества, сильнаго своей обыденностью—запоминается и врѣзывается въ память. „Сны“ Р.—„Съ очей на очи“—новый видъ творчества, по воспоминаніямъ. Нѣкоторые сны, напр., „Безъ шапки“, „Чортъ и слезы“—наивно-поэтичны и увлекательны. (*„Рус. Молва“. 1913—140*).

Самое большое и самое серьезное здѣсь, это—„Пятая язва“, извѣстная читателю,—кошмарная, больная картина жизни русской провинціи, странная, надрывная, какъ все и всегда у Р., оставляющая послѣ прочтенія жуткую задумчивость надъ судьбами бѣдной Россіи. Въ средѣ русскихъ разсказчиковъ, самодовольныхъ, равнодушныхъ, самовлюбленно разсказывающихъ о себѣ, Р. выдѣляетъ эта вѣчная боль совѣсти, вызывающая въ памяти Гл. Успенскаго. Подобно ему, Р., кажется, могъ бы сказать, что его сердце рѣдко бывало на мѣстѣ. Эта боль отличаетъ и первый разсказъ: „Пѣтушокъ“, о томъ, какъ свернули голову любимому пѣтушку маленькаго, тихаго русскаго мальчика, а потомъ подстрѣлили и его самого въ кровавые дни около Сухаревки.

Есть въ книгѣ и обычная дань Р. старорусской легендѣ. Къ сожалѣнію, это не трактовка Лѣскова, который бралъ изъ „Пролога“ благочестивый анекдотъ, но обставлялъ его такъ, что вы чувствовали зной каленой пустыни и слышали рыканіе въ ней голоднаго льва. Здѣсь нѣтъ этого претворенія сказа въ художественный перлъ. Р. чаще просто пересказываетъ сказаніе, плѣненный его сюжетомъ или моралью, даже мѣшая иногда славянскій текстъ съ русскимъ. Цѣлесообразность такой переработки, какъ и возстановленія новъ, которымъ, отчасти, посвящены и страницы новой книги, требуетъ доказательствъ. (*Измайловъ. „Рус. Сл.“. 1913—149*).

694. С., Владиміръ. 891.7—3

Зарницы. Кіевъ. Ц. 1 р.

Это по большей части миніатюрныя стихотворенія въ прозѣ, написанныя въ духѣ философски-романтическихъ сказокъ Ольги Шрейнеръ—„Грезы и сновидѣнія“. Но ароматъ этихъ сказокъ у обоихъ авторовъ совершенно различный. Книга англійской писательницы полна экзальтаціи и роскошныхъ, восторженныхъ видѣній. О. Шрейнеръ всюду ищетъ. Въ каждой травкѣ, въ жужжаніи пчелъ, въ желтыхъ пескахъ пустыни она ищетъ и находитъ душу и смыслъ природы, и молитвенно преклоняетъ передъ ними колѣни. Вл. С. тайна жизни открывается только въ слезахъ, увяданіи и скорби. Онъ точно приложился ко всѣмъ ранамъ и ранамъ природы, и душа его, говоря фигурально, покрылась терновой тѣнью заката. Онъ тоже ищетъ, но не находитъ, и чувствуетъ себя связаннымъ съ міромъ въ пустомъ безвѣріи. Изъ глубины этого безвѣрія онъ черпаетъ всю свою поэзію. Каждая страница его „Зарницъ“ кричитъ о немощи духа, о безсиліи человѣческой мысли, о безполезности жизни. Я говорю: кричитъ—не въ вульгарномъ значеніи этого слова. Вл. С.—писатель тонкій, погруженный въ себя и обезсиленный собственной грустью, которая нравится ему и растравляетъ его оригинальность. Онъ любитъ свою печаль за то, что она даетъ ему возможность въ красивыхъ фразахъ высказывать свои жалобы о ничтожествѣ и безцѣльности міра. Всѣ миніатюры Вл. С. озарены этимъ унылымъ рефреномъ: tout passe,—все проходитъ... Проходитъ нѣжная молодость. Проходитъ самая пламенная любовь. Юноши съ бѣлокурыми кудрями становятся старцами. Румяное утро смѣнится грустными сумерками; благоухающая весна—гніющею осенью... И такъ во всемъ.

Эти холодныя размышленія о смерти, о старости авторъ „Зарницъ“ изливаетъ въ интимной, задумчивой формѣ и умѣетъ повторять и варьировать ихъ много разъ. Таковы: „Анисія“, „Игрушка“, „Шкатулка“, „Замокъ“, „Стѣны“, „Смертникъ“ и цѣлый рядъ другихъ миніатюръ гдѣ міръ неизмѣнно уподобляется пруду, въ которомъ „въ полдень купается солнце“, который „понемногу высыхаетъ“, и когда воды остается совсѣмъ мало,—ее спускаютъ, и обнажается „дно, усѣянное старыми обломками и соромъ“. Къ чему же это? Зачѣмъ? Зачѣмъ смѣются дѣти, беззаботно обманутыя быстролетными часами невѣдѣнія? Зачѣмъ покрываются акаціи и сирени своимъ махровымъ уборомъ? Зачѣмъ эти цвѣтистые обманы, когда въ мірѣ существуетъ осенній вѣтеръ, смерть и бездушная судьба?..

Въ своихъ описаніяхъ Вл. С. не прибѣгаетъ ни къ какимъ риторическимъ ухищреніямъ. Но онъ любитъ словесно наряжать свои мысли. Ученикъ и послѣдователь Тургенева, его мистически-безнадежнаго „Довольно“, Вл. С. допускаетъ въ стилѣ нѣкоторую изысканность и манерность. Потому что мечту и литературную фразу онъ цѣнитъ болѣе, чѣмъ дѣйствительность. Чтобы ближе подойти къ его сказкамъ, ихъ не слѣдуетъ читать подъ рядъ и въ томъ порядкѣ, какъ онѣ переданы на бумагѣ. Но осеннимъ вечеромъ, когда вы будете перечитывать миніатюры

„Холодно", „Часы", „Тополь сѣдѣетъ",—онѣ заставятъ грустно вибрировать ваше сердце и на одинъ мигъ наполнятъ его погребальной музыкой одиночества. (*Л. В. „Кіев. Мысль". 1913—156*).

„Разумомъ и чувствами я постигалъ міръ... Когда измѣняли мнѣ чувства—измѣнялъ міръ". Такъ формулируетъ авторъ свое міроощущеніе. И дѣйствительно, вся его книжка отъ чувства, а не отъ разума. Нѣтъ въ ней единства, отрывочны и мимолетны запечатлѣнныя въ «Зарвицахъ» переживанія, но въ наше время, когда «наитіе» въ загонѣ, книжка Вл. С. трогаетъ, именно, своей наивностью, искренностью переживанія. (*И. „День". 1913—160*).

Двѣ-три миніатюры очень недурны у Вл. С., кромѣ того, миніатюръ десять достаточно литературны и изящны, а остальныя, со спокойной совѣстью, могъ бы забраковать любой редакторъ, ибо ни блещутъ онѣ ни глубиной, ни оригинальностью, ни свѣжестью мысли или содержанія. Кромѣ того, авторъ сантименталенъ, и въ книгѣ много пытья и вздоховъ, многоточій и восклицательныхъ знаковъ. А большинство стиховъ С. еще слабѣе, чѣмъ проза. (*Г. В. „Сиб. Жизнь". 1913—143*).

695. Чулковъ, Г. 891.7—3.

Разсказы и повѣсти. Собр. соч. т. VI. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Двѣ трети тома занимаетъ повѣсть „Мертвецы" — изъ быта русской политической ссылки. Авторъ начинаетъ изображеніемъ умственно-нравственнаго разложенія ссыльныхъ въ глуши сибирской тайги. Но не воспроизведеніе быта — задачи Ч. Оголить людей, заставить ихъ растерять весь умственно-нравственный багажъ — ему понадобилось для того, чтобы ярче выступила „суть" этихъ людей, а чрезъ это стало бы возможно и „выявленіе" сути „русскаго бунтарства" и даже всей Россіи! Опустившись въ удушливой атмосферѣ ссылки, а согласно Ч. „омертвѣвъ подъ мертвящимъ дыханіемъ тайги", персонажи его повѣсти, марксисты и народники, бродятъ по тайгѣ, предаются „сліянности" съ нею, такъ предаются, что все стремятся „шаманить и бить въ бубенъ, клича мудрую гагару". Тайга, зажимо умертвившая ихъ, мила имъ, потому что имъ мило „умираніе", милы „боли", мила „сладость паденія съ высоты внизъ". Эта „мазохистскія" наклонности и составляютъ ихъ собственную суть, суть „русскаго бунтарства", а также и суть Россіи. Россія это — „сладострастнѣйшая страна въ мірѣ", а ея „общественное движеніе — мазохизмъ: съ наслажденіемъ, съ упоеніемъ дѣятеля этого движенія „лѣзли подъ копыта лошадей, въ тюрьмы, подъ пули и штыки". На книгѣ лежитъ отпечатокъ модернизма самаго дурного тона — безпрестанно рѣжутъ ухо „миги сладостные", „улыбчивые кресты", „чарая Москва", „озаренія", „слівнія", „проникновенія". Безпрестанно же различаются вліянія то Ремизова, то Сологуба, то Достоевскаго. Все это ярче всего выражено въ повѣсти, но то же можно сказать и относительно разсказовъ, помѣщенныхъ въ VI томѣ. „Шаманить и бить въ бубенъ, клича мудрую гагару" — и еще не въ одномъ томѣ думаетъ Ч. (*Клодъ Л. „Сар. Вѣст.". 1913—93*).

Не знаемъ, въ какой степени авторское объясненіе способно примирить сколько-нибудь чуткаго читателя съ литературнымъ произведеніемъ, дающимъ такой односторонній и, какъ полагаемъ, тенденціозный подборъ слабовольныхъ, несуразныхъ, трусливыхъ и эгоистичныхъ персонажей, какіе дѣйствуютъ въ „Мертвецахъ"; но можемъ утверждать, что на насъ такой подборъ подѣйствовалъ, какъ фальшъ, не соотвѣтствующая дѣйствительности. Въ своихъ разсказахъ,— въ томъ же VI томѣ — авторъ болѣе или менѣе удачно обрисовываетъ патологію человѣческой души въ различныхъ условіяхъ человѣческой жизни. Въ „Докторѣ Чернышевѣ" изображается гранъ, за которой сходятся нормальное душевное состояніе и психическое заболѣваніе. Въ разсказѣ „Отецъ Григорій" рисуется раздвоеніе личности подъ вліяніемъ любви къ женщинѣ, и т. д. Эти послѣдніе разсказы и легче читаются, и не производятъ того кошмарнаго впечатлѣнія, какое остается въ душѣ читателя отъ „Мертвецовъ". „Оставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ", хочется сказать автору. (*Н. П. „Вятск. Р." 1913—134*).

Вѣроятно, въ Ч. — человѣкѣ, также, какъ въ творческой его личности, безпрерывно борются два начала: справедливость и красота, простая, хорошая человѣчность и утонченный эстетизмъ. Столь далекіе и столь понятные „годы движенія" мучительный надрывъ оставили въ этомъ симпатичномъ писателѣ. Онъ видѣлъ близко большое страданіе, жилъ бокъ-о-бокъ съ героями и пѣшками революціи и то, что онъ перечувствовалъ за то время, помѣшало ему отдаться безумно и всецѣло довлѣющей надъ душой его прекрасной царевнѣ. Когда Ч. на собраніяхъ, на диспутахъ говоритъ о человѣческомъ долгѣ поэта, художника и трагизмѣ оторванности искусства отъ жизни, то слова его звучатъ увлекательно и убѣдительно, и думается, что онъ можетъ добраться до большой, какой-то настоящей правды. Когда же онъ пытается художественными иллюстраціями выявить свои воспоминанія о томъ, что, видимо, наибольнѣй полоснуло его по сердцу, о русской революціи, его попытки художественной иллюстраціи звучатъ неубѣдительно и неинтересно. Зато, какъ плѣнительны разсказы: „Печаль", „Отецъ Григорій", въ которыхъ авторъ — только поэтъ, только художникъ. Осіянная луннымъ серебромъ лунная ночь, старѣющійся дядя Костя съ нѣжной печальной любовью въ сердцѣ, тихій отецъ Григорій съ его скорбной красотой самоодолѣнія,—образы, входящіе въ память сердца лаской и грустью. Одна строка изъ этихъ разсказовъ стоитъ 140 страницъ томительной повѣсти изъ революціоннаго быта. Оттого что авторъ покорно склонилъ голову передъ своей прекрасной царевной, сказалъ ей: „Я твой!" И чутко перепѣлъ нанѣвы ея многострунной лиры... (*А. Д—ская. „У. Рос.". 1913—125*).

Написанныя не плохо, читаемыя съ интересомъ, сочиненія Ч., съ ихъ навязчивымъ мистицизмомъ, непремѣнной символизаціей и корректной „литературностью", послужатъ будущему историку для характеристики нашего времени, быть можетъ, лучше, чѣмъ произведенія другихъ, болѣе крупныхъ мастеровъ... (*Рус. Молва". 1913—119*).

* **Тэнъ, И.** 9(44):92(Н)

См. порядк. № 700.

696. Романовскій, В. Е. 9(47)„1613"

Смута въ Моск. государствѣ въ началѣ XVII в. Изд. Михайлова. М. 1913. Ц. 5 к.

Книжка компилятивная, но написанная со знаніемъ дѣла... Р., какъ онъ самъ пишетъ въ предисловіи, „имѣлъ въ виду въ популярномъ и объективномъ изложеніи сообщить читателю важнѣйшіе факты изъ Смутной эпохи, а также познакомить его съ важнѣйшими причинами и слѣдствіями Смуты". Поставленной цѣли Р. достигъ, но и то удачно. Его вводная глава о причинахъ смуты достаточно полна по матеріалу, но — „Результаты Смуты" производятъ какое-то незаконченное впечатлѣніе; здѣсь многое только какъ бы намѣчено, но не развито, и авторъ ужъ очень быстро дошелъ въ этихъ слѣдствіяхъ до самаго учрежденія госуд. думы. (*К. Сивковъ. „Вѣст. Вост." 1913—2*).

Болѣе или менѣе удовлетворительной можно признать книжку Р., въ которой авторъ особенно вскрылъ причины Смутнаго времени и его послѣдствія, а также отчетливо обозначилъ его отдѣльные періоды. Мало выяснены у Р. лишь экономическія отношенія эпохи, да еще недостаточно разграничена дворцовая знать отъ знати родовой, или иначе княжатъ, благодаря чему то, что дѣлалось въ эпоху Смуты первой, иногда прописывается второй. (*С. Вознесенскій. „Рус. Шк." 1913—2*).

Авторъ дѣлаетъ большіе глаза передъ фактами, которые должны быть ясны; упираетъ на описанія, избѣгая простыхъ обобщеній. Презрительное отношеніе его къ казачеству въ историческомъ матеріалѣ не находитъ подтвержденія. (*Вл. Арскій. „Рус. Молва". 1913—51*).

Р. воспользовался хорошими пособіями (Костомаровымъ, Забѣлинымъ, Ключевскимъ, Платоновымъ). Его брошюра написана сюрьезно и безъ патріотическихъ восклицаній. (*А. Ивановъ. („У. Рос." 1913—137*).

697. Елпатьевскій, С. 91.61](47.722) Крымскіе очерки. „Кн-во писателей въ Москвѣ". Спб. 1913. Ц. 1 р.

Всѣ очерки Е. ихъ въ книгѣ пять—„Балаклава". „Коктебель", „Отузы", „Карадагъ", „Судакъ",—лучшіе изъ которыхъ первые два,—проникнуты, точнѣе пропитаны трогательной привязанностью и нѣжной любовью автора къ Крыму. Иногда только Елпатьевскаго-художника перебиваетъ Елпатьевскій-врачъ и диссонансомъ звучатъ слова послѣдняго въ этой нѣжной и милой книгѣ, книгѣ „заполненнаго" писателя. Жаль, что „Крымскіе очерки" изданы неудовлетворительно—рисунки изъ-за качества бумаги вышли сѣрыми и тусклыми, заставки и концовки выбраны неудачно, безъ всякаго вкуса. Цѣна книги высока. (*И. Ежинскій. „День". 1913—187*).

Съ какимъ вкусомъ, любовью и лирическимъ проникновеніемъ разсказываетъ почтенный писатель о малоизвѣстныхъ широкой публикѣ крымскихъ уголкахъ въ своихъ „Крымскихъ очеркахъ", собранныхъ имъ съ случайныхъ газетныхъ столбцовъ. Лица, посѣщающія модныя и загаженныя столичной пѣной курорты,—эти нарядныя праздныя и шумныя лѣтнія торжища,—ничего не знаютъ о мрачной красотѣ Карадага, о нѣжной долинѣ Отузъ, живущей еще уютной и интимной жизнью крымской патріархальности во всей удивительной ея многолычности и красочности, не знаютъ они молитвенной красоты моря у Коктебли съ его безмолвными ночами, ни задумчивой балаклавской бухты, ни судакской долины съ безконечнымъ ковромъ виноградниковъ и съ слѣдами генуэзской культуры. Вотъ эти уголки, въ которыхъ еще живетъ душа стараго настоящаго Крыма, отражающая, какъ геологическіе пласты, наслоенія многихъ племенъ, многихъ культуръ, проходившихъ въ бѣгѣ вѣковъ черезъ крымскія долины, и рисуетъ авторъ. Прочитавъ книгу Е., такъ глубоко чувствующаго красоту многокрасочной крымской природы и ея пестраго этнографическаго узора, даже человѣкъ, исколесившій крымскія дебри, почувствуетъ теплую радость, и зажжется новымъ порывомъ къ бродяжничеству по нетронутымъ еще пошлостью курортныхъ типовъ заповѣднымъ мѣстамъ. Книга Е,—не одна лирика, посвященная Крыму, который всегда находилъ отзвукъ въ стихахъ и прозѣ русской литературы. Въ ней разбросано много дѣловыхъ фактическихъ штриховъ, придающихъ ей характеръ полезности и дающихъ много руководящихъ указаній для туриста. Вотъ только скверныя въ техническомъ отношеніи иллюстраціи портятъ впечатлѣніе отъ чистенько изданной въ общемъ книги. (*С. Султановъ. „У. Рос." 1913—155*).

Е. пишетъ о мѣстахъ Крыма, находящихся за предѣлами общепизвѣстнаго и столько разъ описаннаго южнаго берега. Коктебель, Отузы, Карадагъ — что говорятъ эти имена даже тѣмъ, кто много разъ бывалъ въ Крыму. А между тѣмъ въ нихъ есть своя большая красота. Е. даетъ читателю ее живо почувствовать. Мягкими нѣжными красками описываетъ онъ коктебельское море, которому по чудесной окраскѣ нѣтъ подобнаго въ Крыму, которое „горитъ, какъ драгоцѣнный камень, вставленный въ тусклую оловянную оправу", и „миловидную" отузскую долину, и сказку карадагскаго хребта. Каждое мѣсто имѣетъ своихъ собственныхъ людей, свою жизнь, и авторъ умѣетъ чудесно подмѣтить эти особенности и разсказать о нихъ со своимъ такимъ спокойнымъ и пріятнымъ лиризмомъ. Два очерка посвящены Балаклавѣ и Судаку, и они, можетъ быть, лучшее, что написано объ этихъ уже болѣе популярныхъ крымскихъ мѣстахъ. Книжка иллюстрирована недурными фотографіями. (*Кн. „Кіев. Мысль". 1913—181*).

Мягкими, нѣжными штрихами изображена въ очеркахъ Е. красота моря и прибрежныхъ горъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ врачъ, авторъ, неизбѣжно касается свойства воды, воздуха и климата описываемыхъ мѣстъ, а какъ любитель крымской старины, не обходитъ молчаніемъ мѣстныхъ древностей и легендъ. Благодаря такому разнообразію содержанія, книжка читается съ большимъ интересомъ и вызываетъ въ читателѣ жадное желаніе подышать тѣмъ воздухомъ и полюбоваться тѣми дивными крошечными уголками крымскаго побережья, о которыхъ просто, и, въ то же время, восторженно разсказываетъ Е. (*Б. Х. „Рѣчь". 1913—190*).

Крымскія письма въ высшей степени непретенціозны... Е. такъ любитъ, такъ полно и тонко чувствуетъ эту великолѣпную и нѣжную прелесть „сладостной Тавриды", что его корреспонденціи сами собой обращаются въ невольныя и тѣмъ болѣе подкупающія своимъ задушевнымъ лиризмомъ стихотворенія въ прозѣ, эклоги и пасторали. Художественная манера автора, простая и естественная, при богатствѣ живописныхъ средствъ, выступаетъ изъ „Крымскихъ очерковъ" чрезвычайно ярко. (*Е. Синегубъ. „Рус. Вѣд." 1913—170*).

698. [. . . . . 91(47.584)

„Россія". Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ редакціей В. Н. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Т. XIX. Туркестанскій край. Спб. 1913. Стр. 861.

Монументальное географическое описаніе Россіи, выходящее въ книгоиздательствѣ А. Ф. Девріена подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. П. Ламанскаго и подъ редакціей В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, уже успѣло обратить на себя вниманіе научной солидностью и серьезностью, которыми оно проникнуто. До настоящаго времени вышло весемь томовъ этого почтеннаго коллективнаго труда, а недавно появился девятый томъ (по общему порядку нумераціи XIX), принадлежащій перу кн. В. П. Масальскаго и посвященный Туркестану. Хотя многіе русскіе ученые составили себѣ имя, разрабатывая отдѣльныя темы изъ области туркестановѣдѣнія, однако, въ общемъ литература о Туркестанѣ не особенно богата. При такихъ условіяхъ можно только привѣтствовать работу кн. М., который произволъ полную и добросовѣстную сводку всѣхъ имѣющихся уже свѣдѣній относительно русской Средней Азіи. Его книга содержитъ обширные весьма содержательные очерки, въ которыхъ описаны формы поверхности и строеніе земной коры въ предѣлахъ Туркестана, дано понятіе о климатѣ, флорѣ и фаунѣ, разсказана вкратцѣ исторія края, начиная съ древнѣйшихъ временъ, изображена современная культура населенія и сообщены свѣдѣнія о всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ населенныхъ пунктахъ. Особая довольно большая глава трактуетъ о путяхъ сообщенія, какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и караванныхъ. Авторъ подчеркиваетъ то значеніе, которое Туркестанъ имѣетъ для будущаго Россіи и характеризуетъ его возможную роль при разрѣшеніи вопросовъ переселенія и колонизаціи. Въ древности Туркестанъ принадлежалъ къ числу благословенныхъ и весьма культурныхъ уголковъ земного шара, и только вслѣдствіе превратности историческихъ судебъ погибли исполинскія ирригаціонныя сооруженія, вслѣдствіе чего большая часть его территоріи превратилась въ нагую пустыню. Страна по своимъ почтеннымъ свойствамъ плодотворная, но лишенная воды, въ буквальномъ смыслѣ этого слова жаждетъ государственной организаціи и законодательной нормировки орошенія, чтобы сдѣлаться зеленымъ цвѣтущимъ раемъ. (*„Рус. Молва". 1913—184*).

Томъ XIX отличается положительными достоинствами предшествующихъ томовъ: полнотой, детальностью, удачнымъ расположеніемъ богатаго фактическаго матеріала, дающимъ возможность быстро ориентироваться въ массѣ свѣдѣній, заключенныхъ въ этомъ томѣ (одинъ приложенный къ нему, „Указатель" содержитъ сто страницъ!), массой прекрасно исполненныхъ иллюстрацій и картъ. (*Н. А. „Сар. Вѣст." 1913—133*).

Русское общество уже давно знакомо съ этимъ изданіемъ, со всѣми его достоинствами и недостатками. Недавно вышедшій 19-й томъ придерживается въ общемъ плана прежнихъ томовъ, но по содержанію въ немъ есть многое, что значительно превосходитъ прежнее изложеніе. Мѣстами составитель удачно даетъ нѣкоторые яркіе штрихи борьбы богатыхъ производительныхъ силъ природы съ грозными стихіями, борьбы человѣка съ послѣдними, воскрешаетъ поучительныя страницы изъ исторіи трагически погибшей древней культуры Туркестана и, наконецъ, набрасываетъ эскизные этапы поступательнаго движенія русской культуры больше съ внѣшней стороны. Но нельзя сказать, чтобы прочитавшій настоящую книгу о Туркестанѣ могъ себѣ ясно и правильно представить, почему и чѣмъ Россія была заинтересована въ Туркестанѣ, почему о русскихъ культуртрегерахъ этой страны извѣстны и нелестныя воспоминанія, какъ могъ сложиться тамъ пресловутый типъ „ташкенца", чѣмъ сильны мѣстныя народности и чѣмъ пришельцы, и по какимъ путямъ направить борьбу культурныхъ силъ со стихіями и съ силами некультурными за обладаніе богатствами края. Все — эти вопросы, требующіе, конечно, изслѣдованія, а не описанія но и въ послѣднемъ можно было бы изложить факты такъ, чтобы они до извѣстной степени говорили сами за себя. Съ внѣшней стороны изданіе выполнено хорошо: богато иллюстраціями, имѣетъ хорошую карту. Нельзя не пожелать, въ интересахъ самого же изданія, значительнаго пониженія его цѣны. (*Вл. Б. „Рус. Вѣд." 1913—134*).

„Казенный" характеръ изданія (въ смыслѣ чрезвычайно „корректнаго" тона и избѣганія щекотливыхъ вопросовъ) не мѣшаетъ ему быть въ высокой степени занимательнымъ. (*„Кіев. Мысль" 1913—170*).

На много тяжелыхъ и безотрадныхъ мыслей наводитъ эта новая книга, написанная увлекательно, горячо, съ большимъ подъемомъ, и, главное, съ большею любовью къ описываемому краю. Изучивъ ее, невольно заражаешься вѣрою автора въ дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе богатѣйшаго и интереснѣйшаго Туркестана. (*Н. С—ій. „Нов. Вр." 1913—1340*).

Какъ и др. тома этого въ высшей степени полезнаго и добросовѣтнаго, образованнаго изданія, новый томъ даетъ богатый и интересный матеріалъ объ описываемомъ краѣ. (*„Изв. по Лит." 1913—7*).

Безъ этой настольной и дорожной книги не можетъ обойтись ни одна серьезная библіотека, ни одинъ сознательный путешественникъ (*Измайловъ. „Рус. Сл." 1913—137*).

Всякая значительная общественная библіотека должна имѣть эту объемистую, хорошимъ, выразительнымъ и общепонятнымъ языкомъ написанную, книгу къ услугамъ своихъ читателей. Нечего и говорить, что и фундаментальныя библіотеки, не только высшихъ, но и среднихъ школъ, должны запастись ею. (*Н. П. „Вятск. Р." 1913—154*).

Очеркъ этотъ будетъ всегда прочтенъ съ равнымъ интересомъ и географомъ-спеціалистомъ, и лицами, интересующимися экономическимъ будущимъ нашей страны и, наконецъ, всякимъ образованнымъ человѣкомъ, любящимъ нашу родину. (*Л. М. „Моск. Вѣд." 1913—174*).

699. Рубакинъ, Н. А. 91(47.584):92(B)

Среди опасностей. Изд. „Просвѣщеніе". Стр. 231. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Въ книгѣ просто и увлекательно разсказано о жизни знаменитаго ученаго-путешественника Вамбери и его путешествіи въ Среднюю Азію въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда еще тамъ существовали самостоятельныя магометан-

скія государства Хива и Бухара, и никому изъ путешественниковъ-европейцовъ не удавалось вернуться оттуда... Книга Р. интересна вдвойнѣ. Она знакомитъ насъ съ своеобразной жизнью кочевыхъ народовъ и деспотическихъ государствъ, и, съ др., стороны показываетъ намъ, какъ сила воли въ соединеніи съ стремленіемъ къ знанію и умственной одаренностью сдѣлали жизнь маленькаго голоднаго, загнаннаго сиротки столь же цвѣтистой, какъ любая сказка изъ „тысяча и одной ночи". (*„Нов. Дѣтск. Лит." 1913—9*).

„Среди опасностей" Р.— занимательная книжка; прочтется съ интересомъ и школьникомъ старшихъ отдѣловій и взрослымъ читателемъ, заставитъ ихъ надъ многимъ задуматься и многое понять. Авторъ не просто разсказываетъ, а учитъ; онъ ведетъ читателя путемъ аналогій, сравненій отъ прошлаго къ настоящему, къ пониманію настоящаго; онъ подыскиваетъ аналогіи съ современностью и въ соціальной и въ политической жизни описываемыхъ народовъ, проводитъ параллели между міросозерцаніемъ современнаго цивилизованнаго человѣка и дикаря и пр. (*А. Мезіеръ. „Рус. Шк." 1913 — 4*).

Въ популярной формѣ, легко и увлекательно удалось Р. разсказать жизнь Вамбери, богатую трудомъ, лишеніями и терпѣніемъ. Путешествіемъ Вамбери въ Среднюю Азію авторъ воспользовался для того, чтобы обрисовать бытъ и политическія условія персовъ, туркменъ и афганцевъ въ серединѣ прошлаго столѣтія. Должно внести поправку. Рабство, фактически, существуетъ и теперь не только въ Персіи, но и въ Бухарѣ. Въ общемъ же книжка весьма полезна для юношества и заслуживаетъ широкаго распространенія. (*„Рус. Молва". 1913 — 67*).

* **Рубакинъ, Н.** 92(В):91(47.584)

См. порядк. № 699.

700. Тэнъ, Ипп. 92(Н):9(44)

Наполеонъ. Пер. О. К. Синиовой. Ц. 80 к.

Если мы не ошибемся, знаменитая тэновская характеристика Наполеона впервые появляется на русскомъ языкѣ. И, пожалуй, стоило ее перевести. Даже у Т. немного такихъ блестящихъ страницъ, какъ эти главы изъ „Régime moderne". Блестящихъ и неправильныхъ. Т. задумалъ рѣшить проблему личности Наполеона строго математическимъ путемъ,— путемъ выкладокъ и формулъ. Его анализъ — образецъ несокрушимой желѣзной логики, опирающейся на множество, казалось бы, неоспоримыхъ свидѣтельствъ. Этимъ объясняются его увлекательность и его внѣшняя убѣдительность. Но въ немъ два недостатка, которые совершенно опрокидываютъ всю конструкцію: во-первыхъ, изъ-за логики въ этомъ анализѣ забыта психологія, а во-вторыхъ, свидѣтельства подобраны очень односторонне и не даютъ права ни на какіе объективные выводы. Т. не любитъ Наполеона и несправедливъ къ нему. Но любитъ онъ его по другимъ причинамъ, чѣмъ революцію, но въ основѣ и тутъ, и тамъ ложитъ одно и тоже чувство. Т.— индивидуалистъ, узкій и настороженнѣйшій. Онъ ненавидитъ все, что грозитъ перерасти идеалъ индивидуалистическаго пониманія свободы. Онъ ненавидитъ демократію, ненавидитъ идею государственнаго вмѣшательства, слышать не можетъ имени соціализма. Эта либеральная на видъ, но глубоко реакціонная по существу общественная философія пропитываетъ отъ начала до конца его „Origines". Ослѣпленный ею, онъ не разглядѣлъ въ революціи могучей творческой работы, а изъ Наполеона сдѣлалъ какую-то жалкую и нелѣпую фигуру. Тѣмъ не менѣе появленіе перевода можетъ быть оправдано. Помимо того, что Т.— великій мастеръ слова, именно въ характеристикѣ Наполеона однобокость его конструкціи такъ бросается въ глаза, такъ пробиваются сквозь плотную ткань обличенія вспышки какого-то невольнаго восторга, что безусловные выводы его тутъ же получаютъ значительныя поправки. Чтобы оправдать свою чисто логическую конструкцію личности Наполеона, Т., по словамъ Артура Леви, „почувствовалъ необходимость подкрѣпить ее 69-ю цитатами, тщательно подобранными въ „Мемуарахъ г-жи Ремюза" и еще усиленными выдержками изъ сочиненій г-жи Сталь. Не есть ли признакъ убожества, когда философія исторіи пользуется сплетнями двухъ тщеславныхъ синихъ чулковъ, неспособныхъ простить жгучее невниманіе къ нимъ? (*А. Дживелеговъ. „Рус. Вѣд." 1912 — 286*).

Авторъ „Происхожденія современной Франціи" не жалѣетъ темныхъ красокъ для характеристики Наполеона какъ кондотьера, пользуясь при этомъ массой ссылокъ и цитатъ. Съ крайнимъ субъективизмомъ автора въ его оцѣнкѣ Наполеона согласиться нельзя. Цитаты подобраны весьма тенденціозно (на это Т. былъ великій мастеръ, какъ неопровержимо доказалъ Оларъ) и легко могутъ быть опровергнуты другими выдержками изъ цитированныхъ Т. источниковъ. Эту работу съ апологетическими цѣлями исполнилъ Артуръ Леви, „Napoleon intime" котораго пользуется громадной популярностью во Франціи. (*П. Бороздинъ. „Вѣст. Евр." 1912 — 12*).

Книга Т.— есть великолѣпный портретъ Наполеона, портретъ, писанный могучимъ художникомъ слова, съ цѣлью, б. м., подчеркнуть все отрицательное, что было въ оригиналѣ. Но истинный художникъ дѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, что не можетъ не дѣлать, и портретъ, написанный Т., прекрасенъ особой художнической силой постиженія „великаго человѣка" и его „чудеснаго жребія". Въ концѣ-концовъ Т. не оправдываетъ, не порицаетъ, но возвеличиваетъ Наполеона: онъ его изучаетъ, но его изученіе — не есть разложеніе великаго образа на части, а, наоборотъ, творческое воссозданіе изумительнаго образа. Книга... проста и сдержавна, но она глубоко проникновенна и, б. м., нигдѣ она такъ не нужна, какъ въ Россіи, ибо она — о томъ человѣкѣ, который, по выраженію Пушкина,—русскому народу „высокій жребій указалъ". Переводъ исполненъ прекрасно. (*С. Дурылинъ. „Путь". 1913 — 1*).

* **Трубецкой, Е.,** кн. 92(С):1(С)

См. порядк. № 674.

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеня“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ.

Общія сочиненія [0]

2405. Унде-Поповъ, П. А. 025.4

Международная десятичная библіографическая система. Сызрань. 1913. „Библіографическій Листокъ“ № 1—5. Ц. 10 к.

2406. Эльснеръ, Вл. 081

Пурпуръ Киоеры. Эротика. Фронтманшъ Н. Миліоти. Иллюстраціи М. Сарьяна и Г. Якулова. М. 1913. Изд. „Альціона“. Стр. 46. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

2407. Догановичъ, А. 087.1

Старый учитель. Разсказъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ рис. Н. Н. Ольшанской. М. 1913. Изд. В. С. Спиридонова. Стр. 20. Съ рис. Ц. 15 к.

2408. [. 087.1

Любимыя родныя сказки дѣтей. Новая школьная библ. „Кружка учащихъ“ подъ ред. Н. Булгакова и Ив. Сахарова. № 9. 2-й годъ. М. 1913. Изд. „Сотрудникъ школъ“ А. К. Залѣсской. Стр. 38. Съ рис.

Содержаніе: Золотыя подконки. Голодъ не тетка.

Философія [1]

2409. Кирхнеръ-Михаэлисъ. 1(03)

Философскій словарь. Обработ. и дополн. Э. Э. Гурляндъ и Б. Г. Столпнеромъ, подъ ред. Э. Л. Радлова. Вып. I. Спб. 1913. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. 96 столбц.

2410. [. . . . . 1(03)

Энциклопедія философскихъ наукъ. Редакція А. Руге при участіи проф. В. Виндельбанда и проф. Н. Лосскаго. Вып. I. „Логика“. М. 1913. Изд. „Соврем. проблемы“. Стр. 158.

2411. Ягодинскій, Ив. Ив., проф. 1(Л)

Сочиненія Лейбница. Элементы сокровенной философіи о совокупности вещей (латинскій текстъ и переводъ его). Казань. 1913. Стр. 135. Ц. 2 р.

2412. Браунъ, О. 1(Ш)

Шеллингъ и наше время. Перев. съ нѣм. С. С. Розанова. М. 1913. Стр. 14.

2413. Николаевъ, Ю. 11

Въ поискахъ за божествомъ. Очерки изъ исторіи гностицизма. Спб. 1913. Стр. 526. Ц. 3 р.

2414. Шмидтъ, Ф. 133

Тайны оккультизма. Пер. съ нѣм. М. 1913. Изд. Научно-психологич. к-на въ Москвѣ. Стр. 283. Ц. 3 р.

*** Вундтъ, В.** 15 : 612

См. пор. № 2446.

2415. Шорэ, Т. 17

Въ Царскомъ Саду. (Бесѣды съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности). Съ нѣм. изд. перев. Н. П. Розановъ. М. 1913. Стр. 102. Съ рис. Ц. 40 к.

2416. Шиловъ, А., прис. пов. 178.1

Преступность въ арміи и алкоголь.— Еще объ алкоголѣ и желѣзнодорожныхъ несчастіяхъ.— О книгѣ И. Горбунова-Посадова: „Къ русскимъ учителямъ“. М. 1913. Стр. 24. Ц. по обозн.

2417. Кадминъ, Н. 179.7

Философія убійства. Очерки средневѣковья Италіи и Лангедока. Изд. „Заря“. М. 1913. Стр. 162. Ц. 1 р.

Содержаніе: Идея религіозной нетерпимости. Карающій мечъ христіанства. Ереси и сектанты. Разлагающая официальная церковность. Альбигойцы. Кровавая расправа. Св. Доминикъ и св. Францискъ. Домъ инквизиціи. Первые костры и первые мученики. Жертвы инквизиціи въ Италіи и Франціи. Философія убійства. Св. Людовикъ. Очищеніе огнемъ. Подземелья инквизиціи. Судъ и пытка. Гоненія на евреевъ. Инквизиція въ поэзіи Прованса. Бернаръ Сладостный. Проповѣдники и борцы XIII и XIV вв.

2418. Туберовскій, А. 179.7

Сладость бытія. (Противъ самоубійства). Лекціи. Сергіевъ Посадъ. 1913. Изд. „Религіозн.-философ. библ.“. Стр. 63. Ц. 40 к.

Религія [2]

2419. Соловейчикъ, М. 22

Основныя проблемы библейской науки. Спб. 1913. Изд. кн. склада „Эзро“. Стр. 119. Ц. 80 к.

2420. Гумилевскій, Илія. 276

Ученіе св. Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ. Сергіевъ Посадъ. 1913. Стр. VIII+209. Ц. 1 р. 25 к.

Соціальныя науки [3]

2421. Новомбергскій, Н. 3 : 614

По пути къ вырожденію (соціально-гигіеническіе очерки). Спб. 1913. Стр. 39. Ц. 50 к.

2422. Езерскій, Н. 31 : 37

Общеземскій съѣздъ по статистикѣ народнаго образованія. Докладъ. Отчетные переводы школьной жизни. Сроки собиранія статистическихъ данныхъ. Харьковъ. 1913. Стр. 64.

2423. Купріянова, Л. 331(4)

Организація западно-европейскихъ рабочихъ. М. 1913. Стр. 253. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе. Профессіональные союзы. Кооперація. Политическія партіи. Заключеніе.

2424. Земляковъ, В. 331.823

Новый законъ о страхованіи рабочихъ. Миніатюрная библіотека „Наука и жизнь“. № 31.

Рига 1913. Изд. „Наука и жизнь". Стр. 46. Ц. 5 к.

2425. Укше, С. 343

Дѣти-преступники. Миніатюрная библ. „Наука и жизнь". Рига. 1913. Изд. „Наука и жизнь". Стр. 48. Ц. 5 к.

2426. Сорокина, П. 347.62

Бракъ въ старину. (Многомужество и многоженство). Миніатюрная Библ. „Наука и жизнь". № 26. Рига. 1913. Изд. „Наука и жизнь". Стр. 47. Ц. 5 к.

2427. Канторовичъ, Я. А. 347.78(43:47)

Конвенція между Россіею и Германіею для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Спб. 1913. Изд. кн. скл. „Право". Стр. VIII+85. Ц. 60 к.

2428. Махровъ, П. 355

Балканская война 1912—13 года. (Общій очеркъ отъ начала войны до перерыва мирныхъ переговоровъ съ 10-ю схемами). Севастополь. 1912. Изд. „Севаст. военно-фехтовально-гимнаст. о-ва.". Стр. 151+IV+10 лист. схемъ. Ц. 80 к.

2429. Нефортунатовъ, Н. И. 355

На войнѣ и о войнѣ. Мысли и впечатлѣнія. (Изъ дневника участника Русско-Японской войны). 1904—1905 гг. Спб. 1913. Стр. 156. Ц. 80 к.

2430. [. . . . . 355(47)

Исторія русской арміи и флота Т. X. М. 1913. Изд. к-ва „Образованіе". Стр. 170+II. Съ рис., порт. и картами. 18 лист. рис. и портр.

2431. Баранцевичъ, Е. М. 361

Женщина въ патронатѣ. Томскъ. 1913. Стр. 83. Ц. 50 к.

*** Езерскій, Н.** 31:37

См. пор. № 2422.

2432 Кершенштейнеръ, Г. 371

Трудовая школа. Пер. съ нѣм. М. Н. Дрей, съ предисл. и подъ ред. Н. В. Сперанскаго. Изд. „Задруга". М 1913. Стр. 64. Ц. 35 к.

Содержаніе: Предисловіе Н. В. Сперанскаго. Предварительныя замѣчанія. Цѣль государства и задачи публичной школы. Профессіональное образованіе, какъ первая задача публичной школы. Методы трудовой школы. Спеціальное обученіе труду и технич. учитель. Общая формулировка и заключительныя замѣчанія. Приложеніе: Образецъ организаціи классовъ народной школы въ городахъ.

2433. Фребель, Фр. 371

Педагогическія сочиненія. Т. II. Дѣтскій садъ. (Дѣтскія игры. Устройство дѣтскаго сада). Перев. съ нѣм. Соколова. „Педагогич. библ." Подъ ред. Д. Н. Королькова. М. 1913. Изд. К. П. Тихомирова. Стр. XI+581. Съ рис. Ц. 3 р.

2434. Жолцинскій, И. и Мазлумозъ, К. 389

Таблицы метрическихъ мѣръ. М. 1913. Изд. Кнебель. Стр. 23.

Филологія [4]

2435. Сипачевъ, П. 4—5

Новѣйшая наглядная практическая литературно-художественная этимологія, свѣдѣнія изъ синтаксиса и сборникъ грамматическихъ задачъ. Составл. на основ. данныхъ соврем. педагогики и психологіи. Натуральный методъ. Полный курсъ. Для среднихъ и низшихъ учебн. заведеній. Кіевъ. 1913. Изд. автора. Стр. 240. Съ портр. писателей и рис. Ц. 55 к.

Чистыя науки [5]

2436. [. . . . . 51(075)

Курсы инженера О. Дмитріева. Рѣшенія 1.160 задачъ, предложенныхъ на конкурсныхъ экзаменахъ въ Московскихъ спеціальныхъ высшихъ заведеніяхъ за восемь послѣднихъ лѣтъ. (1905—1912 г.). М. 1913. Стр. 125 Ц. 1 р.

2437. Вересовъ, П. 511(075)

Ариѳметика. Курсъ 2-хклассныхъ училищъ. Пособіе для учащихся Спб. 1913. Стр. 114.

2438. Курчаниновъ, Н. Г. 532

Какъ устроить простой, дешевый, вѣрный барометръ. Составлено по личнымъ наблюденіямъ и опытамъ. М. 1913. Стр. 8.

2439. Поспѣловъ, А. П., проф. 537

Къ вопросу объ атомистическомъ строеніи электричества. Томскъ. 1913. Стр. 14. Съ чертежами.

2440. Лебъ, В., проф. 54:57

Введеніе въ біохимію. Перев. съ нѣм. С. А. Алексѣева, подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Спб. 1913. Изд. „Физика". Стр. 119. Съ рис. Ц. 1 р.

2441. Поспѣловъ, А. П., проф. 541

Объективное представленіе молекулярнаго движенія. Томскъ. 1913. Стр. 12. Ц. 20 к.

2442. Карандѣевъ, В. В. 548

Кристаллооптика. Лекціи, читанныя въ 1913 г. на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. М. 1913. Стр. III+112. Ц. 1 р. 40 к.

2443. Бергсонъ, А. 57

Собр. соч. Т. I. Творческая эволюція. Перев. съ фр. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковскимъ. Изд. М. П. Семенова, 2-е. Спб. 1913. Стр. 331. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе. Развитіе жизни. механизмъ и цѣлесообразность. Различныя направленія въ развитіи жизни. Неподвижность, интеллектъ, инстинктъ. О смыслѣ жизни. Порядокъ въ природѣ и форма сознанія. Кинематографическій механизмъ и ошибка механическаго міровоззрѣнія. Обзоръ исторіи системъ. Дѣйствительный процессъ становленія и ложный эволюціонизмъ.

*** Лёбъ, В., проф.** 57:54

См. пор. № 2440.

Прикладныя науки [6]

2444. Eulenburg, A., проф. 61(03)

Реальная энциклопедія практической медицины. Медико-хирургическій словарь для практическихъ врачей. Подъ ред. М. Б. Блюменау. Томъ XIII. Спб. 1913. Изд. О. В. Эттингеръ. Стр. 672. Съ рис. Ц. 6 р. 50 к.

2445. [. . . . . 61(058)

Вся медицинская Москва. Адресная и справочная книга съ приложеніемъ русскихъ и за-

граничныхъ курортовъ и санаторій. М. 1913. Стр. 399.

2446. Вундтъ, В., проф. 612:15
Основы физіологической психологіи. Физіологическая функціи центральныхъ частей. Перев. подъ ред. А. А. Крогіуса, А. Ф. Лазуровскаго и Л. П. Нечаева. Вып. XIV. Спб. 1913. Изд. „Современная школа". Стр. 347—470. Ц. 1 р.

*. **Новомбергскій, Н.** 614:3
См. пор. № 2421.

2447. Бирнбаумъ, д-ръ. 618.2
Юнымъ матерямъ. Практическое руководство о беременности, родахъ, послѣродовомъ періодѣ и первомъ уходѣ за ребенкомъ. Съ приложеніемъ указаній, какъ надо держаться, чтобы достичь легкихъ родовъ. Пер. съ нѣм. 2-е изд. М. 1913. Изд. „Наука и Жизнь". Стр. 108. Ц. 1 р. 65 к.

2448. Рубакинъ, Н. А. 629.13
Какъ люди научились летать и какъ летаютъ по воздуху. Популярные разсказы для семьи и школы. М. 1913. Изд. В. Д. Корчагина. Стр. 212 Ц. 70 к.

2449. [. 63
Опредѣленіе живого убойнаго вѣса рогатаго скота двойнымъ промѣромъ. Таблицы Клюверъ-Штрауха, пополненныя средними промѣрами. Средніе промѣры ввелъ В. Д. Пановъ. Для сельскихъ хозяевъ. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 28. Ц. 25 к.

2450. Землякъ, А. 631
Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 12-й. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 146. М. 1913. Стр. 32. Ц. 5 к.
Содержаніе: 1. Что дѣлать при недостаткѣ навоза. 2. Удобреніе торфомъ. 3. Овесъ и торфъ. 4. Торфъ и пшеница.

2451. Вернеръ, Гуго, д-ръ. 635
Культура картофеля. Перев. съ VI нѣм. изд. М. 1913. Стр. 188. Съ рис. Ц. 75 к.

2452. [. 641
Книжка для молодыхъ хозяекъ. Сто двѣнадцать обѣдовъ. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 136+VII.

2453. Рудановскій, А. П. 657
Принципы общественнаго счетовѣдѣнія. М. 1913. Изд. издательск. ком. студен. Моск. ком. инст. Стр. 382. Ц. 3 р. 50 к.

2454. Огиръ, М. 658
Реклама, какъ факт. внушенія въ общественной жизни. Миніатюрная библ. „Наука и Жизнь" № 27. Рига. 1913. Изд. „Наука и Жизнь". Стр. 46. Ц. 5 к.

2455. Янчукъ, С. И. 67
Подручникъ мастерового. Для монтеровъ и мастеровыхъ. Пинскъ. 1913. Стр. 132.

* **Врангель, Н., бар.** 7(47):92
См. пор. № 2508.

Изящныя искусства [7]

2456. Карповичъ, В. С., худ.-арх. 72
Особняки въ городѣ и деревнѣ. Введеніе Д. Д. Протопопова. Спб. 1913. Изд. журн. „Городское дѣло". Стр. XXX+165. Съ рис. Ц. 3 р. 75 к.

2457. Ларошъ, Г. А. 78(04)
Собраніе музыкально-критическихъ статей. Т. I. Со вступительной статьей М. И. Чайковскаго и воспоминаніями Н. Д. Кашкина. М. 1913. Изд. театр. б-ки въ Москвѣ. Стр. XLII+396+1 портр. Ц. 2 р.

Литература [8]

2458. [. . . . . 8—8
Летучіе альманахи. Вып. I. М. 1913. Изд. „Рубиконъ". Стр. 169+2. Ц. 60 к.
Содержаніе: А. Купринъ. Викторія.—А. Каменскій. Настурціи.—А. С. Гринъ. Синій каскадъ Теллури. — Ал. Рославлевъ. Шутка.—Г. Яблочковъ. Дама въ траурѣ.—Стихотворенія: Л. Андрусона, Евг. Башкова, Якова Година и Д. Цензора.

2459. [. . . . . 8—8
Летучіе альманахи. Вып. 2. Изд. „Рубиконъ". М. 1913. Стр. 140. Ц. 60 к.
Содержаніе: А. Купринъ. Свѣтлый конецъ.—А. Каменскій. Петербургскій человѣкъ.—В. Боиновъ. Въ запонѣдныхъ подахъ. — А. С. Гринъ. Рай.—Г. Яблочковъ. Горбатый Карлъ.—Е. Башковъ, Я. Годинъ, И. Рукавишниковъ и Д. Цензоръ—стихотворенія.

2460. [. . . . . 8—8
Летучіе альманахи. Вып. 3. Изд. „Рубиконъ". М. 1913. Стр. 175. Ц. 60 к.
Содержаніе: А. Купринъ. Фараоново племя.—А. Каменскій. Добрый принцъ.—Н. Телешовъ. Весна-красна. — И. Рукавишниковъ. Анна.—А. Будищевъ. Тѣнь.—А. Рославлевъ. На туронскомъ погостѣ. — А. Свирскій. Отцовская кровь. — Е. Башковъ, М. Гальперинъ, Н. Карповъ и Д. Цензоръ—стихотворенія.

2461. [. . . . . 8—8
Перекаты. Литературный альманахъ № 2. Спб. 1913. Стр. 246. Ц. 1 р.
Содержаніе. Н. Ященко. За чужую вину.—С. Юшкевичъ. Жалость.—Я. Тисленко. Рождество въ лѣсу.—Кн. М. Трубецкая. Сватовство Лэди Джеральдинъ. — А. Петро-Чехъ. Изъ прошлаго. Навстрѣчу солнцу.—А. Серафимовичъ. На берегу.—М. Премировъ. Мечтатель.—К. Троицкій. Листья осеннія. — Стихи: Я. Тисленко, кн. М. Трубецкой, Н. Ященко, В. Леонова, Н. Тагамлицкаго.

2462. Соколовъ, Л. 801(075)
Практическая методика письменныхъ работъ по русскому яз. для нач. учил. и низшихъ кл. среднихъ учебн. завед. Кіевъ. 1913. Изд. автора. Стр. VI+120. Ц. 80 к.

2463. [. . . . . 8(09)
Исторія Западной литературы (1800—1910). Подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Т. I. Кн. 3. М. 1913. Изд. „Міръ". Стр. 289—432+3. Съ рис. и портр.+11 лис., рис., портр. и табл.

2464. Исаевъ, П. 801
Уроки по теоріи словесности съ присоединеніемъ примѣрныхъ плановъ для практическихъ работъ. (Опытъ изложенія курса примѣнительно къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній). Рязань. 1913. Стр. 118+II—1 табл. Ц. 70 к.

2465. Надеждинъ, П. П. 801
Теорія поэзіи эволюціонная и историческая. Учебное руководство для ср. учебн. завед., учительскихъ институтовъ и семинарій. Тула. 1913. Стр. 149—VI. Ц. 80 к.

2466. Синкель, М. Н. 801
Техника сочиненій. Практическое руководство. Правила разбора темъ и образцовыя сочиненія. Спб. 1913. Стр. 77. Ц. 2 р.

2467. Синклеръ, Уптонъ. 82—3
Собр. сочиненій. Томъ IV. Царь Мидасъ. Романъ. Перев. съ англ. З. Журавской. Спб. 1913. Изд. „Прометей", Н. Н. Михайлова. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

2468. Лондонъ, Д. 82(73)—3
Собр. соч. Т. XV. Мои скитанія. Разсказы. Пер. съ англ. А. Кудрявцевой и Р. Романова. Изд. „Прометей", Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 204. Ц. 1 р.
Содержаніе: Признаніе. Желѣзнодорожные зайцы. Путевыя сценки. „Попался!" Тюрьма. „Дорожные парни" и „веселые коты". „Быки". Двѣ тысячи „стиффовъ". Бродяги, путешествующіе ночью.

2469. Лондонъ, Д. 82(73)—3
Собр. соч. Т. XVI. Дѣти тропиковъ. Разсказы. Перев. съ англ. А. Кудрявцевой и Р. Романова. Изд. „Прометей", Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 184. Ц. 1 р.
Содержаніе: Роковая жемчужина. Китовый усъ. Маунн. Ха! ха! ха! Неизбѣжный бѣлый человѣкъ. Язычникъ. На пылающей тхупѣ.

2470. Лондонъ, Дж. 82(73)—3
Полное собр. соч. Т. XVII. 1. Гавайскіе разсказы. 2. Океанскіе разсказы. Авториз. пер. съ англ. М. А. Андреевой. М. 1913. Изд. І. А. Маевскаго. Стр. 208. Ц. 1 р.

2471. Гессе, Г. 83—3
Окольные пути. Разсказы. Авториз. перев. съ нѣм. А. Дамаиской. М. 1913. Стр. 240. Ц. 1 р.
Содержаніе: Отецъ Матвѣй. Ладидоль. Эмиль Кольбъ. Непріемлющій міра. На родинѣ.

2472. Нордау, Максъ. 83—3
Собр. соч. Т. VI. Битва трутней. Романъ. М. 1913. Стр. 565. Ц. 1 р.

2473. Мопассанъ-де, Гюи. 84—3
Господинъ Паранъ и другіе разсказы. Перев. съ фр. П. М. Лагова. Спб. 1913. Изд. „Дѣятель". Стр. 67. Ц. 20 к.

2474. Ренье-де, А. 84—3
Полуночная свадьба. Перев. съ фр. А. Жиркова. Съ предисл. Ю. Веселовскаго. Библ. „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 248. Ц. 1 р.

2475. Вергилій Маронъ, П. 87
Энеида. Пѣснь VI-я. Переводъ съ подробнымъ синтаксическимъ разборомъ. Въ концѣ книги приложенъ словарь, составленный въ порядкѣ слѣдованія неизвѣстныхъ словъ и выраженій въ латинскомъ текстѣ. Сост. В. Любимовъ. Одесса. 1911. Изд. „Наука". Стр. 27+27. Ц. 50 к.

2476. Пелинковскій, А. 891.7(09)
Русская литература въ отрывкахъ изъ произведеній ея изслѣдователей и критиковъ. Пособіе для средней школы и самообразованія. „Дворянское гнѣздо" Тургенева. Одесса. 1913. Изд. „Наука". Стр. 82. Ц. 50 к,

2477. Россиневичъ, В. 891.7(09)
Женскіе типы въ русской литературѣ въ первой половинѣ XIX вѣка. Пособіе для учащихся при изученіи русской литературы. Спб. 1913. Изд. Петерб. учебн. магазиновъ. Стр. 44. Ц. 20 к.

2478. Тихомировъ, Д. П. 891.7(09)
Сборникъ статей и стихотвореній для устныхъ и письменныхъ работъ по русскому яз. Приложенія: 1) Методическія замѣтки о письменныхъ работахъ въ младшихъ кл. ср. уч. завед. съ примѣрными темами и библіографіей. 2) Матеріалы для устныхъ и письменныхъ сочиненій по „Живому Слову" А. Я. Острогорскаго (I и II ч.). Рига. 1913. Стр. 140. Ц. 55 к.

2479. Фарфоровскій, С. В. 891.7(09)
Источники русской исторіи. Русь до-петровская. Пособіе для старшихъ классовъ среднихъ учеб. заведеній и для самообразованія. Спб. 1913. Изд. М. О. Вольфъ. Стр. III+402+VIII.

* **Вѣтринскій, Ч.** 891.7(09):9
См. пор. № 2502.

* **Кошкаровъ, С. Н.** 891.7(09):92
См. пор. № 2507.

2480. Барсовъ, А. А. 891.7—1
„Скорбные мотивы". (Очерки изъ провинц. жизни въ стихахъ). Муромъ. 1913. Стр. 15. Ц. 20 к.

2481. Лундинъ, Л. И. 891.7—1
Крестьянинъ-поэтъ. Сборникъ стиховъ. Кн. II. М. 1913. Стр. 128+2.

2482. Райскій, А. 891.7—1
Новые звуки. Стихотворенія. Кисловодскъ. 1913 Стр. 62. Ц. 50 к.

2483. Терновскій, В. С. 891.7—1
Лѣсныя пѣсни. Спб. 1913. Стр. 47. Ц. 50 к.

2484. Якубовичъ, П. (Мельшинъ). 891.7—1
Стихотворенія. Изд. ж. „Рус. Бог." Т I, изд. 7-е. Стр. 288. Ц. 1 р. 25 к. Т. II, изд. 5-е. Стр. 134. Ц. 1 р.

2485. Гроссманъ, І. Б. 891.7—2
Въ лѣсу, или Ханця-ренегатка. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М. 1913. Стр. 65. Ц. 40 к.

2486. Амфитеатровъ, Ал. 891.7—3
Разбитая армія. Романъ. М. 1913. Изд. Л. А. Столяръ. Стр. 327. Ц. 1 р. 75 к.

2487. Буханцовы, И. и Г. 891.7—3
Разсказы. Спб. 1913. Стр. 208. Ц. 1 р.

2488. Гаринъ, Н. 891.7—3
Встрѣча. „Совр. русск. литер. № 115". Изд. „Освобожденіе". Спб. М. 1913. Стр. 44. Ц. 10 к.

2489. Гоффманъ, Ф. 891.7—3
Пропавшій безъ вѣсти. Разсказъ. М. 1913. Изд. П. Д. Сытина. Стр. 79.

2490. Карамзинъ, Н. М. 891.7—3
Повѣсти. „Дешев. библ". Спб. 1913. Изд. А. С. Суворина. Стр. 184. П. 20 к.

2491. Маминъ-Сибирякъ, Д. 891.7—3
Въ ученіи. Разсказъ. Спб. 1913. Изд. „Народная библ." Стр. 32. Ц. 10 к.

2492. Сологубъ, Ѳ. 891.7—3
Собр. сочиненій. Томъ III и V. Спб. 1913. Изд. „Сириусъ". Стр. 229+237 Ц. V тома 1 р. 50 к.: III—т. 1 р. 25 к.

2493. Тэффи. 891.7—3
Сборникъ юмористич. разсказовъ. „Молодость". „Соврем. русск. литер. № 115". Изд. „Освобожденіе". Спб. 1913. Стр. 43. Ц. 10 к.
Содержаніе. Репетиторъ. Катенька. Донъ-Жуанъ. Талантъ.

2494. Ѳедоровъ, А. М. 891.7—3
Собраніе сочиненій Т. VII. Солнце жизни. Ч. II. М. 1913. Изд. Н. Н. Клочкова. Стр. 226. Ц. 1 р. 25 к.

2495. Жулавскій, Г. 891.85—3
На серебряномъ шарѣ. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1913. Стр. 514. Ц. 1 р. 40 к.

2496. Абрамовичъ, Ш.-Я. 892.4—3
Избранныя соч. Т. I. Кляча. Пер. съ еврейск. І. Ю. Пинуса. подъ ред. С. С. Вермеля М. 1913. Изд. Л. А. Столяръ. Стр. 214+1 портр. Ц. 1 р.

Исторія и географія. [9].

2497. Никольскій, Н. М. 9(3)
Древній Вавилонъ. Популярно-научные очерки по исторіи культуры Сумера, Вавилона и Ассура. Съ 93 рис., планомъ древняго Вавилона и историч. картою. Изд. „Міръ". М. 1913. Стр. 434. Ц. 2 р.

2498. Клаузнеръ, І., д-ръ. 9(33)
Великій моментъ еврейской исторіи. Историческій очеркъ изъ временъ 1 вѣка по Р. Х. Авториз. перев. съ еврейск. С. Кильмана. Одесса. 1913. Изд. Я. Х. Шермана. Стр. 40. Ц. 15 к.

2499. Эфруси, Е 9(33)
Учебникъ по исторіи евреевъ. Ч. I. Древнѣйшій или библейскій періодъ. Спб. 1913. Стр. 132+2 кар. Ц. 50 к.

2500. [. . . . . 9(47)
Дѣло розыскное въ 1591 году про убійство Царевича Дмитрія Ивановича на Угличѣ. Новая редакція Вл. Клейнъ. М. 1913. Изд. Имп. Археол. Инст. им. Имп. Николая II. Стр. V+57.

2501. Заіончковскій, А. М. 9(47)
Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой. Части I-я и II-я. Томъ II. Спб. 1913. Стр. 1.248. Съ рис. и карт.

2502. Вѣтринскій, Ч. 9(47):891.7
Освобожденіе крестьянъ и русскіе писатели. Общедоступный историческій очеркъ. „Моск. О-во Грамотности". Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 125. Ц. 30 к.
Содержаніе: Введеніе. Крѣпостное право. Первые голоса противъ крѣпостного права и голоса въ его защиту. Крѣпостное право въ литературѣ послѣдней четверти XVIII в. Русская литература и крѣпостное право до 40-хъ годовъ XIX ст. Крѣпостное право наканунѣ паденія. Общественная мысль и наука передъ освобожденіемъ крестьянъ. Крѣпостное право и писатели 40-хъ годовъ. Ходъ освобожденія крестьянъ. Литература времени освобожденія. Заключеніе.

2503. [. . . . . 9(47)„1613:1913"
Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Т. VI. М. 1913. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 320. Съ рис. и портр.+30 лист. рис. и портр.+14 діаграммъ.

2504. Шестаковъ, С., проф. 9(495)
Лекціи по исторіи Византіи. Казань. 1913. Изд. слушательницъ высш. ж. к. Войдиновой и Лаптевой. Стр. 376.

2505. Шамуринъ, Ю. 902.5(47)
Ростовъ Великій. Троице-Сергіева Лавра. „Культурныя сокровища Россіи, вып. VI". Изд. „Обозрѣніе". М. 1913. Стр. 82. Ц. не обозн.
Содержаніе: Ростовъ. Предисловіе. Исторія Ростова. Кремль. Ростовскій музей. Церкви Ростова. Монастыри Ростова. — Троицко-Серг. Лавра.—Указатель памятниковъ. Списокъ иллюстрацій.

2506. Гриммъ, Г. 92(A)
Микель Анджело Буонароттн. Перев. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. Спб. 1913. Изд. „Грядущій День". Стр. 60. Съ рис.

2507. Кошкаровъ, С. Н. 92(C):8
Для народа. 5 (Посвящ. памяти П. З. Сурикова). М. 1913. Ц. 10 к.

2508. Врангель, Н. Н., бар. 92:7(47)
Сто портретовъ дѣятелей русскаго искусства. Спб. 1913. Изд. И. С. Лапина. 100 портр. Съ текстами.

Содержаніе журналовъ.

„Библіографическія Извѣстія". (1913—1). Отъ Редакціи К. Деруновъ. Жизненныя задачи библіографіи (Итоги и уроки прошлаго русской библіографіи за 200 лѣтъ). Б. Боднарскій. Классификація библіографіи (библіографія, библіотековѣдѣніе, библіофилія, книжное дѣло). Б. Боднарскій. Библіографія русской библіографіи. (Библіографическая литература за январь — февраль 1913 г.). Н. Ульяновъ. Изъ журнальной литературы по Балканскому вопросу и о Балканскихъ странахъ. В. Пасенко. Отечественная война въ литературѣ на иностранныхъ языкахъ (1812—1813 г.). Матеріалы для библіографическаго указателя. Рецензіи. У. Иваскъ. Библіографія Валерія Брюсова. А. Калишевскій. Эйхлеръ. Библіотековѣдѣніе высш. порядка. Хроника: Библіографія. Библіотековѣдѣніе. Книжное дѣло. Varia. Письмо въ редакцію.

„Библіотекарь". (1913 — вып. II). Е. Гейнцъ. Международная организація по изданію каталога точныхъ наукъ и участіе въ ней Россіи.— А. Плотниковъ. Къ пятилѣтію дѣятельности о-ва библіотековѣдѣнія. — Народныя библіотеки въ Харьк. губ.—Въ Гос. Думѣ. Запросъ по поводу правилъ 9 іюня 1912 г. — Какъ реагировали губ. земскія собранія на созданныя правилами 9 іюня 1812 г. новыя условія жизни народныхъ библіотекъ?—Библіографія русской спеціальной литературы и жизни.—Хроника.

„Вѣра и Разумъ". (1913 — 13). Проф.-прот. Т. П. Буткевичъ. Протестантство въ Россіи. (Продолж.). — Проф.-прот. Н. Стелецкій. Опытъ нравственнаго православнаго богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). — Свящ. І. Артинскій. Жизнь или смерть? (Оконч.).— Свящ. Н. Виноградовъ. Основанія для признанія Бога существомъ личнымъ. — В. Пархоменко. Былъ ли христіанивомъ князь Аскольдъ?

„Вѣстникъ Иностранной Литературы". (1913—7). I. Общественная жизнь: Что такое предста-

вляютъ собою албанцы? Значеніе резервныхъ войскъ въ соврем. войнахъ. Что далъ Португаліи республиканскій режимъ? Любовь къ зрѣлищамъ у современныхъ парижанъ. Женское царство во Франціи. Ловля сардинокъ. Телефонистка о своей службѣ. Оригинальныя завѣщанія.—II. Историческія новости. Были ли дѣти у англійской королевы Елизаветы? Тайна сэра Фрэнсиса Бэкона. Австрія и Наполеонъ въ 1813 г.—III. Театръ и искусство: Воскресающій мертвецъ. IV. Изъ области науки: Строеніе черепа и характеръ. Какимъ образомъ можно сдѣлаться френологомъ. Гигіена прежняго времени. Герои южнаго полюса. — В. Бекфордъ. Ватекъ. Съ фр. — К. и А. Вильямсонъ. Гости Геркулеса. Съ англ.—Г. Ражо. Власть прошлаго. Съ фр.—Б. Келлерманъ. Святые. Съ нѣм.—Э. Эртель. Когда зацвѣла сирень.—Одинокая душа.—Б. Пэйнъ. Горбунъ съ совой.—К. Ренно. По[ш]ибкѣ.—Договоръ.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики". (1913—11 (587)—М. Смолуховскій. Число и величина молекулъ и атомовъ (Оконч.)—Ф. Мазуровскій. Примѣръ одной функціи.—В. Бобынинъ. прив.-доц. Вторая стадія развитія счисленія дробей. (Оконч.) — Н. Плеханова. Англійская ассоціація преподавателей математики.—Задачи.

„Голосъ Минувшаго". (1913 — 7) С. А. Корфъ. Павелъ I и дворянство. — М. С. Коноплева. Марія Семеновна Жукова. — Л. П. Карсавинъ. Церковь и религіозныя движенія XII—XIII вѣковъ. Въ Зап. Европѣ.—В. М. Хвостовъ. Изъ разсказовъ бабушки. (Оконч.). — В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки. (Оконч.)—В. П. Ольнемъ. Изъ репортерскихъ воспоминаній. — Ф. Е. Коршъ. Изъ воспоминаній. — Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. (Продолж.). Перев. съ фр. Е. П. Чалѣовой. — А. К. Дживелеговъ. Черты провинціальной жизни на рубежѣ XIX в.—Письма А. И. Герцена Н. П. Огареву. Сообщ. М. О. Гершензонъ.— А. Ершовъ. Казанскій заговоръ (Окончъ.).—А. Черткова. Изъ исторіи гоненій духоборцевъ въ Закавказьѣ. — Обзоръ журналовъ. — Критика и библіографія. — Хроника.

„Естествознаніе и Географія". (1913—5) Болдыревъ В., проф. Очеркъ по исторіи физіологіи въ связи съ развитіемъ медицины и біологіи. (Прод.)—Вестфейнъ, Р., проф. д-ръ. Біологія въ ея значеніи для современной культуры.—Альбанскій, В. На новую землю.—(Оконч.). — Чокке, Ф., проф. д-ръ. Попеченіе о потомствѣ у земноводныхъ.—Федоровскій, И. На золотыхъ пріискахъ.—Порренбергъ, І., проф. д-ръ. Практическія упражненія учениковъ по естествознанію. —Костроминъ, А. О. необходимости подготовительнаго курса географіи.—Іоганнесонъ, И., проф. д-ръ. Органическая и механическая точки зрѣнія на воспитаніе.—Критика и библіографія.—Смѣсь.—Хроника.

„Извѣстія по Народному Образованію" (1913—7). Правительственныя распоряженія.—Вл. И. Фармаковскій. Изъ жизни и опыта школьной школы. (Оконч.).—Н. А. Бобровниковъ. Русско-туземныя училища, мектебы и медресы въ Средней Азіи. (Оконч.).—Отзывы о книгахъ.

„Народное Образованіе". (1913 — 4). О. Зеновъ. Весна въ школѣ.—Уголки школьной жизни.—Е. Сосунцовъ, свящ. Экзамены въ начальной школѣ.—Въ духовномъ училищѣ. 1877—1881 гг. (Воспом. и замѣтки бывшаго воспит.).—О. Зеновъ. Изъ школьной практики. Еще о словозрительномъ обученіи грамотѣ.—А. Палимовъ. Особенности начальной школы.—Г. Поповъ. Логическое и механическое въ задачѣ.—І. Покровскій, свящ. Повтореніе пройденнаго. — П. В. Опыты рисованія въ начальной школѣ.—Н. Бахтинъ. Весенніе цвѣты на урокахъ рисованія. (Продолж.).—Книжное и журн. обозрѣніе.—И. Тичеръ. Изъ иностр. педагогической литературы.—Библіографическій отдѣлъ. Школьное дѣло на мѣстахъ.—Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и заграницей.—Почт. ящикъ.

„Педагогическое Обозрѣніе". (1913—2). И. Е. Румянцевъ. Развитіе наблюдательности у дѣтей. Вниманіе и интересъ.—Г. Трошинъ. Отклоненія отъ нормы въ нравственномъ развитіи. (Оконч.).—Д-ръ В. Е. Игнатьевъ. Школы въ лѣсу, ихъ организація и соврем. состояніе. (Оконч.).—С. Долиновъ. Физическое образованіе на Съѣздѣ по семейному воспитанію.—А. Обуховъ. Къ вопросу о преподаваніи новыхъ языковъ.—О коллективныхъ работахъ въ начальной школѣ. Методъ „изученія-изслѣдованія" въ трудовой школѣ и экскурсіи.— Критика и библіографія.— Хроника школьной жизни.

„Педагогическій Сборникъ". (1913—7). А. Барсовъ. Разборы словесныхъ произведеній съ точки зр. теоріи словесности.—В. Волынцевичъ. Новости иностранной педагогической литературы.—С. Кудленко. О введеніи „военной игры" въ курсѣ тактики военныхъ училищъ.—П. К. Военно-педагогическая подготовка юнкеровъ.—Критика и библіографія.

„Популярный Литературно - Медицинскій Журналъ". (1913—6). Д-ръ П. Флейссигъ. Ученіе о лѣкарствахъ. Перев. съ нѣм. Ланда. — Проф. Гиллеръ. Комнатная гимнастика безъ приборовъ. Перев. съ нѣм. (Продолж.).—Д-ръ мед. Л. Левенфельдъ. Бракъ и счастіе. (Продолж.)—Проф. Краузъ и Т. Бругшъ. Основы питательной терапіи. Перев. съ нѣм.—*„Домашній Докторъ"*. (1913—6). Д-ръ Э. П. Ланъ. Половое безсиліе.—Вр. В. Дубахъ. Чесотка у людей. — Практическая медицина: способы примѣненія ножныхъ ваннъ. — Обществ. медицина. — Растительный столъ. — Домашняя ветеринарія. — Медицинскія замѣтки.

„Путь". (1913—7). П. Лящко. Одинъ день, разск.—Л. Столица. Шинкарка, стих.—А. Замираловъ. Дѣти, два разск.— Е. Астори. Изъ Ады Негри, стих.—П. Шкляръ. Грузины, изъ волжск. впечатл.—Г. Вяткинъ. Стих.—Б. фонъ-Эдингъ. О художж. памятникахъ провинціи. — Литературная хроника. — Замираловъ, д-ръ. Научное обозрѣніе. Туберкулезъ, очеркъ.—По журналамъ.—Ю. Соболевъ. Замѣтки о новыхъ книгахъ.—Изъ иностранной жизни.—В. Гарской. Провинціальные очерки.—Библіографія.

„Русская Мысль". (1913—7). М. Кузминъ. Покойница въ домѣ, повѣсть. — М. Брода. Гуго, ром. Перев. Ф. Ельяшевичъ. (Продолж.) — В. Брюсовъ. Стихотворенія.—И. Сухотинъ. Звѣзда стараго пра. Весенняя поэма о скитской душѣ и о сладкопѣсновомъ Сиринѣ. — И. Морозовъ. Дни испытанія. (Продолж.). — А. Луговой. А жизнь идетъ..., повѣсть. — С. Парнокъ. Стихотвореніе.— И. Жаринцова. Бытъ и строй Оксфордскаго университета.—А. Корниловъ. Къ исторіи конституціоннаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ—И. И. Фирсовъ. (Л. Рускинъ). Воспоминанія о Вл. А. Фаусекѣ. — А. Дерманъ. Объ Ал. Блокѣ. — К. А. Кузнецовъ.

Японскіе эскизы.—Р. Смитъ. Робертъ Браунингъ и Елиз. Барретъ. Утро ихъ любви.—В. Соколовъ. Открытое письмо С. Н. Булгакову.—С. Н. Булгаковъ. Отвѣтъ В. П. Соколову.— Матеріалы по русской литературѣ и культурѣ. Письма А. Н. Плещеева къ А. М. Жемчужникову. — Въ Россіи и за границей. — Критическое обозрѣніе.

„Русская Школа“. (1913—5-6). Законод. постановленія и правительств. распоряженія.— Д-ръ В. В. Гориневскій. Современныя задачи физическаго образованія.— М. Пилецкая. Школьныя идеалы германской демократіи.— П. Жулевъ. Министерскій проектъ новой программы для одноклассныхъ школъ.— М. А. О—въ. Два дня на учительскомъ съѣздѣ.— П. Владимировъ. Дѣтскія сочиненія въ сельской школѣ.— К. Ягодовскій. Значеніе естествознанія въ общей системѣ обученія ребенка.—Русскія біологическія и зоологическія станціи.— Е. М. О преподаваніи математики въ Америкѣ.— Д-ръ. М. Груздевъ. Къ вопросу о взаимоотношеніи между школьнымъ врачемъ и педагогами.— Б. Р. Фрометтъ. Тюремная культура.— М. В. Новорусскій. Что дѣлать народному учителю. Руководство къ оборудованію своей школы.— П. Вабаласъ-Гудайтисъ. Изслѣдованіе простѣйшихъ психическихъ процессовъ.— К. Іезефская. Зависимость между характеромъ ребенка и пробужденіемъ его самосознанія. Перев. съ нѣм. М. Ванъ.—К. Г. Экспериментально-педагогическая работа въ Англіи. Библіографія. (Эксперим. отд.). — Критика и библіографія.— Педагогическая хроника.

„Современный Міръ“. (1913—7). Матвѣевъ, Н. Не ровенъ часъ, разск.— Федоровъ, А. Его глаза, повѣсть, (Продолж.)— Верхоустинскій, Б. Alter ego, стих.— Морозовъ, Н. На перепутьѣ. (Оконч.).—Моравская, М. Стих.—Патрашкинъ, С. Въ саду, разск.— Локкъ, У. Обломки крушенія, романъ (Продолж.). — Первухинъ, М. Луиджи Пирандэлло, письмо изъ Рима.— Пирандэлло, Л. Его вдовы, повелла.— Плехановъ, Г. Франц. утопич. соціализмъ XIX в. (Оконч.)— Майскій, В. Въ мірѣ германской соц.-демократіи.— Смирновъ, Е. Анри Рошфоръ.—Алексинскій, Г. Польское коло въ Госуд. Думѣ.— Ларскій, І. Новости внутренняго управленія.— Г. А. „Ставка на сильныхъ“.— Іорданскій, Н. Первыя рабочія газеты. Бѣдный, Д. Клопъ, Суета суетъ, басни. Критика и библіографія.

„Сѣверныя Записки“. (1913—7). С. Клычковъ. Шесть стихотв.— Б. Садовской. Побѣги жизни. (Продолж.).— А. Овсянниковъ. Пѣсни Великой революціи. — Н. Морозовъ. Передъ грозой. (Изъ восп. въ Двинской крѣпости). (Продолж.).—Фонъ-Лиліенкронъ-Детлевъ. Новеллы: 1. Съ развернутымъ знаменемъ. 2. Сторожка. Перев. съ нѣм. Н. Дегенъ.— Н. Шапиръ. Семь стихотв.—Ю. Ахо. Обойденный судьбою, разск. Перев. съ финск. Е. Благовѣщенской.— Н. Геккеръ. В. Г. Короленко въ борьбѣ. (Къ 60-лѣтію его рожденія).— А. Дерманъ. Новый романъ Б. Зайцева.— А. Таниннъ. Трудовая группа 1-й Госуд. Думы.— П. Эфренъ. Современное движеніе частно-служащихъ.— Я. С. Дума и страна.

„Украинская Жизнь“. (1913—3). П. Смутко. Перспективы русско-украинскихъ отношеній.—Б. С. Познанскій. Воспоминанія, (Продолж.)—Ѳ. Е. Коршъ. По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины.— М. Могилянскій. Къ вопросу объ украинскомъ сепаратизмѣ.— М. Банько. Украинская трибуна въ Европѣ.— Б. К—ъ. Украинское ученое общество въ Кіевѣ.— Н. Шмигельскій, д-ръ. По поводу изданій медицинской секціи наукова-товарищества.— М. С. Грушевскій, проф. Изъ украинской прессы. Уроки Балканской войны.— С. В. Петлюра. Изъ русской печати.— На Украинѣ и внѣ ея.— Библіографія.

„Учительское Дѣло“. (1913—7-8). Ричардсонъ. Проблема образованія и ея разрѣшеніе. — С. Сватиковъ. Скульптурный музей Имп. Академіи Художествъ. — Н. Нестеровъ. О льготномъ тарифѣ для слушателей учительскихъ курсовъ. — Пріемъ московскимъ губернскимъ земствомъ экскурсій начальныхъ школъ. — Отъ организац. комитета по созыву перваго всероссійскаго съѣзда по вопросамъ дѣтскаго чтенія. — Библіографія. — Письмо въ редакцію.

„Художественно-Педагог. Журналъ“. (1913—9). М. В—нъ. 4-й Международный съѣздъ по художественному воспитанію, рисованію и прикладному искусству.—Гелль. Отрывки изъ „Разговоровъ Родэна объ искусствѣ“. 2. Фидій и Микель-Анджело. Перев. съ фр. С. Тарасова.— Н. Мальцева. Базисъ воспитанія съ помощью ручныхъ работъ. Искусство и жизнь.—Хроника.—Иностран. худож. хроника.— Библіографія.— Б. Къ рисункамъ.

„Художественно-Педагог. Журналъ“. (1913—10). М. В—нъ. 4-й Международный съѣздъ по худож. воспитанію, рисованію и прикладному искусству.— Н. Мальцева. Базисы воспитанія съ помощью ручныхъ работъ.— Д-ръ А. Щетинскій. Къ вопросу объ украшеніи стѣнъ школы картинами.— Искусство и жизнь.— Хроника.— Иностр. худож. хроника.— Библіографія.

Книги, поступившія въ редакцію.

Ч. Вѣтринскій. Освобожденіе крестьянъ и русскіе писатели. Изд. „Задруга“. 30 к.

Г. Кершенштейнеръ. Трудовая школа. Изд. „Задруга“. 35 к.

Веснинъ. Вапи-вятчане. Разсказы бабушки. Изд. С. Дороватовскаго и Чарушникова. 20 к.

Л. Купріянова. Организація западно-европейскихъ рабочихъ. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. 1 р. 25 к.

Экскурсія священниковъ кишиневской епархіи — въ 1912 г.

С. Краинскій. Запятовидный червецъ и мѣры борьбы съ нимъ. Изд. ред. журн. „Садоводъ и Огородникъ“. 10 к.

Н. Мазуркевичъ. Раннія грезы. Стихи. Изд. М. Б. Сороко. 30 к.

А. П. Охитовичъ. По вопросу о трисекціи угла. Отв. проф. Д. М. Синцову и др. 20 к.

Вл. Гущинъ. Стихотворенія. 50 к.

А. Плетневъ. Собр. соч. Т. III. Къ жизни новой. 1 р. 25 к.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Указатель литературнаго отдѣла журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“ за 1912—13 г.

А. Перечень статей.

№ 1.

Стр.

О научной спеціализаціи 1
Новая книга о цѣнности жизни. (Р. Гильдебрандъ. „Мысли о Богѣ, о мірѣ и такъ наз. „Я“.) 6
„Герой“ нашего времени. („Тѣнь вѣка сего“, Д. Абельдяева.) 8
Два убійства. (Изъ романа В. Ропшина „То, чего не было“) 12
О писателяхъ — „живыхъ трупахъ“ и „воскресшихъ Лазаряхъ“. 18
Ѳ. М. Достоевскій. (Болѣзнь Достоевскаго. Успѣхъ „Бѣдныхъ людей“. Взаимоотношенія Тургенева и Достоевскаго. Достоевскій о своихъ работахъ. Письма Достоевскаго). 20
Какъ Мопассанъ изучалъ свое „ремесло“. 38
Семейная жизнь Жоржъ-Зандъ. 40
„Десница“ и „шуйца“ журнала „Завѣты“. 42
Вульгаризованный индивидуализмъ у насъ и за границей 45
Конгрессъ „евгениковъ“ 53

№ 2.

„Вѣчная религія“. (Ученіе Веданты.) . . 57
О роли „подсознательнаго“ въ жизни человѣка. (О вліяніи „подсознательнаго“ на творчество. О вліяніи „подсознательнаго“ на формированіе характера.) . . 60
Блаженство творчества 67
И. С. Тургеневъ по новымъ матеріаламъ. („Пріятели“. О ссорѣ Тургенева съ Толстымъ. Конецъ и „конецъ“. Послѣднее земное странствіе. Первый выходъ „лишняго человѣка“. Тургеневъ — юмористъ.) 68
Новые романы. („Пѣсня крови“, Вл. Лепскаго. — „Слаще яда“, О. Сологуба. — „Озеро“, Н. Русова. — „1794 годъ“, Вл. Реймонта и „Краса жизни“, Ст. Жеромскаго. — „Боги жаждутъ“, А. Франса.) 77
Эволюція революціонныхъ настроеній за желѣзной рѣшеткой 85
Какъ сказывается „безвременье“ въ средѣ русскихъ эмигрантовъ 89
Исповѣдь Азефа 96
О бракѣ 98
Неврастенія и ея причины 101
Эманація радія въ примѣненіи къ медицинѣ 103

№ 3.

Востокъ и Западъ. (Къ пониманію буддизма. Возрожденіе Азіи.) 107
Эстетическое воспитаніе и религія . . . 114
Любовь и свобода въ воспитаніи 118
„Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“. (Изъ біографіи Григорія Сковороды.) . . . 120
Дополнительные штрихи изъ жизни Достоевскаго. (По воспоминаніямъ современниковъ.) 131
Литературныя перспективы 139
Новыя пьесы. („Любите жизнь“, А. Федорова. — Пьеса А. И. Куприна.—„Драма въ домѣ“, С. Юшкевича.) 141
Одна изъ послѣднихъ сказокъ М. Горькаго. 147
Одинокій среди людей. (Памяти Врубеля). 148
Молодежь и общество. (Изъ статьи М. Арцыбашева.) 150

№ 4.

Анкета о современныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ 153
Умѣнье хотѣть. (Научная постановка вопроса о самовнушеніи.) 154
Достоевскій и Кантъ 158
Любовь Толстого 165
Мечниковъ о Толстомъ 169
Личность Генри Джорджа 173
Р. Хинъ о пребываніи въ Москвѣ Германа Банга 176
Б. Зайцевъ и А. Ремизовъ 177
„Путь къ славѣ“. (Повѣсть И. И. Потапенко „Привратники славы“.) 182

О такъ называемой классовой художественной литературѣ 185
Какъ использовать духовныя богатства Россіи. (Проектъ проф. И. Х. Озерова.). 188
О книжномъ потопѣ и новомъ „ноевомъ ковчегѣ“ 191
Русская мысль о смертной казни. . . . 192
Изъ жизни англійскаго студенчества . . 194

№ 5.

Любовь какъ методъ познанія. 198
Въ періодѣ „литературной жвачки“ . . 200
Новые горизонты въ искусствѣ 203
Почему у насъ нѣтъ драматической литературы 206
Поворотъ къ мистицизму въ западной литературѣ 208
„Кипѣніе“ въ современной французской литературѣ 210
О Толстомъ. (Изъ воспомин. П. Ѳ. Нажвина и С. Т. Семенова.). 212
Любовь въ жизни Чернышевскаго . . . 216
Поэтъ и толпа. (О Бальмонтѣ.) 223
Писатели изъ народа — М. Тихонлесецъ и М. Сивачевъ. (Психолог. параллель.) . 227
Мопассанъ при свѣтѣ нашей современности 230
Влюбленные враги — анархистка и жандармскій полковникъ. (Разсказъ О. Руновой „Борьба“.) 233
Какъ примирить максимализмъ съ минимализмомъ 240
Друзья книги 242
Мелочи прошлаго. (Изъ литерат. курьезовъ. Вокругъ имени Пушкина.) . . 245

№ 6.

Все въ этомъ мірѣ относительно. . . . 249
Естествоиспытатель въ защиту своей философіи 252
Имѣетъ ли право на самоуваженіе современный писатель 256
Изъ литературной старины. (Пушкинъ и Дельвигъ. — Булгаринъ. — Чаадаевъ. — Литературные нравы Пушкинской эпохи). 259
Изъ воспоминаній Кони. (Л. Толстой. — Тургеневъ. — Достоевскій, Гончаровъ и критики. — Писемскій. — Вл. Соловьевъ). 265
Толстой среди своихъ школьниковъ. . . 271
Мамынъ-Сибирякъ. (Къ его юбилею и смерти). 273
Къ юбилею И. А. Бунина 277
Палачъ „на покоѣ“. 281
Французская мысль въ поискахъ раціональной морали 286
Идея „Всемірнаго мозга“ 291
Инстинктъ и разумъ. 295

№ 7.

Идея всеобщаго спасенія отъ смерти . . 301
Мечниковъ о современныхъ теченіяхъ въ идеалистической философіи. (Спиритизмъ. Прагматизмъ. Философія космическаго чувства. Метафизика Бергсона. Взгляды Метерлинка на смерть.) 308
О Толстомъ 315
Поэтъ-тайновидецъ. (Полное собраніе сочиненій Ѳ. И. Тютчева.) 319
Мать передъ казнью сына 324
Новыя пьесы. („Заложники жизни“, Ѳ. Сологуба. — „Профессоръ Сторицынъ“, Л. Андреева. — „Малый соблазнъ“, Н. Минскаго. — „Торговый домъ“, П. Сургучева. — „Союзъ слабыхъ“, Шоломъ-Аша. — „Свѣточи“, Анри Батайля) . . 327
Новый споръ о бытовомъ театрѣ. . . . 339
О погибшемъ произведеніи П. Ф. Якубовича 341
Изъ области таинственнаго 342
Мелочи прошлаго. (Изъ мемуаровъ о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I. — Изъ быта духовенства. — Изъ журнальнаго міра въ провинціи. — Изъ театральныхъ курьезовъ.) 344

№ 8.

Новое пониманіе Евангелія. (О. Д. Дурново. „Такъ говорилъ Христосъ“). . . 351
Кипѣніе жизни въ Толстомъ 356
Чеховъ въ своихъ письмахъ. (О самомъ себѣ и своихъ писаніяхъ. О задачахъ художника-беллетриста. О критикахъ и критикѣ. О писателяхъ и художникахъ. О писательской солидарности) 358
Семидесятилѣтіе кн. П. А. Кропоткина. (Чествованіе юбиляра. Личность Кропоткина) 367
Гибнущія силы. (О писателяхъ-эмигрантахъ) 371
Вокругъ „Завѣтовъ“ 373
Военная бурса въ XX вѣкѣ. 374
„Безуміе, его смыслъ и цѣнность“ . . . 383
Безвѣріе, какъ источникъ болѣзней. . . 391
Великая пошлость шаблона. (Нѣчто о цивилизаціи). 395

№ 9.

Отъ временнаго къ вѣчному. (Путь къ вѣчному. — Сверхчеловѣкъ. — О смерти. — О самоубійствѣ). 397
Благо любви. (Обращеніе Л. Н. Толстого къ людямъ-братьямъ) 407
Достаточно ли былъ освѣдомленъ Л. Н. Толстой въ духовной литературѣ. . . 408

А. П. Чеховъ въ своихъ письмахъ (1888—1889). Драма „Ивановъ“. — Повѣсть „Степь“. — Сборникъ въ память Гаршина и разск. „Припадокъ“. — Мечты о романѣ.—Бурже, матеріализмъ и русская интеллигенція 412
Тѣни литературнаго прошлаго 420
Двѣ психики. По поводу „Екатерины Ивановны“ Л. Андреева 426
„Данная“ и „желанная“ (О женщинѣ.) . 427
Тайны творчества. 430
Чтеніе, какъ творчество 431
„Красота тревожной жизни“ (Памяти П. Саца) 432
Изъ покаяннаго письма Иліодора . . . 437
Послѣднее слово науки о зарожденіи жизни. 438

№ 10.

Русская философія какъ утвержденіе Логоса. Ratio (малый разумъ). — Логосъ (большой разумъ). Миссія русской философіи 441
Толпа и личность. 447
Проблема пролетарской идеологіи. . . . 453
Настоящее и будущее пролетарской художественной литературы. 455
Какъ разрѣшается соціальный вопросъ въ новой драмѣ П. Минскаго 458
Достоевскій и современность 465
Памяти Некрасова (1877—1912). (Отношеніе писателей къ Некрасову.—Воспоминанія А. Ф. Кони.—Побольше вниманія къ Некрасову). 470
И. А. Гончаровъ по его письмамъ . . . 476
Исторія любви Чернышевскаго. 483
Механизмъ сновидѣнія. (По Бергсону) . . 489

№ 11.

Человѣчество передъ вѣчнымъ вопросомъ—„почему?“ 491
Бергсонъ о сущности своей философіи. (Разрушеніе стараго. — Построеніе новаго.—Философскія перспективы). . . 494
Изъ новогоднихъ литературныхъ итоговъ 499
Нѣвцы убыли и гибели. (О настроеніяхъ русской беллетристики). 564
Мятежные и мятущіеся. (Мотивы современной западно-европейской литературы.) 509
Изъ „дурачковъ“ въ „царевичи“. („Талисманъ“ В. Винниченко.) 513
Чеховъ въ Художественномъ театрѣ. . . 520
Первое чествованіе Ибсена. 522
Только для чистыхъ сердцемъ открыта истина. (Къ характеристикѣ Александра Добролюбова.) 524
„Кровь всегда вопіетъ“. (По поводу катастрофы съ картиной Рѣпина.) 531
Ягодки капиталистической культуры. (Конкурсы парижскихъ газетъ.) 535

№ 12.

Какъ создать дѣятельную жизнерадостность. (О религіозномъ воспитаніи). . 537
Споры о русской интеллигенціи и ея идеологіяхъ. 544
Психологическая рознь интеллигенціи и Пролетаріата 549
Власть тьмы („Повѣсть о дняхъ моей жизни“ Ив. Вольнаго). 552
„Русскій духъ“ въ иностранной художественной литературѣ. („Lukardis“ Я. Вассермана) 560
Изъ литературнаго прошлаго. (П. К. Михайловскій.—Достоевскій.—Л. Толстой.—Вл. Соловьевъ.—Островскій). 561
Міровоззрѣніе, какъ факторъ здоровья . . 567
Идеалъ труда 572
Чудеса человѣческой души 575
Переворотъ о наукѣ. (Принципъ относительности) 577
Кризисъ семейнаго воспитанія. 582

№ 13.

Около Церкви 585
Современное искусство съ точки зрѣнія идеолога марксизма. 589
Какъ отразился на модернизмѣ гнетъ капиталистическаго строя. 592
Л. Андреевъ объ отсталости театра. . . 598
Да здравствуетъ жизнь! („Нѣдра“ С. Сергѣева-Ценскаго) 600
„У жизни въ лапахъ“.—(„Рабы“ де-Бугелье) 607
Дж. Лондонъ о самомъ себѣ 609
Изъ литературнаго прошлаго. (Въ Ясной Полянѣ. — О Чернышевскомъ). . . . 617
Изъ революціоннаго прошлаго. (Послѣдняя публичная казнь. — О Бакунинѣ). . . 622
Животный магнетизмъ и его цѣлительная сила. 626

№ 14.

Человѣчество въ роли руководителя вселенной. 631
Судьба русскаго нео-христіанства. . . . 635
Чеховъ въ своихъ письмахъ. („Маніа Sachalinosa“. Мысли по разнымъ вопросамъ. О Л. Н. Толстомъ. О себѣ. Чеховскіе мазки и блики) 638
Нѣвецъ „иной красы, иного бытія“. (Памяти гр. А. А. Голенищева-Кутузова). 643

Г. Плехановъ въ защиту романа В. Ропшина 646
Демократія, какъ основа свободнаго научнаго творчества 649
Оправданіе тоскующей души. 653
Въ изгнаніи весь міръ—тюрьма. (Къ развалу въ эмигрантской средѣ) 655
Смыслъ жизни въ сужденіяхъ учащейся молодежи. (По данным общестуденческой анкеты 1912 г.) 661
Сущность женскаго вопроса 668
Послѣднее слово машинизма. 670

№ 15-16.

Отъ „ига свободы“ къ свободѣ истинной 675
Мы и Западъ 679
Новая фантазія о судьбѣ человѣчества. („Ostatnia godzina“ Т. Кончинскаго). . 681
Борьба за жизнь передъ плахой. („Палачъ“ Якова Шаффера.) 684
Арцыбашевъ о ревности 687
Свѣтъ и тѣни въ любви композитора Сѣрова. 689
Элементъ игры въ жизни и творчествѣ Гоголя 694
Новое о В. М. Гаршинѣ. (Къ 25-ти лѣтію со дня его смерти) 697
„Не отъ міра сего“— близкій міру сему. (Вл. С. Соловьевъ) 699
Изъ литературнаго прошлаго. (Пушкинъ.— Гоголь.— Бѣлинскій.— Достоевскій.— Тургеневъ.— Салтыковъ.— Минаевъ.— Верлэвъ). 709
Монассанъ по воспоминаніямъ его слуги. (Монассанъ и женщины.— Болѣзнь Мопассана) 718
Одинъ изъ современныхъ мучениковъ за вѣру. (Исторія жизни К. А. Малеваннаго) 723
Энтузіазмъ шестидесятыхъ годовъ . . . 727
Современная наука о причинахъ эволюціи организмовъ. 729
Побольше уваженія къ печатному слову. 734

№ 17.

Чрезъ творческое „дерзновеніе“ къ „безусловной свободѣ“ 737
Альтруизмъ, какъ факторъ гармоничности и полноты индивидуальной жизни . . 742
Искусство и повседневность въ ихъ противорѣчіи 747
Изъ новѣйшей беллетристики о духовенствѣ. (Какъ бунтуютъ будущіе пастыри.— Нерадивые пастыри.— Пастыри, „брегущіе стадо“) 750
Мучители-мученики. („Шипитаты“ С. Подъячева). 759
Дары средневѣковой мудрости. (Изъ итальянскихъ новеллъ). I. Три перстня.—II. Цѣна дыма.— III. De bonis moribus.— IV. Сенека 767
Л. Андреевъ на порогѣ своей славы . . 769
Одна изъ наиболѣе удачныхъ утопій. (25-лѣтіе интеллигентской общины „Криница“) 770
Неорганическая природа при свѣтѣ современной науки 776
Идеи, образы, факты. (Вмѣсто хроники). Проектъ заграничныхъ командировокъ писателей.— Литературная безпозиціозность.— Акмеизмъ-адамизмъ.— Молодая поэзія въ Англіи.— Англійскіе „интеллигенты“.— Погоня за новизной въ литературѣ и жизни.— Новый романъ А. Франса.— Къ упадку драматическаго творчества.— Въ поискахъ театра будущаго.— Послѣдній „крикъ“ модернистской живописи. — Общій недостатокъ искусства нашего времени. 777

№ 18.

Историческій процессъ и наше личное сознаніе 785
Родэнъ объ искусствѣ. (Методъ работы Родэна.—Для художника все прекрасно.— Идея въ искусствѣ.— Таинственное въ искусствѣ). 787
Революціонеры-предатели предъ лицомъ смерти. („То, чего не было“ В. Ропшина, ч. III) 793
Великая сила „идеала Мадонны“. („Портретъ“ А. Струга). 802
Религіозно философская база Чаадаева въ его „Отрывкахъ“. („Отрывки“ изъ сочиненій и писемъ П. Я. Чаадаева). . 804
Изъ зырянскихъ лѣсовъ къ профессорской кафедрѣ. („Сквозь строй жизни“, 2 тома. К. Ф. Жакова) 808
О Толстомъ и Чертковѣ. (Художественные замыслы Толстого.—Мысли Толстого.— Ближайшій другъ). 816
Изъ литературнаго прошлаго. (Герценъ.— Чернышевскій. — Островскій. — Некрасовъ. — Уайльдъ. — Монассанъ). . . . 822
Новые горизонты въ медицинѣ 833

№ 19.

Время, какъ собиратель раздроблевныхъ силъ природы. 835
Все отъ солнца. (Экстазъ. Холера). . . 840
Физическимъ окомъ въ оккультный міръ. 845
Новая интимная книга В. В. Розанова. („Опавшіе листья“). 850
Любовь выдающихся людей. (Контрасты

любви). Герценъ.— Флоберъ.— Жоржъ Зандъ.— Мюссе.— Лассаль 852
Въ гостяхъ у Вагнера. (Къ столѣтію со дня его рожденія) 863
Народническая критика о романѣ Рошина. 867
Изъ революціоннаго прошлаго. (Бѣгство Льва Гартмана за границу.—Къ дѣлу Чернышевскаго). 870

№ 20.

Оазисы современной мысли Востока. (Шри Рамакришна Парамагамза). 873
Вопросы вѣчные и теософія. 876
Человѣкъ на пути къ новому міроощущенію. 883
Тоска по стихійной непосредственности. . 888
Смерть въ пониманіи Метерлинка . . . 891
О футуризмѣ и его родоначальникѣ. . . 894
Нынѣшній Максимъ Горькій. 900
Безсиліе человѣческаго слова („Русскія ночи“ кн. В. О. Одоевскаго) 902
И. А. Морозовъ о своихъ тюремныхъ настроеніяхъ и злоключеніяхъ. 905

№ 21.

Четвертое измѣреніе и религіозное міропониманіе. 913
Царство Ритма. 918
Индусскій поэтъ-мудрецъ Рабиндранатъ Тагоръ. 923
Первый истинный „христіанинъ“. („Генадамъ“ Б. Демчинскаго) 924
Изъ стихотвореній нынѣшняго сезона. (А. Горностаевъ. С. Городецкій. М. Кузминъ. А. Ярославлевъ. И. Сѣверянинъ. М. Цвѣтаева. А. Черемновъ. М. Шагинянъ) 930
Изъ прошлаго. (К. М. Фофановъ.— В. М. Соболевскій.— В. О. Ключевскій). . . 934
Грезы сѣрыхъ легіоновъ. (Хорошая жизнь въ представленіи нѣмецкаго рабочаго). 941
Идеи, образы и факты. (Вмѣсто хроники). Выступленіе нѣмецкой интеллигенціи противъ снятія пьесы Гауптмана. — Право на смерть. — Право родить и право не родить. — Охрана материнства и младенчества. — Дѣтскія души 946

№ 22.

Перестройка общепринятаго научнаго мышленія. 953
Великій китаецъ съ антикитайскимъ міровоззрѣніемъ. 959
Мистицизмъ, какъ признакъ вырожденія. (По М. Нордау). 963
Увлеченіе „новыми школами“ въ искусствѣ. 968
М. Горькій памяти М. Коцубинскаго. . . 971
Изъ литературнаго прошлаго. (Салтыковъ.— Вл. Соловьевъ). 973
И. А. Морозовъ въ роли „германскаго поддаваго Энгели“. 977
Можетъ ли быть радикально измѣненъ климатъ земного шара?. 986

№ 23-24.

Идея справедливости въ произведеніяхъ Г. де-Мопассана. 989
Лицомъ къ лицу съ „проклятыми“ вопросами“. („Вопросы сердца“.— Одинъ изъ отвѣтовъ разума). 994
О сорадованіи и состраданіи. 1000
Связь кризиса драмы съ кризисомъ морали . 1007
Къ пониманію нашего сегодняшняго литературнаго дня. 1010
Какъ И. А. Морозовъ съ товарищами въ тюрьмѣ проявляли свою свободу. . . 1015
Короленко о дуэли. 1020
Изъ революціоннаго прошлаго. (Кропоткинъ, Лавровъ.— Младшій Дегаевъ.— Польскій масонъ Лукасинскій). . . . 1022

В. Систематическій указатель.

О наукѣ и знаніи вообще [001]. Стр.: 1, 256, 371, 431, 649, 777, 953.

Философія и метафизика [1]. 57, 113, 120, 158, 301, 308, 309, 310, 311, 313, 397, 404, 441, 447, 489, 491, 494, 567, 631, 699, 737, 804, 818, 834, 874, 876, 891, 913, 923, 959.

Оккультизмъ и мистика [13]. 208, 308, 342, 383, 626, 845, 883, 963.

Психологическіе вопросы [15]. 9, 61, 67, 154, 197, 249, 295, 430, 888, 902, 918.

Этическіе вопросы [17]. 240, 286, 366, 407, 653, 661, 675, 687, 742, 947, 948, 989, 994, 1000, 1007.

Сексуальная этика [176]. 98, 165, 427, 852.

Литературная этика [179.1]. 42, 344, 373, 535, 734.

Лишеніе жизни [179.7]. 12, 192, 280, 324, 405, 622, 646, 684, 947, 948, 1020.

Религіозныя темы [2]. 6, 33, 37, 107, 114, 153, 351, 465, 537, 585, 635, 804, 839, 913.

Русская церковь [281.93]. 345, 437, 524, 723, 750.

Соціальный вопросъ [3]. 113, 291, 418, 458, 544, 549, 649, 727, 759, 780, 941, 946, 947, 948, 949, 950.

Экономическій вопросъ [33]. 45, 173, 188, 367, 453, 455, 549, 572, 592, 670, 770, 941.

Школа и воспитаніе [37]. 35, 118, 150, 194, 374, 582, 661.

Женскій вопросъ [396]. 564, 668.

Естествознаніе [5]. 53, 103, 252, 438, 577, 729, 776, 840, 913, 918, 986.

Медицина [61]. 53, 101, 103, 391, 567, 626, 833, 840.

Книжное дѣло [655]. 191, 242.

Эстетика [701]. 114, 203.

Скульптура [73]. 789.

Живопись [75]. 148, 358, 531, 783, 784.

Музыка [78]. 432, 689, 826, 863.

Театръ [792]. 339, 350, 520, 598, 782, 1007.

Общія сочиненія по литературѣ [80]. 185, 208, 455, 509, 589, 592, 747, 781, 894, 968.

Западная литература [82]. 176, 210, 230, 418, 522, 560, 607, 609, 679, 717, 718, 767, 779, 782, 832, 888, 891.

Русская литература [891.7]. 18, 27, 31, 74, 77, 139, 141, 177, 182, 200, 206, 223, 227, 233, 259, 273, 277, 315, 319, 327, 331, 341, 358, 412, 418, 426, 458, 465, 470, 476, 499, 513, 552, 564, 600, 642, 643, 694, 697, 709, 710, 714, 716, 769, 778, 816, 826, 867, 900, 924, 930, 934, 1010.

Польская литература [891.85]. 81, 681, 802.

Исторіософія [901]. 395, 785.

Исторія общ. движенія въ Россіи [9(47)]. 85, 89, 96, 147, 371, 560, 622, 624, 655, 793, 870, 872, 905, 1022.

Біографіи [92]. (Здѣсь приводится также *перечень лицъ, упоминаемыхъ въ статьяхъ*). Абдергальденъ 883; Абельдяевъ 8; Азефъ 96; Айвазовскій 365; Альтенбергъ 509; Л. Андреевъ 18, 331, 426, 499, 531, 769; Аннунціо 592; Аристарховъ 363; еп. Аркадій 345; Арцыбашевъ 499, 687; Астаховъ 242; Ахматова 778; Ашъ 337; Бакунинъ 624, 711, 1026; Балашовъ 531; Бальмонтъ 223; Бангъ 176; Барбэ д'Оревильи 592; Батайль 337; Бело 286; Бергсовъ 311, 837; Бинэ 888; Блокъ 747; Богдановъ 391; Бодлэръ 592; ле-Бонъ 308; Брюсовъ 499; Бугелье 607; Булгаковъ 635; Булгаринъ 260; Буниинъ И. 277, 504; Бурже 418; Бѣлинскій 711; Вагнеръ 863; Ведекиндъ 509, 592; Вербицкая 499; Верлэнъ 718; Верхарнъ 509; Вилье де-Лиль 592; Винниченко 42; Віардо 420; Вольный И. 499; Врангель 25; Врубель 148; Выходцевъ 350; Гамсунъ 509; Гартманъ 870; Гаршинъ 315, 447, 697; Гауптманъ 509, 946; Гейерстамъ 509; Герценъ 822, 853; Гильденбрандъ 6; Гоголь 694, 710; Гончаровъ 268, 365, 476; Городецкій 778; Горькій 18, 93, 447, 900; Григоровичъ 24, 27, 365, 420; Григорьевъ 549; Гумилевъ 499, 778, Гюисмансъ 509, 592; Дарвинъ 729; Девенпортъ 53; Дегаевъ В. 1025; Дельбе 101; Дельвигъ 259; Дельвольвъ 286; Джемсъ 308; Джорджъ 173; Добролюбовъ 524; Достоевскій 20, 28, 131, 158, 268, 315, 365, 383, 465, 564, 712; Дюбю и Рей 286; Екатерина I 344; Жакобе 286; Жаковъ 808; Желябовъ 624; Жеромскій 81; Жуковскій 1022; Зайцевъ 179, 504; Зандъ 40, 859; Ибсенъ 509, 522; Иліодоръ 437, Калининъ 455; Каменскій 499; Кантъ 158; Келлеръ 575; Кибальчичъ 624; Кильнеръ 845; Ключевскій 938; Коллогъ 53; Кони 265; Кончинскій 681; Короленко 365; Коцубинскій 971; Крайній А. 499; Криничане 770; Кропоткинъ 367, 1022; Кузьминъ 94; Купринъ 499; Лавровъ П. 1022, Ламаркъ 729; Лангмавъ 592; Лао-си 959; Лассаль 861; Лебонъ 448; Левенштейнъ 941; Лейкинъ 245; Лемеръ 242; Лемонье 447, 592; Ленскій 77; Лербергъ 592; Линевъ (Далинъ) 420; Линьковъ 986; Лоджъ 308; Ломбардъ 509; Лондонъ 609; Лукасинскій 1026; Майковъ 420; Максимовъ 420; Малеванный 723; Маминъ-Сибирякъ 273; Маннъ Г. 509, 592; Маннъ Т. 509; Маринети 896; Марксъ 447; Мережковскій 363, 635; Метерлинкъ 313, 592, 891; Мечниковъ 169; Милюковъ 25; Минаевъ 716; Минскій 334; Мирбо 592, 888; Михайловскій 561; Михайловъ 624; Модестовъ 245; Монро 779; Мопассанъ 38, 231, 718, 832; Морель 383; Морозовъ Н. 905, 977, 1015; Мстиславскій 240; Мюссе 860; Павроцкій 348; Некрасовъ 470, 826; Овсянико-Куликовскій 453, 544; Орловскій 186; Ортодоксъ 544; Оствальдъ 67, 291; Островскій 420, 567, 826; Перовская 624; Петръ Вел. 344; Писемскій 268; По 592; Потресовъ 453; Пришвинъ 499; Протопоповъ 365; Пушкинъ 246, 259, 315, 709; Пшибышевскій 592; Райкеръ К. 986; Рансомъ 829; Рей и Дюбю 286; Реймонтъ 81, 592; Ремизовъ 177, 499; Роденбахъ 509; Родэнъ 787; Розановъ 850; Рони ст. 888; Ропшинъ 42, 373, 646, 867; Рунгъ 509; Русовъ 80; Рысаковъ 622; Рѣпинъ 531; Саблинъ 977; Салтыковъ 365, 714, 973;

Самаринъ 959; Сацъ 432; Серджи 53; Сергѣевъ-Ценскій 499, 504; Сивачевъ 227; Скаловскій 840; Сковорода 120, 441; Соболевскій 936; Соловьевъ Вл. 269, 420, 566, 699; 973, 1000; Соловьевъ Вс. 26; Сологубъ 18, 79, 327; Страховъ 26; Стриндбергъ 509, 592; Стругъ 802; Суворинъ 363; Сургучевъ 336; Сѣровъ 689, 826, 863; Тагоръ 923; Тихонлесецъ 227; Толстой А. 499; Толстой Л. 165, 169, 212, 265, 271, 315, 356, 408, 447, 499, 564, 617, 640, 816, 819; Томъ 286; Треневъ 42; Тургеневъ 28, 68, 266, 315, 420, 714; Тэйлоръ 670; Тютчевъ 319; Уайльдъ 509, 592, 829; Успенскій Г. 383; Фетъ 420; Флоберъ 856; Фофановъ 934; Франсъ 782; Фризъ 729; Хавелокъ 53; Чаадаевъ 262; Чернышевскій 216, 483, 619, 824, 872; Чертковъ 819; Чеховъ 358, 412, 520, 638; Шиллеръ 53; Шницлеръ 509, Щегловъ 365; Эйкенъ 252, 310; Эйнштейнъ 577; Юшкевичъ 146; Якубовичъ 341; Оедоровъ А. 142; Оедоровъ Н. 301, 631.

С. Алфавитный указатель.

Стр.

Абельдяевъ, Д..... 8
Абрамовичъ, Н.. 18, 427
Айхенвальдъ, Ю. 231, 327, 697
Аксеновъ, М..... 249
Андреевскій, С..... 203
Андреевъ, Л... 331, 598
Аннепковъ, П..... 68
Антуанъ..... 782
Аптекманъ, О..... 383
Ардовъ, Т..... 277, 531
Арктуръ..... 327
Артоболевскій, П... 938
Арцыбашевъ, М. 139, 150
Асклепій..... 833
Аскольдовъ, С..... 837
Ачкасовъ, А..... 723
Ашкеназы..... 1026
Бартеневъ, А..... 223
Батюшковъ, Ѳ..... 336
Бахметьевъ, П..... 776
Безобразовъ, П..... 98
Бергсонъ, А. 430, 489, 494
Березинъ, Н..... 438
Бертенсонъ, д-ръ ... 246
Бикерманъ, І..... 668
Боборыкинъ, П..... 567
Бончъ-Бруевичъ 120
Брода, Р..... 113
Брюсовъ, В..... 319, 778
Бугелье-де, С.-Ж... 717
Бунинъ И..... 277
Бурже, П..... 714, 781
Бурнакинъ, А..... 499
Бурцевъ, В..... 96
Быковъ, П..... 716
Бѣлоруссовъ 45, 286, 535, 655
Бѣлоруссовъ-Вальмеръ..... 88
Бенъ..... 334
В. В..... 670
В. С..... 845
Вавулинъ, Н..... 383
Waldstein, W..... 60
Вассерманъ, Я..... 560
Веджвудъ, Д..... 367
Венгерова, З..... 369
Венгеровъ, С... 697, 710
Вивекананда, С..... 57
Викторскій, С..... 192
Винниченко, В..... 513
Воганъ, В..... 252
Войтоловскій, Л. 200, 447, 499
Вольный, И..... 552
Волошинъ, М..... 531
Волховскій, В. и др. 373
Врангель, А. 132
Вырубовъ, Г. 624
Вѣтринскій, Ч..... 20
Вѣтровъ, П..... 575
Вѣчевъ, Я..... 867
Галаховъ, І..... 913
Г—въ, Б..... 564
Герценштейнъ, Э... 509
Герценъ, А.... 822, 852
Гершензонъ, М. 74, 804
Гзелль, П..... 787
Гиппіусъ, В..... 894
Голенищевъ-Кутузовъ, А. 643
Homo novus .. 341, 1007
Гончаровъ, П..... 476
Горностаевъ, А..... 930
Городецкій, С..... 930
Горькій, М..... 147, 291
Григоровичъ, Д. ... 27
Гроссманъ, Л... 84, 946
Гуревичъ, Л..... 499
Гусевъ-Оренбургскій, С..... 757
Давыдовъ, С..... 148
Дальбъ, Ф..... 631
Дейчъ, Л..... 259
Дельвигъ, А.. 1022, 1025
Демчинскій, Б..... 924
Діонео. 53, 779, 780, 923
Дмитрієвъ, Е..... 210
Долининъ, А..... 177
Домрачевъ, Гр..... 374
Дони, Ан..... 769
Достоевскій, Ѳ..... 28
Достоевскій, О..... 472
Дурново, О..... 351
Дурылинъ, С..... 697
Елачичъ, Е..... 295
Елпатьевскій, С..... 356
Жаковъ, К..... 808
Закржвскій, А. 8, 177, 465
Зандъ, Ж..... 859
Засуличъ, В..... 544
Зноско-Боровскій, Е. 206
Золотаревъ, А. 655, 679
Ивановичъ, Ст..... 544
Ивановъ-Разумникъ. 499, 635, 867
Игнатовъ, П. ... 42, 273
Измайловъ, А. 273, 277, 475, 687, 931
Иліодоръ..... 437
Ірецкій, В..... 191, 242
Калининъ, Ѳ..... 186
Karenine, Wl..... 40
Катинъ, Н..... 619
Кауфманъ, А. 245, 348, 350, 420
Ключевскій..... 938
Ковалевскій, П. 826
Ковалинскій М..... 120

Козловскій, Л. 18, 81, 277, 681, 802
Кокосовъ, В. 280
Колтоновская, Е.... 231
Кони, А. 265, 474
Корниловъ, А..... 711
Коробка, Н..... 373
Короленко.... 936, 1020
Крайній, А..... 778
Крамской..... 531
Кр—кій, С. 197
Кропоткинъ, П..... 369
Кудрявцевъ..... 626
Кузьминъ, Е. .. 431, 676
„ М..... 931
Купринъ, А..... 144
Л. П..... 114
L. G..... 194
Ладыженскій, М..... 408
Лао-си 959
Лассаль..... 861
Латкинъ, В..... 697
Леви, П..... 154
Лондонъ, Дж..... 609
Лоренцо..... 769
Луначарскій, А..... 597
Лункевичъ, В..... 1
Львовъ, С..... 342
Львовъ-Рогачевскій. 327, 499, 778
Лѣсковъ, Н. С..... 617
Ляцкій, Е..... 216
М. С..... 103
Майковъ, А. 139
Марциновскій..... 567
Мейерхольдъ, В..... 520
Меньшиковъ, М. 391, 986
Мережковскій, Д. 327, 499, 714, 747
Мечниковъ, И. . 169, 308
Микуличъ, В. 617, 816, 819
Милицына, Е..... 324
Милюкова, А..... 727
Минскій, Н. 95, 458
Михаилъ, еп..... 948
Морозовъ, В..... 271
„ Н. А. 905, 977, 1015
„ П. В..... 315
Муратовъ, П..... 784
Мэніаль, Э..... 38
Мюссе..... 860
Н. Б..... 948
Наживинъ, И..... 212
Невѣдомскій, М. 327, 697
Немировичъ-Данченко, Вл. 520
Николенко-Гильченко, В. 561
Нильсенъ..... 522
Нордау М. 963, 968, 994
Новорусскій, М..... 840
Овсянико-Куликовскій, Д..... 142, 649
Одоевскій, В..... 902
Ожиговъ, А. 77, 499, 900,
Озервъ, Н..... 188
Осиповъ, В. Л..... 870
Осоргинъ, М..... 896
Оствальдъ, В..... 67
П. Б..... 549
Пальмъ, Г..... 350
Панкратовъ, А. 227, 242
Петерсонъ, Н..... 301
Петровскій, П. 936
Петровъ, Гр..... 273
Плансонъ, Л..... 624
Плехановъ, Г.. 589, 646
Подъячевъ, С..... 759
Полякъ, Г..... 918
Потапенко, И..... 182
Прибылева, А..... 341
Пругавинъ, А... 371, 524
Радинъ, Е..... 661
Рамачарака..... 918
Раухфусъ, К..... 949
Ришпенъ, Ж..... 679
Родэнъ, А..... 789
Розановъ, В..... 850
Розенбергъ, В..... 714
Ропшинъ, В.... 12, 793
Рославлевъ, А..... 931
Рубинштейнъ, М.... 537
Руднянскій, С..... 941
Рунова, О..... 233
Русановъ, Г..... 315
Рыкачевъ, А. 544
Рыссъ, П..... 395, 655
Рѣдько.....1010
Рѣзуновъ, кр..... 315
Рѣпинъ, И..... 531
С..... 45, 85
С. И. Р..... 53, 829
С. У..... 420
Савельевъ, А..... 131
Салтыковъ, Е..... 973
Сахаровъ, В..... 697
Семеновъ С..... 212
Сементковскій, Р.... 420
Сергѣевъ-Ценскій, С. 600
Серкамби, Дж..... 765
Синусъ..... 101
Скаловскій..... 840, 918
Сковорода, Гр..... 120
Смирновъ, Н..... 114
Соловьевъ, Вл. . 566, 973
„ Вс..... 134
Сологубъ, Ѳ..... 339
Сорокинъ, П..... 544
Сохинъ, А..... 256
Станиславскій, К.... 520
Стасовъ, В..... 531
Стаховичъ, А..... 315
Странникъ 619
Страховъ, Н.... 132, 994
Суворинъ, А.... 883, 913
Сулержицкій, Л..... 432
Сургучевъ, И..... 777
Сѣверянинъ, И..... 932
Сѣрова, В. 689, 826 863
Тассаръ, Ф..... 718
Т-ва, В. (Починковская)..... 137
Тимофеевскій, П.... 876
Толстая, С. 165
Толстой, Л. 315, 319, 407, 531, 564, 714, 818, 832, 994
Толшемскій, Х..... 345
„ Т..... 754
Трельсъ-Лундъ..... 491
Трубецкой, Е..... 699
Туганъ-Барановскій 158, 173
Успенскій, П... 398, 572
Фаусекъ, В. 697
Ферворнъ, М. 953
Филипченко, Ю..... 729
Философовъ, Д. 240, 373, 948
Фильдингъ, Х..... 107
Флоберъ..... 856
Фриче, Ф..... 592
Х..... 832
Хвольсонъ, О. 577
Хвостовъ..... 989
Хинъ, Р..... 176
Цвѣтаева, М. 932
Ч..... 146
Чаадаевъ, П. 804
Чайковскій, Н. 368
Чеботаревская, А... 327
Черемновъ, А..... 933
Черновъ, В.... 891, 1000
Чернышевскій, Н. 472, 483, 824
Чеховъ, А. 358, 412, 638
Чуковскій, К... 470, 504
Шадринъ..... 750
Шагинянъ..... 933
Шевыревъ, С. 709

Шефферъ, Я..... 684
Шиле, А..... 697
Шоу, Б..... 368
Шри Рамакришна Парама-Гамза..... 874
Щеголевъ, П..... 694
Щепетевъ, А..... 89
Щукинъ, С..... 585
Эйкенъ, Р..... 6
Эйхенбаумъ, Б..... 531
Эрбергъ, К..... 737
Эрвье, П..... 781
Эринъ, В..... 441
Эфросъ..... 520
Южный, В..... 499
Junior. 544, 653, 734, 785
Юшкевичъ, П. 453, 455, 544
Яблоновскій, С. 139, 426
Яновскій, С..... 131
Яроцкій..... 742

Указатель библіографическаго отдѣла журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“ за 1912—13 г.

А. Алфавитный указатель отзывовъ о книгахъ.

А. Р..... 159
Абельдяевъ, Д..... 537
Абрамовъ, Н... 172, 263
Абрамовичъ, Н..... 336
Авенаріусъ, В..... 478
Аверинцевъ, С..... 401
Адамовъ, А..... 221
Айзманъ, Ц..... 179
Айхенвальдъ, Ю.... 255
Аксакова, В. 641 (Стр. 550)
Алешинцевъ, Н..... 167
Алчевская, Х..... 224
Альгренъ, Э..... 613
Альманахъ изд. „Шиповникъ“..... 340
Амфитеатровъ, А.. 42/43, 257, 317, 442
Антоновъ, Н..... 9
Ан—скій, С..... 642
Арреніусъ, С... 99, 100
Аркадьевъ, Е..... 574
Аскольдовъ, С..... 49
Багалѣй, Д..... 597
Байронъ..... 370
Балаевъ и Дмитріевъ. 667
Бангъ, Г..... 30
Барановъ, Е..... 608
„ В..... 13
Барклай де-Толли... 239
Барятинскій, В..... 318
Бахтинъ, Н..... 1, 188
Бачалдинъ, Н..... 386
Беккерель, Ж....398/399
Беловъ, Г..... 59
Бенуа, Ал..... 204
Бераръ, В..... 186
Берге, Ф..... 465
Бергсонъ, А. 229, 357, 480
Бердслей, О..... 267
Бердяевъ, Н..... 51
Беркли, Д..... 452
Бернашевскій, А.... 198
Бериштейнъ, А..... 174
Библіографическій Ежегодникъ..... 517
Библіотека В. В. Протопова..... 290
Богдановъ, А.. 237, 273, „ 665
Богословскій, М..... 491
Богучарскій, В..... 327
Боргманъ, А..... 379
Боринъ, Я..... 81
Бочаровъ, П. 28
Бремъ, А..... 265
Брусянинъ, В..... 416
Брюсовъ, В..... 568
Будищевъ, А. .. 274, 375
Булгакова, Е... 410, 595
Бузескулъ, В..... 454
Бурлюкъ, Д. и др... 406
Бутенко, В..... 671
Буткевичъ, А..... 180
Быкова, А..... 411
Быковъ, А..... 609
„ Н..... 188
Быховскій, В.... 57, 558
Бюрнэ, Е..... 306
Бѣлинскій, В... 162, 182
Бѣляцкинъ, С..... 329
В. В. и Н. В..... 44
В. П..... 579
Вавулинъ, Н..... 576
Вагнеръ, Вл..... 552
Вандаль, А..... 378
Васенко, П. и др... 320
Васнецовъ, В..... 168
Вальдесъ, А..... 690
Вальтеръ, В..... 123
Waldstein..... 482
Введенскій, А..... 577
Везенковъ, В..... 283
Вейнбергъ, Л... 277, 445
„Велесъ“, сб. 269
Великопольскій, А. (А. Вельскій)..... 463
Венгерова, З..... 310
Верещагинъ, В..... 564
Вериго, М..... 165
„ В..... 501
Вивекананда, С..... 233
Виллари, П..... 282
Виппперъ, Р.... 187, 569
Вишневскій, П..... 256
Вишняковъ, Е. и Пичета, В..... 475
Владимирова, А..... 691
Владиславлевъ, И. 321, 518
Военная энциклопедія..... 420
„Война и міръ“, сб. 567
Волкова, А..... 571
„ М..... 466
Волконскій, С.. 113, 247
Вольновъ, П..... 692
Вольтеръ, Фр.. 249, 470
Вопросы дошкольнаго воспитанія..... 166
Воскресенскій, А.... 319
Всеволодскій-Гернгроссъ, В. 205, 248, 469
Всеобщая библіотека. 225
Вундтъ, В..... 3
„Въ родной долинѣ“. 341
Вѣтринскій, Ч..... 289
„Газетный міръ“.... 351
Галанинъ, Д..... 136
Гаманъ, Р..... 562
Гартвигъ, А..... 241
Гассертъ, К..... 382
Ге, Ф..... 631
Гейерстамъ-афъ, Г.. 270
„География въ школѣ“ 544
Германовъ, Л..... 679
Гернетъ, М..... 527
Гертвигъ, Р..... 365
Герцль, Т..... 403
Гёте..... 641
Гинзбургъ, С..... 185

Гиляровская, Н..... 68
Гиро, П.....446/447
Глаголь, С. и Грабарь, И..... 572
Гладковъ, Б..... 234
Гобино..... 669
Гольцингеръ..... 12
Голобородько, И.... 285
Гольдштейнъ, І..... 92
Гомперцъ, Г..... 5
Горбовъ, Н..... 367
Горбуновъ-Посадовъ, И..... 164
Гордлевскій, Вл..... 280
Горнфельдъ, А. Г. 220, 278
Городецкій, С.. 342, 603
Горькій, М..... 376
Гребенщиковъ, Г... 614
Гриневская, И..... 149
Григорьевъ, Р..... 473
Гротъ, П..... 107
Грушевскій, М..... 412
Гуляевъ, А..... 197
Гуревичъ, Б..... 250
„ И..... 115
Гурмонъ-де, Р..... 209
Гусевъ-Оренбургскій, С..... 507
Гюго, В..... 371
Давидовичъ, М..... 131
Давыдкинъ, М. и Селезневъ, И..... 222
Даннеманъ..... 653
Данскій, Б..... 300
Дворниковъ, Н. и Соколовъ, С..... 122
Деккеръ, Г..... 244
Деледда, Г..... 210
Дельвигъ, А..... 316
Демель, Р..... 207
Демени, Г., Филиппъ, Ж., Расинъ, Г.... 366
Дернова-Ярмоленко. 111
Дессуаръ, М.,..... 157
Дефективныя дѣти и школа..... 495
Дешевая библ. для семьи и школы... 226
Динзе, Вл..... 391
Добіашъ, А..... 104
Добролюбовъ, М... 148
Доброхотовъ, А.... 405
Довнаръ-Запольскій. 117
Догановичъ, А..... 39
Донкастеръ, Л..... 338
Донъ, В. и Тикнеръ. 120
Дорофеевъ, Н..... 62
Достоевская, Л..... 377
Дриль, Д..... 56
Дрожжинъ, С..... 472
Дуговская..... 533
Дурново, О..... 158
Дѣти-преступники.. 24
Дюркгеймъ, Э..... 325
Ежовъ, Г..... 553
Елпатьевскій, С..... 697
Енчъ, Э..... 630
„Естествознаніе въ школѣ“. 141, 586
Жаботинскій, Вл.... 359
Ждановъ, Л..... 74
Жуковъ, И..... 441
Журинъ, А..... 591
Заключенный № 1776. 389
Закржевскій, А.. 75, 522
Закъ, Л..... 20
Зандбергъ, Д..... 156
Записки судьи..... 95
Захаровъ, В..... 171
Звягинцевъ, Е.. 138, 459
Зейпель, Н..... 487
„Земля.“ Сборн. X... 309
„ XI.. 686
„ XII.. 687
Зенкевичъ, М..... 343
Зиловъ, Л..... 37
Змирловъ, К..... 650
Золотаревъ, С..... 145
Зомбартъ, В..... 129
Зоологическая хрестоматія..... 109
Ибаньесъ, Б.... 212, 213
Ивановъ, В..... 69
„ Д.... 308, 632
Ивановъ-Разумникъ. 668
Ивашкевичъ, А..... 508
Игнатьевъ, В..... 502
„ Е..... 395
Іенсенъ, І..... 31/35
Изгоевъ, А..... 87
Изданіе земствъ 34-хъ губ..... 46
Измайловъ, А..... 565
Иллюстр. литер. календарь-справочникъ.. 89
Инфантьевъ, П. 150, 429
Исаевъ, А..... 457
Историко-культурный атласъ по русской исторіи..... 598
Исторія современной Россіи..... 380
Итальянскія сказки.. 211
Кабановъ, А..... 599
„ Н..... 245
Кадминъ, Н..... 183
Калій (А. М. Селитренниковъ)..... 40
Каптеревъ, Н..... 298
Каррикъ, В..... 620/9
Карра, У..... 230, 575
Карсавинъ, Л..... 578
Карѣевъ, Н.... 189, 485
Кассиреръ, Э..... 127
Каталогъ книгъ для дѣтск. чтенія..... 384
Катцъ, Л..... 360
Кацъ, Р..... 467
Кашкинъ, Н..... 415
Кейра, Ф..... 461
Келлеръ, Е..... 509, 642
Кемницъ, С..... 169
Кемпбеллъ, Н..... 201
Кершенштейнеръ, Г. 60
Кирхейзенъ, Г.....85/6
Кирѣевскій, И..... 47
Кирѣевъ, А..... 52
Кисъ, Э..... 199
Клингеръ, Фр..... 352
Клоссовскій, А..... 464
Клюевъ, Н..... 335
Ключевскій, В... 79, 526
Книга о ребенкѣ.... 177
Князевъ, В..... 530
Кобеко, Дм..... 140
Ковалевскій, П..... 214
Кованько, П..... 93
Козлинина, Е..... 525
Козьминыхъ-Ланинъ, И..... 54, 193
Коллекціи спец. пособій для формальнаго развитія и изслѣдов. умственно-дефектив. школьниковъ..... 61
Коллинсъ, Ф..... 175
Коллонтай, А..... 130
Комаровъ, А..... 677
Cohn-Wiener..... 503
Кони, А..... 286
Коноваловъ, Ив..... 513
Конопницкая, М.... 153
Конрадъ, Дж..... 146
Конъ, Э. и Пуанкаре. 64
Коптевъ, Д. и Латышевъ, С..... 22
Корвинъ-Милевскій. 10
Корниловъ, А..... 80
Коровинъ, В..... 644
Корольковъ, Н..... 600
Корфъ, С..... 134

Котляревскій, С.... 160
Краних фельдъ, В.... 347
Крашенинниковъ, Н. 510
Криницкій, М. 649 (Стр. 545)
Криничане..... 556
Кротковъ, В..... 98
Круковская, Л..... 190
Крэгъ, Г..... 402
Кувшинская, Е..... 235
Кузьмина-Караваева. 114
Кузьминскій, К. 287, 596
Кузьминъ, М..... 251
Кулишеръ, І..... 458
Кульманъ, Н..... 497
Кулыжный, А..... 194
Кумовъ, Р..... 511
Курдовъ, К..... 223
Курсы по кооперации. 195
Кутюра, Л..... 394
Кэнджиро, Т..... 618
Кюри, М..... 202, 397
Лавера, М..... 259
Лаговъ, Н..... 517
Ладыженскій, Вл.... 558
Лазаревскій, Б..... 407
Ламетри-де..... 356
Ламотъ-Фуке-де. ... 311
Лапшинъ, И..... 50
Лебединскій, П..... 504
Леви, П..... 297
Леманъ, Б..... 438
Ленерю, М..... 36
Ленскій, Вл. 41
Леонтьевъ, К..... 126
Лермонтовъ, М..... 536
„Летучая энциклопедія“..... 430/437
Ли, Г..... 96
Лигинъ, Ю..... 455
Лиданова..... 573
Литвиновъ-Фалинскій, В.... 17/18, 648
Лихтенберже, А 192, 231
Лобасъ, Н..... 238
„Логосъ“..... 353
Лозинскій, Е... 582, 584
Ложье, Ц..... 118
Лондонъ, Дж..... 66
Лопе-де-Вега..... 589
Лопухинъ, И..... 529
Лосицкій, А..... 55
Лукрецій..... 505
Любименко, П..... 335
Лямпусъ, В..... 362
Ляховъ, А..... 326
Майкельсонъ, А..... 65
Маковскій, С..... 658
Максимовъ, В..... 184
Малаперъ, П..... 551
Малиновской, Н..... 519
Маминъ-Сибирякъ, Д. 275
Мамлокъ, Л..... 106
Мамонтовъ, Н..... 605
Мантель, А..... 268
Магіс, А..... 70
Маркеловъ, Г. 563
Марковъ, А..... 260
Марксъ, К. и Энгельсъ, Ф..... 453
Марло, К..... 147
Мартинъ, Д..... 426
Мартини, Э..... 590
Мейерхольдъ..... 368
Мейманъ, Э..... 675
Меллеръ, З..... 246
Менстровъ, М..... 77
Мережковскій, Д. 639 (Стр. 546)
Методы перв. обуч. 493/4
Мечниковъ, И..... 264
Милицына, Е..... 593
Милюковъ, П..... 543
Минцловъ, С..... 125
Мирославскій, Н..... 19
Михайловскій, Н.... 358
Михайловъ, В..... 516
Михаэлисъ, С..... 67
Мишле, Ж..... 302
Міэ, Г..... 27
Мольеръ..... 178
Монтессори, М.. 462, 606
Моранъ, П..... 383
Моренъ, Ш..... 685
Морозовъ, Н..... 26
Морской, А..... 328
Моск. Художественный театръ..... 369
Муратовъ, П..... 155
Мюлау, Е..... 404
Мюрже, А..... 689
Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній.. 53
Невскій, А..... 236
Немировичъ-Данченко, Вас. 678
Нерваль-де, Ж..... 271
Никитинъ, И..... 374
Николай Михайловичъ, в. кн..... 619
Никоновъ, А..... 173
„ Б..... 59
Новеллы итальянск. Возрожденія.. 372, 617
Новиковъ, И..... 345
Новомбергскій, Н... 128
Новости науки..... 531
„Новыя идеи въ математикѣ“..... 682/3
„Новыя идеи въ педагогикѣ“..... 331
„Новыя идеи въ физикѣ“.... 102, 425, 684
„Новыя идеи въ философіи“.. 354, 547/550
„Новыя идеи въ химіи“. 105
Нолькенъ, А..... 489
Нордау, М..... 227, 520
Нѣмчиновъ, В..... 330
Обуховъ, А..... 332
„Общее дѣло“..... 333
Овидій,..... 373
Овсянико-Куликовскій, Д. и Сакулинъ П..... 97
Одоевскій, В..... 539
Озеровъ, И.... 133, 486
Омелянскій, В..... 400
Орлова, О..... 639
Орловъ, А..... 456
Осоргинъ, М..... 676
Оствальдъ, В..... 498
Очерки по исторіи педагогич. ученій. .. 25
Пажитновъ, К.. 196, 490
Памятн. музея изящныхъ искусствъ им. Имп. Александра III въ Москвѣ..... 112
Панкратовъ, А..... 240
Пахомовъ, Д..... 500
Пенниеттъ, Р... 242, 364
Перельманъ, Я..... 587
Перцевъ, В..... 154
Перцовъ, П..... 299
Петровъ, А..... 488
Петрушевскій, Д.... 515
Пиксановъ, Н..... 348
Пиленко, А.... 135, 581
Пинесъ, М..... 474
Пичета, В..... 82
Погодинъ, А... 279, 680
Подъячевъ, С..... 443
Пойнтингъ, Д..... 103
Покотило, Н..... 281
Полежаевъ, П..... 91
Понтопиданъ..... 588
Поповъ, Е..... 532
„ П.... 121, 381
„ М..... 387

Поссе, В..... 580
Практическая школьная энциклопедія.. 161
„Природа“..... 303
Пришвинъ, М..... 408
Программы для самообразованія. . 393, 652
Прокоповичъ, С.... 555
Прокошевъ, П..... 8
„Прометей“, сб. I... 688
Пушкинъ, А..... 540
Радловъ, Э.... 417, 601
Рахмановъ, В..... 144
Реймонтъ, В..... 116
Рейнакъ, С..... 468
Ремизовъ, А..... 693
Ремюза..... 313
Ренье, А..... 471
Решаль, А..... 272
Риги, А..... 101
Рогова, О..... 312
Рожковъ, Н..... 6
Розановъ, В..... 649
Ролланъ, Р..... 208
Романовскій, В..... 696
Рославлевъ, А..... 663
Россійскій Императорскій флотъ..... 492
Россія. Туркест. край. 698
Рубакинъ, Н.... 422, 699
Рудинъ, Н..... 23
Рудичъ, В..... 38
Рунова, О..... 216
Русовъ, Н..... 640
Русская энцыклопедія..... 322
Русскіе учителя за границей..... 390
Рывкинъ, М..... 541
Рѣковъ, В..... 181
С., Владимиръ..... 694
Савватій..... 512
Сборникъ „Знаніе“. 610
Сватиковъ, С..... 385
Свирскій, А..... 217
Свобода печати при обновл. строѣ.... 301
Сводъ законовъ Россійской Имперіи.. 361
Святскій, Д..... 423
Сегаль, І..... 132
Сегюръ-де..... 645
Селли, Д..... 200
Селитренниковъ, А. 151
Семеновъ, С..... 218
Сергѣевъ-Ценскій, С. 615
Срезневскій, В. и Тукалевскій, В.... 266
Сивачевъ, М..... 253
Синицынъ, Д..... 654
Синьякъ, П..... 534
Сиповскій, В..... 137
Скалонъ, Д..... 643
Сковорода, Г..... 294
Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи..... 24
Слобожанскій, С.... 672
Слушательницы петерб. в. курс. по даннымъ переписи. 334
Смирновъ-Кутачевскій, А..... 346
Смутное время въ моск. госуд..... 448
Соболевскій, С..... 219
Соболевъ, М..... 16
Совѣтъ съѣздовъ представит. промышл. и торговли. 63
Содди, Фр..... 499
Созоновъ, С. и Верховскій, В..... 143
Соколовъ, К..... 258
Соловьева, П..... 73
Соловьевъ, Вл..... 484
„ Н..... 191
Сотонинъ, К..... 450
„Союзъ“, Альм. I... 439
Сперанская и др.... 284
Сперанскій, В..... 323
Стасюлевичъ, М. М. и его соврем. въ ихъ перепискѣ.... 124
Стеблевъ, А..... 349
Стихи духовные.... 152
Суворовъ..... 559
Сухановъ, С..... 307
Сѣверова, Н..... 176
Сѣверянинъ, И..... 611
Сѣрополко, С..... 583
Тальбергъ, Г..... 94
Таннери, Ж..... 304
Тардовъ, В..... 215
Тарле, Е..... 557
Тассаръ, Ф..... 546
Тахтаревъ, К..... 203
Тезингъ К..... 560
Телешовъ, Н..... 90
Тиняковъ, Ал. (Одинокій)..... 252
Толстовскій Ежегодникъ..... 477
Толстой, Л.....292/293
Томъ-Титъ..... 142
Тотоміанцъ, В..... 554
Трельсъ-Лундъ..... 451
Три вѣка..... 315
Трояновскій, И..... 681
Трубецкой, Е., ... 674
Трубицынъ, Н..... 76
Труды 1-го Всерос. съѣзда по библ. дѣлу..... 449
Труды 1-го съѣзда директоровъ ср.-уч. зав..... 634
Тэнъ, И... 570, 657, 700
Тэффи..... 276
Тютчевъ, Ѳ..... 71
Ульяновъ, А..... 72
„ Н..... 45
Умственное развитіе дѣтей, поступ. въ моск. гор. школы..... 496
Урусовъ, С..... 561
Успенскій, П..... 2, 295
Успѣхи біологіи..... 428
Успѣхи физики..... 170
„Утренняя звѣзда“.. 344
Уэллсъ, І..... 206
Фагэ, Э..... 640
Фаусекъ, Ю.... 633, 655
Ѳедоровъ-Давыдовъ, 444
Фельцманъ, О..... 607
„Фіорды“. Сб. 10, 11, 12.....659/61
Фоминъ, И..... 476
Фонвизинъ, С..... 254
Французы въ Россіи. 119
Фрей, В..... 585
Фрейдъ, З.. 83, 324, 646
Фридманъ, М..... 296
Фрисъ-де, Г..... 108
Фромметтъ, Б..... 528
Фурнье-д,Альбъ, Э.. 396
Хейсинъ, М.... 388, 392
Хирьяковъ, А..... 566
Хованскій, Дм..... 29
Холлъ, С..... 421
Холмогорскій, Ѳ.... 670
Холщевниковъ, С... 542
Христіяновичъ, П... 139
Цаликовъ, А..... 604
Целлеръ, Э..... 355
Целль, Э..... 7
Циглеръ, Т..... 163
Цингеръ, А..... 305
Чаадаевъ, П..... 521

Чада, Ф..... 261
Чапыгинъ, А..... 409
Чарнолускій, В..... 460
Чарторижскій, А.... 314
Чеглокъ, А..... 635
Чернышевскій въ Сибири..... 414
Чеховъ, А..... 291, 602
„ Н..... 363
Чириковъ, Е... 651, 666
Что дѣлала и что сдѣлала 3 Гос. Дума. 14/15
Чугаевъ, А..... 427
Чулковъ, Г.... 350, 695
Чума въ Одессѣ въ 1910 г..... 339
Шагинянъ, М..... 506
Шадринъ, П..... 616
Шапошниковъ, Н... 21
Шарковъ, В..... 78
Шарпъ, Р..... 243
Шаховъ, А..... 662
Шведскія народныя сказки..... 440
Шенихенъ, І..... 262
Шершеневичъ, В.... 592
Шишковъ, Н..... 523
Шкляръ, Н..... 479
Шлейеръ, А..... 637
Шлейеръ, А. и Нейнцигъ, К..... 636, 638
Шмурло..... 673
Шпицеръ, С..... 84
Штекель, В..... 4
Штёкль, А..... 228
Штернъ, Е..... 612
Штюренбургъ и др. 110
Шуазель-Гуффье.... 288
Шульце, Р..... 481
Щеголевъ, П..... 545
Щукинъ, С..... 483
Эдсеръ, Э..... 424
Эльснеръ, В..... 664
Эрнъ, Ѳ..... 337
„ Вл..... 413
Эфронъ, С..... 48
Яблоновскій, А..... 594
Ямзинъ, И..... 647
Японская лирика.... 514
Ясевичъ-Бородаевская, В..... 11

В. Систематическій указатель отзывовъ о книгахъ.

Библіографія [01]. Пор. №№ 1, 45, 46, 88, 125, 156, 290, 321, 384, 385, 386, 416, 449, 517 (стр. 785), 518, 519, 574, 640 (стр. 543), 673.

Періодич. изданія [05]. 89, 322, 351, 477.

Полиграфіи. [08]. 47, 126, 225. 257, 291, 520, 521, 602.

Дѣтскія изданія [087]. 48, 90, 226, 227, 292/3, 478, 479, 573, 603, 620/9, 644, 645.

Философія [1]. 49, 127, 228, 229, 230, 237, 294, 323, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 384, 413, 417, 450, 451, 547/50, 575, 601.

Мистика, гипнотизмъ и пр. [13]. 2, 3, 192, 231, 295, 324, 418, 480, 551, 576, 646.

Психологія [15]. 4, 5, 6, 7, 50, 51, 157, 200, 296, 297, 452, 481, 482, 552, 630, 675, 680.

Логика [16]. 577.

Этика [17]. 164, 232, 325, 584.

Религія [2]. 8, 9, 10, 52, 158, 233, 234, 385, 386, 414, 483, 484, 487, 522, 578.

Русская церковь [281]. 11, 159, 294, 298.

Нехрист. религіи [29]. 12, 185, 423.

Соціальный вопросъ [3]. 13, 199, 240, 286, 323, 326, 358, 453, 454, 455, 485, 486, 523, 528, 529, 652, 676.

Политика и парламентъ [32]. 14/15, 52, 87, 91, 128, 129, 258, 299, 327, 359, 387, 524, 604, 647, 671, 677.

Полит. экон. и финансы [33]. 16, 21, 53, 93, 196, 232, 457, 487.

Рабочій вопросъ [331]. 17/18, 54, 92, 130, 131, 193, 235, 236, 237, 300, 328, 388, 488, 489, 553, 579, 648.

Крестьянскій вопр. [333]. 19, 55, 132, 513.

Кооперація [334]. 20, 194, 195, 554, 555, 580.

Соціализмъ [335]. 239, 490, 556.

Промышл. и торг. [338+38]. 46, 63, 133, 335, 456, 458, 557, 679.

Право [34]. 22, 23, 24, 56, 57, 58, 94, 95, 96, 134, 135, 160, 197, 198, 238, 259, 260, 301, 329, 360, 361, 389, 525, 526, 527, 558, 649 (стр. 563), 650.

Управленіе и самоупр. [35]. 46, 59, 330, 419, 491.

Военное дѣло [355]. 28, 110, 362, 420, 492, 559, 581, 605, 643, 651, 678.

Педагогика и нар. обр. [37]. 25, 46, 60, 61, 62, 136, 137, 138, 139, 140, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 200, 241, 261, 302, 331, 332, 333, 334, 363, 390, 391, 392. 393, 421, 422, 459, 460, 461, 462, 463, 481, 493/4, 495, 496, 551, 582, 583, 584, 585, 606, 607, 631, 632, 634, 652, 655.

Фольклоръ и женск. вопр. [39]. 168, 336, 530, 608.

Филологія [4]. 97, 497, 680.

Естествознаніе вообще [5]. 26, 98, 141, 262, 303, 531, 586, 653, 681.

Математика [51]. 26, 169, 304, 337, 394, 395, 532, 682/3.

Астрономія [52]. 99, 100, 101, 423,

Физика [53]. 64, 65, 102, 103, 104, 142, 170, 201, 305, 396, 424, 464, 587, 684.

Химія [54]. 105, 106, 107, 143, 171, 202, 397, 426, 427, 498, 499, 685.

Біологія [57]. 27, 108, 242, 306, 338, 364, 398/9, 400, 428, 501, 552, 560, 654.

Антроп. и этногр. [571/2]. 172, 203, 263, 264, 429, 500.

Ботаника [58]. 173, 425.

Зоологія [59]. 109, 243, 265, 365, 401, 465, 635, 636, 637, 638.

Медицина [61]. 28, 110, 144, 174, 244, 245, 246, 307, 339, 366, 466, 467, 482, 502, 533, 609, 639, (стр. 542), 697.

Сельск. и домашн. хоз. [63/4]. 111, 176, 177, 561, 670.

Мануф. и ремесла [67/8]. 20, 131, 175, 241, 633, 655.

Эстетика [7]. 112, 247, 266, 385, 476, 503, 562, 563, 570, 646, 656, 657, 658.

Скульптура [73]. 367, 468.

Графич. иск. [74]. 260, 267, 287, 308, 534, 564.

Живопись [75]. 52, 168, 204, 268, 319, 430/7, 572.

Музыка [78]. 123, 438, 630.

Театръ [792]. 1, 29, 88, 113, 191, 205, 248, 290, 368, 369, 402, 469, 504.

Игры [793]. 142, 206.

Литер. сборники [8-8]. 269, 309, 340, 341, 439, 610, 686, 687, 688.

Англ. лит. [82]. 66, 146, 147, 310, 370.

Нѣмецк. лит. [83]. 207, 311, 403, 404, 641 (стр. 544).

Скандин. лит. [839]. 30, 31/35, 67, 440, 588, 613, 659/61.

Франц. лит. [84]. 36, 178, 208, 209, 249, 271, 272, 371, 470, 471, 662, 689.

Итальянск. лит. [85]. 210, 211, 372, 617.

Испанск. лит. [86]. 212, 213, 589, 690.

Латинск. лит. [87]. 373, 505, 590.

Ист. русск. лит. [891.7]. 44, 53, 75, 76, 77, 84, 145, 152, 182, 183, 184, 219, 220, 255, 256, 277, 278, 289, 346, 347, 348, 349, 350, 445, 565, 566, 567, 667, 668.

Русск. стихи [891.7-1]. 37, 38, 68, 69, 70, 71, 114, 148, 214, 215, 250, 251, 252, 335, 342, 343, 344, 374, 405, 406, 441, 472, 506, 536, 591, 592, 611, 612, 663, 664, 691.

Русск. драм. произв. [891.7-2]. 72, 149.

Русск. беллетристика [891.7-3]. 39, 40, 41, 42/3, 73, 74, 75, 150, 151, 179, 180, 181, 216, 217, 218, 253, 254, 270, 273, 274, 275, 276, 312, 345, 375, 376, 377, 407, 408, 409, 442, 443, 444, 473, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 568, 593, 594, 595, 614, 615, 616, 639 (стр. 546), 640 (стр. 549), 642 (стр. 544), 643, 644, 649 (стр. 545), 665, 666, 692, 693, 694, 695.

Болгар. и польск. лит. [891.8]. 116, 153, 279, 596.

Еврейск. лит. [892.4]. 474.

Турецк. лит. [894.35]. 280.

Японск. лит. [895.6]. 514, 618.

Исторія вообще [9]. 187, 188, 189, 281, 543, 669.

Древняя исторія [9(3)]. 154, 446/7, 515, 569.

Ист. Зап. Евр. [9(4)]. 74, 282, 313, 378, 570, 700.

Ист. Россіи [9(47)]. 78, 79, 80, 117, 125, 288, 314, 315, 316, 318, 320, 378, 379, 380, 383, 475, 597, 598.

Ист. смутн. вр. [9(47) „1613“]. 410, 411, 448, 516, 599, 600, 696.

Ист. 1812 г. [9(47) „1812“]. 67, 72, 81, 82, 118, 119, 185.

Ист. Украины [9(47.71)]. 412.

Исторія балк. слав. [9(49)]. 283, 312, 317.

Ист. Азіи [9(5)]. 186, 221, 381.

Географія вообще [91]. 26, 120, 222, 544.

Геогр. Европы [91(4)]. 121, 155, 517, 671, 672.

Геогр. Россіи [91(47+584)]. 122, 223, 284, 698, 699.

Геогр. Турціи [91(496)]. 285.

Геогр. полярн. странъ [9(9)]. 382.

Біографіи [92]. Аксакова 641 (стр. 550); Алчевская 224; Агинъ 287; Александръ I 188, 318, 619; Бердслей 267; Вагверъ 123; Вамбэри 699; Винчи 83; Волкова 571; Гон-

чаронъ 84; Донателло 367; Достоевскій 289; Келлеръ, Ел. 642 (стр. 551); Козловъ 49; Левитанъ 572; Мицкевичъ 279; Монассанъ 546; Морозовъ, П. 190; Наполеонъ I 85/6, 313, 700; Орловскій 564; Павелъ I 383; Пастеръ 639; Петръ I 673; Рябушкинъ 319; Скалонъ 643; Сковорода 413; Соловьевъ Вл. 417, 674; Стасюлевичъ, 124; Столыпинъ 87; Тальони 191; Толстой, Л. 266, 477, 567; Чайковскій, П. 438 Чернышевскій 414.

Генеалогія [929]. Выдомскіе 415; Домъ Романовыхъ 320.

С. Алфавитный указатель новыхъ книгъ.

Абдергальденъ, Э. 1241
Абедана ида Суоми 1992
Абельдяевъ, Д..... 1490
Абозинъ, П..... 655
Абрагамъ, К..... 1517
Абрамовичъ, Н.... 722
Абрамовичъ, Ш.... 2496
Абрамовъ, П..... 3, 171
Аваліани, С..... 735
Авенаріусъ, В..... 945
Авенаріусъ, Р..... 490
Аверченко, А. 453, 2269, 2387
Агаджанянцъ, К... 609
Агинскій, Б..... 474
Агѣевъ-Трофимовъ, Н. 85
Адамовъ, А..... 700
Аданъ, П..... 439, 673
Адлеръ, Г..... 387
Айвазовъ, П..... 378
Айзманъ, Д..... 1491
Айхенвальдъ, Ю... 349
Академія иностр. яз.:
„Англ. языкъ“... 154
„Нѣм. языкъ“.... 155
„Франц. языкъ“.. 156
Акимова, С. (Рахманинова)..... 2064
Аксеновъ, М..... 491
Алабина-Сократова. 2180
Алейхемъ, Ш. 105, 1401, 1969, 2076, 2397
Александровичъ, Г. 2355
Александровскій, А. 1025
Александровъ, А. 29, 523, 801
Александровъ, В. 2343, 2345
Александровъ, Н. 63, 726
Алексѣевъ, В. и Заборскій, А..... 30
Алексѣевъ, В..... 1607
Алексѣевъ, П. 15, 1758, 2112, 2113, 2182
Алексѣевъ, С..... 2063
Алеси..... 521
Алтаевъ, А. 922, 683, 934, 935, 936
Алтайская, О..... 2396
Алякринскій, С.... 307
Альгренъ, Э..... 1048
Амичисъ-де, Э. 82, 2375
Амфитеатровъ, А. 572, 733, 1184, 1416, 1492, 1951, 1952, 2486
Ананьинъ, В., и др. 33
Андерсенъ, Г. 4, 5, 6, 7, 8, 2371
Андреевъ, А..... 1130
Андреевъ, А..... 2133
Андреевъ, Л.. 319, 1379, 1840
Андрэ, П..... 440
Анисимовъ, Ю..... 1598
Анненскій, П..... 2061
Анощенко, Н..... 1136
Ан-скій, С. 2167, 2168, 2199
Антологія современ. поэзіи..... 774
Антоній, митр..... 847
Антоній, І. (Булатовичъ)..... 2001
Антоновъ, Н..... 703
Anton, D. 1438
Антошевскій, И.... 512
Анцыферовъ, А. 736, 859
Апраксинъ, С..... 1998
Аріянъ, П..... 1201
Аркадьевъ, Е..... 1305
Артари, А..... 2128
Артуровъ, Г..... 1841
Архангельскій, А.. 1498
Архиповъ, А..... 2385
Арцыбашевъ, М. 791, 1842, 2069
Арцыбашевъ и др.. 1943
Асвагоша..... 2294
Ауэрбахъ, Б... 430, 431
Б. В. Б..... 878
Базановъ, П. 272, 273, 274
Байронъ.. 70, 71, 72, 73
Балаевъ и Дмитріевъ. 1292
Балдинъ, С. инж... 1686
Баліевъ, В..... 2357
Баллодъ, Ф.. 1769, 1854
Бальмонтъ, К.. 448, 2263
Бангъ, Г..... 1266
Барановъ, Е. 1505, 1784
Баранцевичъ, Е.... 2431
Барацъ, Г..... 2399
Барберонъ, Г..... 652
Барбэ д'Оревильи.. 2155
Барклай-де-Толи, Э. 21
Барле..... 2092
Барсовъ, А..... 2480
Бартеневъ, С..... 810
Бартъ, П..... 1344
Барятинскій, В. кн. 818
Басовъ, С..... 28
Бастъ, А..... 829
Бахметева, А..... 1426
Бахметьевъ, А..... 452
Бахтинъ, Н..... 1541
Баянъ-Рославлевъ.. 2005
Безантъ, А. 497, 1875, 2191
Бекеръ, Вл..... 2034
Беккерель, Ж. и Гуревичъ, Г..... 525
Беклей, А..... 2040
Беличъ, А., проф.. 2080
Бенгтъ, Бергъ..... 1049
Бенуа, А..... 1476, 2146
Бергсонъ, А. 494, 997, 2443
Березинъ, М..... 2115
Березинъ, Н... 507, 534, 1166
Березниковъ, К.... 1870
Берендтсъ, Э..... 861
Береншгамъ, В.... 1539
Беркли, Д..... 765
Берлацкій, М..... 589
Берлинъ и его окрестности..... 2291

Бернашевскій, А. и Васильевъ, Г.... 161
Бернгарди, Фр..... 626
Бернднтъ, д-ръ..... 376
Bernat, G. и Boldt, C. 530
Бернетъ, Ф.... 777, 1759
Бертгольдтъ, Г..... 404
Бертранъ, Ж..... 1449
Бессель, Л..... 816
Беттнеръ, І..... 1466
Бехтеревъ, В., акад. 496
Безръ, А. 1145
Библіографическій Ежегодникъ..... 1522
Библіографическій Листокъ..... 2299
Библіог. В. Брюсова. 1866
Библ. еврейской семьи и школы. 904, 1582
Библ. „Нов. Земли“. 2
Библейск. изреченія. 1214
Бильяръ, М..... 363
Бинэ-Вальмеръ..... 912
Бирбаумъ, О..... 2370
Бирнбаумъ..... 2447
Блаватская, Е..... 851
Блиновскій, П..... 2326
Блиновъ, И. и Побѣдимовъ, М..... 1107
Блокъ, А..... 1372, 1373
Bloch, І., д-ръ..... 1880
Блуменау, Л., проф. 2236
Блюхеръ, И..... 43
Боасъ, І., проф.... 1564
Боборыкинъ, П.... 320
Бобровъ, С..... 2380
Богатыревъ..... 2279
Богдановъ, А... 493, 684
Богдановъ, Е., проф., и Лемусъ, В..... 883
Богдановъ, Е., проф. 2052
Богдашевскій, Д... 608
Боговитанъ..... 2280
Боголѣповъ, С..... 618
Боголюбовскій, С.. 416
Боголюбскій, Н.... 1000
Богоносъ, А. 22
Богрова, Е..... 1511
Богучарскій, В..... 1005
Боднарскій, Б. 122, 1087, 1196
Бодуэнъ-де-Куртенэ, И..... 753, 1234
Бойковъ, Н..... 399
Боккачіо, Дж..... 305
Большаковъ, А..... 1632
Бондаревъ, Н..... 2012
Бондаренко, И..... 1475
Бонсеръ, А..... 1088
Боргманъ, А. 2183, 2184
Бордажъ, Эдм..... 2226
Борзовъ, А..... 160
Боринъ, Я..... 792
Борисовъ, Ѳ. Лавровъ, Н..... 1016
Бородаевскій, С.... 2320
Бородкинъ, М. 699, 2158
Бороздинъ, А., проф. и Липовскій, А. 1179, 1180/2
Бороздинъ, А., проф. 2333
Бороздинъ, И., Котляревскій. и др.. 809
Бочкаревъ, В..... 108
Бочкаревъ, Н..... 1546
Брамовъ, І..... 207
Брандербургъ, Мар. 1928
Брандесъ, Г..... 732
Бранди, К..... 2288
Браунъ, О..... 2412
Брашъ, фонъ, А..... 1146
Бремъ А.... 2230, 2231
Брихничевъ, І..... 1754
Бродскій и др..... 2119
Брокманъ, Л..... 2336
Бронелли, П..... 2103
Брусянинъ, В..... 1086
Брущкусъ, Б..... 2006
Брюсовъ, В. 1839, 1953, 2169
Брянцевъ, Д..... 537
Бубекинъ, Б..... 1932
Будановъ, В..... 2402
Будищевъ, А. 321, 793, 923, 1276, 1721, 1954
Будищевъ, Ав..... 2170
Бузескулъ, В., проф. 1294
Бузони, Ф..... 552
Букварь народной школы..... 2118
Булаво, М..... 145
Булгакова, Е. 1089, 1090
Булгаковъ, П..... 87
Буланже, П..... 1331
Булгаковъ, С. 1430, 1499
Bumke, О..... 2237
Бунина, П..... 2084
Бунинъ, И. 454, 917, 924
Бунинъ, П..... 2207
Бургерштейнъ, Л. и Потолицкій, А.... 1920
Бурже, Поль.... 79, 561
Бурлюкъ, Д. и др. 1150
Бурштейнъ, М..... 66
Буссе, Л..... 374
Буткевичъ, А. и др. 1116
Буханцовы, И. и Г. 2487
Бывалькевичъ, В... 538
Бызовъ, Б. и др... 1670
Быковъ, А..... 1799
Быковъ, Н..... 588
Былина объ Ильѣ Муромцѣ..... 1071
Былина о Василіи Буслаевичѣ..... 1070
Былина о Соловьѣ Будиміровичѣ.... 1072
Быховскій, В..... 1436
Бѣдный, Д..... 1374
Бѣлинскій, В.. 148, 1073
Бѣлицкій, М..... 882
Бѣловъ, А..... 767
Бѣловъ, Е..... 1404
Бѣлоусовъ, Н., проф. 1360
Бѣльскій, Р. и др.. 2316
Бѣляевъ, В..... 606
Бѣляевъ, Н..... 2055
Бэконъ, І..... 1577
Бюркленъ, О., проф. 167
Бюрнэ, Е..... 543
Бяликъ, Х..... 356
В. П..... 1639
В. Ч..... 623
Вавулинъ, Н..... 719
Вагинъ, А. 885, 886, 887
Вагнеръ, Р..... 1948
Вагнеръ, Ю., проф. 754
Валишевскій, К. 476, 1852
Валлесъ, Ж..... 2257
Вальденъ, П..... 2347
Waldstein, L..... 123
Вальтеръ, Э., д-ръ.. 2242
Вандаль, А..... 1187
Варгинъ, В..... 60
Васенко, П. и др... 584
Вассерманнъ.. 1585, 1712
Василевичъ, В..... 661
Василій, архим..... 500
Василій, Велик., св. 1327
Васильева, Л. и Кащенко, Б..... 34
Васильевъ, А..... 258
Васильевъ, А., проф. 1349
Васильевъ, В.... 603, 828
Васильевъ, М., д-ръ. 644
Васильевъ, Л. и Кащенко, Б..... 265
Васильевъ, М..... 658
Васильевъ, Н..... 651
Васьковскій, Е..... 407
Вахтерова, Э..... 981

Вахтеровъ, В..... 1898
Введенскій, А..... 738
Введенскій, А. проф. 1636
Ведребисели, Д..... 1592
Везенковъ, В..... 943
Вейнбергъ, Л..... 1395
„Велесъ“. 553
Вейнеръ, П. фонъ, проф..... 1671, 1678
Великопольскій, А. (А. Велскій)..... 1056
Венгерова, З..... 559
Венгеровъ, С..... 2159
Вендровъ, Э. и др. 1151
Вербицкая, А. 1057, 1955
Вергилій, Маронъ.. 2475
Вересовъ, П..... 2437
Верещагинъ, В. 784, 1817
Вериго, Б., проф... 421
Верлэнъ, П..... 300
Верперъ, Г..... 2451
Вернъ, Ж..... 913
Верхарнъ, Э..... 1581
Верховская, О..... 939
Верховскій, В..... 1672
Верхоустинскій, Б. 1956, 2171
Веселовская, Б..... 1612
Веселовскій, Б. 1229, 1230
Веселовскій, Ю.... 1941
Вечтомовъ, Е..... 1683
Віаль, Ф..... 946
Вивекананда, С..... 135
Видаль, Ф., проф.. 761
Видеманъ, К..... 657
Визгуновъ, В..... 1334
Викторовъ, В..... 2023
Викторскій, С. 257, 625
Виллари, П... 582, 1085
Wilke, Arnold, dr.. 763
Вильковскій С..... 517
Винеръ, В..... 889
Винкертъ, В..... 2381
Винниченко, В. 1502, 2270
Виноградовъ, С.... 35
Випперъ, Р., проф. 1850
Витиновъ, С..... 2200
Вишняковъ, Е. и Пичета, В..... 1405
Владимирскій и др. 1396
Владимирскій, Н... 14
Владиславлевъ, И.. 950, 1603
Влахопуловъ, Б.... 1886
Воейковъ, А..... 874
Вознесенскій, А.... 925
„Война и миръ“... 1979
„Вокругъ жизни“.. 200
Волкова, А..... 1861
Волкова, М., врачъ. 1361
Волковъ, М..... 1125
Волконскій, С. 550, 1366, 1479, 1939
Волланъ-де, Г..... 1885
Волошинъ, М..... 1579
Вольманъ, И..... 1108
Вольтеръ, Ф..... 914
Вольфрумъ, Ф..... 114
Вольфъ, В..... 1251
Вольфъ, Е., проф... 1707
Вопросы педагогики 743
Вормсъ, Р..... 853
Воронковъ, Н..... 2129
Вороновъ, Н..... 136
Воскресенскій, А... 599
Врангель, Н. 1934, 2508
Вревскій, Б..... 1328
Врежесневскій, О.. 1549
Всеволодскій, В.... 1480
„Всемірное Единен.“ 2194
Вся медиц. Москва. 2445
Вудъ, М..... 2203
Вульфсонъ, Э..... 1611
Вундтъ, В.... 1633, 2446
Выдринъ, А. и Виленкинъ, М..... 511
Высоковичъ, В., пр. 2043
„Въ Деревнѣ“..... 1258
Въ защиту жизни. 2095
„Въ родной долинѣ“. 1041
Въ помощь ремесл. школѣ и проч.... 660
„Вѣтви“..... 1820
Вѣтвинъ, Н..... 592
Вѣтринскій, Ч. 115, 2502
В. Евг. Якушкинъ. 1195
Габриловичъ, А... 1259
Гадмеръ, Е..... 1772
Гайдуковъ, Н..... 1023
Галанинъ, Д..... 873
Галай, Л..... 1832
Галецкій, Т..... 2096
Галкинъ и Карлсонъ..... 2022
Гальперинъ, Н..... 1035
Гаманъ, Р..... 1699
Гамель, М..... 365
Гамсунъ, К..... 2256
Ганецкій, Н..... 677
Ганъ, К..... 1747
Ганьшинъ, С..... 1715
Гаринъ, Н. 1646, 2388, 2488
Гартвигъ, А..... 425
Гартевельдъ, В.... 1538
Гартманъ, Л..... 1506
Гауптманъ, Г..... 299
Гауптманъ, Э..... 264
Гвирцманъ, А..... 1003
Ге, Г..... 680
Гевартъ, Ф..... 2056
Гегель, Г..... 1873
Гейерстамъ, Г. 435, 436
Гейне, А..... 240
Гейне, Г..... 201
Генкель, А., пр.-доц. 51
„География въ школѣ“..... 1080
Георгіевскій, Г. и Эйнгорнъ, В..... 110
Герасимовъ, М.... 280
Герасимовъ, Н.... 1590
Гербачъ, В..... 747
Гербертсонъ, А. и Ф. 1741
Герберъ, проф.... 1248
Гердъ, И..... 289
Германовъ, Л..... 2215
Германъ, И. 1536, 1773
Гернетъ, М... 142, 1528
Гертвигъ, О..... 179
Гертвигъ, Р., д-ръ. 876
Гертопанъ, А., агр. 61
Герцль, Т..... 711
Герцо-Виноградскій, П. (Лоэнгринъ).. 2070
Герштекеръ, Ф.... 1746
Герье, В..... 619
Гессе, Г..... 1713, 2471
Гете, В.. 297, 298, 909, 1370, 1371
Гизегангенъ, К., пр. 1558
Г—къ, Ш..... 366
Гильоменъ..... 562
Гинзбергъ, А., пр.. 1916
Гинзбургъ, С..... 235
Гинкенъ, А..... 1413
Гиппіусъ, З..... 2271
Гирке, Г. и Давидсонъ, А..... 1930
Гирке, Э., проф.... 177
Гиро, П..... 695, 696
Гиршфельдъ, М.... 382
Гиршъ-Зимина, Фортунатова и Шлегеръ..... 1037
Гладковъ, Б.... 727, 728
Глаголь, С..... 1698
Глаголь С. и Грабарь, П..... 1978
Глазенапъ, С..... 168
Глинка, К., проф... 1141
Глинка, О..... 388

Глыбина, А..... 768
Глѣбова, С. (Гнѣдичъ)..... 597
Глэзъ, А. и Метцэнже, Ж..... 2246
Гнѣдичъ, П..... 2267
Гнѣдовъ, В.. 1716, 1949
Гоаръ, Л..... 1123
Гобино..... 1740
Говардъ, В..... 1795
Гоголь, Н..... 1058
Годинъ, Я..... 785
Гойхбаргъ, А..... 1106
Голицинъ-Муравлинъ. 1167, 1168
Голобородько, И... 731
Головкинъ, Ф..... 803
Головня, В..... 1099
„Голубая книжка“. 1821
Голубковъ, В. 1493, 1548
Голубовъ, Е..... 2041
Гольденбергъ, І.... 1894
Гольдшмидтъ, Р... 2037
Гольцовъ, П..... 1028
Гомперцъ, Г..... 246
Гомперцъ, Т..... 2090
Гончаровъ, В..... 2362
Горбунова, Е. и Цунзеръ, И.. 162
Горбунова, Е..... 547
Горбуновъ-Посадовъ, И. 129, 480, 554, 1567, 1720
Горбуновъ, К..... 1986
Гордлевскій, В..... 938
Горевъ, В..... 2325
Гориневскій, В..... 1345
Горностаевъ, А.... 2164
Горнфельдъ, А..... 350
Городецкій, С. 571, 1309, 1310
Гороховъ, Д..... 1569
Горскій, М..... 1637
„ С..... 749
Горькій, М..... 926
Готье, П..... 2114
„ Ю..... 1645
Гофманъ, І... 1261, 1262
„ Ф..... 2489
„ Э..... 2062
Гра, Ф..... 563
Грабарь, И.... 899, 1471
Грановскій, Л..... 1888
„ Т..... 1081
Гребенщиковъ, Г.. 1278
Грекъ, Т..... 1169
Гречищевъ, К..... 1134
Грибоѣдовъ, А.... 317
Григоревскій, М... 1899
Григорьевъ, Г. 38, 39, 1128
„ Р..... 1277
Гриммъ, Г..... 2506
Гринцеръ, И..... 2177
Гринъ, А.... 2071, 2389
Гринъ, Н. 384, 408, 479
Грищенко, А..... 1936
Громанъ, В..... 2317
Громовъ, И..... 2324
Гроссманъ, І..... 2485
Гротъ, К..... 1302
Груберъ, А..... 1363
Группе, М..... 65, 1033
Грушевскій, М..... 942
Гудванъ, А..... 390
Гуляевъ, А..... 144
Гумилевскій, Н..... 2420
Гурвичъ, О..... 386
Гуревичъ, Л..... 631
Гуревичъ, Ф..... 685
Гурмонъ, Реми, де. 564
Гурьевъ, А. 954, 1375, 1417, 1722
Гусевъ, А..... 1658
Гусевъ - Оренбургскій, С. 455, 1059, 1279
Густавсонъ..... 1987
Гутьяръ, В..... 389
Гюго, В.. 781, 915, 1486
Гюисманъ, Ж..... 565
Давыдкинъ, М. и Селезневъ, Н.... 112
Дадоновъ, В..... 1892
Далькрозъ, Е..... 2149
Дамманъ, проф. и Зеебаумъ, Г..... 183
Данилинъ, П. 794, 927, 2172
Даниловъ, М..... 1972
Даниловъ, Ф..... 1933
Даннеманнъ, Ф.... 1348
Данскій, Б. 620, 1653, 2318
Ле-Дантекъ, Ф., пр. 526
Дастръ, А., проф... 1675
Degrè, Wilhg, dr.. 766
Дегтевъ, В..... 1782
Делоне, Н., проф.. 1669
Дельвигъ, А. 593, 1977
Дембо, Л..... 1881
Демени, Г. Филиппъ, Ж., Расинъ, Г... 281
Деминъ, М..... 2248
Демковъ, М. 150, 866, 2353
Денисовъ, В..... 1694
Дерновъ, М..... 1695
Джандіери, И. и Помаскій, А. 1036
Джемсъ, В..... 13
Джунковская, Е.... 2334
Диккенсъ, Ч. 669, 1154
Динзе, В..... 1219
Дистервегъ, А. 1654, 2024
„Дитя“..... 1034
Дицгенъ, І. 1763, 1764, 1765
Дмитріева, В. 208, 323, 456, 1380
Дмитріевъ, В. ..322, 880
Днев. Мурзилки. .. 1623
Добровольская, Н.. 54
Добровольскій, В... 901
Добролюбовъ, Н. 225, 226, 1601
Доброхотовъ, А.... 918
Добрынинъ, К..... 234
Догановичъ, А. 1215, 2407
Додэ, А..... 441, 2258
Долгорукихъ, А.... 617
Долгорукой, Ѳ., кн. 1864
Долгушинъ, П..... 2344
Доломанова, Н..... 903
Домъ науки им. П. И. Макушина, въ Т. 1121
Дорнеръ, І., проф... 1427
Dost и Hilgermann.. 1570
Достоевскій, Ѳ..... 1755
Дравертъ, П..... 2165
Драгеймъ-Срѣтенская, І. 1723, 1724, 1725
Драницынъ, Д..... 2048
Дрентельнъ, Н. 1617, 2122
Дріанъ, маіоръ.... 1524
Дрожжинъ, С..... 1163
Друммондъ, Г. 250, 613
Дубровиченко, В... 199
Дуговская, врачъ.. 1685
Дудинскій, А. 286, 1142, 1791, 2225
Дукельскій, М..... 1576
Дункеръ, Р..... 1186
Дурново, Н. 1909, 2340
Дурново, О..... 499
Дурылинъ, С..... 1937
Духовская, В..... 1300
Дымовъ, О..... 1843
Дьяконовъ, А..... 1412
Дѣло розыска 1591 г. 2500
Дюфуръ, П..... 1050
Е. П..... 1319
Евдокимовъ, Б..... 198

Евреиновъ, Н. 769, 1365, 2018
Еврейская Энциклопедія..... 236
Егуновъ, П..... 2107
Ежегодникъ газеты „Рѣчь“..... 1202
Ежегодникъ Моск. Союз. потр. общ. 1335
Ежегодникъ рус. медиц..... 1561
Ежегодникъ о-ва архитект.-художн... 1474
Ежегодникъ эксперим. педагогики. 1439
Езерскій, Н..... 2422
Езерскій, Ѳ... 128, 2443
Eulenburg, А..... 2444
Eckert, д-ръ..... 648
Елагинъ, А..... 519
Елачичъ, В..... 1236
Елачичъ, Е... 173, 2350
Елисѣевъ, П..... 2173
Елпатьевскій, С.... 2290
Ельманова, Е..... 1465
Ельмановъ, Н..... 2360
Ельницкій, К..... 1655
Еремѣевъ, Н..... 773
(Ершовъ)..... 1624
Естественная жизнь и вегетаріанство. 1767
„Естествознаніе въ школѣ“.... 1018, 1660
Ефименко, А., проф. 804, 2072
Ефимовичъ, Н..... 1620
Жаботинскій, В. 503, 1200
Жаковъ, К.....‘.. 1098
Жаммъ, Ф..... 2153
Жампарано, Е..... 2283
Жанэ, П., проф... 379
Жариновъ, Д. и Никольскій, Н..... 805
„Жатва“..... 555, 1822
Ждановъ, Л. 573, 1170, 1726, 1957, 1958, 2185, 2278, 2390
Желѣзновъ, В., пр. 857
Живаго, Н..... 1203
„Живыя числа“.... 1350
Жизнь дерев. 1-й сб. 1535
Жизнь Стэнли..... 1084
Жилины, Е. и П.. 653
Жиловъ, І., свящ.. 385
Жиркевичъ, А.... 1110
Жирковъ, И..... 2051
Жолтинскій, Н. и Мазлумовъ, К... 2434
Жуковскій, В..... 1270
Жуковскій, Н..... 2032
Жуланскій, Г..... 2495
Журинъ, А..... 1271
Завадскій, С. и Свидерскій, В..... 406
Завитневичъ, В.... 2297
Завьяловъ, П. 678, 1833
Загвоскинъ, А..... 1255
Загряцковъ, М..... 1931
Зайцевъ, Б..... 1381
Заіончковскій, А... 2501
Законъ о высшихъ нач. уч..... 1781
Законъ о преобраз. мѣстнаго суда..... 405
Закржевскій, А.... 999
Закъ, П..... 396
Замотинъ, П..... 1848
Заозерскій, Н..... 838
Записки Имп. Новороссійскаго ун... 629
Записки судьи..... 400
„Засахаре Кры“... 1717
Засодимскій, П.... 686
Звягинцевъ, Е. и Бернашевскій, А. 744
Зейпель, П..... 1216
Зейфертъ, Б..... 1039
Зельгеймъ, В..... 2013
„Земля“. Сб. XI.... 1042
„Земля“. Сб. XII... 1823
Земляковъ, В..... 2424
Землякъ, А. 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2450
Sigel, W..... 1460
Зихманъ, А, и Вишницкій..... 2219
Златовратскій, Н. 928, 1171, 1844
Змирловъ, К..... 140
„Знаніе“. Сб. 40-й.. 1386
Зноско-Боровскій, Е. 1819
Золотницкій, В..... 1798
Зоновъ, А..... 481
Зубрилинъ, А., агр. 895
Зудерманъ, Г..... 1485
І. А. М..... 1083
П. В. К..... 1408
П. П., студ..... 1556
Ибаньесъ, Б..... 446
Ибсенъ, Г..... 780
Ивановская, Л..... 1280
Ивановскій, В..... 2309
Ивановъ, А. 820, 837
Ивановъ, В..... 1272
Ивановъ, Д..... 867
Ивановъ-Разумникъ 1178
Иванцовъ, Д..... 1806
Иваскъ, У..... 1414
Ивашкевичъ, А.... 687
Игнатовъ, Л..... 621
Игнатьевъ, Е..... 2030
Игнатьевъ, П..... 897
Іевлева, Н..... 1467
Іенсенъ, В..... 671
Извѣстія комитета по холодильному дѣлу..... 896
Извѣстія о-въ распростр. правильн. свѣд. о евреяхъ.. 370
Извѣстія о-ва Славянской культуры. 2188
Изданія „Посредника“..... 955/977
Измайловъ, А..... 1859
Изорскій, Н..... 125
Изразцовъ, В..... 403
Ильинскій, А..... 1411
Ильинскій, К..... 737
Ильинскій, Н..... 1162
Иммануэль..... 2079
Императорскій Эрмитажъ..... 1477
Индриксонъ, Ф 1352, 2222
Иностр. каррикатуры послѣднихъ дней..... 1701
Инфатьевъ, П. 46, 47, 48, 324, 929, 1245, 1246, 1281
Іонасъ, Д..... 392, 395
Іорданскій, М..... 2106
Іоффе, М..... 2017
Ипатовъ, Ф..... 191
Исаевъ, А..... 856
Исаевъ, П..... 2464
Исачкинъ, Б..... 1550
Истоминъ, В..... 2081
Истоминъ, М..... 1829
Историческая панорама СПБ..... 1148
Исторія западной литературы.. 906, 2463
Исторія русской арміи и флота..... 2430
Исторія соврем. Россіи..... 1075
„Итогиземлеустройства“..... 1223

Итоги науки въ теоріи и практикѣ... 242
Иширковъ, Б. 1189
К. Р..... 1834
Кабановъ, А..... 1406
Кабановъ, Н.. 752, 2029, 1679
Кевелинъ, С..... 397
Каганъ, В..... 1666
Кадминъ, Н..... 2417
Казаковъ, С..... 2121
Какъ люди считаютъ теперь..... 2245
Календарь русскій астрономич..... 1127
Каменскій, А. 1282, 1593
Камскій, М..... 2338
Канторовичъ, Я... 2427
Кантъ, И..... 2094
Кантъ, К., д-ръ мед. 1922
Канчеръ, Ев... 544, 2134
Капнистъ, Р., гр... 195
Каптеревъ, Н. 1001
Каптеревъ, П. и Музыченко, А. 2108, 2330
Капустянскій, А... 2216
Карабановъ, Н.... 1609
Карамзинъ Н. 2377, 2490
Карандѣевъ, В..... 2442
Караскевичъ-Ющенко, С..... 1060
Carasquilla, Sabastian 646
Каратыгинъ, Е..... 1031
Каренинъ, В..... 457
Каринцевъ, Н..... 1525
Карповичъ, В..... 2456
Карповъ, А..... 111
Карповъ, Вл..... 1448
Карра, У..... 605
Каррикъ, В... 982, 1091
Кассировъ, И..... 2301
Кашинъ, Н..... 1397
Картинки изъ жизни XVIII в..... 1946
Картины по русск. исторіи..... 1297
Карѣевъ, Н. 231, 1403, 1295, 1742, 1743
Касснеръ, К. и Шипчинскій, В.. 1790
Кастельнуово, Э... 445
Катаевъ, И..... 940
Катаевъ, М..... 854
Катаевъ, Н..... 884
Катцъ, Л..... 402
Кацъ, Р., д-ръ..... 1926
Качурина, С..... 458
Каталогъ книгъ биб. А. Бахрушина 1198, 1415
Качевская, М..... 1526
Кащенко, Б. и др. 1515
К—въ, И..... 2195
Князьковъ, С..... 2400
Кейдель, Д., д-ръ... 539
Кейра, Фр..... 149
Келлеръ, К., проф.. 1131
Келтуяла, В..... 2160
Кельнеръ, О., проф. 654
Кемпійскій, Ѳ..... 1999
Кенигсонъ, А..... 1652
Кернъ, Э..... 1805
Кершенштейнеръ Г. 1317, 2432
Кинцбруннеръ, К.. 59
Киплингъ, Р. 1311, 2060, 2251
Кирилловъ, И..... 1770
Кирсановъ, Д..... 1138
Кирхейзенъ, Фр... 364
Кирхнеръ-Михаэлисъ..... 2409
Кичуновъ, Н... 891, 1254
Кларкъ, И..... 2403
Клаузнеръ, І..... 2498
Климентовъ, В-ръ.. 2227
Клингеръ, Фр..... 910
Кличинъ, Ф..... 1232
Клокова, М...·.... 708
Клоссовскій, А.... 636
Клюевъ, Н..... 1488
Клюкъ, К..... 1382
Ключевскій, В. 1756, 1776
„Ключи счастья“... 668
Книжка для молодыхъ хозяекъ.... 2452
Кн. для чтенія по древней исторіи... 357
Кн. для чтенія по ист. новаго вр..... 1851
Князевъ, В..... 1546
Князь Серебряный.. 2272
Князьковъ, С..... 2329
Ковалевскій, Е..... 131
Ковалевскій, П..... 1077
Коваленскій, М. 1508, 1509
Ковальковскій, А.. 1692
Ковальскій, Д. и Рудинъ, Д..... 1008
Ковальскій, К..... 459
Коварскій, К..... 659
Кое-что о силѣ и матеріи..... 170
Козельскій, О..... 1727
Козлинина, Е..... 1337
Козловскій, Г..... 1689
Козловъ, С..... 471
Козьминыхъ-Лапинъ, И..... 391
Козьминъ, Н..... 595
Колдуны и вѣдьмы. 414
Колениченко, Д.... 422
Колмаковъ, М..... 978
Колосовъ, М..... 1454
Кольцовъ, А..... 449
Кольцовъ, Н..... 1923
Комаровъ, И..... 2053
Конанъ Дойль, А.. 1583
Конвицка, Г..... 197
Komviczka, H..... 279
Конгеймъ, П..... 1565
Кони, А..... 483
Коноваловъ, И.... 1534
Кононовъ, В. и др. 1447
Конопницкая, М. 354, 1605
Коноровъ, М..... 126
Конради, В..... 827
Конспекты лекцій по педагогич. предметамъ..... 1902
Контъ, О..... 998
Конъ..... 278
Cohn-Wiener..... 1364
Кооперація среди евреевъ..... 2319
Копосовъ, В..... 238
Коппе, Ф..... 80
Коптяевъ, А..... 1938
„Коралловыя четки“. 905
Корецкая, З..... 795
Корзуновъ, П..... 158
Коробовъ, И.....· 1376
Короленко, В. 325, 326, 327, 328
Коропчевскій, Д. 536, 1494, 2228, 2302, 2303
Короткій, М..... 1143
Корренсъ, К..... 1677
Корсаковъ, В..... 2131
Корсаковъ, Г..... 585
Корсаковъ, С. 1568
Костинъ, И..... 1785
Костычевъ, С..... 1918
Котляревскій, Н... 1398
Кофодъ, А..... 2009
Кошкаровъ, С. 1587, 2507
Кравецъ, Т..... 2083
Кравковъ, С. 1690, 2238
Кравченко, П..... 2239
Краевичъ, К. 1353, 1914
Кралль, К..... 2039
Краскова, В..... 1193

Краткій повторит. курсъ психологіи 1876
Крачковскій, В.... 2166
Крашевскій, П. 413, 1122
Крашенинниковъ, Н..... 1283, 1594
Крепелинъ, К..... 1457
Криницкій, М..... 329
Криничане..... 1224
Критъ, М., фонъ... 879
Кришнамурти, Д. (Алсіонъ)..... 2109
Кругликовъ-Гречаный, Л..... 702
„Круговая чаша“.. 1942
Кружокъ совмѣстн. воспит. и образ.. 1900
Круковская, Л..... 239
Крученыхъ, А. и Хлѣбниковъ, В.. 1054 2249
Крыжановскій, П.. 50
Крылова, В..... 1693
Крымскій, А..... 2282
Кто и какъ можетъ осущ. свои выборныя права..... 138
Кубанинъ, С..... 706
Кувшинская, Е.... 259
Кудринскій, Ф. 98, 117 2260
Кудрявцевъ, П..... 1185
Кузинъ, С..... 445
Кузнецовъ, К..... 1884
Кузнецовъ, Н..... 2314
Кузнецовъ, Ф..... 468
Кузьменко, Г..... 1800
Кузьменко, Д..... 513
Кузьминскій, К. 817, 1503
Кузьминъ, Е..... 2310
Кузьминъ-Караваевъ, В..... 137
Кузьминъ, М..... 203
Кузьмичевъ, Е..... 890
Кулаковскій, Ю.... 1745
Кулжинскій, Я..... 2179
Куликъ-Другом., Ф. 88
Кульманъ, Н..... 2117
Кулыжный, А. 368, 2014, 2135, 2354
Кульбергъ, Н..... 1047
Кульманъ, Н..... 1017
Кумовъ, Р..... 1284
Купріянова, Л..... 2423
Купріяновъ, Л..... 423
Куракинъ, А..... 893
Курловъ, Е..... 1845
Куропаткинъ, А... 1220
Курсы инженера Ѳ. Дмитріева..... 2436
Курсы по кооперации.....398, 1434
Курчаninовъ, Л.... 2438
Кусковъ, П., агр... 62
Кустарная промыш. Россіи..... 2144
Кутлеръ, А..... 89
Кутюра, Л..... 755
Кушелевъ, Ю..... 815
Kühnemann, G., dr. 284
Кюнеръ, Н... 1299, 1410
Кюри, М., проф.... 635
Кэтлэ..... 2308
Лавенфельдъ, Л.... 1631
Лавровъ, Д., проф. 1212
Лагерлефъ, С. 76, 77, 78, 437, 1265, 2077
Лаговъ, Н..... 812
Ладыженскій, В.... 1595
Лазаревскій, Б. 796, 1383
Лазурскій, А. 1097, 2025
Ламтевъ, Н., инж.. 656
Ландау, Л., д-ръ... 252
Лао-Си..... 2208
Лаппъ, Ю..... 947
Ларошъ, Г..... 2457
Лаурсонъ, А..... 2335
Лафонъ, П..... 428
Лаффранъ, М..... 302
Лахманъ, Г..... 1614
Лёббъ, В..... 2440
Лебедевъ, А..... 1688
Лебедевъ, В... 243, 688
Лебедевъ, Н..... 548
Лебединцевъ, К.... 1351
Левенвельдъ, Л. 492, 2202
Левинъ, М..... 450
Левицкій, П..... 681
Левнеръ, П..... 698
Ледлау, Д. Честеръ. 2304
Леманъ, Р., проф... 1706
Ленскій, В. 574, 1384 1728,
Леонтьевъ, К. 90, 351, 1326, 2192
Лермонтовъ, М.... 1837
Лернеръ, Н..... 1968
Лесгафтъ, Э..... 1516
Лесневскій, С..... 2093
„Летучіе альман.“ 2158/60
Леффлеръ, Е..... 2341
Лехеръ, Е., проф... 1554
Либровичъ, С. 697, 830 1012
Ливи, В..... 983
Ливинъ, Я. и Ранскій..... 1778
Лиданова, Л..... 1858
Лигинъ, Ю..... 1190
Линде и Каганъ-Шабшай..... 1308
Линдеманъ, К..... 1691
Липецкій, А..... 1846
Лисенко, В..... 1893
Лисовскій, Н..... 2087
Литер.-худож. сбор. „Проблескъ“..... 2365
Литцманъ, В..... 267
Лихницкій, В..... 764
Лобановъ, С., проф. 352
Лобасъ, Н., вр..... 510
Лобода А., проф... 2161
Логика..... 2205
„Логосъ“..... 996
Логофетъ, Д..... 2293
Лодыженскій, М... 720
Лозинскій, Е... 516, 541
Локкъ, Джонъ..... 1112
Локоть, Т..... 1113
Ломбаръ, Жанъ... 442
Лондонъ, Д. 293, 294, 295, 296, 670, 908, 1046, 1155, 1156, 1157, 1483, 1484, 1828, 1945, 2369, 2468/70
Лопухинъ, П..... 1329
Лотинъ, Вл..... 248
Лубенецъ, М..... 2332
Лугаковскій, В. 2162, 2163
Лукашевичъ, Кл. 831, 1520
Лукреціи..... 1487
Лукьянская, В..... 1356
Лункевичъ, В..... 1355
Лундинъ, Л..... 2481
Лурье, Е..... 1432
„Лучинушка“..... 315
Л—цъ, Р..... 786
Львовъ, В.... 1794, 1796
Львовъ-Рогачевскій. 1399
„Лѣсной край“..... 2289
Лѣсовикъ..... 1838
Лѣткова, Ек..... 1596
Лѣтникъ, Н. и Бростремъ, А..... 256
Лѣтнія площадки для дѣт. игръ.... 2213
Любимыя родныя сказки дѣтей.... 2408
Любичъ-Кошуровъ. 2201
Любовичъ, Н. 2186
Любомірскій, Г.... 1703
Любомудровъ, П... 247
Любченко, Д..... 1437

Лядовъ, Е..... 44, 56
Лямінъ, А... 1021, 1910
Лямсцусъ, В..... 1010
Лянченковъ, М.... 1662
Ляховъ, Арс..... 19
М. І. А..... 821
Маевскій, Н..... 2021
Майстрахъ, Вл..... 187
Макаровъ, Г. 1092, 2352
Маклаковъ, В..... 948
Маковскій, С..... 1935
Малаперъ, П., проф. 1318
Маликовъ, Н..... 2247
Мало, Г..... 443
Мамаевъ, П..... 2038
Маминъ-Сибирякъ. 575, 930, 1061, 1495, 2391, 2392, 2491
Мамонтовъ, Н..... 1648
Манасеина, Н... 984, 985
Мандрыка, М..... 1264
Мантель, А..... 598
Манъ, Г..... 432, 672
Марголинъ, Д..... 2214
Маркеловъ, Г..... 1472
Марковъ, А..... 409
Марковъ, Д..... 230
Марксъ, К. и Энгельсъ, Ф..... 1102
Марксъ, Н..... 1783
Марлитъ, Е..... 2255
Мартинъ, Д..... 1242
Мартыновъ, Е.... 1895/6
Марріотъ, Э..... 1312
Марріэтъ, Ф..... 429
Marcinowski, J..... 1252
Маръ-Бадъ..... 742
Масловъ и Подгорецкій..... 2305
Масловъ, А..... 2147
Матвѣевъ, Н..... 1076
Матеріалы по киргиз. землепользов. 1433 1890
Матеріалы по устр. лѣтн. школьн. кол. 1901
Махровъ, П..... 2428
Медвѣдковъ, А.... 1903
Междун. О-во спальныхъ вагоновъ... 2337
Межеричеръ, П.... 163
Мезіеръ, А..... 807
Мей, Л..... 832
Мейерсонъ, Э..... 527
Мейерхольдъ, В... 1149
Meyer, Fritz, проф. 1921
Мейманъ, Э..... 1424, 1543, 1634
Мейръ, Э., д-ръ.... 628
Мельниковъ, А.... 2102
Мельниковъ, Ѳ..... 1428
Мельшинъ, Л. 330, 2484
Мендельсонъ, А. 57, 184, 1213
Мендельсонъ, Н... 1735
Менделѣевъ, И. и Потапова, Д..... 193
Менделѣевъ, И.... 1787
Мендесъ, К... 674, 2404
Мензбиръ, М..... 877
Меньшиковъ, П.... 740
Мережковскій, Д... 308, 789, 1518, 1521
Мерингъ, А..... 1139
Металловъ, В. 2057
Метальниковъ, С.. 1650
Методъ Rôse Riski, 522 2217
Мечниковъ, И. 528, 2044
Ми, Г..... 1789, 532, 2123
Міегутъ..... 180
Милицына, Е..... 689
Миллнеръ, П..... 841
Милль, П. 566, 1159, 2157
Мильфордъ, П..... 1700
Милюковъ, П..... 1610
„Minerva“..... 1985
Минкеръ, М..... 1802
Минскій, Н..... 790
Мирбо, О..... 438
Миролюбовъ, А. 664, 667
Мироновъ, А. 1697, 2145
Мироносицкій, П.. 772
Миртовъ, О..... 2393
Митропольскій, И.. 460
Михайловскій, Н... 484
Михайловъ, В. 518, 1409, 2284
Михайловъ, Д..... 227
Михаилъ, еписк.... 1002
Михаэлисъ, К..... 1158
Мишлэ, Ж..... 868
Мозалевскій, В.... 2273
Мольденгауеръ, В.. 1808
Молокинъ, А..... 1207
Мольеръ..... 301, 2154
Монаховъ, С..... 473
Монтессори, М., д-ръ 1440
Монъ, А..... 846
Мопассанъ, Г., де. 303, 304, 567, 782, 1586, 2156, 2473
Моранъ, П..... 233
Морганъ, Р..... 2342
Морозовъ, Г..... 1572
Морской, А..... 734
Москалевъ, Н..... 1643
Моск. Худож. теат. 1263
Мотрохинъ, А..... 842
Моховъ, И..... 482
Муйжель, В. 1062, 1496
Мужчина и женщ. 1359
Мукосѣевъ, В..... 1014
Мультатули и Бретъ-Гартъ..... 1704
Мурашевъ, Г.. 823, 1192
Мурашевъ, И..... 1680
Мурзаевъ, В..... 1117
Мюлау-фонъ, Е..... 779
Muller, G., d-r..... 1925
Мюллеръ, Е..... 1301
Мюллеръ, І.... 181, 1458
Мюллеръ, М., проф. 604
Мюллеръ, Р..... 1878
Мякотинъ, В..... 1751
Мясковскій, Н..... 705
Н. Ш..... 478
Н-ва, Н... 287, 288, 819, 1082
Нагродская, Е. 1172, 2274
Надеждинъ, П..... 2465
Наживинъ, И. 576, 1063, 2174
Назаревскій, В..... 1074
Назаревскій, М., пр. 139
Народная энциклоп. науч. и прикладн. знаній..... 58, 107
Нар—скій, Н..... 690
Насвѣтова, Ю..... 986
Натансонъ, А, проф. 2349
„Наука побѣждать“ 741
Начальное народн. образ. въ Харьк. губ..... 1904
Невѣдомскій, М. и Рѣпинъ, И..... 1816
Невѣжина, К..... 192
Нейкирхъ и Кулжинскій, Я..... 1400
Некрасовъ, Н..... 1273
Немировичъ-Данченко, В... 91, 209, 331, 333, 332, 931, 1959, 2300, 2327
Непокойчицкій, А.. 172
Нерваль, Ж. де.... 202
Нефортунатовъ, Н. 2429
Нечаевъ, А..... 1674

„Нижегородскій Ежегодникъ“ 952
Никитинъ..... 1729
Никитинъ, В..... 92
Никитинъ, И. 309, 310, 311, 312, 787, 1274
Никитинъ, Л..... 1346
Никифоровъ, М., пр. 642, 1357
Николаева, Е..... 1469
Николаева, Н. 1865, 1867, 1868, 1869
Николаевъ, В..... 1748
Николаевъ, Ю....' 2413
Николай Михайловичъ, вел. кн. 1296, 1863
Никольскій, В..... 1681
Никольскій, М..... 1026
Никольскій, Н..... 2497
Никоновъ, Л. 641. 1019, 1020
Нисъ, Э..... 261
Ницше, Ф..... 375, 1421
Новгородскій, П. ... 614
Новеллы итальянск. Возрожденія. 1160, 1831
Новиковъ, И.. 691, 1950
Новиковъ, М..... 1322
Новомбергскій, Н.. 2421
Новорусскій, М. 640, 760
Новоселовъ, М..... 845
Новоселовъ, Ю.... 1298
Новосельскій, С.... 32
Новый законъ о воинск. повинности. 863
Новый законъ о страхов. рабоч... 1006
„Новый міръ“ и др. сказки..... 987
Новыя идеи въ астрономіи.... 1913, 2031
Новыя идеи въ біологіи..... 1792
Новыя идеи въ математикѣ.... 756, 1663, 2120
Новыя идеи въ медицинѣ..... 2130
Новыя идеи въ педагогикѣ..... 1780
Новая идея въ соціологіи..... 2003
Новыя идеи въ физикѣ..... 1240
Новыя идеи въ философіи. 487, 716, 1420 1761, 1762. 1871, 1990 2089
Новыя идеи въ химіи 1452, 2125
Нойесъ, В., проф. и Смитъ, Г..... 417
Нолькенъ, А. 393, 2212
Нордау М. 1211, 1418 1419, 1983, 2472
Норденшельдъ, О.. 1750
Носиловъ, К..... 2275
(Нотари)..... 81
„Ноябрьскія“ засѣд. об-ва взаимопом. рус. агрономовъ. 953
Нѣмчиновъ, В. 260, 1228
Нюренбергъ, А. 24, 2015
Обермайеръ и др. 2348
Обуховъ, А..... 514
Обуховъ, Сѣропол-ко, Чеховъ..... 1307
Овидій.. 676, 1161, 2259
Овсянико-Куликовскій, Д. 469, 1500, 1501
Овчинниковъ, Д... 1109
Огановскій, Н..... 1891
Огиръ, М..... 2454
Оголовецъ, В..... 2148
Одоевскій, В., кн... 1730
Ожешко, Э.... 472, 1605
Озеровъ, И..... 1336
Оксъ, В. 988, 1731, 1752
Олигеръ, Н.... 334, 932
Ольгинскій, А..... 1101
Ольдгамъ, Г..... 1529
Омелянскій, В..... 639
Опрудъ, Г.... 714, 1093
Онуфріевъ, В..... 2010
Оппенгеймъ, Н.... 1917
Оппенгеймеръ, К.. 1133
Опредѣленіе живого вѣса рогатаго скота..... 2449
Опытъ препод. въ двухъ младшихъ кл. городской нач. четырехгод. школы..... 1011
Опытъ противосоціалистич. катехизиса..... 2321
Ордынцевъ-Костриц-кій..... 1285
Орлова, О..... 1797
Орловскій, С..... 485
Орловецъ, П.. 371, 475
Орловскій, П..... 1687
Орловъ, А..... 1431
Орловъ, М., проф. 1809
Орнатскій, П..... 415
Ор...скій, П..... 2322
Осиповичъ, Н..... 335
Осиповъ, А..... 237
Осоргинъ, М..... 2004
Оствальдъ, В..... 120
Острейко, С..... 864
Острогорскій, В... 1976
Очаповскій, Л..... 134
П. А..... 461
Павленко, П..... 748
Павловскій, Н..... 64
Пажитновъ, К. 1340, 1435
Палладинъ, А..... 1919
Палѣй, И..... 1995
Памяти Е. В. Чешихина..... 1615
Памяти М. Е. Мандельштама..... 362
Памятка для помощн. врачей..... 176
Панинъ, Н..... 2262
Панкратовъ, А. 410, 2086
Пановъ, А..... 1625
Пантелѣевъ, В..... 1462
Панченко, Н..... 462
Парацельсъ, Ѳ..... 1096
Паркеръ, Ф..... 989
Парфентьевъ, Н... 268
Пасынковъ, Н..... 97
Пастуховъ, Ѳ..... 451
Пасхаловъ, К..... 1531
Пауль, А..... 434
Пеніонжкевичъ, К. 2223
Пеннеттъ, Р..... 419
„Первоцвѣтъ“..... 775
Первухинъ, Л..... 68
Первушинъ, С..... 724
„Пережитое“..... 1429
„Перекаты“..... 2461
Персіянинова, Н... 1313
Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. 361
Перецъ, Л..... 1402
Перро, Ш..... 2306
Перье, Э..... 632
Перцевъ, В. и Ефимовъ, Е..... 808
Перцовъ, П..... 1004
Перэ, Б..... 1209
„Петербург. вечер.“. 1705
Петерсонъ, Н..... 712
Петискусъ, А..... 1217
Петровичъ, Н..... 937
Петровъ, А..... 2264
Петровъ, Н., проф. 1358

Петровъ, П..... 147
Петрушевскій, Д... 1507
1513
Пешль, В., проф... 275
П-ій, Э..... 283
Пикаръ, Э..... 1551
Пиксановъ, Н..... 228
Пиленко, А..... 1231
Пилипенко, Г..... 353
Пименовъ, Э..... 1626
Пинесъ, М..... 580
Піотровскій, Г..... 1030
Пирлингъ, О..... 251
Пирлингъ, П..... 2078
Писарева, Е..... 601
Писарева, Ю..... 93
Писаревскій, Н.... 2002
Писаревъ, Д..... 980
Писаржевскій, Л... 634
Писемскій, А..... 463
Писторіусъ, Ф..... 75
Письма І. Ф. Беккера..... 1774
Пичета, В..... 1510
Планкъ, М., проф. и Пуанкарэ, А... 1450
Платонова, А..... 2000
Платоновъ, С. 587, 1853
Платоновъ, В. 1997
Платонъ..... 306
Плотниковъ, С. 546, 1804
По, Э..... 2253/4
П—овъ, Н..... 515
Побѣда надъ смертью..... 1316
Побѣдинскій, А.... 2046
Поварнинъ, Г..... 1147
Погодинъ, А.. 241, 1786
Поддубный, П..... 1218
Подъячевъ, С. 577, 578
Поздняковъ, Н..... 1835
Покровская, В. и Соловьева, Е..... 1118
Покровская, М..... 844
Покровскій, подпор. 2364
Покровскій, І..... 2016
Покровскій, К..... 1668
Полинковскій, А. 2378, 2476
Политова, Е..... 762
Половое воспитаніе. 1996
Полож. о землеуст. 254
Полонская, Н..... 1973
Померанцева-Фроленко, А..... 1342
іеранцевъ, Б.... 263
Понтоппиданъ, Х. 911, 2372
Поповъ, Е..... 1237
Поповъ, И..... 360
Поржезинскій, В... 1235
„Поросль“Альм.кн.І. 2058
Португаловъ, А... 2298, 2358
Поршаковъ, В..... 313
Поспѣлова-Гатцукъ. 1811
Поспѣловъ, А. 2439, 2441
Постниковъ, А..... 1788
Потанинъ, Г..... 750
Потебня, А..... 869
Поторжинскій, М... 1325
Потоцкій, С., полк. 1341
Потѣхинъ, Л..... 1810
Прав. для экскурс.. 2111
Практич. школьная энциклопедія..... 26
Прево, М..... 1051
Предтеченскій, В... 1455
Преображенскій, Н. 1673
Преображенскій, С. 881
Придворная жизнь 1613—1913 г.г. .. 1818
Принцъ-красавецъ. 2196
Пришвинъ, М. 797, 933, 1385
„Проблескъ“..... 2059
„Пробужденіе“..... 348
Программы для самообразованія.. 1233
Проданъ, П..... 1877
Проектъ реформы средней школы... 1545
Происх. человѣка.. 1343
Прокоповичъ, С. 1533, 1537
„Прометей“..... 1824
Проповѣди первой половины XIX в. 849
Прохановъ, И..... 1883
Прохоровъ, Г. 470, 729
Прусъ, Б..... 1738
Прыжовъ, П..... 1775
Пуанкарэ, А..... 531
Пузыревскій, А. и Саккети, Л..... 1260
Пусторослева, Ю... 902
Пусторослевъ, П... 2019
Путеводитель по Финляндіи..... 1856
Пушкинъ, А. 1064, 1065, 1847
Пшибышевскій, Ст.. 1504
Пѣсни Германіи.... 1369
Пѣтуховъ, Е..... 579
Пятидесятилѣтіе Румянцевск. музея.. 1982
Рабиновичъ, А. 143, 2211
Рабиновичъ, П..... 758
Рабочій уставъ больничной кассы.... 1889
Рагоза, Н..... 990
Радинъ, Е., д-ръ... 1347
Радловъ, Э... 1206, 1527
Райскій, А..... 2482
Рамачарака... 1993, 2045
Рамзай, В., проф... 1453 1915, 2124
Рамсай, В. и др.... 2126
Раудэ, Ѳ..... 630
Рафаилъ, іероман.. 730
Рахмановъ, Г..... 418
Рашевскій, Н..... 1696
Регенеръ, Ф..... 2110
Редигеръ, А., проф. 1777
Рейгенмейеръ, С... 991
Рейнакъ, С..... 1470
Рейнери, Дж., проф. 2331
Реклю, Э..... 535
„Религіозно - философскіе вечера“.. 1324
Ремизовъ, Ал. 318, 1960
Ремюза-де..... 824
Ренанъ, Э..... 249, 2098
Ренье, А. 1267, 1947, 2474
Репьевъ, С..... 194
Рербергъ, С..... 992
Рербергъ, Ф..... 1257
Ривошъ, О..... 36
Римскій-Корсаковъ. 1478
Рклицкій, С..... 205
Робинсонъ, Л..... 2091
Робертсонъ, Б..... 1557
Робертсъ, Ч. 833, 2252, 2367
Роде, Э..... 285
Родэнъ, А..... 1813
„Рождествен. гость“ и др. разск..... 1094
Рождественскій, Т. и Успенскій, М.. 132
Розановъ, В. 255, 615 1961
Розановъ, Н. и Сахаровъ, Пв..... 524
Розеггеръ, П..... 2151
Розенъ, І..... 1464
Розинъ, Н., проф... 1338
Ролланъ, Р..... 1052
Романовскій, В. 1188, 2285
Роны, старшій..... 783
Россійскій, М. 2382

Россиневичъ, В.... 2477
Рославлевъ, А..... 1055
Россолимо, Г. 380, 381, 2312
Росташинскій, М... 1459
Ростопчина, Л., гр. 941
Рошалъ, Е. 99, 100, 101, 102, 103, 104,
Рубакинъ, Н. 1079, 1445, 1560, 2448
Рудановскій, А.... 2453
Ружицкій, В..... 2307
Румянцевъ, А..... 2243
Рунге, М..... 1135
Рунова, О..... 1732
Рупнель, Г..... 675
Русаковъ, В.. 1619, 1975
Русовъ, Н..... 1173
Русская исторія въ картинахъ..... 583
Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ..... 806
Русская хирургія... 1362
Русскіе учителя за границей..... 1120
Русско-англійскіе разговоры..... 27
Рыбаковъ..... 2276
Рыбниковъ, А..... 1256
Рывкинъ, М..... 1386
Рѣковъ, В..... 464
Rudaux, P. et Carltier, P. 1803
Рюмкеръ, К.. 2049, 2356
Рябининъ, П..... 1971
С. Владиміръ..... 2383
Сабашникова, М... 2296
Саввинъ, А. и Бурнапъ, Ф..... 802
Савинъ, Н.... 157, 1304
Савиньи..... 1040
Савихинъ, В..... 465
Садовскій, Б..... 919
Сажинъ, П..... 2313
Сазоновъ, Г..... 679
Саккетти, Л., проф. 1814
Сакулинъ, П. 2085, 2261
Сальгари, Э.....83, 84
Самоненко, О..... 776
Санъ-Сальваторъ.. 1860
Сапѣгинъ, А..... 1463
Сапожниковъ, Е... 1702
Сапожниковъ, Е... 1578
Сапожниковъ, А... 1213
Сапожниковъ, В... 590
Сборникъ ариѳмет. задачъ..... 164
Сборникъ рѣшеній Гражд. Кассаціоннаго Департ. 2020
Сборникъ статей по искусству..... 1580
Сватиковъ, С..... 898
Свирскій, А..... 336
(Свифтъ)..... 1043
Свобода печати въ обновл. строѣ.... 401
Свѣтловъ, К..... 165
Свѣтлый, Г..... 1602
Свѣчниковъ, А.... 253
Сводъ Германскихъ законовъ о страхованіи рабочихъ. 1638
Святскій, Д..... 502
Севастьяновъ, Н. 55, 178
Сегаль, С..... 130
Сегюръ-де, гр. 916, 1268
Седиръ..... 245
Селезневъ, И..... 1929
Селецкій, Г... 692, 1174
Селитренниковъ, А. 944
Селихановичъ, А... 1766
Семеновъ, В.... 693, 862
Семеновъ-Тянь-Шаньскій, П..... 1744
Семеновъ, С... 337, 338, 367, 2073
Сенкевичъ, Г..... 1293
Сентюринъ, Н..... 746
Сентъ-Ивъ-д'Альвейдръ..... 12
Сентъ-Олеръ..... 444
Серафимовичъ, А.. 339, 1387
Сергіевъ, Д..... 133
Сергѣевъ, К..... 1911
Сергѣевъ-Ценскій.. 1597
Сергѣичъ, П..... 624
Сетонъ-Томпсонъ.. 1024
Сибиряковъ-Караевъ, В..... 570
Сикорскій, И..... 377
Симаковъ, В.. 520, 1967
Симоновъ, И..... 1613
Синицынъ, Д., д-ръ.. 875
Синкель, М..... 2466
Синкель, У..... 2467
Синьякъ, П..... 426
Сипачевъ и Бѣлоцвѣтова..... 1907
Сипачевъ, П..... 2435
Сипачевъ, В..... 1736
„Сиротинушка".... 316
Скаловскій, А..... 1451
Скалонъ, Д..... 1753
Скворцовъ, Л..... 1857
Складовская-Кюри. 2224
Скобелевъ, М..... 1647
Сковорода, Г..... 124
Скоттъ, В..... 1044
Славянскій вопросъ. 1333
Слезкинъ, П., проф. 1140
Слобожанскій, С... 811, 2082
Слово о полку Игоря..... 1394
Словцовъ, В..... 1066
Слѣпцова, М.... 52, 282, 486, 1627, 2359
Смирновъ, В..... 2244
Смирновъ, М..... 1812
Смирновъ, О..... 369
Смутное время въ Моск. госуд..... 1407
Сно, Е.....420, 477
Соболевъ, А., свящ. 751
Соврем. тюрьма и ея вліяніе..... 1227
Совѣты и рецепты по акушерской терапіи..... 2047
С—овъ, С..... 1962
Содди, Ф. ... 1022, 2033
Созоновъ, С. Ковальскій, Я. и др... 1114
Соковнинъ, Н..... 2221
Соколовъ, Д..... 1749
Соколовъ, К..... 504
Соколовъ, Л.. 627, 1656 2462
Соколовъ и Тумимъ. 1908 2116
Соколовъ, П..... 411
Сокульскія, С. и В. 549
Соловейчикъ, М.... 2419
Соловьева, П. (Allegro)..... 1718
Соловьева, П. и Манасеина, Н..... 1760
Соловьевъ, Б. 1640, 2007
Соловьевъ, Вл. 717, 1320, 1332
Соловьевъ, П..... 488
Соловьевъ, К., д-ръ 1682
Соловьевъ, С..... 1377
Сологубъ, Ѳ... 340, 921, 1388, 1598, 2265, 2492
Соломинъ, Е..... 1618
Солтъ, Г.....495, 540

Сомовъ, С..... 2339
Сорокина, П..... 2426
Сорокинъ, А. 207, 1175
Сотонинъ, К..... 1315
„Союзъ". Альм. кн I. 1152
Спальвинъ, Е..... 2315
Спасовичъ, В..... 739
Спектры испусканія и поглощенія.... 1129
Сперанская и др... 113
Справочникъ для гг. книгопродавцевъ. 2363
Справочный календарь земледѣльца 1621
Спутникъ помора по Бѣлому морю.... 2290
Срезневскій, В. и Тукалевскій, В... 826
Станюковичъ..... 341
Старый Земецъ.... 1644
Стасюлевичъ, М. и его соврем. въ ихъ переписки. 118, 979, 2295
Статистико-эконом. очерки областей, губ. и городовъ Россіи..... 2099
Степанецъ, Б... 116, 119
„Сто лѣтъ французской живописи".. 663
Стоянъ, П..... 2218
Стражевъ, В..... 2026
Странденъ, Д..... 1208
Стреминъ, М..... 2065
Струве, П..... 2100
Студія Импрессіонистовъ..... 662
Суворинъ, А. 1303, 1984
Суворовъ, В..... 2175
Сургучевъ, И..... 1389
Сухановъ, С., д-ръ. 185
С—ъ, В..... 2189
Сыромятниковъ, Б. 1197
Сѣверцевъ-Поливановъ, Г..... 798, 2104
Сѣверянинъ, И.... 1588
Сѣрополко, С..... 412
Сѣрошевскій, В... 1183, 1606
Strümpell, A..... 1461
Табурно, І..... 1078
Тананаевъ, Н..... 1244
Таннери, Ж..... 872
Тарле, Е..... 1641
Тарѣевъ, М., проф. 1225
Тассаръ, Ф..... 1862
Таубе, М., бар. ... 704
Тахтаревъ, К..... 18
Тверской, П..... 1007
Твэнъ, М. 291, 558, 1710
Твэнъ, М. и др..... 1709
Тезингъ, К., д-ръ... 1793
Тезяковъ, Н., врачъ 1563
Тейхмюллеръ, Г... 1423
Телешовъ..... 342
Теплыхъ, Н..... 586
Тёпферъ, Р..... 900
Терешкевичъ, А... 1665
Терлецкій, В..... 1100
Тернеръ, Э..... 993
Терновскій, В..... 2483
Теръ-Рубинянъ, Г. 2027
Тибулъ, А..... 447
Тимковскій, Н. 343, 1390
Тиммъ, Р., д-ръ.... 53
Тимофеевскій, П... 2311
Тимофеевъ, С., д-ръ 723
Тиняковъ, А. (Одинокій)..... 314
Тихомировъ, А.... 638
Тихомировъ, Д. 2197, 2478
Токутоми, К..... 1969а
Toldt, Carl, проф.. 643
Толстовскій Ежегод. 951
Толстой, А., гр.... 799
Толстой, Л. 94, 95, 96, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 344, 345, 346, 616, 718, 757, 1067, 1068, 1286, 1314, 1321, 1378, 1497, 1599, 1711, 1963
Толстой, П., гр.... 1009
Толстопятовъ, В... 1
Томпсонъ, Э..... 1247
Топеліусъ, З... 9, 10, 11
Торминъ, Р..... 551
Тотоміанцъ, В..... 2011
Травинъ, К..... 2286
Трайнинъ, А..... 1105
Трелье-Лундъ, пр. 529
Третьяковъ, Д. 870, 1676, 2035
Три вѣка изъ жизни рус. земл. 2287, 2503
Тріумфовъ, В..... 169
Троицкій, С..... 850
Трубецкой, Е., кн. 1630, 1642, 1872
Трубецкой, С..... 489
Трудов. груп. въ IV Госуд. Думѣ..... 1532
Труды всерос. съѣз. по библіот. дѣлу. 1199
Трясовъ, П..... 2328
Туберовскій, А.... 2418
Тугановъ, Б..... 2178
Туганъ-Барановс. М. 2209
Тулайковъ, Н..... 190
Тумимъ, Г..... 159
Тумскій, К. 42
Туръ, М..... 2235
Тургеневъ, Н..... 1755
Туркинъ, Н..... 682
Тыркова, А..... 2074
Тутышкинъ, И.... 1441
Тэйлоръ, Ф..... 505
Тейлоръ, Ф..... 1651
Тэнъ, И.. 196, 427, 596, 770, 1038, 1473, 1855
Тэрнеръ, Э..... 1628
Тэффи.. 1391, 1964, 2493
Тюленевъ, И..... 1659
Тюринъ, С..... 2008
Тютрюмовъ, И..... 860
Тютчевъ, А..... 23
Тютчевъ, Ѳ..... 204
Уайльдъ, О. 74, 778, 2368
Уйда 2061
Уйдъ..... 1045
Уильдонъ, К..... 605
Уиппль, Г., проф... 1442
Указатель учеб. руковод.—пособій.... 602
Украинскій, С..... 825
Укше, С..... 2425
Ульянинскій, В. и др. 1661
Ульяновъ, Г. и Фортунатовъ, Е..... 1657
Ульяновъ, Н., Ульянова, В..... 1616
Умственное развитіе дѣтей..... 151
Унде-Поповъ, П.... 2405
Унтонъ, Р..... 2150
Ураловъ, Я..... 994
Урусовъ, С. . 2240, 2241
Ускова, О..... 1032
Усовскій, Б..... 189
Успенскій..... 2042
Успенскій, М., вр.. 1323
Успенскій, П..... 839
Успѣхи біологіи... 276
Успѣхи химіи..... 270
Устный счетъ въ предѣлахъ 1000.. 166
„Утренняя звѣзда". 1095
Ушаковъ, Д..... 1905
Уэллсъ, Г.... 290, 1970
Фагэ, Э., акад. 710
Фаддѣевъ, Т., д-ръ. 2028

Файгингеръ, Г..... 1205
Фаберъ, М..... 2266
Фармаковскій, В... 1544
Фарфоровскій, С... 2479
Фаусекъ, В..... 2036
Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. 224, 694, 920
Ѳедоровъ, А. 1734, 2075, 2494
Ѳедоровъ, Н..... 1422
Фенелонъ..... 1443
Ферворнъ, М., проф. 1874
Фіамета..... 569
Филатовъ, В..... 1512
Филатовичъ, Б..... 218
Филипповъ, А..... 266
Филипповъ, Ю. 622, 1164
Филиппъ, инокъ... 498
Филоненко, В..... 1330
Финляндія и финляндцы..... 2229
Фино, Ж..... 637
„Фіорды“..... 556, 1825
Фишеръ, К..... 852
Фишеръ, М..... 2233
Флоберъ, Г..... 1714
Фогель, Р.... 1553, 1912
[Фонвіель]..... 152
Фонвизинъ, Д..... 2382
Форель, А..... 1027
Фортунатовъ, А... 858
Форъ, І..... 612
Франсъ, А... 1053, 2373
Францискъ Ассизскій, св..... 1882
Францманъ..... 383
Французы въ Россіи..... 358/9
Фребель, Ф..... 2433
Фрезе, Г..... 1887
Фрейдъ, З. 611, 840, 1191
Фрейтагъ, Г..... 2398
Фридманъ, Б..... 141
Фридманъ, М., д-ръ. 721
Фридолинъ, С. 1144, 1573, 1574
Фридъ, С..... 1519
Фриманъ, М. и Шейнесъ..... 2210
Фриче, В.... 1482, 1830
Фромметъ, Б..... 1649
Фругъ, С..... 788
Фуксъ, А..... 1684
Фуксъ, Э..... 1446
Фушкъ, В..... 1468
Фурнье д'Альбъ, Э. 41
Фурре, Е.... 1238, 1239
Футболъ „Association“..... 69
Хаасъ, Н., проф... 2346
Хашковскій, Г..... 1575
Хауторнъ, Н. 1827, 1944
Hasslauer, W., д-ръ 647
Хвольсонъ, О. 1354, 1555
Хвостовъ, В..... 1981
Хейгъ, А., д-ръ... 1566
Хейсинъ, М. 1013, 1222, 2234
Хирьяковъ, А..... 1849
Хиченсъ, Р. 1584, 1708
Хмара-Борщевскій, 1249
Холлъ, С. 865, 1444, 1635
Холодковскій, П... 1132
Холщевниковъ, С.. 1392
Хольцовъ, Л..... 701
Хорошенко, В..... 645
Худековъ, С..... 1940
„Hütte“..... 1029
Цабель, Н..... 542
Цагарелли, А..... 1339
Цаликовъ, А..... 1771
Цвѣтаева, М..... 1589
„Цвѣтникъ“..... 1481
Цезарь, Г..... 2376
Целлеръ, Э..... 244
Центнершверъ, М.. 271
Цитовичъ, П..... 1562
Чаадаевъ, П..... 1622
Чапыгинъ, А..... 1287
Чарнолусская, Е... 709
Чарнолускій, В. 1103, 1104, 1111, 1119
Чарская, Л... 1204, 1629
Чарторыжскій, А. 232, 2181
Чаяновъ, А..... 2050
Чеботаревская, А.. 1879
Чезаро, Э..... 1124
Челпановъ, Г..... 607
Червинскій, Н..... 1927
Чередниченко, С.... 892
Черемновъ, А..... 1836
Черный, С..... 1988
Чернышевскій въ Сибири..... 1194
Чернышевъ, В..... 262
Чернышевъ, К..... 1737
Черскій, Л. 424, 466, 800
Черткова, А..... 666
Честухинъ, А..... 2054
Честухинъ, А. и Богатиковъ..... 2323
Чеховъ, А.... 713, 1523
Чешихинъ, В..... 2502
Чижовъ, Е... 1126, 1552
Чижъ, В., проф..... 745
Чириковъ, Е.. 347, 1176, 1288, 1289, 1393, 2105, 2176
Чистяковъ, И..... 394
Что сдѣлала 3-я Гос. Д. для городовъ. 146
Чугаевъ, Л., проф.. 759
Чулковъ, Г..... 1733
Чулковъ, М..... 2066
Чупровъ, А.. 1221, 1571
Шабанова, А., дръ. 1015
Шагренъ, де-, К... 1456
Шамонинъ, А..... 2384
Шамурина, З..... 814
Шамуринъ, Ю. 127, 813, 2505
Шамурины, Ю. и З. 1974, 2401
Шапошниковъ, И.. 31
Шапошниковъ, Н.. 871
Шарковъ, В..... 109
Шатерниковъ, М... 888
Шатобріанъ, ... 2374
Шаховъ, А..... 1269
Шварцманъ, І..... 1897
Шведеръ, Е. 153, 715, 834, 1989, 2198
Шведск. нар. сказки. 835
Шебуевъ, Н..... 1153
Шевалье, Н..... 1540
Шевелева, Е..... 2394
Шевченко, Е..... 1306
Шекспиръ, В.. 907, 2366
Шемелинъ, Н..... 725
Шершеневичъ, В.. 1275
Шестаковъ, А..... 1608
Шестаковъ, С..... 2504
Шиловъ, А..... 2416
Шимкинъ, Н. 1253
„Шиповникъ“. 557, 1367, 1826, 2250
Широковъ, П..... 1719
Шишковъ, Н..... 1530
Шкляръ, Н..... 836
Schlayer, dr. prof... 1801
Шлейеръ, А. 174, 175, 533
Шмелевъ, П. 219, 220, 221, 222, 223, 372, 467, 1290, 1291
Шмидтъ, Н..... 49
Шмидтъ, Ф..... 2414
Шмулевичъ, П..... 1664
Шойенъ, Е..... 560
Шоломовичъ, А.... 2127

Шорэ, Т..... 2415
Шоу, Б..... 292
Шпицеръ, С..... 229
Шрейдеръ, Д..... 45
Штегманъ, П..... 2361
Штейертъ, Л..... 2132
Штейнгардтъ, З... 1994
Штейнеръ, Р. 2204, 2206
Штенбергенъ, А... 1991
Штернъ, Е..... 1487
Штормъ, Т..... 995
Штрейслеръ, Фр. 16, 17
Strohmauer, W., d-r. 1924
Штрумпель, А..... 2232
Шуазель-Гуффье... 591
Шуваловы, А..... 2088
Шульце, Р..... 1115
Шумаковъ, Д..... 86
Шхіянъ, А..... 182
Щеголевъ, П..... 1739
Щепкина-Куперникъ, Т. 1165, 1177, 1514, 2268
Щербаковъ, С..... 269
Щукаревъ, А.,..... 610
Щукинъ, М., инж.. 2220
Щукинъ, С., свящ.. 1425
Эвальдъ, К. и А. Геффтеръ,..... 1250
Эвальдъ, К..... 2152
Эверсъ, Г..... 433
„Эго-Футуристы.“ Бей!..... 2067
Эдсеръ, Э..... 633
Эйгесъ, К..... 665, 771
Эйхлеръ, Ф..... 121
Э-кая, П..... 277
Экземплярскій, В... 843
Эконом.-статич. сб. 506
Экхартъ, М..... 848
Электричество..... 40
Эльснеръ, В..... 2406
Эммануиловъ, А... 508
Эмануилъ-Жухо-вецкій, Б..... 2193
Эмери, М. (Рашильдъ) 568
Эмтэ..... 25
Энгельгардтъ, Н... 2379
Энгельмейеръ, А... 1069
Энгельмейеръ, П. 188, 650, 649
Энджель, Н. 20
Энциклопедія филос. наукъ..... 2410
Энчъ, Э..... 1210
Эрастовъ, В..... 67
Эрбергъ, Конст.... 1815
Эринквесъ, Ф..... 1667
Эрнъ, В..... 600, 707
Эсбергъ, К., фонъ. 1226
Эфруси, Е..... 2499
Ю—ій, І..... 509
Jungano, M. и Distaso, A..... 1559
Юнгеровъ, П..... 2097
Юрьева, М..... 373
Ютановъ, В..... 1965
Юшкевичъ, С..... 1600
Юшко, А 894
Ющенко, А., д-ръ. 186
Яблоновскій, А.... 1966
Ягодинскій, И..... 2411
Язевъ, В..... 2395
Языковъ, Д..... 949
Якобсонъ, А..... 1980
Яковлевъ, А..... 594
Якубовичъ, П..... 2484
Ямзинъ, И..... 855
Янковскій, П..... 1779
Янковскій, Т..... 2101
Янчукъ, С..... 2455
Японская лирика... 581
Ярховскій, И..... 37
Ясевичъ-Бородаевская, В..... 501
Ясиновскій, А..... 1768
Ястреборъ, Н..... 2187
Яцута, К., д-ръ.... 2351
Ячевскій, А..... 1807
Яшновъ, А..... 2190

D. Систематическій указатель новыхъ книгъ.

Пролегомены [00]. 120, 242, 1413.

Библіографія [01]. 368, 602, 709, 949, 1086, 1196, 1197, 1198, 1304, 1305, 1306, 1307, 1414, 1415, 1522, 1616, 1617, 1618, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1980, 2087, 2088, 2298, 2405.

Библіотековѣдѣніе [02]. 1, 121, 122, 603, 710, 828, 950, 1087, 1199, 1619, 1870, 1982, 2199, 2299.

Періодич. изд. и уч. О-ва [05/06]. 369, 370, 480, 481, 482, 737, 951, 952, 953, 1201, 1308, 1620, 1621, 1981, 1982, 2193.

Полиграфіи [08]. 2, 483, 484, 711, 712, 713, 954, 955/7, 978, 979, 980, 1200, 1202, 1416, 1417, 1418, 1419, 1523, 1622, 1754, 1755, 1756, 1757, 1983, 1984, 1985, 2194, 2300, 2406.

Дѣтскія изд. [087]. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 243, 371, 372, 373, 485, 486, 709, 714, 715, 773, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 945, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 937, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 1088, 1089, 1090, 1091, 1092, 1093, 1094, 1095, 1203, 1204, 1304, 1309, 1310, 1311, 1312, 1313, 1524, 1525, 1526, 1623, 1624, 1625, 1626, 1627, 1628, 1629, 1758, 1759, 1760, 1986, 1987, 1988, 1989, 2195, 2196, 2197, 2198, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2407, 2408.

Философія [1]. 13, 123, 124, 244, 246, 247, 374, 375, 377, 378, 487, 488, 489, 490, 491, 493, 600, 604, 605, 606, 607, 608, 707, 716, 717, 718, 725, 837, 838, 996, 998, 1205, 1206, 1207, 1208, 1314, 1315, 1319, 1324, 1420, 1421, 1422, 1527, 1630, 1632, 1761, 1762, 1763, 1764, 1871, 1872, 1875, 1990, 1991, 2085, 2089, 2090, 2297, 2309, 2310, 2311, 2409, 2410, 2411, 2412.

Матафизика [11]. 125, 1423, 2091, 2413,

Оккультизмъ, гипнотизмъ и пр. [13]. 12, 245, 376, 492, 719, 720, 839, 840, 841, 997, 1096, 1316, 1317, 1318, 1631, 1873, 1874, 1992, 1993, 1994, 2092, 2200, 2201, 2202, 2308, 2414.

Писихологія [15]. 120, 126, 127, 379, 380, 381, 494, 607, 609, 721, 1765, 1097, 1209, 1210, 1211, 1424, 1633, 1634, 1635, 1785, 1786, 1876, 1995, 2203, 2204, 2312, 2446.

Логика [16]. 14, 610, 1098, 1636, 2093, 2205, 2206.

Этика [17]. 128, 382, 422, 495, 516, 723, 842, 843, 1010, 1320, 1321, 1766, 2094, 2415.

Сексуальная этика [176]. 611, 722, 844, 1878, 1879, 1880, 1996.

Воздержаніе—алког. и табакъ [178]. 15, 129, 383, 496, 724, 1212, 1213, 1322, 1323, 1881, 2313, 2416.

Жесток. и убійство [179]. 384, 612, 1528, 1767, 1768, 2095, 2096, 2417, 2418.

Общ. соч. по религіи. [2]. 248, 497, 516, 703, 725, 827, 845, 846, 999, 1324, 1425, 2296.

Библія [22]. 130, 498, 499, 726, 727, 728, 1214, 1215, 1529, 2097, 2419.

Практ. и паст. богосл. [24/5]. 131, 249, 613, 614, 729, 730, 847. 848, 849, 1000, 1325, 1426, 1427, 1997, 1998, 1999, 2000, 2098, 2314, 2420.

Христіанство [26/7]. 127, 250, 385, 500, 615, 616, 717, 1099, 1216, 1326, 1327, 1328, 1637, 1882, 2001, 2207.

Православіе и рус. цер. [281]. 132, 251, 501, 666, 738, 850, 1001, 1002, 1100, 1101, 1329, 1339, 1428, 1750, 1770.

Протестантизмъ [284]. 1883, 2002.

Нехрист. религіи. [29]. 133, 134, 502, 1217, 1330, 1769, 2208, 2315.

Буддизмъ [294]. 16, 135, 500, 851, 1331, 2294.

Юдаизмъ [296]. 252, 386, 742, 852.

Исламъ [297]. 17.

Соціальный вопросъ [3]. 18, 19, 136, 387, 617, 618, 703, 731, 853, 948, 1003, 1530, 2002, 2003, 2004, 2099, 2421.

Статистика [31]. 1218 1770, 2422,

Политика [32]. 138, 253, 389, 815, 854, 855, 1005. 1220, 1332, 1771, 1884, 1885, 2005, 2006.

Національн. вопросъ [323]. 20, 137, 388, 503, 732, 733, 1004, 1219, 1333, 1429, 1531.

Парламентъ [328]. 146, 504, 518, 619, 1086, 1101, 1532.

Политич. экономія [33]. 21, 139, 396, 505, 506, 622, 856, 1216, 1221, 1334, 1336, 1430, 1641, 1651, 1665, 1886, 1893, 2100.

Рабочій вопросъ [331]. 194, 259, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 620, 621, 734, 1006, 1222, 1431, 1432, 1533, 1638, 1639, 1640, 1772, 1887, 1888, 1889, 2007, 2008, 2316, 2317, 2318.

Крестьянскій вопр. [333]. 22, 254, 397, 735, 1007, 1008, 1223, 1433, 1534, 1535, 1536, 1773, 1890, 1891, 2009, 2423, 2424.

Кооперація [334]. 368, 398, 399, 423, 736, 857, 858, 859, 1224, 1306, 1335, 1434, 1537, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2298, 2319, 2320, 2326.

Соціализмъ [335]. 1102, 1225, 1435, 1763, 1774, 1777, 1892, 2209, 2321, 2322.

Финансы [336]. 23, 24, 1226, 2015, 2210, 2323.

Общ. соч. по праву [34]. 400, 1337, 1642, 1778, 1781, 1782, 2016, 2324.

Государств. право [342]. 255, 401, 402, 507, 623, 737, 1009, 1103, 1104, 1197, 1776, 2017, 2101.

Уголовное право [343]. 140, 141, 142, 256, 257, 403, 404, 405, 408, 509, 510, 624, 625, 1227, 1338, 1538, 1643, 1652, 1894, 2018, 2019, 2102, 2425.

Гражданск. право [347]. 143, 145, 258, 407, 408, 409, 739, 860, 1105, 1106, 1107, 1108, 1228, 1436, 1539, 2020, 2211, 2325, 2426, 2427.

Торговое право [347.7]. 144, 406, 2212.

Управленіе [35]. 740, 861, 1645, 2021, 2103,

Самоуправленіе [352]. 146, 260, 862, 1109, 1229, 1230, 1340, 1644, 1931, 2106, 2320, 2326.

Военное дѣло [355]. 20, 25, 147, 626, 741, 742, 863, 1010, 1110, 1231, 1341, 1540, 1646, 1647, 1648, 1778, 1895/6, 2022, 2104, 2105, 2327, 2328, 2428, 2429, 2430.

Благотворительность [361]. 410, 1232, 1342, 1649, 1779, 2329, 2431.

Страховое дѣло [368] 1653, 1897, 2106.

Народн. образованіе [37]. 129, 183, 369, 704, 1101, 1111, 1437, 2422.

Педагогика [371/8]. 26, 119, 123, 148, 149, 150, 151, 411, 412, 425, 482, 513, 514,

515, 516, 541, 602, 627, 743, 744, 745, 746, 747, 864, 865, 866, 867, 1011, 1012, 1013, 1037, 1112, 1113, 1114, 1115, 1116, 1117, 1118, 1119, 1120, 1121, 1209, 1219, 1233, 1307, 1344, 1345, 1346, 1347, 1438, 1439, 1440, 1441, 1442, 1443, 1444, 1445, 1541, 1542, 1543, 1544, 1545, 1562, 1650, 1654. 1655, 1656, 1657, 1780, 1781, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1924, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2213, 2214, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2432, 2433.

Торг. и транспортъ [38]. 152, 153, 390, 395, 413, 517, 518, 1014, 1122, 1782, 2215, 2336, 2337, 2434.

Бытъ и фольклоръ [39]. 414, 519, 520, 748, 750, 751, 868, 1446, 1546, 1775, 1783, 1784, 2338.

Феминизмъ [396]. 601, 628, 749, 1015, 1215.

Филологія [4]. 27, 154, 155, 156, 264, 521, 522, 629, 753, 869, 1123, 1234, 1235, 1785, 1786, 1905, 2029, 2114, 2115, 2216, 2217, 2435.

Русскій яз. [491.7]. 28, 29, 30, 31, 32, 33, 157, 158, 159, 262, 263, 415, 523, 524, 753, 1016, 1017, 1547, 1548, 1658, 1659, 1907, 1908, 1909, 2116, 2117, 2118, 2119, 2218, 2339, 2340.

Общ. соч. по естествозн. [5]. 34, 160, 265, 416, 525, 526, 527, 528, 617, 726, 754, 755, 756, 870, 871, 1018, 1019, 1020, 1040, 1348, 1349, 1447, 1448, 1660 1661, 1662, 1663, 1787, 1910, 2120, 2341, 2342, 2436.

Ариѳметика [511]. 161, 162, 163, 164, 165, 166, 266, 630, 757, 872, 873, 1021, 1236, 1350, 1664, 1665, 2030, 2437.

Алгебра [512]. 1124, 1351, 1449, 2343, 2344.

Геометрія [513]. 267, 631, 1237, 1238, 1239, 1549, 1666, 1667, 2219, 2220.

Анализъ [516/19]. 35, 167, 268, 1125, 1550, 1551, 2345.

Астрономія [52]. 168, 529, 632, 1126, 1127, 1552, 1553, 1554, 1668, 1911, 1912, 1913, 1980, 2031, 2121, 2221, 2346.

Физика [53]. 36, 37, 38, 39, 40, 41, 169, 170, 269, 530, 531, 532, 633, 758, 1128, 1129, 1240, 1352, 1353, 1354, 1450, 1451, 1555, 1556, 1617, 1669, 1788, 1877, 1910, 1914, 2032, 2083, 2122, 2123, 2222, 2223, 2438, 2439.

Химія [54]. 42, 43, 44, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 417, 634, 635, 759, 1022, 1241, 1242, 1243, 1244, 1452, 1453, 1557, 1670, 1671, 1672, 1789, 1915, 1916, 2033, 2124, 2125, 2126, 2224, 2347, 2440, 2441.

Кристаллогр. и минер. [548/9]. 533, 1130, 1673, 1674, 2442.

Геологія [55]. 276, 418, 534, 535, 636, 760, 874, 1790, 1791, 2034, 2225.

Біологія [57]. 44, 49, 50, 172, 276, 277, 278, 419, 421, 537, 638, 639, 875, 1023, 1454, 1455, 1456, 1558, 1559, 1675, 1677, 1678, 1792. 1793, 1917, 1918, 2035, 2036, 2037, 2127, 2226, 2227, 2348, 2440, 2443.

Доист. археол. [571]. 171, 1355, 1676, 1970.

Антроп. и этногр. [572]. 45, 46, 47, 48, 420, 536, 637, 1245, 1246, 2228, 2229.

Ботаника [58]. 51, 52, 53, 640, 1457, 1794, 2038, 2128, 2129, 2349.

Зоологія [59]. 173, 174, 175, 279, 641, 876, 877, 1024, 1131, 1132, 1247, 1356, 1560, 1795, 1796, 2039, 2040, 2230, 2231, 2350.

Общ. соч. по медицинѣ [61]. 44, 123, 176, 352, 761, 1455, 1561, 1643, 1797, 1919, 2042, 2130, 2131, 2232, 2444, 2445.

Анатомія [611]. 177, 178, 179, 280, 642, 643, 762, 878, 1357, 1358, 2043, 2351,

Физіологія [612]. 180, 1241, 1308, 1359, 1360, 1562, 1679, 2044, 2045, 2233, 2446.

Гигіена [613/4]. 54, 181, 281, 282, 422, 538, 539, 540, 541, 542, 644, 879, 1025, 1026, 1027, 1133, 1248, 1249, 1458, 1563. 1798, 1799, 1800, 1920, 2234, 2421.

Фармакологія [615]. 1028, 1250, 1680, 1921.

Болѣзни [616/8]. 55, 56, 57, 182, 183, 184, 185, 186, 283, 284, 285, 543, 645, 646, 647, 648, 763, 764, 765, 766, 880, 881, 1134, 1135, 1251, 1252, 1253, 1361, 1362, 1459, 1460, 1461, 1564 1565, 1566, 1567, 1568, 1569, 1681, 1682, 1683, 1684, 1685, 1801, 1802, 1803, 1922, 1923, 1924, 1925, 1926, 2046, 2047, 2235, 2236, 2237, 2352, 2447.

Ветеринарія [619]. 181, 2132.

Инженерн. искусство [62]. 58, 59, 188, 649, 650, 656, 882, 1029, 1030, 1136, 1462, 1570, 1620, 1686, 1687, 1688, 1804, 2041, 2448.

Общ. соч. по агрономіи [63]. 60, 189, 190, 200, 286, 399, 423, 544, 883, 884, 1031, 1138, 1139, 1140, 1463, 1464, 1571,

1621, 1689, 1791, 1804, 2133, 2134, 2135, 2136, 2225, 2353, 2354, 2449.

Почвовѣдѣніе [631]. 885, 1141, 1690, 1779, 1805, 1806, 2048, 2049, 2137, 2138, 2139, 2238, 2355, 2356, 2450.

Фитопатологія [632]. 61, 191, 1691, 1807. 2239.

Спец. культуры [633]. 62, 445, 651, 886, 887, 888, 889, 1142, 1143, 1465, 1692, 2050, 2140, 2141, 2357, 2358.

Плодоводство и огородн. [634/5]. 63, 64, 546, 547, 652, 653, 740, 890, 891, 892, 893, 1254, 1466, 1572, 1808, 1809, 2051, 2359, 2451.

Зоотехнія [636]. 654, 655, 767, 894, 1032, 1144, 1467, 1468, 1573, 1693, 1694, 1927, 2052, 2142, 2240, 2241, 2242, 2360, 2361.

Животн. продукты [637]. 548, 895, 896, 1145, 1574, 1695, 1810, 2053, 2362.

Кулинарное искусство [641]. 192, 1146, 1928, 2243, 2452.

Рукодѣліе, стирка и пр. [646]. 65, 1033. 1469, 1811.

Уходъ за дѣтьми [649]. 1034, 2334.

Комерч. письмоводство [652]. 193, 768, 1035, 2244.

Книжное дѣло [655]. 424, 2363.

Бухгалтерія [657]. 66, 194, 195, 657, 658, 1575, 1929, 2054, 2143, 2245, 2453, 2454.

Химич. производства [66]. 549, 1036, 1576, 1696.

Мануф. и ремесла [67/8]. 67, 391, 425, 659, 660, 661, 678, 1037, 1147, 1256, 1363, 1577, 1618, 1930, 2055, 2144, 2455.

Строит. искусство [69]. 511, 1812, 1255, 1931, 1932, 1933, 2136.

Эстетика [7]. 196, 426, 427, 550, 598, 662, 769, 826, 898, 899, 900, 1038, 1364, 1470, 1471, 1472, 1473, 1517, 1697, 1698, 1699, 1700, 1813, 1814, 1815, 1854, 1934, 1935, 2145, 2246, 2508.

Архитектура [72]. 1148, 1474, 1475, 2456.

Рисов. и декорація [74]. 551, 1258, 1578, 1701, 1702, 1816, 1817, 2342.

Живопись [75]. 68, 287, 288, 428, 599, 673, 770, 819, 820, 821, 1082, 1083, 1191, 1257, 1476, 1477, 1579, 1580, 1581, 1936, 1978, 2146,

Гравюра [76]. 2247.

Фотографія [77]. 197, 198, 901, 1039.

Музыка общ. соч. [78]. 552, 664, 665, 771, 1259, 1260, 1937, 1938, 1948, 2457.

Теорія муз. [781]. 772, 902, 1703, 2056, 2248.

Вокальная муз. [784]. 666, 667, 903, 2057, 2147.

Инструмент. муз. [785]. 1261, 1262, 1478, 2148.

Обществ. увеселенія [791]. 1818.

Театръ [792]. 773, 1149, 1263, 1365, 1412, 1479, 1480, 1939, 1940, 2149.

Игры [793/5]. 69, 170, 289, 290, 1040, 1264, 1366, 1819.

Гребной спортъ, охота и пр. [797/9]. 1145, 2053, 2150, 2364.

Общ. соч. по литерат. [8]. 199, 662, 906, 1117, 1153, 1482, 1706, 1707, 1941, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466.

Литературн. сборники [8-8]. 200, 553, 554, 555, 556, 557, 668, 774, 775, 776, 904, 905, 1041, 1042, 1150, 1151, 1152, 1367, 1368, 1481, 1582, 1704, 1705, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1943, 2058, 2059, 2249, 2250, 2365, 2458, 2459, 2460, 2461.

Англ. литература [82].

Исторія: 559, 1614, 1711, 1829.

Беллетристика англ.: 70, 71, 72, 73, 74, 292, 429, 669, 777, 778, 907, 1043, 1044, 1045, 1154, 1247, 1583, 1584, 1708, 1827, 1944, 1970, 2060, 2061, 2251, 2252, 2366, 2367, 2368, 2467.

Беллетр. америк.: 291, 293, 294, 295, 296, 558, 670, 908, 1046, 1155, 1156, 1157, 1483, 1484, 1704, 1709, 1710, 1828, 1945, 2253/4, 2369, 2468, 2469, 2470.

Нѣмецк. литер. [83].

Исторія: 910, 1047.

Беллетристика: 75, 201, 297, 298, 299, 430, 431, 432, 433, 671, 672, 779, 909, 1369, 1370, 1371, 1485, 1585, 1712, 1713, 2062, 2151, 2152, 2255, 2370, 2471, 2472.

Голландск. лит. [839.3]. 1704.

Шведская лит. [839.7]. 76, 77, 78, 434, 435, 436, 437, 1048, 1049, 1265, 2077.

Датская лит. [839.81]. 560, 911, 1158, 1266, 2371, 2372.

Норвежск. лит. [839.82]. 780, 2256.

Франц. литер. [84].

Исторія: 592, 822, 1269, 1830.

Беллетристика франц.: 79, 80, 202, 300, 301, 302, 303, 304, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 561, 562, 563, 564, 565,

566, 567, 568, 673, 674, 675, 781, 782, 783, 912, 913, 914, 915, 916, 1050, 1051, 1052, 1053, 1159, 1267, 1268, 1486, 1586, 1714, 1946, 1947, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2257, 2258, 2373, 2374, 2473, 2474.

Бельгійск. литер.: 240.

Итальянск. лит. [85].

Исторія: 569.

Беллетр.: 81, 82, 83, 84, 305, 445, 1831, 2375.

Испанск. лит. [86]. 446.

Латинск. лит. [87]. 447, 676, 1161, 1487, 2259, 2376, 2475.

Греческ. лит. [88]. 306, 1162.

Русская литература. [891.7].

Исторія: 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 115, 117, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 238, 349, 350, 351, 352, 353, 366, 469, 470, 471, 579, 580, 594, 801, 823, 937, 1070, 1071, 1072, 1073, 1178, 1179, 1180/2, 1192, 1292, 1394, 1395, 1396, 1397, 1398, 1399, 1400, 1498, 1499, 1500, 1501, 1601, 1602, 1603, 1735, 1736, 1737, 1848, 1849, 1859, 1967, 1968, 1976, 1979, 2063, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2260, 2261, 2262, 2377, 2378, 2379, 2476, 2477, 2478, 2479, 2502, 2507.

Русск. стихи: 85, 203, 204, 205, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 448, 449, 450, 451, 570, 571, 677, 678, 679, 784, 785, 786, 787, 788, 917, 918, 919, 920, 1054, 1055, 1163, 1164, 1165, 1270, 1271, 1272, 1273, 1274, 1275, 1372, 1373, 1374, 1375, 1376, 1377, 1488, 1489, 1587, 1588, 1589, 1715, 1716, 1717, 1718, 1719, 1720, 1832, 1833, 1834, 1835, 1836, 1837, 1942, 1949, 1950, 2064, 2065, 2066, 2067, 2164, 2165, 2166, 2263, 2264, 2265, 2266, 2380, 2382, 2383, 2384, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484.

Русск. драма: 86, 94, 206, 207, 317, 318, 452, 680, 681, 682, 789, 790, 921, 1378, 1590, 1839, 2068, 2267, 2268, 2385, 2386, 2485.

Русск. беллетр.: 87, 88, 89, 90, 91, 92 93, 95, 96, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 1002, 1056, 1057, 1058, 1059, 1060, 1061, 1062, 1063, 1064, 1065, 1066, 1067, 1068, 1069, 1160, 1166, 1167, 1168, 1169, 1170, 1171, 1172, 1173, 1174, 1175, 1176, 1177, 1276, 1277, 1278, 1279, 1280, 1281, 1282, 1283, 1284, 1285, 1286, 1287, 1288, 1289, 1290, 1291, 1379, 1380, 1381, 1382, 1383, 1384, 1385, 1386, 1387, 1388, 1389, 1390, 1391, 1392, 1393, 1490, 1491, 1492, 1493, 1494, 1495, 1496, 1497, 1591, 1592, 1593, 1594, 1595, 1596, 1597, 1598, 1599, 1600, 1721, 1722, 1723, 1724, 1725, 1726, 1727, 1728, 1729, 1730, 1731, 1732, 1733, 1734, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1951, 1952, 1953, 1954, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2184, 2381, 2387, 2288, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494.

Украинск. лит. [891.79]. 708, 1502.

Болгарск. лит. [891.81]. 1503.

Польск. лит. [891.85]. 241, 354, 472, 1183, 1293, 1504, 1605, 1606, 1738, 2280, 2495.

Еврейск. лит. [892.4]. 105, 355, 356, 1401, 1402, 1969, 2076, 2281, 2397, 2496.

Арабская лит. [892.7]. 2282.

Бурятск. лит. [894.2]. 2283.

Турецк. лит. [894.35]. 938.

Японск. лит. [895.6]. 106, 581, 1969 a.

Лит. навк. народовъ [899.96]. 1505, 2178.

Общ. соч. по исторіи [9]. 107, 236, 261, 512, 1739, 2078.

Ист. древняго міра [9(3)]. 357, 809, 1506, 1507, 1850, 1854, 2497, 2498, 2499.

Ист. др. Греціи и Рима [9(37/8)]. 695, 696, 1184, 1185, 1294, 2180.

Новая ист. [9„04“]. 808, 1295, 1513, 1740, 1851, 2288.

Ист. Германіи [9(43)]. 934, 2398.

Ист. Польши до разд. [9(438)]. 1860, 1971, 2278.

Ист. Франціи [9(44)]. 231, 364, 596, 802, 1186, 1187, 1403.

Ист. Италіи [9(45)]. 582, 1085.

Ист. Россіи [9(47)]. 108, 111, 232, 233, 473, 476, 583, 585, 587, 591, 597, 697, 699, 706, 803, 804, 805, 806, 810, 818, 939, 940, 1074, 1075, 1077, 1193, 1296, 1197, 1404, 1405, 1406, 1508, 1512, 1744, 1972, 1974, 2084, 2181, 2182, 2183, 2184, 2186, 2284, 2285, 2286, 2399, 2401, 2500, 2501, 2502, 2505.

Ист. смутн. вр. [9(47)„1613"]. 474, 475, 584, 1188, 1407, 1408, 1409, 1509, 1510, 1511, 1607, 1608, 1609, 1852, 1853, 2185, 2287, 2503.

Исторія 1812 года [9(47)„1812"]. 109, 110, 205, 234, 235, 358, 359, 586, 698, 807, 941, 1076, 2400.

Ист. Украины [9(47.71)]. 942.

Ист. Балканск. нар. [9(495)]. 943, 1078, 1745, 2079, 2080, 2187, 2188, 2504.

Ист. Азіи [9(5)]. 360, 700, 1410, 2081, 2282.

Ист. Амер. [9(7)]. 701.

Теорія ист. [901]. 230, 588, 702, 1610, 1741, 1742, 1743, 1973, 2179.

Общ. соч. по географіи [91]. 112, 2890, 1079, 1080, 1514, 1746, 2289, 2402,

Геогр. Европы [91(4)]. 811, 1515, 2082. 2290.

Геогр. Англіи [91(42)]. 812.

Геогр. Германіи [91(43)]. 2291.

Геогр. Италіи [91(45)]. 1855, 2189.

Геогр. Испаніи [91(46)]. 944.

Геогр. Россіи [91(47)]. 113, 237, 813, 1218, 1298, 1516, 1611, 1747, 1856, 1857, 1858, 2190, 2292.

Геогр. Украины [91(47.71)]. 814.

Геогр. Болгаріи [91(497.2)]. 1189.

Геогр. Азіи [91(5)]. 815, 1190, 1299, 2293.

Геогр. Азіатск. Россіи [91(57+584)]. 590, 1300, 1612, 1748, 1749, 2403.

Геогр. Африки [91(6]. 816.

Геогр. Америки [91(7)]. 945.

Геогр. полярн. странъ [91(9)]. 1750.

Біографіи [92]. 150, 703, 704, 1081, 1185, 1301, 1859, 1975, 1976, 2508. Аввакумъ 1751, Августъ II 2860, Агнивъ 817, Александръ I 591, 818, 1518, Анджело Микель 2506, д'Аркъ 1752; Байронъ 1829, Балакиревъ 361, Бахъ 114, Безантъ 2191, Беклинъ 287, Беранже 592, Бетховенъ 705, Боттичелли 288, Будда 2294; Вагнеръ 947, 1411, 2404, Васнецовъ 819, де-Вестеръ 1567, Винчи, Л. 935, 1191, Волкова 1861, Вольтеръ 946, Врубель 820; Геннади 1414, Гончаровъ 229, 238, Грановскій 1613, Гротъ 1302, Гуттенбергъ 424; Даргомыжскій 1519, Дельвигъ 593, 1977, Дмитрій I 1511, Достоевскій 115; Іисусъ 2098; Казаковъ 1475, Е. Келлеръ 1520, Кольцовъ 594, Комиссаржевская 1412, Куинджи 1816; Лебедевъ 2083, Левитанъ 1082, 1978, Ломоносовъ 116; Мандельштамъ, М. 362, Метерлинкъ 240, Микевичъ 241, Мольеръ 1830, Монассанъ, 822, 1862, Морозова бояр. 2084, Морозовъ, И. А. 239, Мурильо 428, 821; Надеждинъ, Н. 595, Нансенъ, 477, Наполеонъ I 363, 364, 478, 596, Никитинъ 117; Одоевскій, В. 2085; Павелъ I 233, 1521, 1797, Плетневъ 353, Протасова 1863, Пушкинъ 823, 1192, Пугачевъ 706; Разинъ Ст. 597, Рафаэль 936, Рембрандтъ 1083, 1581, Ремюза 824, Рерихъ, 598, Рябушкинъ 599; Савонарола 1085, Сегантини 1517, Серафимъ сн. 2296, Скалонъ, ген. 1753, Сковорода 124, 600, 707, Соловьевъ, Вл. 1206, 1630, 2192, Стасюлевичъ 118, 2295, Стэнли 1084, Суворинъ 1303, Сурковъ 2507; Тиціанъ 365, Толстой, Л. Н. 119, 366, 367, 825, 826, 948, 951, 1979, 2096, Уайльдъ 1614; Философова 601, Францискъ св. 827; Чайковскій, П. 361, 705, Чернышевскій 1194, Чешихинъ, Е. 1615; Шевченко 708, Шершеневичъ 479; Якушкинъ, Вяч. 1195.

Генеалогія [929]. Долгоруковы 1864, Домъ Романовыхъ 1193, 1512, Сусанины 2086.

Е. Алфавитный указатель журналовъ.

Аполлонъ.

1912, № 6..... 22
„ „ 7..... 98
„ „ 8..... 142
„ „ 9..... 197
„ „ 10..... 225

Библіографич. Извѣстія.

1913, № 1..... 616

Библіотекарь.

1912, в. I..... 449
„ „ II..... 22
„ „ III—IV..... 417

1913, № I..... 556
„ „ II..... 616

Богословскій Вѣстникъ.

1912, № 7—8..... 52
„ „ 9..... 76
„ „ 10..... 142

„ „ 11..... 197
„ „ 12..... 225
1913, № 1..... 318
„ „ 2..... 376
„ „ 3..... 449
„ „ 4..... 482
„ „ 5..... 534
„ „ 6..... 584

Вегетаріанск. Обозрѣніе.
1912, № 6..... 76
„ „ 7..... 124
„ „ 8—9..... 197
„ „ 10..... 225
1913, „ 1..... 318
„ „ 2..... 376
„ „ 3..... 450
„ „ 4—5..... 534

Вопросы Психіатріи и Неврологіи.
1913, № 1..... 318
„ „ 2..... 376
„ „ 3..... 450
„ „ 4..... 482
„ „ 5..... 509
„ „ 6..... 558

Вопросы Философіи и Психологіи.
1912, в. II..... 98
„ „ III..... 98
„ „ IV..... 124
„ „ V..... 225
19113, „ I..... 345
„ „ II..... 450
„ „ III..... 584

Вѣра и Разумъ.
12, № 15..... 52
„ „ 16..... 52
„ „ 17..... 258
„ „ 18..... 258
„ „ 19..... 258
„ „ 20..... 258
„ „ 21..... 259
„ „ 22..... 225
„ „ 23..... 259
„ „ 24..... 259
1913, „ 1..... 290
„ „ 2..... 290
„ „ 3..... 345
„ „ 4..... 376
„ „ 5..... 417
„ „ 6..... 450
„ „ 7..... 450
„ „ 8..... 482
„ „ 9..... 509
„ „ 10..... 535
„ „ 11..... 558
„ „ 12..... 584
„ „ 13..... 616

Вѣстникъ Воспитанія.
1912, № 6..... 76
„ „ 7..... 124
„ „ 8..... 170
„ „ 9..... 225
1913, „ 1..... 290
„ „ 2..... 346
„ „ 3..... 417
„ „ 4..... 450

Вѣстникъ Европы.
1912, № 9..... 52
„ „ 10..... 98
„ „ 11..... 142
„ „ 12..... 170
1912, „ 1..... 346
„ „ 2..... 346
„ „ 3..... 376
„ „ 4..... 450
„ „ 5..... 482
„ „ 6..... 535
„ „ 7..... 584

Вѣстникъ Знанія.
1912, № 8..... 22
„ „ 9..... 76
„ „ 10..... 124
„ „ 11..... 170
„ „ 12..... 225
1913, „ 1..... 259
„ „ 2..... 318
„ „ 3..... 376
„ „ 4..... 450
„ „ 5..... 509
„ „ 6..... 535
„ „ 7..... 585

Вѣстникъ Иностр. Литер.
1912, № 9..... 52
„ „ 10..... 98
„ „ 11..... 142
„ „ 12..... 197
1913, „ 1..... 259
„ „ 2..... 318
„ „ 3..... 376
„ „ 4..... 450
„ „ 5..... 509
„ „ 6..... 558
„ „ 7..... 616

Вѣстникъ Мѣстн. Самоуправленія.
1913, № 1..... 142
„ „ 2..... 142
„ „ 3..... 142
„ „ 4..... 170

Вѣстникъ Опытн. Физ. и Элем. Матем.
1913, № 1 (577).... 451
„ „ 2 (578).... 451
„ „ 3 (579).... 451
„ „ 4 (580).... 451
„ „ 5 (581).... 451
„ „ 6 (582).... 482
„ „ 7-8 (583).... 535
„ „ 9 (585).... 558
„ „ 10 (586).... 585
„ „ 11 (587).... 617

Вѣстн. Психол., Крим. Антроп. и Педол.
1912, в. II..... 53
„ „ III..... 259
„ „ IV—V..... 318
1913, „ I..... 418
„ „ II..... 451
„ „ III..... 509

Вѣстникъ Теософіи.
1912, № 9..... 53
„ „ 10..... 98
„ „ 11..... 142
„ „ 12..... 197
1913, „ 1..... 259
„ „ 2..... 319
„ „ 3..... 377
„ „ 4..... 451
„ „ 5—6..... 509

Голосъ Минувшаго.
1193, № 1..... 290
„ „ 2..... 346
„ „ 3..... 377
„ „ 4..... 451
„ „ 5..... 509
„ „ 6..... 585
„ „ 7..... 617

Для Народн. Учителя.
1912, № 11..... 22
„ „ 12..... 53
„ „ 13..... 124
„ „ 14..... 124
„ „ 15..... 124
„ „ 16..... 124
„ „ 17..... 142
„ „ 18..... 170
„ „ 19..... 197
„ „ 20..... 226

1913, „ 1..... 226
„ „ 2..... 290
„ „ 3..... 290
„ „ 4..... 346
„ „ 5..... 377
„ „ 6..... 418
„ „ 7..... 418
„ „ 8..... 482
„ „ 9..... 509
„ „ 10..... 509

Дошкольное Воспитаніе.

1913, № 1..... 346
„ „ 2..... 319
„ „ 3..... 377
„ „ 4..... 451
„ „ 5..... 482

Естествознаніе и География.

1913, № 1..... 377
„ „ 2..... 451
„ „ 3..... 482
„ „ 4..... 510
„ „ 5..... 617

Жизнь для Всѣхъ.

1912, № 8..... 22
„ „ 9..... 77
„ „ 10..... 142
„ „ 11..... 170
„ „ 12..... 226
1913, „ 1..... 291
„ „ 2..... 346
„ „ 3—4..... 451
„ „ 5..... 535
„ „ 6..... 585

Журналъ Мин. Юстиціи.

1912, № 7..... 98
„ „ 8..... 143
„ „ 9..... 197
„ „ 10..... 259
1913, „ 1..... 319
„ „ 2..... 377
„ „ 3..... 452
„ „ 4..... 482
„ „ 5..... 535
„ „ 6..... 585

Журн. Угол. права и процесса.

1912, № 3..... 53
„ „ 4..... 226

Завѣты.

1912, № 5..... 53
„ „ 6..... 98
„ „ 7..... 143
„ „ 8..... 197
„ „ 9..... 226
1913, „ 1..... 319
„ „ 2..... 377
„ „ 3..... 452
„ „ 4..... 483
„ „ 5..... 535
„ „ 6..... 585

Запросы Жизни.

1912, № 33..... 22
„ „ 34..... 22
„ „ 35..... 22
„ „ 36..... 53
„ „ 37..... 53
„ „ 38..... 77
„ „ 39..... 77
„ „ 40..... 99
„ „ 41..... 99
„ „ 42..... 125
„ „ 43..... 125
„ „ 44..... 143
„ „ 45..... 143
„ „ 46..... 170
„ „ 47..... 170
„ „ 48..... 198
„ „ 49..... 198
„ „ 50..... 226
„ „ 51..... 226
„ „ 52..... 226

Извѣстія по Народ. Образованію.

1913, № 1..... 291
„ „ 2..... 377
„ „ 3..... 418
„ „ 4..... 483
„ „ 5..... 510
„ „ 6..... 558
„ „ 7..... 617

Изв. Русск. О-ва Любит. Міровѣд.

1913, № 1..... 452
„ „ 2..... 452

Историческій Вѣстникъ.

1912, № 9..... 53
„ „ 10..... 99
„ „ 11..... 143
„ „ 12..... 198
1913, № 1..... 291
„ „ 2..... 483
„ „ 3..... 483
„ „ 4..... 452
„ „ 5..... 483
„ „ 6..... 558
„ „ 7..... 585

Маски.

1912, № 1..... 125
„ „ 2..... 226
„ „ 3..... 291
1912-13, № 4..... 319
„ „ 5..... 418
„ „ 6..... 483

Народное Образованіе,

1913, № 1..... 377
„ „ 2..... 378
„ „ 3..... 452
„ „ 4..... 617
„ „ 5—6..... 558

Наша Заря.

1912, № 7—8..... 54
„ „ 9—10..... 171
„ „ 11—12..... 226
1913, „ 1..... 319
„ „ 2..... 418
„ „ 3..... 452
„ „ 4—5..... 559

Новая Жизнь.

1912, № 7..... 22
„ „ 8..... 54
„ „ 9..... 99
„ „ 10..... 143
„ „ 11..... 171
„ „ 12..... 227
1913, № 1..... 291
„ „ 2..... 378

Новости Дѣтск. Литер.

1911-12, № 12..... 22
1912-13 „ 1..... 198
„ „ 2..... 198
„ „ 3..... 227
„ „ 4..... 227
„ „ 5..... 291
„ „ 6..... 483
„ „ 7..... 483
„ „ 8..... 484
„ „ 9..... 535

Новый Журн. для Всѣхъ.

1912, № 8..... 22
„ „ 9..... 99
„ „ 10..... 143
„ „ 11..... 171
„ „ 12..... 227
1913, „ 1..... 291

„ „ 2..... 378
„ „ 4..... 535
„ „ 5..... 559

Обновленіе Школы.

1912, в. IX—X..... 125
„ „ XI..... 198
„ „ XII..... 198
„ „ XIII..... 227
„ „ XIV..... 291
„ „ XV..... 510
„ „ XVI—XVII. 585

Педагогич. Листокъ.

1913, № 1..... 319
„ „ 2..... 319
„ „ 3..... 378
„ „ 4..... 452
„ „ 5..... 484

Педагогич. Сборникъ.

1912, № 8..... 54
„ „ 9..... 77
„ „ 10..... 125
„ „ 11..... 143
„ „ 12..... 198
1913, „ 1..... 291
„ „ 2..... 346
„ „ 3..... 378
„ „ 4..... 453
„ „ 5..... 484
„ „ 6..... 510
„ „ 7..... 617

Педагогич. Обозрѣніе.

1912, № 6..... 77
„ „ 7..... 143
„ „ 8..... 171
„ „ 9..... 227
„ „ 10..... 227
1913, „ 1..... 347
„ „ 2..... 617
„ „ 3..... 453
„ „ 4..... 510
„ „ 5..... 559

Попул. Лит.-Мед. Журн.

1913, № 1..... 319
„ „ 2..... 418
„ „ 3..... 484
„ „ 4..... 510
„ „ 5..... 559
„ „ 6..... 617

Природа.

1912, № 7—8..... 54
„ „ 9..... 77
„ „ 10..... 125
„ „ 11..... 171
„ „ 12..... 227
1913, № 1..... 319
„ „ 2..... 378
„ „ 3..... 418
„ „ 4..... 453
„ „ 5..... 510
„ „ 6..... 559

Просвѣщеніе.

1912, № 8—9..... 54
1913, „ 1..... 320
„ „ 2..... 378
„ „ 3..... 453
„ „ 4..... 484
„ „ 5..... 536
„ „ 6..... 585

Путь.

1912, „ 10—11..... 125
„ „ 12..... 125
1913, „ 1..... 227
„ „ 2..... 320
„ „ 3..... 419
„ „ 4..... 453
„ „ 5—6..... 559
„ „ 7..... 617

Русская Мысль.

1912, № 8..... 22
„ „ 9..... 77
„ „ 10..... 125
„ „ 11..... 143
„ „ 12..... 198
1913, № 1..... 260
„ „ 2..... 347
„ „ 3..... 378
„ „ 4..... 453
„ „ 5..... 510
„ „ 6..... 559
„ „ 7..... 617

Русская Старина

1913, № 1..... 320
„ „ 2..... 320
„ „ 3. 378
„ „ 4. 453
„ „ 5. 484
„ „ 6. 559

Русская Школа.

1912, № 7—8..... 77
„ „ 9..... 125
„ „ 10..... 171
„ „ 11..... 227
„ „ 12..... 260
1913, „ 1..... 347
„ „ 2..... 418
„ „ 3..... 453
„ „ 4..... 510
„ „ 5—6..... 617

Русское Богатство.

1912, № 8..... 23
„ „ 9..... 77
„ „ 10..... 125
„ „ 11..... 171
„ „ 12..... 260
1913, „ 1..... 320
„ „ 2..... 347
„ „ 3..... 418
„ „ 4..... 453
„ „ 5..... 536
„ „ 6..... 559
„ „ 7..... 586

Свободное Воспитаніе.

1911/12, № 11..... 23
„ „ 12..... 23
1912/13 „ 1..... 126
„ „ 2..... 144
„ „ 3..... 171
„ „ 4..... 228
„ „ 5..... 320
„ „ 6..... 347
„ „ 7..... 454
„ „ 8..... 510
„ „ 9..... 559
„ „ 10..... 586

Современникъ.

1912, № 8..... 54
„ „ 9..... 99
„ „ 10..... 144
„ „ 11..... 198
„ „ 12..... 227
1913, „ 1..... 320
„ „ 2..... 347
„ „ 3..... 379
„ „ 4..... 454
„ „ 5..... 511
„ „ 6..... 586

Современный Міръ.

1912, № 8..... 23
„ „ 9..... 54
„ „ 10..... 126
„ „ 11..... 171
„ „ 12..... 228
1913, „ 1..... 260
„ „ 2..... 347
„ „ 3..... 419
„ „ 4..... 484

„ „ 5..... 536
„ „ 6..... 559
„ „ 7..... 618

Сѣверныя Записки

1913, № 1..... 320
„ „ 2..... 379
„ „ 3..... 454
„ „ 4..... 511
„ „ 5—6..... 586
„ „ 7..... 718

Труды и Дни.

1912-13, № 2..... 228
„ „ 3..... 228
„ „ 4—5..... 228
„ „ 6..... 419

Украинская Жизнь.

1912, № 9..... 78
„ „ 10..... 144
„ „ 11..... 172
„ „ 12..... 228
1913, „ 1..... 321
„ „ 2..... 347
„ „ 3..... 618
„ „ 4..... 484
„ „ 5..... 511
„ „ 6..... 586

Учительское Дѣло.

1913, № 1..... 379
„ „ 2..... 454
„ „ 3..... 454
„ „ 4..... 536
„ „ 5—6..... 560

Худож.-Педагог. журн.

1913, № 1..... 321
„ „ 2..... 348
„ „ 3..... 419
„ „ 4..... 419
„ „ 5..... 454
„ „ 6..... 454
„ „ 7..... 454
„ „ 8..... 511
„ „ 9..... 618
„ „ 10..... 618

Что и какъ читать дѣтямъ.

1911-12, № 11..... 23
„ „ 12..... 54
1912-13, „ 1..... 99
„ „ 2..... 144
„ „ 3..... 199
„ „ 4..... 260
„ „ 5..... 321
„ „ 6..... 419
„ „ 7..... 454
„ „ 8—9..... 484

F. Систематическій указатель журналовъ.

Общ. характера [0].

Вѣстникъ Европы.
Вѣстникъ Знанія.
Вѣстникъ Иностр. Литер.
Жизнь для Всѣхъ.
Завѣты.
Запросы Жизни.
Наша Заря.
Новая Жизнь.
Новый журн. для Всѣхъ.
Просвѣщеніе.
Путь.
Русская Мысль.
Русское Богатство.
Современникъ.
Современный Міръ.
Сѣверныя Записки.
Труды и Дни.
Украинская Жизнь.

Библіографія [01].

Библіографич. извѣстія.
Библіотекарь.
Новости Дѣтской Литер.
Что и какъ читать дѣтямъ.

Философія [1].

Вопросы Филос. и Псих.
Вѣстникъ Псих., Кримин., антропологіи и педол.
Вѣстникъ Теософіи.

Теологія [2].

Богословскій Вѣстникъ.
Вѣра и Разумъ.

Право [34/5].

Вѣстникъ Мѣстн. Самоуправл.
Журналъ Мин. Юстиціи.
Журн. Уголовн. Права и Процесса.

Педагогія [37].

Вѣстникъ Воспитанія.
Вѣстн. Психологіи, кр. антр. и педологіи [см. 1].
Для Народнаго Учителя.
Дошкольное Воспитаніе.
Извѣстія по Нар. Образ.
Народное Образованіе.
Обновленіе Школы.
Педагогическій Листокъ.
Педагогическ. Сборникъ.
Педагогическ. Обозрѣніе.
Русская Школа.
Свободное Воспитаніе.
Учительское Дѣло.
Художеств.-Педаг. Журн.

Естестеознаніе [5].

Вѣстникъ опытной физики и элемент. математики.
Естествозн. и Географія.
Извѣстія Рус. О-ва Люб. міровѣдѣнія.
Природа.

Медицина [61].

Вегетаріанское Обозрѣн.
Вопросы Психіатріи и Неврологіи.
Популярный Летер.-Мед. журналъ.

Изящныя искусства [7].

Аполлонъ.
Маски.
Художеств.-Педаг. Журн. [см. 37].

Исторія [9].

Голосъ Минувшаго.
Историческій Вѣстникъ.
Русская Старина.

Географія [91].

Естествознаніе и Географія [см. 5].

хорошо можно слѣдить за движеніемъ въ современной литературѣ, за ея паденіемъ, за всѣми обрѣтеніями и потерями"... „Русск. Школа": „Бюллетени" дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу"... „Огни": „Бюллетени" завоевываютъ себѣ все большія и большія симпатіи публики. Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ. Онъ даетъ въ каждомъ номерѣ статьи о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ, о всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ литературой, библіографію, о всѣхъ новыхъ книгахъ, о всѣхъ журналахъ"... „Рус. Сл.": „Въ журналѣ запечатлѣвается литературная жизнь года". При этомъ ему „нельзя отказать въ значеніи хроникера-справочника, пользованіе которымъ облегчается соотвѣтствующими указателями"... „Совр. Сл.": „Бюллетени" переплетены теперь въ два изящныхъ тома и представляютъ собой обзоръ минувшаго года въ литературномъ, художественномъ и идейномъ отношеніи... Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе"... „Голосъ": „Бюллетени" отмѣчаютъ все болѣе или менѣе выдающееся во всѣхъ отрасляхъ науки и литературы... Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли". „Иллюстр. Обозр. Голоса Москвы": „Бюллетени безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. Кромѣ живости и широты, проявляемыхъ въ подборѣ статей, интересныхъ для чтенія и самообразованія, „Бюллетени" являютъ собой рѣдкій, необходимый каждому читающему и пишущему человѣку, справочникъ. Все то, что погребено за годъ въ затерянныхъ вырѣзкахъ, промелькнувшихъ отзывахъ и статьяхъ, вновь воскресаетъ въ „Бюллетеняхъ" и оказываетъ незамѣнимую услугу въ литературной работѣ. Можно только привѣтствовать дѣло „Бюллетеней" и пожелать имъ наибольшаго распространенія". „Новый Журналъ для Вс.": „Бюллетени" незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекоменд. книгъ. Всѣ интересующіеся книгой и журналомъ найдутъ въ нихъ полезное пособіе. „Рязанск. Вѣст.": „Бюллетени" умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журналѣ отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книжный рынокъ... Здѣсь читатель находитъ полный перечень новыхъ книгъ съ краткимъ содержаніемъ ихъ, трактовки философскихъ и др. проблемъ, критическій разборъ литературныхъ новинокъ и т. п. Въ журналѣ сосредоточены всѣ новости нашей литературы, а это позволяетъ читателю постоянно быть въ курсѣ современныхъ исканій не только нашей русской, но и міровой мысли... Журналъ очень симпатично, сочувственно встрѣченъ отзывами современной печати и читающей частью общества, а низкая цѣна изданія дѣлаетъ этотъ безусловно полезный органъ печати вполнѣ доступнымъ для широкой публики"... „Сѣв. Утро": „Журналъ... въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... точно отмѣчаетъ, какъ бьется въ данный моментъ пульсъ человѣческаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго"... „Русск. Молва": „Все то важное, что терялось въ гущѣ журналовъ и нестромъ содержаніи газетъ, павлечено заботливой рукой и въ порошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ, — но и самые широкіе круги читателей... Немногіе имѣютъ время и возможность слѣдить за всѣми органами печати, и потребность въ журн. типа „Бюллетеней", держащемъ своего читателя въ курсѣ литературной жизни, — велика". „Кіевская Мысль". „Журналъ... съ матеріаломъ въ общемъ обильнымъ и заслуживающимъ прочтенія. „Бюллетени" могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ", а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провинціальнаго читателя, руководителямъ библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый".

ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ЖУРНАЛА РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 1 руб., къ 1-му дек. — 1 р., къ 1-му марта — 1 р., къ 1-му іюня — 1 р. За границу на годъ — 5 р. Для сельскихъ учителей при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ — 3 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. При перемѣнѣ адреса нужно прилагать 20 к. и подписной № отд. стоитъ 30 к., на станціяхъ жел. дор. 35 к.

Имѣются полные комплекты „БЮЛЛЕТЕНЕЙ" за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна по 3 р. за каждый комплектъ безъ пересылки. Цѣна за оба комплекта въ переплетѣ (4 тома)— 8 руб. безъ пересылки.

Книгоиздательства приглашаются присылать на имя редакціи новыя книги для помѣщенія о нихъ въ журналѣ подробн. библіографическихъ свѣдѣній.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются только послѣ текста: 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—25 р., 1/4 стр.—16 р., 1/8 стр.—10 р.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

Москва, Мерзляковскій пер., д. 6. Телеф. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій и В. Носенковъ.*
Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

„Школьное Дѣло“.

НАГЛЯДНЫЯ УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, пассажъ Джамгаровыхъ. **Телефонъ 178-63.**

Наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Выпущены научно-систематизированные каталоги на русскомъ языкѣ по естествовѣдѣнію и географіи, со списками пособій, необходимыхъ при прохожденіи этихъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Учебнымъ заведеніямъ и гг. преподавателямъ каталоги высылаются безплатно.

Оборудованіе физическихъ и химическихъ кабинетовъ.

Открыта подписка на 1913 г. на

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ

Русскимъ Библіографическимъ Об-ствомъ при Имп. Моск. Университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи и др. работы по вопросамъ теоретической и прикладной библіографіи: изслѣдованія изъ области библіографіи, библіотековѣдѣнія, библіофилін и книжнаго дѣла, указатели по отдѣльнымъ отраслямъ жизни и знанія, критико-библіографическіе обзоры, рецензіи.

Хроника и varia: библіографическая жизнь въ Россіи и за границей, выдающіеся факты изъ жизни обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ задачи изученія книги, разныя замѣтки на библіографическія темы, отвѣты на вопросы читателей и пр.

Объявленія.

СРОКИ ВЫХОДА:

Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печ. листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой изъ Россіи: на годъ—3 руб., на 1/2 г.—1 руб. 50 коп., отд. №—75 к. За границу — 4 руб.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

1 страница—16 руб., 1/2 стр.—8 руб., 1/4 стр.—4 руб., 1/8 стр.—2 руб., 1/16 стр.—1 руб.; 1 строка петита въ 1 колоннѣ (стр. 2 кол.) — 20 к.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

Москва, Моховая, 11 (Старое зданіе Унив.), Библіографическое О-во.

Отдѣл.: Б. Никитская, 10 книжн. маг. „Наука“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи, отд. конторы (книжн. магаз. „Наука“) и во всѣхъ столичныхъ и большихъ провинц. кн. магазинахъ. Переписка по дѣламъ редакціи (присылка статей etc.) должна быть направляема въ Библіогр. О-по или по адресу редактора журнала: Б. Палашевск. 2, кв. 7. Личные переговоры — по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 час. веч. въ помѣщеніи Библіографическаго Общества, въ остальные дни — по предварительному соглашенію.

Редакторъ *Б. С. Боднарскій.*

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 88-60 и 1-31-

AP
50
B54
g.4,no.21-23/24

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 4, no. 21-23/24

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED